

КОНТАКТНО-КОСМИЧЕСКАЯ
ВОЙНА

РЕЖИССЕР БОРИС ИВАНОВ

БОРИС ИВАНОВ

ДИАСПОРА

Странные, тревожные события разворачиваются на далекой Инферне, населенной дьяволоподобными ранарари и попавшими им в услужение землянами... Кому предназначены партии наркотика, «уходящие» на Инферну, какова судьба диаспоры землян на ней? Разобраться в сложном сплетении событий предстоит федеральному следователю Каю Санди, знакомому читателям по предыдущим произведениям из серии «Хроники Тридцати Трех Миров».

Борис Иванов

Дияспора

*Мы успели: в гости к богу не бывает опозданий,
— Что ж там ангелы поют такими злыми голосами?!*

В.Высоцкий

*Курица — это только средство, к которому прибегает яйцо,
чтобы произвести следующее яйцо.*

Точка зрения

ПРОЛОГ

— Прощайте, Санди... — Крепко сбитый, приземистый лейтенант Муни остановился перед ничем не примечательной дверью и протянул руку своему спутнику — высокому худощавому человеку в штатском. — Хотя, может быть, всего лишь до свидания. Кто знает?.. Просто из-за этой двери обычно не возвращаются. Господин резидент выпускает посетителей всегда через черный ход. Как правило, уже в э-э... преображенном виде. Секрет Полишинеля...

Федеральный следователь Кай Санди молча пожал протянутую ему руку и, подавив унылый вздох, отворил роковую дверь. За дверью этой располагался недлинный коридорчик, упирающийся в следующую дверь с табличкой «Г. Томпсон. Консультант». Две другие двери — по боковым стенам — табличек не имели. Федеральный следователь постучал костяшками пальцев в дверь господина Томпсона и вошел в довольно просторный для скромного консультанта кабинет, хозяин которого — бесцветный, словно моль, рыхловатый блондин — с живейшим интересом воззрился на гостя. Ради такого дела он даже отодвинул в сторону внушительную стопу распечаток, украшавшую его письменный стол.

— Рад видеть вас здесь, следователь, — произнес он. — Должен извиниться перед вами, что не пригласил вас к себе сразу по прибытии. Требовалось некоторое время для того, чтобы вы самостоятельно вписались в здешний пейзаж... Как вы сами понимаете, не следовало привлекать внимание э-э... аборигенов к истинной цели вашего перемещения в эти края...

— А я-то надеялся, что теперь всю оставшуюся жизнь буду числиться специалистом по розыску здешних экзотических водоплавающих, — вздохнул Кай. — Или, на худой конец, по виртуальным преступлениям...

— Ценю ваш юмор! — резидент Центра жестом изобразил, насколько именно он ценит шутку коллеги, и услужливо указал Каю на кресло. Сам же, наоборот, вскочил со своего места и принялся яростно мерить шагами далеко не тесную площадь конспиративной квартиры.

— Прекрасно! — бросил он, проделывая путь с северо-запада на юго-восток казенного помещения. — Просто прекрасно, что вы отметились сразу в двух делах, которые непременно попадут в сводку галактических новостей. Теперь уж ни один дурак не усомнится в том, что вы находитесь здесь, на Океании, и плодотворно работаете совместно со здешним полицейским управлением. Даже если он встретит вас нос к носу в совсем другом конце Галактики. Хотя мы, конечно же, сделаем все возможное для того, чтобы таких встреч не было...

— И все-таки где же такая встреча может оказаться возможной? — задал Кай явно ожидавшийся от него вопрос. — Неужели и впрямь так далеко?

— Ну, — резидент остановился, словно налетел на невидимую стену, и, сменив направление, двинулся почти точно на север, — насчет Галактики я преувеличил, а вот что касается масштабов Обитаемого Космоса, то я вам говорю святую истину: Фронда-шесть — это, согласитесь, не ближний край...

Следователь пятой категории Кай Санди изобразил на лице недоумение и был в том почти искренен. Фронда-шесть (ранее Гея-два) одна из наиболее обжитых родом людским планет вот уже четыре десятилетия тому назад — прямо сразу после развала Империи —

заявила о том, что выходит из любых политических связей с Федерацией Тридцати Трех Миров и объявляет себя отдельным Человечеством, независимым от Земной Цивилизации. И хотя теперь для Фронды настали довольно крутые времена, назад в братскую семью населенных землянами Миров она, судя по всему, не стремилась.

— Совместная операция контрразведки и управления... — флегматично объяснил резидент и решительно устремился на юго-восток. — Меня даже не слишком информировали о сути предстоящего вам дела... Насколько я понимаю, речь идет о незаконном траффике наркотиков, — бросил он через плечо. — Центр не хочет оставаться в стороне от любых спецопераций в этой сфере... Вам ведь уже приходилось сталкиваться с транспортировкой «пепла»? Вы командуетесь в распоряжение вашего хорошего знакомого — подполковника Гвидо Дель Рея.

«А люди-то растут...» — отметил про себя Кай.

И верно: когда они расстались на Гринзее (еще вчера, как казалось следователю), Гвидо был всего-навсего капитаном. А вот напоминание о «пепле» его насторожило.

— Да, мне однажды удалось дотащить крупную партию снадобья по адресу, — сухо сказал он, подавив не слишком приятные воспоминания.

— Вот и чудесно! — резидент снова изменил направление своего движения. — Работать будете, естественно, под вымышленным именем и с чужими документами. Вот, кстати, и они, — резидент успешно достиг своего письменного стола, извлек из него опечатанный конверт и энергично протянул его Каю. — Вы — бортовой врач ОКФ. Возвращаетесь из отпуска на борту крейсера «Рагнаради». За казенный, гм, кошт. На орбите «Эмбасси-2» — это наша договорная база в системе Фронды — вас встретит и проинструктирует вышеупомянутый Дель Рей. Он наш резидент там — по линии военной контрразведки.

«Гвидо... — сказал себе Кай. — И вправду — старый знакомый. Никакая это, разумеется, не случайность. После гринзейской эпопеи мы с ним, кажется, ходим в специалистах по Отверженным Мирам... Но вот „пепел“... „пепел“ — это совсем из другой оперы...»

— Вот в этой сумке, — резидент кивнул на объемистый баул в углу, — ваш багаж и форма медика ОКФ. — Как только я покину вас — переоденьтесь и отправляйтесь на базу «Вулкания». Выйдите через эту дверь. Дальше — прямо по коридору и вниз по лестнице. Дверь в конце открывается в небольшой бутик в переулке Теней — это наша «крыша». Возьмете мой флаер — он припаркован на противоположной стороне, — чтобы не засветиться по дороге. За час-полтора доберетесь до базы. Оттуда — шаттлом на борт «Рагнаради». Он уже на геостационаре. Остальное я отрегулирую. Ваши вещи, что остаются в гостинице, неоформленные дела... И тому подобное...

Резидент провел рукой по усталому лицу, словно снимая с него невидимую паутину.

— Будьте осторожны. Впрочем, на Фронде вам опасаться нечего — для вас это только Мир внедрения. Как только внедрение закончат, вас перекинут на Инферну...

Кай позволил себе, в нарушение субординации, почесать левую половину носа, что было у него редким рефлекторным проявлением величайшего замешательства. Для служащего управления расследований работа в недрах негуманоидной цивилизации была сродни чему-то вроде командировки на тот свет. Инферна — ну как еще может называться Мир, населенный самыми натуральными чертями?

— Надеюсь, — осторожно предположил он, — в процессе внедрения мне не приделают

кожаных крыльев и не прорежут третью ноздрю?

— Скорее всего, нет... — с серьезным сомнением в голосе ответил резидент. — Думаю, в этом не будет такой уж необходимости... — в словах его все еще сохранялась определённая неуверенность на этот счет. — Ведь на Инферне, по нашим данным, относительно много землян. Не то чтобы колония... Диаспора.

Часть первая
БИЛЕТ В ОДИН КОНЕЦ

Глава 1

НЕУДАЧНИКИ ФРОНДЫ

Каждый, кому приходилось болтаться по Обитаемым Мирам, знает, что главной особенностью космического рейса является невероятных масштабов скука, бороться с которой помогают только бесчисленные бытовые неудобства. От них, пожалуй, бывают избавлены только пассажиры лайнеров того класса, чьи билеты обходятся в целое состояние. Что до путешествия в недрах боевого космокрейсера, то тут и скука, и неудобства оказываются возведенными в куб, а то и большую степень.

Несколько тысяч бойцов Космодесанта и специалистов по всем видам космического вооружения, с редкостной изобретательностью распиханные по отсекам экипажа, были поистине невидимками. Огромная машина «Рагнаради» все время представляла перед Каем лабиринт пустых и стерильно чистых переходов и шахт, изредка меняющихся ролями и совсем уж редко когда оживленных фигуркой дежурного техника, поспешающего по своим делам или целеустремленно карабкающегося по скобам вертикального колодца к неведомой неисправности, потребовавшей его присутствия. Иногда — всегда где-то рядом, но не там, где находился он сам, — по проходам пробегали под назойливые звуки сигнализации сотни ног: то ли учебная тревога, то ли спортивная тренировка гнала куда-то очередное подразделение космического воинства, после чего все стихало, и стихало надолго. Возможность общения предоставлялась «балластным пассажирам», как за глаза именовались внештатные путешественники по казенной нужде, вроде Кая, только во время приема пищи в одной из общих столовых — на выбор — да в открытых для посещения «балластниками» барах младшего офицерского состава.

Основной частью «балластных» были возвращающиеся по месту прохождения службы отпускники и командированные — существа замкнутые и погруженные в печальные думы о бренности кратких дней отдыха и свободы и несклонные к завязыванию знакомств. Оно было и к лучшему. Каю с его липовым удостоверением военного медика вовсе не хотелось быть озадаченным вопросом о том, что доктор Питерман (так его окрестили при отправке с Океании) думает о проблемах трансплантологии и военно-полевой медицины.

И все-таки он обрадовался стуку в дверь своей каюты, который прервал порядком осточертевшее ему томление над партией в «обратные шахматы» — поистине сатанинской выдумкой начала третьего тысячелетия. Стук, а не звук зуммера — это говорило о том, что за дверью каюты присутствовала чем-то родственная ему душа: сам он почти всегда пользовался именно этим архаическим способом оповещать хозяев самых различных помещений о своем намерении войти.

За дверью оказался нескладный конопатый блондин в форме космодесанта без знаков различий. Левая штанина его комбинезона была закатана и являла миру умеренно волосатую нижнюю конечность в неброском носке и с припухшим коленным суставом.

— Я хотел бы, чтобы вы посмотрели мою ногу, — сообщил гость, втискиваясь в каюту. И добавил: — Простите...

Кай сосредоточенно посмотрел на предложенный объект и, надо сказать, не слишком сильно обогатил этим свой жизненный опыт.

— Садитесь, я прощупаю сустав, — сказал он. — А что у вас вышло?

— Да, собственно, как раз ничего и не вышло, — добродушно объяснил озабоченный

состоянием своей конечности гость. — Здесь — этажом ниже, в спортзале... Хотел показать класс волейбола здешним увальням, а ничего не вышло. Навернулся в прыжке...

— А здешний э-э... медик? Дежурный? — поинтересовался Кай, с облегчением убеждаясь, что по крайней мере коленная чашечка собеседника цела.

И еще он подумал о том, что кого-то ему этот тип напоминает. Но не мог вспомнить — кого.

— Так я как раз о него и навернулся, — пояснил страдалец. — Оба прыгнули за мячом — одновременно, понимаете, — и получилась куча мала. У этого парня отменно твердый затылок, а тут еще — со всего размаха... Сами понимаете, мне после этого было неудобно затруднять его еще и этим... Боюсь, что у него получилось маленькое сотрясение... А я вспомнил, что здесь вы как раз постоянно маячите... Извините... Постоянно присутствуете за завтраком — по диагонали от меня...

— Вот, намажьте этим, — Кай достал из сумки обычную «универсалку» и протянул тюбик пострадавшему.

Тут его совесть была чиста. Старая как мир смесь мягкого обезболивающего и биорепаранта только один раз на его памяти повредила человеку — когда курсант Столпецки, поскользнувшись на мази, выдавленной из упавшего на пол ванной тюбика, был госпитализирован и долго лечился от перелома копчика. Курсанту Столпецки вообще не везло по пустякам. Но это — другая история.

— Вообще-то я — ветеринар, — вдохновенно соврал федеральный следователь. — Так что, если не станет лучше, обратитесь в стационар. Это — четыремя ярусами выше.

— А на Фронде кого вам лечить? — покачал головой гость, задумчиво втирая мазь в колено. — Последнее, что я слышал на этот счет, это то, что в городах там съели даже бродячих собак. Голод... Хотя — я же чушь говорю! Вы, наверное, на какую-то из наших баз направляетесь: там — на поверхности — землян не жалуют... И военных частей там быть не может. наших... Отрезанный ломоть...

— Я лечу до «Эмбасси-2», — уточнил Кай. — А уж там определяют. Если пришел вызов, значит, кому-то там сдалась моя специальность.

— А я вот — в самое пекло, — не без гордости сообщил конопатый, приводя в божеский вид свою штанину. — Формально — подписывать договор на издание книжки (какие уж там книжки сейчас!), а фактически — собирать материал. Хочу вживую увидеть то, о чем пишу вот уже пятнадцать лет... Невероятно трудно до Фронды этой теперь добираться. Хорошо, что в военном департаменте меня любят — после того, как я выпустил «Рейд „Громовержца“, — и в генштабе мне составили протекцию военкора на „Рагнаради“...

Тут наконец Кай понял, кого ему напоминает незнакомец. Конечно, на обложках книг и в рекламных роликах его открытое веснушчатое лицо выглядело более благородным, чем в жизни, но это было именно оно — лицо писателя Анатолия Смольского, «отца» знаменитых «Хромого» и «Пешехода», приключениями которых зачитывались не слишком притязательные читатели по меньшей мере двадцати из тридцати трех Миров. Кай и сам грешным делом не прочь был порой — на сон грядущий — на пару часов нырнуть в этот упрощенный мирок. Мирок, в котором наивных жителей Фронды надували коварные ранарари, и благородные, а иногда и не очень, земляне вели бесконечную борьбу за Новое Объединение. И хорошим людям в этом мирке везло чаще, чем плохим... У Смольского было бойкое перо, сюжеты всегда были неожиданно и лихо закручены, а картонность персонажей успешно компенсировалась хорошим знанием материала. Насколько мог припомнить

федеральный следователь, Смольский в миру носил какую-то не столь благозвучную фамилию и подвизался в серьезной науке — то ли в социологии, то ли в политологии — говорят, небезуспешно. Кроме того, он действительно был популярен среди военных как автор нескольких военно-исторических романов о периоде Воссоединения. Стали понятны и некоторые странности в поведении гостя: тот просто не мог представить себе, что собеседник не узнает его. В свое время он благополучно снялся в эпизодических ролях в фильмах по собственным произведениям и действительно мог претендовать если не на славу артиста, то на известность и узнаваемость у широкой публики.

«А вот теперь бедняга может пробоваться и на роль Хромого», — не без ехидства подумал Кай и предложил гостю кофе. После чего формально представился (Питерманом, конечно, куда денешься от своей легенды) и спросил для проформы, не с самим ли Анатолием Смольским свела его судьба. Через пять минут он уже знал многое, если не все о взглядах литератора на основные проблемы современной прозы (таковых было две — субъективизм издательств и зависть «эстетствующих бездельников»), политики («Фронду мы прошляпили») и криминологии — оказывается, он был криминологом! Это уже начало забавлять Кая: криминалист и криминолог летят на одну и ту же злосчастную планету, каждый со своей легендой и каждый — с надеждой понять что-то свое в этом далеком и изуродованном мире... Не следовало, однако, упускать случая получить консультацию специалиста по социологии преступности на Фронде. Тут Кая ждал полный успех: Анатолий сел на своего конька, и конек этот закусил удила.

— Самое страшное, — вещал создатель «Хромого», — это то, что контакт землян с инопланетянами происходит через криминальные структуры. Формально с Фронды на Инферну могут эмигрировать только молодые, здоровые, имеющие дефицитные специальности и до крайности законопослушные люди. По контракту и с массой социальных гарантий. А фактически процветает настоящая работоторговля: мафия собирает последние гроши с разоряющегося и нищающего населения бывшей земной колонии и продает людей в самое настоящее рабство на планету, которая теперь уже без притока этих рабов не может обеспечить себе даже нормальный прожиточный минимум... Да-да! Ходят такие слухи... А теперь еще поговаривают — и очень серьезно — о том, что мафия превращает Диаспору землян на Инферне в рассадник наркомании, причем наш обожаемый Директорат не пропускает на экраны ни слова правды об этой стороне дела — боятся обвинений в покушении на внутренние дела ранарари...

— Кстати, о ранарари... — Кай подался вперед. — Они у вас так живо описаны — я, честно говоря, думал, что вы и на Фронде их встречали, и на самой Инферне побывали...

— Откровенно говоря, живьем ранарари только на Земле и видел, — признался Смольский. — На приеме в посольстве... Но собрал по ним все, что когда-либо появлялось в печати. И большую часть этого собрания с удовольствием стер из памяти — и своей и компьютера. На самом деле ничего путного о жителях Инферны не знает никто. Даже чем они питаются, толком никто не знает. Общие слова. Из того, что о них написано, половина — всякие домыслы, а половина — философия на пустом месте. Мы, люди, знаем о ранарари только то, что они нам пожелали сообщить. А поэтому я поступил чисто писательски: отобрал все самое красивое и жуткое и с этим материалом работаю. А вот как потекут с Инферны реэмигранты — будет много такого, о чем стоит у них узнать.

— Пока не текут... — осторожно вставил Кай.

Негоже ему было козырять излишней информированностью по проблеме...

— Не текут, — согласился Смольский. — Виза на Инферну — это билет в один конец.

Кай заполнил образовавшуюся паузу комплиментом, тоже не лишенным двойного дна:

— Вам очень удались образы главарей фрондийской мафии. Скажите, у Фроста ведь действительно был прототип? У того, который для своих врагов держал в саду бассейн с пираньями?

— А он и сейчас есть. Его кличка Фостер. Нехарактерная... А про пираний есть даже видеосъемка. Настоящая, не монтаж... Такая там публика: один запросто может схарчить вас милым рыбкам, другой — продать в рабство или держать всю жизнь в зиндане... И ничего с этими сволочами поделаться невозможно. Это уже — не сфера юрисдикции Земли... Точнее — вообще не сфера действия законов Федерации... Для этого они и добивались этой своей независимости...

— А Хубилай? — Каю стало уже любопытно — литератор действительно очень красочно описывал тех людей — если уж их считать людьми, — которых он, федеральный следователь, представлял себе иногда точно такими же, а иногда и совсем другими, читая пускающие мороз по коже протоколы и докладные записки.

— Хубилай — это и есть Хубилай... Я не стал изменять кличку. Ее, кстати, иногда выговаривают на английский манер — Кубла-хан. Или просто Кубла. На самом деле — Абдулла Кадыр... Вот это — молодой хищник. Он еще себя покажет. На одном шарике с тем же Фостером не уживется...

— Трудно поверить, что вы никогда не бывали на Фронде, — отвесил Кай литератору слегка преувеличенный комплимент. — Должно быть, приходится перелопачивать горы документов...

— У меня есть... точнее, были неплохие источники информации на этой милой планетке, — со значением произнес Смольский.

— Ну, тогда вы летите не наобум, — несколько успокоенно предположил Кай. — Должно быть, у вас есть рекомендации к местным влиятельным лицам в прессе и в кругах литераторов...

— И не только... — все так же — со значением — добавил автор десятка бестселлеров. — Пресса, литераторы — это опять материал из вторых рук. Понаслышке, украшенный домыслами и фантазиями пересказчиков... Нет, тут мне кое-кто составил протекцию покруче — я надеюсь встретиться с настоящими «козырными тузами» тамошнего «почтенного общества»... В тамошнем аду у меня будет надежный Вергилий...

Сказанное всерьез обеспокоило федерального следователя. Судя по их разговору, создатель захватывающих дух детективов был человеком довольно бесхитростным. «Какой дурак отправил его прямиком к черту в зубы?» — подумал Кай. Вслух же счел своим долгом предупредить:

— Будьте осторожны там... И не очень полагайтесь на местных Вергилиев... Это — прихватите с собой. Если будет болеть... — он протянул литератору тубик «универсалки».

По гулкому нутру космокрейсера покатился настырный, ввинчивающийся в уши сигнал.

— Пора по местам, — Смольский поставил чашку на столик и поднялся. — Через десять минут — бросок. Спасибо за лекарство. Знаете, я отношусь к таким вещам очень серьезно. Мне сейчас нечем отдарить вам его. Зато первый экземпляр моей новой книги — ваш. С автографом. Хотите — выведу вас среди героев? Так сказать, увековечу.

— Право же, не стоит, — с легким испугом возразил Кай.

Только этого ему еще не хватало.

Дверь посольства отворилась, и произошло то, что происходило перед ней каждый понедельник, среду и пятницу: очередь поломалась и стала просто толпой — стадом, сгрудившимся вокруг загончика, огражденного от напирającego народа прочной сеткой. В загончик вышел секретарь. А может, секретарша. Народ рефлекторно подался назад — не из уважения к Большим Друзьям, а из так и не изжитой и вполне естественной брезгливости.

Зеленая тварь лязгнула пару раз хитиновыми зубами, подняла к глазам пачку заявлений, зажатых в чешуйчатой лапе, и гнусно заквакала. Сначала в полной тишине шли до неузнаваемости искореженные фамилии и имена счастливых. Девятнадцать сегодня. Затем — вполне четко и с особо гнусным прононсом — фамилии и имена невезучих, приговоренных остаться. Двадцать три. И это было все. Окончательный отказ.

Друг побрякал челюстью, с величественным прищуром динозавра высматривая что-то поверх голов толпы, переступил с одной суставчатой когтистой лапы на другую, да и убыл назад, в посольство. На смену ему выпорхнула вполне земная девушка-служащая и стала из-за решетки раздавать сегодняшнюю сотню иммиграционных бланков, каждый раз боязливо отдергивая руку от судорожно хватающих листки рук, так, словно это по эту, а не по ее сторону стальных прутьев были Друзья. «Черти с Канопуса»...

Кирилл выбрался из толпы, прошел пару кварталов вниз, к площади, и присел прямо на поребрик тротуара. Хотелось обхватить голову руками и постонать немного. Но это уже было — при повторном, кажется, отказе. Так что оставалось только сидеть и смотреть в пустоту перед собой. В этой пустоте располагался громадный город, состарившийся, обветшавший за эти годы, заплеванный и населенный опустившимся, озлобленным народом. Великим и обреченным. Как и все остальные народы на этой планете.

— Ну, так вот и будем глаза таращить? — спросил сверху глуховатый голос с акцентом. — Или поговорим все-таки? Разреши представиться: Джордж Листер — капитан.

— «Относительно много»? Господин резидент так и изволили выразиться? «На Инферне-де, по нашим данным, относительно много землян»? Ей-богу, они там, на Океании, научились выбирать формулировочки... — подполковник Дель Рей принялся иронически промокать салфеткой аккуратно постриженные усы.

Усы эти были, пожалуй, единственным — по штату, видно, положенным — видимым изменением, которое прошедшие годы добавили к его вполне кинематографическому облику. Все также, как и прежде, кадровый контрразведчик был подтянут, широкоплеч, улыбчив и молод на вид. Седина все никак не могла пробиться в его темно-русую шевелюру и тем, возможно, тормозила его продвижение по службе. Седины — легкой, но бросающейся в глаза седины — вот чего только и не хватало Гвидо, чтобы соответствовать имиджу полного полковника федеральной контрразведки. Впрочем, и подполковничий мундир — здесь, на официальной военной базе землян, он мог позволить себе роскошь ходить не в штатском — очень шел ему.

— Собственно, — Кай задумчиво двинул по мозаичной крышке стола свою чашку кофе

так, как если бы она была шахматной фигурой, — я был поражен цифрами по иммиграции на Инферну. И соответственно — по эмиграции с Фронды. Я просто не ожидал, что дело зашло так далеко. Это слишком похоже на катастрофу...

— Это и есть катастрофа... — устало остановил его Гвидо.

Он снова промокнул усы — на этот раз с горестным достоинством.

— Директорат имеет все основания злорадствовать и отплясывать джигу на руинах экономики Фронды. Через тридцать лет после выхода из Федерации Самостоятельная Цивилизация потерпела полный крах. — Гвидо откинулся в кресле и прикрыл глаза, словно повествуя старому знакомому о болезни и кончине кого-то из своих близких. — Полный! — добавил он с чувством. — И крах этот длится вот уже почти добрый десяток лет. Уже который год смертность на планете превышает рождаемость — и разрыв этот увеличивается. Если бы не продуктовые поставки с Инферны, на Фронде уже начался бы даже не голод — голод есть уже и так — мор! Голодный мор бушевал бы уже всюю!

— И при этом Верховный Интерпретатор отверг гуманитарную помощь Метрополии... — недоуменно констатировал Кай. — Послушайте, Гвидо, вы уж, пожалуйста, не удивляйтесь детским вопросам, которые я вам тут задаю, и моей э-э... реакции на то, что вы рассказываете... Просто вы не представляете, насколько мы там — в Метрополии — далеки от всего этого... Инферной наши СМИ еще интересуются как серьезным конкурентом земной цивилизации — по крайней мере в этой части Обитаемого Космоса. Но про Фронду никто и слышать ничего не хочет... Этакая, знаете, детская обида — не захотел целый Мир жить, как все, отделился — ну и черт с ним. Знать его не хотим, ведать о нем не ведаем...

— Черт-то как раз действительно с ним... — Дель Рей доверительно нагнулся к Каю: — Все дело в том, следовательно, что решающим фактором во всей этой игре, которую мы так успешно прогадали, является именно наш хвостатый приятель... Черт. Точнее — черти... Здесь именно так называют премилых обитателей Инферны.

Кай пожал плечами.

— Да их и повсюду так величают. То есть в документах и в речах политиков это, разумеется, «ранарари» — по их самоназванию. Но в бытовой речи, к сожалению...

— Сожаления тут малоуместны, следовательно... — Гвидо машинально пододвинул собеседнику коробку с сигарами, но вспомнил, что тот не курит, и забарабанил по ее крышке костяшками пальцев, выбивая довольно сложную мелодию. — И по обличию своему — помесь козла, летучей мыши и крокодила, и по сути своей — создания коварные, злобные, к роду людскому не благоволящие... И — самое страшное — несмотря на это во всем, в сущности, нам подобные. По своей биохимии, по своим потребностям, по структуре своего разума... Вам еще придется в этом убедиться лично. Даже сейчас, когда на нашей стороне, казалось бы, все факторы — и коллапс-генераторы, и несколько космических флотов, и просто элементарное превосходство в численности, — эти твари отторгли Фронду от Федерации... И мы с ними еще хлебнем горя, если будем действовать по-прежнему — развесив уши...

Кай наклонил голову в знак внимания. Насколько он знал Гвидо, после всплеска эмоций тот должен был перейти к долгожданной сути дела. Того дела, ради которого он — федеральный следователь Кай Санди — был переброшен через космическую бездну с солнечных просторов Океании сюда — на парящую над сумеречными равнинами Фронды орбитальную станцию — островок земного Мира над морем вражды и бедствий.

— Еще раз повтори, пожалуйста, как тебя зовут, — попросил Кирилл. — И напомни, за чей счет мы так надрались вчера. Не люблю, понимаешь, оставаться в долгу...

— Еще раз повторяю, — вчерашний знакомый был уже трезв, подтянут и если и страдал от похмелья, то не выдавал этого никоим образом. — Джордж Листер — капитан. И постарайся вспомнить еще что-нибудь из того, о чем мы говорили вчера.

— А и вспоминать нечего, — Кирилл сел на койке и, наклонясь вперед, принялся шарить рукой под кроватью.

Бутыль не далась ему в руки, укатилась в глубь темного пространства, куда детское воображение склонно помещать жутких Бабаек и торопливую Черную Руку.. Кирилл озлобленно выпрямился, заставил себя встать с измятых простыней и двинулся к умывальнику. Открученный на все обороты кран злорадно воссипел у него под рукой — воду уже успели отключить.

Чертыхаясь, Кирилл нащупал под раковиной полупустую (точнее, к счастью, полуполную) канистру с заранее припасенной водой и, чудовищно корячась, стал лить теплую жижу себе на голову. Потом, вытирая башку не первой свежести полотенцем, вернулся в комнату.

— Тебе надо похмелиться, — сочувственно сказал кэп Листер и протянул ему плоскую фляжку.

Это оказался даже не самогон — настоящее пшеничное виски, черт возьми! Кирилл не без уважения посмотрел на Листера.

— Ну, теперь ты вспомнил наш разговор? — осведомился Листер.

— Вспомнил, — хмуро ответил Кирилл.

И без того скверное с похмелья настроение его упало в область запредельно-отрицательных величин. И притом упало резко.

— Это был не разговор, кэп... — Кирилл подошел к окну и зло уставился на дурацки радостное утреннее небо Фронды.

Ему не хотелось смотреть назад — на комнату, в которой от прежней роскоши остались только фотообои с видами разных Миров и в которой больше не было Ганки. Собственно, там не было вообще ничего, кроме койки, брошенного на пол матраца — для заночевавшего гостя, некоторого количества пустых бутылок, так и не проданного за отсутствием покупателя блока связи (давно отключенного за неуплату) и дурацкого капитана Листера — худощавого и подтянутого.

Весь прошлый день Кирилл решал для себя вопрос — просто ли алкоголик его новый знакомец, подошедший к нему в минуту глубокого отчаяния неподалеку от посольства Инферны, или же еще и «голубой». А если последнее, то на кой черт ему сдался именно он — Кирилл Николаев, в прошлом лейтенант Космодесанта, а теперь — после «Акта о демилитаризации» — охранник-вышибала в заведении пана Бжезины. Ранее Кирилл не замечал особого к себе внимания со стороны лиц нетрадиционной половой ориентации.

Впрочем, ориентация у кэпа Листера была, по всей видимости, вполне традиционная: с домогательствами к Кириллу он не полез, а вместо этого, после основательного количества выпитого за его счет спиртного, предложил Кириллу войти в дело. Но сначала аккуратно «прощупал».

— Давно без работы? — осведомился он, наливая по третьей.

— Обижаешь, кэп. При деле состою...

Кирилл привык уже говорить со случайными собутыльниками на жаргоне не то чтобы вконец блатном, но приблатненном, преодолевая всякий раз некоторое к тому отвращение — неоконченный факультет журналистики давал о себе знать, довольно книжное детство — тоже. Так что и сленг у него получался книжный. Но все равно так было проще.

— А сейчас — в отгуле?

— У меня — ночная работа, — пояснил Кирилл. — Через день. Сегодня свободен вчистую. Имею право надраться.

Они выпили. Кэп пил довольно аккуратно и явно по необходимости. Раскручивал собеседника. Кирилл тоже решил наливать помалу. Со следующего раза.

— Космодесант? — не то чтобы спросил, а скорее констатировал прошлую судьбу собеседника кэп.

— Справки наводили? — мрачно отозвался Кирилл.

— Нет. По тебе видно... И потом ты заявление в посольство при мне заполнял — я через столик от тебя стоял... — кэп задумчиво пригляделся к Кириллу через слой недопитого виски.

На мгновение Кириллу показалось, что у кэпа вертикальные зрачки.

— В боях был?

— Штурм Аваллона, — коротко ответил Кирилл.

Операция была из труднейших, и как профессионалу ему было чем гордиться. Но по нынешним временам могло случиться и так, что собеседник, о таком услышав, выплеснул бы свое виски Кириллу в лицо. Другой бы побоялся, но кэп с потусторонними глазами был не из трусливых — Кирилл это уже понял. И пришлось бы утереться.

— Ну что ж, — кэп пожевал губами, — приказ есть приказ. Его надо исполнять...

— Хорошо, что понимаешь, — отозвался Кирилл и проглотил виски.

— А до этого, наверное, были «Цинтия» и «Ровенна»? — предположил кэп.

Кирилл пожал плечами. Оказывается, кэп знал смысл еле заметной наколки на его левом запястье — большинство просто принимают ее за родинку или что-то в этом духе. Косметический дефект. «Цинтия» и «Ровенна» у Метрополии были отбиты с честью — и с большими потерями. Этим можно было и поковырять, но ковырять после третьей было рано.

— Такая жизнь, — кэп сделал неопределенный жест, — не по вкусу? Хочешь на чертей повкалывать? Эмиграция — дело неплохое... А что ж в Метрополию не откочуешь? Там Космодесант бойца со стажем возьмет не глядя... «Цинтию» с «Ровенной» тебе припоминать не станут...

Кирилл снова пожал плечами. Объяснять случайному встречному, что Космодесант — не его стихия и что влип он в него по всеобщей в «худом году», ему не хотелось, и он назвал самое простое:

— Срок на мне.

— Срок? — кэп налил по четвертой. — Когда успел?

— Условный, — уточнил Кирилл. — По тысяча десятой «Угон транспорта и попытка грабежа». Это уже — после «Акта». Когда жрать уж совсем нечего стало. Было дело — состоял в банде, влип. Адвокат Хирный отмазал...

Кэп молчал, о чем-то раздумывая. Снова посмотрел на Кирилла сквозь двойной слой

стекла и виски. Кириллу пришлось сделать усилие, чтобы не отвести взгляд. Это кэпа в чем-то убедило.

— Семья? — осторожно осведомился он.

— Жена с уголовником жить не стала. И детей забрала, естественно...

— Хорошие, наверно, дети? Скучаете? — посочувствовал Листер.

— Мальчик и девочка... — Кирилл показал голограмму.

Кэп посмотрел на него с одобрением.

— Встречаетесь?

Это начало как-то нехорошо смахивать на допрос.

— Иногда провожаю дочь из школы. До охраняемой зоны... Дальше меня не пускают...

Парень учится в Метрополии. Там, верно, и останется.

Про Ганку Кирилл говорить не стал ничего.

А кэп не стал ничего об этом спрашивать. Сменил тему.

— Значит, в общем-то свободен, — подытожил кэп Листе?. — А в Легион почему не подался?

— Почему да почему!.. — Кирилл поморщился, прикидывая, не послать ли собеседника куда подальше, но не стал с этим спешить.

— А ты, часом, не туда вербуешь? — неприязненно осведомился он, глядя Листеру в глаза.

Глаза как глаза. Померещится же такое...

— Или в Черные роты, может быть? — он продолжал выдерживать взгляд кэпа. — Популярно объясняю: свой орден за Аваллон я получать не стал. И больше я такие приказы исполнять не намерен. А других в Легионе не бывает...

— Значит, совсем решил завязать, — задумчиво спросил Листер, — или?..

— Или! — резко ответил Кирилл. — Хрен с пальцем не путай! Одно дело — грабеж на дорогах, а другое — геноцид... Короче, профессор, если хочешь нанять киллера, то я — пас, если просто в охрану — тогда поговорим...

— Предлагаю участие в деле, — коротко оборвал его кэп. — Слушай.

* * *

— Теперь вам ясно, что вся эта история с борьбой Геи-два за независимость, ее превращение во Фронду и теперешняя вражда с Землей — это не цепь глупостей, а результат целенаправленной политики ранарари... Нам очень не повезло с тем, что экологические ниши — наша и их — практически перекрываются. Слишком мало землеподобных планет в Галактике, чтобы честно делиться ими друг с другом...

Гвидо поднялся из-за столика, за которым федеральный следователь все еще прихлебывал свою — более символическую, чем реально способную насытить естество человека, к тому склонного, — чашечку кофе, и направился к занимавшему полстены в его кабинете «окну» голографического монитора. Пошевелив «мышью», он вызвал на экран изображение.

— Посмотрите на эти рожи... — Он с отвращением стал «перелистывать» возникающие из темной глубины один за другим движущиеся и говорящие портреты. — Галерея продажных мерзавцев...

У Кая лица, запечатленные в досье военной разведки, особо отрицательных эмоций не вызывали. Он вопросительно уставился на подполковника.

— «Четвертая власть»... — Гвидо поморщился, как от горькой микстуры. — Верхушка здешнего телевидения. Времен недавних... А также отдельные «талантливые солисты» — из ведущих и комментаторов. Мессии от лжи. Пророки от взяток... Ну и основные воротилы здешнего рекламного бизнеса и масс-медиа... Одна эта жидкая бороденка в обтек сытой морды чего стоит... Все как один систематически получали огромные суммы от ранарари... Как результат — после пяти лет интенсивной промывки мозгов восемьдесят процентов населения Фронды — тогда еще Геи-второй — недрогнувшей рукой проголосовали за полное отделение от Федерации. А мы, идиоты, сами еще и подталкивали их... вспомните — тогда только и кричали на всех углах, что об ужасной опасности возрождения Империи... А на второй день после проведения референдума ранарари взяли планету под свое покровительство. Заключили союзы — сначала экономический, через год — оборонительный... Тогда многие прозрели, но предпочли молчать. Хвастаться, собственно, нечем — провал политики землян. Позорный провал. С тех пор и тянется полоса молчания вокруг Фронды...

Он нервным движением убрал с экрана ненавистные ему лица. Подал на него новое изображение — непонятные следователю графики.

— Но если с потерей Фронды там, наверху, еще могли как-то примириться, то теперь... — Дель Рей подхватил пульт дистанционного управления и стремительно занял свое место за кофейным столиком. — То теперь события приняли совершенно иной оборот... Ну, сначала состоялся экономический крах Фронды — дело вполне предвиденное и, прямо скажем, запланированное. Ранарари приступили к последовательной зачистке планеты под заселение мигрантами с Инферны, — он стал энергично менять на экране один график за другим. — По их, ранарари, расчетам, — а они нам известны, — чтобы обслуживать новую колонию, примерно два миллиона «чертей», потребуется не более пятнадцати миллионов землян — одна пятая исходного населения Фронды. Того, что было до кризиса... Работая, так сказать, «в мягком» режиме, не доводя дела до социального взрыва и гражданской войны, они смогут этого достичь через два поколения. Но есть много факторов, которые сильно ускоряют этот процесс. Ранарари вовсе не против того, чтобы часть населения Фронды переколотила друг друга. Социальным же взрывам мешать и не собираются. А если учесть то, что они широко открыли на Инферну двери для иммиграции взрослого населения Фронды — преимущественно молодежи — для работы в сфере обслуживания, на «грязных» производствах, наемниками в тамошнем Легионе, то время депопуляции для Фронды резко сокращается. Уже сейчас Инферна проглотила около десяти миллионов только официально зарегистрированных иммигрантов. А есть еще и «черные каналы» иммиграции, и мы их, к стыду своему, практически не контролируем... Есть еще небольшая эмиграция в Миры Федерации. Тут много сложностей, но она — эта эмиграция — тоже постепенно нарастает. Так что уже сейчас Фронда не может поддерживать свои основные инфраструктуры. Аграрные районы обезлюдели, дороги разрушаются, энергетика — на последнем издыхании. Население сбилось в города. В основном — в столицу. Кормится от щедрот предприятий, поддерживаемых ранарари. В такой ситуации они — ранарари — уже, казалось бы, близки к своей цели... Но, похоже, события на какой-то стадии стали выходить из-под контроля. И дело оборачивается плохо и для Федерации, и для Инферны...

— Пожалуй, я догадываюсь, о чем идет речь... — предположил Кай.

Кирилл отвернулся от окна и уставился на Листера с видом человека, который сильно сомневается в умственных способностях собеседника.

— Я, простите, думал, что это вы все по пьяной лавочке вчера нагородили, кэп... — как можно более вежливо выразил он свое мнение о вчерашнем разговоре. — Потому что чушь вы предлагаете, а не план. Там же у них — на Космотерминале — тройной контроль. И на геостационаре Инферны блок-орбитеры... Да и вообще — вокруг космической техники так вот просто в казаки-разбойники не поиграешь.. Так этого мало — вы еще боссов из мафии наколоть хотите!.. Это...

— Ты плохо понял меня, парень, — остановил его кэп. — Если я говорю, что таможня дает «добро», значит — таможня дает «добро». «Ганимед» не станут досматривать всерьез. Им хорошо заплачено. Провести тебя на борт незаметно для всех я сумею. Как-никак я — капитан этой посуды. Главное, в чем будет состоять трудность, — это аккуратно, по возможности без мокрухи осуществить захват корабля. В Дальнем Космосе, после броска. Именно поэтому я и присмотрел тебя — здесь навык Космодесанта пригодится на все сто. Оба типа из экипажа, конечно, довольно крутые ребята, и иллюзий тут питать не стоит, но нас будет двое на двое. И на нашей стороне фактор внезапности. А с четырьмястами килограммами «пепла» нас на Инферне встретят с распростертыми объятиями — за активное участие в борьбе с незаконным ввозом наркотиков у них предусмотрено предоставление убежища, работы и вида на жительство. Это — если мы решим сдать товар властям. А мы еще посмотрим, что за птица окажется хозяин груза... Возможно, он предложит лучшие условия. У него тоже будут все основания быть нам благодарным...

— За какие же такие благодеяния, хотел бы я знать? — Кирилл высоко поднял плечи. — Уж не за то ли, что мы его кораблик угоним, его товар к рукам приберем, а самого его вроде как в заложники определим?

— Вот тут-то ты и не прав, — кэп Листер устало присел на незастеленную кровать и кивнул Кириллу, чтобы тот отошел от окна и присел рядом. — Начну издали — тебе надо въехать в обстановку, которая сложилась вокруг перевозок «порошка»...

— «Пепла»? — не понял Кирилл.

— У нас, «летунов», говорят «порошок»... — махнул рукой Листер. — Так вот учти, что сейчас все «черти» с цепей сорвутся и половина мафии другую перережет — в ближайшем будущем. С «порошком», видишь ли, сложилась тяжелая ситуация... Фактически сектор блокирован. Говорят, что ранарари поставили федеральному Директорату ультиматум на этот счет. А весь резервный запас товара накрылся на «Валькирии» — слышал про эту историю?

— А что — с «Валькирией» что-то приключилось? — искренне удивился Кирилл.

— Позавчера проходило — в новостях... — кэп поболтал у уха своей фляжкой, прикидывая, сколько «горючего» осталось в ней. — Ты, видно, не в курсе того, какую роль играла эта старая калоша в здешнем траффике наркоты... Так вот, эти тупые скоты умудрились загореться. Утечка кислорода, контакт с ГСМ — и привет. Такое всегда рано или поздно случается, когда вместо экипажа на борту болтаются орава уголовников. На их, дураков, счастье, на близкой орбите случился крейсер ОКФ и поснимал их всех оттуда. А тушить огонь в отсеках остались спасатели. Так что можно заключать пари, что по крайней

мере на ближайшие три-четыре месяца торговля «порошком» садится на голодный паек. А это значит, между прочим, что двоих главных в этом деле людей — Хубилая и Фостера — Большой Кир «ставит на счетчик», что им обоим не по душе. И вот как раз в такой момент одна из здешних темных лошадок, Бибер, — ты о таком и не слыхал, верно, — выискивает для Фостера совершенно залетную партию товара. От Фостера-то всего ничего и требуется — авансировать аренду корабля и дать хозяину товара связь там, в Диаспоре. Как ты понимаешь, выглядит это все пресколько, но чиниться не приходится. Фостер дает «добро», и Бибер бежит к своему старому знакомому Джорджу Листеру, а тот, получив аванс, набирает экипаж из двух ребят посмышленнее — пилота и штурмана — для выполнения маленького рейса до Инферны и обратно. Дела с таможней мы на пару с Бибером урегулировали, а вот с вербовкой экипажа старина Листер дал маху...

Кирилл невнятно-вопросительным мычанием подвиг кэпа на продолжение его объяснений.

— Насчет профессиональных, так сказать, качеств ошибки нет — тут старину Листера по кривой не объедешь... — с некоторой досадой констатировал кэп. — Но вот третьего дня, сразу после того, как по городу прошел слух о делах с «Валькирией», оба нанятых мною парня исчезают, словно их корова языком слизнула. А потом появляются — как снег на голову — ровно через двенадцать часов после получения плохих новостей и норовят притом заманить меня в какой-то шалман у черта на куличках или, на худой конец, затащить в свою тачку. Но с такими делами старина Листер хорошо знаком и в угол себя загнать не дал. Побеседовали мы с ребятами в «Порто-Белло», где кэпа Листера знают все — от бармена до последнего пьянчужки. Так сказать, при свидетелях.

Кэп похлопал себя по карманам, вытащил помятую пачку сигарет, с сомнением посмотрел на нее и снова спрятал. При этом он исподлобья косился на Кирилла, проверяя его реакцию на услышанное.

— И там, — продолжил он, — в «Порто-Белло», они мне и выдали, как говорится, по полной программе...

Кэп тяжело вздохнул и снова презрительно махнул рукой.

— Короче: лопухом я оказался, да и Бобер — Бибер, я имею в виду, его здесь за глаза иначе и не величают — дурака сваял немало. Еще короче: навербовал я команду, как оказалось, из людей Хубилая. И поставили они мне ультиматум — или я в полете выполняю тот план, что господин Кадыр задумал, и имею в деле свою долю, либо иду гулять без цента откупных. С тем намеком, что, как свидетелю, гулять на этом свете долго мне не придется. В общем, сутки я получил на размышление.

Кэп снова косо глянул на Кирилла, проверяя его реакцию. Видимо, удовлетворился таковой и продолжил:

— А план господина Кадыра — то бишь Хубилая — подразумевает, что и «груз», и его хозяин попадают в руки экипажа и от него уходят только за большие деньги. Товар — к тому покупателю, которого назовет Хубилай, а хозяин — на все четыре стороны, но только по выплате за него выкупа...

— Та-а-а-ак, — заключил Кирилл. — А Фостер, стало быть, будет на все это глядеть и хлопать ушами в знак одобрения... По-моему...

— Боюсь, — оборвал его Листер, — что Витаутасу Кротову, по кличке Фостер, не дожить до того времени, когда «Ганимед» выйдет в Космос. Вообще, предвидится много крови. Это — еще одна причина не задерживаться в этом «самом свободном из Миров»...

Думаю, что в самом скором времени я приму предложение моего экипажа. С некоторыми условиями. А потом мы повернем дело по-своему.. Многое зависит от того, кем окажется хозяин груза. Если козлом, то мы просто на совершенно законных основаниях сдадим его властям Инферны, если тип окажется поумнее — разыграем более выгодную для себя партию. В любом случае выигрыш — вид на жительство в довольно богатеньком Мире. Мне лично гораздо милее работать на шестиногих «чертей», чем на Хубилая с Фостером...

— Только вот Хубилай нам... — тут Кирилл запнулся от этого «нам», совершенно непроизвольно вырвавшегося у него: — Хубилай нам этого не простит.. Почти полтонны «пепла»... За такое и у черта в заднице найдут и прикончат. И не просто прикончат, а изобретательно...

— У черта в заднице — может быть, — пожал плечами кэп Листер. — А вот на Инферне — никогда. Туда дорога мафии перекрыта.

— А кто же тогда скупает там «пепел»? — недоуменно глянул на него Кирилл. — Сами ранарари?

— Нет, не сами, — кэп усмехнулся, снова достал сигареты и с молчаливого разрешения некурящего Кирилла принялся раскуривать наименее помятую. — Не сами. Диаспора.

Глава 2

ДВА ОБЕРЕГА

— Да, вы правы, — Гвидо снова сменил изображение на мониторе, — это преступность... С людьми всегда так — кажется, все за них просчитано и определено, остается только ждать результатов. И тут — начинается... Ранарари просто не учли того, что распадающееся человеческое общество — это штука поопаснее распадающихся материалов из уранового реактора.

— Понимаете, — подполковник откинулся в кресле, — занимаясь Отверженными Мирами, воленс-ноленс становишься немного философом... Примем во внимание два фактора. Первый, — он выкинул перед собой палец, длинный и крепкий, как строительный «костыль», — все шесть Отвергнутых Миров, что существуют в Обитаемом Космосе — за исключением Чура, естественно, — обладают страшной привлекательностью для всех видов криминала и прочих маргиналов — от мужей, скрывающихся от алиментов, до контрабандистов и профессиональных киллеров. Сие неизбежно. Территория вне закона — это... территория вне закона, — он пожал плечами. — Второй, — в ход пошел второй палец, долженствующий привлечь внимание Кая к следующему наблюдению Гвидо, — как только людей лишают возможности зарабатывать деньги честным путем, никто и ничто не может остановить их на пути заработков нечестных. Им нужно жить самим и кормить свои семьи... Таким образом, ранарари просто обрекли Фронду на превращение в галактический центр преступности. И, пожалуй, сейчас вкушают от этого своего завоевания сполна... С людьми всегда так...

Подполковник сложил пальцы «домиком», словно вознося молитву невидимому богу контрразведки.

— Все это можно было предсказать, — он понимающе глянул на Кая. — Все, за исключением масштабов. И за исключением м-м... особой специфики. Окраски, так сказать, которую приобрело дело...

Гвидо выключил монитор, словно прикрыл окно, через которое их разговор могли бы услышать те, кому не следовало.

— Вы ведь сталкивались с проблемой траффика «пепла»... — это был не вопрос, а утверждение, — и, значит, представляете себе специфику действия этого препарата...

— Скорее — специфику его перевозок и производства, — уточнил Кай. — Я ведь не медик. И тем более — не биолог.

— Хорошо... — Гвидо поднялся с кресла и принялся задумчиво перекладывать бумаги на рабочем столе. — Так вот, вы знаете, что производство «пепла» неуклонно растет — вот уже шестой год. Я имею в виду не цифры из сводок, а реально зафиксированные количества препарата на рынке.

— Вот это мне известно, — вздохнул Кай.

— Между тем, — Гвидо щелкнул в воздухе пальцами, — никакого роста наркомании, связанной со злоупотреблением «пеплом», в Федерации, слава богу, не зарегистрировано...

— И с этими данными я знаком... — федеральный следователь пожал плечами. — Но, честно говоря, первое заставляет усомниться во втором...

— Вот именно... — Гвидо повернулся от стола и устремил на Кая указующий перст. — Теперь то, что в сводки вашего управления не попадало: основным потребителем «пепла»

являются четыре мафиозные группировки, базирующиеся на Фронде. Это при почти полном отсутствии «пепельных» наркоманов! Такое дорогое удовольствие здешней публике не по карману! Вывод?

— Вывод первый, — Кай почесал нос, — Фронда — всего лишь перевалочный пункт для перевозок «пепла». — Вывод второй — основным потребителем «пепла» является земная Диаспора на Инферне... Это — единственный полностью неконтролируемый канал его вывоза...

— Первое верно на сто процентов! Bravo, следовательно... — Гвидо снова прищелкнул пальцами. — А вот второе... Это именно то, что предстоит вам расследовать на месте действия. Дело в том, что ваше предположение лежит на поверхности. Но возможны варианты... Варианты, которые вызывают куда как большую тревогу...

— Слушаю вас... — Кай подался вперед, — но разве... Разве в Диаспору землян не внедрена ваша агентура?

— Все как один убеждены, что военная разведка всесильна... — Гвидо неприязненно поморщился. — Поймите, следовательно, что нам приходится преодолевать два весьма высоких барьера — контрразведку Фронды и соответствующие службы ранарари. В свое время мы недооценили их оба... И теперь, потеряв далеко не худших наших сотрудников, обжегшись на молоке, как говорится, дуем на воду. Ведь когда мы впервые проявили интерес к тому, что же делается на Инферне с землянами, — те самые шесть-семь лет назад, — наша разведсеть на Фронде была разгромлена до основания. Сами понимаете, это не та информация, которую мы стремились поместить на первые полосы сводок новостей... Кроме того, существуют еще и препятствия м-м... внутренней природы. После всего этого, да и по другим причинам, Директорат настолько боится любого обострения обстановки в секторе, что не способен был утвердить ни одного радикального плана по развертыванию разведработы на Инферне. Они свято убеждены, что можно чувствовать себя в безопасности, имея достаточное количество автоматов разведки на дальних орбитах и десятков-другой коллапс-генераторов на дежурных крейсерах. Кроме того, вся эта история с «пеплом» стала ясна нам всего пару месяцев назад.

— Если все так, как вы говорите, то... — Кай пожал плечами. — То нам предстоит хлебать дерьмо полной ложкой.

— Мы уже хлебаем его... — Гвидо помахал в воздухе листком бумаги. — Корри... Мирολюбивые, не способные на убийство корри предъявляют Директорату обвинение в провоцировании на Инферне массовой наркомании.

— Среди людей? — недоуменно воззрился на него Кай.

— В том-то и дело, что они подозревают, что мы травим «пеплом» именно ранарари... — подполковник протянул документ следователю. — Только этот скандал и подвиг Директорат дать санкцию на нашу операцию...

Что-то недосказанное почудилось Каю в словах резидента, но он так и не поймал за хвост это свое ощущение, не смог перевести его в выраженный словами вопрос.

— А разве «пепел» действует на «чертей»? — недоуменно спросил Кай, пробегая глазами строчки меморандума иной Цивилизации.

— А вот об этом вам и предстоит подробнейшим образом поговорить с доктором Кульбахом... — Гвидо аккуратно отобрал листок у Кая и вернул его на место. — Он у нас единственный, кто хоть что-то смыслит в биологии ранарари. Или думает, что смыслит. По правде говоря, какие-то основания для своих заявлений корри имеют — что-то непонятное

происходит на Инферне последние шесть лет. По крайней мере план переселения добровольцев на Фронду ими сильно свернут. Или отложен вообще. И те их службы, с которыми мы контактируем, стали вести себя м-м... непрофессионально...

— Барьер, о котором вы говорили, снизился? — предположил Кай.

— В каком-то смысле... Во всяком случае, сейчас возможность успешного внедрения нашей агентуры в Диаспору оценивается специалистами очень высоко... Правда, мафия опередила нас — проложила на Инферну свою дорожку и охраняет ее весьма жесткими методами...

Снова недосказанность тенью мелькнула в интонациях голоса Дель Рея.

— Спасибо. Вы меня здорово утешили... — Кай поднялся с кресла. — Как я понимаю, мне сейчас надо обратиться к доку Кульбаху?

— Да, — Гвидо похлопал Кая по плечу. — Он уже предупрежден и ждет тебя, — подполковник, видимо, решил, что пора переходить на прежнее «ты». — Это в лаборатории на седьмом ярусе. Соответственно — дверь семьсот шесть. Постарайся выжать из нашего профессора все, что он способен объяснить на человеческом языке. Не обращай внимания на некоторые странности дока — на второй год работы здесь они появляются у каждого. А док трубит здесь третий контрактный срок... Когда закончите, возвращайся ко мне — пропустим по рюмке кампари за встречу. По старой дружбе даю тебе пару суток на ознакомление с материалами. А там уж и обмозгуем детали... Я думаю, тебе наши прикидки придутся по душе.

* * *

Отдел медико-биологической экспертизы «Эмбасси-2» был образцом порядка и организации. В относительно небольшом объеме типового лабораторного отсека удачно разместились не только шестеро лаборантов, интенсивно копошащихся за пультами довольно сложных установок, но и нечто в виде экспозиции, отражающей современный уровень знаний земной науки о «чертях с Канопуса». Как-никак «Эмбасси» был форпостом земной контрразведки, выдвинутым под самый нос цивилизации ранарари.

Прежде чем зайти в кабинет дока Кульбаха, Кай задержался перед муляжем, изображавшим взрослую особь «черта» — образ скорее собирательный, но снабженный, однако, табличкой: «Ranharari sapiens. Veinshteinii. Возраст предп. 210 земных лет. Пол предп. мужск.».

— Покойный Вайнштейн сам этот муляж монтировал... — произнес за спиной федерального следователя голос с берлинским акцентом. — Разрешите представиться — Эберхардт Кульбах, к вашим услугам.

Обернувшись, Кай узрел перед собой самого доктора Кульбаха, вышедшего из кабинета встречать гостя.

— Санди, — отозвался он, пожимая протянутую ему руку, — федеральный следователь Кай Санди. Вы говорите, что это работа самого Григория Вайнштейна?

— Был он, — продолжил док, задумчиво глядя на ранарари, но имея в виду своего великого предшественника, — гениальный космозоолог, и был он дурак: совершенно неправильно определил и возраст и пол... Особи не более ста. А то, что Григорий Семенович считал вторичным половым признаком, так это — рудиментарное жало... К полу никакого

отношения не имеет. Хотя и выглядит внушительно, спору нет...

— Так это э-э... самка? — попробовал уточнить Кай.

Док пожал плечами.

— Если вам попадется человек, который будет утверждать, что знает, как установить пол у ранарари, то пошлите его ко мне. А лучше сразу пошлите к чертовой бабушке. И тех, кто утверждает, что у ранарари вообще есть пол, — тоже. Впрочем, тех, которые скажут, что его у них — у ранарари — нет, посылайте туда же. Биология размножения ранарари — область преинтереснейшая, но совершенно темная...

Доктор помолчал немного.

— Думаю, что у вас не было особенно много времени на э-э... изучение биологии Друзей... Их так называют там — внизу, на Фронде. Друзья. Спонсоры... И, разумеется — «черти». Так вот, если у вас найдется часок свободного времени, я обещаю вам небольшую экскурсию по нашему э-э... музею. Но сначала — деловой разговор. Попрошу в мой кабинет...

Никаких, собственно, странностей за доктором Кульбахом Кай не заметил. Это был невысокий аккуратный немец, склонный, видимо, ко всяческой популяризации собственных научных достижений и, несомненно, страдающий от необходимости работать в условиях строгой секретности. Так что появление — специально для беседы с ним — человека, наделенного доступом к информации, обладание которой было для дока привилегией и тяжким крестом, весьма обрадовало эксперта. Можно сказать — воодушевило.

— Вообще ранарари, люди и «пепел» — это тема для большого разговора, — уведомил он Кая, усаживая его в глубокое кресло напротив своего стола. — Собственно говоря, первоначально, пока корри не выступили с этим своим диким документом, мы рассматривали всерьез только две м-м... версии... В обеих как объект воздействия препарата рассматривались именно люди... И в обеих мы исходили из того, что имеем дело не с простой, а с курируемой, так сказать, направляемой со стороны ранарари волной наркомании...

— То есть вы предполагаете, что ранарари специально «подкармливают» Диаспору наркотиком? — уточнил Кай.

— Это — первое и наиболее простое предположение... — доктор уселся за стол и, покопавшись в его ящиках, извлек и протянул Каю увесистую распечатку. — Вот. Моя разработка этой версии. Беда в том, что сама версия выглядит неубедительно. И вот почему. Для выработки наркотической зависимости вовсе не нужен дорогой, обладающий сложным механизмом действия препарат. Достаточно обычных опиатов. Хотя, конечно, можно сделать ряд предположений относительно того, что ранарари имеют намерения осуществить определенную перестройку самой генетической природы людей, оказавшихся практически в их рабстве, сотворить из них несколько, так сказать, специализированных пород прислуги — по типу пород собак или кошек, выведенных людьми... Но...

Док сделал некий жест, означающий определенное — достаточно несерьезное — его отношение к своим собственным словам...

— Вы не видите серьезных подтверждений таким предположениям? — уточнил Кай.

— Именно, — док зафиксировал это свое умозаключение решительным тычком указательного пальца в направлении собеседника. — Конечно, «пепел» — мощное физиологически активное вещество. Конечно, он взаимодействует с компонентами генетического аппарата человека. Но существуют и другие, более прямые методы генетической инженерии. Это — с одной стороны. А с другой — такая логика — это

чистейшей воды антропоцентризм... Мы приписываем ранарари чисто человеческие цели и намерения. И главное — чисто человеческие знания и методы...

— М-м?... — Кай всем своим видом показал, что стремится понять мысль собеседника.

— Да-да, вы совершенно правы, — несколько польстил ему док. — Ранарари очень сходны с нами по их метаболизму, по тем требованиям, которые предъявляет их организм к окружающей среде, по фундаментальным психосоматическим механизмам их поведения... Но это не означает сходства на клеточном и молекулярном уровне... Природа добилась довольно сходных результатов, применив совершенно различные подходы... И трудно сказать, в какой степени ранарари удалось изучить и понять физиологию и генетику человеческих существ... Про себя мы, по крайней мере, не можем сказать этого... Я имею в виду достижения земной науки в изучении их организма...

— Ну... Мы находимся не в равных условиях...

Кай имел полное право утверждать это: если в распоряжении обитателей Инферны находились теперь несколько миллионов человеческих существ — практически все население Фронды плюс огромное количество иммигрантов, обитающих теперь на самой Инферне и в зоне ее «ближнего космоса», которых можно было наблюдать, изучать и прижизненно и посмертно, то в распоряжении землян находились лишь тщательно упрятанные в недра секретных исследовательских центров останки примерно полутора десятков уроженцев этого чуждого и в то же время так похожего на Землю и населенные людьми планеты Мира. Причем останки эти в большинстве случаев были порядком повреждены, что не было, впрочем, удивительным: захвачены они были в результате боевых действий, которыми сопровождалась первые контакты землян и ранарари. В дальнейшем после установления дипломатических отношений, перехода ко вполне мирному сосуществованию и даже к сотрудничеству в ряде из осваиваемых Миров, ранарари ни разу не позволили подвергать ни изучению, ни даже подробному осмотру ни себя, ни представителей живого мира Инферны — ни ее флоры, ни ее фауны. Земляне до поры до времени платили им тем же, но после отделения Фронды и открытия для ее граждан въезда на Инферну о сохранении симметрии в отношении взаимных секретов биологии землян и «чертей с Канопуса» уже не могло быть и речи.

Доктор Кульбах только пожал плечами в знак согласия с этим очевидным фактом. Потом снова окунулся в недра своего письменного стола и порадовал федерального следователя вторым скоросшивателем с распечаткой, объемом основательно превосходящей первую.

— Это — альтернативная версия... Версия политико-экономической диверсии... Тут прорабатывался целый ряд предположений: во-первых — что ранарари создают резервный фонд наркотика, который потом выбросят на рынке какого-то из Миров Федерации... С целью дестабилизации обстановки. Вполне разумное предположение в свете того, что произошло на Фронде. Далее... — док откинулся на спинку кресла, — так сказать, вариант этого варианта... Ранарари имеют в виду спровоцировать в одной из перспективных для них колоний землян эпидемию, подобную эпидемии «Каббалы» на Нимейе, затруднить доставку туда средства лечения, которым является именно «пепел», и выступить затем в роли спасителей...

Кай откашлялся. В ликвидации нимейской эпидемии он принимал участие, можно сказать, непосредственное... Соблазн принять именно этот вариант был для него велик. Но жизненный опыт подсказывал ему, что лучший способ завести следствие в тупик — это

твердо придерживаться какой-либо из заранее разработанных высоколобыми специалистами кабинетных версий.

— И наконец... — подсказал он задумавшемуся было Кульбаху.

— И наконец — третий вариант второй версии, по сути дела близкий к версии первой. За тем исключением, что речь идет не о применении производных «пепла» к людям Диаспоры, а об их э-э... боевом использовании. Против землян на одной из планет, к которым ранарари присматриваются на предмет заселения своими колонистами.

— Но, насколько я понимаю, с этим у них сейчас какие-то проблемы? — уточнил Кай.

— Насколько я знаю — да... — док снова пожал плечами. — Но про это вас лучше проинформирует Кальвини из политического отдела... Я думаю, после того, как вы полистаете наши разработки, у вас возникнут вопросы. С ними — прошу ко мне. В любое время дня и ночи. Я не хуже вас понимаю, что вас прислали сюда не для того, чтобы вы теряли время даром... А теперь — о главном... О меморандуме корри...

Док задумчиво, как-то по-стариковски пожевал губами.

— По сути дела — нелепейший документ. По сути дела, нас обвиняют в тайной диверсии против иной цивилизации... Причем с помощью средства, выработанного специфически для применения к человеческому организму... Полнейший абсурд. Но...

Кульбах посмотрел на Кая так, словно хотел поведать ему о том, что проиграл его деньги в покер.

— Но дело в том, что...

Он развернул свое кресло к небольшому стенному сейфу и извлек из него до боли знакомую Каю «серую книгу» — строго секретное наставление по обращению с «пеплом».

— Я знаком с этим э-э... документом, — предупредил Кай, принимая услужливо открытую на нужной странице распечатку.

— Думаю, — вежливо улыбнулся док, — вы не на все обратили внимание, когда знакомились с ним... Вот — на шестой странице, я позволил себе выделить несколько строчек желтым маркером...

И вправду — первый десяток страниц, посвященных сугубо научной стороне дела и тем более истории вопроса, Кай в свое время (уже довольно давно) читал не особенно вдумчиво — его задачей было вникнуть в вопросы, имеющие значение для транспортировки «пепла». А желтым маркером (а первоначально — отчерком чье-то удивленного ногтя) были отмечены слова:

«Определяющим компонентом для стабильной работы препарата явился комплекс полициклических соединений, полученных первоначально из биообъекта неземной природы („псевдоинсектоида Вайнштейна“), а затем успешно синтезированных искусственно...»

— Гос-с-споди! — воскликнул Кай. — Как я не вспомнил об этом! «Псевдоинсектоид Вайнштейна»... Раньше так называли ранарари!

Доктор мрачно кивнул.

— Их и теперь так называют — в науке... Этот «фактор» получили, когда один из первых м-м... образцов тканей ранарари был исследован биохимически... — пояснил он. — Вайнштейн был в свое время тесно связан с разработкой «пепла». Собственно, он этим людям — тем, кто его разрабатывал, — и отдал на исследование свой материал... Только,

естественно, все, что они там получали в своих лабораториях, они пытались применить к своим проблемам...

— И что вы полагаете в связи с этим?.. — Кай присмотрелся к лицу дока.

— Пока что я ничего не полагаю... — Кульбах старался смотреть в сторону. — Пока что я... пока что мы имеем факт.

Он поднялся из-за стола.

— А сейчас позвольте мне выполнить свое обещание. Насчет экскурсии...

* * *

Доктор Кальвини из политического отдела оказалась женщиной — энергичной и целеустремленной. Как и Гвидо, она предпочитала служебный мундир партикулярному платью — и недаром: форма майора военной контрразведки ей удивительно шла, так же, как и неожиданная для смуглой итальянки платинового оттенка прекрасно уложенная прическа и голубые — скандинавские, скорее — глаза. Все это — и смуглая кожа, и платиновые волосы, и голубые глаза — было, по профессиональной оценке федерального следователя, вполне натуральным. Он тяжело вздохнул. От платиновых блондинок в свое время он натерпелся немало. И отнюдь не на фронте амурных походов.

— Франческа, — представилась она, приглашая Кая занять место в кресле у столика, за которым тут, видно, принято было проводить что-то вроде мини-конференций. Сама же осталась за своим столом, украшенным здоровенным терминалом центрального компьютера базы.

— Собственно, Гвидо попросил меня о невозможном, — недовольно бросила Франческа, освобождая стол от громоздящихся на нем распечаток и одноразовых стаканчиков из-под кофе. — Ему надо, чтобы я за пару часов ввела вас в курс отношений Фронды с Инферной и их обеих с Федерацией, как будто дело идет об устройстве, гм, торговой сети или, скажем, противопожарной охраны. По истории Союза Двух Разумое написана не одна сотня гигабайтов. А здесь — на месте — сразу становится ясно, что половина из них содержит чушь и бредни. За девять лет работы здесь я много раз начинала думать, что разобралась-таки в ситуации — и каждый раз попадала пальцем в небо... Так что не знаю, какой из меня получится инструктор.

— Я кое-что прочитал по данной э-э... проблеме, — постарался сгладить столь резкую самокритику Кай. — Дорога, знаете ли, была достаточно долгой... Так что, может быть, обойдемся без лекций? Меня интересует не теория вопроса, а некоторые конкретные, специфические вопросы... Так что, миссис Кальвини, считайте, что я возьму у вас небольшое интервью и потом, если возникнет необходимость...

— Мисс, — уточнила сразу помрачневшая доктор. — Станешь тут «миссис» — в этой чертовой дыре... И, прошу вас, называйте меня Франческа...

— Ну что же, мисс Франческа, — Кай постарался загладить свою бестактность как можно более располагающей улыбкой, — надеюсь, мои вопросы...

— Интервью! — прервала его собеседница, все еще переживавшая нанесенное ей оскорбление. — Сказали бы лучше, что будете снимать с меня показания. Так будет смешнее, учитывая вашу и мою специальность...

Кай постарался всем своим видом показать, что ценит юмор собеседницы.

— У меня, право, нет ни малейшего намерения понапрасну отнимать у вас время, Франческа, — кротко начал брать быка за рога федеральный следователь. — Поэтому давайте сразу перейдем к делу. Со статистикой по экономике и социологии Фронды я ознакомился еще в дороге. Знаете, цифры впечатляют: за три года производство упало в тринадцать раз, рождаемость — в десять. Смертность — самая высокая в Обитаемом Космосе, я имею в виду — людская смертность, а не...

— Я понимаю, — кивнула Франческа. — Мне вы эти цифры можете не цитировать...

— Собственно, с точки зрения сугубо прикладной, этой статистики достаточно, — Кай пожал плечами. — Но меня поражает то, что ни в одном источнике я не нашел серьезного объяснения причин этого м-м... бедствия. Скажу вам прямо: просто удивляет высокомерие и откровенное злорадство наших записных политкомментаторов. Все зло, видите ли, — от разрыва с материнскими структурами Метрополии. Без конкретных объяснений — что же все-таки вызвало такой обвал. Ведь даже в эпоху Изоляции эта планета не знала такого...

— Могу только согласиться с вами, следователь, — пожалала плечами Франческа. — В период Изоляции Гея-два была одним из наиболее благополучных Миров. Более того: по сравнению с Имперским периодом на планете наблюдался даже экономический подъем. Вообще, их общество довольно долго и стабильно шло в гору.. С этим и были, собственно говоря, связаны все их поползновения к сепаратизму, которые вылились...

— Ну вот видите, — подхватил Кай. — Значит, для специалистов это и не было никогда секретом... Мало того — экономическим подъемом были отмечены и первые десятилетия отделения Геи — теперь уже Фронды — от Федерации...

Ученая мисс поморщилась.

— Просто никому не выгодно было афишировать именно эту сторону вопроса. А теперь — тем более...

— Вот за это я и люблю наши масс-медиа... — поморщился в ответ и Кай. — Вроде бы ни одного слова лжи сказано не было. Но вот вам парадокс. До тех пор, пока я не взялся за специальную литературу, я — человек довольно хорошо информированный — был уверен, что все годы Изоляции Фронда катилась по наклонной плоскости. Я верил, что только в годы Воссоединения, за исторически короткий срок Фронда стала на ноги, а затем вдруг, добившись независимости, снова рухнула в пропасть бедствий...

— Вы говорите это так, словно лично мне в упрек ставите создание таких иллюзий, следователь...

Франческа задумчиво вытянула из стола пачку сигарет и покосилась на видеокамеру внутреннего наблюдения — стандартное украшение всех подведомственных департаменту контрразведки помещений «Эмбасси».

— Вы не курите, следователь? А я вот — с вашего разрешения — позволю себе. У меня такое ощущение, что милейший Гвидо, так сказать, не участвует в нашей беседе...

— Шеф запретил курение? — иронически поинтересовался Кай, жестом давая понять, что в предложенной сигарете не нуждается.

Открыто декларируемая — наличием камеры — возможность незримого присутствия кого-то третьего всегда не нравилась ему в системе ведения дел военной контрразведкой.

— Нет... — Франческа щелкнула зажигалкой. — Просто шеф проявляет излишнюю заботу о моем — лично — здоровье...

Кай меланхолично подумал, что если дело ограничивается только этим — здесь, на отрезанной от Большой земли, законспирированной космической станции, то

подполковника Гвидо Дель Рея можно считать прямо-таки образцом целомудрия. А вслух спросил, возвращаясь к теме разговора:

— Но все-таки, я полагаю, причины нынешнего кризиса Фронды — истинные причины лежат не в ее своенравии? Специалисты об этих причинах хотя бы догадываются?

Франческа чуть поперхнулась табачным дымом — Кай отметил про себя, что курильщицей со стажем ее назвать было трудно. Похоже, что мисс дымила назло и шефу, и навязанному ей собеседнику вместе взятым — в порядке самоутверждения.

— Вопрос деликатный... — задумчиво сказала, наконец откашлявшись, доктор Кальвини. — Если о наших предположениях раньше времени узнают СМИ, возможны непредвиденные осложнения...

Она откинулась в кресле и с ненавистью посмотрела на фильтр сигареты.

— Вы, конечно, знаете, что Фронда — один из шести, так сказать, неполитизированных Миров... Причем — один из самых первых.

— Это теперь есть даже в школьной программе, — пожал плечами Кай. — Мир, вручивший исполнительную власть компьютерной сети. И касте Интерпретаторов-программистов... Неужели в этом дело?

Пока что все остальные пять Миров, ставших на «автопилот», демонстрировали — назло всем политикам Обитаемого Космоса — на редкость стабильные темпы роста уровня жизни и довольно высокую политическую стабильность. Сбой системы управления хотя бы в одном из них непременно вызвал бы взрыв эмоций в высшем руководстве Федерации, где сторонники и противники «электронной бюрократии» вот уже который год не давали покоя ни себе, ни людям бесконечными спорами о достоинствах и недостатках последней.

— Вопрос куда сложнее...

Франческа снова попробовала затянуться своим «Житаном» — на этот раз более успешно.

— Видите ли, следовательно... Тут приходится задевать довольно болезненные стороны наших с Инферной отношений... Как вы помните, до не так уж давнего времени основным продуктом нашего с ранарари информационного взаимодействия был софтвер — программное обеспечение компьютеров и компьютерных систем. К счастью — или, не знаю, к несчастью, может быть, — и у нас, и у них этого рода техника была, независимо друг от друга, разработана на очень близких принципах и достигла примерно одинакового уровня к моменту нашего с ними взаимного обнаружения... В период, так сказать, «конфликтного взаимодействия» довольно много нашей вычислительной техники попало на Инферну и некоторое количество компьютеров ранарари досталось нам. И они, и мы самым тщательным образом изучили устройство «электронных мозгов» противника и в первую очередь — особенности их программного обеспечения... В результате ранарари нашли, что «железо» земных ЭВМ будет, пожалуй, получше, чем все то, до чего они додумались у себя там — на Инферне. А наши программисты — наоборот, нашли, что искусство программирования ранарари основывается на нескольких очень эффективных принципах, которые позволят произвести целую революцию в их деле. И началось... После того как первоначальные конфликты были улажены, выяснилось, что только взаимный обмен информацией по устройству и программному обеспечению компьютерной техники и представляет серьезный экономический интерес — как для Федерации, так и для ранарари. Ни ископаемые, ни какие-либо промышленные изделия — за исключением небольших

партий всякой экзотики — предмета серьезной торговли между нашими цивилизациями составить не могли. В этом смысле мы оказались друг другу просто неинтересны.

— К счастью, — косо усмехнулся федеральный следователь.

— Я тоже думаю, что — к счастью, — согласилась доктор Кальвини. — Иначе военные действия возобновились бы рано или поздно с обеих сторон. А точнее — просто не прекращались бы...

Она досадливо развеяла повисший над столом табачный дым энергичными движениями узкой смуглой ладони, с сомнением посмотрела на выкуренную до половины сигарету и продолжила:

— Довольно быстро ранарари «оседлали» земные технологии и стали в общем сильными конкурентами для основных производителей вычислительной техники — на рынках своего сектора. А когда им удалось спровоцировать отделение Фронды от Федерации, и особенно после создания Союза Цивилизаций, они практически монополизировали рынки этой планеты. Я имею в виду рынки компьютерной техники и программного обеспечения. Уже тогда наши специалисты заметили очень опасную тенденцию: ранарари поставляли оба эти товара по демпинговым ценам и позаботились о полной несовместимости софтвера, установленного на их технике, с программным обеспечением земных ЭВМ. Совершенно ясно, к чему это вело: Федерация была полностью отсечена от информационных технологий Фронды, а любой обмен информацией с материнской — Земной — Цивилизацией был поставлен под контроль ранарари. Директорат изо всех сил сопротивлялся этому, но поделать ничего не мог... Когда дело дошло до замены техники, обслуживавшей сети политического управления планеты, Федерация предложила не то что бесплатно осуществить все работы и поставить под них «железо» — прямо скажу, Земля предлагала еще и приплатить Фронде, лишь бы она не сдала ключевых позиций Инферне. Но свое веское слово сказал Верховный Интерпретатор, и система политического и экономического управления Фрондой была переведена на технику Инферны.

— Про это почти ничего не было в наших сводках... Впрочем, — Кай с досадой махнул рукой, — чему я, собственно, удивляюсь?

— Вы, кажется, начинаете проникаться атмосферой ситуации, следовательно, — констатировала довольная достигнутым эффектом Франческа. — Хотите кофе?

— Не откажусь.

Здесь кофе Каю пришелся по душе в отличие от тех напитков того же наименования, которые ему приходилось отведать чуть ли не во всех уголках Обитаемого Космоса. Видимо, кофейные плантации Фронды не уступали по произрастающему на них продукту латиноамериканским и сендерийским полям.

Доктор Кальвини поднялась из-за стола, врубила упрятанную в стенную нишу кофеварку и, наблюдая за ходом процесса приготовления капризного напитка, рассеянно бросила:

— Можно догадаться, чем руководствовался этот урод...

— Это вы про Верховного Интерпретатора? — осторожно предположил Кай.

Он уже достаточно хорошо сжился с тем образом сравнительно законопослушного жителя Фронды с двойным гражданством, в котором ему предстояло существовать.

— Про кого же еще? Вам сколько ложечек?

Франческа переставила из ниши на пластиковый поднос два пластиковых стаканчика с

дымящимся напитком и повернулась к Каю, держа наготове дозатор с сахаром.

— Пару.

Кай взял горячий стакан и принялся размешивать кофе предусмотренной для того лопаточкой.

— Интерпретатор смертельно боялся, что мы — земляне — будем мстить. Устроим Фронде информационную диверсию, — пояснила свою мысль Франческа, устраиваясь на краешке собственного стола. — Запустим вирусы в систему управления планетарной экономикой, загрузим им «тройских коней» и все такое... И поэтому решил полностью изолировать «мозги» государства от информационного обмена с Федерацией.

Она отхлебнула кофе и затянулась остатком сигареты.

— И не зря боялся, надо сказать. Именно в это дерьмо они и влипли. Но только пришло оно — это дерьмо — с Инферны!

— Так вы считаете, что это была информационная диверсия? — слегка поперхнулся горячим кофе федеральный следователь. — Но это же... Генеральное Межцивилизационное Соглашение определяет такие вещи как...

— Как повод для вторжения, — перебила его Франческа. — Будем называть вещи своими именами, следователь. — Такие действия ранарари развязывают Метрополии руки — дают право на вооруженное вторжение. С целью защиты представителей идентичного разумного биологического вида. Вот видите, почему к этой гипотезе не подпускают прессу...

— Контрразведка располагает достоверными доказательствами того, что...

Франческа снова закашлялась и отвлеклась на развеивание сизого облачка, лениво плывущего перед нею. Затем решительно утопила окурок в стаканчике с остатками кофе, а сам стаканчик бросила в утилизатор. Она заняла свое место за столом и уже несколько официальным тоном определила:

— Пожалуй, я уже дошла до предела того, чем нашей конторе дозволено обменяться с вашей. В плане политической информации. Я не ожидала, что вас будет интересовать эта сторона вопроса, следователь. Ведь, в конце концов, вы заняты в операции криминального плана, а не политического...

Кай промолчал, но всем своим видом показал, что вообще-то ему самому лучше знать, что следует, а чего не следует знать внедряемому агенту о той среде, куда ему предстоит внедряться. Сделал он это, видно, достаточно деликатно — во всяком случае, доктор Кальвини сменила гнев на милость и сочла нужным смягчить резкость своей последней реплики.

Она двинула по столу к Каю стопку скоросшивателей, а из-под этой горы бумаг извлекла какую-то мелкую сущность и вперилась в нее взглядом.

— Ознакомьтесь на досуге. Копирование на любые носители — запрещено. Это некоторые заключения наших экспертов...

Кай отставил опустошенный стаканчик, взял папки и вопросительно посмотрел на Франческу, желая понять, окончен ли их разговор.

Та не спешила, однако, поставить точку в сказанном.

— Во всяком случае... — заметила она, задумчиво вертя перед собою прихваченный со стола амулетик-оберег Пестрой Веры, выточенную из ореха фигурку-погремушку Шептуна — Беса Худых Тайн. — Во всяком случае, экономический интерес ранарари в этом просматривается: Инферна получает в свое распоряжение поток высококвалифицированных

специалистов, которых кризис оставил без средств к существованию. Но даже не это главное — ранарари всерьез напуганы экспансией землян, Человечества... Каково было им, считавшим себя единственной во Вселенной разумной расой, вдруг обнаружить себя внутри неуклонно расширяющейся сферы населенных землянами Миров? Хотя и на самой ее — этой сферы — окраине, но все равно — уже внутри нее! Они прекрасно знают закон конкуренции — тот, кто не расширяется, тот коллапсирует! И вряд ли все межцивилизационные соглашения могут успокоить их в этом отношении. Легко такие соглашения подписывать корри — им нечего делить с людьми: землеподобные планеты не для них. А ранарари, при всем их внешнем чертоподобии, до смешного много общего имеют именно с людьми. Даже аминокислотный состав тканей их с нашим не совпадает только на двадцать процентов! Мы с ними можем питаться одними продуктами, дышать одним воздухом, пользоваться одной и той же техникой. И вот эти наши естественные конкуренты в космической экспансии вдруг обнаруживают, что ни единой пригодной для обитания планеты в пределах возможностей их космических кораблей — нет! Все землеподобные планеты, все Тридцать Три Мира уже благополучно — ну, скажем, более или менее благополучно — обживаются землянами. Земляне, конечно, приветливо машут ручками — приглашают их к совместному освоению тех Миров, в которых еще полно свободного места и нетронутых ресурсов, но при этом они — земляне — размножаются в пять-шесть раз быстрее, чем, судя по косвенным показателям, множатся ранарари. Соглашения соглашениями, а логический вывод один: как раз к тому моменту, когда Инферна оказалась готова к космической экспансии, когда у нее появились экономически приемлемые способы вывода в Космос и доставки на пригодные для жизни планеты большого количества жителей и полезных грузов, Человечество отрезает им путь к такой экспансии, принуждает оставаться на единственной обитаемой планете — с порядком выработанными ресурсами, сырьевыми и экологическими — и, в конечном счете, обрекает их чуть ли не на вымирание. Решение напрашивается само: с землянами придется вступить в борьбу, а поскольку прямой военный конфликт означает скорее всего гибель или оккупацию, то действовать надо хитростью и диверсиями. Первые несколько лет софтвер ранарари верой и правдой служит народу Фронды. А затем приходит время включаться программам деструкции, и экономику планеты начинает затягивать спираль кризиса. Сельское хозяйство делается нерентабельным, капитал уходит в торговлю, а через нее — прочь с планеты, экономика задыхается без инвестиций. А уж медицина, наука и образование в этих условиях тихо умирают естественной смертью. Рождаемость при таких делах уходит в нуль, и через два-три поколения ранарари получают чистенькую, готовую к заселению планету и тем самым кладут начало своей — не менее беспощадной, чем у землян, — экспансии. Федерация не выигрывает ничего, кроме чисто демонстрационного эффекта: вот, мол, детки, что ждет тех, кто не слушается маму с папой, а теряет целую планету, а с нею — и инициативу экспансии в целом секторе... У вас есть еще неясность относительно того, qui prodest?* [\[1\]](#)

— Пожалуй, что нет, — вздохнул Кай.

Но в голосе его звучало сомнение.

* * *

— Ну, насколько я понимаю, теперь ты уже ощущаешь себя подготовленным к тому,

чтобы пораскинуть мозгами над планом своей э-э... миссии... — Гвидо бросил на Кая взгляд исподлобья.

Кай отнюдь не ощущал великой готовности к совершению очередного подвига. Он ощущал то, что ощущал всегда, когда от стадии ознакомления с очередным запутанным и паршивым делом нужно было переходить к стадии оперативной работы, — а именно мерзкое чувство, что все, что он считал надежно установленными и не вызывающими сомнения фактами, на поверку оказывается расплывающейся кучей плохо проверенных и отчаянно противоречащих друг другу слухов и догадок. Знакомство с вопросом всегда уменьшает знание о нем — основное правило следственной работы.

— Перед смертью, говорят русские, не надышишься, — мрачновато определил федеральный следователь свое настроение. — Давайте, Гвидо. Слушаю вашу разработку...

Подполковник Дель Рей аккуратно и быстро, словно опытный банкомет, ловко сдающий карты, выложил на покрытый очень кстати зеленым сукном стол несколько стандартных идентификационных карт и добавил к ним несколько листов распечаток, украшенных рукописными примечаниями на полях.

— Итак, — начал он задумчиво, — план первого этапа операции «Тропа»... Надеюсь, управление не возражает против такого названия?

— Ничем не хуже любого другого, — пожал плечами федеральный следователь. — Главное, чтобы противник не знал о существовании какой-либо операции вообще. Если станет известно, что операцию разрабатывает ваш филиал на «Эмбасси», то любому станет ясно, чему она посвящена, как бы мы ее ни назвали...

— Сначала — предложения с нашей стороны... — Гвидо вопросительно глянул на Кая. — Предложения со стороны управления, с твоего позволения, я выслушаю чуть позже. Или — просто по ходу дела...

Он потер лоб, собираясь с мыслями.

— Собственно, твоя задача, — он снова проверил взглядом, достаточно ли внимателен его старый друг, — ставится как минимальная: ты должен стать своего рода лидером, проложить дорожку, по которой мы пустим профессионалов м-м... иного типа.

— Дорожку мне следует протоптать от Фронды до Инферны... — Кай с интересом следил за новыми предметами, выкладываемыми на стол подполковником. — Вопрос в том, с кем следует «завязаться» на самой Инферне...

Гвидо с сомнением покачал головой:

— С нашей точки зрения, тебе не стоит сразу развивать на Инферне заметную активность. Риска и так хватает. От тебя потребуется разыграть продавца крупной партии «пепла», который ищет выход на новый и перспективный рынок... И «прозвонить» всю цепочку от загрузки товара на Фронде до его встречи на орбитальных перевалочных пунктах Инферны. По возможности — до самой поверхности. Если удастся провести там, в Диаспоре, недельку-другую и завязать полезные знакомства, это — уже максимальный результат, на который мы можем рассчитывать... Собственно, если тебя никто не опознает лично — а это практически исключено, — возможность провала операции на данном этапе исключена: ты будешь вести совершенно честную игру...

— Опасность состоит в другом, — поморщился Кай. — В действиях конкурентов. Вы полагаете, на Фронде «залетных» в наркобизнесе встречают с распростертыми объятиями? Во всех других Мирах дело обстоит противоположным образом. Кроме того, «вести совершенно честную игру» — это означает, по-вашему, на полном серьезе провести по

цепочке доставки клиенту самую настоящую партию наркотика. Вы там у себя, в военной разведке, несколько вольно трактуете Уголовный кодекс применительно к своим следственным действиям...

Дель Рей со вздохом опустил в кресло.

— Ты ничуть не изменился, федеральный следователь... Законник до мозга костей... Неужели ты думаешь, что старина Гвидо не предусмотрел таких элементарных деталей?

— Без сомнения, должен был предусмотреть, — согласился Кай.

— Должен хотя бы потому, что знаю, кому предлагаю главную роль в этом кино...

Дель Рей улыбнулся с некоторым превосходством человека, который в виде исключения — из уважения к партнеру — может позволить себе играть по правилам на поле, где никаких правил давно уже не существует.

— Поэтому, — продолжил он, — никакого «пепла» не получат ни мафия, ни Диаспора — никто вообще!

Он поколдовал со встроенным в переборку сейфом и извлек оттуда причудливую — металлическую, с замочком — папочку для бумаг. Открыл замочек и выбрал из содержимого папки пару сколотых листков.

— Прошу ознакомиться с этим вот документом. Только распишись вот в этой ведомости. Эта бумага — по дипломатической линии. И не падай в обморок от удивления, следователь.

Федеральный следователь оставил свой росчерк на подшитой к документу «ведомости ознакомления», дописал разборчиво свою должность и номер идентификатора, после чего погрузился в чтение документа — недлинного, но странного.

ИЗ «ОБРАЩЕНИЯ» ПРИНИМАЮЩЕГО РЕШЕНИЯ ИНФЕРНЫ ДИРЕКТОРАТУ ФЕДЕРАЦИИ ТРИДЦАТИ ТРЕХ МИРОВ.

ВЫПИСКА.

Принимающий решения Инферны обращается к Директорату Федерации Тридцати Трех Миров с настоятельной просьбой принять действенные меры для предотвращения нелегального ввоза препаратов типа «генных сывороток» («пепел») в определенные «Договором о сферах влияния» пределы — как космического, так и планетарного характера, — контролируемые Союзом Независимых.

(Фрагмент изъят)

В целях координации действий, направленных на ограничение и полное прекращение несанкционированных Принимающим решением поступлений упомянутых препаратов в упомянутые пределы, Директорату Федерации Тридцати Трех Миров предлагается в дальнейшем ставить Принимающего решения Инферны в известность о принимаемых в указанном направлении мерах и оговорить механизм обмена информацией по этому вопросу между компетентными службами Федерации и Союза.

(Фрагмент изъят)

При условии своевременного оповещения компетентных служб Союза компетентными службами Федерации все конфискованные в пределах пространств, контролируемых Союзом, количества вышеупомянутых препаратов безоговорочно и в кратчайший срок передаются представителям Федерации в

любом удобном для них порядке.

(Фрагмент изъят)

Принимающий решения надеется на полное понимание со стороны Директората Федерации в отношении затронутой в настоящем «Обращении» проблемы.

Принятый эквивалент подписи Принимающего решения и печати канцелярии Принимающего.

ПЕРЕВЕЛ А-411.

ПЕРЕВОД ЗАВЕРЕН. ИЗЪЯТИЯ УТВЕРЖДЕНЫ.

СОВЕТНИК КОНОПАТЫЙ Р.К.».

Кай сверился с датой. Самому документу исполнилось два с лишним года. Выписку оформили неделю назад. Похоже, что специально для него.

Гвидо пристально следил за его лицом и, как только федеральный следователь закончил чтение, быстро и непреклонно забрал документ — назад, в металлическую папочку.

— Удивительный документ, — прокомментировал он. — Никакой инициативы с нашей стороны не было. Никто Принимающего решения за язык не тянул. Вообще непонятно, почему им потребовалась наша помощь в истории с «пеплом». Это не укладывается ни в одну из наших версий.

— Разве что, — предположил Кай, — размах наркомании в Диаспоре стал причинять ранарари большие неудобства...

— Отдел политического анализа так не считает, — пожал плечами Гвидо. — Об этом они — ранарари — предпочли бы молчать. И подобную м-м... вспышку легко могли бы локализовать и подавить полностью. Если действительно желать этого. Непонятно. Одно слово — не-по-нят-но! Но Директорат пошел Принимающему навстречу. Подписаны протоколы секретных соглашений... Пока чисто символические.

— Гм... Вы предлагаете мне участие в совместной с ранарари операции? — федеральный следователь недоуменно воззрился на подполковника Дель Рея.

— Совместная операция? О нет! — покачал головой Гвидо. — Мы вовсе не стремимся к открытому сотрудничеству с потенциальным противником. Тем более в таком скользком вопросе. Но на случай неожиданного разоблачения ты подстрахован. Однако не в этом главное. Главное в том, что в конце — как только ты будешь выведен из игры — мы со спокойной совестью «сдаем» весь груз «пепла» полиции ранарари и тут же получаем его обратно, согласно договору, подписанному на основании этого вот самого «Обращения». Этот же договор позволит вытащить с Фронды или даже с Инферны и тебя — в том случае, если ты влипнешь с полицией или с контрразведкой. Точнее — с тамошними их аналогами... Будешь проходить как арестованный, подлежащий депортации для суда по законам Федерации, — такие вещи у нас оговорены. А если уж совсем прижмет, тогда — как агент управления, действующий согласно духу и букве достигнутых соглашений. Там есть пункты, которые можно трактовать соответствующим образом.

— Ну что ж... С этой стороны вопрос у вас проработан лучше, чем я ожидал, — Кай счел нужным отвесить Гвидо заслуженный комплимент. — Жаль только, — продолжил он, —

что с мафией Директорат дипломатических отношений не поддерживает. А мафия имеет скверную привычку — в трудных случаях ликвидировать проблемы вместе с их носителями...

— Тут, в этом пункте, у нас тоже не пустое место... — Дель Рей снова приобрел чуть самодовольный вид и даже улыбнулся в усы — чему-то своему. — Планируется внедрить тебя не совсем уж в качестве «залетного» персонажа. Там, — он ткнул пальцем вниз, где при соответствующей ориентировке «Эмбасси-2» в пространстве вполне могла находиться поверхность злосчастной Фронды, — у нас найдется кое-кто, достаточно авторитетный в криминальном мире, чтобы составить тебе э-э... протекцию перед тамошними «авторитетами». Тем более что мы поставим этих господ в положение, когда им придется искать поставщика партии товара взамен уже запроданной, но «погоревшей»... Это будет наша побочная, вспомогательная операция, кстати, по наводке управления и в полном с ним согласии...

— Не слишком ли большое совпадение получается? — прикинул Кай. — Одновременно конфискуется один «груз», и тут же из рукава появляется продавец с другим...

— Во-первых — никаких конфискаций! — Гвидо отбил кончиками пальцев по столу короткую дробь — Контрабандистский орбитер «Валькирия» потерпел на днях аварию. Пожар в космосе — страшная вещь... Там было чему гореть у них на борту — мы это обеспечили. Жертв, впрочем, не было. Тем более что это был не настоящий поджог, а его имитация. Пострадал только фальш-груз. Хотя, будь моя воля, я с наслаждением заживо поджарил бы любого наркоторговца, который подвернулся бы мне под руку. Но в данном случае их вовремя спасли. И даже отпустили на все четыре стороны. Эти типы нам еще пригодятся. Кстати, помощь погорельцам оказывал именно «Рагнаради», который доставил тебя сюда... На «Валькирии» остались спасатели, пожарная команда и страховые агенты. И — сам понимаешь — до конца всей истории владельцы посудины и ее экипаж «лягут на дно» и будут молиться, чтобы те ничего подозрительного там не нашли. Ну, а потом — по окончании основной операции — у нас будет о чем с ними поговорить...

— Не всегда контрабандисты решаются дать в эфир свой SOS, — с сомнением в голосе заметил Кай. — Именно вот так — при пожаре на борту погиб весь экипаж знаменитого «Джокера». В том числе — трое свидетелей по делу Азиза, которых мы собирались взять на геостационаре Шарады и без которых все дело развалилось... Хотя ты и говоришь, что там был всего лишь пиротехнический фокус... Знаешь, это...

— Не беспокойся, там было кому подать SOS — пригладил ладонью свои усики Гвидо. — Ваши, кстати сказать — управления — агенты. Ли Ванбяо и Мунтян. А ОКФ блокирует нормальную навигацию в секторе. Так что еще пара корабликов, которые мы подозреваем — не без оснований, поверь — на предмет присутствия на борту «груза», надолго выйдут из игры. По моим расчетам, этими действиями мы создадим на Фронде кризис поставок «пепла». Непродолжительный, но острый. Так что господину Кротову выбирать не придется. Вот, ознакомься, — Гвидо щелкнул клавишей выносного пульта, и на дисплее перед Каем обрисовался топографический портрет господина средних лет с внушающими доверие усиками — почти такими же, как у самого Дель Рея. — Тебе с ним работать... Досье я уже перебросил на твой терминал. Суровый господин.

— Знакомый персонаж, — вздохнул Кай. — Очень знакомый. Витаутас Кротов — «Фостер». Я сам хотел предложить его для завязывания контактов.

— Хорошо, что и у тебя этот вопрос проработан, — удовлетворенно кивнул Дель Рей.

— А сам «груз»? — осведомился Кай. — С кем я работаю по его линии? И как я

объясню, что сам должен доставить его на Инферну?

— «Груз» — почти полтонны — находится уже на Фронде... — улыбнулся Гвидо. — На конспиративном складе. И под охраной твоего доверенного лица. Того самого, которое составит тебе протекцию в здешнем «уважаемом обществе». И с нанятым тобой экипажем на борту...

— Нанятым мною? — не удержался от иронического вопроса федеральный следователь.

— Нанятым от твоего имени — прости за неточность, — улыбнулся Гвидо. — Отменные головорезы, поверь мне... Кротов может проверять их до второго пришествия. Самые натуральные, профессиональные контрабандисты. Но каждый — с прекрасным опытом космонавигации. Не менее пяти подпространственных скачков на счету у каждого. Тут прокола не будет. Сам понимаешь, что для того, чтобы выкупить четыреста килограммов «пепла», нанять корабль и экипаж и оплатить рейс, тебе пришлось влезть в основательные долги. И теперь ты рассчитываешь на то, что Кротов — «отец» третьей в здешней иерархии «семьи» — в обмен на свою долю в доходе возьмет тебя в свой бизнес. Даст связи на Инферне, организует визу и обход таможи... Естественно, что доставку и прочие риски ты берешь на себя... Это — те позиции, которые ты должен удерживать при переговорах...

— Есть, конечно, риск, что именно в свой бизнес — самостоятельным подрядчиком — Кротов меня брать и не захочет... — Кай потер нос в задумчивости. — Хотя это его метод. Брать в долю готовую команду. Но только — команду хорошо проверенного состава. А здесь... Как-никак он никогда раньше не видел того, кем ему представит меня ваш человек... Это риск. В таком случае он просто предложит купить товар. И торговаться тут будет сложно. Но — если у него нет своего корабля с экипажем...

— Их не будет у него, — снова позволил себе улыбнуться Гвидо. — Все «дальнобойщики», с которыми он работает, по нашим данным, сейчас в работе. Основные силы — «Валькирию» и другие транспорты — мы выводим из игры, как я уже сказал. А время будет поджимать Фостера. Он и сейчас уже в цейтноте — вполне возможно, что Костаки или Шайтан уже поставили его на счетчик...

— Принято, — кивнул Кай. — На первый взгляд разработка перспективная. Но нужны резервные варианты...

— С этим чуть позже... — Дель Рей снова взялся за дистанционный пульт. — А сейчас немного о той легенде, которую я позволил себе подобрать для тебя...

— И, кстати, о моем рекомендателе... — Кай повернулся к Гвидо и присмотрелся к выражению его лица. — Судя по шевелению растительности на твоей физиономии, ты уготовил мне встречу с кем-то из моих старых знакомых. Из «клиентов» управления скорее всего. Разведка за последнее время повалилась переманивать к себе наши кадры — из, так сказать, внештатных.

— Пусть это будет для тебя сюрпризом... — Гвидо провел рукой по усам, как бы гася топорщащую их улыбку. — Впрочем, на пари можешь попробовать догадаться — с трех раз...

— А пари, разумеется, на что-нибудь вроде «Декамерона» тысяча восемьсот какого-то года издания или крымского «Брюта» — тоже бог весть какого года разлива? — предположил Кай. — Знаешь, меня мучают предчувствия, что дело, которое мне сосватали с твоей подачи, затянется надолго и мне не скоро удастся вернуть тебе твой выигрыш... Пусть уж будет сюрприз... Лучше такой, чем те, что бывают обычно.

— Вот все материалы по твоей «легенде», — Гвидо двинул Каю по столу папку весьма солидных размеров. — Это, — он двинул следом за первой вторую папку, размером поменьше, — твои документы, фото родных и знакомых, любимой собаки, письма от сына и любовницы.

— За собаку — спасибо, — улыбнулся Кай. — А вот за любовницу...

— Не стоит благодарности, — в тон ему отозвался Дель Рей. — Этого добра у нас навалом — и собак и любовниц... Причем учти — военная разведка работает всерьез: это значит, что если мафия отсемафорит в Метрополию, своим людям, задание проверить факты, то любовница как на духу им, этим людям, расскажет про тебя весь интим — после некоторого сопротивления, конечно; собака будет откликаться на нужную кличку и скулить при виде твоего фото, а в твоём доме, где будет жить твоя семья, найдутся не то что твои старые носки и письма, но даже подшивки «Аурума» — это, кстати, твой любимый журнал — лет за пятнадцать и позапрошлогодние квитанции за штрафы дорожной полиции... Вот так. Слушай дальше: там же, внутри папок, в желтых пакетах — резервные варианты. У тебя, к сожалению, не так много времени на то, чтобы изучить все это. Но это — извини за каламбур — еще не все... Существует еще некое м-м... побочное поручение... Довольно деликатное...

Кай выжидающе наклонил голову набок.

— Еще там, на Инферне, ты должен будешь провести некий розыск. — Дель Рей встал из-за стола и, обойдя его, сел в кресло напротив Кая. — Действовать будешь только и исключительно через третьих лиц. Тебе предстоит выяснить обстоятельства смерти человека по имени Герберт Фальк... Желательно найти его останки. Чтобы быть уверенным... А может, тебе удастся найти его живым. Но тогда — будь сверхосторожен. Если он жив, то значит — перевербован. В любом случае никто в Диаспоре — кроме тех, кому тебе удастся сосватать это дело, — не должен знать, что это ты ищешь его.

Каю стали ясны те смутные недосказанности, которые проскакивали в интонации Дель Рея, когда тот говорил о трудностях внедрения агентуры на Инферну.

— Я бы не назвал это побочным поручением... — хмуро заметил он. — Кем был этот человек?

— Это был твой предшественник, — хмуро ответил Дель Рей. — Но, похоже, он взял билет только в один конец...

Четверо суток интенсивной работы с документами сразу по двум веземным цивилизациям — Фронды и Инферны — не прошли даром для федерального следователя. Выходя из кабинета подполковника Дель Рея, Кай испытывал лишь одно желание — хотя бы час не думать о проблемах этих двух Миров, созданных, очевидно, только для того, чтобы вызывать головную боль у всякого, кто обречен иметь к ним хоть какое-то отношение.

Взявшись за ручку двери своего бокса, он испытал легкое удивление — на ней, этой ручке, болтался завязанный петлей шнурок, а шнурок был продет в темного металла

набалдашничек, в который было вправлено нечто маленькое и пушистое, что федеральный следователь принял сперва за чучело белого мышонка.

«Это талисман, — сообразил он секунду спустя. — Точнее — оберег. Настоящий, заговоренный, с Джея. Не простая заячья лапка, а тамошнего „подземного духа“. Спасает в пути от зла, задуманного врагом». Кто-то, пожелавший остаться неизвестным, выразил ему этим подарком свое сочувствие, пожелал удачи. Только вот — насколько федеральный следователь мог припомнить свод суеверий Пестрой Веры — талисман следовало вернуть тому, кто дал его тебе на дорогу. Иначе он отомстит — этот талисман. Так что Каю предстояло небольшое упражнение в дедукции — по правилам предложенной игры вычислить неизвестного доброжелателя.

Он пожал плечами и рассеянно сунул оберег в карман.

* * *

— Сдаю вам бумаги с рук на руки, — Кай утвердил на столе доктора Кальвини небольшую пирамиду скоросшивателей. — Это чтение оказалось бесполезным для меня. Простите, что задержался с возвращением — визажист мучил меня четыре часа... А через час мне уже пора на шаттл.

— Ну что же, — Франческа со вздохом поднялась из-за стола и протянула руку федеральному следователю. — Хорошо, что нашли время заглянуть. Визажист здорово поработал с вами — всего-то вроде и сделал, что подправил прическу, а уж теперь никто вас не примет за порядочного человека... Простите за такой комплимент.

— Мы с ним в основном тренировали мимику... — Кай на секунду скорчил на лице мину уголовника, испытывающего сомнения насчет того, сразу ли удушить собеседника, или сначала пропустить с ним по стаканчику виски.

Франческа усмехнулась, затем посерьезнела, по-детски шмыгнула носом. Это совершенно не шло к ее элегантному облику, но заставляло взглянуть на майора разведслужбы с неожиданной стороны. Франческа подошла к столу и порылась в нем, достала оттуда и подала Каю малую вещицу.

— У нас не принято желать удачи тем, кто уходит на задание, — плохая примета. Вот держите.

Кай взглянул на протянутую вещь — это был оберег Пестрой Веры — и невольно улыбнулся, вспомнив про другой оберег — лапку «подземного духа» с Джея, которая лежала в кармане его пиджака. Итак, Франческу можно исключить из списка тайных доброжелателей. «Она — доброжелатель явный», — подумал он. И угадал, что скажет ему сейчас док Кальвини.

— Он вам будет нужнее — там... — Франческа тоже улыбнулась.

Впервые она улыбалась следователю неофициальной улыбкой — довольно приятной, но горьковатой. Кай вспомнил слова Гвидо о потерях, понесенных на Фронде. Должно быть, у дока Кальвини были личные счеты с этим Миром — там внизу, в семистах километрах от «Эмбасси».

— Постараюсь вернуть вам его в целостности и сохранности...

— Это необязательно, — пожала плечами док Кальвини. — Если почувствуете, что кому-то он нужнее, — отдайте ему.

Федеральный следователь подхватил оберег за кожаную петельку и поднес к уху. Орешек-погремушка зашептал ему что-то, только им двоим понятное.

* * *

Шаттл «Трасса — Причал-6» должен был доставить федерального следователя в Космотерминал столицы Фронды точно по расписанию. Маленькая задержка, обусловленная внеплановым причаливанием кораблика к «Эмбасси», была умело компенсирована за счет резервов графика, а взятый на борт «лишний» пассажир — Джон Кинли Крюгер — был загодя внесен в полетную ведомость и проделал весь путь в свободном кресле резервного салона шаттла. Впрочем, почти все кресла в этом салоне были пустыми. Кроме еще одного. В нем сидел Анатолий Смольский.

— Рад снова видеть вас, — приветствовал литератор своего попугайчика. — Значит, вам все-таки тоже туда — на планету?

— Получается, что так, — довольно кисло ответил федеральный следователь. — Как ваша нога?

— Вашими заботами и промыслом божьим и думать о ней забыл, — бодро отозвался Смольский. — Тем более что у меня появились другие причины для головной боли.

— А, вы задержались на «Эмбасси», — кивнул Кай. — Бюрократические фокусы?

— Прививка Финкельштейна, — вздохнул Смольский. — Покуда мы болтались в Космосе, у меня истек срок ее действия. А я и позабыл про эту мелочь. Но компьютеры как назло помнят все. Пришлось поваляться пару дней в здешнем госпитале — после укола подскочила температура. И потом меня еще помариновали немного — во избежание осложнений... Так что я подвел своего Вергилия там — на Фронде. Не прибыл в условленный срок...

Что-то наивное было в словах литератора. Настолько наивное, что в душе федерального следователя всколыхнулись сентиментальные чувства. «В конце концов, хватит с меня и одного оберега», — наполовину в шутку, наполовину всерьез сказал он себе, похлопал по карманам и извлек из одного из них давешний подарок неизвестного доброжелателя.

— Кстати, о Вергилиях, — улыбнулся он. — И о кругах ада. Возьмите на счастье, — он протянул оправленную в темный металл пушистую лапку неземной твари. — Это — оберег. Настоящий, заговоренный. Говорят, помогает. Вам он будет нужнее, чем мне. Обещайте вернуть его мне — тогда с вами ничего не приключится страшного. Говорят — такая примета.

— Но... — писатель растерянно крутил перед собой лапку «подземного духа». — Вы думаете — мы с вами еще встретимся?..

К счастью, Каю не пришлось выдумывать ответ. По селектору объявили посадочную готовность. Шаттл уже пробивал стратосферу Фронды. Стало не до разговоров.

Вывеска на отделанной под дуб двери офиса гласила: «Алоиз Бибер. АГЕНТСТВО „РИАЛТИ“. Все виды рекламы». За дверью располагался «тамбур», содержащий в себе главным образом не слишком старую стерву Марджори Каллахан — секретаршу и единственного, за исключением самого генерального директора, сотрудника агентства. «Крутая Мардж» надежно — своей конторкой и силой непреклонного характера — преграждала путь к двери в собственно офис. Внутри же этого офиса находился в общем-то лишь письменный стол, размерами больше под стать бильярдному, за которым сидел генеральный директор агентства — плотно сложенный мужчина, как раз Алоизом Бибером, а чаще просто Бобром — и называвшийся. В зубах он держал недокуренную сигару, а прямо перед собой, на столе, — под старину сработанный, массивный блок связи.

Аппарат заливался трелью сигнала вызова.

Взять трубку Алоиз не торопился. Его мучили предчувствия.

Предчувствия эти не имели никакого отношения к рекламному бизнесу. Как, впрочем, не имело такого отношения и все его агентство. Строго говоря, Алоиз Бибер принадлежал к тому большинству населения Фронды, которое придерживалось гуманной точки зрения, что всех без исключения копирайтеров, имиджмейкеров и тому подобных паразитов рода человеческого от рекламы следует топить в первой попавшейся емкости сразу после рождения на свет. Да и размещать рекламу после зимнего кризиса и после того, как два крупнейших телецентра планеты были разнесены в клочья мятежными толпами, было некому и негде. Свой хлеб Алоиз зарабатывал другими делами.

И над этой стороной его деятельности сгущались тучи. Вот теперь ему звонят по арендованному за большие «бабки», защищенному каналу.. Звонок по этому каналу мог исходить только от очень ограниченного круга людей (и ранарари). И все больше в этом круге становилось тех, от кого ничего хорошего Бибер услышать не ожидал. Со вздохом он поднял массивную трубку блока и поднес ее к уху. Выдавил из себя невнятное: «Алло»...

— Здравствуй, Бобер...

Худший вариант. Голос в трубке был не слишком тверд и не слишком уверен. Но слишком хорошо знаком тому, кого называли Бобром.

— Привет, Фостер... — вяло отозвался он и вынул сигару изо рта. — Что-то не так?

— Нет... Все так...

Не нравился Биберу голос на том конце провода, ох, не нравился.

— Ты не мог бы подъехать ко мне на полчаса? Сейчас, сразу. Это срочно...

— Да, разумеется...

Бибер не мог дать другого ответа человеку, который оплачивал «Агентство» и был его надежной крышей от невзгод и передряг здешней — так не похожей на нормальную жизнь Миров Федерации — действительности.

— Только... — на том конце вышла какая-то заминка. — Только никто не должен знать, что мы сегодня встречаемся... Оставь там записку... или скажи своим, что едешь по делам... Куда-нибудь. Только не ко мне...

— Заметано... — стараясь не выдавать удивления, заверил Бибер своего собеседника. — У тебя все в порядке, Фостер? Почему ты не врубаешь изображение?

— В порядке... И не вздумай прихватить с собой кого из своих — дело весьма деликатное и шестерок в него путать не стоит...

— Выезжаю немедленно, — как можно более уверенным тоном ответил собеседнику Бибер.

— Жду.

Из трубки полился сигнал отбоя. Некоторое время Бибер с недоумением смотрел на нее, потом аккуратно положил на место, снова поднял к уху и надавил клавишу селектора.

— Слушаю вас, шеф, — отозвался из трубки женский голос.

— Вот что, Мардж... — Бибер нервно погладил наметившуюся плешь и откашлялся. — У меня тут возникли делишки... неотложные. Так что я на час отбываю в Фарнуорт, гм, да... в Фарнуорт... (Формально распоряжение сверху: «Скажи своим, что едешь по делам... Куда-нибудь. Только не ко мне...» — было соблюдено, но преданной Марджори это «гм, да...» оставляло свободу для довольно определенных догадок.) Так что ты знаешь, что надо делать в случае... В том случае, если я не дам о себе знать до э-э... до часу.

— О'кей, — завершила его Мардж и повесила трубку.

Бибер раздавил окурок сигары в пепельнице с таким тщанием, словно хотел с ним вместе стереть в порошок и одолевавшую его тревогу. Крякнул с досадой, поднялся из-за стола и покинул свой кабинет через заднюю дверь.

* * *

В суете высадки Кай приложил максимум стараний, чтобы оторваться от Смольского — не хотелось в его присутствии предъявлять таможенным чинам документы на имя человека, не имеющего ни малейшего отношения к ветеринару Питерману. Помедлив, он прошел наконец через кабину идентификации, а оттуда — на выход, как раз к тому времени, когда остальные — довольно немногочисленные — пассажиры шаттла уже благополучно получали свой багаж в здании терминала.

В багаже этом для Кая тоже был предусмотрен — больше для того, чтобы не привлекать к нему внимания — некий довольно объемистый баул, получение которого заняло у него чуть ли не час. Тоскуя около единственной из шести действующей ленты транспортера, он прислушивался к объявлениям, которые бубнил невесть где расположенный громкоговоритель — тоже, похоже, единственный на весь терминал. Внедренный в местное «почтенное общество» резидент должен был встречать его и о своем присутствии — да и о том, что никаких непредвиденных осложнений вокруг не имеется — дать знать объявлением по сети оповещения прибывших.

Объявления не было.

Почему-то это не удивило Кая. Интуиция — а он привык доверять этому зыбкому инструменту человеческого сознания — с самого начала операции подсказывала ему, что все столь тщательно проверенные разработки экспертов Метрополии и «Эмбасси» в скором времени пойдут коту под хвост. В скорейшем — но ведь не сразу же!

Ладно — нет так нет. Воленс-ноленс приходилось переходить на один из резервных вариантов — только вот на какой?

Призадумавшись над этим вопросом, федеральный следователь чуть не проморгал свой багаж — тем более что видел его первый раз в жизни.

Чудом отловив проклятый баул, прежде чем тот пустился на второй круг унылого течения ленты транспортера, он направился было к выходу, но тут нечто неожиданное заставило его придержать шаг и прислушаться к гнусавому голосу громкоговорителя.

— «Пепел... — услышал он. — Пепел — это прах... Чтоб прахом не обернулись мечты ваши, обратите очи души своей к церкви Духовного Возрождения... Запомните: улица Трех Святых, девятнадцать. Каждый день — к вашим услугам проповедник и исповедальник. Пепел...»

Кай потряс головой. «Этак и заикой можно сделаться, — сказал он себе. — Странное совпадение... Отметиться, что ли, на этой самой улице Трех Святых? Хотя все это смахивает на элементарную подставку. И кажется, я клюнул на приманку — чуть ли не стал столбом посреди дороги, когда услышал слово „пепел“... Если кто-нибудь присматривается сейчас к прибывшим...»

Он продолжил движение к выходу — через загончики паспортного контроля и туннельчики таможенного досмотра. Все здесь, на Фронде, осуществлялось медленно и почти вручную, так что выйдя из угрюмой, наполовину так и недостроенной громады Космотерминала на свет божий, он почел себя чуть ли не счастливейшим из смертных.

— Вас подвезти, мистер? — услышал он над самым ухом. — До улицы Трех Святых? Только там нет никакой церкви, мистер Крюгер...

* * *

— Разрешите представиться, — человек за рулем вполборота повернулся к Каю. — Джордж Листер — капитан, космонавигатор первой категории. Вы наняли меня для рейса к Инферне, мистер Крюгер. Точнее — меня нанял ваш человек...

— Но мой человек должен был встретить меня на Космотерминале сам, — возразил «мистер Крюгер». — Лично. А не присылать вас вместо себя... И потом — что это за идиотская шуточка с объявлением про «пепел»? Почему вы не запустили по сети вещания контрольную фразу?

— Потому, что я не знаю ее. Сразу должен вас поставить перед выбором, сэр...

Листер переключил управление каром на автопилот и теперь смотрел собеседнику прямо в глаза. «Мистер Крюгер» постарался выдержать его пристальный взгляд, ругая про себя последними словами столь прекрасно продуманный в горных сферах «Эмбасси-2» план внедрения в преступные круги Фронды. «Впрочем, мне и обещан был сюрприз», — попробовал он успокоить себя.

— Вообще-то я не люблю, когда мне ставят ультиматумы, — холодно сказал он. — Вы уверены, что выбрали верный тон, капитан?

— Я не пытаюсь вас шантажировать, — с горечью в голосе возразил ему Листер. — Вас предали. А я хочу помочь вам спасти ваш вклад в то дело, для которого ваш человек меня нанял.

— Тогда — давайте по порядку.. — «мистер Крюгер» выпрямился на сиденье и несколько неприязненно, но вполне спокойно уставился в глаза капитану. — Но начнем, однако, с того, что вы мне четко скажете — куда мы с вами едем... — взгляд его стал и вовсе ледяным. — Ну?

Кэп не без труда выдержал этот взгляд, но выдержал. Как-никак это был критический

момент их разговора и вообще всей затеянной им игры: спасуй он сейчас, и партнер вполне мог сорваться в непредсказуемое. Скажем — просто вызвать полицию. В том, что на этот счет «клиент» подстрахован и в два счета докажет свою непричастность к «грузу», у кэпа сомнений не было.

— Я отвезу вас туда, куда вы мне скажете. Если хотите — высажу прямо здесь, посреди дороги. Не принимайте это за похищение... Но нам надо объясниться без свидетелей. Пока я просто покружу по городу. На автопилоте. Не возражаете?

— Валяйте, капитан. Только — попрошу вас — без фокусов, раз уж так сложилось. Подрулите лучше к э-э... к кафе «Пятый угол». Там и поговорим. Знаете, я лучше себя чувствую, когда кругом толкуются люди. Посторонние. Это как-то сдерживает от м-м... необдуманных действий.

Кэп чуть двинул левой бровью. Партнер выдался, судя по всему, из ушлых: про «Пятый угол» — «ничейную землю» сил, поделивших столицу на зоны влияния, знал, оказывается. Место и впрямь на редкость укромное — люди Хубилая вряд ли сообразят устраивать там засаду. «Залетные», по их представлениям, о таких местах знать не должны. А впрочем, даже если они и напорются там на какого-то сверхпредусмотрительного из них, то и тут кэп в своем праве: ведет «клиента» на место действия — как и было оговорено. Что же до прослушивания разговора, то такого паскудства в «Углу» сроду не случалось. Братья Лопес — держатели заведения — ценили свою репутацию, да и свои жизни тоже.

Стараясь не делать резких движений и косо поглядывая на своего спутника, кэп набрал на панели управления маршрут, сделав его позапутаннее. После этого откинулся на спинку сиденья и, приглядываясь к плоховато настроенному экранчику кругового обзора, принялся короткими фразами излагать сухопарому посланнику судьбы положение дел — таким, каким оно ему представлялось на текущий момент.

Крюгер смотрел на него скептическим, пронимающим до мозга костей взглядом и не перебивал даже в тех случаях, когда кэп — как раз оттого, что никто не перебивал его, — начинал путаться. Это напряженное, ледяное внимание действовало на нервы похуже иголок, вгоняемых под ногти, так что к тому моменту, когда кар приткнулся к обочине в паре сотен метров от «Угла», Листер уже начал ощущать себя завравшимся вконец жуликом — и это несмотря на то, что в его скупом и десять раз загодя продуманном рассказе не было ни единого слова неправды.

Впрочем, Крюгера можно было понять: наемный кар не то место, где стоит лишний раз раскрывать рот. Тем более в сложившейся ситуации.

Листер еще раз проверился на предмет возможного «хвоста» и устало прикрыл глаза.

— Приехали... — он кивнул в сторону неброской вывески впереди по курсу. — Вы здесь хотели поговорить, мистер?

— Именно. — Крюгер кивнул.

— Будет лучше, если вы зайдете туда один, закажете кабинет — двенадцатый или рядом — и подождете минут пять — десять. Я пройду в зал с черного хода...

— Вы как-то слишком озабочены возможностью слежки... — скепсис мистера Крюгера стал теперь заметен и невооруженным глазом. — Хотя мне тоже м-м... несколько удивительно, что нет ни малейших следов «хвоста». Поверьте, у меня есть некоторый опыт в этом деле...

Капитан Листер и впрямь был немало удивлен этим обстоятельством. Потратив порядком времени и сил на то, чтобы незаметно проникнуть в Космотерминал, он испытал

недоуменное разочарование: все шестеро — уже примелькавшихся ему — унылых типов, расставленных Хубилаем по разоренному застывшим на мертвой точке ремонтом залу встречающих, куда-то сгнули. Похоже, что ситуация резко изменилась. Сперва Листер подумал, что его просто опередили и Крюгер уже находится в руках мафии. Прибыл другим рейсом, сунулся к Биберу — и влип. Такое вполне могло быть. Но нет — вот он, этот Крюгер, — не спеша шагает к стеклянным дверям «Пятого угла»... Или этот тип вовсе не Крюгер, а он — кэп Листер — попался на чью-то удочку... Но где тогда настоящий Крюгер?

* * *

Огороженный двойным рядом застав — городской полиции и частной охраны — Эверглейд был районом богатым. Районом, прочно освоенным нуворишами Фронды, разжившимися в короткий период того недолгого финансового ажиотажа, что последовал за обретением независимости. Эверглейд был иным миром, совсем не похожим на мир полуопустевшей и стремительно превращающейся в город трущоб столицы.

Впрочем, и здесь, в оазисе бившего когда-то через край благополучия, тоже давали о себе знать признаки надвигающейся нищеты и упадка. Едва ли ни на каждом перекрестке появились щиты с объявлениями о продаже близлежащих вилл и земельных участков, клубы, бары, казино и магазины, специализировавшиеся на продаже всяческой завозной роскоши, поубавились в числе и как-то поблекли. Здешний народец уже не спешил выставлять на показ дорогие кары и флаеры, паркуя их от греха подальше за стенами зеленых ограждений, а то и сменив на подержанную технику, которой уж и вовсе не желал хвастаться. Скучно стало в Эверглейде, заметно скучно.

Не доезжая до места обитания Фостера двух кварталов, точнее — двух тенистых садов, скрывающих в своей глубине потихоньку приходящие в упадок особняки местной знати, Бибер отпустил кар и двинулся к цели пешком. Он не стал тревожить сенсор на воротцах главного входа виллы «Агнесс», а прошел узкой тропинкой между соседними участками и кивнул камере наблюдения, неприметно вмонтированной чуть поодаль от низенькой бронзовой калитки запасного входа.

Его заметили — замок калитки щелкнул, и сама калитка бесшумно распахнулась. Впрочем, его не только заметили, но и ждали: стоило Биберу сделать два шага под свод зеленых крон окружавшего виллу сада, как в спину ему уперлось жесткое дуло пистолета.

— Не дергайся, Бобер, — приказал ему напряженно дрогнувший знакомый голос. — Не делай глупостей, и, может, все обойдется...

— Это ты, Рони? — с фальшиво прозвучавшим облегчением воскликнул посеревший от сбывшихся предчувствий Алоиз. — Какого черта ты так пугаешь старого Бибера? Ведь я же — по приглашению шефа.. У меня с ним разговор...

Он лихорадочно пытался понять, какое отношение к обеспечению безопасности Фостера может иметь наемный второй пилот транспортника экстренной добавки «Ганимед» Рональд Капанegra. Рони вообще не должно было быть здесь — в штаб-квартире «семьи». Тем более ни один дурак не пропустил бы сюда эту шестерку без того, чтобы сначала тщательно шестерку эту обыскать и забрать у нее «ствол»

— Боюсь, что разговора у вас с ним уже не получится, — более спокойно и даже меланхолично заметил Рони, вытягивая из-за пояса Бибера его «пушку». — Проходи-ка

вперед...

«Вперед» — означало в маленький, мощный мозаикой внутренний дворик, часть которого занимал небольшой открытый бассейн, обрамленный высаженными вокруг кустами. Алоизу приходилось в свое время наблюдать обитательниц этого водоема — Фостер любил во время вечеринок подводить гостей к его бортику и показывать этих с виду невинных рыбешек, резвящихся в подсвеченной и эффектно подсиненной воде. Довольно жутковатые бывали тут вечеринки.

Сейчас, однако, вовсе не Фостер поджидал гостя у мраморного поребрика над тихо всплескивающей водой. Да и сама вода была не лазурно-голубая. Скорее уж — мутно-розовая...

* * *

— Простите... — господин в просторной, верблюжьей шерсти куртке и шапочке с помпоном постарался привлечь к себе внимание высушенной годами, стервозного вида секретарши, ожесточенно рывшейся в многочисленных ящиках своего стола. — Простите, но не могу ли я видеть господина Бибера?

— Откуда вас черти принесли? — не отрываясь от своего занятия, осведомилась ведьмообразная миссис самым недружелюбным тоном. — Вы от прокурора?

— Нет, — посетитель «Риалти» начал немного нервничать. — Вас должны были предупредить о моем приезде... Я — Анатолий Смольский. Из Метрополии...

— Только русских мне сейчас и не хватало! — резюмировала озабоченная чем-то совершенно иным, нежели визитеры из Метрополии, секретарша. — Боюсь, что Алоиза вам не видать как собственных ушей.

Она выпрямилась, отдуваясь, и брякнула на стол перед собою основательно мешавшую ей разбирать бумаги «беретту». Рассеянно посмотрела на Анатолия и заметила, что здесь, на Фронде, принято снимать в помещениях головные уборы.

Анатолий смущенно стянул шапочку с головы и осторожно поинтересовался, где и когда он все-таки смог бы увидеть Алоизия Бибера.

Конечно, Сашка Лянгузов, сосватавший ему Бобра, как он называл гендиректора «Риалти», в качестве Вергилия по кругам здешнего ада, предупредил Анатолия, что тут, на Фронде, все будет непросто. Недаром он прожил здесь семь лет и знал все ходы и выходы... И вообще был для автора походов «Хромого» ценным источником информации о месте действия половины его романов и сценариев. Но того, что неприятности начнутся здесь буквально с первого шага, Анатолий все-таки не ожидал.

«Главное, — говорил Александр, — найти общий язык с его секретаршей (Анатолий никак не мог вспомнить ее имени). И не думай подъезжать к старой хрычовке с цветами или с шоколадным набором. Нет! Обаяние, только личное обаяние!»

С обаянием у Александра Смольского всегда обстояло «на пять». Но сейчас, похоже, вышла осечка. «Черт бы меня побрал, с моими эстетскими замашками, — мысленно обругал себя Анатолий, — надо было сразу из гостиницы ломануть сюда — тогда бы я застал Бобра на месте. А меня понесло по достопримечательностям...»

Понесло Анатолия Смольского не столько по достопримечательностям, сколько по местам действия своих же собственных произведений, так детально и красочно описанных

им в тридцати или сорока крупных «вещах», что даже критики, почитавшие похождения Хромого низкопробной писаниной, отмечали прекрасное знание автором своего предмета. Предмет сей, однако, сильно разочаровал Анатолия, и, видимо, поэтому, уже вылезая из паршивенького прокатного кара у резиденции «Риалти», он чувствовал себя не в своей тарелке. Кар, надо заметить, пришлось менять три раза за четыре часа — у одного село питание, два других просто кишели местными клопами. Это тоже не прибавляло Смольскому уверенности в себе.

— Господин Бибер не докладывает мне, куда он уходит и когда возвращается, — раздраженно пояснила Мардж.

Теперь Анатолий вспомнил, как зовут старую стерву.

— Оставьте ваш телефон. И адрес, если хотите. А вообще, на вашем месте — если вы, конечно, желаете, чтобы вас здесь принимали, как человека, — на первый раз я захватила бы с собой шоколад или цветы. Для секретарши. От нас, знаете ли, многое зависит, молодой человек!

* * *

В «Пятом углу» кэпа Листеря знали, и его появлению с черного хода — через упрятанную за шеренгами мусорных контейнеров дверь — не удивилась ни одна живая душа. Один из двух дежурных вышибал — его старый знакомый Гнат Сизый — даже снялся с поста, кивнув напарнику в том духе, что «я — щас, так надо», и повел кэпа через полупустую, по случаю утреннего безлюдья, кухню.

— Я понимаю, кэп, это — не мое дело, — вполголоса заговорил он, убедившись, что не привлекает ничьего внимания и наклонясь поближе к уху кэпа, — но я знаю, что у вас дела с Фостером, сэр...

Листер взглядом подтвердил, что это действительно не его — Сизого — дело. Гнат тем не менее продолжал:

— Так вот, может, вы еще не знаете, кэп, но с Фостером плохо... Руми... Вы знаете Руми Перса? Так вот, Руми своими глазами видел, как Сундук, я имею в виду Грей Сундук, встречался с Баумом — на предмет слинять на Трассу... Я ничего такого не хочу сказать, но вы сами понимаете, кэп...

Листер молча сунул в предусмотрительно подставленную горсть Сизого мятую купюру, похлопал вышибалу по гранитной твердости плечу и через служебный ход нырнул в общий зал.

Понимать было что: если Сундук — Грей Саундерс, глава личной охраны Кротова-Фостера — ищет себе убежища на Трассе, то, стало быть, самого Фостера или уже нет в живых, или он ведет сейчас в укромном месте на редкость для него неприятные беседы с кем-то из конкурентов. Скорее всего — с Хубилаем. Значит, Рик и Рони не блефовали, когда подкатились к нему — кэпу Листеру — со своими предложениями...

Листер окинул зал пристальным взглядом. Посторонних здесь не просматривалось. Неторопливо, но и без лишней проволочки он по лабиринту отделанных под красное дерево кабинетов-выгородок добрался до загончика номер двенадцать, предупредительно кашлянул и заглянул внутрь. Крюгер был там и уже успел сделать заказ — кофе с коньяком и рогалики на двоих.

Человек в кожаной куртке, стоявший над бассейном, поманил Алоиза пальцем. Его Бибер тоже знал.

— Здравствуй, Рик, — без энтузиазма приветствовал он штурмана-программиста, нанятого им всего лишь неделю назад.

Похоже, весь экипаж «Ганимеда» собрался на вилле Витаутаса Кротова, известного под кличкой Фостер. Не видно было только собственно командира экипажа — капитана Листера. И не видно было охранников Фостера — ни одного...

Рик продолжал манить Алоиза пальчиком.

Вообще говоря, это было наглостью со стороны этих двоих — так вести себя с человеком, который обеспечил их куском хлеба в это нелегкое время, но что-то там, внутри, холодной иглой кольнув Бибера в сердце, подсказало ему, что наглость — это наименьшее зло из того, что произойдет сегодня.

— Я вижу, — фальшиво улыбаясь и нехотя приближаясь к бассейну, начал Алоиз, — старина Фостер решил собрать нас для какого-то гм... разговора... А где же, ребята, он сам?..

Впрочем, теперь, подойдя к бассейну, Бибер уже понял где. Доставленные сюда, за миллионы километров, из бассейна Амазонки рыбки уже заканчивали свой пир... Рик ленивым указующим кивком подтвердил жуткую догадку своего работодателя. Потом отступил на шаг в сторону, чтобы не мешать Биберу блевать, и с презрительной миной стал ждать, когда генеральный директор «Риалти» покончит с этим занятием.

— Напрасно... — выговорил наконец Алоиз, утирая лицо огромным носовым платком. Пот лил с него градом. На Рика он смотрел снизу вверх, стоя на коленях, — ноги не держали его.

— Напрасно, ребята, вы поступили так с Фостером... Разве он предлагал вам плохие деньги?

— Хубилай заплатил больше, — сухо оборвал его Рик и кивнул Рональду.

Тот рывком поставил раскисшего Алоиза на ноги.

— Видишь ли... — Рик сверлил его мрачным взглядом. — Расклад изменился... Не знаю, что там у них не сложилось, но товар на Фронду до конца года не попадет... Одних несунув сцапали, другие... Ты хоть знаешь, что «Валькирия» накрылась. Погорела со всем хабаром. В буквальном смысле спалили эти остолопы свою посудину, да и сами еле ноги унесли... Так что наши полтонны — это единственная партия порошка в секторе. И так получается, что Хубилай своих обязательств перед Большим Киром выполнить без этой партии просто не сможет. «На счетчик» садится Хубилай... Так что пришлось ему вспомнить про нас с Рони.

— В-вспомнить? — растерянно выдавил из себя Бибер.

Близость кровавой жижи, плещущейся в бассейне, не давала ему сосредоточиться, давила на нервы.

— Именно, что вспомнить, — гыкнул у него за спиной Рони. — Мы, Бобер, с Хубилаем повязаны еще с тех пор, как он под Яновски ходил... Можно сказать — проверенные его кадры.

— Однако Сундук нас с Ф-фостером уверял, что вас как облупленных знает и... — Бибер закрутил головой, словно воротничок вдруг стал жать ему.

— Сундук основную зарплату тоже получает у Хубилая. И уже давно... — рассеял его

недоумение Рик. — Как можешь заметить, он и его ребята взяли на сегодня выходной и оставили Фостера побеседовать с нами наедине...

То, что Грей Саундерс — Сундук — продал своего босса ни за понюх табаку, окончательно расстроило Бибера. Сундука он уважал и часто ставил в пример молодежи.

— Вы могли бы побеседовать и не так вот... — уныло сказал он.

— Во время беседы произошел — гы! — несчастный случай, — весело пояснил Рони и ткнул Бибера стволом в спину, чтоб тот не пятился от бассейна.

— Да, именно так это и называется — несчастный случай... — чуть меланхолично определил Рик. — Покойнику надо было быть поосторожнее, если уж он решил содержать в доме такую дрянь, как эти рыбки... А еще ему следовало бы знать, где находится «Ганимед». И где находится «груз»... Но он этого не знал. Он сказал нам, что это знаешь ты...

Рик печально заглянул в глаза Алоизу.

— Собственно, это было последнее, что он нам сказал. Он очень огорчил нас... Но ведь ты отвезешь нас к кораблику, правда, Бобер? И «груз» покажешь... Тебе ведь незачем ссориться с нами...

«Господи, а как же?.. А как же капитан Листер? — эта мысль обрушилась на Бибера, окончательно спутав все в его голове. — Кэп Листер прекрасно знает, где стоит корабль... И должен догадываться, что „груз“ уже давно на борту... Значит, он — не с ними... Не с этими двумя, не с Хубилаем... И, может быть, уже вообще ни с кем...»

— Т-только х-хозяин знает, где «г-груз»!.. — отчаянно пятясь назад и заикаясь, стал объясняться Бибер... — М-может, его еще нет на планете... М-мое дело было нанять к корабль и э-экипаж... В-вы думаете, кто-нибудь будет говорить Биберу, где находится четыреста килограммов «п-порошка»? Если да — так нет! Кто же будет говорить старому Биберу, г-где г-груз, если он не полный идиот! С-старого Бибера могут вот так запросто подставить, и он все сразу расскажет первому же встречному, который ему пригрозит «п-пушкой». Или з-засунет ему паяльник в-в...

— Паяльник... — задумчиво сказал Рик. — Мысль не новая, но хорошая... Впрочем, зачем нам паяльник? Его долго искать в этом доме...

Он подошел к похожему на помесь виселицы с лебедкой сооружению, склоненному над бассейном, и потянул за цепь. Из замутненной кровью бывшего владельца виллы воды появилась крестовина с укрепленными на ней наручниками.

— Ты ведь знаешь, как Фостер любил пошутить? — все с той же неизбывной меланхолией в голосе спросил Рик Алоиза. — Вот этими наручниками человечка цепляли к этим вот перекладкам и поднимали так, — он покрутил ручку лебедки. — И после этого человек висел над водой... Он — сверху, рыбки — снизу... А потом его начинали опускать в воду. Вот так... Медленно. Сначала так, чтобы он только носочками касался водички, потом — по щиколотки, потом — по колено... Это у него называлось «проводить воспитательную работу»...

— Если ты хочешь испугать Алоиза Бибера, то ты просто глупый дурак, Рик! — с большой силой убеждения в голосе воскликнул Бобер. — Алоиз Бибер давно уже испугался. Алоиз Бибер боится и Хубилая, и Фокусника. Бибер боится, что снова сделают дефолт и инфляцию... Даже полицию Алоиз Бибер боится. И — извините за то, что это вам говорю, — Алоиз Бибер очень боится таких людей, как вы, господа! Если вы и дальше будете его пугать, у него просто сердце лопнет от страха, как детский шарик, и Алоиз Бибер умрет! Но зачем вам, господа, нужен мертвый Бибер, я спрашиваю — зачем, господа? Я, разумеется,

расскажу вам, где, в каком ангаре паркуется «Ганимед», но я не могу рассказать вам того, чего я не знаю, — а я не знаю, не могу знать, где находится товар. Хозяин никогда не выдает таких вещей рядовому исполнителю... Но мы можем действовать иначе, господа... И еще я хочу спросить вас, господа, а где же наконец капитан Листер?

— Он утомил меня, — раздраженно сказал Рони и передернул затвор.

— Но в принципе он прав, — неожиданно сменил гнев на милость Рик. — Надо быть полным идиотом, чтобы доверить товар этому попугаю. Это может быть только на корабле. Или — неведомо где.

— Я говорю вам, что только хозяин может знать, где находится порошок... — Бибер даже на пальцах постарался изобразить мысль, которая с таким трудом доходила до его круто настроенных собеседников. — И только я могу выйти на переговоры с ним! А вы только спугнете его. Уже спугнули, господа! Тот человек летит сюда, чтобы иметь дело через меня с Фостером. И что, по-вашему, будет делать этот человек, когда завтра в сводке новостей ему расскажут, что Фостера сегодня съели его собственные рыбки? Что он скажет, когда не встретит Алоиза Бибера? Я знаю, что он сделает и что он скажет! Он скажет: «Азохенвей!» — и улетит с Фронды к чертям собачьим. Он даже из Космотерминала не станет выходить, чтобы посмотреть на наши тут кошмары... Такие люди никогда не рискуют! И тем более — таким количеством порошка... А что нужно, чтобы такого не случилось, господа? Нужно, чтобы Алоиз Бибер срочно связался с хозяином порошка и чтобы у них немедленно была встреча — сразу, как только он прилетит сюда...

— Хорошо учить нас тут! — оборвал его Рони. — Слушай внимательно и запоминай... Ты хозяина порошка выводишь на нас. Как можно быстрее. И если он почувствует что-то... Тогда вам, герр Бибер, лучше было не родиться на свет. А что до Фостера... Элементарно: Хубилай надавит на «Ти-Ви», и они там попридержат информацию о... о том, что тут вышло. А сейчас ты отвезешь нас к ангару. К тому, где стоит «Ганимед».

* * *

Нельзя сказать, что сложившаяся ситуация сильно нравилась федеральному следователю. Формально это был провал — полный и окончательный. Элементарная осторожность требовала немедленно свернуть операцию и убираться восвояси — под крылышко подполковника Дель Рея. Но вот фактически... Фактически произошло именно то, к чему готовило его подсознание с самого первого знакомства с планом операции внедрения.

Подсознание имело на то все основания: не было еще на памяти Кая случая, когда тонко продуманный замысел руководства, кристальной логики гамбит, в котором ему — федеральному следователю пятой категории — предусмотрена была роль пешки, послушно продвигающейся продуманными кабинетными умами маршрутом прямехонько в ферзи, был бы от начала до конца реализован. Обычным итогом любой многоходовой комбинации оказывался срыв всего многосложного процесса в нечто, граничащее с неуправляемой лавиной событий. И барахтаться в этой лавине, вводить ее в сколько-нибудь приемлемое русло или просто сводить потери к минимуму приходилось той самой «послушной пешке», которой тут уж становилось вовсе не до послушания.

Вот и сейчас надо было принимать решение отнюдь не легкое. Собственно, Каю

предстояло взять на себя прямую ответственность за «груз», что, впрочем, выглядело менее трагично, чем связанная с этим возможность потерять вместе с «грузом» еще и собственную голову. Единственное, что он смог предпринять, это объявиться в «Пятом углу». По договоренности с группой Дель Рея внедренный в службу кафе осведомитель должен был немедленно дать знать на «Эмбасси» о появлении Кая в этих стенах. Это означало, что планы операции претерпели резкие и непредвиденные изменения и федеральный следователь вынужден взять управление операцией на себя. Принимать решение приходилось исходя из очень скудной информации. Из одного только фактора: оценки личности партнера — неожиданно взявшего на себя инициативу капитана Джорджа Листера.

Тот не заставил себя ждать.

— Я коротко изложил вам суть дела, сэр...

Кэп сразу взял быка за рога. Он опустил в потертое кресло и устремил взгляд на «господина Крюгера». Игра в гляделки продолжалась.

— Теперь, если вы того пожелаете, — кэп поднес чашку к губам и отхлебнул глоток темно-коричневого напитка, — вы можете задавать мне любые вопросы. У меня нет от вас секретов, господин Крюгер.

— Назовите мне приметы того человека, который нанимал вас от моего имени... — наобум спросил Кай.

Его интересовало не столько содержание ответа, сколько его форма, само поведение отвечающего. Так что нелогичный, посторонний и с толку сбивающий вопрос был ему на руку.

— Рост несколько ниже среднего, — чуть озадаченно начал перечислять Листер. — Что-то около пятидесяти лет. Полный. Можно сказать — толстячок. Судя по оставшейся части э-э... шевелюры — кучерявый брюнет южного типа... Грек или, может, армянин... Или грузинский еврей... Не знаю. Небольшая седина. Большие залысины. Обожает быть одетым э-э... респектабельно. Но лишен в этом отношении вкуса... Это, впрочем, к делу не относится... Очень экспансивен. Звать его — как вы уже знаете — Алоиз Бибер. Соответственно и кличка — Бобр, Бобер...

Кай задумался. Кажется, он понял, о каком сюрпризе предупреждал его подполковник.

— Вы убеждены, что то, что произошло, — не его затея? — спросил он, стараясь не отводить глаза в сторону.

Это соревнование — кто кого пересмотрит — начинало порядком утомлять федерального следователя. Он слегка тряхнул головой — сбить наваждение: на мгновение ему показалось, что поверх чашечки с дымящимся кофе на него смотрит вовсе не озадаченный очередным вопросом капитан Листер, а кто-то другой, древний как мир, нацепивший лишь на время маску человека и разглядывающий его — липового контрабандиста Крюгера — сквозь непроницаемые извне прорези вертикальных щелей-зрачков. Он потряс головой еще раз. Видение рассеялось.

— Вы знаете — убежден! — неожиданно твердо ответил Листер, решительным жестом ставя кофе на стол. — Я не знаю, в каких отношениях вы находитесь с Бибером, но я составил себе о нем свое м-м... мнение. И я не могу представить себе, что этот пройдоха способен на настоящую измену... Я не доверил бы ему присматривать за мелкой купюрой, оставленной на столе, но в отношении предательства... Понимаете... Он слишком ничтожен для настоящего коварства... По сути дела, Бибер — в чем-то даже наивный, доверчивый

человек. Не завидую я ему сейчас...

— Думаете, он еще жив?

— Сомневаюсь в этом. Если бы он был жив, его бы непременно принудили выйти на контакт с вами. Он — далеко не герой. Но что-то не сложилось у них там. Возможно, Бибер попытался бежать и...

Листер сделал рукой движение, обозначающее нечто очень печальное.

— А того, что это ему все-таки удалось, вы не допускаете? — предположил федеральный следователь. — Бежать от этих ваших ловких парней?

— Вам это лучше знать... — кэп пожал плечами. — Ведь у вас должна быть разработана система аварийной связи — на всякий пожарный случай. Начиная с простого звонка через обычный канал связи и кончая...

Кэп снова сделал неопределенный жест, на этот раз изображающий нечто немислимо хитроумное.

Ну что ж, он был прав. И Джону К. Крюгеру, и федеральному следователю Каю Санди следовало хорошо понимать, что означает невыход резидента на связь. Так что вопрос его был совершенно излишен.

— Мне потребуется некоторое время на то, чтобы проверить вашу информацию... — Кай отхлебнул кофе и поставил чашку на стол с твердым намерением не прикасаться к ней больше.

Он, конечно, понимал, что жизнь на планете, где восемьдесят процентов промышленности «лежит», а сельское хозяйство уже перестало кормить даже самое себя — не сахар. Но то, что за деньги, за которые в Метрополии можно было приобрести не то что чашку кофе, а бутылку коллекционного вина, ему подадут откровенную эрзац-бурду, он не ожидал. Подумав, он подхватил со стола рюмку-наперсток, содержащую прилагавшийся к кофе коньяк, и пригубил ее. Коньяк разил ванилью, но был приемлем.

— Я... — Листер запнулся. — Точнее, обстоятельства... Обстоятельства не дают вам, господин Крюгер, больше пяти часов на вашу... проверку. Не позже шести вечера мы должны быть на Большом терминале — и с «грузом». Вашим и моим. Если вы, конечно, примете мой м-м... сценарий.

— Каким еще вашим «грузом»? — возмущенно взвился Джон К. Крюгер, а прочно влезший в его шкуру федеральный следователь вполне одобрил этот всплеск эмоций. — Я, кажется, вообще прилетел не на ту планету, на которую собирался, или, по крайней мере, один из нас основательно не в себе... Вы хоть представляете, в какую игру ввязались, капитан? И не только ввязались, но и норовите диктовать какие-то свои условия...

Кэп Листер как ни в чем не бывало отхлебнул омерзительное пойло и откашлялся. Вид у него был невозмутимый.

— На вашем месте я ни секунды не оставался бы на Фронде... — он пожал плечами. — Все, что происходит вокруг вашего «груза» эти последние двадцать четыре часа, просто не лезет ни в какие рамки... И я понимаю, что не могу вызвать у вас доверия, особенно когда пытаюсь — как вам это кажется — навязать свой план... Но меня извиняет одно обстоятельство...

Господин Крюгер изобразил на лице готовность выслушать собеседника и в ожидании обещанного аргумента закинул ногу на ногу. «Переигрываешь», — с укором попенял ему федеральный следователь. Джон К. Крюгер пожал плечами и вернул ногу в исходное положение.

— Одно-единственное обстоятельство... — продолжил кэп Листер. — Дело в том, что вы — хозяин «груза» — конечно, можете отказаться от сделки... Для этого у вас есть все основания... Но вам ни при каких обстоятельствах не удастся этот самый ваш «груз» забрать с Фронды. Полтонны «порошка» — это не пакетик, который вы можете засунуть под стельку ботинка... Только на борту «Ганимеда» и только с моим экипажем — как бы он ни был плох и подозрителен — вы сможете покинуть эту прекрасную планетку. А там уж бог нас не оставит своей заботой... Поверьте, это — не мой каприз и тем более не моя злая воля...

«А ведь у этого простоватого на вид „летуна“ все просчитано... — с чувством, похожим на восхищение, констатировал про себя Кай. — Крюгер должен соглашаться на его условия... А вот соглашаться ли на них мне — участнику операции „Тропа“?...» Вслух же он бросил снисходительно:

— Тогда мне хотелось бы как можно яснее представить себе в деталях этот ваш план.

Кэп Листер не заставил себя ждать. Говорил он короткими фразами, ясно и доходчиво. Но федеральному следователю приходилось напрягать внимание — кроме слов собеседника, ему слышались и другие, только в его собственном мозгу звучащие слова.

«Глупость! Глупость!! Глупость!!! — кричал ему дисциплинированный служащий управления, засевавший в глубине его сознания. — Не вздумай вляпаться в эту историю! Сворачивай операцию, спасай доверенный „товар“, выходи из игры...»

«Глупость! Глупость!...» — тикали сотни загнанных в подсознание рефлексов и навыков.

А еще — где-то на самом краю того круга, что могло охватить его растаскиваемое в разные стороны внимание, юркой мышью крутилась какая-то неуловимая мысль, путавшая всю железную логику заранее продуманных планов и схем. Кай чуть было не пропустил момент, когда кэп Листер закончил излагать свой замысел.

— Так вы говорите, что на размышления мне осталось пять часов? — спросил он, почувствовав, что наступившая пауза затягивается.

— Все зависит от того, как быстро вы сможете доставить «груз» к Большому терминалу... — Листер пожал плечами. — Если, конечно, вы принимаете этот план...

— Сейчас мы с вами, с вашего позволения, расстанемся, — уверенно определил Кай. — И если я решу принять ваше м-м... предложение, то явлюсь на то место, которое вы мне назовете в три пополудни по местному времени, естественно...

— Я арендую грузовой кар-контейнеровоз — для доставки наших с вами «грузов» — того и другого — к терминалу. Вот его номер — запомните, — Листер набросал на бумажной салфетке несколько букв и цифр. — Я буду ждать вас прямо в нем на стоянке у кемпинга «Грассфилд». Кстати, если хотите, я позабочусь о вашем багаже, чтобы вам снова не светиться у моей машины. Если вы, конечно, не против...

— Вы очень любезны...

Кай доверил свой оставшийся в багажнике кара баул кэпу Листеру с легкой душой. Если в нем и пороются, то ничего предосудительного не найдут. Если от операции придется отказаться, то пусть оставят его себе на память. Лишние хлопоты были ему ни к чему.

— Встретимся в три пополудни, как вы этого и хотите. Советую вам не называть себя настоящим именем — тем, которое известно Биберу. И мне. Как я уже сказал, скорее всего бедняга отдал богу душу, так вас и не выдав, но... Береженого бог бережет... А теперь, — он смял салфетку и сунул ее в карман, убедившись, что Крюгер запечатлел номер грузовика в памяти, — я ухожу, как и пришел, через черный ход. А вы еще немного подождите и...

Он поднялся и, энергично кивнув, покинул кабинет.

Оставшись один, федеральный следователь недолго предавался пустым размышлениям. Врубив кодированный канал своего блока связи, он отстучал на клавиатуре краткое сообщение о положении дел — для подполковника Дель Рея. В конце рапорта он напомнил соруководителю операции, что право принимать решение о продолжении внедрения остается в сложившейся ситуации за самим внедряемым и решение это будет принято на месте действия. Убедившись, что письмо ушло к адресату, он уже не так торопливо, стараясь как можно более тщательно сформулировать мысли, отправил несколько запросов в закрытые информационные сети управления и военной разведки. Покончив с этим, он вернул блок связи в укрепленный на поясе подсумок, оставил на столе чаевые и, неодобрительно посмотрев напоследок на чашку с изображавшей собой кофе бурдой, вышел в лабиринт, ведущий к выходу в неприветливый город.

* * *

Довольно далеко от «Пятого угла» в тот же неприветливый город вышел совсем другой человек. В отличие от федерального следователя он не остался незамеченным.

— Вот он вишел, — проговорил с чудовищным кавказским акцентом в микрофон восточного вида тип, кемаривший в кабине кара, неприметно приткнувшегося на противоположной фирме «Риалти» стороне улицы. — Выд у него обалдэлый. Стоит, думает. Следовать за ним или?..

— Ты уверен, что это он? — осведомился хриловатый голос в наушнике. — Включи «ЭХО».

Тип в каре щелкнул клавишей приборчика, лежавшего рядом с ним на сиденье. Приборчик испустил ноющий звук и замигал красной точкой фотодиода.

— Есть эхо, — удовлетворенно сообщил тип.

— Ты уверен, что это именно он? — настаивал шеф.

— Теперь уверен, — твердо ответил наблюдатель. — Кто другой прямо направился бы по делу. А этот — кружил по таким местам, куда даже я, шеф, заходить не решаюсь — честное слово. Машину менял тыри раза. Сбивал сылед. Точно, он. Так... Он тронулся вниз, по Мюллер-лейн... Продолжаю вести...

— Хрена его водить, — определил голос шефа в наушнике. — Брать его надо. Только один не лезь. Тип, видно, ушлый. Пока кати за ним — потихонечку, по рокадам, а я сейчас тебе Рыжего подошлю. Тогда — вдвоем — действуйте побыстрее и не хлопайте ушами...

— Ясно, — отозвался наблюдатель и осторожно тронул кар.

* * *

Блок связи в кармане кэпа тоненько заверещал, призывая хозяина выслушать нечто, для него очень важное. Листер притормозил кар на обочине узкой улочки и поднес трубку к уху. Кирилл отметил, что аппарат переключен на работу в режиме «только прием». В трубке сварливо каркал женский голос. Голос был раздражен тем, что не получает подтверждения приема, но кэп и не подумал успокоить собеседницу. Он покосился на Кирилла и пояснил.

— В сеть мне соваться сейчас заказано: и так я еле стряхнул с хвоста людей Хубилая.

Это от Бобра — Мардж, его секретарша. Надеюсь, догадается просто оставить сообщение в сети — на прием...

В конце концов голос в трубке недовольно и чуть ли не по слогам продиктовал нечто, что озадачило кэпа, после чего зазвучал сигнал отбоя. Кэп молча тронул машину с места.

Кар закончил петлять по лабиринту заброшенного гаражного квартала и замер, втиснувшись между двумя ржавыми ангарами. Листер не без труда пролез в не до конца открывшуюся — мешала близкая стена — дверцу и кивнул Кириллу. Тот послушно последовал за кэпом. Выбравшись в узкий проход, Кирилл оглянулся на машину. Надо было отдать должное Листеру: незаметно приютить громоздкий грузовичок в таком узком проходе надо было суметь. Где только кэпу всучили в аренду этакое уродство?

Заглядевшись на неказистое создание здешней автоиндустрии, он чуть не потерял своего партнера — тот выбрался в узкий проход между тыльными стенами гаражей, свернул направо-налево и остановился у заброшенного с виду (как и все здесь) сарайчика, рассчитанного явно на нечто, не превышающее размерами фольксвагеновского «жучка». Ни о каких электронных замках тут и речи не было — воротца были заперты просто закрученной намертво проволокой. Правда, за воротцами этими скрывалась довольно прочная решетка. И уж ее-то удерживала пара огромных, тяжеленными ключами открывающихся замков Листер повозился с ними минуту-другую и наконец отворил проход в пыльное нутро гаражика.

Там даже «фольксвагена» не было. И лампочки под потолком — тоже. Приходилось довольствоваться светом, падающим из отворенных ворот и сочащимся через какие-то прорехи в стенах и крыше. Судя по разбросанным тут и там инструментам и авточастям, здесь когда-то все-таки содержали самодвижущийся экипаж, но было это достаточно давно.

— Вот, — пояснил Листер, хлопая по тускло отсвечивающему боку странного вида, чуть сплюснутой и неправильной — о пяти углах — формы контейнера. — Это и есть наш «троянский конь»! А еще это называется «бог из машины»...

Даже неопытному глазу открывалась неуместность пребывания этого чистюли — явно по космическим технологиям выполненного — в пропахшем машинным маслом и мышинным пометом заброшенном стойле давным-давно сгинувшего «жучка». Поставлен был контейнер в дальний угол гаража и до поры до времени прикрыт ветошью, которую кэп сбросил с него одним энергичным движением.

— Смотри!

Кэп извлек из нагрудного кармана смахивающий на микрокалькулятор дистанционный пульт и набрал на нем короткую комбинацию цифр. Одна из стенок контейнера беззвучно отползла в сторону, явив взору Кирилла нутро стальной коробки, порядком напомнившее ему кабину капсулы индивидуального спасения — утопленное в мягком пластике кресло с ремнями и мудреную комбинацию разноцветных баллончиков, трубок и проводов. Правда, поза, которую предлагалось принять пассажиру этой капсулы, напоминала более позу младенца во чреве матери.

— Вы что, кэп, серьезно хотите затащить меня на корабль в этой штуковине? — с кривой улыбкой спросил Кирилл. — Вы считаете, что ваши люди — полные идиоты? По-вашему, им не придет в голову заглянуть внутрь вашего багажа. И по-вашему, для кораблика типа «Старклипер» лишняя сотня килограммов доставляемой массы — полный пустяк?

— Пусть тебя не волнует проблема перевеса, — поморщился Листер. — Это моя головная боль — как капитана посуды. Экипажу я поставлю условие — принять на борт

мой личный товар. И черта с два они смогут отказать старине Листеру: только он один и еще Бибер знают, откуда надо забрать «порошок». Точнее — как выйти на его хозяина. Без этого вся их затея летит коту под хвост.

— Кэп, а Бибера этого предупредили о... — с тревогой осведомился Кирилл.

Кэп помрачнел.

— Я же не могу воспользоваться блоком связи, я уже сказал, что и так еле стряхнул с хвоста людей Хубилая. Идти к нему в контору — значит сразу же привести их туда снова. А уличные автоматы в столице второй год как отключены. Или старый хитрец уже сам прознал что-то и наострил лыжи куда подальше, — вздохнул он, — или... Старая ведьма — его секретарша, — когда звонила мне сейчас, предупредила, что Бобер вышел по делам и свой блок связи отключил. В положенное время не вернулся. Никаких деталей больше эта карга не выдаст даже под пыткой. Думаю, что сейчас она чистит память компьютера и жжет лишние бумаги. Но это не имеет значения. Так или иначе, без официально зарегистрированного капитана на борту поднять «Ганимед» в Космос — дело трудноватое. Со всех точек зрения. Так что ребята выполняют мою маленькую просьбу. Разумеется, если им приспичит протащить контейнер через нейтронный томограф, я разрешу им это сделать...

Кирилл удивленно воззрился на кэпа.

— Эта штука, — Листер похлопал по титановому боку контейнера, — сделана была в свое время на заказ для разведслужбы Фронды. — Как она мне досталась — это отдельная песня. Ты уже на одно то обрати внимание, что сиденье крепится подвижно — смотри, как легко ходит. Так что вверх тормашками тебе сидеть не придется. Выдерживает огонь из пулемета. Имеет систему аварийного выброса пассажира, при этом окружающих глушит звуком, слепит светом и вырубает спецаэрозолью — это на тот случай, если придется вырываться с боем. Но я не про то. В нее вмонтирована система активного взаимодействия со всякого рода контрольной аппаратурой. Так что нейтронный томограф покажет ребятам на экране вовсе не свернутого в три погибели Кирилла Николаева, а плотно уложенные мешочки. Пластиковые. С органикой внутри. Сам понимаешь, что решат эти ребята...

— Ну что ж... — почесал в затылке Кирилл. — Я смотрю, это у вас далеко не экспромт, кэп...

— Не экспромт, — признал Листер. — Я уже давно собираюсь выйти из игры. И выйти с наваром. Но сейчас события резко ускорились...

— Ну а если будет прокол? — уже деловым тоном поинтересовался Кирилл. — Он тут на нескольких стадиях весьма возможен...

— На случай каждого прокола, — спокойно ответил Листер, вынимая из кармана сигареты, — предусмотрен резервный вариант.

* * *

В кармане у Рони запел блок связи. Он вытянул аппаратик и приложил его к уху. Потом бросил короткое «о'кей» и вернул блок на место. Рик вопросительно взглянул на него.

— Кэп принимает предложение, — пояснил Рони. — Но ставит свои условия. Думаю, договоримся. — Он скосил глаза на Бобра, ерзающего на кресле по левую руку от него.

— Я выполнил все, что вы от меня хотели... — Алоиз Бибер нервно провел платком по лбу, вытирая крупные — с горошину — капли пота, выступившие на нем. — Мы — на

территории Космотерминала. И прямо перед вами ангар, который вы так хотели видеть. Я не спрашиваю, зачем вам это надо. Я не люблю лезть в чужие дела, господа. Я — больной человек, который должен соблюдать режим. Поэтому прошу вас, господа, позвольте мне попрощаться с вами и...

— Знаешь, Бобер, твоё общество очень нравится нам... — задушевным тоном отозвался Рик и в открытую уперся стволом «стечкина» в спину Алоиза. — Так что домой не спеши. Лучше помоги нам ангар открыть. Нам кое-что в вашем кораблике проверить надо.

— Господи! — воззвал к своей единственной помощи и защите Бибер. — Каким образом, господа, вы полагаете, я могу отворить вам железный ангар?! У него ворота — обратите внимание — не менее шести тонн весом! Я сделал для вас все, что мог, господа! Но, господа, Алоиз Бибер — не фокусник! Алоиз Бибер не может ничего такого, чего не может сделать никто!..

— Меньше болтай, Алоиз сраный! — невежливо прервал его Рони. — Никто, может быть, и не может ангар этот отпереть, а ты — можешь. Доставай ключик и — вперед!

— Пресвятая Богородица! — снова обратился к религиозным чувствам своих мучителей несчастный владелец рекламного агентства. — Какой может быть ключ от ангара у обыкновенного торгового посредника? Кто доверяет такие вещи посторонним людям? Для того, чтобы иметь этот ключ, вам следует...

— Он меня утомил, — задумчиво бросил Рик. — Прострели ему локоток, Рони...

— Зачем же простреливать живому человеку здоровую руку? — запротестовал Бибер. — Зачем делать из обыкновенного коммерсанта настоящего инвалида?! В конце концов...

— Ты и так инвалид, задница... — снова оборвал его Рони и действительно уперся глушителем своего парабеллума в локоть левой руки «обыкновенного коммерсанта». — Ума нет — считай, калека. Ключа у тебя и в самом деле нет. И быть не может, потому что ангар запирается кодовым замком. А вот код-то ты нам сейчас как раз и скажешь. И к воротам, и к корабельному тамбуру... И в кораблике самом покажешь кое-что... Не вертись, недотепа. Хочешь без руки остаться, так молчи себе... Богородица твоя тебе в помощь. А я считаю до трех. Раз, два...

— П-п-п... — торопливо выдавил из себя Бибер. — П-прошу вас, господа, не торопитесь... В-вы думаете, что у Алоиза Бибера в г-голове к-компьютер, да? Если да, так — нет!.. У м-меня очень п-плохая п-память, г-господа! Н-но сейчас я к-кое-что вспоминаю... М-мне, кажется, действительно довелось слышать — случайно, с-совершенно случайно, господа, — т-то, что вы н-называете к-к-к...

— Можешь не говорить... — Рони толкнул Алоиза вперед. — Не велико удовольствие тебя, заику долбаного, слушать. — Иди, отпирай сам. Если врубишь сигнализацию, умрешь калекой. Настоящим. Пошевеливайся!

Дверь ангара отъехала в сторону почти бесшумно — только еле слышное сипение сервопривода выдавало величину приложенного к стальной плите усилия. Оба бандита ни на шаг не отставали от Бибера, прекрасно понимая, что стоит тому оторваться от них хоть на два шага — и отловить клятого коммерсанта в темноте напичканной сигнализацией и охранной техникой ангара станет задачей трудновыполнимой. Поэтому до самого трапа «Ганимеда» два ствола уверенно упирались под лопатку и в позвоночник злополучного Алоиза. Упирались они туда и когда он, стеная и в подробностях излагая неблагодарным слушателям все свои претензии к злой судьбе, занесшей его на Фронду, где нормальный человек не живет, а мучается, словно в аду, отпирал узковатый люк экипажного отсека.

А вот дальше — в тамбуре — у них вышла осечка.

Услужливо взобравшись по скобам к невысокому потолку переходника, Бибер, поднатужившись, откинул вверх, внутрь корабля, второй, внутренний люк тамбура и, неожиданно проявив проворство, совершенно ему на первый взгляд не свойственное, подтянулся на руках и забросил свою упитанную тушку — вместе с радикулитом, остеохондрозом и другими к ней приписанными хворями — во внутреннее пространство отсека. После чего оттуда — изнутри — все так же проворно крышку люка и захлопнул. Со страшным лязгом и грохотом.

Маховичок гермозапора с размаху пришелся точно по темечку рванувшемуся следом за своей жертвой Рони, и тот, не говоря ни слова, громыхнулся на своего приятеля в кожанке, сметя его вниз и приложив копчиком о замок внешнего люка.

Это дало Бобру фору больше, чем в минуту.

— Проклятый педераст чем-то привалил люк! — зло пробормотал Рик, напрягаясь, чтобы отворить вход в отсек.

Его партнер не счел нужным ответить на это чем-либо, кроме злобного пучения глаз и нечленораздельного мычания. Однако, как только люк-таки подался, он рванулся в открывшийся проход и, крепко намернувшись о ящик с противопожарным инвентарем, которым и была придавлена клятая крышка, загрохотал по кольцевому коридору с явным намерением догнать и прикончить наглого Алоиза.

Погоня эта успехом не увенчалась. Рик догнал своего разъяренного напарника только у потолочного люка командного отсека. Люк был настежь распахнут, а Рони наконец-то обрел способность к членораздельной речи.

— Ушел, жаба! — выдавил он из себя, осторожно трогая левой рукой стремительно набирающую силы шишку на темени. Правой, в которой был зажат парабеллум, он махнул напарнику:

— Засвети прожектора, Рик, может, жирный пидор себе шею свернул или ноги поломал — все-таки семнадцать метров...

Но Алоиз Бибер не свернул себе шеи и не поломал ног. И, разумеется, даже переломав все свои кости, он не стал бы дожидаться Рика и Рони на выложенном скользкими стальными плитами полу ангара Р-18.

— Все-таки уполз, гадина, — признал Рони, отклеившись от экрана внешнего обзора рубки управления. — Надо было ворота сразу перекрыть.. Надеюсь, у него хватит ума не поднимать шума... Принимая во внимание, что перед хозяином кораблика и «груза» отдуваться придется ему... А вот хозяина этого надо перехватить, пока они не встретились...

— Ничего, — успокоил его Рик. — Далеко не уйдет, ишак долбаный. Хубилай ему долго гулять не даст... Попрошу его мне отдать — на ремни порежу уroda...

— Вот Кубле, — заметил Рони, снова бережно касаясь своей теменной шишки, — о том, что у нас тут получилось, так сразу докладывать не стоит... Бобер не приходил в Эверглейд, ты понял? О чем-то догадался и — не пришел. А ангар и корабль нам сдал Фостер. После душевного разговора над бассейном с рыбками... Пусть уж лучше шеф считает Бобра гением, чем нас — лопухами... И молись богу, чтобы он Кубле в лапы не попался, — Кубла нам такого прокола не простит.

Он поднял взгляд на своего партнера, проверяя, не дурак ли он. И зло добавил:

— Сам жабу прикончу. Если на этом свете встретимся.

«Интересно, — подумал Анатолий, — что бы на моем месте стал делать Хромой?» И тут же ответил сам себе: «А ничего он делать не стал бы — он просто никогда не влип бы в подобное идиотство. Никогда и ни за что!»

Багажник, в котором знаменитый писатель, связанный наподобие предназначенного в приданое барана, коротал неопределенное, ужасно долго тянущееся время, был темен, довольно плохо вентилировался, но зато прекрасно пропускал звуки голосов, пререкающихся в салоне автомобиля.

— Сволочь какая! — голос, по всей видимости, принадлежал тому амбалу с волосами совершенно медного цвета, который, в конечном счете, и скрутил Анатолия. — Чуть без глаз меня не оставил, паскуда!

— Ну а мне — зуб совисем расшатал, — парировал его излишняя голос с гортанной интонацией. — Но — ты обрати внимание — я совисем не жалуясь. Потому что у миня это работ такая... А ти на его месте как себя бы повел? Мужчина должен за свою жизнь бороться, а не ныть, как ти делаешь... Дуругое дел — это то, что мужик драться не умеет. Совисем-совисем...

— Заимел ты меня, Зафар, этой своей кавказской честью, — сообщил Рыжий своему собеседнику. — Любите вы о ней поговорить. Но я тебе скажу, что если бы не шеф, я бы этому другу...

Тут кар подпрыгнул козлом на каком-то препятствии, Анатолия шмякнуло о крышку багажника, а Рыжий прикусил язык, о чем молчать не стал.

— Вах... Совисем плохие дороги стали, — посочувствовал ему Зафар. — И это — главный трасса в Космотерминал...

«За каким дьяволом меня везут в Космотерминал? — озадачился Анатолий. — За каким чертом вообще меня похитили? Неужели они всерьез рассчитывают, что только потому, что я — популярный писатель, кто-то отвалит им миллионный выкуп? А кстати — „Пре-ЧМО“ или „ДУСТ“ могут рекламы ради и отвалить... Вообще — нет худа без добра: бесплатная реклама мне теперь обеспечена. Обидно, если — посмертная...»

Тут кар снова сильно трянуло, и на некоторое время у Анатолия напрочь вылетело из головы все, о чем он думал. Когда способность соображать снова вернулась к нему, корыстные мысли испарились из его сознания, словно утренняя роса. С удручающей ясностью он понял, что ни опыт собственных литературных героев, ни соображения паблисити ни на йоту не облегчат его теперешней судьбы.

Воображение рисовало Анатолию конечный пункт его путешествия в дурацком багажнике как стереотипную картину узилища, взятую напрокат из реквизита какого-то из собственных боевиков — либо пропахший мышами сырой подвал, либо грязноватый гараж на окраине мегаполиса. Как экзотический вариант являлось его воображению монастырское подземелье с вмурованными в каменную кладку стен ржавыми цепями. Меньше всего ожидал он увидеть то, что увидел, когда с головы у него грубо сдернули чуть не удушивший его мешок.

Меньше всего рассчитывал он оказаться — после петляния по непонятному лабиринту и восхождения по дьявольски крутым и неудобным лестницам — в сверкающем чистотой салоне «общего помещения» космического корабля типа «Звездный клипер». Писателю

полагается знать декорации, в которых протекает действие его сочинений, а такие вот — компактные и «дальнобойные» — межзвездные суденышки, и впрямь популярные среди космических контрабандистов и иных лихих людей Галактики, служили антуражем не одного его романа. Поэтому после того, как со рта его отлепили проклятый пластырь, сакраментального вопроса «где я?» Смольский не задал.

— Чему обязан? — спросил он мрачного типа со шрамом, восседавшего за столом прямо перед ним.

Тип обратил на этот вопрос не больше внимание, чем на жужжание комара — случись здесь такой.

— Спасибо, ребята... — глухим голосом бросил он Рыжему и Зафару, придерживавшим плохо стоящего на ногах литератора. — Вы нас здорово выручили с этим...

— Ну так ты отрапортуй боссу, — неприязненным голосом отозвался Рыжий, — что так, мол, и так: задание выполнено и к нам у вас никаких претензий. Вот еще возьмите, — он кинул на стол так и не пригодившийся Смольскому электрошокер и пластиковый мешочек с небогатым барахлишком. — Документы пентюха и то, что по карманам у него было...

— Доложу, будь спокоен, — заверил его тип.

Цепкие руки отпустили локти Анатолия, и сзади, по металлопластику покрытия, а потом — по трапу, загрохотали удаляющиеся шаги двух пар ног. Второй тип — помоложе, присел на краешек низкого стола и вытряхнул на его поверхность содержимое пластикового мешочка: ключи, пачку сигарет, зажигалку, универсальную электронную «кредитку» со встроенной записной книжкой, обычную записную книжку, диктофон, носовой платок, бумажник с мелкой наличностью и оправленную в темный металл лапку «подземного духа» с планеты Джей.

— Перестань валять дурака и назови имя!

Голос типа со шрамом был особенно противен Анатолию. В чем не было ничего удивительного: каждая вторая фраза, сказанная этим голосом, неприятным самим по себе, сопровождалась срабатыванием его — Анатолия — собственного электрошокера, прикладываемого то к одной, то к другой части его тела. Последний раз палач-самоучка переусердствовал, и привязанный к креслу литератор только с большим трудом мог выдавить из себя фразу, которую повторил за последние полчаса уже раз пятьдесят.

— В-вы спугали меня с кем-то, ребята...

Он тяжело перевел дыхание.

— М-м-м... М-меня зовут Смольский. Анатолий Смольский. М-могли бы и слышать о таком...

— Тебя зовут, — второй тип, плоховато выбритый, одетый в кожаную куртку, небрежно прихватил со стола идентификатор Анатолия, — Анатолий Дундуков. Это — по ксиве. Не понимаю, почему бы тебе таким именем и не называться. Ну, ксиву, положим, я себе хоть на кого выправлю — за приличные деньги. А вот как тебя по-настоящему зовут, ты уж постарайся все-таки припомнить. Ну да как бы, друг, ни назывался, ты тот, кто нам нужен. И удостоверение на сей предмет ты сам привез, — тип кивнул в сторону наваленного на столе барахлишка. — Очень надежное удостоверение... Пойми, дорогой, что влип ты капитально; мы, парень, точно знаем, что ты — легавый. Но это — твоя личная проблема. Нам не ты нужен... Мы легавых не любим, но ты нам сейчас — по фигу. Нам нужна приманка... Ты понимаешь, о чем я говорю? До тебя доходит? Врать нам бесполезно!

— Дундуков — эт... это моя нормальная фамилия... — с трудом ворочая языком, проговорил Анатолий. — Н-настоящая... Она — н-неблагозвучная. В-вам не понять — русск... русского не знаете... А С-смольский — это псевдоним. Писатель я...

Тип со шрамом потянулся к отложенному было в сторону шокеру.

— У этого дурня прямо одна кликуха на другую наезжает, — с раздражением сказал он. — И Смольский он, и Дундуков. И хрен пойми кто еще... Но сейчас он нам всю правду выложит... Тебя — слышишь ты — как мама называла?

— Слушай, — перебил его напарник. — По фигу нам, как звать придурка! Нам «груз» нужен. Приманка...

— Я-я... Я не знаю ни о какой «приманке»!.. — торопливо встрял в разговор Анатолий. — Вы легко можете проверить — любое издательство Метрополии заплатит вам за меня... Ой!!!

— И писатель он, и издательства у него в Метрополии... — раздраженно буркнул Рони, возвращая шокер на место. Рик отмахнулся от него и уставился Анатолию в зрачки.

— Ты — как? — поинтересовался он. — Еще соображаешь, на каком ты свете?

— С-соображаю... — не очень уверенно отозвалась их жертва откуда-то из недр глубокой прострации.

— Ну, так сообрази еще вот такую вещь... — Рик ухватил Анатолия за подбородок и сориентировал его затуманенный, уплывающий взгляд в поле своего зрения. — Нам про операцию «Тропа» все известно. Кроме пары мелочей... Ну знаем мы, что на Трассе, на борту «Кинг-Конга», управление без шума и пыли конфисковало четыреста килограмм «порошка». И передало его военной разведке. Для проведения совместной операции. Этот «груз» ты предложил Фостеру... Как приманку. И с ним ты должен был внедриться в наши цепочки... Руководит операцией подполковник Дель Рей... Ну? Ты понял, что мы знаем все ваши расклады? Или тебе картинку нарисовать? Так пойми еще вот что: у тебя есть только один шанс вытянуть свою задницу из этого дела в целости и сохранности... Только один — ты слышишь меня? Ты догадался какой? Угадай с трех раз...

— Д-да не знаю я ничего про «п-порошок»!!! — с отчаянием в голосе застонал Смольский-Дундуков. — Вас кто-то ввел в заблуждение! Откуда вы взяли, что я — из легавых?

— А ты не догадываешься? — Рик снова кивнул в сторону разложенного на столе барахла. — Посмотри-ка вот на эту штуку...

Но Анатолий ни на какие штуки смотреть не стал: обвиснув на притягивающих его к спинке кресла ремнях, он провалился в глубокий обморок.

* * *

— Если ты угробил типа, то нам — крышка... — Рик озабоченно мял запястье Смольского, пытаясь нащупать биение пульса. — Хубилай открутит нам головы... И будет прав.

— Да прикидывается он... — без особой уверенности в голосе возразил Рони, норовя увесистой оплеухой привести бесчувственную жертву в сознание. Голова Смольского безвольно мотнулась влево-вправо, но сомкнутые веки неудачливого литератора не дрогнули и выражение полной апатии и не думало покидать его бессильно расслабленную

физиономию.

— Чтоб тебе так прикидываться, — зло оборвал его Рик и остановил поднятую для повторения процедуры насильственного возвращения жертве сознания руку своего напарника. — Психозелеватор ему вкатить надо... А потом — снотворное. И пусть отлежится. Еще есть время до старта... А если что — перенесем время выхода в точку броска...

— Тоже мне — медик нашелся... — зло буркнул Рони. — Психозелеватор, снотворное... Так ты его как раз в гроб и загонишь... Пускай лучше Хубилай пригонит сюда настоящего специалиста — у него этот урод заговорит как миленький... — Рик глянул на него как на помешанного.

— Может, пусть уж тогда Кубла пригонит сюда еще и пару пилотов с капитаном — чтоб нам с тобой не переутомиться... Тогда и вовсе здорово получится! Не будь полным идиотом — последнее дело впутывать в это одного постороннего. И думать забудь о том, чтобы просить Хубилая о помощи. А в этой химии, — он кивнул на разложенные на столе шприц-ампулы и упаковки таблеток и капсул, — я кое-что смыслю. Как-никак шесть лет работал на Легион. Там приходилось иногда быть не только пилотом, но еще и медиком и полковым капелланом...

Он выбрал нужный шприц и, морщась, принялся сдирать с него упаковку.

— Ты знаешь... — Рони ухватил бесчувственную физиономию Смольского за подбородок и развернул так, чтобы присмотреться к ней повнимательнее. — А вдруг они там раскусили Хубилая... Или его человек там засыпался... И они подсунули метку лопуху, который и в самом деле — ни сном ни духом... Уж больно у этого дурня рожа... Ну — простоватая, что ли...

— Простоватая?.. Посмотрел бы на свою! — Рик уверенно прижал шприц к сгибу руки Смольского. — Простоватые придурки, дорогой мой, не называются чужими именами и не шляют по таким местечкам, как «розовые кварталы» и Зазеркалье...

Рони ожесточенно потряс головой, словно пытаясь таким образом избавиться от одолевающих его сомнений. И тут же очень вовремя пронзительно зазвучал сигнал вызова вмонтированного в пульт блока связи.

Рик небрежно подхватил брошенный на приборную панель «ошейник» индивидуального мини-интерфейса и прижал к уху микронаушник. Физиономия его выразила удивление, потом — недоуменное согласие.

— Вас понял, капитан... — он поймал глазами зрачки Рони и выражением лица показал, что не понимает решительно ничего. — Да... Да, можете не беспокоиться, капитан... Да...

Он положил «ошейник» на место и почесал в затылке.

— Кэп распорядился о предстартовой готовности... Он здесь будет во второй половине дня. С «грузом». Похоже, что он как-то вышел на «порошок» без помощи этого типа... Похоже, что у них здесь будет интересная встреча...

Рони мрачно созерцал физиономию Смольского.

— Ладно, помоги отволочь чудака в медбокс, — угрюмо распорядился Рик. — И пусть убьют меня зонтиком, если я хоть что-то понимаю в этой игре...

* * *

Хоть в одном деле за этот день прокола не было — вполне приличный пистолет,

снабженный запасом патронов и наплечной кобурой и пару спецприспособлений, с которыми явно не стоило светиться на таможне, Кай без труда забрал, как это и было условлено, у бармена «Индепенденса» («Для мистера Троммера? Да, вам тут оставляли сумку, мистер...»). Это немного приподняло настроение федерального следователя и вернуло ему аппетит. Осведомившись, где здесь у вас можно э-э... вымыть руки, он направился в указанные, сверкающие кафелем покои, пристроил кобуру с пистолетом на положенное ей место, рассовал по карманам обоймы и спецтехнику, потом и вправду вымыл руки и вернулся в бар. За совершенно фантастическую сумму он отоварился местным гамбургером и кружкой темного пива, справившись с которыми снова почувствовал себя человеком.

Собственно говоря, единственное и довольно безнадежное дело, которым предстояло заняться Каю в оставшиеся в его распоряжении четыре с небольшим часа, состояло в формальной проверке «почтовых ящиков», в которых сгинувший резидент мог оставить ему хоть какой-то намек о своем теперешнем местонахождении. Он или кто-либо из посвященных, если таковые существовали.

Ситуация содержала в себе и определенный риск, но если уж господин Бибер не заложил прибывающего напарника напрямую, то вряд ли в распоряжение Хубилая попали такие тонкости, как система резервной связи между участниками операции «Тропа». Система эта включала в себя шесть ничем не примечательных мест в городе, каждое из которых, по идее, было доступно для чертовой уймы народу, что облегчало задачу отправителю и адресату посылаемого сообщения.

Первый «ящик» — заброшенная будка муниципального видеофона — перестал — и довольно давно перестал — соответствовать своему назначению. Вот уже скоро год, как люди заходили в такие места только для того разве, чтобы справить нужду — малую, а порой и большую... «Свободное государство свободных людей» давно уже перестало тратить деньги на ремонт и содержание сети городских автоматов связи.

Второй и третий ящики — ячейка камеры хранения автовокзала и тайник в дверце поставленного в гараже-автомате «фордика» были пусты. Особых надежд в отношении четвертого резервного канала — патриархально-традиционной ячейки в «reception» на отшибе расположенной гостиницы «Лютеция» — федеральный следователь не питал.

Он привычно «проверился», подходя к тускло поблескивающим позеленевшей бронзой дверям сего странноприимного дома, терпеливо пропустил в эти двери решительно двигавшуюся в одном с ним направлении седовласую и стервообразную даму в огромных допотопных солнцезащитных очках и, не торопясь, вошел в вестибюль. Ожидая, когда мадам в очках-фильтрах решит свои проблемы с сонливого вида администратором, Кай постарался изобразить живейший интерес к антикварного вида антуражу помещения. Вдруг он расслышал, как мадам вполголоса поинтересовалась у поблескивавшего аккуратной лысиной служащего: «Скажите, вам не оставляли писем на имя компании „Синальта“?» — и остолбенел.

* * *

— Ну как, освоил «гнездо»?

Кэп Листер наклонился к скрючившемуся в недрах имитации грузового контейнера Кириллу.

— Более-менее... — Кирилл бесшумным кошачьим движением — только физиономию перекосив от напряжения — выскользнул из «кокона» и выпрямился в полный рост, придерживая наготове импульсный разрядник десантного образца. — Надо еще потренироваться — раза четыре прокрутить ситуацию... Нас в свое время гоняли на тренажерах, но в основном только по макетам военных объектов. Ну и немного — по гражданским. На случай захвата заложников и тому подобного... А вот кораблики класса клипера в работу не брали.

— Ну, в этом отношении у меня возможности поскромнее, чем у Космодесанта... — кэп хмуро усмехнулся. — Но уж тут ничего не поделаешь: придется поработать с голограммами. Впрочем, у «Ганимеда» схема модуля экипажа срисована с типовой «Молнии». Только вместо блоков повышенной защиты смонтированы дополнительные места для пассажиров «экстренной доставки» и расширены багажный и медицинский субмодули... С «Молнией» тебе приходилось работать?

— Приходилось... — Кирилл присел на стоящий поодаль ящик. — Главное, чтобы не подвернулось какой-нибудь глупости вроде заблокированной двери или нештатной перегородки...

— В конце концов, тебе надо будет пройти в общей сложности меньше шестидесяти метров. Две двери и один тамбур. Один межуровневый переход... Замки я деблокирую. Кроме того — на всякий пожарный случай — у тебя будет универсальный ключ...

Кирилл постарался глубоким вздохом выразить надежду на то, что все сказанное капитаном подтвердится, и аккуратно пристроил разрядник в наплечную кобуру.

— Кстати, «хлопушку» вы, кэп, раздобыли классную. Таковую в десантуре не всякому доверяют...

— Вот с этой штукой, — Листер осторожно постукал длинным, сухим, как сучок саксаула, пальцем по видневшейся из-под руки сообщника рукояти «хлопушки», — будь поосторожнее. Настолько, насколько это возможно.

— Разрядник будет выведен на минимум, — Кирилл успокаивающе махнул рукой. — Не дурень, понимаю, что значит палить в закрытом объеме, в Космосе...

— Палить лучше не надо вообще... — Листер потер глаза. — Тут дело не в том, что ты можешь повредить кораблик... Ты, я думаю, устав и правила абордажного боя получше меня знаешь... Дело не в том. Нельзя угробить ни одного из этих двух парней — Рональда и Энрике... Если придется стрелять — бей по конечностям. Не на поражение...

Кэп присел рядом с Кириллом и стал привычно похлопыванием по карманам определять местонахождение пачки сигарет.

— Оба они, конечно, отпетые мерзавцы, и место им — на виселице. Но один из них знает выход на человека, который работает на Хубилая — там, на Инферне. Такие вещи доверяют, как правило, кому-то одному.. И я не знаю — кому именно... А второй его «страхует». Не должен допустить, чтобы тот попал в руки полиции или конкурентов... Поэтому их обоих надо блокировать молниеносно и сразу развести в разные отсеки. Так что ты должен действовать строго по нашему графику — секунда в секунду. Если я не дам «отбой» резонатором, через корпус, на «частоте-два». А вот если будет сигнал на «частоте-один» — досрочно — тогда дела плохи, «нештатная ситуация»... Но твои действия в общем-то те же...

Они помолчали.

— А что за штука оказался этот тип, за которым числится «груз»? — поинтересовался

Кирилл, с неодобрением наблюдая, как Листер раскуривает «Житан».

— Пока что я его не раскусил до конца... — кэп пожал плечами. — Но так или иначе он у нас на крючке. Неожиданных действий от него ждать не приходится. Ему некуда отступить. Сам понимаешь — за такой громадной партией «порошка» не может стоять он один. Скорее всего — кто-то вроде Большого Кира или Жестянщика. И он перед ними отвечает головой. А с полутонной товара Кубла его назад отсюда не выпустит. Ему остается только идти до конца. Или заложить нас всех и отдаться на милость властей. Неважно каких. Я бы выбрал федералов...

— А не может оказаться, что он и так уже — от них? — задумчиво произнес Кирилл, отрешенно следя за поднимающейся к потолку гаража струйкой табачного дыма. — Просто подсадная утка. И груз у него — просто какой-нибудь тальк или минеральные удобрения... Так быть не может?

— А ты думаешь, Хубилай нас отпустит без того, чтобы самому на товар не глянуть? Нет... — Листер помотал головой. — А полутонной настоящего товара рисковать... Не могу себе представить, чтобы кто-то из господ начальников взял на себя такую ответственность. Скорее всего это кто-то из тех двоих, о которых я сказал тебе, ищет способ влезть в здешний бизнес. Протоптать дорожку к тем... К людям Диаспоры.

* * *

Мардж Каллахан молча повернулась на каблуках и, едва не сбив с ног замешкавшегося у входа пентюха, покинула пределы «Лютении», с досадой крутанув тяжелую вращающуюся дверь так, что та совершила еще с полдюжины оборотов, прежде чем пропустила вслед за ней того самого пентюха, которому, видимо, тоже уже ничего не нужно было в вестибюле старомодной гостиницы.

Вычеркнув из своего мысленного списка еще один пункт, в котором бесследно сгинувший гендиректор «Риалти» мог оставить хоть какой-то намек на место теперешнего своего пребывания, она решительно пересекла улицу по направлению к горловине входа на станцию подземки. У запыленной зеркальной витрины лавочки с третьесортной бижутерией она «проверилась» — чертов пентюх, оказывается, следовал за ней. Был он явно залетным — и по одежде, и по манере держать себя. Где-нибудь в Метрополии он, безусловно, был бы почти незаметен среди точно так же строго и чуть по старинке одетых прохожих. Но здесь — на Фронде — незнакомец сразу бросался в глаза, словно экспонат музея восковых фигур, подавшийся в самоволку — немного проветриться по случаю хорошей погоды.

Чтобы утвердиться в возникших подозрениях, Мардж прошла мимо спуска в метро и, два раза свернув налево, вышла на крохотную, но не безлюдную площадь Трех Птиц. Тут — якобы для того, чтобы что-то найти в своей сумочке — она резко остановилась. Торопливо следовавший за ней пентюх тут же с ходу налетел на нее, сдержанно чертыхнулся и, рассыпавшись в извинениях, попытался сделать вид, что следует дальше своей дорогой. Но Мардж дорогу эту ему заступила.

По правде говоря, копание в сумочке было не только отвлекающим маневром, предпринятым секретаршей бесследно сгинувшего Алоиза. Мардж было что достать из нее — «беретту» полицейского образца. Сейчас она была близка к цели. По крайней мере, не вынимая руки из сумки, крепко сжала рифленую рукоять и перевела предохранитель

пистолета в боевое положение.

— Что вам от меня нужно, уважаемый мистер? — предельно корректно для сложившейся ситуации осведомилась она.

Мистер был слегка озадачен, но быстро взял себя в руки.

— Я всего лишь намеревался э-э... поблагодарить вас мис... сис... — федеральный следователь чуть запнулся в определении матримониального статуса собеседницы. — Вы выполнили за меня довольно деликатное дело...

— Это какое же? — Мардж продолжала придерживать сумку между собою и подозрительным собеседником, не очень скрывая от него ее содержимое.

— Вы поинтересовались у портье о почте для «Синальты», — Кай улыбнулся как можно более располагающе. — Удивительным образом я тоже работаю на эту фирму...

Мардж вздохнула с облегчением, поставила пистолет на предохранитель, сунула его на дно сумки, а сумку закинула на плечо.

— Если мы с вами, мистер, и работаем на одну фирму, то — в разных филиалах, — сообщила она Каю. — Мой — на Харрис-роуд, десять, на углу с Мюллер-лейн, а ваш — сдается мне — на Втором Посольстве...

Того, что «Эмбасси-2» является не чем иным, как шпионским гнездом федералов на Фронде, не знали разве только малые дети. Во всяком случае, это было первое, что узнавал тот, кто вообще проявлял к таким вещам хоть какой-нибудь интерес. Но для федерального следователя, не пробывшего на планете и половины суток, узнать этот факт из уст седовласой дамы, участником операции «Тропа» никак не являющейся, было неприятным откровением. Впрочем, не самым большим из уже случившихся за последние часы.

— Простите... — он не сразу нашел подходящие слова. — Простите, но разве господин Бибер до такой степени держал вас в курсе м-м... своих дел?

— Вы так и собираетесь разговаривать со мной — столбом стоя посреди улицы? — Мардж пожала плечами, показывая, что не одобряет такой манеры вести беседу, и решительно направилась к украшавшему центр площади фонтану.

Согнав с его бортика пару отощавших голубей, она уселась на освободившееся место и принялась энергично вытряхивать камешек из своей туфли. Пожав плечами, Кай присел рядом, подозрительно глянув на струящиеся вялые потоки воды бронзовые изваяния, оказавшиеся у него за спиной.

— Вообще-то вы не особенно мандражируйте, мистер, — уведомила его Мардж после некоторой паузы, заполненной извлечением из бокового кармана сумки мятой пачки сигарет, а из этой последней — ее единственной, тоже порядком покалеченной обитательницы. — Алоиз хранить секреты умеет. Но не от Мардж Каллахен. Это я — Мардж Каллахен, — она совершенно мужским жестом протянула федеральному следователю руку.

Тот растерянно пожал ее, пробормотав полагающееся по легенде:

— Джон Крюгер, к вашим услугам... Как я понимаю, вы — секретарша господина Бибера? — уточнил он.

— В контракте написано именно так, — Мардж щелкнула зажигалкой.

Даже в это механическое действие она вложила солидную дозу презрительной иронии. Раскуривала сигарету она со знанием дела, прервав для этого занятия начатую было фразу и, лишь убедившись, что полудохлая сигарета исправно дымит, продолжила свою мысль:

— В контракте записано «секретарша», но не секретаршей я прихожусь господину Биберу, а самой настоящей нянькой! Он, по сути дела — ребенок! Всерьез воспринимать

жизнь он не в состоянии. Так бы век и копошился в тех бирюльках, что подкидывают ему господу вроде вас или Фостера... И жизнь вообще. Если за ним не присматривать, он пропадет ни за грош, мистер! Вот и сейчас — с вашей, господу федералы, подачи — влип в какую-то историю... И всегда старушка Мардж должна из кожи вон лезть, чтобы вытащить неразумное дитя из дерьма...

— Скажите, — вежливо поинтересовался Кай, — и давно ли господин Бибер посвятил вас в свои дела с, г-м... как вы изволили выразиться, «федералами»?

— Да он и не думал в эти свои дела никого посвящать! — возмущенно взмахнула сигаретой Мардж. — Алоиз бы удавился, если бы узнал про то, что все его секреты — сущая ерунда на постном масле. Просто я с ним нянчусь еще со времен Свободных Выборов на Гринзее и вынуждена во все вникать. Иначе все прахом пойдет в считанные дни!

— Так вы уже давно работаете у господина э-э... — попробовал уточнить федеральный следователь.

— Я давно с ним нянчусь! — поправила его Мардж. — Мы с ним сработались в штабе «Движения демократической либерализации» — это партия Грея Пирса. Он тогда баллотировался в тамошние президенты. Пирс, конечно, а не Алоиз... Алоиз у него менеджером избирательной кампании подвизался. Вполне успешно, между прочим. Кстати, звали его тогда вовсе не Алоизом. А меня определили при нем секретарить. Я сама — отсюда. В смысле — уроженка Фронды. Но когда все тут наперекосяк пошло, подалась на Гринзею. Они там сейчас на подъеме... И там я сразу поняла, что теперь судьба моя такая: состоять нянькой при Алоизе Бибере. Хотя, повторяю, звали его тогда вовсе не так.

— Но вы говорите, что он вполне справлялся со своей ролью? — позволил себе выразить некоторое недоумение Кай.

— Видите ли, — развела руками Мардж, — у Алоиза, видно, есть какой-то заступник там — в небесной канцелярии. Он постоянно берется не за свое дело, и всякий раз ему выпадает фартовый билетик. Сдается мне, что и вы, господу, это почували, раз поставили на него в своих играх... Но в тот раз все могло обернуться очень даже плохо. Этакая вышла неразбериха с партийной кассой: казначей загремел под фанфары прямиком в каталажку, а еще с десятков типчиков, что крутились вокруг, — как корова языком слизнула... Одного потом на Парагее арестовали, другой тут же, не отходя, как говорится, от кассы, на какой-то заброшенной стройке повесился... С чьей-то, говорят, помощью. Но в основном — концы в воду. Все те, кто не успел смыться, разумеется, попали «под колпак». Кабинет прокурора нам стал что дом родной. Алоиз, понятно, тоже засуетился на предмет уклониться от скамьи, ходил бледный как смерть, глотал лекарства... Тут на него и вышли ваши люди...

Кай не стал объяснять разговарившейся собеседнице различия между принципами работы военной контрразведки и федерального управления расследований. Ей не стоило знать еще и эти детали.

— Да, вашему шефу судьба действительно подбрасывает счастливые билетки, — констатировал он.

— Тоже мне — счастье! — Мардж вздернула плечи. — От этого дела с кассой Алоиза они действительно отмазали. А вот в эту дыру — закинули. Со мною вместе. Видно, поняли, что другую няньку ему сыскать — задача нерешаемая. И нарекли его, беднягу, Алоизом Бибером. Из одного дерьма вытащили, в другое воткнули — ушами вниз! Но он-то — бедняга Алоиз — всерьез вообразил себя пупом Вселенной. Всех он купит и всех продаст! — Мардж с досадой сплюнула. — А теперь сидит, как таракан в щели, и даже знака никакого подать

не может...

— Мне кажется, — осторожно предположил Кай, — вы уверены, что господин Бибер все-таки жив... У вас на то есть какие-то основания, кроме убеждения, что у Алоиза есть заступник на небесах?

— Конечно, он жив, если люди Хубилая ищут его по всему городу! И начали с офиса «Риалти»! Полюбуйтесь!

Мардж сдернула с лица очки-полумаску и предъявила федеральному следователю впечатляющих размеров фингал под левым глазом.

— А могло обернуться и похуже, — добавила она, снова надевая очки. — Только они вовремя сообразили, что могут вытряхнуть из Мардж Каллахан душу, но — ничего больше! И что гораздо проще отпустить старую Мардж на все четыре стороны и присмотреть за нею повнимательнее — глядишь и приведет прямехонько к любимому шефу... А вот вашего гм... напарника — того русского — вы здорово подставили... Послали сразу в наш офис — прямехонько к черту в зубы! У него не было неприятностей?

— У кого, черт возьми?! — Кай почувствовал, что уже не может выдерживать олимпийски спокойный тон.

— Если мне не изменяет память, его фамилия — Смольски...

«Вот, стало быть, какого „надежного Вергилия“ сосватали господину литератору какие-то дурни с Фронды...» — оторопело подумал Кай.

С трудом придя в себя, он осведомился:

— И почему же вы считаете его моим напарником?

— Потому что таких совпадений не бывает, мистер, чтобы в одни и те же сутки, когда человек бесследно смывается — бесследно и неожиданно, — так вот, чтобы в одни и те же с этим делом сутки по его душу приходили сразу два залетных господина... Или у вас уже правая рука не ведает, что творит левая? Зачем он — этот ваш Смольски — полез к Алоизу? Даже я знала, что оказалась «под колпаком», а вам уж сам бог велел...

Федеральный следователь поднялся на ноги. Потом снова сел. Ситуация радикально менялась. Причем, по многим параметрам сразу.

— Это вдохновляет... — Кай почесал нос. — И, зная это, вы именно тем и занялись, чего от вас ожидают? Мне не слишком ясна ваша логика, мэм... Если на господина Бибера вы их — людей Хубилая — еще не навели, то уж моя скромная персона теперь находится под одним с вами «колпаком».

— Говорю вам: не мандражируйте, мистер, — Мардж с сожалением утопила оставшийся от увечной сигареты чинарик в каменном бассейне фонтанчика и грустно улыбнулась чему-то своему. — Эти ребята сейчас усердно пасут Мардж Каллахан, — она аккуратно сняла с головы свои седины — неплохого качества парик — и сразу помолодела лет на пятнадцать, — вот такую — рыжую, коротко стриженную — с радиомаячком, прилаженным к жакету. Идиоты вообразили, что сделали это незаметно... Когда до них дойдет, что пасут-то на самом деле они ее старшую сестру — Марту Ламберс, я, глядишь, надыбаю хоть какой-то след моего непутевого Алоиза...

Федеральный следователь ощутил легкую дурноту: еще и не начавшись толком, операция «Тропа» черной дырой засасывала в себя все новые и новые души. В том числе и не имеющие к ней никакого отношения. Например, господина литератора. О судьбе Смольского надо было немедленно наводить справки. И вообще — предпринять кучу действий, не терпящих ни малейшего промедления. Выходить из игры, кажется, было уже

поздно.

— Не вы, так я... — Кай встал и, повернувшись лицом к фонтану, чтобы не пялиться на пристраивающую на место свой парик Мардж, принялся разглядывать изваяния Трех Птиц.

Они вызывали у него какие-то смутные ассоциации — ассоциации, явно к делу не относящиеся, но почему-то его тревожившие.

— Ваша сестра — довольно смелый человек, — заметил он, — раз она согласилась подменить вас в этой затее — довольно опасной. На ней могут отыграться...

— Отыграться на ней не так легко, мистер... — Мардж стала раздраженно обыскивать себя, то ли забыв, что пачку сигарет уже извела, то ли в надежде найти вторую

Кай про себя заметил, что чем-то ее манеры напоминают манеры кэпа Листера. Должно быть, какой-то заразный местный психоз на почве курения.

— Хрен кто отыграется на Марте, — продолжила лихая секретарша везучего шефа, — она в органах работает. И сама, и муж ее, и свекор. Тот вообще в чинах...

— В госбезопасности? — неприязненным тоном уточнил Кай, окончательно поняв, что здорово с этой Мардж нарвался — не так, так этак.

— В криминальной полиции, — небрежно пояснила Мардж. — Еще та банда! Их даже «крутые» злить побаиваются. Она хоть на два года постарше меня будет, в зрелом, так сказать, возрасте нас с ней часто путали... А теперь, после того как я смоталась на Гринзею, а Марта выскочила замуж, мало кто знает, что мы — сестры. Но притом видимся мы часто, и «махнуться» внешностью нам — раз плюнуть. В любом, простите, дамском туалете или там в кабинке для примерки в шопе готовой одежды. Это нам не один раз сгодилось...

— Отлично, — довольно кислым тоном оценил ситуацию Кай. — Нам надо взаимодействовать, мэм. Или вы иного мнения?

— Отчего же!.. — Мардж махнула рукой и на сомнения собеседника, и на бесплодные поиски курева по своим многочисленным карманам и тоже поднялась на ноги. — За вами — сила. Глядишь, и вытащим Алоиза из дерьма...

Теперь они стояли рядом, рассматривая изваяния странных птиц.

— Одного не пойму только, — Мардж провела рукой по лицу, — куда, в какую-такую ж... он забился, что не может в эфир выйти... У него при себе всегда незарегистрированный сотовик. Ну и условные слова и фразы у нас всегда наготове. Ну, если сотовика лишился, так всегда есть откуда звякнуть — за деньги в любом офисе дадут от себя поговорить. Лишние баксы никому не мешают. И отследить невозможно.. Я так мыслю, что он в металле сидит. В цистерне какой-то. Или в ангаре...

Эти слова замкнули в черепе федерального следователя какой-то сложный контур, который с самого его прибытия на неудачливую планету монтировало из смутных предчувствий, туманных предположений и расплывчатых ассоциаций его подсознание. «Будь я проклят, если этот Бибер не заперт действительно в ангаре, — сформулировал Кай неожиданно родившуюся догадку. Даже не догадку — уверенность. — А точнее — на корабле. На том же корабле, возможно, сидят и бандиты, которые так и не добрались до него. Это не лезет ни в какие ворота. И однако это так!»

Федеральный следователь поморщился, как от горькой пилюли, — он не любил озарения. Как непрошеной подсказки на экзамене. Хотя они никогда не подводили его — озарения.

Он подхватил с бортика бассейна опустошенную пачку сигарет и повертел ее перед глазами. Вытянул из нагрудного кармана электрокарандаш.

— Запомните номер этого канала, — он быстро набросал на смятом пластике шесть цифр.

Мардж кивнула. Кай смял пачку и упрятал ее в карман.

— Кодовое слово «Синальта». Вы его уже знаете. Вас соединят со мной. Но... Очень скоро мне, возможно, придется убираться с планеты... Через три-четыре часа... Тогда вас соединят с теми, кто будет в курсе дела. Я свяжусь с ними заранее... Вам помогут. Мы очень заинтересованы в том, чтобы с господином Бибером... С Алоизом... Чтобы с ним не вышло ничего плохого.

— Идет, — чуть снисходительно подвела черту под состоявшимся разговором Мардж. — Разбегаемся?

— Эти... Птицы... — Кай кивнул на струящиеся воды изваяния. — Откуда они? Кто их... сделал?

— Я не помню скульптора, — Мардж дернула плечом, накидывая на него ремень сумки. — А птицы — настоящие. В смысле — были такие... Их Маррон привез оттуда еще в самом начале Изоляции. С ними всякие чудеса были. Потом они все исчезли. Или погибли. Наверное, про них многое напридумали, но что-то такое было... Какая-то магия... Их тут так и называют — «Ангелы Инферны»...

«Да, — подумал Кай, — в орнитологии Инферны я пока слаб. Больше интересовался тамошними разумными тварями. И напрочь забыл, что, кроме чертей, там водятся еще и ангелы...»

Глава 4

РЕЙС «ГАНИМЕДА»

Бог его знает, когда и при каких обстоятельствах к Абдулле Кадыру прилепилась кличка «Хубилай» — «Кубла». С нею он уже прибыл на планету — в основном для того, чтобы уклониться от «вышки», светившей ему по заочным приговорам трибуналов Харура и Гринзеи. А вот на Фронде, не связанной с Федерацией договорами о выдаче, Кубла резко пошел в гору. Если, конечно, считать подъемом обретение места лидера в мире здешней мафии. Тому способствовало его увлечение. Хобби.

Хобби бывают разные: покойный Фостер увлекался разведением пираний и, худо-бедно, мог быть зачислен в преславную когорту аквариумистов. Еще он коллекционировал подделки шедевров живописи. Все еще здравствующий Юбер-Лекарь разводил розы — в подражание Шерлоку Холмсу, что ли? — и увлекался шахматами, что, впрочем, не мешало ему оставаться ключевой фигурой в области незаконных валютных операций практически на всем северном полушарии планеты. Альф-Маэстро виртуозно дудел в саксофон и попутно контролировал треть нелегального вывоза рабочей силы на Инферну. Руди-Франт был помешан на женщинах. Шутов-Валет пил как лошадь. И так далее.

И только Хубилай не был замечен ни в пристрастиях к гастрономическим изыскам, ни в интересе к хоть какому-то виду искусства, ни в слабости любого другого толка. Пристрастий у Хубилая не было.

Была только Страсть. Единственная и великая — Страсть к Власти.

Именно желание властвовать, подчинять себе все и вся вело Кублу по жизни и составляло единственную суть последней. Кубла не нуждался в том, чтобы примешивать к возвышенной, пьянящей субстанции Власти низменную материю плотских удовольствий. Как сказал кто-то из древних писателей о другом — историческом, — но чем-то на Кублу похожем персонаже: он Власть потреблял чистой. Неразбавленной.

У него — единственного из членов «уважаемого общества» — не было ни собственного портного, ни личного психиатра. Зато была отлично поставленная команда личной охраны и собственная разведка, которой позавидовали бы соответствующие службы некоторых государств. С начальником этой разведки — одним из наиболее преданных людей — Кубла и беседовал сейчас во внутреннем дворе своей резиденции «Кречет». Дворе довольно унылом, на мрачные мысли наводящем.

Резиденция эта — нечто среднее между средневековым замком и просто большим каменным особняком — была упрятана в ущелье горного кряжа, «подпиравшего» столицу Фронды с юга. Никому из тех непосвященных, которым случилось повидать ее, не могло прийти в голову, что перед ним — обиталище обладателя одного из самых больших состояний на планете. Не хижина, конечно, но и не дворец. Высокие стены, окружавшие «Кречет», скорее наводили на мысль о тюрьме.

Возглавлял собственный, его величества Кублы шпионский корпус, как уже было сказано, его преданнейший соратник, именовать которого рекомендовалось вполне соответствующей его статусу кличкой — «Мюрид». Сегодня, впрочем, преданность его была поставлена под сильное сомнение. Мюрид это понимал и порядком нервничал.

— Ты знаешь, Мюрид, — тихим, недобрим голосом сообщил своему собеседнику Кубла, — я не люблю, когда меня водят за нос... Не люблю этого и не прощаю. Никому не

прощаю, Мюрид... И ты не найдешь ни одного человека, который может похвастать, что провел самого Хубилая... Ты очень хорошо умеешь искать, Мюрид, я знаю, но даже ты — не найдешь. На этом свете — не найдешь. Хочешь, поклянусь тебе, Мюрид? Аллахом поклянусь?

— Я верю тебе, Абдулла, не надо клясть! — с несколько излишним пафосом поспешил остановить шефа преданнейший из его подданных.

Клятва Хубилая имела премерзкое свойство делать ситуацию необратимой.

— И вот теперь, — все так же тихо и без добра в голосе продолжил Хубилай, — кто-то думает, что ему все-таки удастся провести меня как маленького ребенка... И мне очень хочется знать — кто это? Быть может, ты мне сразу это скажешь, Мюрид?

— Абдулла!.. — с глубоким чувством произнес Мюрид.

Он прибег к своей неписаной привилегии — называть шефа по имени — как к последней мере самозащиты. Будучи человеком осведомленным, он хорошо представлял, что именно будет сейчас вменено ему в вину. И так же хорошо понимал, что козырять ему в этой игре нечем — разве что новыми обязательствами, которые придется на себя брать вне зависимости от их выполнимости.

— Не говори загадками, Абдулла! — продолжил он с тем же пафосом в голосе. — Я не понимаю ровным счетом ничего...

Это, конечно, было явным преувеличением, но хорошо вписывалось в предполагаемый образ верного, но туповатого слуги, в который Мюрид успел вжиться за годы работы с Кублой.

— Не старайся казаться глупее, чем ты есть, Мюрид, — в голосе Хубилая обозначилась злая ирония. — Речь идет о твоём проекте... О том, как ты подкинул нам идею по кривой объехать Второе Посольство...

«Теперь это уже мой проект, — меланхолично отметил Мюрид. — Когда он выгорит, он снова станет твоим. Когда и если...»

— Ты сам предупреждал меня, что в этом деле мы идем на огромный риск, — вложил Мюрид собственное давнее предупреждение в уста Кублы. — Я, видимо, недооценил, насколько велик этот риск...

— Ты это очень мягко сказал: «недооценил»! — глаза Кублы стали глазами бешеной кошки.

Только на миг, к счастью для Мюрида.

— Ты это очень мягко сказал, — повторил Хубилай. — Ты не «недооценил». Похоже, что ты заманил нас в ловушку.

Твой человек оттуда неплохо информировал нас все предыдущие годы. И теперь, когда он навел нас на эту «Тропу», мы поверили. Вам обоим поверили — тебе и ему.. Мало того, он — твой человек — оказался еще настолько любезен, что пометил легавого, которого будут внедрять в наши цепочки... И похоже на то, что это была правда — то, что твой человек счел необходимым сообщить нам. Но только не вся правда... Потому что дальше пошли сплошные сюрпризы, которых ты почему-то совсем не предвидел, Мюрид... Сюрпризы... Подарочки.

Теперь тон, взятый Хубилаем, повысил свой градус — со злобного шипения перешел на холодное металлическое стаккато.

— Мы чуть не упустили ситуацию из рук: ты не смог вычислить, что Бобер — чертова рохля и трус Бобер — окажется человеком Второго Посольства. И дело перехватил этот урод

Фостер, который и понятия не имел, что сует голову в петлю федералам...

Мюрид созерцал шефа стеклянной чистоты взором. Привычно облаченный в пятнистую униформу полевого командира, принятую у боевиков Гринзеи и на редкость нелепую здесь, на мирно издыхающей Фронде, с лицом, настолько темным, что на нем незаметной была даже непобедимая бритвой сизая щетина, шеф впечатлял. Помимо горящих бешенством глаз в облике Кублы выделялись нос — крючковатый и какой-то неправильный — и кадык, который сошел бы, пожалуй, за клюв какой-нибудь доисторической твари. В общем, Мюриду было на что таращиться с выражением сурового преклонения.

— Только случайно — хвала Аллаху! — я вовремя узнал про то, что «груз» уходит у нас из-под носа, — продолжал Кубла вбивать в мозги своему проштрафившемуся подчиненному степень его вины. — Я поручил тебе принять меры — и какие меры ты принял?

Случайностью, честно говоря, историю раскрытия сделки Бибера с Фостером назвать было трудно. И Аллах тут был ни при чем. Мюрид мог бы напомнить Кубле, что не кто иной, как он — Азамат Шарипов, по кличке Мюрид — сподобился в свое время перевербовать Сундука — Грея Саундерса, довольно вообще-то надежного типа, которому Фостер решил доверить свою безопасность и кое-какие секреты. Но напоминать об этом не стоило. Мюрид скорбно молчал.

— По-моему, ты не расслышал моего вопроса, Мюрид... — Кубла впился глазами в глаза собеседника.

Тот не выдержал, отвел на мгновение взгляд, скользнув им по серому, начавшему наливать осенней стылой тяжестью небу, по унылой брусчатке двора, по которой ветер с гор нес уже первые желтые листья, и позволил себе некое подобие возражения:

— Но ты поручил заняться делами Фостера своей... спецкоманде, Абдулла! Пилотам. Не моя вина, что Бибер о чем-то догадался и сгинул... Честное слово — он очень хитрый, этот Бобер. Прямо как змея — честное слово!

— И не один он! — Кубла был непреклонен. — Тот «летун», которого нанял Бобер, — Джордж Листер, капитан... Он тоже как сквозь землю провалился! А ты утверждал, что он прост, как дверная ручка! А ведь о нем странное говорят, Мюрид... И я тебя предупреждал об этом!

— Это Бибер нанял его — не я... — осторожно напомнил Мюрид.

— Твое дело было страховать мою, как ты говоришь, спецкоманду! — оборвал его Кубла. — А когда обе рыбки сорвались с крючка — найти их хоть под землей! Постарайся понять, если ты еще можешь хоть что-то соображать, что прошли уже почти сутки с того момента, как игра пошла вразнос! Остались считанные часы до того, как кораблик с «пеплом» должен прыгнуть туда, к спонсорам — на планету «чертей»... К Диаспоре... А где же Бобер? На дне Хук-Ривер? На городской помойке с собственными яйцами в зубах? Боюсь, что он уже где-нибудь на Втором Посольстве — строчит отчет о достигнутых успехах. Они — федералы — на выдумки горазды и своих отсюда вытаскивают запросто.

— Это только так кажется, Абдулла, — нарочито спокойно, словно успокаивая ребенка, заверил Кублу его — уже почти опальный — шеф разведки. — Тут у нас все схвачено: даже маленькая мышь не выскочит с планеты без того, чтобы Мюрид этого не узнал! Мамой клянусь!..

— Но ты ведь не знаешь, где скрывается эта жирная сволочь! — Кубла не спрашивал — он утверждал.

— Я скоро буду это знать, Абдулла, — с излишней торопливостью парировал этот

весомый упрек Мюрид. — Он не уйдет от меня! Я знаю, как выйти на эту свинью... Клянусь тебе. Ведь мы, в конце концов, зацепили этого... липового хозяина «груза». И сейчас твои ребята работают с ним... И они нашли корабль, устранили Фостера...

— А как выйти на кэпа Листера? — каким-то странно дружелюбным тоном оборвал его Кубла. — Не торопись, не клянись, дорогой, не надо... Ты знаешь, у меня есть приятная новость для тебя. Капитан Листер сам вышел на моих мальчиков. На свой экипаж... Он согласен работать на нас. Как тебе это нравится, Мюрид?

— Ну, — Мюрид сделал неопределенное телодвижение, — это неплохо... Это — очень неплохо...

— И он не один согласен, — в голосе Кублы заклекотало злое веселье, — знаешь, кого он ведет к ним?

— Не говори загадками, Абдулла... — почти простонал Мюрид.

— О, Аллах! — теперь Кубла улыбался.

Так, наверное, Сатана улыбается юбилейному — сколько-то там миллиардному — грешнику, вступающему в его владения.

— Какие тут могут быть загадки, Мюрид? Ну, конечно, он приведет с собой хозяина «груза». Еще одного... Я уже не спрашиваю, как это нравится тебе. Я спрашиваю тебя — ЧТС ЭТО ЗНАЧИТ?

Теперь они оба смотрели друг на друга стеклянными, ничего не понимающими глазами.

— Боюсь, что они раскусили нас... — с трудом выговаривая слова, начал Мюрид. — Нашли метку и подсунули ее какому-то пентюху...

— Ты сам заверял меня, что пентюх этот не мог быть никем иным, кроме того залетного фрайера, с которым связался Бобер... — продолжая улыбаться недоброй улыбкой, парировал этот лепет Кубла. — А второго шпика они к нам послали просто так — из спортивного интереса?

— Я... Я не могу понять их плана... — все так же с трудом подбирая слова, признался Мюрид. — Но, так или иначе, нас хотят надуть... Надо сворачивать операцию... К чертовой матери перестрелять этих субчиков и — лечь на дно!

— А вот этого, — теперь голос Хубилая стал жестким, словно проникся холодом горных вершин, окаймивших горизонт, — именно этого мы уже никак не можем сделать. Эти сволочи затянули удавку у нас на шее. Кроме этой полутонны «пепла», у нас нет ни единого шанса расплатиться по нашим обязательствам... И счетчик уже включен. Придется совать голову черту в пасть.

— Они подсунут нам фуфло, — убежденно сказал Мюрид. — Тальк вместо «пепла». Нагреют как пацанов...

— Ну это мы еще посмотрим... — отрешенно произнес Хубилай. — А для начала я встречусь с Листером. И с этим... Двойником хозяина «груза». А заодно проверю и сам «груз»... Через пару часов — в городе... Я и Кимура. Кто брал того типа, у которого была метка, — Зафар и Рыжий? Пусть они и еще двое людей понадежнее подстрахуют нас. Так же, как всегда, когда мы играем в прятки... Но только потом ты их больше не увидишь, Мюрид. Ни тех двоих, что пришлешь, ни Рыжего с Зафаром...

— Не делай этого, Абдулла! — с искренней тревогой в голосе воскликнул Мюрид. — Я сам проверю и товар, и этих людей... Лично.

— Как ты думаешь, стоит тебе знать, где «груз»? — холодно осведомился Кубла. — И куда он поедет?

В других обстоятельствах Мюрид, конечно же, изобразил бы обиду выказанным ему недоверием. Но сейчас момент был явно неподходящий.

— Твое дело — искать Бобра, — жестко определил Кубла. — А также искать информацию — любую информацию о том, кого к нам привел кэп Листер. И еще: узнай все, что сможешь, о самом кэпе Листере. Мне очень не нравится то, что я слышал о нем...

* * *

— Я думаю, что мы должны найти общий язык, ребята, — кэп Листер положил руку на плечо Рика. — Сейчас вы загружаете на борт мой груз. Молча. И так молчите и дальше. Мой груз — мой бизнес. Нам с вами идти в рейс, ребята, — он обернулся к Рональду. — Так что вы и решайте — стоит ли Кубле о том знать: есть у Джорджа Листера на борту своя записка или нет...

Рик коротко переглянулся с Рони.

— Кэп, главное — не подвели бы вы сами... За нами дело не станет.

Он резко отмахнул рукой.

— Вира!

Понятливый погрузочный робот с глухим зудением потянул распятый на тросах контейнер в недра «Ганимеда». Кэп легким шагом поспешно взлетел по трапу — пристраивать и крепить свой груз, а Рик и Рони снова переглянулись.

— Сдается мне, что старый лис намылил лыжи, — высказал Рик приглушенным голосом вполне разумное предположение. — Такие номера, как свой груз, да еще с таким весом... Хотел бы я знать, что у него там — вряд ли один «пепел». А может, и вовсе никакого «порошка» там нет. Бог его знает, во что он вложил свои денежки или кому на перевоз подрядился. Там все, что угодно, может быть — от антиквариата до коллапс-бомбы... Все одно — рискует кэп основательно. Сам рискует и нас подставляет... Такие номера устраивают только один раз... Надо присматривать за ним — особенно после броска. А то как бы не пришлось уйти в обратный рейс неполным составом — без капитана...

— Если он сунется сейчас в медблок, — поделился своей головной болью Рони, — нам многое придется объяснять друг другу...

— Пусть для начала пригонит сюда груз и своего владельца, — резонно определил Рик. — Тогда и разберемся. Блок я запер — от греха подальше. А легавого закрепил в капсуле. Даст бог, выдержит и старт и бросок. Пусть этот Смольски-Дундуков будет нашей козырной картой. Кэпу незачем знать, что мы разыгрываем партию против легавых, — может скиснуть...

* * *

Как и вся Фронда, гостиница «Констеллейшн», расположенная почти в самом центре столицы, являла собой пример тихо испускающего дух достижения цивилизации. Золотые дни этого огромного, кибернетизированного постоянного двора минули уже лет пять назад. Дисплей справочной системы в «reception» давно уже сдох, и на диво клиентам из Метрополии за стойкой торчал настоящий, живой портье. Среди субъектов Федерации

использование людей в сфере сервиса было привилегией либо очень богатых, либо вконец нищих Миров.

Уяснив, что сухощавый, не слишком приятный на вид тип из Метрополии вовсе не намерен снимать в «Констеллейшн» номер, портье моментально утратил к нему всякий интерес и углубился в чтение потрепанного покетбука. Вернуть его внимание федеральный следователь смог, только выразительно похрустев у него над ухом кредиткой Второго Галактического.

— Меня интересует господин Смольский, — пояснил Кай причину своей благотворительности. — Писатель. Между прочим, автор и той книжки, что вы, молодой человек, держите в руках. Он должен был снять номер у вас. Вчера.

Портье удивленно заломил бровь, с видимой неохотой потыкал в скрытую за стойкой клавиатуру — какая-то электроника в «Констеллейшн» все же работала, — довольно долго ждал ответа и наконец неприязненным тоном сообщил настырному посетителю, что никакие Смольские в гостинице не останавливались — ни вчера, ни когда-либо. Вообще, из «залетных» за неделю всего-то и зарегистрировались только двое чудаков.

Кай тут же поинтересовался их именами.

— Слушайте, вы ведь не полиция, в конце концов, чтобы мне перед вами отчитываться, — разозлился дежурный. — Одного из типов зовут Фритъёф Нильсен, и вы можете найти его в баре. Он оттуда не вылезает. Второго зовут Анатолий Дундуков, и он в «Констеллейшн», после того как зарегистрировался, больше носу не показывал. Бросил вещи в номере и дунул в город.

«Господи, вспомнил! — с досадой подумал Кай. — Дундуков! Настоящая фамилия Смольского...»

— Так господин Дундуков не ночевал в своем номере? — уточнил он.

— Нет, не ночевал, — дежурный пожал плечами. — Собственно, он только оставил в номере свои вещи и тут же смылся...

— Вы в этом уверены? — вежливо, но с легким нажимом в голосе постарался уточнить Кай.

— Вселялся господин Дундуков как раз во время моего дежурства, — устало вздохнул портье. — А состояние дверного замка в каждом номере регистрируется. У Дундукова — номер триста шесть, после вселения — ни одного срабатывания.

Портье демонстративно крутанул вращающееся сиденье своего кресла, занял позицию спиной к надоевшему посетителю и углубился в чтение «Каникул Хромого». Он считал, что с лихвой отработал свой гонорар.

Покинув не слишком гостеприимные пределы «Констеллейшн», Кай зашел в залитый осенним, скупым на тепло светом здешнего солнышка скверик, отыскал несломанную скамью и присел на нее.

Он достал портативный компьютер, вывел на дисплей ответы информационных сетей на сделанные им запросы и стал читать их, делая пометки в отдельном файле своего компа. В целом ничего особо интересного сообщения информсистем не содержали. Однако, дойдя до справки, предметом которой был означен Джордж Листер, капитан космического судна «Ганимед», Кай отбил кончиками пальцев по корпусу компьютера короткую удивленную дробь.

Справка, содержащая довольно стандартные сведения о возрасте и месте рождения капитана, полученном им образовании, стаже и местах работы, заканчивалась

сакраментальной фразой:

«ПОГИБ 13/8/76 ПРИ ВООРУЖЕННОМ ИНЦИДЕНТЕ НА ТРАНСПОРТНОМ СУДНЕ „КАТТИ САРК-330“ В СИСТЕМЕ ХАРУР.

ПО ДРУГИМ СВЕДЕНИЯМ, ПОГИБ 4/10/78 ПРИ КАТАСТРОФЕ ДЕСАНТНОГО КОСМИЧЕСКОГО СУДНА «SD-8851» НА АДЕЛАИДИ (СПУТНИК ПЛ. ШАРАДА)».

Больше ничего в справке не было — только код составителя и дата.

* * *

— Теперь я тебя окончательно закрываю — под пломбу, — тихо предупредил Кирилл Листер. — А потом проверим, как проходит сигнал от вибраторов. Когда примешь мой — отвечай, как условились. Если все о'кей, то я подтверждаю двойным коротким и — с богом... — Нормально, — кивнул Кирилл. — Поехали, как говорится.

Листер опустил на место крышку контейнера, наложил на замок фальш-пломбу и еще раз проверил крепление контейнера. Потом, более-менее удовлетворенный, поднялся в рубку управления. Бросил короткий взгляд на экран внешнего обзора — Рик и Рони о чем-то пререкались, стоя поодаль от трапа, — достал смахивающий на электрокарандаш вибратор и прислонил его к металлической стойке. Несколько раз надавил на кнопку, подав условленный сигнал. Почти сразу точка-светодиод в торце «карандаша» просигналила ему ответ Кирилла: корпус корабля и стенки контейнера — «троянского коня» кэпа Листера — хорошо проводили сигнал. Кэп подтвердил Кириллу прием и стремительно загрохотал вниз — вон из корабля. Надо было торопиться.

Какой-то странный звук успел привлечь его внимание — где-то на уровне блоков жизнеобеспечения. Совсем не характерный для корабля, пребывающего в режиме предстартовой подготовки. Он задержался, придерживаясь за скобы лестницы и прислушиваясь, но звук не повторился.

«Это не Кирилл, — прикинул кэп, возобновляя свой торопливый спуск к выходному люку. — Но ведь не крысы же они развели на борту, черт их дери, клятых головорезов?!»

— Я снова нарисуюсь здесь не позже, чем через пару часов, — проинструктировал Листер Рика и Рони. — Чтобы к этому моменту предстартовая была закончена. У вас и так до хрена времени было...

— Это точно, — согласился Рональд. — Времени у нас было до хрена, и мы его не теряли даром. Можете не беспокоиться, кэп, не с ламерами дело имеете... Сразу после погрузки можете подтвердить диспетчерской заказанный «коридор» и начинать предстартовый отсчет.

Кэп окинул скептическим взглядом и свой экипаж, из лихого народа набранный, и «Ганимед», опутанный шлангами и силовыми кабелями, дернул щекой — чуть заметно, сдерживая нервный тик, — и нырнул в кабину грузовичка. Надо было вовремя поспеть на стоянку кемпинга «Грассфилд».

* * *

— У тебя все в порядке, Абдулла? — спросил в микрофон Мюрид. — Ты видишь их?

— Мы идем за ними — от места встречи, — зазвучал в его наушнике глухой голос Кублы. — Мы видим их, они видят нас.

— Вот что, Абдулла, дай распоряжение своим людям перекинуть мне изображение этого... двойника. Сразу, как только смогут. Я постараюсь копнуть свои источники.

— Они сделают это, Мюрид, но у тебя остается мало времени, — с легкой ноткой презрения отозвался Кубла.

— Я успею, Абдулла... — начал было Мюрид, но щелчок отключения связи прервал его.

Хубилай был, видно, на подходе к месту, где его ждал контейнер с «грузом», и не хотел, чтобы его блок связи засекали. Дьявольски дорогой антилокационной приставке своего блока связи он, конечно, доверял, но не слишком.

— Анри, — распорядился Мюрид. — Свяжись с Жареным. Не надо удивляться. Пусть это будет внеочередной сеанс.

— Он запросто может погореть, — осмелился возразить Анри — белокурый связист и особо доверенное лицо Мюрида, — если мы будем выходить на него без предупреждения...

Связист был прав, но обстоятельства были сильнее чьей-либо правоты.

— Делай, что я сказал, — коротко распорядился Мюрид.

* * *

— Не волнуйтесь, мистер, это — не погоня, — успокоил Листер встревожившегося было Джона Ф. Крюгера.

Основанием для его тревоги была спортивная «Вендетта», увязавшаяся за ними от самого заброшенного кемпинга и терпеливо шкандыбающая по колдобинам давно не отремонтированного шоссе, явно без всякого намерения обгонять неспешный контейнеровоз. Сидевший за рулем владелец «груза» впервые вел машину по дорогам Фронды и ориентировался только по дорожным указателям, названиям улиц и номерам домов.

— Это наши проверяющие, от мафии, — пояснил кэп. — Так условлено — они давно идут за нами. Я уже предупреждал, что вам придется предъявить товар лицом. Рейс к Инферне — затея не из дешевых, и котов в мешке к перевозке здесь не принимают... Вы ведь готовы к этому, мистер?

— Ну что ж, в таком случае мне можно расслабиться, — косо усмехнулся федеральный следователь. — За качество товара я отвечаю.

— А вот расслабляться я вам не советую, — помрачнев, предупредил собеседника кэп. — Хотя бы потому, что один из двух типов, что сидят в этой навороченной тачке, — сам Хубилай. Кубла. Вряд ли он захочет представиться лично. Просто поприсутствует. Но с ним держите ухо востро. На захват товара он вряд ли пойдет: ему не след объявлять войну поставщикам, но все-таки... Второй — тот, что японец, — его эксперт по «порошку».

— Можно было ожидать, — разыгрывая легкое удивление, предположил Кай, — что Кубла притащит с собой свиту побольше... Тем более — в такое местечко...

— Лишних свидетелей ему не надо, — Листер пожал плечами. — Да и вас нервировать не хочет. Если свита и есть, так держится в сторонке. А что до безопасности, так ни нас, ни складской шпаны он не боится. На то он и Хубилай...

Кай ответил неопределенным «гм-м» и свернул с шоссе на еще более разбитую боковую

дорогу, уходящую в унылые кварталы складов и арендных ангаров. Теперь ему приходилось изворачиваться, чтобы читать неудобно расположенные на стенах и довольно бестолковые номера и названия улочек и зданий.

Мрачное это было место — складские кварталы. Ни одного жилого дома, ни одного деревца. Почти все строения заброшены и начали уже рушиться. Жутковатый пейзаж умирающей планеты. Начинающийся закат высвечивал его безнадежным, мертвым светом чужой звезды.

— Здесь. Это должны были доставить сюда, — Кай припарковал кар у приземистого лабаза, проверил пистолет в наплечной кобуре, выпрыгнул из кабины на пыльный бетон покрытия и, поколдовав с замком, с удивлением услышал звук сервопривода, откатывающего в сторону тяжеленную створку ворот.

Он почти уверился, что все тут умерло, в этом пропащем царстве. Ан нет — туда, где за это было уплачено, все еще поступала электроэнергия, и кто-то присматривал за целостью замков и подъездных путей. Когда федеральный следователь обернулся, чтобы дать Листеру команду «заезжай», «Вендетта» уже стояла почти встык с каром, а оба ее пассажира — темный лицом кавказец и невысокий японец — стояли за его спиной.

* * *

Они еле заметно поклонились друг другу и не перебросились даже словом — видно, так здесь было принято. Потом все трое посторонились, пропуская контейнеровоз в слабо освещенные недра склада.

Контейнер с «пеплом» вовсе не был простым железным ящиком, снабженным шифрозамком. Это было высокотехнологичное изделие из сверхпрочного титанового сплава, оснащенное продублированным электронным мозгом, дюжиной видов сигнализации, системой самоуничтожения и, разумеется, системой контроля и поддержания постоянства условий хранения транспортируемого груза. По своей сложности это сооружение не уступало дорогому спортивному кару.

Кай и Листер освободили этот тускло поблескивающий, неземного вида монолит от скрывавших его от излишне любопытных глаз брезента и бесформенных кип легкого как пух объемного пластика, отступили на шаг, и федеральный следователь достал из кармана миниатюрный переносной пульт, как две капли воды схожий с пультом управления кибербытовым комплексом заурядного гостиничного номера. Откашлявшись, он набрал на нем код замка контейнера. Внутри последнего тихо взвыл сервопривод, и одна из титановых стенок мягко съехала в сторону. Хубилай и Кимура приблизились к открывшемуся перед ними нутру контейнера. Оно было заполнено плотно уложенными прозрачными пластиковыми пакетами, удерживаемыми прочной эластичной сеткой. Содержимое пакетов и впрямь можно было принять за «пепел».

Японец сбросил с плеча объемистую сумку, извлек из нее раздвижной, хищного вида щуп, какие-то одному ему понятные предметы и приспособления, минут пять провозился, соединяя их между собой и настраивая прибор, а затем принялся вонзать щуп то в один пакет, то в другой. Каждый раз, вытащив стальную иглу из пакета, он заботливо заклеивал прокол заранее припасенной нащепкой. Спустя десяток минут такой деятельности, он попросил господина э-э.. («Крюгера», — подсказал Кай) Крюгера открыть контейнер и с

другой стороны. Сделав анализы и там, эксперт углубился в созерцание показаний дисплея своей переносной лаборатории. Никто из стоящих вокруг него не проявлял нетерпения.

— Все чисто, шеф, — сообщил он наконец, воздев к Хубилаю сияющую, словно свежеиспеченный блин, физиономию. — Это хороший товар, шеф...

Кубла повернулся к Каю.

— Ну что же, — его губы растянулись в кривоватой улыбке. — Приятно иметь дело с честным человеком... Но на вашем месте я подумал бы над тем, стоит ли все-таки самому сопровождать «груз»... Это очень рискованный рейс...

— Именно поэтому мне и нельзя упускать его — этот «груз» — из виду, — сухо означил свою позицию Джон К. Крюгер. — Если я отвечаю головой за доставку «пепла», то эта голова должна находиться от него поблизости до тех пор, пока деньги за товар не лягут на счет, для того предназначенный...

— Ну что ж... Аллах да поможет тебе... — снова кривая улыбка аспидом скользнула по губам Кублы. — На твоём месте я запасся бы в дорогу хорошим амулетом.

— У меня есть амулет, — вяло улыбнулся мистер Крюгер. — Довольно надежный.

— Что-нибудь вроде заячьей лапки? — предположил Кубла.

— Нет, — улыбка грузовладельца стала бодрее. — Вот это...

Кубла уставился на орех-шептун, покачивающийся на тонком шнурке, переброшенном через пальцы мистера Крюгера. Похоже, он рассчитывал увидеть нечто другое.

* * *

Господа Энрике Марран и Рональд Капанegra — штурман-программист и второй пилот «Ганимеда» — глядели на Джона К. Крюгера почти таким же — настоящим на тщательно скрываемом изумлении и оттого слегка помутнелым взглядом, хотя никакого Шептуна Крюгер им показывать и не думал. Такая реакция уже надоела притаившемуся в его шкуре федеральному следователю и порядком тревожила его. К уйме неучтенных факторов, основательно замусоривших «Тропу», добавлялся еще один как-то связанный с его личностью.

Долго разглядывать друг друга капитан Листер им не дал. За его спиной подпирал стену ангара груженный контейнером с «пеплом» кар. И «пепел» не мог ждать.

— Предстартовую закруглили? — скрипучим голосом осведомился кэп.

— Так точно! — отрапортовал разом вышедший из прострации и резко вскинувшийся Рони. — У нас перебор по массе — с поправкой на предполагаемый груз. С вашего разрешения, я снизил бортовой запас питьевой воды до...

— Верно, — остановил его кэп. — Рейс недолгий. А в случае чего — перебьемся на регенерате. Еще проблемы?

— Корабль к рейсу полностью подготовлен! — бодро заверил его Рони. — Проблем нет.

— Тогда не будем тянуть с погрузкой, — кэп кивнул на забранный брезентом контейнер. — Сразу после того, как закрепим груз, выводим корабль на взлетную плешь. Приступайте.

* * *

Хубилай смотрел на Мюрида с нескрываемым скепсисом. Он, можно сказать, даже улыбался. Странно: если бы не налитые злобным презрением глаза, лицо его — темное и широкое лицо деревенского тамады — могло бы показаться даже радушным.

— Мне очень хочется знать, дорогой, — Кубла тщательно, словно его собеседник был глуховат, выговаривал слова, — мне очень хочется знать, что еще твои люди делают для того, чтобы найти Бобра, кроме выслеживания рыжей дуры Мардж Каллахан?

— Обижаешь, Абдулла... Я главную ставку на слежку за этой сукой вовсе не делаю... Похоже, что она сама полностью не в курсе дела... Мои ребята вытряхивают сейчас душу из всех мало-мальски знавших Бибера типов и типчиков — а их накопилось довольно много. Кто-то из них должен...

— Скажи, пожалуйста, уже успели тебе задолжать... Вах!.. И хоть один раскололся?

— Пока только приблизительные наводки есть. Стремные, честно тебе скажу, Абдулла. Но я вычислил, что за тип к нам пожаловал с «пеплом»...

— Тогда не морочь мне голову своими стремными наводками! Что это за птица?

Взгляд Кублы стал невыносимо пристален. Мюрид сглотнул слюну.

— Они перебросили сюда специалиста из управления... Не из разведки. Личность, как говорится, в узких кругах широко известная — господин федеральный следователь Санди. Кай Санди. Большому Киру, говорят, до сих пор от этого типа икается... Все приметь совпадают. Но я не могу взять в толк, за каким чертом такой опытный спец сам сует голову в петлю, сразу после того, как мы сцапали того типа, которого они пустили первым. Того — меченого...

— Похоже, что господа из Метрополии перехитрили сами себя... — Хубилай отвернулся от Мюрида и как-то устало побрел по мощенному хорошо подогнанными каменными плитами двору к крутому крыльцу своей резиденции. — Такие узелки надо рубить одним ударом, Мюрид... Разведка ли, управление... Несущественно все это. Главное это то, что они подставились нам с «грузом». Пошли на риск — сами виноваты... Мне как-то пришлось неделю коротать в одном бараке с Шишелом... О таком ты, наверное, слышал... Так вот он любил одну свою русскую пословицу повторять: «Где тонко, там и рвется...» Это как раз тот случай, Мюрид... Как раз тот случай. А всех этих клоунов, подосланных, списываем в расход...

Хубилай взялся за перила крыльца.

— Я распоряджусь так... Пусть мои люди — там, на борту кораблика — обоих артистов шлепнут. Сразу после броска. Пусть там и выгрузят — к хренам, в открытый Космос. Уж с таким делом они справятся...

Он резко и неожиданно обернулся к почтительно застывшему на месте Мюриду и каркающим голосом добавил:

— Если успеют, Мюрид... Если успеют!

* * *

Таможенный досмотр свелся к тому, что какой-то чин в мундире, подкативший к стартовой плечи на джипе, украшенном гербами Свободной Фронды и Таможенного союза, проштамповал пару бумаг, которые протянул ему спустившийся по трапу кэп. Деньги покойного Фостера сделали свое дело. Так же — без сучка и без задоринки — «Ганимед»

стартовал в расцвеченное красками заката небо непутевой планеты. Операция «Тропа» перешла в свою решающую фазу.

Кай чуть отрешенно смотрел на экран — имитацию иллюминатора. Там в проколотой иглами далеких звезд тьме проваливалась в бездну Фронда, на глазах превращаясь из залитой закатным светом рельефной карты в огромное, неровное каменное ядро, тяжело ворочающееся в пустоте Космоса. И голубая дымка атмосферы, круто замешанная на хороводах осенних туч, начинала скрывать очертания морей и континентов... Кай давно уже заметил для себя, что всегда, когда ему приходилось вот так — замерев перед экраном — прощаться с каким-то из Обитаемых Миров, наступал момент, когда планета внизу начинала казаться ему Землей. Родиной, которую ему приходилось теперь посещать лишь изредка. Все реже и реже...

— Закрепитесь на ложе, — в проеме дверей тесной кабины стоял кэп Листер. — Я пселектору скомандую, когда можно будет отстегнуться... И будет лучше, если вы на всякий случай заглотнете пару таблеток стабилизатора...

— Но ведь бросок будет еще только через восемь часов? — недоуменно воззрился на него федеральный следователь. — И я, честно говоря, хотел бы тщательно осмотреть корабль. Мне кажется, что у этих ваших мальчигов припасено для нас немало сюрпризов...

— Вот я и хочу занять детишек, чтоб они не удумали какого баловства. Отработаем репетицию броска — по полной программе. В конце концов, я впервые работаю с этим экипажем, и проколы мне тут ни к чему... А потом у вас будет время на досмотр. Много времени... А таблетки вы все-таки выпейте — на всякий случай.

Кэп повернулся к двери.

— Послушайте, кэп... — Кай удержал Листера движением руки. — Пока мы здесь с глазу на глаз... Я хотел бы задать вам один вопрос. Он меня донимает с первой минуты нашего с вами знакомства... Но все как-то не было случая его вам задать...

— Спрашивайте, мистер. Я камней за пазухой не держу. Для вас...

— Капитан... Чего ради вы затеяли этот рейс на Инферну? Не говорите мне, что ради денег. У такого специалиста, как вы, заработок — не проблема. И на Фронде вас, в отличие от большинства ее населения, ничего не удерживает. Вы в любой момент можете вернуть себе гражданство Федерации. И хорошую работу получить тоже можете. Почти в любом из Миров. Космокаботаж сейчас на подъеме... Так что же вам нужно на Инферне — в чужом мире, в услужении нелюдям... Это для гражданина Фронды, лишившегося заработка, работа на Инферне — свет в окошке. А вы-то зачем туда спешите? Словно боитесь опоздать к чему-то... К какому-то событию...

Джордж Листер, погибший четыре года назад где-то в окрестностях Харура, а потом еще раз — на Аделаиде-3, смотрел на федерального следователя прозрачным, невозмутимым, даже отрешенным каким-то взглядом. Только на мгновение Каю вновь померещился пронзительный, чужой желтый огонь в вертикальных, уставленных на него копачьих зрачках.

— Это личное, мистер... Это не имеет отношения к нашему с вами бизнесу. И не беспокойтесь. Никакой спешки. Туда... Туда, куда я собрался, не опаздывают... Никогда, мистер.

— Не халтурить, ребята, — кэп Листер резким движением зафиксировал наклон кресла и положил руки на пульт. — Делаем все, как при реальном переходе. Принять рабочее положение...

И Рику и Рони, естественно, не в радость была капитанова выдумка с отработкой броска. Но и оспаривать в ней, выдумке этой, было нечего: с новым, не сработавшимся еще экипажем любой толковый капитан просто обязан был держать ухо востро и спуску такому экипажу не давать. Да оно было и к лучшему: не дай бог капитану взбрело бы в голову лично досмотреть, скажем, тот же самый медблок, в котором, пристегнутый ремнями к противоперегрузочному ложу, в глубоком сне отходил от обработки электрошокером и крутой химией непонятный господин Смольский.

Знакомство с этим господином и другие сюрпризы кэпу лучше было преподнести уже там — в окрестностях Инферны. После броска.

Команды Листера Рик и Рони отрабатывали профессионально, без излишней спешки, четко рапортуя об их выполнении, результатах, показаниях приборов. Кэп мог быть вполне доволен как кораблем, так и экипажем.

— Отлично, ребята! — каркнул Листер, кладя руку на тяжелую рукоять запуска нуля-перехода. — Теперь — имитация перехода. Расслабьтесь... Даю отсчет. Десять...

Внизу, на пассажирском уровне, в своей каюте, федеральный следователь сделал последний глоток апельсинового сока, чтобы забить противный вкус стабилизатора, и сунул опустевший стакан в держатель. Проверил замки ремней безопасности и откинулся на зыбкие подушки противоперегрузочного ложа.

— Девять...

Рони тяжело вздохнул, разглядывая бегущие перед ним по экрану графики. Чем, черт возьми, займет их капитан в оставшиеся семь с лишним часов? И чем им самим занять капитана, чтоб не совал нос куда не следует?

— Восемь...

Кэп достал из нагрудного кармана вибратор, прикоснулся им к металлической стойке поодаль.

В грузовом отсеке запертый в контейнере Кирилл расслабился и прикрыл глаза. Подпространственный переход — бросок — всегда давался ему нелегко. Даже апельсинового сока, чтобы забить отвратную оскомину от стабилизатора, у него под рукой не было.

— Семь...

Корабль выходил в точку условного перехода, четко выдерживая вектор скорости и заданную величину ускорения. Оно — это ускорение — начало мягко вдавливать людей во чреве «Ганимеда» в подушки кресел и лож. Тех, под кем были такие подушки.

— Шесть...

Кэп Листер и сам не любил пользоваться стабилизирующим препаратом — уже сейчас его начинал бить неприятный озноб. Он знал, что озноб этот и неприятное покалывание в кончиках пальцев рук и ног пройдет нескоро — часов через шесть. Но зато уже в первые же секунды после перехода он — кэп Листер — будет в форме...

— Пять...

«Скорее бы уж кончилась эта дрессировка», — с тоской подумал Рик. Ни его, ни Рони побочные эффекты стабилизатора не мучили. Они эту гадость глотать и не думали: лишний раз травить себя ради натуральности тренировочного прогона — дело чересчур уж

дурацкое..

— Четыре...

Мягкая лапа ускорения напряглась, стало трудно вдыхать воздух, веки налились сонливой тяжестью... Что-то металлическое сорвалось с креплений на камбузе — с коротким, энергичным бряком. Непременно что-то в этом духе да стряется за пару секунд до...

— Три...

Капитан уверенно сунул два пальца в кольцо чеки, продетой сквозь рукоять пуска. Рик удивленно уставился на эти пальцы. перевел взгляд на лицо кэпа...

— Два...

— Кэп? — недоуменно спросил Рик

И поперхнулся, встретившись с капитаном глазами.

— Один...

— Кэп... — повторил Рик и начал отстегивать ремни безопасности.

Листер сорвал чеку. Пломба устройства пуска нуль-перехода брякнулась о пол.

БРОСОК!

Кэп до упора отжал пусковую рукоять.

* * *

Выход из подпространства всегда был для Кая чем-то странным. Ни неприятным, ни доставляющим удовольствие — нет, просто странным. И оттого — жутковатым. О своих ощущениях во время нуль-перехода писали и рассказывали все кому не лень. Описания эти отличались небывалым разнообразием — от банального «раз — и все!» до побасенок о встречах с серыми карликами и душами умерших. Но все те, кому стоило доверять в таких вопросах — профессиональные психологи и реалистично настроенные писатели и журналисты, — рассказывали примерно о том же состоянии, которое приходилось переживать федеральному следователю каждый раз, когда нелегкая заносила его на борт космического судна, осуществляющего подпространственный переход.

В какой-то относительно прекрасный момент ты вдруг обнаруживаешь, что лежишь обалдело распластанным на противоперегрузочном ложе и пытаешься удержать в памяти что-то очень для тебя важное — то, ради чего, в конечном счете, ты и пришел в этот мир. Откуда-то еще... Что-то похожее на громовое звучание многоголосого потустороннего хора заполняет твою душу, потрясает твой мозг, не дает вспомнить, кто ты и откуда на самом деле... А потом — как эрзац, как замена этого потерянного истинного знания себя, — в утешение приходит память того, кто несколько мгновений назад проверял крепление ремней безопасности и глотал таблетки стабилизатора... Чужого и чем-то неприятного тебе человека... И оно остается надолго — это чувство, что живешь ты не своей, а чужой, украденной у кого-то жизнью, чужой судьбой... Неудивительно, что даже завзятые трезвенники, а среди пассажиров «дальнобойных» рейсов случались и такие, сразу после броска направлялись прямым ходом в корабельный бар и, бывало, набирались там просто фантастически. В терминологии завсегдатаев питейных заведений такое называлось «обратным переходом» и воспринималось с пониманием. Рекомендации, выработанные на этот счет психологами, работающими в области «посттранзиторной реабилитации», при

всей их заумности сводились примерно к тому же.

Багаж федерального следователя — надо полагать, заботами подполковника Дель Рея — был оснащен объемистой фляжкой настоящего арманьяка, но момент для того, чтобы хлебать спиртное, был явно неподходящий. Еще плохо слушающимися руками Кай содрал с себя проклятые ремни и, переведя пистолет на ближний бой, решительно рванул в сторону дверь кабины.

Прыжок его перешел в короткий полет — корабль «завис» в невесомости. Но уже в переходе ускорение — привычное одно «g» — прижало его к полу. «Ганимед» перешел в ускоренное движение к расчетной точке встречи с Инферной. На малых планетарных движках. Типовой маневр.

«Не дай бог, капитан ударит сейчас маршевым двигателем, — подумал Кай, лихорадочно карабкаясь по ведущей в рубку лестнице. — Вот так же, как вошел в бросок, — без предупреждения... Тогда я не соберу своих костей — в буквальном смысле этого слова...»

Они вломились в рубку одновременно — Кай через главный люк, а высокий, — на две головы выше федерального следователя, плечистый, с рублеными чертами лица парень — через аварийный, расположенный за спинами пилотов.

— Спокойно! Не перестреляйте друг друга...

Кэп Листер и не думал приводить в действие маршевый движок. Это было бы довольно трудно осуществить, держа одновременно на прицеле двоих, еще только приходящих в себя членов экипажа «Ганимеда».

— Познакомьтесь, — кэп кивнул в сторону плечистого парня, — Кирилл Николаев. А это — мистер Крюгер. Времени на реверансы нет. Вы оба в курсе дела. Держите этих сук на прицеле. И ни за что не подходите ближе, чем на три шага, — с таким «грузом» тюфяков не посылают... У вас, Крюгер, с реакцией в порядке? В случае чего, не думайте — стреляйте. Будете думать — станете не умным-умным, а мертвым-мертвым... Поняли?

— Да, — ответил Кай, доставая пистолет из наплечной кобуры. — Я понял. Но вы напрасно не предупредили меня...

— Не предупредил? — с еле заметной иронией спросил Листер, аккуратно переводя прицел своего «узи-ультра» с Рика на Рони и с Рони на Рика. — По-моему, вы не пренебрегли моим советом... Принять стабилизатор...

Что ж, в этом Джордж Листер был прав. Хотя, по мнению федерального следователя, мог бы обойтись и без косвенных намеков.

— Забери у них оружие, — скомандовал кэп Кириллу. — И нацепи наручники. И помоги отволочь обоих типов в кают-компанию. По одному. Не стоит их допрашивать прямо в рубке.

Он присмотрелся к физиономии своего второго пилота и косо усмехнулся:

— С добрым утром, Рони...

* * *

— Так, ребята, — капитан с ходу взял быка за рога. — Давайте не будем врать. Вообще, не будем говорить слишком много, господа члены экипажа...

Те, надежно примкнутые к креслам, мрачно смотрели на него, чуя недоброе. На Кирилла они озирались словно на привидение

— Мы с вами вполне можем найти общий язык... — кэп обогнул стол, занимающий большую часть тесного отсека, играющего роль кают-компании космодиплера «Ганимед». — Нам всего-то и надо, что узнать — на кого и как вы должны выйти с товаром. Если мы будем знать это, то все пойдет по тому самому сценарию, который вы так красочно живописали мне. И вы честно получите свою долю. А Хубилай — свою.

— Так зачем же тогда весь этот базар, капитан? — возмущенно взметнулся Рик. — Вы с ума съехали, или как?

— Или как, — определил кэп.

— Вы же не предупредили, что бросок будет не учебный... Мы ж могли и того... Не очнуться — без стабилизатора, без подготовки...

— Не дети малые... — поморщился кэп. — Меньше эмоций. Колитесь, ребята! Вариантов нет.

И тут Рони неожиданно рассмеялся. Рассыпался мелким, истерическим смехом. Смехом человека, которому в общем-то уже нечего терять.

Листер шагнул к нему и крепко ухватил за ухо, как непослушного школяра.

— Без фокусов! — зло рявкнул он. — Возьми себя в руки, парень!

— Отпустите, кэп! Не надо! — смех Рони резко оборвался. — Просто ты, старый осел, не понимаешь, в какое дерьмо влип!

Кэп энергично повернул и без того перекрученное ухо Рони еще на несколько градусов. Рони взвыл.

— Вы полный м...дак, кэп! Полнейший! Вы — в лапах у легавых! Один сукин сын из разведки валяется в нашем медблоке, а второй с дурой наперевес торчит у тебя за спиной!

Кай подавил в себе желание вырубить излишне информированного пилота, приложив его маковку рукоятью пистолета. Но это явно не было оптимальным вариантом поведения в данной ситуации.

— Что за чушь ты порешь, парень?! — кэп еще немного повернул Рональдово ухо. — Какой сукин сын в медблоке?!.. Не путай меня, парень, колись!

— Того типа, что приволок «пепел» на борт, зовут не Крюгером, и никакой он не торгаш! — затараторил Рони. — Это легавый, следовательно! Он из управления!! И звать его Санди! Кай Санди!!!

— Это точно, кэп! — подтвердил вопли второго пилота штурман. — А до него... В общем — там, в медблоке, действительно лежит под химией тип... Мы его взяли в городе... Он Бобра искал... И его это... поместили... Там...

— Что ты порешь? — кэп Листер, кажется, начал потихоньку обалдевать от неожиданного оборота дел, открывшегося ему. — Кого поместили? Как?

— А вот так!

Рик извернулся, словно уж на сковородке, и умудрился забранными в наручники руками вытянуть из заднего кармана и бросить на пол клочок белой шерсти — лапку «подземного духа» с планеты Джей.

* * *

Кирилл встретился взглядом с Каем, потом — с Листером. Сглотнул слюну...

Теперь он держал на прицеле уже не только двоих прикованных наручниками к креслам

бандитов. Встретившись с ним взглядом, Кай понял, что не может сейчас позволить себе ни одного неосторожного движения.

— Это — резонатор, — торопливо говорил Рик, — пассивный маячок. Отзывается на наш сигнал... Наш человек... Человек Кублы там, где-то у них в управлении или на Втором Посольстве... Он — этот человек — дал эту штуку тому типу.. ну подарил как бы... Ну и мы здесь его легко вычислили. Это — операция федералов. По внедрению... Они хотели просунуть своего человека в Диаспору. А «пепел» — это приманка... Этот — второй... который следователь... Он дублирует того пентюха, что нам попался... Они всех нас должны сдать с потрохами, как только выяснят то, что им нужно...

Листер повернулся к Каю:

— Это... Это действительно так, мистер э-э...

Кай бросил короткий взгляд на коварный амулет, осторожно вернул пистолет в кобуру и смело посмотрел в глаза капитану.

— Допустим, — произнес он, стараясь не выдавать внутреннего напряжения. — Допустим, что все это так. В какой мере это влияет на ваши планы, капитан?

И тут неожиданно подал голос Кирилл, хранивший до сих пор полное молчание.

— А действительно, кэп, если это — федералы, то, в общем, все может еще и удачно сложится...

— Ни хрена себе — удачно! — простонал Рони, пытаясь проверить, на месте ли находится его наконец получившее свободу ухо. — Вы что — сдать нас надумали, кэп?

— Теперь других вариантов не остается, — кэп Листер как-то сгорбился и устало присел на край стола. — А вам, ребята, за один только «груз» светит пожизненное. Я не говорю о других художествах. Но, — тут он повернулся к Каю, — ведь если мы с вами не будем делать глупостей, господин следователь, может, и оформит вам «добровольное и чистосердечное». И мы подтвердим, что вы с самого начала только и хотели, что отдаться в руки закона... Я ведь не спрашиваю вас, ребята, ни о чем лишнем...

— И не спрашивай! Вообще ни хрена не спрашивай! — оборвал его Рик. — Мы все тут — грамотные... Дай бумагу и чем писать — все напишем.

— Все?

— Мне пожизненное не улыбается. Хотя там и кормят ежедневно... — скривился штурман.

Листер, Кай и Кирилл обменялись взглядами, потом Кирилл отстегнул от кресла наручники Рика и стал взглядом искать бумагу, на которой тот мог бы изложить свои признания. С бумагой в кают-компании было туговато. Пока Кирилл решал эту задачу, Рональд, сообразив, к чему идет дело, резко включился в игру.

— А хрена ты там напишешь?! — заорал он, барахтаясь в кресле. — Хочешь лажу им заправить, а я отдуваться буду? Ты ж не в курсе, сука такая, а все здесь — здесь! У меня! — он умудрился скованными руками похлопать себя по груди.

— Что все? — кротко спросил Листер, беря его за грудки. — Говори, дорогой, не стесняйся... Координаты места встречи с кораблем Диаспоры? Канал связи? Ну!..

— От-т-пусти, зар-р-раза!!! — засипел пилот, выкручиваясь из рук капитана. — Я все... Я отвечаю за контакт с Диаспорой! Я, а не этот пентюх! Никаких координат не надо! Выходим на траверз Инферны — только и всего. Они сами к нам подвоят — люди от тамошней мафии. Надо только назвать им пароль. Шесть цифр.

— Какие? — голос Листера стал почти ласковым. — Какие шесть цифр?

— Н-не знаю... Я их не должен знать до того, как... Чтобы в случае ареста...

— Чушь порешь, парень! — заорал капитан. — Как так — ты же этот пароль не знаешь и ты же его должен назвать?!

— Да вот так! — осклабился Рони. — Тот, кто к нам подкатит, должен мне дать подсказку. Где-то они есть, цифры эти! Здесь, на борту! Может, даже у меня на заднице написаны! Хрен знает!.. И тот, кто придет за товаром, он мне скажет, откуда я их считать должен. И если цифры пра...

Тут он вдруг поперхнулся и стал падать вперед, но наручники не пустили, и он нелепо повис в кресле, загребая ногами. Из рта у него выплеснулась кровь. Глаза остекленели.

С реакцией у Кирилла оказалось в общем-то ничего: за долю секунды до этого, когда он только еще боковым зрением заметил, что Рик потянулся куда-то вниз, он вскинул свой разрядник, но нажал на спуск уже долей секунды после того, как парабеллум в сведенных наручниках руках пилота зло стукнул огнем два раза подряд. Третьего выстрела Рик сделать не успел: заряд вошел ему в подбородок и взорвал основание черепа, веером расплескав кровь и мозг по стенам тесной кабины.

— Ч-черт... — как-то глухо выговорил Кай, быстро пробираясь вдоль стола к капитану Листеру.

Листер резко согнулся, ткнулся лицом в стол и, оставив на нем кровавую отметину, соскользнул на серый пластик пола.

— Он ему прямо в висок засадил...

— Но выходного отверстия нет, а пульс еще... Быстро давайте сюда «фиксатор» — из медблока...

Кирилл довольно быстро принес почти весь запас препарата, что имелся на борту «Ганимеда». Несмотря на быстрое и успешное возвращение, вид он имел озадаченный. Кай отметил это, однако не стал терять времени на расспросы. Но похоже, что спешка была уже ни к чему. Кирилл понял это, когда через плечо Кая присмотрелся к дыре в виске кэпа. Рана была нехорошая, и его — человека, повидавшего разное, — пробрал озноб.

Кай все-таки обработал «фиксатором» безнадежно искалеченного Листера. Из упрямства, рожденного скорее отчаянием, чем надеждой. Несколько секунд молча смотрел он на то, как последние признаки жизни покидают капитана. Вколол препарат в основные точки тела Рони. Потом поднялся на ноги и уныло взглянул на Кирилла.

— Надо их на холод. Вероятность почти нулевая, но мы обязаны...

— На этом кораблике, наверное, нет медицинской криокапсулы, — невеселым голосом ответил Кирилл. — Во всяком случае, в медблоке я не видел ничего похожего...

Он озадаченно потер лоб.

— Ну хотя бы обычный рефрижератор на борту должен быть, — пожал плечами Кай. — Если помощь к нам придет достаточно быстро, то... — он безнадежно махнул рукой. — То совесть у нас будет чиста...

— Откуда у этой суки в руках взялась «пушка»? — зло осведомился Кирилл.

Кай нагнулся и заглянул под крышку стола.

— Посмотри там, Кир... Да ч-ч-черт — осторожнее... Он оттуда его достал... Из зажима под крышкой... под крышкой стола... Я — дурак — не проверил... Однако большая мокруха вышла...

— Этот придурок самоубийцей оказался... — зло крикнул Кирилл, кивнув на труп Рика.

— Д-да нет, не самоубийцей... — стараясь не смотреть на три неживых тела, выдавил из

себя Кай. — Он стрелял в напарника, потому что тот начал «колоться». А он рассчитывал один подсказать нам, как выйти на человека наркомафии на Инферне... И, наверное, собирался еще поторговаться. Ладно... Он не думал, что ты его убьешь...

Он снова безнадежно махнул рукой.

— Найдем холодильник, закроем в нем всех... троих и врубим SOS. А потом постараемся хоть что-то придумать. Нам предстоит давать довольно сложные объяснения. И во многих инстанциях.

— Холодильник поищу я, — уверенно определил Кирилл. — А вам бы не мешало за это время осмотреть этих субчиков. Ведь помните, что сказал этот... — он кивнул на Рони. — Что-то у него есть такое, на чем записано... Записан пароль. Цифры.

— Было бы большим идиотизмом записывать пароль на бумажке, — пожал плечами Кай. — К тому же мы вовсе не те, кого ожидает увидеть здесь человек наркомафии. Если он надумает спросить пароль у кого-то из нас, то будет просто последним идиотом. Хотя я пошарю напоследок у них в карманах.

— Вы знаете, следовательно... — Кирилл потер лоб. — Здесь такое дело... Я, знаете, в медблоке не только «фиксатор» нашел... Не только его, но еще и типа, о котором, помните, эти двое говорили. Вроде под химией, но — жив. Снотворным каким-то накачан и пристегнут к противоперегрузочному ложу.

Секунды три федеральный следователь смотрел на него прозрачным, почти отрешенным взглядом, а затем спросил коротко и деловито:

— Как он выглядит?

Кирилл с некоторым недоумением посмотрел на своего нового знакомого.

— Знаете... — он снова потер лицо, словно стараясь стряхнуть пьяную одурь. — Я не очень долго этого парня рассматривал... Примерно моего возраста... Белобрысый... В общем-то выше среднего роста. Атлетически сложен...

Кай продолжал внимательно смотреть на Кирилла.

— Вот что, — быстро и четко выговаривая слова, определил он. — Сдается мне, что вы неплохо должны знать планировку нашего... кораблика. Я же ее не представляю совсем... Действуем так. Сейчас вы находите холодильную камеру и мы грузим в нее... убитых. Будем называть вещи своими именами — убитых. И сразу после этого вы начинаете потрошить все кладовки... шкафы... У меня есть основания думать, что на борту у нас по крайней мере еще один пассажир... А я займусь радиопереговорами. Мы — в прямых окрестностях Инферны. Медлить нельзя. А в отношениях с официальными инстанциями у меня неплохой опыт... Так что — давайте за дело.

Кирилл пожал плечами. Ему уже безразличны стали странности, творящиеся вокруг.

* * *

Умение управляться с системами косморadioкоммуникации входило в круг профессиональных обязанностей следователей федерального управления. Но сейчас не было надобности в особых умениях — войдя в рубку управления, Кай узрел на дисплее терминала связи сообщение:

СЛУЖБА СПАСЕНИЯ ВЫЗЫВАЕТ КОРАБЛЬ «ГАНИМЕД». ОТВЕЧАЙ

НЕ АВТОМАТОМ. ДАЙТЕ В ЭФИР ЖИВОЙ ГОЛОС. ПОЧЕМУ НЕ ВКЛЮЧЕ СИСТЕМА КОНТАКТА С ТАМОЖНЕЙ? ОТВЕЧАЙТЕ. ЕСТЬ ЛИ НА БОЖИВЫЕ? КОРАБЛЬ СЛУЖБЫ СПАСЕНИЯ НАПРАВЛЯЕТСЯ К ВА СТЫКОВКА ЧЕРЕЗ 150 МИНУТ. ПЕРЕХОДИТЕ НА НУЛЕВУЮ ТЯГУ.

Прежде чем набрать на клавиатуре хоть какой-то ответ, Кай основательно призадумался. Слишком уж быстрой была реакция Службы спасения Инферны. Обычная практика космонавигации предусматривала, что до того, как к болтающемуся в дальней окрестности населенной планеты космическому судну будет выслан корабль спасения, может пройти несколько десятков часов. Да и реагируют на «вынырывающие» из подпространства непрошеные звездолеты обычно военные, а не спасатели. Или «Ганимед» случайно напоролся на сверхбдительный патруль ранарари, или... Или его здесь просто ждали.

КОРАБЛЬ «ГАНИМЕД» — СЛУЖБЕ СПАСЕНИЯ, — начал составлять ответ Кай. — НА БОРТУ ИМЕЛ МЕСТО ВООРУЖЕННЫЙ ИНЦИДЕНТ. ВСЕ ЧЛЕ ЭКИПАЖА ПОЛУЧИЛИ ТРАВМЫ, НЕСОВМЕСТИМЫЕ С ЖИЗНЬЮ. ЖД КОРАБЛЬ СПАСЕНИЯ. ПО ВОЗМОЖНОСТИ ОБЕСПЕЧЬТЕ РЕАНИМАЦ ДВУХ ПОСТРАДАВШИХ. НА НУЛЕВУЮ ТЯГУ ПЕРЕЙТИ СМОЖЕМ ЧЕИ КОРОТКОЕ ВРЕМЯ.

— Давайте сюда, следовательно! — окликнул его высунувшийся из люка Кирилл. — Я нашел-таки второго типа. И он жив. Это несмотря на то, что перенес бросок в рундуке с вакуумными спецкостюмами...

Кай отослал набранный текст на передачу и поспешил вниз, в наспех прибранную после побоища кают-компанию. При виде того, кто был распластан в кресле, он мысленно поздравил себя с правильной догадкой. Подполковник Дель Рей приготовил ему именно тот сюрприз, который федеральный следователь заподозрил при разговоре с решительной Мардж. Перед ним был его старый знакомый — посеревший от пережитого и от выступившей на щеках двухдневной щетины, видом своим напоминающий какаду, побывавшего в пасти бультерьера, но полный оптимизма и благодарности толстяк, которого следовало именовать Алоизом Бибером. Кая он встретил радостным вскриком:

— Господи! Я всегда уважал ваше управление, но того, что оно вытащит бедного Микиса из такого дерьма, я не мог и подумать, господин Санди!

Он попытался вскочить на ноги, но Кай, решительно положив руку на его плечо, заставил бедолагу остаться в кресле.

— Вам совсем отшибло память, Алоиз. Именно Алоиз. Вас зовут вовсе не Микисом. А я, к вашему сведению — Джон. Джон Кинли Крюгер к вашим услугам...

Владелец «Риалти» встрепыхнулся, пытаясь все-таки принять более вертикальное положение. За его спиной Кирилл угрюмо фыркнул и осведомился, не оставить ли ему господ конспираторов наедине.

— Я могу тем временем еще поискать по кораблю — может, здесь по сусекам еще с полдюжины разных типов распихано...

— Подождите с этим... — федеральный следователь улыбнулся ему понимающе и невесело.

Настроение удерживаемого в кресле невольного пассажира «Ганимеда» внезапно изменилось в худшую сторону.

— Сами вы можете называть себя кем угодно, господин следователь! — с жаром воскликнул он. — Но я — лично я — не хочу больше называться чужим именем! Я не хочу быть Алоизом Бибером. Я от рождения наречен Микисом, Микисом Палладини! И я выхожу из этой игры! Я не подписывался на то, чтобы быть приманкой для людей Кублы! Я никогда не хотел быть ни бандитом, ни провокатором. Я всю жизнь мечтал иметь свое маленькое дело и не мешать ни-ко-му! Только и всего! Я ни секунды больше не хочу оставаться на этой проклятой Фронде!.. Здесь меня..

— Ты на ней и не находишься, — успокоил его Кирилл. — Ты, видно, без памяти был, когда корабль бросок делал. Мы сейчас примерно в сотне тысяч километров от Инферны. И деваться отсюда нам некуда. Экипажа нет в живых.

Бывший Алоиз беззвучно открыл рот. Потом закрыл и выпучил глаза.

— Как? Эта... Эта затея, эта идиотская игра, в которую меня втянули ваши люди, продолжается? Я... я думал, что все рухнуло, когда Кубла вошел в дело...

— Игра... — вздохнул Кай. — Игра, похоже, закончится через сотню с небольшим минут. Здешние спасатели прямо-таки невероятно оперативны. Вам, Микис, не стоит излишне волноваться. Худшее, что вас ждет, — это обычная депортация — отсюда, в объятия подполковника Дель Рея...

Он замолк и прикрыл глаза. Что-то сложное происходило под черепной коробкой федерального следователя. Что-то, что заставило его лицо застыть на несколько секунд. Впрочем, застыть, сохраняя выражение вежливого внимания к собеседнику.

— Может быть, вашему Микису-Алоизу волноваться и не о чем, — мрачно произнес Кирилл. — Да и вам, господин следователь, — тоже. Вы вроде из разведки или из управления. Так что с тамошней полицией разберетесь. А вот мне лично, по результатам, небо в клеточку светит. И надолго. Мокруха на мне повисает. По меньшей мере одна. А там, глядишь, и все остальное подвесят...

Кай остановил его выразительным движением руки. Потер лоб и улыбнулся.

— Не все так плохо обстоит для вас.

Он повернулся к Микису:

— Регистрационную аппаратуру на «Ганимеде» устанавливали под вашим наблюдением? Где в кают-компании расположены сенсоры голографической регистрации и звукозаписи?

— Разумеется, под моим, — с достоинством ответил владелец «Риалти». — В полном соответствии с инструкциями подполковника Дель Рея... Сенсоры — за зеркалами. За всеми четырьмя. И для звука и для света.

— А центральный блок? С матрицей памяти? Где он у вас?

— Вмонтирован в рефрижератор на камбузе... — Микис выпрямился в кресле. — Как хорошо, что вы вспомнили про это... Надо ее — матрицу эту у-у...

— Не надо... — Кай снова положил руку на плечо пытающемуся вскочить с кресла экс-Алоизу. — Не надо уничтожать матрицу. Кирилл, найдите где-нибудь отвертку...

Кирилл молча, с довольно мрачным видом, положил на стол универсальный нож — память о годах службы в Космодесанте.

— Так, оказывается, вы здесь все записывали... — определил он. — Чертова мышеловка...

— Записывали, — согласился Кай, начиная отворачивать удерживающие настенное зеркало декоративные болты. — И звук и изображение. По всему объему корабля. С того момента, как в корабль входил хоть один человек, и до того момента, когда корабль опустеет. Операция особой важности. Но для вас это только к лучшему. Думаю, что на матрице хорошо отражено, что вы действовали исключительно в целях самозащиты. И кроме того — при задержании крупной партии контрабанды.

— Но... ведь по инструкции.. — удивленно выдавил из себя Микис. — Ведь это же «черти»... ранарари будут разбираться с нами... Разве мы можем...

— Можем, — сухо остановил его сбивчивую речь федеральный следователь. — Мне даны полномочия предложить м-м... нашим партнерам участие в совместной операции. И с этой целью — рассекретить часть материалов по этому делу. Хотя надежда на то, что нас встретят с распростертыми объятиями, равна почти что нулю, мы, по крайней мере, не попадем под каток уголовного расследования. Так что лучше расскажите мне, как вас занесло сюда — на борт корабля, на котором вы никуда не должны были лететь... И как на нем оказались эти бандиты — его экипаж, — которые до последнего момента не должны были знать, где находится корабль?

— Господин следователь, я не подписывался на то, чтобы быть героем... Когда я увидел то, что эти... что они сделали с Фостером..

— И что же они с ним сделали? — осведомился Кай, отсоединяя сенсоры от обратной стороны зеркала.

— Да просто-напросто скормили его же собственным пираньям! — почти взвизгнул Микис. — Когда они мне показали это, я тут же сдал им весь этот корабль к чертовой матери! И не говорите мне, что...

— Я вас ни в чем не упрекаю, — успокоил его Кай, продолжая возиться с сенсорами. — У вас просто не было другого разумного выхода. И, попав на корабль, вы воспользовались каким-то представившимся вам случаем, чтобы м-м... скрыться от этих двоих — их ведь было двое?

— Только двое, — подтвердил Микис. — Мне удалось оторваться от них. Сразу после того, как мы вошли в корабль... Я забаррикадировал люк... Даже вообразить не могу, откуда у меня силы взялись своротить тот чертов ящик... Они, правда, все равно прорвались внутрь, но у меня сложилась фора в несколько минут...

— Но каким образом... — Кай закончил возню со вторым зеркалом и взялся за третье. — Каким образом получилось так, что... Почему этим типам не пришло в голову обыскать корабль?

— Люк... — почти простонал Микис. — Они, видно, купились на открытый верхний люк... Это я его отпер, но... Но я побоялся прыгать... Кинулся назад и — не помню даже как — влез в этот чертов шкаф..

— В рундук, — с легким раздражением поправил его Кирилл. — Мне бы и в голову не пришло, что человек сознательно может остаться у черта в зубах... Так что можно понять этих олухов...

— Должно быть, вам было довольно тяжело э-э... продержаться там почти целые сутки, — с сочувствием заметил Кай. — Ведь есть же определенные потребности организма, которые...

— Мистер был в полном ауте, — пояснил Кирилл. — В отключке. Я еле привел его в себя.

— Кстати, о потребностях организма... — Микис просительно глянул на Кая.

— Да, разумеется, — федеральный следователь добродушно закивал головой. — Вы знаете расположение помещений корабля. Так что найдете, где привести себя в порядок...

Палладини с неожиданной легкостью вскочил с кресла и устремился к выходу.

* * *

Сложив на столе аккуратные кубики отсоединенных от системы регистрации сенсоров, Кай бросил взгляд на часы и присел на краешек кресла, жестом пригласив Кирилла занять место напротив.

— Сейчас то, что происходит в этом отсеке, не пишется в память нашего, так сказать, «черного ящика»...

— Это я уже понял, — мрачно признал Кирилл и убрал со стола свой нож десантника. — Как мне кажется, вы хотите поговорить со мной без свидетелей.

— Я собираюсь просто-напросто завербовать вас, — довольно спокойно пояснил Кай. — К сожалению, я лишен возможности предъявить вам свое служебное удостоверение — идя на дело, таких документов с собой не берут. Но вы видели достаточно много, чтобы принять мои слова на веру. Присутствующий здесь господин Палладини совершенно правильно назвал мою фамилию, хотя и не должен был этого делать: Санди — Кай Санди — федеральный следователь пятой категории. Можете это проверить, когда у вас появится такая возможность. Кроме того, вам подтвердят все мои... полномочия, как только вы обратитесь в управление по каналам, которые я вам сообщу.

— Я не создан для того, чтобы быть стукачом, — все так же мрачно парировал его слова Кирилл.

— Никто вам этого и не предлагает.

Кай отодвинул в сторону сваленные на стол сенсоры и принялся перекладывать другую кучку предметов — содержимое карманов двоих бандитов, убитых и упрятанных в рефрижератор.

— Дело просто-напросто состоит в том, — он поднял на Кирилла внимательный взгляд, — что вы — единственный из всех нас, кто действительно имеет шанс — небольшой, но все-таки шанс — получить вид на жительство на Инферне. В Диаспоре. Ваши действия полностью подпадают под определение, содержащееся в законах ранарари о борьбе с траффиком наркотиков. И если нам удастся «помочь» ранарари трактовать события именно так, то вас могут принять на работу в какой-либо службе, куда допущены иммигранты с Фронды. Сперва — на испытательный период... Вы, надеюсь, не против того, чтобы события приняли именно такой оборот? На записях, сделанных внутри корабля, разумеется, не отражено ничего из того, что предшествовало нашему м-м... попаданию на борт. Так что у меня есть возможности для гм... маневра. Я собираюсь представить ваш с капитаном Листером план как чисто законную, хотя и рискованную затею. Вы просто желали получить право на проживание и работу на богатой Инферне. А для этого решили сдать местным властям невероятно огромную партию «пепла». Поступок в чем-то даже героический. Все сомнительные — скажем так — сомнительные стороны вашего плана я отсеку. Так что определенные шансы получить визу и работу у вас есть. Как вы понимаете, господин Палладини и я будем иметь гораздо большие проблемы, чем вы, и на Инферне и потом — в

Метрополии. Мы свою задачу успешно провалили. Это, конечно, наши проблемы, но... Я думаю, что вправе рассчитывать на некоторую благодарность с вашей стороны. Поймите меня правильно — это не шантаж. Я и Палладини будем давать показания в вашу пользу даже в случае вашего отказа сотрудничать с управлением. Но, повторяю — поймите, Земле нужно иметь хоть какую-то информацию о том, что происходит в Диаспоре. И в первую очередь о том, кто в ней является покупателем «пепла». Для этого вам не придется взламывать сейфы и скакать по крышам с пистолетом в зубах. Нам необходима в основном открытая информация. Но — вовремя полученная и достоверная.

Кирилл, морщась и сглатывая ставшую вдруг горькой слюну, кивнул. Не то чтобы слова федерального следователя убедили его. Просто он ощущал к этому человеку непонятное доверие. И еще он ощущал какую-то, скорее подсознательную, вину перед... перед кем? Перед людьми вообще — потому что предал их, решив уйти в Диаспору. Перед кэпом Листером — за то, что слишком поздно нажал спусковой крючок. Перед Ганкой — потому что скатился на дно этой поганой жизни. И перед этим сухощавым типом, которого еще час назад считал просто слегка симпатичным мафиози. За то, что подставил его. Непонятно как, но подставил.

— Мне надо дать подписку? — спросил он. — И вообще — как это у вас делается?

— Поскольку нам в ближайшее время предстоит арест и обыск, — Кай покрутил в руках бумажник Рони и отложил его в сторонку от остальных разложенных на столе предметов, — то не стоит оставлять документальных свидетельств. Возьмите вот это, — он протянул Кириллу пластиковый прямоугольник, — кредитная карточка «Диннерс» — на предъявителя. Она действительна в Диаспоре. Поможет вам продержаться первое время. В том числе оплатить пару сеансов связи. Вот по этим каналам. — Кай набросал на листке блокнота несколько строчек.

— Лучше запомните. Но можете и сохранить. Формально это номера частных лиц. Вот их имена. Всем им назовете себя и поинтересуетесь курсом акций «Рао-Рао». Туристический бизнес. Это — пароль. После этого наши найдут способ проинструктировать вас.

Кирилл покрутил карточку в руках и сунул ее в карман. «Ну вот, я и шпик, — подумал он. — И уже должен отрабатывать аванс».

— Ну а если ранарари дадут мне пинка под зад? — поинтересовался он вслух.

— Тогда вернете кредитную карточку и забудете все это как страшный сон, — пожал плечами Кай. — Попробуйте устроиться в Метрополии. Я буду ходатайствовать за вас, если захотите. На Фронде у вас могут быть большие неприятности. Но будем надеяться, что удастся пристроить вас в Диаспоре. Повторяю: основное — это нащупать покупателей «пепла»...

— Кстати, об этом... — Кирилл кивнул на разложенное на столе барахлишко, — вы не нашли никакого... ключа? Те шесть цифр, про которые успел сказать тот тип, прежде чем схлопотал пулю...

— Затея безнадежная, — Кай поморщился. — Цифр, впрочем, здесь хватает. На зажигалке выбит номер, куча телефонных номеров в записной книжке... А вот, — он расстегнул бумажник Рони, — кредитки мелетского банка. На каждой — номер. Но шестизначных — нет. Пять, девять цифр. На кредитках — семь и две буквы... Странно только, что, отправляясь на Инферну, покойный Рональд Капанegra прихватил с собой солидную сумму в валюте, которая нигде, кроме самой Мелетты, к оплате не принимается...

— Солидная сумма? — поинтересовался Кирилл. — А какая именно?

Кай с интересом посмотрел на него. Потом сосчитал купюры. Вытряхнул и пересчитал мелочь.

— Две тысячи шестьсот двадцать мелетских долларов и пятьдесят пять центов, — подытожил он. — Число из шести цифр.

Глава 5

СЛУЖБА СПАСЕНИЯ

Смольского Кай сначала не узнал, настолько пара последних суток изменила этого в общем-то запоминающегося и симпатичного человека. Пристегнутый к противоперегрузочному ложу, Анатолий уже начал приходить в себя и с тихим стоном открыл глаза. Секунд тридцать он пытался сфокусировать свой взгляд на лице склонившегося над ним федерального следователя, а потом тихо молвил:

— О господи! Вас-то как сюда занесло, господин ветеринар?

— Так вы, кроме того, что наркотики переправляете, еще и братьев наших меньших на стороне подлечиваете, господин следователь? — чуть иронически поинтересовался Кирилл, стоявший в изголовье медленно приходящего в себя литератора. — Видно, не так уж много вам и платят по основному месту работы...

— Они... они пытали меня... — сообщил Смольский, начиная более активно двигаться на своем одре.

Кай выразительно взглянул на своего партнера и принялся освобождать пострадавшего сочинителя от его пут.

— Вы можете сесть? — осведомился он.

— Если вы избавите меня от этих проклятых ремней, то попробую... — уже более живым голосом произнес Смольский. — Полиция... Вы из полиции? Вам удалось взять этих... Я все еще на этом ужасном корабле?

Не без труда, морщась и чертыхаясь, он оторвался от своего ложа и уселся, поставив ноги на шершавый пластик пола. Теперь был у него вид бодрый, хотя и недоуменный.

— Послушайте, Смольский, — вздохнул Кай. — Вы попали в очень серьезный переплет. — И вам сейчас придется очень и очень быстро войти в суть дела. С полицией мы скоро и в самом деле будем иметь дело, только не с полицией Фронды. Вы, видимо, не совсем хорошо поняли, что корабль уже прошел переход через подпространство и движется сейчас в пределах юрисдикции Инферны... Экипаж корабля — те двое негодяев, с которыми вы познакомились, и их капитан — человек немного более порядочный — погибли. Управлять кораблем некому. На борту находится огромная партия наркотиков. Уже меньше чем через пару часов на борту будут спасатели. Таможенники и полиция за нас возьмутся, может быть, чуть позже. Но возьмутся обязательно. Вам за короткое время надо будет усвоить довольно сложную информацию, чтобы избежать больших недоразумений. Да и мне хотелось бы услышать от вас кое-какие объяснения... Если вы можете встать — Кирилл, помогите ему, — кивнул напарнику Кай, — то доберитесь до санблока — надеюсь, что Палладини там долго не засидится, — приведите себя в порядок и возвращайтесь сюда.

— Я вот чувствую, что и за сутки не разберусь, господин следователь, как это сюда занесло вашего знакомого и чего они от него хотели выпытать, — вздохнул Кирилл.

— Мне кажется, что как боец Космодесанта вы можете осуществлять кое-какие элементы управления кораблем, — перевел разговор в другое русло Кай.

— Как я понимаю, надо заглушить движки? — догадался Кирилл.

— Да, перейти на нулевую тягу, — подтвердил федеральный следователь. — И как можно скорее. Иначе маневр стыковки не пройдет.

Кирилл, не говоря ни слова, помог Анатолию подняться и выбраться из медблока.

Секунду-другую Кай прислушивался к тому, как они вдвоем шкандыбают по тесному переходу. Потом поспешил в рубку — не стоило надолго терять связь со спасателями...

* * *

Они довольно много успели сделать за эти два часа. Даже провести военный совет — снова в отсеке, скрытом от всевидящих сенсоров регистрационной системы. И Палладини, и Смольский приобрели вполне человеческий вид, побрились и даже успели выяснить, что знакомы заочно — через пробывшего на Фронде без малого семь лет Александра Лянгузова.

До тех пор, пока Фронда не прекратила полностью закупки научного оборудования, этот жизнерадостный бородач курировал поставки из Метрополии измерительной техники местному университету. У консульства Метрополии, при котором числился Александр, назрели проблемы с помещением — персонал его порядком сократился, а цены за аренду пошли в гору, и быстро. Головную боль, которую видели в этом деле более опытные чиновники, свалили, естественно, на бывшего тогда неоперившимся новичком Александра. С Алоизом Бибером тот сошелся по наивности — считая, что «Риалти» и впрямь торгует недвижимостью.

Проблема эта каким-то образом утряслась и без их помощи, но взаимная симпатия, возникшая в результате довольно частых встреч, осталась. Владелец «Риалти» рад был предстать в роли здешнего Вергилия — тем более, что на самом деле был настоящим неофитом Фронды. И льстила ему такая роль, и с нормальным человеком из Метрополии — не с наркокурьером и не с посланцем подполковника Дель Рея — хотелось пообщаться.

Так что неудивительно, что своему другу на Земле — Анатолию Смольскому — Александр рекомендовал обратиться именно к своему фрондийскому приятелю, коль скоро всемирно известному литератору приспичило на практике изучить источник и место действия половины своих сюжетов.

— Не назвал бы этот совет удачным, — сухо заметил Кай. — В свете сложившихся обстоятельств...

— Александр — наивный малый, — постарался оправдать своего друга Анатолий. — К тому же ему не дано заглядывать в планы ваших затей...

— Кстати, о затях... — Кай постарался как можно удобнее устроиться в кресле, взлететь из которого ему мешали только наскоро пристегнутые ремни. — Кирилл благополучно справился с отключением тяги. — Ко всем вам, господа, у меня есть убедительная просьба, — он хрустнул пальцами. — Через четверть часа, не больше, на борту у нас будет команда спасателей. В ее составе, видимо, есть не только ранарари, но и люди. Наемники из Диаспоры. На связи со мной был явно человек. Не знаю когда — с ними вместе или чуть позже — будут здесь и представители служб охраны Инферны и кто-то в виде таможенников. Никому из нас не доставит удовольствия оказаться в местной каталажке. Но, тем не менее, мы все скоро узнаем, что она собой представляет. При сложившемся раскладе — полтонны наркотика в трюме и три трупа в холодильнике, не говоря уже о прочих обстоятельствах, — без ареста дело не обойдется. Надеюсь, что условия заключения будут сносные. Вы ясно представляете, что выручить нас может только то, что все мы — исключение составляет господин Смольский — являемся участниками операции, проводимой на основании обращения правительства Инферны о пресечении траффика

наркотиков. Господин писатель вообще проходит как совершенно невинная жертва обстоятельств. Если не считать виной, мягко говоря, неосмотрительное поведение в условиях чужого Мира. По этой причине я позволю себе не расширять его м-м... познания о характере секретной операции, в которую он оказался втянут. Надеюсь, вы простите мне такую, гм, неоткровенность, Анатолий?

— Я достаточно общался с «компетентными органами», чтобы понять вас без всяких обид, — отозвался Смольский, ощупывая кляксы репарирующего биогеля на руках и морщась.

— Благодарю вас за это... — Кай потер лоб и продолжил. — Так вот: просьба моя ко всем присутствующим сводится к тому, чтобы вы хорошенько поняли, что знать о нашей с вами причастности к проведению секретной операции вовсе не обязательно никому из посторонних. Ни из людей, ни из ранарари. Операция может быть продолжена, и поэтому выкладывать ее содержание посторонним не стоит. Только следователю или тому, кто у ранарари играет такую роль, и только за закрытыми дверями. Мы имеем дело сразу с двумя преступными организациями. И если о наркомафии Федерации и Фронды мы знаем хоть что-то, то о том, что представляет собой в этом отношении Диаспора, мы не имеем понятия. И неизвестно, что здешние криминалы предпримут, если до срока перехватят такую информацию. Поэтому ни спасатели, ни таможенники, ни любые посторонние не должны знать ничего, кроме того, что мы являемся пассажирами «Ганимеда». Что касается наличия на борту огромного количества «пепла», то к этому вы не имеете никакого отношения, что почти соответствует действительности. Арендатором корабля являюсь я. Личность господина Палладини не зафиксирована ни в каких бортовых документах. Так что есть все основания надеяться, что максимум того, что вас ждет, — это довольно короткое пребывание в заключении. О внутреннем режиме тюрем Инферны мне известно мало. Но наличие огромной Диаспоры, состоящей из людей, позволяет надеяться на то, что выжить пару недель на этом «курорте» возможно. В отношениях со следствием — «выходную арию» я беру на себя. Наше управление и разведка мои показания подтвердят и начнут переговоры. К этому времени в руках «принимающей стороны» уже будет матрица с записью всего того, что произошло на борту. Почти всего...

Последовала долгая пауза.

— Вы... вы можете положиться на старину Палладини, — торопливо проговорил Микис. — Т-то, что я говорил вам тогда... сразу... Это было от обморока... Человек слаб... но я помню, что давал подписку... в конце концов, нам сидеть так и так. Но по вашей схеме сидеть надежнее... не хуже же у ранарари тюрьмы, чем на Харуре? А я там влип однажды...

— Мы с вами уже обо всем поговорили, господин следователь, — пожал плечами Кирилл. — Так что со мной — тоже все ясно.

— Как и со мной, — устало вздохнул Смольский. — Со мной вы могли бы и не проводить душеспасительных бесед. Я просто на самом деле ничего не понимаю в том, что вы называете «вашими затеями». Прибавлю себе жизненного опыта за счет пребывания в каталажке ранарари. Останусь цел — это прибавит мне популярности. Кстати, с вас, следователь, — эксклюзивное интервью, когда и если...

Кай молча подкинул на ладони один из отсоединенных сенсоров, все еще валяющихся на столе. Барахлишко убиенных бандитов он заботливо вернул в их карманы, за исключением бумажника Рони. Что-то удержало его от этого — интуиция, наверно. Он уже много натерпелся в жизни от хорошо развитой интуиции. Премерзкое качество.

Кирилл откашлялся, извлек из внутреннего кармана куртки фляжку и пустил ее по кругу. Все отхлебнули по глотку. Бог его знает, когда придется в следующий раз воздать должное Бахусу. Отхлебнул и Кай.

— Ну что же, — резюмировал он. — Все по местам. И пристегните ремни.

* * *

Спасательный бот ранарари был невелик и сближался с «Ганимедом» (тоже не вышедшим росточком) словно растопыривший лапки паук, спускающийся по невидимой нити к поблескивающей полированным титаном устрице. Сама стыковка — бот был оснащен универсальным переходным узлом — прошла без сучка без задоринки, зря только все трое натягивали вакуумные спецкостюмы. Чуть трянуло, зажегся сигнал выравнивания давлений. Кирилл отжал рычажок, и в переходном отсеке низкими тонами запели сервомоторы внешнего люка.

— Стыковка закончена, — сообщил из динамика вполне человеческий голос. — Мы идем к вам.

— Вас понял. Встречаем, — отрапортовал Кирилл.

Они выбрались из кресел и, придерживаясь за поручни переходов и лесенок, отправились вниз, встречать ранарари.

* * *

Большого разочарования Кирилл и представить себе не мог: ни одного ранарари не было среди четырех вооруженных спасателей, что стояли в тесном помещении переходного отсека.

Это были люди. Пусть одетые в несколько необычные вакуумные костюмы, но вполне нормальные — родом с Земли — люди. Вдобавок ко всему при нашивках с надписью «Служба спасения Инферны» на трех основных языках Обитаемого Космоса.

— Лешек Раковски, комотряда, — представился вошедший первым спасатель, снимая шлем.

Был господин Раковски массивен, лысоват и броваст.

— Где ваши потерпевшие? — сурово продолжил он.

— Джон Крюгер, арендатор судна, — представился в ответ Кай. И кивнул Кириллу: — Проводите командира к рефрижератору.

Комотряда со значением поднял кустистую бровь и кивнул второму из своей команды — врачу, надо полагать. Оба последовали за Кириллом в шахту осевого туннеля.

Оба оставшихся спасателя тоже освободились от шлемов. Один из них — рыжий и веснушчатый — понимающе кивнул Каю:

— Ну что вы так смотрите? Вы ожидали «чертей» увидеть? Напрасно. Запомните: Служба спасения — дело рискованное. А раз так, то это работенка для нас — для Диаспоры. Ладно — неисправности на борту есть?

— Думаю, что корабль в полном порядке, — пожал плечами федеральный следователь. — Но на борту нет ни одного человека, который смог бы его пилотировать. И

тем более — посадить.

— Пройдемте в рубку, — энергично предложил, точнее, скомандовал рыжий. — Там разберемся, удастся ли нам справиться с этой штукой... Меня зовут Карл, — запоздало представился он, карабкаясь вслед за Каем и Микисом вдоль узкого прохода. — Я — пилот-навигатор. А тот, что за мной, — Хасан. Связист.

Анатолий представился своим собственным именем. Микис — Алоизом. Слегка при этом замешкавшись, чем смутил рыжего Карла.

Несмотря на свою разговорчивость, Карл то и дело нервно проверял кобуру бластера, притороченную к поясу и расстегнутую. Что до поспежавшего в арьергарде Хасана, то тот даже и не пытался скрыть того, что смотрит на троих штатских, в компании с которыми оказался, как на преподозрительнейших типов, и не снимал руки с рукоятки своего шпалера.

— Да-а... — резюмировал свои впечатления от осмотра рубки управления «Ганимеда» Карл. — Земная техника... Плохо дело...

Он поймал недоуменный взгляд Кая.

— Я сам — из второго поколения, — извиняющимся тоном пояснил он. — Родился и специальность получил уже в Диаспоре. Так что владею только нашими системами управления, в смысле — системами управления кораблей ранарари.

«Какого же тогда черта?..» — подумал Кай. Но вслух лишь выразил сожаление, по поводу неудачно сложившихся обстоятельств.

Что до кучерявого Хасана, то тот с передатчиками земного типа оказался-таки знаком и, не теряя времени, занял место перед одним из дисплеев.

— Придется вас буксировать на стационарную орбиту, — пояснил Карл. — А там нам подошлют парочку специалистов, чтобы как-то управиться... Если у вас есть визы, то посадят на поверхность, если нет — вам придется нанимать экипаж на обратный путь... Если, конечно, у вас не будет неладов с законом...

* * *

В люке послышался шум, и в рубке стало окончательно тесно — в нее пролезли комотряда Раковски, врач-спасатель и Кирилл. Вид у обоих спасателей был мрачен. Лысоватый Лешек с минуту, пожалуй, молча, с нехорошим прищуром, рассматривал собравшихся из чащи своих насупленных бровей.

— Все складывается очень нехорошо, господа... — наконец заговорил он голосом низким и предельно серьезным. — На борту — три трупа. Да-да, я повторяю — трупа, а вовсе не пострадавших, требующих реанимации, как вы изволили выразиться в своих сообщениях.

— Какая уж там, к черту, реанимация... — махнул рукой в пластиковой перчатке врач.

— Собственно, — комотряда сердито зыркнул на прервавшего его речь эскулапа, — весь экипаж корабля перебит. Включая капитана.

Он уставился теперь в глаза Каю.

— Навигационная служба сообщила мне, — продолжил он неприязненным тоном, — что она не была своевременно поставлена в известность о появлении вашего корабля в окрестностях Инферны. Вы им свалились как снег на голову. У меня создается впечатление,

что если я потребую у вас соответствующие документы — а такое право я имею, — то у вас их просто не окажется...

— В этом вы правы, — согласился Кай. — В свое время я дам пояснения случившегося...

— Мне вы не обязаны объяснять ничего из того, что непосредственно не относится к проблеме оказания вам помощи, — остановил его Раковски. — Но я просто обязан принять меры для обеспечения вашей собственной безопасности. Покойников на борту и так сверх меры. Поэтому — хотите вы того или нет — я беру вас, четверых, под арест. Ведь на борту больше нет людей?

— Если живых, то да, нет. Ни людей, ни других живых существ, — заверил его неожиданно встрявший в разговор Микис.

Кай взглядом попросил владельца «Риалти» не вмешиваться.

— Если вы сомневаетесь в том, что я имею права на такие действия... — Раковски окинул собравшихся взглядом коршуна.

— Мы в этом не сомневаемся, — сухо ответил Кай.

— И оказывать сопротивление не намерены, — снова не удержался Палладини. — Вовсе не намерены

На этот раз он удосужился суровых взглядов обеих «высоких договаривающихся сторон».

— Вот и хорошо, — констатировал Раковски. — В таком случае, разрешите обыскать вас и забрать оружие, если таковое у вас при себе. А потом, с вашего позволения, мы всех вас вынуждены будем изолировать друг от друга — для вашего же блага — по вашим каютам. Так что ключи я попрошу сдать мне, до момента доставки на орбитальную станцию. Там вами займется те, кому положено разбираться в подобных происшествиях. Доберемся мы относительно быстро. Это займет не более двенадцати часов. В форсированном режиме — семь-восемь.

Можно было бы сразу сообщить спасателям, что все огнестрельное оружие пассажиров и покойного ныне экипажа злополучного рейса сложено в один из стальных шкафов ремонтного отсека. Но Кай не стал этого делать. Спрашивали, в конце концов, о том оружии, которое было у них при себе. Он послушно приподнял руки, давая тем пример остальным. Рыжий Карл проворно обхлопал его карманы.

И тут вышла заминка. Рука его наткнулась на бумажник — бумажник покойного Рони. И он этот бумажник из внутреннего кармана куртки Кая вынул.

Кай сохранил спокойствие, а наблюдавший это со стороны Кирилл чуть было не выкрикнул: «Эй-эй! Вы говорили про оружие, господа...» — но осекся.

Смольский переглянулся с Палладини. Они ничего не поняли, но заметили неладное.

Карл протянул бумажник Раковски.

— Возите с собой мелетские ассигнации? — любопытствовал тот, не заглядывая в него. — Разрешите пересчитать? — И только тогда расстегнул тусклого металла пряжку.

— Можете не трудиться, — улыбнулся Кай, вместо того чтобы брякнуть: «Это не ваше дело!» — Две тысячи шестьсот двадцать мелетских долларов и пятьдесят пять центов. Только и всего. Что вас еще интересует?

Они стояли, выпрямившись чуть более обычного, и смотрели друг другу в глаза. Да и остальные спасатели на мгновение приостановили деловитое обхлопывание карманов пассажиров «Ганимеда». Затем снова принялись за дело. Как ни в чем не бывало.

На пульт со звяканьем полетел серебряный ножичек для чистки фруктов — Хасан изъял

его у Микиса. Этот звук вывел Кая и Раковски из ступора.

— Ну что же, — натужно улыбнулся комотряда. — Возьмите.

Он протянул бумажник Каю, и тот вернул его в карман.

— В конце концов, валютный досмотр — не мое дело, — все с той же недоброй улыбкой резюмировал Раковски. — Так же, как и досмотр на наркотики, скажем...

Кай тоже улыбнулся, и только.

«Господи! — подумал Кирилл. — Это же никакие не спасатели! И только я и следователь это понимаем! Остальные же не в курсе!»

И действительно: ни он сам, ни Кай не поспешили поделиться своей гипотезой — достаточно ненадежной, всего лишь одной из многих — о том пароле, что унес с собой на тот свет второй пилот «Ганимеда».

* * *

— Больше ничего нет, — доложил Карл результаты обыска.

Серебряный ножичек Палладини сиротливо украшал собою поверхность пульта дальней связи. «Интересно, — подумал Кай. — А универсальный нож десантника — тот, с которым не расставался Кирилл, — он что, в меньшей степени оружие, чем эта штука? Не найти его в кармане трудно. Значит, его при Кирилле нет. Два часа назад был, а теперь не стало его...».

— Вот и славненько, — удовлетворенно прогудел Раковски.

Он забрал ножик с пульта, сложил и сунул в карман спецкостюма.

— Не беспокойтесь, — улыбнулся он Микису. — Вещицу вам вернем, как только...

Он повернулся к своим:

— Вы, Рымник, остаетесь на борту...

Рымником оказался рыжий Карл. Он вытянулся и чуть не шелкнул каблуками.

— Все остальные, — Раковски окинул взором свое воинство, — помогут Карлу разместить м-м... клиентов по их каютам и после этого возвращаются на бот. Позаботьтесь, чтобы в каютах не оставалось предметов, которыми клиенты могли бы... причинить себе вред. — Он недоуменно повертел в пальцах единственный переданный ему ключ — магнитную карточку, отпирающую дверь в каюту Джона Крюгера, сунул ее в карман и обратился к самим «клиентам»: — Наши корабли состыкованы и будут выполнять довольно сложный маневр. Поэтому сразу после развода по каютам пристегнитесь к лежанкам и постарайтесь не вставать с них до тех пор, пока Рымник не даст по внутреннему коммуникатору отбой. Все поняли меня? Великолепно! Приступайте к делу, Карл.

Он повернулся к федеральному следователю. И, кажется, успел перехватить взгляд, которым тот успел обменяться с Кириллом.

— А господина арендатора я попрошу пройти со мной — на борт спасательного бота. Не беспокойтесь — комфорт мы вам там обеспечим. Нам есть о чем поговорить...

* * *

«Мы здорово влипли! — подумал Кирилл, спускаясь вслед за приставленным к нему и так и не представившимся врачом в пассажирский отсек. — Если эти типы и спасатели, так

только по совместительству. Были на стреме, перехватили наш кораблик на дальних подходах к планете. Должно быть, сценарий так и предусматривал. Покойник пилот почти так нам и сказал: „Никаких координат — они сами к нам подвоят“. Космос просматривается хорошо. Особенно — Ближний Космос. Так что надо было сделать все так, чтобы выглядело естественно... А мы точно по сценарию и поступили: вынырнули вблизи условленной точки и дали SOS. Только немного раньше срока и с убитыми на борту. Возможно, были и другие... неточности. Это их насторожило, и они решили провериться...»

— Слушай, парень, а почему я у тебя карточки от каюты не нашел? — поинтересовался врач. — Оставил в каюте? Которая твоя?

Они уже были в коридоре пассажирского отсека.

— Сдается мне, что я ее посеял, — пожал плечами Кирилл. — Тут не до того было...

— Что — сильная заварушка была? — поинтересовался бандитский доктор.

— Меньше знаешь — крепче спишь, — не слишком вежливо уведомил его Кирилл. — А каюта моя — вот та.

Он указал на дверь того бокса, в котором — Кирилл еще помнил инструктаж кэпа Листера — должен был располагаться главный пассажир корабля, его арендатор и хозяин «пепла», Джон Кинли Крюгер, в миру — федеральный следователь Кай Санди. Если уж вселяться наобум, так лучше всего именно в эту каюту. Там в багаже может найтись что-то полезное для предстоящих ему действий.

Доктор вздохнул и достал из наколенного кармана своего спецкостюма коробок «универсального ключа». Эта штука, верно, входила в обязательный индивидуальный комплект спасателей. Потому что в двух шагах от них точно такой же коробочкой с выступающим краем, имитирующим обрез магнитной карточки, орудовал рыжий Карл, вселяя в ранее пустовавший, а потому потребовавший минимального времени на осмотр бокс литератора Смольского. Тот довольно косноязычно пытался объяснить ему причину своей бездомности на борту «Ганимеда». Так, продолжая городить чушь, он и скрылся в недрах каюты.

— Престранные вы типы! Все до одного, — бросил вслед ему Карл, запер каюту и поторопился наверх, в рубку.

С этим трудно было не согласиться, так как по ту сторону осевой шахты господин Палладины объяснял угрюмому Хасану, что ему все равно, в какой каюте его запрут, потому что собственной каюты здесь у него еще не было...

В отличие от своего рыжего сообщника, док довольно скрупулезно прошелся по полкам и выдвижным ящикам каюты Кая и заглянул в его чемодан. Кирилл возблагодарил бога за то, что его конвоир не стал листать альбомчик с фотографиями, на который там наткнулся. Все-таки не хотелось объясняться, зачем это ты решил влезть в чужое жилье — пусть даже и временное.

Осмотром двери док остался доволен.

— Слава богу, здесь замок не из тех — идиотских, — у которых щели для карточки сделаны и снаружи, и внутри. Так что если ты свой ключ и найдешь, то изнутри хрен откроешь! — злорадно констатировал он. — Пристегнуться не забудь. Захочешь в туалет — ори в коммуникатор. Карл тебя выпустит и, как говорится, проконтролирует... Будь здоров!

Дверь за бандитским доктором задвинулась, и Кириллу наконец представилась возможность более спокойно обмозговать ситуацию.

А ситуация была аховая: через несколько часов, от силы немного позже, после

прибытия на какую-то свою базу, бандиты поймут, что их пленники — вовсе не люди Хубилая. Это Кириллу было ясно как день. Как и то, что сразу после этого, а точнее — после краткого, но интенсивного допроса, всех их прикончат тем или иным способом. Лучше всего, конечно, тем, который полегче. То, что у следователя есть хорошо отработанная легенда по «Джону Крюгеру», делу мало поможет. Судя по тому, как обошлись со Смольским, хозяину «пепла» Кубла и его компаньоны не собирались ни платить, ни сохранять жизнь. А его подозрительным спутникам — тем более.

«А там еще начнем „колоться“ — под пытками или под химией — и конец, — прикинул Кирилл, пристегивая ремни. — Пока что они еще не въехали в ситуацию. Может, хотят через подпространственную связь потолковать с Кублой, может, ждут команды от своего шефа — черт его знает...»

У Кирилла чуть потянуло под ложечкой — как всегда бывало перед боем. Вспомнилась Ганка. Но он погасил эту память. Расслабляться было нельзя.

Каюту «повело». Лязг и скрежет доползли снаружи через слои звукоизоляции. Вакуумные роботы устанавливали на корпусе крепления для буксировки.

* * *

Маневр закончился довольно быстро. Даже быстрее, чем того требовал план, созревший в голове Кирилла. Созреть ему было нелегко: то давило ускорение, то пол и потолок менялись местами, то Кирилл просто ставило на голову — ту самую, в которой зрел план. Но, так или иначе, он — этот план — теперь у него был. Но он требовал немного повременить — чтобы не спугнуть противника. Поэтому, как только по коммуникатору Карл сообщил, что следующие пять часов корабль будет двигаться равномерно и ускоренно с одним и одной десятой «g», Кирилл отстегнулся и, чтобы скоротать время, да и не только для этого, взялся за тщательный осмотр — предмет за предметом — багажа федерального следователя, который просто не мог не содержать чего-нибудь такого, что могло бы сгодиться в деле.

Багаж следователя был продуман до мелочей и в точности соответствовал легенде. Выпадал из общей картины только уложенный в отдельную коробку игрушечный грузовичок на примитивном радиоуправлении — вещь по-своему антикварная в век виртуалок и «электронных друзей». Того, что увлечение федерального следователя коллекционированием детских игрушек было вот уже много лет предметом для подшучивания над ним во всем секторальном филиале управления расследований; Кирилл знать не мог.

Все остальное, кроме этой мелочи, было тип-топ. Костюмы Джон Крюгер носил, сшитые на заказ. Бритва его была произведением искусства. Галстуки — каждый — тянули на целое состояние. Кирилл даже усомнился — действительно ли господин Санди работает в управлении? Но шмотки интересовали его в этот момент меньше всего. Он методично продолжал поиски. И нашел то, что могло сгодиться, — да еще как!

Это была «полевая защита» — тонкий кольчужный костюм, с укрепленными в «волшебных точках» генераторами «двойного» поля — особым образом организованного электромагнитного поля. Один «слой» такого поля придавал любому движущемуся в нем предмету (будь этот предмет хоть немагнитной деревяшкой) «ауру» — пульсирующий

электрический заряд, пропорциональный массе и скорости этого предмета, а второй — выталкивал из себя эту ауру вместе с самим предметом. Замечательно, что на это выталкивание тратилась кинетическая энергия самих пуль или осколка, норовящих поразить носителя «защиты». Федеральный следователь неплохо подстраховался. Да и Кириллу находка была весьма кстати.

Глянув на часы, Кирилл принялся давить кнопку коммуникатора и требовать себе свободы на предмет облегчиться. Карл велел ему потерпеть с минуту, не торопясь спустился из рубки в пассажирский отсек, осторожно стоя сбоку и держа бластер наготове, сунул универсальный ключ в щель замка.

Никаких инцидентов не последовало. Кирилл с независимым, но вполне миролюбивым видом проследовал по месту назначения и через некоторое время прошествовал с тем же видом обратно к себе в каюту, по дороге кивнув Карлу в том смысле, что, мол, запирай, чудила...

Убедившись, что он заперт и Карл его тревожить не собирается, Кирилл вздохнул с облегчением, извлек из короткого голенища десантного ботинка свой универсальный нож, приклеенный загодя скотчем за одну из украшавших санблок труб — элементарная подстраховка в предвидении ареста, а значит, и обыска.

«Спасатели», видно, и впрямь плоховато знали конструкцию земного космоклипера. По крайней мере то, что прямо за стенами пассажирских кают проходят вентиляционные шахты, соединяющие все палубы корабля, они в расчет не приняли. Как и возможности осуществления такого вот примитивного трюка, который решил выкинуть он — Кирилл... Они явно не проходили школу Космодесанта.

Чтобы снять декоративную панель, отделяющую каюту от стальной переборки, потребовалось минут пять, не больше. Шахта — точнее, ее горизонтальное ответвление — располагалась отменно неудобно и была, кажется, не шире собачьего лаза, однако же предназначалась, среди всего прочего, и для «экстренной эвакуации экипажа и пассажиров»... Пришлось снимать еще две панели и затем долго мудрить, вырезая в стенке шахты-короба достаточно широкое отверстие. Хорошо, что сделана она была из хлипкого сплава — пилка универсального ножа брала его «на раз». Повезло Кириллу и с тем, что нарушение воздушных потоков в «бронхах» и «альвеолах» «Ганимеда», которое он вызвал — сначала проделав в стенке шахты основательную дыру, а затем втиснувшись в ее просвет сам, не привело к срабатыванию аварийной сигнализации. Поток воздуха был вял, и особых изменений в его еле заметном течении, видно, не произошло.

Работа, однако, заняла достаточно времени. Еще больше его заняли смахивающие на упражнения в спелеологии, отчаянные (но все же не безуспешные) попытки целенаправленного продвижения внутри короба: сначала горизонтального — к месту разветвления шахты, а затем вертикального — вниз, в грузовой отсек. Натянутая им на себя защита мало способствовала быстроте продвижения. Так что к тому моменту, когда Кирилл разделался с решеткой, отделявшей его от кольцевого коридорчика грузового отсека, минули те самые часы, в течение которых «Ганимед» двигался равномерно и ускоренно. Кирилл вывалился в это тесноватое пространство и поплыл в воздухе.

«Маневр, — уныло констатировал он про себя. — Изменение ориентации. Переходим на торможение. Все-таки они идут к планете — если судить по временной раскладке...»

В пройденном им туннеле с дьявольским грохотом зашевелились обломки вскрытых решеток и перегородок. Стены, пол и потолок стали поворачиваться, наехав на него.

Неожиданностью это не было. Кирилл сгруппировался и, словно кошка, приземлился на четыре конечности на снова ставший полом пол. Тормозил корабль с явно большим ускорением, чем разгонялся. Финал приближался, кажется, более стремительно, чем предполагалось. Кирилл вставил в пазы выломанную изнутри решетку вентиляции, замаскировал как мог произведенные разрушения и, стараясь не шуметь, двинулся к трапу, уходящему к люку, соединяющему палубы «Ганимеда». Буквально в последний момент ему пришлось стремительно податься назад: под тихое гудение сервомоторов крышка другого люка — ведущего в стыковочный отсек — стала отползать в сторону.

Кирилл бесшумно отступил за поворот коридорчика. Снизу, грохоча подошвами ботинок и перебрасываясь короткими репликами, поднимались люди. Трое, по крайней мере. Четверо...

Вошедшие затопали по коридору в сторону, противоположную той, где укрылся Кирилл. Ему пришлось осторожно двинуться им вслед — чтобы, сделав круг, они не зашли ему в спину. Остановились вошедшие так неожиданно, что Кирилл чуть было не наскочил на них.

— А это что за чертовщина?

Кирилл узнал голос Раковски.

— Это тот самый «троянский конь», о котором я вам уже говорил, — невозмутимо ответил ему голос федерального следователя.

Кирилл понял, что речь идет о том хитром контейнере, в котором ему пришлось провести немало часов. Тот так и торчал раскрытым с момента великого побоища. «Однако кэп успел неплохо просветить господина Санди, — подумал он. — Интересно, какую игру ведет теперь следователь. Верно, ужом под вилами крутиться приходится...»

* * *

Каю действительно приходилось крутиться. Но крутиться приходилось и противнику. Маски были сброшены: Раковски и не думал изображать из себя простого командира отряда Службы спасения. Н-но... Но из-под масок вылезли не лица, а всего лишь — новые маски...

— Вы дьявольски смелый малый, — пробормотал Раковски, приседая перед полуоткрытым фальш-контейнером. — Вы хоть примерно соображаете, против кого пошли?

— У меня как-то не складывается впечатления, что вы себе представляете, во что влипли, — сухо парировал этот всплеск эмоций Кай. — Или вы всерьез думаете, что те, кто сумел собрать под это дело полтонны «пепла», так легко с ним расстанутся, спишут потери на злую судьбу и не станут разбираться во всем, что здесь произошло?

Он энергичным движением закрыл «троянского коня». Честно говоря, федеральному следователю лишь второй раз в жизни приходилось видеть такую штуку, и ему ужасно хотелось ознакомиться с ней повнимательнее. Но обстоятельства к тому не располагали.

— Показывайте-ка лучше товар, — судя по примирительному тону, Раковски не готов был еще решать вопросы, поставленные ребром.

— Сюда, пожалуйста.

Голос господина Крюгера оставался сух. Он давал понять, что был и остается хозяином «груза». А то и положения вообще.

Снова несколько шагов по кольцу коридора — и для Кая с компанией, и для прижавшегося к стенке Кирилла.

— Вот. Позвольте...

Кай достал давешний миниатюрный переносной пульт и набрал на нем код замка контейнера. Так же, как и там, в заброшенном складе, на такой далекой теперь Фронде, тихо взвыл сервопривод, и одна из титановых стенок мягко съехала в сторону, открывая пространство, заполненное плотно уложенными прозрачными пластиковыми пакетами, содержимое которых можно было принять за «пепел».

И снова — точно так же, как там, на Фронде, — появились на свет божий короб и щуп анализатора: началась возня с протыканием и заклеиванием пакетов. Только занимался этим делом уже не приземистый японец, а довольно рослый тип, которого пассажирам «Ганимеда» первоначально представили как врача. Впрочем, он врачом, наверное, и был. Только это не было основным источником его дохода...

И точно так же, как его коллега с Фронды, проверяющий произнес, повернувшись к своему шефу:

— Все чисто. Это хороший товар...

Раковски некоторое время массировал свою физиономию, сжав ее в тяжелой, грубовато сделанной ладони.

— Ну что же, — он повернулся к Каю. — Это очко — в вашу пользу. Заприте вашу коробочку. И пойдете — продолжим разговор у нас на борту...

— Мы уже обо всем поговорили, — все так же сухо ответил Кай, нажимая кнопки пульта. — Я достаточно ясно объяснил, что с нашей стороны все чисто. Это ваш партнер с Фронды захотел просто перехватить «груз». Хапнуть. Комиссионных ему показалось мало. Вы можете принять его сторону или мою. Если его, то...

— Не надо пугать меня! — резко оборвал его Раковски. — И вообще, вы не даете мне как следует обмозговать ситуацию... Пойдете. Ахмед, Боб — не стойте как истуканы! На бот, живо!

Шаги «комиссии» удалились, прогрохотали по трапу. Заныл моторчик, задвигающий люк. Кирилл смахнул со лба капельки пота и двинулся к трапу. Люк, ведущий на вышележащие палубы, был заблокирован.

Кирилл чертыхнулся.

Конечно, с помощью «ножа десантника» можно было управиться не только с таким замком. Но сделать это, не переполошив сигнализацию, было невозможно. Кирилл плюнул с досады.

* * *

Собственно, план Кирилла был прост, как колумбово яйцо. Выбраться на волю и забрать из незапертого коридорного шкафа какое-нибудь подходящее оружие — благо, обыск на «Ганимеде» еще не успели учинить. Затем взять в заложники рыжего Карла, оставленного присматривать за кораблем, потребовать возвращения на корабль федерального следователя. Угрожать всем, чем угодно, — вызовом кораблей охраны, включением — на всю катушку! — маршевого двигателя, взрывом — к чертовой матери — всего корабля со спасательным ботом в придачу... Даже уходом в подпространство — наугад! Хотя последнее было полнейшим блефом: в практике осуществления бросков Кирилл был не более сведущ, чем в теории, то есть не имел ни малейшего представления ни

о том, ни о другом. Элементы пилотирования, входившие в программу десантуры, на высшую навигацию все-таки не тянули... Тем не менее много можно учинить такого, что мало не покажется, имея под рукой такой кораблик, как «Ганимед». А уж заполучив всех «своих» на борт, наплевав на все договоренности, разораться на весь Космос, так, чтобы к «Ганимеду», теряя галоши, слетелись все корабли пограничной охраны ранарари. После чего сдать «пепел» и — по возможности — бандитов местным властям. За содеянный подвиг наградой просить вид на жительство.

Сочинить все это было легко. Но на пути к воплощению задуманного в жизнь стояло немало преград. В том числе и непредвиденных. Вроде заблокированных межпалубных люков.

Путешествие вверх по порядком осточертевшей ему шахте было куда более тяжелым спелеологическим упражнением, нежели спуск по ней. Меньше всего Кирилл ожидал, что еще и потеряет ориентировку в пересечении этих, местами забранных решетками, кротовых лазов. И все же такое приключилось. Влияли, видимо, все нараставшие «g»... А потом они вовсе застрял в очередном сужении — настолько, что начал уже с тоской подумывать, какой конечностью пожертвовать, чтобы выбраться из подлого шпагата. Но, дав себе небольшой тайм-аут на размышление, справился и с этой незадачей.

В ремонтный отсек — небольшой, расположенный уже прямо под рубкой — он вывалился с таким грохотом, что был почти убежден, что сейчас вот из рубки по трапу посыплется рыжий Карл и придется иметь с ним рукопашную. Кирилл врубил свою защиту. Отсек был заполнен сумеречным светом светодиодов и шкал работающих приборов. Углы, потолок, да и вообще почти все его свободное пространство тонуло в темноте. Ускорение давило на плечи, подгибало ноги, так что двигаться приходилось наподобие то ли неандертальца, то ли гориллы, по возможности хватаясь как за опору за все к тому пригодные предметы. Но это мало беспокоило Кирилла. Хуже было другое. Кто-то, кроме него, куролесил по кораблю. Еле слышные лязг и поскрипывание доносились из соседних отсеков — то ли из медблока, то ли из камбуза. Разок ему почудился даже чей-то вскрик, еле слышный, но диковатый.

«Глюки, — сказал он себе, скрипнув зубами. — Глюки... галлюцинации...» И назло расшалившимся нервам выключил защиту. Не стоило сажать аккумуляторы. Да и не полезно нормальному человеку пребывание в двойном поле.

Шкаф со сваленными там «стволами» он нашел без особых проблем — память, слава богу, не отшибло. Выбрав себе «пушку» пострашнее на вид, он прикинул ее в руке. «Я же собираюсь пугать этого чудилу, — сказал он себе. — Только пугать. На сегодня трупов хватит...»

Судьба, однако, придерживалась совершенно противоположного мнения.

* * *

Он еще только шарил по медблоку в поисках шприц-ампул с фиксатором, когда из ремонтного блока — двери он оставил открытыми — до него донеслись шаги. Осторожные и неровные.

Кирилл торопливо, стараясь производить как можно меньше шума, рассовал свою добычу по карманам и снова включил защиту. Потом выглянул в переход — крайне

неудачно.

С рыжим Карлом они столкнулись нос к носу.

Навигатор был согнут ускорением в три погибели и бледен, как вываренная рыба. Глаза его, во всяком случае, были именно глазами вареной щуки. От Кирилла он отшатнулся, выставив вперед свой нехилый бластер, явно флотского образца.

При всей молниеносности происходящего Кирилл успел сообразить, что это не он — Кирилл — так вот напугал господина Рымника. Тот уже был напуган — и пресильно — чем-то, что заставило его покинуть рубку и задом наперед, с бластером в руках двигаться по узкому пространству, соединяющему три отсека верхней палубы. Кирилл не успел произнести ни слова — только вскинул «пушку», целясь навигатору в плечо, как Карл начал стрелять. Быстро выпущенные пять или шесть зарядов защитное поле проглотило, и неизвестно, сколько бы выдержало еще, но тут пол под ногами дернулся, и Карла отбросило к стене. По ней он сполз, пытаясь снова взять Кирилла на прицел.

— Брось оружие, придурок! — скомандовал Кирилл, выставив перед собой ствол и делая к нему шаг. — Брось «дуру». И руки!.. Руки — в гору!

— Н-не... — выдавил из себя Карл. — Н-не подходи...

— Да стой ты! — заорал Кирилл, бросаясь к нему. — Что ты делаешь, дурак!!!

Но было поздно: ствол бластера нырнул под подбородок навигатора, и на стене за его спиной мгновенно возник веер кровавых брызг и желтовато-белесой материи, которая еще долю секунды назад могла мыслить и испытывать ужас. Центр этой композиции украшало пятно раскаленного металла переборки, в которую ушел заряд. Воздух наполнился смрадом сгоревшей плоти.

И словно только того и дожидаясь, буксирующий бот сбросил ускорение в ноль. Изумительная легкость наполнила все тело Кирилла, и ему снова пришлось схватиться за косяк — на этот раз чтобы не взлететь, как воздушному шарик. А труп рыжего навигатора, словно желая поспеть за его душой, вспорхнул над залитым кровью полом, но тут же, расставшись с этим намерением, стал просто лениво поворачиваться в воздухе, словно демонстрируя всем желающим жуткий оскал сведенного последней конвульсией рта...

Кирилл на секунду закрыл глаза, стиснул зубы и сквозь них выматерился последними словами. Потом сказал самому себе: «Нет, эту посудину заколдовали... Ни дня на ней не проходит без нового покойника... Ну уж эту мокруху на себя я не дам повесить — регистрируется тут все у них или нет... Так проклятого жмурика в холодильник и засуну — к первым троим, до кучи — с его собственным шпалером в руке, чтоб и дурню ясно было, что тип порешил себя сам! Чего же он только испугался так? Ведь все равно придется идти и смотреть...»

Держа ствол наготове, он шаг за шагом — насколько это ему позволяла невесомость — стал продвигаться к трапу, ведущему в рубку управления. Ничего, способного внушить страх, он там не нашел. Никакого страха — только досада: люк рубки был так же заблокирован, как и межпалубные переходы.

Кирилл не сразу сообразил, что заблокировать его можно было только изнутри...

* * *

Времени не было — просто не было вконец! Наступившая невесомость красноречиво

говорила о том, что спарка спасательный бот — «Ганимед» вышла то ли на геостационар Инферны, то ли на какое-то еще место встречи с кораблем побольше. Надо было прорываться в рубку, кто бы в ней ни забаррикадировался. Сейчас, после новой стрельбы и нового кровопролития, Кириллу абсолютно по барабану были тонкие оценки риска различных вариантов его дальнейших действий. В дерьме он себя ощущал уже много больше, чем по уши, и бояться было просто нечего.

Но все-таки он решился на то, чтобы затолкать останки злосчастного навигатора в холодильник. Доказывай потом...

Рефрижератор был взломан. Не просто раскрыт, а именно взломан. И покойников в нем было только два. «За каким чертом они утащили отсюда Листера? — ошалело подумал Кирилл, — И что за хрень здесь происходит вообще?»

Терять время, однако, не приходилось. Поместив Карла между Рони и Риком и закрепив жутковатое содержимое холодильника, для него вовсе не предназначенное, он кое-как запер его, кажется, окончательно угробив замок.

То, как этот замок был взломан, очень не понравилось ему. Очень...

Перед тем как приступить к атаке на рубку, Кирилл впал в какое-то подобие ступора. Все происходящее вдруг потеряло реальность, словно поплыло перед глазами...

Но тут по корпусу «Ганимеда» снова прошли дрожь и скрежет: роботы снимали с корабля буксировочные крепления. Точно — приехали!

«Возьми-ка себя в руки, приятель, — приказал он себе. — Просто ситуация сложнее, чем ты думал. Что-то стряслось здесь, пока я глестой по трубам ползал... Может, этот Санди у них с крючка сорвался и сейчас снова здесь — в той же, например, рубке... А может, наоборот, его круто взяли в работу...»

* * *

Он был недалек от истины: пристегнутые ремнями к креслам, в тесной кабине спасательного бота, отделенной от кабины пилота и экипажа лишь тонкой перегородкой, Кай и Раковски разыгрывали эндшпиль их слишком затянувшейся игры.

На крошечном столике между ними с трудом умещались в зажимах две недопитые бутылочки какого-то местного напитка с сосками — дань вежливости и невесомости. Впечатление портил только массивный парабеллум, который придерживал на коленях комотряда спасателей.

А еще Кая сильно отвлекал антураж — в конце концов не каждому выпадает в жизни случай оказаться внутри корабля иной цивилизации. Пусть даже видел их снимки и читал о них. Ни снимки, ни фильмы, ни сухие тексты технических описаний не оставляли такого впечатления чуждости этого порождения нечеловеческого ума, неземных технологий всему, к чему приучен человеческий глаз. Несмотря на то, что корабль этот был переоборудован «под человека» (скорее всего самими людьми, на нем летающими): в стенки и пол были вмонтированы на земной манер оформленные консоли управления, почти по-земному сделанные противоперегрузочные кресла, псевдоиероглифические надписи на стенах были продублированы наклейками с текстами на галактическом пиджине — все равно ощущение немислимой странности окружающего сохранялось.

Он был почти прозрачен — этот кораблик, словно изготовлен в мастерской стеклодува-

гиганта. Только вокруг двигательной установки стекловидная масса становилась темной, непрозрачной, скрадывала детали устройства диковинного агрегата, утопленного в ней.

Кай не привык к такому изобилию открытого пространства вокруг: словно его без скафандра выставили прямо в Открытый Космос. Люди закрывались от этой колющей глаза беспощадными иглами звезд бездны плитами металлокерамики и подглядывали за ней объективами телекамер, изучали бездну уже препарированной и обезвреженной на экранах дисплеев, а ранарари открывались ей, подставляли себя под ее пресс, оградившись только прозрачными стенками отсеков-пузырей своих кораблей и корабликов.

Впрочем, не так просто было это «стекло». По крайней мере свойством очков-«хамелеонов» оно обладало. В этом Кай убедился, когда понял, что может, не шурясь, смотреть на не уступающее по яркости Солнцу злое светило Инферны. Однако не время было заглядываться на декорации — громада планеты уже перестала быть исполинским шаром, ворочающимся где-то в бездне. Поверхность ее, слегка изогнутая у горизонта, уже скользила там, внизу, еле прикрытая фиолетовым маревом атмосферы и бесконечными грядами облаков. Спарка бот — «Ганимед», соединенная теперь только стыковочным узлом, шла над ними по низкой орбите. По чудовищно низкой.

Эндшипиль...

— Ничего личного, — судя по голосу, Раковски пришел наконец к какому-то решению. — Согласитесь, что после всего того, что у вас произошло с людьми Кублы, вам уже не с руки иметь с ним дело... Да и просто встречаться. Так что вы предлагаете мне выбирать между старым партнером и...

— Борт «Ганимеда» не отвечает, — доложили из кабины экипажа.

Уголки губ Раковски опустились. Он зло вдавил в панель кнопку коммуникатора.

— Нашел время... Ахмед, Боб! Быстро на корабль! Если Рыжий болтается где-то без дела, я сверну ему шею!..

— Короче, — он повернулся к Каю. — Я умываю руки. Сдаю вас большому шефу. Захочет он ссориться с Кублой ради громадной, но единичной поставки — флаг ему в руки...

— Кто вам сказал, что поставка будет единичной? — Кай отбил по поверхности стола короткую дробь. — И не лучше бы было, если бы мы немедленно связались по подпространственной связи с...

— Из-под носа у хозяев? — иронически заломил бровь Раковски. — Вы не в Федерации, мистер. Вы в пределах владений Инферны. Еще как в пределах. Если вы думаете, что здесь для того чтобы поболтать с Федерацией или с Фрондой, достаточно записаться на очередь в салоне связи и заплатить бабки, то вы крупно ошибаетесь. И вам и вашим людям — хотите или не хотите — придется изрядно подождать, пока мы не...

Каю так и не пришлось узнать, чего именно и где надлежит ему и его друзьям дожидаться: его бросило лицом об стол и сразу вслед за этим он чуть не вылетел из кресла — вверх, в прозрачный купол кабины. Помешали ремни.

Следующим номером корабль закрутило.

Чудовищный скрежет пронзил весь его корпус, заглушая дикие крики и чертыханья. Пол под ногами начал вибрировать. Все сильнее и сильнее.

— Всем закрыть шлемы! — страшным голосом заорал Раковски. — Всем по местам!!! Срочная расстыковка! Повторяю! Срочная расстыковка!!!

«Движок... — остолбенело констатировал про себя Кай. — Кто-то врубил двигатели „Ганимеда“ и хочет сбросить бот с корпуса...» Он не успел заметить, когда захлопнул

забрало своего вакуумного спецкостюма. Раковски судорожно напяливал шлем, продолжая выкрикивать команды.

— Я сказал РАССТЫКОВКА! Какого же черта?! У вас там руки на хрен отвалились, что ли?! Срочная расстыковка и отчаливание! Отгоните бот от корабля! Немедленно!!

— Клинит! — орал в коммуникатор Ахмед. — Не удается расстыковать суда! Нам перекутило узел!! Скорость! Орбитальная скорость падает!!! Мы можем нырнуть!!!

«Кирилл... — прикинул в уме федеральный следователь. — Но зачем?! Больше ведь некому: Смольский не справился бы с запуском двигателя, Палладини — вообще не в счет. Разве что вдруг свихнулся напрочь их рыжий навигатор...»

Тут его размышления прервал дикий удар, чуть не разорвавший страховочные ремни и выбивший из рук Раковски некий тяжелый предмет, который со звоном и дребезгом врезался во что-то за спиной Кая. Пистолет...

Теперь металл — там, в стыковочном узле — даже не заскрежетал — ЗАКРИЧАЛ. Несколько секунд Кай ощущал себя лягушкой в футбольном мяче во время острого момента матча, а потом все сразу кончилось.

Наступила полная тишина. Полная, по крайней мере в сравнении с этим криком рвущейся стали и грохотом обломков вдрызг разносимой вибрацией аппаратуры. Сейчас бот беспорядочно и быстро кувыркался в пространстве. Перед Каем то всплывала и загоразивала все видимое пространство, то уходила куда-то вбок, открывая черную бездну Космоса, облачная громада Инферны. Пара лун-колобков мельтешила в этом аттракционе, словно стараясь сбить его с толку, заморочить голову, и тем не менее ему пару раз удалось увидеть быстро гаснущую, уходящую вдаль звездочку — пламя планетарных двигателей «Ганимеда».

Все кончилось? Черта с два!

Звон в ушах и черные фейерверки перед глазами стали сходить на нет, и стало слышно предательское, нарастающее шипение, и стал заметен быстро наполняющий кабину белесый туман. Разгерметизация...

— Какого черта ты хлопаешь ушами, Ахмед?! — рявкнул Раковски.

На его счастье, он успел закрепить шлем скафандра и орал теперь во встроенный микрофон.

— Немедленно стабилизируй корабль! Доложи параметры орбиты!

— Шеф! — голос Ахмеда срывался. — Управление повреждено. Движки не врубаются. Потеряли первую космическую. Идем вниз. Круто. Тут... Том — без сознания. Башку разбил. Док — тоже не в порядке... По радио диспетчерская орет что-то, а я ни разобрать не могу, ни ответить — антенны снесло...

Теперь заполнивший было кабину туман сгинул. Давление в кабине уходило в нуль.

— К черту все!!! — гаркнул на пилота Раковски. — Если не врубишь ускорители — пиши пропало!

Потом уставился на Кая.

— Ты понимаешь, что устроили твои люди?!

— «Мои люди» заперты в каютах, — парировал федеральный следователь. — Кажется, это ваш навигатор вздумал разыграть свою карту...

Раковски смотрел на него как на сумасшедшего. Причем, сумасшедшего опасного.

— У меня еще есть время прикончить тебя своими руками, сволочь, — выдавил он, начиная отстегивать ремни. — А твой «Ганимед» теперь перехватят — в Космосе или на

поверхности... Все пошло псу под хвост!

— Затевать драку — не самое умное сейчас... — Кай на всякий случай тоже расстегнул свою страховочную сбрую. — Тем более неизвестно, чем она закончится. А что касается того, перехватят или не перехватят корабль, — так это еще бабушка надвое сказала.

— Ты, дурак, не знаешь Инферны! — оборвал его Раковски.

— А вы не знаете моих людей, — федеральный следователь отчаянно блефовал, но делать было нечего.

— Пожалуй, да, — зло выговорил Раковски. — Таких идиотов я встречаю впервые...

— Скорость падает, — доложил Ахмед. — Нас начинает греть. Скоро пойдет аэродинамика...

— На аэродинамике справишься с посадкой? — хрипло спросил Раковски.

— Очень неудачная траектория, шеф, — голос Ахмеда продолжал срываться. — И нас крутит. Дохлый номер!

— Тогда врубай S0S, и всем — в индивидуальные капсулы!

Голос командира стал железным.

— Помоги доку с Томом. Покидаем судно.

Он повернулся к Каю.

— Мне следует, пожалуй, попрощаться с...

Он осекся.

Прямо в лоб ему смотрел его собственный парабеллум.

— Ничего личного, — кривовато улыбнулся Кай. — Достаточно сообразить, что вам же будет проще, если я вывернусь из этого дела живым. Потому что только я смогу заставить своих людей давать показания в вашу пользу. Без меня они вас утопят — вы у всех на глазах «засветились», когда спросили у меня пароль. И вообще — игра еще не окончена.

Лысый Лешек лихорадочно просчитывал варианты. Краем глаза Кай заметил, что там, снаружи, струйки призрачного, пока что нестойкого пламени начинают ползти по колпаку кабины и срываются с нее, не успев набрать силы.

— Хорошо, — Раковски махнул рукой. — Отдавайте пистолет и полезайте в капсулу...

— Пистолет — при следующей встрече, — сухо определил федеральный следователь. — Кстати, где она состоится? Как мне выйти на вас?

— Я сам выйду на тебя, — скривился Лешек. — Если сразу не встретимся в каталажке. Давай, торопись. Капсулы прямо тут — под перекрытием пола.

* * *

«Что происходит? Что, черт возьми, происходит?!» — вновь и вновь повторял про себя Кирилл, с третьего захода пытаясь добраться до аварийного люка осевой шахты. Когда совершенно неожиданно врубился двигатель, его основательно приложило о переборку и потом еще несколько раз о разные предметы. Ему никак не удавалось надежно заклинить, и почти каждый новый толчок оказывался неожиданным и норовил вышибить из него душу. Грохот и скрежет, пронизывающие всю громаду корабля, бешеная вибрация корпуса ясно говорили о том, что ни о каком орбитальном или посадочном маневре и речи идти не может. Происходило нечто непонятное.

Он вцепился в скобу у самого аварийного люка, каждую секунду ожидая, что пол снова

Сбив в кровь руки и стесав о шершавую керамику внутреннего покрытия осевого туннеля плечо, Кирилл резко сдвинул в сторону — почти сорвал крышку аварийного люка. Вытащил пистолет из-за пояса и стремительно перебросил себя через край открывшегося прохода.

Спружинив, опустился на полусогнутые и, вскинув пистолет, уставился на того, кто занимал кресло пилота.

Он уже знал, кого увидит в нем. Но все равно ледяная волна первобытного ужаса хлынула ему в душу: в кресле пилота, мертвой хваткой держась за рычаги управления, сидел капитан Джордж Листер.

* * *

При всем желании Кай не смог бы сказать, как долго длилось это потемнение и как долго потом — мучительно неспешно — плыла над грядями далеких, теряющихся в дымке бездонной пропасти, там, внизу, облаков, подвешенная под ярким, необычной формы куполом парашюта крохотная капсула. Прозрачная, как и другие творения космической техники ранарари, она елочной игрушкой скользила над Миром, казалось, чуждым всему человеческому.

Некоторое время он пытался высмотреть в окружающей бездне парашюты других спасательных капсул, но вскоре понял, что это — дело безнадежное. Только на востоке, где-то на пределе видимости, померещилась ему яркая точка. Она могла быть капсулой, а могла и не быть. Вскоре и она исчезла.

Звезды начали меркнуть в высоте. Температура в капсуле перестала расти, и федеральный следователь вздохнул с облегчением — возможность превратиться в жаркое ему уже не угрожала. Зато со временем серьезно дала себя знать противоположная возможность — насмерть замерзнуть, так и не долетев до поверхности, которая, кстати, сама могла оказаться громадой полярных льдов или ледяными волнами океана.

Индикатор работы радиомаяка капсулы исправно мигал перед самым носом федерального следователя. «Будем надеяться, что наземная служба поиска и спасения у ранарари работает хотя бы на уровне Миров Периферии», — подумал Кай. Еле заметный туманный локон верхнего слоя облаков проплыл мимо него. Еще один... Капсула нырнула в серебристую мглу и через маленькую вечность вынырнула над мрачной громадой второго — грозового слоя облачности. То там, то тут призрачные антрацитовые каньоны далеко внизу под ним высвечивались изнутри вспышками грозových разрядов. Замигал еще один индикатор — луч радионаведения откуда-то с поверхности нащупал его. Затем голос в наушниках — снова живой, человеческий голос — попросил аварийную капсулу «Москит-4, четвертую» отозваться и сообщить о самочувствии.

«Это — меня, — сообразил он. — Капсула действительно четвертая. А „Москит-4“ — это, видно, наш бот... Как тут включается передатчик? Да никак. Он постоянно включен. С момента катапультирования...»

Пока Кай переключался с диспетчером наземной Службы спасения, капсула канула в тучи и ее начало изрядно мотать. Треск разрядов порядком мешал понять, чего от него хочет «поверхность». Невидимые в сырой мгле, стропы парашюта, кажется, норовили скрутиться самым невероятным образом. Но и это обошлось. Капсула вынырнула из туч, и тишина

Космоса кончилась: крупные капли дождя забарабанили по «стеклу» покрытия, по полотнищу парашюта — там, наверху. Натянутые струны строп доносили до слуха Кая этот, таким домашним показавшийся ему, звук. Потом к ливню добавился град. Высоту на глаз определить не удавалось — не видно было ни зги.

Впрочем, нет. Уже нет. Золотистыми пунктирами, далеко внизу, обозначилась паутина каких-то причудливых линий — дорог, наверное. Затеплились тут и там тлеющие костры каких-то освещенных скопищ странных сооружений. Города? Заводы? Кай внимательно присматривался к приближающимся огням.

Капсулу несло над местами обитаемыми.

Часть вторая
ПРОДАВЦЫ КАМНЕЙ

Глава 6

ЧУЖОЕ НЕБО

— Кто ты?! — спросил Кирилл. — Кто ты?

Он развернул свое кресло так, чтобы можно было смотреть в упор на того, кто сидел в другом кресле — перед капитанским пультом. На того, кто называл себя Джорджем Листером. Или на то, что так себя называло. Потому что — теперь Кирилл был в этом уверен — в капитанском кресле напротив него сидел не человек. Нечто, умеющее прикинуться человеком, разговаривать, как человек, пить водку и даже мастерски управлять космическим кораблем в условиях атмосферного полета, но неуничтожимое пулей.

Что до мастерства пилотажа, то оно впечатляло: перед глазами Кирилла все еще стремительно пролетали кадры того сумасшедшего кино, которое ему пришлось смотреть, болтаясь в ремнях противоперегрузочного кресла. Теперь он крепко пожалел о том, что рубка «Ганимеда» была оборудована широкоформатным голографическим монитором внешнего обзора — слишком жутким было это стремительное пике из черной бездны Космоса, сквозь струящееся по обшивке пламя, сквозь молнии электрических разрядов, ползущие по корпусу, — вниз, вниз, вниз — на острые зубья лабиринта горных хребтов, вырастающих, тянущихся навстречу стальной скорлупке космоклипера.

А потом — переход в горизонтальный бреющий полет над этими зубьями, между ними, вдоль прихотливых извивов бездонных ущелий... Переход настолько крутой, что в глазах потемнело и напрочь исчезло ощущение хода времени. Поэтому Кирилл и не мог сообразить, сколько времени продолжался этот безумный — на сверхзвуке — аттракцион. Следом за молнией пронесшимся меж каменных стен «Ганимедом» лавины рушились со склонов, гром гулял по урочищам и глухим распадкам, тонул в провалах пропастей, отдавался от уходящих в поднебесье стен каменных коридоров... Пройти такой маршрут было бы нелегко и маневренному геликоптеру, а уж как это удалось лишь относительно приспособленному к полетам в атмосфере клиперу срочной доставки — Кирилл решительно не мог понять.

Да и некогда было понимать: совершенно неожиданно его бросило вперед — на пульт. Какое-то — невероятно долгое — мгновение ему казалось, что вот-вот он всей своей ставшей вдруг невероятно тяжелой тушей порвет ремни и грянется в колодец, которым стало окно голографического экрана. Потом был удар. И гулкий гром — словно он находился в пустой цистерне, в которую на полном ходу врезался локомотив. Дикий скрежет разорвал уши, затем сменился скачущим, неровным грохотом. Корабль волокно по негостеприимной тверди Инферны. Еще пару раз Кирилла мотнуло из стороны в сторону, и наступила ТИШИНА.

И в этой тишине, все еще распятый в штурманском кресле, он пялился на кэпа Листера, точно так же распятого напротив, спрашивал его «кто ты?» и не слышал собственного голоса...

А вот голос капитана он слышал хорошо и отчетливо. Кэп говорил горько и отрешенно. Теперь, когда у Кирилла была возможность внимательно разглядеть его, кэп уже вовсе не напоминал ему выходца с того света. Это был все тот же сухощавый и подтянутый, полный внутренней энергии Джордж Листер, с которым Кирилл свел знакомство на поребрике тротуара в двухстах метрах от посольства Инферны. И не было никакой страшной, запекшейся дыры в его виске — только странный, непривычно правильный шрам — словно

от какой-то хирургической операции.

«Регенерация, — сказал себе Кирилл. — Кэп отрастил себе новые мозги взамен вышибленных, как ящерка — хвост... Только ни у одной твари во Вселенной мозги не регенерируются... И то, что в мозгах...»

Но и мозг Джорджа Листера, и его содержимое, видно, вполне благополучно восстановились после прохождения через его череп пули парабеллума основательного калибра. По крайней мере — до такой степени, которая позволяла мастерски править «Ганимедом» и вполне членораздельно ответить на вопрос Кирилла.

— Кто я? — кэп то ли поморщился, то ли улыбнулся. — Я сам хотел бы знать ответ на этот вопрос... Мы об этом поговорим чуть позже, Кирилл... А сейчас надо замаскировать корабль и уходить. Уходить очень быстро.

Кэп отстегнул ремни и легко, как ни в чем не бывало поднялся с кресла.

— Забери из грузового отсека пару рюкзаков — там, у самого входа, и выкинь их наружу — через аварийный люк. Возьми в ремонтном блоке резак — плазменный резак — и помоги мне выпустить из кают всех, кто есть на корабле. Действуй быстрее. Так быстро, как только возможно!

Кирилл брякнул замками ремней, вскочил с кресла и, едва не наворачнувшись о стальную окантовку пульта управления: пол рубки был наклонен градусов под пятнадцать. Ругаясь на чем свет стоит, он достиг главного люка рубки и ошалело нырнул в залитый большим светом аварийных ламп переходный туннель. Ему показалось, что он вырвался из затхлой могилы, куда его закопали по ошибке на пару с очень энергичным и немногословным — но, однако, вполне настоящим — мертвецом.

«Регенерировался!.. — еще раз сказал он себе. — И мозги и черепушка у него починились сами собой! А пуля — самоудалилась!! А крыша у меня по таким делам напрочь съехала — только и всего!!!»

Аварийная посадка не прошла для «Ганимеда» даром — почти все двери между отсеками перекосило, и сервомоторы, натужно гудя и щелкая, открывали их от силы на четверть. Моля, чтобы дурной автомат не перерубил его пополам, не вовремя возвратив щит двери в исходное положение, Кирилл разыскал и рюкзаки, и плазменный резак. Справился он и с аварийными люками — вышвырнул на открывшийся его взору каменистый склон, круто уходящий куда-то вниз, оба заплечных мешка. После чего снова, извиваясь червяком, пролез в переходной туннель, а оттуда — в пассажирский блок, где уже колдовал с замками пассажирских каюток экс-покойный капитан Джордж Листер.

В первом же взломанном ими боксе обнаружился литератор Смольский — ошалелый, со стесанной о стальную переборку скулой, но вполне живой и полный сил. Два других бокса были пусты. В четвертом — бледный как смерть, вцепившийся в рукояти противоперегрузочного ложа, обливался холодным потом двойной агент и протезе изменчивого бога удачи Микис Палладины, он же — Алоиз Бибер, предприниматель. И нигде не было ни федерального следователя пятой категории Кая Санди, ни следов его пребывания. Приходилось принимать это как факт.

Ни Бобер, ни Смольский и не подумали орать дурными голосами и прятаться под койки при виде живого и здорового кэпа Листера. Смольский никогда в жизни кэпа не видел, а потому просто не понимал, кто находится перед ним. Микис капитана знал хорошо и видел несчетное число раз — только вот без дыры в башке, и теперь, видимо, воспринял его воскресение из мертвых как какую-то досадную накладку, результат глупейшей путаницы —

не более. Он и вопроса-то по этому поводу не считал нужным задавать, ограничившись только весьма эмоциональной констатацией факта: «Так вы живы, капитан! Я даже не могу выразить, как приятно вы мне сделали, что остались живым, вместо того чтобы умереть в этом дурацком Космосе!» — после чего безропотно и торопливо последовал за своими освободителями.

— Так вы, что ли, и будете капитан этой посудыны? — недоуменно окликнул Листера запыхавшийся Смольский. — Зачем же тогда этот ветеринар-полицейский нам наврал, что вы убиты? Вы уже вызвали спасателей?

Кэп в это время уверенно карабкался по скобам осевого туннеля вниз — к аварийному люку. Вскинув лицо к свесившемуся в просвет туннеля литератору, он каркнул:

— Поберегите ваши вопросы на потом, господин как вас там! Я же не спрашиваю, откуда вы взяли на борту, хотя мне и очень хочется это знать! Нам надо как можно скорее уносить ноги подальше от корабля. Эй! — он окликнул Кирилла и Микиса, сгрудившихся за спиной неуклюже втискивающегося в туннель Смольского. — Возьмите из медблока походные аптечки! И одеяла! И комплекты с подогревом! И аккумуляторы, не забудьте про аккумуляторы! И еще — любые теплые вещи! Раскурочьте аварийные комплекты и забирайте консервы — столько, сколько сможете унести! И — все, что стреляет! Нам придется идти по плато. И потом — через перевалы... И быстрее! Ради бога — быстрее!

Они сбросили на склон, простиравшийся за люком, еще пару наспех упакованных тюков и прыгнули на шершавую поверхность скалы сами. Странное это было чувство — оказаться под чужими небесами. Вот так — сразу, безо всякого предупреждения. Может быть, дело было и не в них — небесах этих, а в самом воздухе этого мира, в котором четверо беглецов с Фронды были непрошеными гостями. И кислорода в этом чужом воздухе было процентов на пять больше, и насыщен он был непривычными запахами и ароматами — чужого камня, остывающего после дневной жары, чужих деревьев и кустарников, покрывающих далекие склоны, чужого мха и чужих ручьев. Какие-то глубинные, миллионнолетней древности контуры замыкались и приходили в действие в сознании людей, вдохнувших эти запахи и ароматы, и приводили в действие врожденные, но давно позабытые чувства и алгоритмы поведения...

Впрочем, долго заниматься анализом своих чувств им не пришлось.

— Отбегайте! Отбегайте подальше — туда, метров на двести! — продолжал командовать капитан.

Все трое уцелевших пассажиров «Ганимеда» не понимали в происходящем ровным счетом ничего. Но беспрекословно подчинялись командам капитана, который явно что-то в нем — этом происходящем — понимал. Уподобившись муравьям, спасающим драгоценное барахлишко разоренного муравейника, они потащили неподъемные тюки и рюкзаки в указанную кэпом сторону — вдоль по склону. Влево и вверх.

Сам капитан не слишком спешил отбежать от корабля. Он подхватил с грунта свой багаж — четыре защитного цвета цилиндра, каждый с полметра длиной. Они были довольно тяжелы. Вторую часть багажа — плотно набитый рюкзак — он пристроил за спиной и только тогда тронулся вслед за остальными беглецами. На полпути он бросил наземь цилиндры и уже гораздо более легким шагом приблизился к стоявшим между огромными — в три человеческих роста — скальными обломками спутникам.

«А шрам-то у кэпа сходит на глазах, — успел с удивлением заметить Кирилл. — Уже почти и нет его...»

Здесь, в этом мире, царил поздний вечер. Здешнее солнышко уже закатилось за горизонт, но вершины далеких хребтов все еще сияли холодным пламенем вечных снегов. Тишина царила в хрустальном, уже ночном воздухе высокогорного плато, раскинувшегося в паре сотен метров внизу — там, где кончался склон. В этой тишине способность рассуждать начала понемногу возвращаться к пассажирам «Ганимеда». Первым заговорил — точнее, затараторил — владелец безумно сейчас от него далекого бюро по операциям с недвижимостью «Риалти». И сразу же обнаружил всю меру своей неосведомленности о сложившейся ситуации.

— Где это мы?! — ошалело вертел головой Микис. — Это что — была натуральная вынужденная посадка? Это куда мы опустились? Вы из меня чуть было не сделали самую настоящую котлету! Ведь это вы делали посадку, господин Листер?

— Мы — на Инферне, господин Бибер! — информировал его Листер. — В районе системы хребтов Ларданар. По крайней мере, так это звучит в официальной транслитерации — Ларданар. Это очень пустынный и ненаселенный район. На Инферне не всюду города и сады. Большая часть планеты необитаема. И чтобы выбраться отсюда к людям — не к ранарари, а именно к людям, — нам придется пересечь все плато Аш-Ларданар! К тем людям, которые не прикончат нас и не потащат нас в каталажку, а... найдут с нами общий язык. Скажем так — найдут общий язык...

— Послушайте, капитан, — прервал его окончательно пришедший в себя Смольский. — Что вообще произошло? Где федеральный следователь? Сами вы — кто такой? Где эти... спасатели? Где их корабль? Зачем... Почему мы совершили эту идиотскую вынужденную посадку? И с какими такими особенными людьми вы хотите связаться? Вы включили вызов Службы спасения?

— Никакого сигнала никто не включал, — хладнокровно уведомил его Листер. — Мало того, сейчас я замаскирую корабль, и мы уйдем от него. Уйдем, путая следы... И будем молиться Богу, чтобы никакие спасатели, никто вообще ничего не нашел. Ни нас, ни корабль.

— Так какого же черта? — всплеснул руками создатель «Хромого». — Немедленно врубите SOS и радиомаяк наведения. Через несколько часов спасатели будут здесь! Мне нечего скрывать от них! Я чист перед законом! Если у вас есть причины скрывать от здешних властей, то можете уходить в горы, на плато или куда там еще... Скатертью дорога. А нам-то всем зачем скитаться по проклятым горам?

— Да вы просто наивный младенец, господин... как вас там! — резко оборвал его капитан. — Своей чистотой перед законом вы можете подавиться! Если до вас не дошло, что Служба спасения здесь работает на наркомафию, то — примите мои соболезнования! Хотите, чтобы я вышел в эфир? Да ради бога! Но через пару часов здесь будут не спасатели, а штурмовые вертолеты. И первое, что они сделают, это с воздуха расстреляют нас с вами. А затем — заберут «груз» и убудут восвояси.

«А ведь кэп был мертв... — подумал Кирилл. — Кэп был мертв, когда эти парни из Службы показали нам свои зубки... А впрочем... Тот тип из экипажа еще до того, как кэп поймал свою пулю, успел сболтнуть, что курьеры от местной мафии сами найдут нас... Да, впрочем, что я чушь порю! Кэп просто-напросто уже побывал здесь — в системе Инферны. И не раз, должно быть. И знает все наперед. Как он провел корабль по ущельям! И место посадки подобрал! Да был, был он здесь! Только и всего».

— Запомните, — кэп повернулся теперь к Палладини. — Я не собираюсь подставлять

вас и себя самого под пули здешней мафии. Поэтому вам меня придется слушаться как родных папу и маму вместе взятых. Ровно до тех пор, пока мы с вами отсюда — из этих благословенных мест — не выберемся и пока я вас не сдам с рук на руки надежным людям из Диаспоры! А сейчас отойдите вон за те камни и ждите, пока мы с Кириллом замаскируем корабль.

Он кивнул Кириллу:

— Пошли!

Кириллу было довольно интересно посмотреть, как кэпу удастся замаскировать «Ганимед» — кроху, конечно, в сравнении с галактическим лайнером, но как-никак по простым человеческим меркам достаточно громоздкое сооружение сорока метров в поперечнике. Правда, без малого на треть корабль зарылся в щебенку, образующую крутую осыпь у подножия нависшей над ним каменной стены, но какой камуфляж мог бы скрыть оставшиеся две трети, придумать было трудно. Впрочем, Кирилл уже начал догадываться, каким он будет — этот камуфляж. И если его догадка была верна, то кэп прекрасно знал эту местность и выбрал ее далеко не случайно.

Он попал в точку: Листер остановился около тяжелых цилиндров, оставленных им в сотне метров от того места, где они только что стояли. Кирилл узнал их — одноразовые реактивные минометы РДГ-1100. Видно, у кэпа был на борту «Ганимеда» свой тайничок — и неслабый.

Кэп неторопливыми движениями привел минометы в боевую готовность. Кивнул Кириллу, чтобы он взял один. Он даже не стал спрашивать, умеет ли Кирилл обращаться с таким оружием. Да и смешно бы было спрашивать об этом ветерана Космодесанта.

Кэп подхватил другой миномет, врубил лазерный прицел и вскинул оружие на плечо. Кирилл повторил его движения. Прильнул к прицелу. Теперь фотопреобразователь позволял ему видеть точки, «написанные» ультрафиолетовыми лучами прицелов — своего и кэпа Листера.

— Смотри, — не отрываясь от окуляра, приказал капитан. — Сорок, пятьдесят метров вверх... Там — козырек. Скальный навес... Там... Мою метку видишь?

Злой огонек двинулся по неровной поверхности скалы. Заполз в тень под далеко вперед выдававшийся слоистый пласт камня. Остановился.

— Здесь! — определил капитан. — Я бью сюда. Ты — метров на пятнадцать левее. По счету «три». Раз...

«Козырек снесет без проблем, — прикинул Кирилл, аккуратно помещая слепящую точку в указанное место. — И вся эта чертовщина, что на нем держится, ухнет на корабль. Как бы и нас тут не похоронило к едрене фене...»

— Два...

Кирилл положил палец на спусковую скобу. Помолился богу солдат.

— Три!

Обезумевшее пламя залило мир, сделало его плоским и трепетным. И все исчезло, стало тьмой, в которой плавали отпечатавшиеся на сетчатке огненные призраки. Бахнуло по ушам. Дьявольский грохот каменной лавины словно утонул в заполнившей череп вате акустического шока.

Не дожидаясь команды, Кирилл круто повернулся и вслепую, спотыкаясь и матеря себя последними словами, кинулся прочь от содрогающегося под ударами камнепада огневого рубежа.

Сделал он это вовремя. Когда, обернувшись, он смог хоть что-то рассмотреть сквозь все еще не погасшие в глазах огненные узоры, то этим «что-то» были увесистые — с бочонок — камни, лихо катящиеся и скачущие по тому месту, где только что стояли он и Листер.

«Совсем плохой я стал, — еще раз обругал себя Кирилл. — Даже глаза закрыть забыл... И кэп — тоже! Сука последняя — еще чуть, и в размазню нас всех уделало бы! Впрочем, ему что. Мертвым смерть нипочем...»

А кэп был рядом — вот он. Страхивал пыль с ветровки и искоса поглядывал на Кирилла. За плечо у него был закинут так и не израсходованный, про запас, видно, взятый, миномет. А другой Кирилл сжимал в своей руке. Он даже не заметил, когда успел подхватить его, — такое было для него привычным. Рефлекс боя.

— Готово, — определил кэп.

Он ничуть не запыхался и был академически спокоен.

— Эти вещи, — он подкинул миномет на руке, — надо прикопать поблизости. В дороге будут мешать, но могут и пригодиться. Когда вернемся. Когда вернетесь, точнее.

Кирилл оценил взглядом проделанную работу. Как и не было здесь никакого «Ганимеда». Дикий камень громоздился на диком камне. В гениальности кэпу Листеру не откажешь.

— Кэп, — спросил он. — Так все-таки кто ты?

* * *

— Если вы находите ситуацию «щекотливой», то мы, — генерал постучал пальцем по своей груди, украшенной поверх мундира планками высших орденов Федерации и множеством регалий калибром поменьше, — мы считаем, что операция вами просто-напросто провалена!

Подполковник Дель Рей напряженно замер в кресле напротив массивного, мореного дуба стола, по ту сторону которого возвышался напоминающий разъяренного скорпиона генерал Ковальски. Гнев второго заместителя шефа контрразведки Федерации был вполне обоснован: потеря огромного количества «пепла» и, как минимум, двух участников операции «Тропа» и ни бита полезной информации взамен — это было гораздо хуже провала. Это было признанием несостоятельности всей разведсети «Фронда — Инферна», признанием прямой необходимости ее ликвидации или полной замены. И то обстоятельство, что тяжелый дубовый стол и сам генерал, вместе с его гневом, находились весьма далеко отсюда, мало утешало Гвидо. Голографический образ генерала и его кабинета был настолько выразителен, что подавлял в душе подполковника всякое желание хитрить и отпираться по мелочам.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

«Боже мой, — подумал он. — И почему это так устроено все в душе, что ты, Гвидо, который не побоялся бы с голыми руками пойти на вооруженного психа, не можешь и слова вякнуть, когда этакий надутый индюк вычитывает тебе, словно мальчишке, свои нотации...»

Он осторожно провел языком по пересохшим губам:

— Я не стал бы судить так категорически, генерал. До того момента, пока мы точно не узнаем, что именно произошло с «Ганимедом» и следователем Санди, я бы предпочел воздержаться от поспешных м-м... выводов и действий.

Генерал болезненно — словно от зубной боли — поморщился и забарабанил пальцами по столу. Гвидо молча и виновато рассматривал этот генеральский стол. Два терминала украшали его: один, исполненный под слоновую кость, и второй — черный, как телефонный аппарат из кино про двадцатый век. Генерал закончил обдумывать его слова и поднял глаза на Дель Рея.

— И сколько же времени вы просите, подполковник, на то, чтобы, как вы говорите, «точно узнать» это? И чтобы узнать также, куда канул ваш резидент, с которым должен был работать Санди? Учтите, что речь идет о скандале поистине галактического масштаба!

— Я прошу сорок восемь часов, господин генерал, на то, чтобы получить убедительные данные по этим вопросам, — отчеканил Гвидо.

— Больше двадцати четырех часов я вам дать не могу, — отрезал генерал — И то — под мою личную ответственность.

Наступила пауза. Время текло между пальцами — безумно дорогое время по расценкам системы подпространственной связи.

— В таком случае... — Гвидо снова, уже не стесняясь собеседника, облизал пересохшие губы. — В таком случае я прошу у вас санкции на использование агентуры, не подключенной непосредственно к операции...

Лицо генерала окаменело.

— Итак, подполковник, вы расписываетесь в своей полной беспомощности... Заварили кашу в одиночку, а уж расхлебывать ее приглашаете гостей...

В боксе подпространственной связи снова повисла тишина. На Дель Рея она навалилась тяжелой тушей хищного, дьявольски уставшего зверя. Что до его собеседника, то он явно получал удовольствие от вида теряющегося в догадках о своей предстоящей судьбе подчиненного. Генерал даже позволил себе выйти из-за стола и пройтись туда-сюда вдоль задней стены своего кабинета, украшенной громадным гербом Федерации. Каменная мозаика. Ручная работа... Роскошь даже в масштабах Федерации.

— Ладно, — генерал остановился и решительно повернулся к Гвидо. — На эти двадцать четыре часа в ваше распоряжение поступает группа Рейнольдса. Шесть человек. Все они прошли натурализацию на Фронде, были, так сказать, вживлены там. Потом — прошли все необходимые тесты и получили работу на Инферне. Попав туда — «легли на дно». С самого начала возникли большие проблемы со связью с ними. Поэтому было принято решение о консервации этой группы. Теперь вы понимаете, какую услугу я вам оказываю?

— Я хорошо это понимаю, генерал, — все тем же чеканным голосом ответил Гвидо.

Услуга представлялась ему довольно подозрительной, похожей на попытку сбыть под шумок залежалый товарец, но дареному коню в зубы смотреть не принято... Подполковник изобразил на лице живейшую благодарность.

Там — в далекой Метрополии, в своем кабинете — заместитель шефа контрразведки, грузно ступая, подошел к своему столу и принялся цокать клавишами терминала. Черного терминала.

— Коды расконсервирования, явки и адреса... Словом, все необходимое пойдет к вам аттачем. Но все это — только на двадцать четыре часа.

Генерал сверился с часами.

— С этой полуночи до следующей. Надеюсь, вы не будете э-э... злоупотреблять оказанным вам доверием... У вас есть что еще сказать мне?

— Мне нечего больше сказать вам, генерал, — вежливо ответил Гвидо, подавив

рванувшееся было на волю армейское: «Никак нет!»

— В таком случае сеанс закончен, — генерал снова потянулся к терминалу. — Желаю вам удачи, подполковник...

Пышные декорации начальственного кабинета истаяли ночным туманом, и Гвидо остался один на один с самим собой в залитом светом флюоресцентных ламп стальном стакане бокса подпространственной связи. Он неловко слез с креслица и подошел к небольшому пульта у стены. В его приемную щель была загодя вставлена мнемокарта — редко когда подпространственные переговоры обходились без передачи гигабайтных аттачей. Индикатор указывал, что аттач от генерала благополучно принят. Гвидо сунул карту во внутренний карман, отпер дверь бокса и, рассеянно кивнув паре техников, обслуживающих канал связи, торопливо направился к своему кабинету.

«Щедр господин первый заместитель! — ругался он про себя. — Прямо-таки — расточителен! Милостиво разрешил расконсервировать шестерку ни на что, видно, не пригодных агентов. Скорее всего, просто пронырливых субъектов, которые охотно пошли на вербовку, лишь бы им помогли с выездом — сначала на Фронду, потом — на Инферну. Ну да ладно! Придется — как говаривал один мой знакомый с Гринзеи — за неимением гербовой писать на обыкновенной... Тем более что все это удовольствие продлится всего двадцать четыре часа. А потом — как только часы начнут бить полночь, золотая карета станет обыкновенной тыквой, упряжные кони в яблоках — серыми мышами, красавец форейтор — длиннохвостой крысой. А сам он — подполковник Гвидо Дель Рей — подследственным номером... Номер-то найдется — был бы человек подходящий... Таковой есть».

Гвидо со злобой выплюнул неведомо откуда взявшуюся в его зубах зубочистку. Привычка жевать эти стерильные, ароматизированные щепочки появилась у него после того, как он в очередной раз попытался бросить курить. Попытка, само собой, провалилась, но с этих пор сослуживцы оценивали степень загруженности Гвидо умственной работой уже не по количеству окурков в пепельнице, а по числу скопившихся в ней измочаленных зубочисток — подполковник сам порой удивлялся их количеству.

Вибрация блока внутренней связи отвлекла его от мрачных размышлений. Он поднес черную коробочку к уху.

— Господин подполковник! — торопливо затараторил на том конце линии голос капитана Козельского — директора узла связи. — Будьте добры вернуться в камеру подпространственной связи. Вас вызывает Инферна. По кодированному каналу...

«Нет, — подумал Гвидо. — Воистину Святая Дева Мария не оставляет своим вниманием грешника Гвидо, даже тогда, когда он забывает ей помолиться...»

Он резко повернулся на каблуках — прямо перед дверьми лифта, уже готового вознести его на административный ярус «Эмбасси-2», и зашагал назад к пандусам, ведущим к блокам космической связи.

«Святая Мария, — взмолился он про себя. — Если это весточка от Кая, то я поставлю тебе самую дорогую свечку из тех, что найдутся у бортового капеллана. То-то удивится старик!»

* * *

Если это и можно было назвать заключением, то лишь условно: небольшая спальня-

кабинет, в которую был помещен федеральный следователь, запиралась на замок, открывавшийся элементарным нажатием на дверную ручку. Эти апартаменты находились в трехэтажном здании довольно своеобразной архитектуры, расположенном то ли посреди заброшенного парка, то ли вообще в лесу. Здание, в том числе находящегося в нем федерального следователя, охраняли бойцы внутренней милиции Диаспоры. Охрана к разговорам была не склонна, но и свободу передвижения своего подопечного никак не ограничивала. В том, правда, была своя логика: Каю просто некуда было бежать. Так что незачем было искушать судьбу и пытаться покинуть сей странноприимный дом.

Внутри дом состоял из причудливо — на разных уровнях — размещенных комнат, соединенных тамбурами, лесенками и короткими коридорчиками. Ничего похожего на земную тюрьму или гостиницу здесь не было. Заблудиться в этом лабиринте было проще простого. Если кто-то, кроме Кая и полудюжины охранников, и обитал здесь, то этот кто-то ничем не проявлял себя. Была ли в доме кухня, Кай установить пока не успел. Кормили его, впрочем, регулярно. И, слава богу, наличествовали «удобства» (отменно странной конструкции) и душ. Чему служат торчащие из стен тут и там под небольшим углом вверх стержни, оправленные упругим рифленным пластиком, федеральный следователь понял не сразу.

Комната, отведенная ему, была обставлена по-спартански и явно с учетом вкусов и потребностей Homo sapiens. Скорее всего сами Ното смастерили и узкий диван, долженствующий служить ложем для сна, и письменный стол — некое подобие бюро, долженствующее служить также и обеденным столом, и рамки картин — по всей видимости, пейзажей Инферны, — украшавших светлого камня, без намека на какие-либо обои стены. Лишь своеобразный каменный столик — взамен журнального — и легкий переносной универсальный терминал были, скорее всего, изготовлены ранарари и для ранарари, так как и тот и другой были отменно неудобны в пользовании для человекообразного существа.

В первые же часы после водворения в «лесной домик», Кай — обысканный, допрошенный и переодетый в пижаму не по размеру — приступил к реализации «аварийного» варианта операции «Тропа». Преодолевая наваливающийся на него огромной и мягкой грудой сон и справившись с непривычным терминалом (слава богу, в нем была предусмотрена возможность использовать латиницу), он написал документ, который, не мудрствуя лукаво, озаглавил «докладной запиской». В нем он, насколько мог доходчиво, изложил обстоятельства дела и план возможного продолжения операции. Привел коды каналов связи, по которым органы следствия Инферны могли связаться с руководством операции. Перечитав получившийся текст, федеральный следователь устало пожал плечами и отправил его по заботливо указанному в «меню» его терминала адресу следователя-ранарари.

Он не питал иллюзий относительно того, что документ этот произведет на хозяев планеты какое-то впечатление, но следовал букве выработанного им с подполковником Дель Реем плана. Ничего другого предпринять он просто не мог и с чистой совестью провалился в сон. Разбудил его охранник — пора было снова идти на допрос. Собственно, кроме периодически повторявшихся допросов, в «лесном домике» не происходило решительно ничего.

Оставалось только одно: использовать бездну свалившегося на него после посадки и ареста свободного времени для наведения справок по здешней информационной сети, совершенствования в изучении языка ранарари да для привыкания к здешним еде и питью.

Последнее давалось федеральному следователю с трудом. Предпоследнее же, судя по всему, было бессмысленно — за все время пребывания на Инферне Каю довелось повидать четверых или пятерых ранарари. Зато людей — не менее двух десятков. И все они прекрасно говорили на галактическом пиджине. Ранарари общались с ним через переводчика. За последние тридцать часов — немногим более здешних суток — с федеральным следователем провели четыре собеседования. Допросами эти действия назвать было трудно: во всяком случае, никто и ни разу не предложил ему поставить подпись под протоколом или выполнить какое-либо подобное бюрократическое упражнение. Впрочем, сходство с земными судейскими их здешние коллеги все-таки имели: задаваемые с унылой монотонностью вопросы повторялись, их последовательность была выстроена так, чтобы поймать отвечающего хотя бы на малейшем противоречии, а завершалась каждая встреча с парой ранарари-следователь — человек-переводчик неизменным вопросом, не имеет ли подследственный претензий к режиму своего содержания или каких-либо просьб. Кай всякий раз отвечал, что претензий не имеет, а что касается просьб, то их у него две: во-первых, он просит поставить его в известность о судьбе своих спутников, а во-вторых, он хочет связаться с Консулом Федерации Аугусто Райном для конфиденциальной беседы.

И первое и второе ему обещали всенепременнейшим образом, но пока — без малейших тому последствий.

После четвертого допроса Кай почувствовал, что кора головных полушарий у него заметно пробковеет, и, поглядев на часы, понял, что давно пора ложиться спать — за время после посадки ему не перепало и пяти часов нормального сна. Допив отвратительный настой, заменявший жителям Диаспоры чай, и постояв минут пять под вполне по-земному устроенным душем, он замертво свалился на оснащенный спальным мешком диван и мгновенно провалился в сон. Во сне этом не замедлил появиться его старый приятель — прокурор-инспектор внутренней Службы дисциплинарных расследований полиции Ванников. Сидя на специально для того приспособленной жердочке (такие были предусмотрены в любом помещении, выстроенном на Инферне), Пьер Ванников, поправляя очки в тонкой золотой оправе, всерьез доказывал ему, что он теперь наведет у этих кожистокрылых порядок в делопроизводстве — вот только выправит патент на занятие места следователя здешней прокуратуры.

Кай начал с жаром объяснять почтенному прокурору, что, будучи Homo sapiens и гражданином Федерации, он никак не может претендовать на занятия какого-либо — хоть мальчиком на посылках — места в учреждениях на планете «чертей», даже если все три года, оставшиеся ему до пенсии, просидит на чертовой жердочке и высидит на ней яйца.

— Вот как?! — возмущенным и гортанным, вовсе ему не свойственным голосом вскричал следователь. — На посылках? Не устраивают их «хомо»?! Это р-р-расиз-м!! Дис-к-р-р-р-р-иминация!!! Яйца высиджу?! Я тебе покажу «яйца», мальчишка! Дис-к-р-р-р-р-иминация!!! Карррр!!!

С этими словами старый дурень неожиданно взмахнул неведь откуда взявшимися, смахивающими на крылья гигантского нетопыря крыльями и вспорхнул с насеста прямо к потолку с явным намерением долбануть федерального следователя своим носом — костистым и хищно изогнутым — прямехонько в маковку. Каю не оставалось ничего другого, как проснуться в холодном поту.

— Извините нас за вторжение, — произнес тот самый гортанный голос, что так удивил его во сне. — Но мы с вами весьма ограничены во времени...

Исходил голос не из уст господина Ванникова, а из небольшой коробочки, висевшей на груди у довольно крупной особи ранарари, занявшей наяву тот самый насест напротив дивана, на который во сне Кая претендовал прокурор-инспектор. «Вот он — этикет поранарари, — подумал он. — Тебя не запирают — иди куда хочешь. Но и к тебе в спальню вламываются все кому не лень — и это когда ты спишь! Свинство, если вдуматься...»

— Видите ли, — в картонном голосе преобразователя появились извиняющиеся интонации, — я по роду своей деятельности нахожусь в курсе основных особенностей поведения землян... И готов еще раз принести свои извинения... Под землянами я подразумеваю...

— Представителей рода людского вообще. Я понял, — вздохнул Кай и начал одеваться. — Принимаю ваши извинения. Раз уж время нас так торопит... Вы хорошо говорите на пиджине. Кстати, с кем я имею дело на этот раз?

Он уже успел понять, что имеет дело с фигурой покрупнее тех чиновников в кожаных униформах с малопонятными знаками различия, с которыми имел дело до этого. Этот «черт» был одет, по всей видимости, партикулярно и, по местным понятиям, не без роскоши. Во всяком случае, он по сравнению со своими коллегами больше напоминал летучую мышь, норовящую превратиться в расшитую золотом и камнями бабочку, чем помесь черта с комиссаром. К тому же он говорил на языке землян, и простого частотного преобразователя было достаточно для того, чтобы сделать его речь понятной.

— Можете называть меня Лирига, — представился гость. — Я отвечаю за работу одного из секторов нашей контрразведки. Назовем это так. Я не самый лучший знаток ваших языков, но два года стажировался у вас, в Метрополии... Я наделен примерно теми же полномочиями, что и господин Дель Рей, с которым я имел удовольствие общаться менее чем час назад по подпространственной связи.

На секунду-другую он смолк, затрудняясь сделать какой-то речевой пассаж, но наконец справился с этой задачей.

— Должен немного остановиться на смысле этого нашего разговора. Руководство антикриминальных служб Федерации подтвердило ваши показания и ваши полномочия, господин следователь. Я не буду сейчас затрагивать спорных... весьма спорных вопросов, которые возникли при обсуждении сложившейся ситуации. Важно лишь то, что касается конкретной работы меня и вас... Или, как это сказать лучше...

— Нашей с вами работы, — подсказал Кай. — Вы это хотели сказать?

— Мы с ним пришли к единому мнению. Ваши предложения о совместной работе в основном приняты. С вас лично снимаются уголовные обвинения. Я должен признать, что, поскольку дело придется вести преимущественно с людьми — гражданами Федерации и людьми Диаспоры, — ваше участие в расследовании дел о траффике наркотиков, и в особенности «пепла», просто необходимо. Нам предстоит достаточно быстро обсудить план действий и принять необходимые меры. Впрочем, вам не придется много общаться со мною лично...

Лирига извлек откуда-то из недр своего довольно сложного одеяния отлитый из стекла колокольчик не совсем обычной формы и произвел с его помощью довольно мелодичный звук, который словно поплыл по комнате, наполнил ее и полился за ее пределы. Дверь номера-камеры приоткрылась, и, откашлявшись, в нее вошел человек — молодой, скуластый, чуть выше среднего роста. Кай отметил про себя, что, в отличие от всех людей, которых ему довелось увидеть на Инферне, этот тип одет не в униформу на манер земного спецназа, а в

обычный костюм спортивного покроя, какие носят в этом сезоне и в Метрополии. В правой руке тип держал пластиковый пакет.

— Познакомьтесь. Это — господин Ким Яснов, — сказал Лирига. — Он лучше, чем я смогу объяснить вам суть дела. Я позволю себе всего лишь присутствовать при вашем разговоре.

— Я думаю, что вам уже представили меня, — более утвердительно нежели вопросительно произнес Кай, поднимаясь навстречу вошедшему и протягивая ему руку. — Рад познакомиться с вашим сотрудником, э-э... господин Лирига...

Лирига вяло трепыхнулся на своей жердочке.

— К сожалению, вы не правы... Господин Яснов — вовсе не мой сотрудник. Он представляет здесь интересы Службы внутренней безопасности человеческой Диаспоры системы Инферна.

— Извините меня... — Кай озадаченно потер лоб. — Я не слишком сведущ в структуре здешних э-э... компетентных служб. Присаживайтесь. Возьмите тот стул — от письменного стола...

— Тут — ваша одежда, — Яснов водрузил на стол свой пакет. — Она вполне подходит для того, чтобы не слишком выделяться среди здешних.

Кай вытащил из пакета и с некоторым смущением стал вертеть в руках различные детали своего туалета.

— Переодевайтесь, следовательно, — улыбнулся Ким. — Если хотите, я отвернусь. А хозяевам наш земной этикет, как говорится, «по барабану»... Так что не смущайтесь. Вещи — те, что были у вас в карманах, сейчас — на экспертизе. Их вам вернут вскорости...

Работники следственных органов — люди, чуждые лишним условностей, поэтому федеральный следователь, неопределенно хмыкнув, принялся натягивать на себя камуфляж богатенького гражданина Федерации. Это нисколько не мешало ему прислушиваться к тому, что говорит его предстоящий партнер.

— Давайте определимся сразу. — Яснов придвинул стул и легко опустился на него. — Я не являюсь сотрудником ни одной из специальных служб Инферны. Я не являюсь гражданином Диаспоры. Я — гражданин Федерации. Место жительства — Земля, Дальний Восток. Место рождения там же, рядом — Уссурийск. Правда, с детства не был там... В настоящее время — агент на контракте

— Контракте с кем? — поинтересовался Кай.

Его начала разбирать досада: четыре основные спецслужбы Федерации силятся внедриться в Диаспору Инферны, еще несколько разведок рангом поменьше готовы заплатить любые деньги даже за косвенную информацию о том, что творится на этой идиотской планете, Гвидо разыгрывает сложнейшую комбинацию и ставит на кон полтонны «пепла» плюс свои погоны. И все практически идет прахом! А какой-то никому не известный Ким Яснов запросто внедряется в самое сплетение здешних контрразведок, не скрывая даже того, что сам он — коренной землянин... Типичная злая ирония судьбы. Хотя... Хотя, может быть, все не так просто...

— Контракт подписан мною восемь месяцев назад с дирекцией Службы безопасности Диаспоры. Вот его текст. Я не делаю из него секрета.

— А ваши м-м... наниматели? — Кай покосился на протянутую ему распечатку. — Обычно такие вещи не афишируют...

— О, не беспокойтесь, господин следователь! — вошел в разговор замолкший было на

своей жердочке Лирига. — Господин Яснов действует с согласия своих нанимателей. Они понимают, что это необходимо для полного доверия между участниками предстоящей операции...

Несколько минут в комнате царила тишина — Кай вникал в смысл немногочисленных пунктов контракта, обязывавшего директора агентства частных расследований «Кима», далее по тексту именуемого «Агент», за оговоренное в приложении к контракту вознаграждение «предпринять розыскную, а также оперативно-розыскную работу, направленную на установление источников и путей поступления препаратов серии Cender-2200 (далее по тексту именуемого „пепел“) к лицам, имеющим временную или постоянную визу системы Инферна, и характер использования „пепла“ этими лицами...» и т. д., и т. п. Особое внимание федерального следователя привлек предпоследний пункт этого непростого документа, оговаривающий, что «агент не обязан выполнять те действия, предусмотренные условиями настоящего контракта, которые, по его суждению, могут нанести вред государственным интересам Федерации Тридцати Трех Миров и связаны с разглашением государственной тайны Федерации».

— Я хотел бы уточнить пару моментов, — Кай поднял глаза на агента на контракте. — Причем именно в вашем присутствии, господин Лирига. Это касается трактовки вот этого пункта... Скажите, господин Яснов, если вдруг — это чисто теоретическое предположение, — так вот, если вдруг выяснится, что «пепел» злонамеренно ввозит на Инферну какая-то из разведслужб Федерации, то... то вы предоставили бы эту информацию своим м-м... нанимателям?

— Вы ставите своего партнера в достаточно тяжелое положение, — вмешался Лирига. — Позвольте мне уточнить отношение властей системы и Диаспоры к этому пункту контракта. Он, кстати, стандартный и включается во все контракты, заключаемые Диаспорой с гражданами Федерации...

— Не стоит так уж жалеть мои нервы, — оборвал его Ким. — Я сам отвечу на заданный вопрос. Все очень просто. Что бы ни затеяли мои братья-земляне — ведь все мы остаемся землянами, даже если обитаем где-нибудь на Кассиопее, — так вот, что бы они там ни затеяли, я на этот счет буду нем как рыба. До тех пор, пока буду знать, что они — не сволочи.

* * *

«Боже! — думал Кирилл. — Ну и компания у нас подобралась: шут гороховый в виде господина предпринимателя, с луны свалившийся писака, который все никак не въедет в ситуацию и, похоже, так и не въедет в нее никогда, десантник, залетевший в уголовники, а для полноты комплекта ведет нас в светлое будущее выходец с того света... Удивительно, если из нашего похода выйдет что-то путное...» Мрачные мысли не мешали ему, однако, ежась от пронизывающего ночного ветра, шагать рядом с Листером и ловить каждое из редко бросаемых тем в пространство, словно никому и не адресованных слов.

Надо было признать, что кэп довольно хорошо подготовился к этому — резервному — варианту высадки на Инферне. Предусмотрел пару комплектов согревающей — на плазменных аккумуляторах — одежды. А пара запасных — на случай неисправности электрообогрева — теплонепроницаемых комбинезонов сгодились для Палладии и

Смольского. Со Смольским кэп почти смирился. Тот сильно вырос в его глазах, когда Микис представил их друг другу. Повлияло тут, видимо, не литературное мастерство автора бестселлеров, а перечисленные на обложках его книжек, читанных-таки кэпом, спортивные увлечения Смольского. Обладатель нескольких альпинистских призов мог быть полезен в предстоящем переходе

Кэп Листер сразу и четко определил и сам маршрут перехода через плато — к одному ему известной точке, и порядок продвижения по этому маршруту. Движение группа начинала только после захода местного светила — точнее, с наступлением темноты — и с короткими привалами продолжала его до рассвета. Днем отсиживались в пещерах или расселинах, которые почти безошибочно находил кэп. Кирилл это уже не удивляло.

И точно так же, как самый медленный из ее кораблей определяет скорость движения эскадры, скорость движения беглецов определяла прихрамывающая, неровная поступь Микиса Палладины. За первый же переход предприниматель сбил себе ноги, и походка его теперь напоминала способ передвижения пожилого какаду, сшибленного бульжником с родной пальмовой ветви на землю. Кирилл прикинул, что еще немного — и придется сооружать из подручных материалов некое подобие паланкина для злосчастного владельца «Риалти». Носилки, во всяком случае.

А чтобы жизнь товарищей по несчастью не казалась им медом, Бобер с предельным многословием озвучивал для немногочисленной аудитории все свои претензии к климату Инферны, к затее кэпа Листера, к каждому из спутников и к злой судьбе вообще. Спешил он поделиться и своими страхами, а также дурными предчувствиями, которые овладевали им непрерывно по мере продвижения отряда вперед.

Это повлияло на порядок движения группы. Почти рефлекторно Кирилл и Листер начали отрываться от столь словоохотливого спутника и форсировали очередной этап пути. Когда Смольский и Палладины начинали теряться в прекрасном далеке — среди каменных осыпей и валунов, кэп приостанавливал движение и поджидал, пока они приблизятся на то расстояние, с которого становились отчетливо слышны стенания Бобра.

Получалось, что основным его слушателем выпало быть Смольскому. Сердобольный писатель не только терпеливо сносил кудахтанье своего несчастного спутника, но и всячески старался облегчить его страдания — то подставляя плечо на крутом подъеме, то страхуя на спуске, а то и просто подволакивая его на спине через непролазные завалы. Подсознательно он понимал, что, притягивая на себя все постепенно накапливающееся в их микроотряде раздражение, Микис выполняет роль своеобразного громоотвода, не давая разразиться более серьезным конфликтам. А поводов для этого хватало — начиная с подозрений самого Анатолия в отношении планов Листера, связанных с судьбой груза «Ганимеда», и кончая каким-то странным, явно подавленным молчанием, которое висело в воздухе между Листером и Кириллом. Так что ради поддержания хрупкого равновесия в отряде Смольский решил терпеть брюзжание владельца «Риалти».

С ним Палладины и поделился очередной одолевшей его тревогой.

— Послушайте, Смольский... — переходя на драматический шепот, начал он, когда в очередной раз между ними и мерно шагающими впереди Кириллом и Листером образовался достаточный разрыв. — Послушайте... Вы ничего такого не замечаете? Таки ничего не замечаете вокруг нас?

— Вокруг нас, — тоскливо вздохнул Смольский, — я замечаю только паскудный серый камень и — последнее время — какой-то черный мох. И кустарник типа колючей

проволаки. И еще — один раз я видел скелет. Судя по всему — человеческий. Да, еще — птички эти дурацкие. Местные стервятники, наверное... Но их только днем и заметно. А вот теперь еще и дымка какая-то по горизонту. Мгла.

— Я — не про то! — мучительно поморщился Палладини. — Я говорю совершенно не про то, господин писатель! Это просто поразительно, как такой невнимательный человек, как вы, может писать книги! Разве вы не видите?! — Тут глаза владельца «Риалти» картинно округлились: — Разве вы не видите, что мы тут не одни?! Разве вы не видите, что за нами следят?!

— Следят? — озадачился Смольский. — Честно говоря, не замечаю ничего подобного. Голая пустыня вокруг. Похоже, что здесь просто некому за нами следить...

— Еще раз говорю: вы на редкость ненаблюдательны, господин писатель! — горестно констатировал странствующий предприниматель. — Вы думаете, что Микис Палладини случайно говорит вам все это именно сейчас?

Он снова перешел на горячечный шепот, глотая от волнения слова:

— Нет, не случайно! Послушайте меня, вовсе не случайно! Только не крутите сейчас головой! Не оборачивайтесь! Обернитесь только тогда, когда я скажу вам! Я... Я давно заметил это! Еще прошлой ночью... То есть — прошлым днем... На привале. Вы все спали, но Микис Палладини — не спал!

Анатолий, который честно отдежурил свою смену на дневном привале, мог бы кое-что возразить на этот счет — например, то, что для бодрствующей особи Микис издавал слишком уж мощный храп, но не стал этого делать. В конце концов, спал Палладини довольно чутко и беспокойно, то и дело вскрикивая и просыпаясь. Так что он и впрямь мог заметить что-то необычное из того, что происходило вокруг. Или — в его кошмарах.

— Вы посадите себе нервную систему, — упрекнул он Микиса. — На привале надо спать.

— Только не под этим небом, господин писатель! — вскинулся Микис. — Только не под этим небом! Микис Палладини не сможет сомкнуть глаз до тех пор, пока... Вот! Вот оно!! — прервал он сам себя, умудрившись заорать шепотом. — Обернитесь!!! Там — в камнях!

Анатолий быстро обернулся. Достаточно быстро, чтобы понять, что там, за валунами — темно-красными днем и угольно-черными ночью, — действительно что-то движется. Или двигалось только что. Но недостаточно быстро для того, чтобы понять, что именно совершило это призрачное движение. Только тень — вытянутая и изящная — рывком ушла из поля зрения, оставив человеческому взору обычное и банальное — камни и их тени...

«Черт возьми! Проклятый трус заговорил меня до глюков! — с досадой подумал Анатолий. — И как он угадал, что там что-то происходит — в камнях этих? Глаза у него на затылке, что ли?»

Смольский скептически посмотрел на скукожившуюся физиономию Микиса. Но почему-то скепсиса у него поубавилось. В самом деле — неужели ему лишь померещилось? Привиделось...

— Разве вы не слышали, как оно шуршит? — зашептал Бобер. — Такой звук характерный... Будто... Будто там бумагу по земле волочат... Или... Ну, или приемник настраивают... А тогда днем они за столбами стояли... Ну, помните — каменные такие столбы... Их Листер еще «пальцами» называет. Прямо перед той норой, в которой мы залегли... Там — за столбами этими — там были тени... Понимаете, сами они от нас

прятались, но тени... Тени от них ложились на землю...

— Знаете, Микис, тени от диких камней могут порой принимать, м-м... весьма причудливые формы... — возразил Анатолий, ощущая внутренне неприятный холодок.

— Они... Они двигались, эти тени! — зашипел Палладини.

— Боже мой! — вздохнул Смольский. — Ну и что, что двигались? Ну ящерицы какие-то... Неразумные твари... Я сам видел пару каких-то, гм, попрыгунчиков... И опять же — птички...

Бобер энергично замахал на него руками.

— Неразумные твари никогда не делают таких вещей, господин писатель! Неразумные твари не прячутся за скалами, чтобы подсматривать! И они не могут нас окликать!

— Но нас никто и не окликает... — недоуменно возразил Анатолий.

— Вас, может быть, никто и не окликает, — с ядом в голосе сообщил ему Микис. — А я... Мы несколько раз проходили мимо... мимо таких мест, когда кто-то — не знаю кто — окликал нас. Даже не окликал — молил остановиться и... И что-то такое для него сделать... Помочь, быть может... Взять с собой...

Анатолию стало совсем не по себе. Если господину предпринимателю «сорвало крышу», то из простой обузы для отряда он превращался в обузу в квадрате.

— Так вы слышите голоса, Микис? — осторожно спросил он. — Голоса, которых не слышу ни я, ни...

— Да не голоса, господин писатель, не голоса! — взвился Палладини. — Чувство! Понимаете, чувство! Ощущение... А у Микиса Палладини не бывает таких ощущений которые подводят, обманывают! Я, видите ли, с Террамото. Родился там. И там, если ты как-нибудь решишь не поверить своим ощущениям, то уже через три секунды можешь оказаться под четырьмя метрами завалов, и спасатели только через неделю доберутся до твоих костей!

Он ошалело покрутил головой, словно ему тесен стал воротник комбинезона, и вперился выпученными глазами в переносицу Смольского.

— Вы можете считать меня умалишенным, но я хочу, чтобы этот тип, который нас втравил во все эти похождения, чтобы капитан Джордж Листер знал, что я думаю обо всем этом!

Тем временем что-то — какая-то неясная тревога тронула и шагавших далеко впереди кэпа и Кирилла. Они остановились и повернулись к приотставшим спутникам. Кэп был хмур и явно недоволен темпами продвижения своего отряда. Кирилл был замкнут — он переваривал то, что довелось ему узнать в последние дни и часы.

* * *

— Вас волновала судьба ваших попутчиков, следовательно...

Агент на контракте принялся разворачивать на каменном столике, придвинутом к дивану, распечатку спутниковой съемки участка какой-то непривлекательной местности.

— Что бы там ни произошло на борту «Ганимеда», — Ким бросил короткий взгляд на собеседника, — сам корабль уцелел. Был поврежден и сгорел спасательный бот. Из пятерки экипажа спасавшихся в индивидуальных капсулах, кроме вас, найдены двое. Один из них живым до поверхности не долетел — бортовой врач. Второй — бортпилот — никаких показаний не дает. Но — рано или поздно — даст.

Кай косо глянул на собеседника. Агент успокаивающе улыбнулся:

— Я понимаю, какая сторона вопроса беспокоит вас... Здесь — в Службе безопасности Диаспоры — приняты те же стандарты методов расследования, что и в Федерации. А наказывать виновных они вообще не имеют права. У Службы нет ни своих тюрем, ни вообще исправительных заведений. Только следственные изоляторы. По доказании вины виновные и материалы на них передаются «хозяевам». Или — реже — с согласия самих виновных и ранарари их направляют на общественные работы — для нужд Диаспоры, конечно. Но в случае с «пеплом» такого мягкого решения не будет. Если не удастся договориться с задержанным по-хорошему. Думаю, что удастся: наркодельцы боятся попасть в лапы... м-м... — Ким оглянулся на Лиригу, — в руки ранарари... Этого они боятся хуже, чем огня...

— Как я понимаю, с типом работаете не вы? — уточнил Кай.

— Не я. Но мы можем запросить все материалы расследования и присутствовать на допросах. В конце концов, можем и сами допросить его. У нас с вами довольно широкие полномочия.

Яснов потер лоб, явно пытаясь сосредоточиться на чем-то важном.

— Теперь посмотрите сюда. Это — противоположное полушарие Инферны. Система горных хребтов Ларданар... Отснято с высоты трехсот километров.

Кай отметил, что агенту удалось почти точно воспроизвести это трепещущее «эр», свойственное языку ранарари. «Впрочем, — подумал он с сожалением, — все равно мы не способны слышать треть звуков, которые издают „черти“, а „черти“ не воспринимают около четверти того, что говорим мы. Несовпадение диапазонов...»

— «Ганимед» спускался по довольно необычной траектории, — продолжал Ким. — Специалисты утверждают, что пилотирование при этом осуществлялось прямо-таки виртуозно... Служба спутникового наблюдения сумела отследить его путь до высоты шесть километров. Ниже отслеживание вели наземные радары, но у них вышли какие-то накладки. Возможно, корабль стал маневрировать на очень небольшой высоте — маскируясь рельефом. Этого никто не ожидал. Кроме того — у него огромный ионный выхлоп. Это спутало все карты. Но кое-что потом удалось восстановить — по инфракрасной съемке. Тепловой след... Вот смотрите...

— Подождите... — попридержал агента Кай. — Я, как говорится, еще «не въехал» в масштаб снимков. Здесь он какой-то нестандартный...

— Это примерно наш километр, — показал Ким деление на непривычно расположенной на снимке шкале. — След идет вот так. До вот этого квадрата. Это — на плато Аш-Ларданар. Здесь след теряется. И вот что примечательно: примерно через тридцать — сорок минут после предположительной посадки или катастрофы «Ганимеда», ориентировочно в этом районе, — вспышки, характерные для срабатывания плазменных зарядов или тактических ядерных боеприпасов. К сожалению, точных координат они не успели определить. Их не успели перепрограммировать на отслеживание таких вещей...

— Но... — Кай забарабанил пальцами по разложенным перед ним снимкам. — Для аварийной посадки это не характерно. При ней либо не взрывается ничего, либо — если не срабатывает ни одна из блокировок, — наступает ад крошечный... Но таких случаев — единицы. Случись такое, уровень радиации уже подскочил бы на всей планете... Этого же нет? Да и по времени не совпадает...

— У меня есть пара предположений, — агент покрутил в пальцах электрокарандаш и нервно щелкнул его кнопкой. — Во-первых, корабль — кто бы ни управлял им — совершил

посадку не наобум, а шел в какое-то заданное место встречи, где его ждали. Но потом — произошла стычка с применением плазменных гранат. Разборка. В этом случае, боюсь, что судьба ваших друзей — плачевна.

— К сожалению, — вздохнул Кай, — это слишком похоже на правду. Это первое, что и мне пришло в голову. Правда, они могли нарваться и на каких-то случайных рейдеров или бандитов... Но это — варианты одного и того же.

— Ни рейдеры, ни бандиты не могли ничего знать о «пепле», — пожал плечами Ким. — Хотя...

— А другой вариант — более оптимистичный — у вас есть? — поинтересовался федеральный следователь.

— Есть, — кивнул агент. — И пожалуй, более обоснованный. Авиация ранарари была на Аш-Ларданаре уже через два с небольшим часа и отсняла местность буквально миллиметр за миллиметром. Материалы съемок сейчас обрабатываются. Но кое-что уже есть. Вот данные полугодовой давности...

Яснов достал из отдельной папки карточку «носимой памяти» и завертел головой в поисках терминала. Кай облегчил задачу, подхватив легкий приборчик с письменного стола и водрузив его на каменный столик так, чтобы экран был хорошо виден и ему, и Яснову.

— Вот этот участок. А вот он же — снятый вчера. Снимки сделаны с одинаковых точек, но видны различия. Сейчас мы преобразуем изображения так, чтобы можно было их полностью совместить... Вот теперь смотрите...

Кай сосредоточился на мигающем — треть секунды первый кадр, треть — второй — изображении. Увеличил разрешение...

— Это — обвал, — наконец признал он. — Не слишком большой, но...

— Но вполне достаточный для того, чтобы похоронить, допустим, вход в замаскированный ангар... — Ким посмотрел на собеседника, проверяя его реакцию. — Или целый космоклипер вообще... Вот данные термоскопирования этого участка и заключение эксперта-геолога... Этому обвалу — менее суток. И он еще хранил тепло от плазменных взрывов — пятнадцать часов назад перегрев еще регистрировался...

— Практически... — Кай посмотрел в глаза агента. — Практически мы можем считать, что знаем, где зарыта собака. И зовут эту собаку «Ганимед»...

* * *

Неблагодарную задачу довести до сведения кэпа всю сумму своих туманных наблюдений, зыбких подозрений и расплывчатых доводов, которые заставляли его предполагать присутствие где-то поодаль незримых спутников или соглядатаев, Микис полностью передоверил Анатолию. Рассказывая о том немногом, что, собственно говоря, видел он сам, Смольский чувствовал себя полнейшим идиотом. Однако, как ни странно, кэп отнесся к выложенным ему бредням со вниманием. Заложив руки за спину, он поистине орлиным взором окинул горизонт и коротко определил задачу:

— Двигаемся вон до той гряды. Старайтесь не терять друг друга из виду. Там отдыхаем. Мы немного сбавим темп, а вы, господин Палладини, уж постарайтесь прибавить шагу... Вы, Смольский, выдвигаетесь вперед — вон к тому «пальцу». Сможете добраться до него? Постарайтесь не свернуть себе шею. В аннотациях к вашим книжкам — что печатают на

задних обложках — про вас пишут, что вы увлекаетесь альпинизмом. Заберитесь как можно выше и внимательно присмотритесь к местности. Особо внимательно — по маршруту продвижения. Если заметите что-то подозрительное — сигнальте фонарем. И отмахните — вот так — в том направлении, где заметите что-либо странное... Кирилл в случае необходимости обеспечивает группе огневое прикрытие. Все поняли меня? Приступайте! Ночь коротка, и мгла какая-то поднимается... Видимость может резко ухудшиться.

Чувствуя себя безнадежным предателем, Анатолий бросил прощально-ободряющий взгляд на разом скисшего Палладини и на рысях припустил к указанному объекту, действительно напоминавшему перст, с угрозой вздетый к недобрым небесам Инферны. Несколько раз он обернулся на маячившую в арьергарде, трагически поникшую фигурку Микиса, но в конце концов дал себе установку на выполнение поставленного задания и, прибавив шагу, уже больше не оглядывался и тем более не останавливался.

Каменный перст был довольно удачно выбран капитаном в качестве пункта наблюдения. Для того чтобы взобраться на него, почти не требовался навык альпиниста. В теле гигантского каменного столба тут и там зияли выбоины, служившие прекрасными ступенями. Анатолию даже показалось, что эти ступени образуют своеобразную лестницу, спиралью закрученную вокруг «пальца» и ведущую на самый верх. Обмирая от собственной смелости, он и добрался до этого верха. И уже не удивился, обнаружив там — метрах в семидесяти над плато — довольно просторную площадку, к сожалению, ничем не огороженную.

Подъем занял у Анатолия немного времени, но, бросив взгляд вниз, на открывшийся перед ним пейзаж, он понял, что кэп не преувеличивал опасность ухудшения видимости. Скорее он недооценил ее. Смольскому показалось, что за эти пятнадцать-двадцать минут, что длилось его восхождение, плато поросло какой-то странной седой травой.

Он не сразу сообразил, что это туман встал над каменной долиной. И в тумане этом — утопая уже почти по грудь — двигались к далекой каменной гряде две человеческие фигурки — кэп и Кирилл. А поотстав от них и смешно подпрыгивая, ковыляла третья, уже почти утонувшая в тумане тень Микиса. Мгла проглотила трещины, пересекающие плато, скрыла все выбоины и возвышенности, призрачным морем раскинулась от горизонта до горизонта. Туман шел в наступление.

«Плохо дело! — подумал Анатолий. — Потеряемся мы этак к черту...» Он еще раз окинул плато тревожным взглядом. И увидел огни. Цепочки огней.

Неяркие — словно от коптящих смоляных факелов — огни эти двигались друг за другом, перестраиваясь, огибая невидимые преграды, исчезая и появляясь вновь. Анатолий насчитал три такие цепочки — по неполной дюжине огоньков в каждой — вблизи, не более чем в полутора километрах от «пальца», и еще пять или шесть таких цепочек блуждали вдали — на грани видимости.

Подняв лицо к небу, Смольский поежился. Там, в хрустальной, чужой высоте, тоже происходило неладное: одна за другой, словно светлые зерна, склеванные невидимой в темноте птицей, с небосвода исчезали звезды. Лик единственной из двух лун Инферны, которая видна была в этот час над горизонтом, тоже помрачился, стал расплываться туманным пятном, норовил утонуть во тьме.

Анатолий перевел ручной лазерный прожектор на максимальную яркость и три раза «выстрелил» лучом в направлении почти совсем уже утонувших в дымке товарищей. В ответ ему просигналили — тоже три раза. Без всякой уверенности в том, что спутники видят его

достаточно хорошо, он несколько раз отмахнул рукой с фонарем в сторону странных огненных цепочек и торопливо начал спускаться с каменной башни — вниз, в зыбкую мглу. Спуск занял у него гораздо больше времени, чем восхождение. Должно быть, потому, что тогда — карабкаясь вверх — он почти не оглядывался вниз, в вырастающую под ногами пропасть, а сейчас эта пропасть постоянно маячила перед ним, и липкий страх, который он умел выключать раньше, теперь сковывал его движения, делал их суетливыми и беспомощными.

«Черт, — подумал он, — здорово я поломался...»

Только очутившись на скалистой тверди плато, он понял все коварство здешнего тумана. В отличие от земного, стеной стоящего, скрывающего все уже в двух шагах, горный туман Инферны будто и не существовал вблизи и лишь где-то в полусотне шагов заставлял контуры предметов расплываться, скрывал их очертания, оставаясь словно бы незаметен сам. А дальше простиралась уже зернистая, мерцающая Вселенная. Вселенная без границ, без формы. Вообще никакая. Ничто из ничего сотворенное... И из этого ничто до Смольского докатился звук выстрела. И сразу за ним — второго.

«Кэп свинтил глушитель и лупит в белый свет, — сообразил Анатолий. — Сигналит нам с Микисом». Он выкрикнул зычное «эгей!» и пошел на звук. Кэп успел пальнуть еще три или четыре раза, когда вдруг что-то еще добавилось к глухой, ватной тишине, поглотившей все звуки простирившейся вокруг каменной долины.

Казалось, какая-то птица, большая и бестолковая, попробовала подать голос там — в тоскливой мгле. Попробовала, да передумала и замолкла с каким-то преглупым всхлипом.

Вспомнив о своем нерадивом подопечном, Анатолий прикинул, что этот придушенный звук пришел к нему как раз с той стороны, где, по его прикидке, должен был передвигаться оказавшийся брошенным на произвол судьбы владелец «Риалти». Анатолий быстро и встревоженно развернулся в этом направлении.

— Эй! — заорал он, сложив руки рупором. — Микис!.. Бобер! Палладини, короче говоря!!! Отзовись, черт побери!!!

Ответом ему было донесшееся из неопределенного далека квохтанье, за которым последовал совсем уж еле слышный в тумане звук, напоминающий удар чего-то достаточно тяжелого оземь.

— Да не молчите же вы, черт вас дери! — окончательно обозлившись и начиная по-настоящему пугаться, заорал Смольский.

Он проклинал сейчас все — и мгновенно навалившийся на плато туман, и идиотскую затею кэпа, и клятого придурка Палладини, и себя самого...

— Эй, что у тебя там?! — продолжал надрываться он. — Иди на мой голос! И отзовись! Оглох, что ли?! Отзывайся!!!

Шагать в зыбкий мрак самому, искать наобум в проклятой мгле злосчастного Палладини было безумием чистой воды. «И Микиса не найду, и сам вконец потеряюсь, — резонно прикинул Смольский. — В трещину или каверну какую-нибудь навернусь — как пить дать... Гос-с-поди, как же быть-то?» Он напряженно пытался высмотреть в тумане хоть что-то. И — как ему стало казаться — разглядел.

Снова — огни. Они хороводили в темноте — где-то там, на грани видимости — то ли в поисках чего-то, то ли исполняя какой-то непонятный обряд. А может быть, только мерещились разыгравшемуся воображению профессионального сочинителя.

Скрипнув зубами от злости на тьюфяка Микиса, на бездушных авантюристов Джорджа

Листера и Кирилла Николаева, а более всего — на самого себя, позволившего бросить одного, под чужим небом, совершенно беспомощного и беззащитного растяпу, Смольский совершил то, что делать себе только что категорически запретил: вытащил из пристегнутого к поясу чехла свою «пукалку», снял ее с предохранителя и, держа оружие наготове, двинулся в направлении источника непонятного звука и призрачного света. Откуда-то из пространства, по правую руку от него, снова донеслись хлопки выстрелов. Капитан Джордж Листер проявлял беспокойство — и не без основания.

— Что до людей... — Ким Яснов задумчиво дотронулся до еле заметного шрама под левой скулой, — то тут дело обстоит сложнее. Дело в том... — он бросил осторожный взгляд на своего кожистокрылого патрона и продолжил: — Дело в том, что Аш-Ларданар — это особая территория, нечто вроде заповедника. Формально это плато не слишком оборудовано для жизни, как и большая часть здешней материковой суши. Но чем-то оно — плато это — притягивает к себе выходцев из Диаспоры. Тех, чьи источники доходов весьма смутно определимы... Разного рода «перекати-поле».

— Мне казалось, — в голосе Кая прозвучало искреннее удивление, — что таких в два счета лишают визы и вышвыривают назад, на Фронду...

— Я тоже так думал, — пожал плечами Яснов, — пока не присмотрелся как следует к здешней жизни. Раньше, когда иммиграция еще только разворачивалась, ранарари действительно держали на контроле каждого, получившего визу. Но со временем поняли, что проще и надежнее доверить дело самой Диаспоре: слишком часто они обжигались на несовпадениях психологии — их и нашей. И пока что такая практика себя оправдывает: руководство Диаспоры держит всех Ното на планете в ежовых рукавицах — им не улыбается лишиться хоть копейки доходов из-за того, что «хозяева» свернут поток иммигрантов. Но есть и такие вопросы, которые... Которые выглядят достаточно закрытыми для любых посторонних. В частности — тот промысел, которым занимается народ, бродящий по Аш-Ларданару. Тут в курсе дела только верхушка Диаспоры и узкий круг ранарари, связанные с этим м-м... бизнесом.

— Значит... — начал было Кай, но его неожиданно оборвал гортанный голос:

— Смею вас заверить, господа, этот, как вы изволили выразиться, бизнес не имеет ни малейшего отношения к траффику «пепла»... Ваш диалог становится неконструктивным.

Угнездившийся на жердочке коллега подполковника Дель Рея явно не собирался ограничить свое участие в беседе подчиненных одним лишь присутствием.

— Значит... — Кай попытался вернуть разговор в основное русло, — мои спутники, если они живы и не остались в корабле, это — не единственные люди на плато?

— Именно это я и хотел сказать, — кивнул Ким. — Спутниковое и аэронаблюдение показывает наличие на Аш-Ларданаре нескольких групп людей. Сейчас их пытаются идентифицировать. Ваша помощь в этом деле будет неоценимой.

— Их так много, что нельзя задержать их всех?

— Для ранарари это не составит труда. Но таким образом будет провалена та операция, которую вы сами нам предложили. Так что мы постараемся «вычислить» ваших спутников, не выдавая себя. Так сказать, дистанционно. Хотя мы хорошо понимаем, что как лица, посвященные в тайну местонахождения «пепла», они подвергаются огромной опасности...

— Кто это «мы»? — осторожно поинтересовался федеральный следователь. — И вообще, давайте вплотную поговорим о предстоящей операции, раз уж ее приняли к исполнению... И раз уж нас поджимает время.

— Действительно, я как-то увел разговор в сторону, — взял на себя общую вину агент на контракте. — Давайте сначала про «мы». Вы просто не представляете, какой серьезный оборот приобрела здесь проблема «пепла». Для Федерации всего лишь одна из тысячи и

одной головной боли, связанных с траффиком наркотиков. А здесь это катастрофа планетарного масштаба. Иначе они ни за что не пошли бы на сотрудничество с нашими спецслужбами. И на борьбу с этой бедой брошено много сил. Диаспора тоже делает все, что может. Я не один подписывал контракт на проведение расследования по «пеплу». Завербовалось еще человек шестьдесят из Метрополии. И в помощь им мобилизовано до тысячи здешних специалистов. Но пока все мы работали, как говорится, методом свободного поиска. Некоторым удалось внедриться в здешнюю наркомафию, некоторые вычисляют основных потребителей препарата...

«Как всегда, — подумал Кай, — частная инициатива идет далеко впереди государственных служб. Пока управление с контрразведкой раскачиваются и теряют деньги и человеческие жизни, шустрые ребята из сыскных агентств уже внедряются в здешнюю наркомафию, да еще и гонорары получают от Диаспоры...»

— Меня всего несколько часов назад «сдернули» с моего участка и определили командовать бригадой из четырех человек — два землянина и двое местных. Теперь с вашей помощью мы должны будем провести операцию, предложенную федералами, — в вашей теперешней редакции... С некоторыми поправками и дополнениями — учитывая интересы хозяев планеты.

Один из этих хозяев с удовлетворением завозился на своей жердочке.

— Ваш корабль, точнее его «груз», — продолжил Яснов, покосившись на него, — как вы и предлагаете, будет служить приманкой для верхов здешней наркоторговли. Если нам удастся убедить этих бонз в том, что корабль потерян, а о его грузе никому ничего не известно, то они в лепешку расшибутся, чтобы взять этот куш. И, учитывая, что СМИ их будут подстегивать сообщениями о поисках «потерпевшего аварию» «Ганимеда», они пойдут на определенный риск. Вот тут в дело входите вы, следовательно... В качестве господина Крюгера — темной лошадки. До этого момента — все так, как вы и предлагаете в своей докладной записке.

— Я не настаивал на использовании именно моей кандидатуры для выхода на наркомафию, — заметил Кай. — Но, я вижу, вы склонны оказать мне определенное доверие, несмотря на гм... довольно сложные обстоятельства моего появления на планете. Постараюсь оправдать такое доверие...

— Не кокетничайте, господин следователь, — чуть иронически предостерег Ким. — Как вы сами понимаете, времени у нас нет совсем, и подготовить персонаж с легендой, на которую бы клюнули покупатели «пепла», мы просто-напросто не успеем. А ваша легенда не только готова, но и подтверждена — вы принимали покупателей на борту «Ганимеда», вы демонстрировали им товар...

— Остается дать им знать, что я м-м... готов к продолжению сделки, — согласился Кай, — и сочинить убедительную версию моих походов за последние тридцать с небольшим часов. Мне это представляется нелегкой задачей.

— Вы правы, следователь, — согласился агент на контракте. — Эти люди... — он справился в разложенной перед ним распечатке, — Раковски и его шефы, без сомнения, сейчас строят предположения о вашей судьбе. И предположений этих не так уж много и наберется. Теоретически с вами должно было случиться именно то, что и случилось на самом деле: парашют капсулы спасения зацепился за эстакаду монорельса, и часа два вы провисели в девяти метрах над довольно пустынным шоссе. Потом прикатили контрразведка и спасатели и вас забрали сюда. Вам, кстати, объяснили, где вы находитесь?

— Не слишком подробно, господин Яснов...

— Это, так сказать, внутренний изолятор Службы безопасности Диаспоры. Контрразведка Инферны работает со Службой в тесном контакте. Кстати, очень удачно сложилось, что контрразведчики успели раньше полиции. Иначе детали вашего гм... прибытия непременно бы попали во все здешние СМИ.

«Все, как и на древней матушке-Земле, — подумал Кай. — И не важно, кожей ты покрыт или хитином, и сколько там у тебя ноздрей. Все равно — пресса воюет с разведкой, разведка — с полицией, а все три, вместе взятые, морочат простых смертных, как им заблагорассудится...»

— Так вот, — продолжил агент, — сейчас посадка «Ганимеда» подается в новостях где-то пятым или шестым сюжетом. Не педалируется, так сказать. Официально вас не нашли. Прибывшие на четверть часа раньше полицейской бригады работники наземной Службы спасения обнаружили только пустую капсулу и не имеют ни малейшего представления о том, куда делся ее пассажир и зачем ему потребовалось скрываться. Точно так же только предположения строятся о месте посадки или катастрофы незаконно приземлявшегося корабля. Прессе подкинута заведомо искаженные данные об ориентировочной траектории «Ганимеда». Но мы имеем дело далеко не с дураками...

— К сожалению... — согласился Кай.

— Нашему противнику, — Яснов кивнул куда-то в направлении сумеречно маячившего за окнами леса, — совершенно ясно, что Джону Крюгеру некуда деваться на Инферне. Если он не погиб или не попал в руки какой-то другой преступной группировки, то уже через несколько часов должен оказаться в руках полиции или какой-либо из спецслужб. Других вариантов просто не существует. Если только...

— Если только, — закончил Кай неоконченную фразу-намек, — господин Крюгер не подстраховался и не заручился сообщниками на Инферне. В Диаспоре.

* * *

Анатолий последними словами обругал свой ручной парализатор: подавать с его помощью сигналы можно было разве что колотя проклятой машинкой в медный таз — стреляла она практически бесшумно. Ни таза такого, ни чего-либо подобного у Смольского не было, тем не менее хоть что-то предпринять было необходимо. Чтобы окончательно не утратить связи с капитанской группой и с неведомо почему не отзывающимся Микисом, он принялся время от времени на ходу выкрикивать бесполезные, как он уже начал понимать, призывы — выйти на связь голосом или фонарем.

Впрочем, долго оглашать пространство безответными криками ему не пришлось. Не то чтобы заброшенный злою судьбою под чужие небеса литератор сорвал голос. Нет. Просто глухая тревога, ощущение чего-то или кого-то невидимого, но огромного, бесшумно — почти бесшумно — крадущегося по его следу, стало уже вполне осознанным чувством — страхом. И страх этот ледяной рукой сжал его горло, заставил притихнуть, съежиться, самому перейти на кошачий, крадущийся шаг.. А еще свет, мерещившийся там, впереди, теперь словно материализовался, недвусмысленно обозначил себя неровным, жмущимся к каменистому ложу плато пламенем небольшого костерка. И темная — словно из сгустившейся мглы — человеческая фигура сторбилась на камне совсем близко от этого

огня.

«Если это Микис, — рассудил Смольский, — то, видно, он вконец отчаялся сам выйти на отряд. И где это он так шустро успел насобирать хвороста или еще какой-то горючей дряни на костерок-то? И еще — почему он даже не пытается нам пошуметь и выстрелов кэпа не слышит?» Он криво усмехнулся и сам себе ответил: «Да потому, что это не Микис. Как пить дать не Микис...»

Анатолий перешел на короткие, в десяток-полтора шагов, перебежки между скрывающими его валунами, а остаток пространства, отделявшего его от костерка, лишенный этих природных декораций, прополз по-пластунски, вжимаясь в неровности скального грунта. Фигура человека, скрючившегося на коричневом камне и неотрывно уставившегося в неровное, исходящее копотью пламя, стала хорошо различима только с расстояния десяти — пятнадцати метров. Смольский решил не валять дурака и, поднявшись с четверенек, окликнул странного типа. Тип не спеша совершенно спокойно обернулся к нему. Да, это был не Микис. Совсем не Микис.

Это была женщина. Точнее — девушка. Почти подросток. С лицом угловатым и измазанным маскировочной раскраской.

— Не кричи! — глухо произнесла она.

Была она худа, темна глазами и облачена в какой-то мехом наружу вывернутый тулуп. На голове же имела черной кожи косынку, туго перехватывающую коротко, вкривь и вкось остриженные, цвета воронова крыла волосы.

— Не кричи! — повторила она с ужасным акцентом. — Тут до черта всякого народа шастает. Ночи Туманов начались — теперь только держись...

Девушка внимательно присмотрелась к Анатолию:

— Да ты, друг, и вовсе зеленый... Ты б все-таки знак нацепил... А то примут за одиночку и грохнут как мальчика. Ты — в натуре — чей будешь?

— Свой. Собственный, — с раздражением ответил Анатолий.

— Не особенно хорохорься, парень, — посоветовала ему незнакомка. — Хотя, похоже... — тут она призадумалась. — Похоже, ты и впрямь работаешь в одиночку. Что, почуял в себе это и решил ни с кем не делиться? Сам найду, сам продам? Послушай, так не бывает. Знаешь, сколько таких умников, вроде тебя, здесь прикопаны — здесь и в отрогах... И на других плато — тоже. А жалко, между прочим, — ведь у каждого, пожалуй, Способность была... Дар... Ты возьми в ум — не пешком же ты сюда притопал. По цепочке прошел. Так ведь? И денежки зато немалые, верно, выложил... А раз так, то тот, кто у тебя денежки принял, тебя тут же и заложил. Или красной братии, или желтой. Ну, короче, уже «под колпаком» ты.

«Сегодня я рехнусь», — подумал Смольский.

Для него весь выдаваемый незнакомкой текст выглядел полнейшей ахинеей. Дело усугублял дичайший акцент, украшавший ее монолог. Ясно было только одно — его принимали за кого-то другого. Причем в этой роли он вел себя предосудительно и явно заслуживал за свои действия суровейшего порицания.

— И пушечку свою ты б убрал лучше, — посоветовала девица. — Засунь ее себе в штаны подальше, и лучше будет, если ты про нее позабудешь. Вообще, на хрен — понимаешь? А то пришьют тебя без разговоров. А обидно будет, если и в самом деле Способность у тебя...

Анатолий счел совет этот — уничижительный по форме, но справедливый по сути — довольно логичным и убрал парализатор в чехол.

— Вы меня принимаете за кого-то другого, — начал объяснять он — как можно спокойнее. — Я... Я ищу своего товарища. Он... Он потерялся в этом тумане. И почему-то не отвечает на мои... на наши сигналы. Если вы хоть как-то...

— На ваши сигналы... — задумчиво прожевала его слова незнакомка. — Да ты не один здесь, значит... Странный ты парень... А напарник твой или поумнее тебя уродился, или уже захомутали его... Хорошо, если не кончили.

Она поднялась на ноги — легко, как мальчишка, — и сделала шаг назад, в туман. Голову она склонила набок, внимательно вглядываясь в лицо Смольского:

— Странный ты, парень. Словно с небес свалился...

Анатолий не стал уточнять, что именно так и обстоят дела. А незнакомка подвела итог:

— С тобою лучше не связываться. Ты лучше по темноте не шастай — добром не кончится. Ты здесь — у огонька посиди тихо-смирно. А я, если...

Она еще на шаг отступила в мглистую темноту.

— Если встречу народец понадежнее — к тебе подошлю. Чтоб нам тебя разъяснить, а тебе — нас...

Она отступила еще на пару шагов и стала почти неразличима в слабо мерцающем мраке. Подняла палец — длинный и сухой — к губам.

— Вы — кто? — ошалело спросил Смольский, машинально делая шаг вслед за норовящей раствориться в заполненном белесой мутью пространстве собеседницей — Ты... Ты — из Диаспоры?

— А откуда же еще? — услышал он ответ уже только ощущавшейся в тумане незнакомки. — Жди здесь. Иначе — пропадешь. Если не дождешься — под утро в лес уходи. Вниз по осыпи... По склону. Там — жди... За тобой придут. Я или... другие. Те... Тот, кто придет, — он скажет, что это от Травы. От Дурной Травы. Это я — Дурная Трава... Жди.

Все. Словно и не было никакой девушки у костра. Да и костер сам уже еле теплился за спиной Анатолия, норовил погаснуть.

Надо было решать: или же подкинуть в огонь черного, словно чугунного литья хворосту, наваленного поодаль, и по совету странной незнакомки оставаться здесь, ожидая неведомо кого, или же, плюнув на несчастного Микиса, попытаться выйти хотя бы на Николаева с Листером и уж с ними втроем решать вопрос о том, как быть дальше...

Анатолий поднял лицо к небу и отметил про себя, что туман, должно быть, покрывает плато довольно низким слоем — самые яркие из звезд невидимой черной птице так и не удалось склевать, и они, неровно подрагивая, горели там — в недостижимой высоте — словно огни далеких, дарящих успокоение путникам маяков.

А потом в небо стала торопливо взбираться новая, самозваная и яркая звездочка. За ней — вторая. Кто-то, скорее всего капитан Листер, палил в небо из ракетницы.

Анатолий с сомнением посмотрел в сторону гаснущего костерка, сверил компас, поправил рюкзак и решительно зашагал по направлению к той скрытой во мраке точке, откуда один за другим карабкались в небо огоньки ракет.

* * *

Господин Лирига полузакрыв свои ядовито-желтые гляделки. Поскольку веки ранарари не опускались, а, наоборот, поднимались, снизу вверх, казалось, что глаза куратора операции

закатались, а сам он вот-вот грянется со своего насеста оземь, что было бы неудивительно, принимая во внимание, что головоломный разговор его подопечных длился уже без малого три часа.

— Итак, прокрутим нашу версию еще раз... Хотя бы конспективно, — Ким устало помассировал веки и исподтишка глянул на федерального следователя.

Но тому, видно, было не впервой разыгрывать такие «игры в закрытых помещениях». Он не выглядел более усталым, чем в самом начале их разговора.

— Прокрутим, — согласился Кай.

— Ну что же, тогда, как говаривали мои предки, «поехали»! — бодро начал агент на контракте. — Господин Джон Кинли Крюгер — то есть вы — довольно честно выполнил часть своих обязательств перед группой поставщиков «пепла» — доставил доверенный ему груз на Инферну. Оговоримся сразу: наша версия не предусматривает раскрытия имен этих поставщиков покупателю. Да и было бы странно, если бы намеченная сделка не предусматривала такой элементарной меры конспирации. Однако уже на середине маршрута переброски наркотика возникли непредвиденные обстоятельства: в дело, непрошеными, вошли Хубилай-Кадыров и его люди. Они начали с того, что прикончили вашего контрагента — Фостера-Кротова, затем взяли в заложники вашего финансового агента э-э... Бибера и захватили «Ганимед». Так что вы прибыли, если так можно выразиться, совсем не на ту Фронду, на которую летели...

— Это — хорошая формулировка того положения дел, которое я застал на месте действия, — криво улыбнулся Кай. — С этого момента легенда раздваивается. Давайте первый вариант.

— Первый вариант, — послушно вздохнул Ким. — Итак, все пошло прахом... Однако, — с нажимом продолжил он, — непреклонный господин Крюгер при виде таких дел не повернул оглобли и не подчинился воле распоясавшихся конкурентов. Он умудрился вступить в сговор с капитаном «Ганимеда». Они вдвоем наняли и тайно протащили на борт корабля наемного головореза...

— Вооруженного охранника, — смягчил формулировку Кай. — Наемного...

— Вооруженного охранника, — согласился Ким. — После чего в Открытом Космосе на траверзе Инферны на борту «Ганимеда» произошел вооруженный конфликт, в результате которого не осталось ни одного человека, способного довести корабль до цели... Случайно господину Крюгеру удалось узнать цифровой пароль, который должен был назвать кто-то из прибывших, чтобы агент покупателя, намеченный Хубилаем, мог открыто вступить с ним в контакт.

Он криво улыбнулся:

— Этот вариант легенды, по моему разумению, можно преподнести только первоначальному покупателю — тому, кого наметил Фостер. Встреча с таковым — наименее вероятна. Для покупателя от Хубилая излагается другой, более «крутой» вариант... Резкое изменение ситуации на Фронде Крюгеру совершенно безразлично. Его дело — наладить канал траффика и вернуться с выручкой. Так что с бандой Хубилая он легко нашел общий язык. Или — думал, что нашел... Санкцию на сделку Крюгер якобы получил непосредственно от Кублы, и бунт экипажа «Ганимеда» явился для него полной неожиданностью, чем и объясняются столь большие потери. До сих пор он не может решить, что это было: коварный замысел Хубилая или эксцесс экипажа. Он полон подозрений и действует с огромной осторожностью. Тем не менее он принял на борт «Ганимеда» так

называемых «спасателей», предъявил им пароль и сам «груз». Так что если кому и поверят Раковски и те, кто за ним стоит, то только вам.

Яснов замолчал, хрустнул суставами пальцев и откашлялся.

— Дальше в любой из версий нашей легенды идет часть, разработку которой я взял на себя. Так сказать, местная версия. Противнику предлагается несколько непредвиденный вариант: предусмотрительный господин Крюгер не положился целиком и полностью на связи Фостера, а затем — Хубилая, но озаботился тем, чтобы внедрить в Диаспору своего человека — частного детектива с сомнительной репутацией, господина Рея Яшми с Желтых Лун. К вашим, кстати, услугам...

Ким поклонился федеральному следователю. Тот усмехнулся:

— Вы решили не слишком уклоняться от специфики своей деятельности, господин агент... Я, конечно, не имею в виду вопрос о репутации. С ней, судя по доверию, которое вам оказывают хозяева планеты и Диаспора, у вас все обстоит м-м... благополучно...

— Собственно, — Ким почесал в затылке, — я всего лишь продолжаю разыгрывать туже самую партию, которую начал несколько месяцев назад. Версия до предела совпадает с реальными событиями: Яшми нанят Диаспорой примерно на тех же условиях, что и Ким Яснов. Для той же самой цели — пресечения траффика «пепла»... Однако, пообтесавшись здесь, Яшми стал подавать местной мафии недвусмысленные сигналы. Кстати, учтите, — здесь слово «мафия» почти не употребляется. Обычно говорят эвфемизмами — «те люди», «люди при порошке» и все такое... В общем, по мелочам дело начало клеиться. Только вот Рею Яшми пришлось бы до морковкина заговенья ждать хоть какой-нибудь серьезной дичи в эти силки. Но тут, на наше счастье, буквально с неба свалились полтонны этого самого «порошка» и вы, следователь, к нему в придачу.

Разумеется, для «тех людей» версия вашего прибытия немного изменена. Господам, проявляющим повышенный интерес... точнее — проявляющим хоть какой-то интерес к судьбе кораблика, совершившего столь сенсационную посадку, преподносится — по всем каналам, и официальным и неофициальным, — история о том, что «Ганимед» затонул, не дотянув до побережья Второго материка. Кстати сказать, мы с вами находимся на Втором материке Инферны, господин следователь. Обломки корабля старательно ищут на шельфе флот и авиация. Вторая деза, которая идет вдогонку первой, — власти врут, они знают про «начинку» корабля, а тот применил секретную систему глушения средств навигации и скрылся в глубине континента, в необитаемой горной зоне. Что является почти что правдой. Есть еще одна деза: она состоит в том, что вы, господин Крюгер, — единственный из всех, прилетевших на «Ганимеде», кто уцелел. Уцелел и притом не угодил в руки властей. Вашу капсулу, видите ли, вынесло за время спуска к прибрежной промышленной зоне, и она повисла на проводах линии передач тамошней энергосистемы. Что полностью соответствует правде жизни... Далее наша легенда от нее слегка отстывает.

Предполагается, что вы, господин Крюгер, не так просты, чтобы доверчиво отдать себя в руки сразу двум криминальным структурам: одной — на Фронде, другой — на Инферне, в Диаспоре... Так что вполне естественно, что в систему слухов, циркулирующих в здешнем уголовном мире, был вброшен еще один: мол, впереди себя осторожный владелец «груза», прибывшего на «Ганимеде», послал своего агента. Сделано все возможное, чтобы не слишком тупые «люди при порошке» догадались, что агент этот — не кто иной, как господин Яшми.

Ну и естественно, что именно со своим агентом связался Крюгер, когда его

спасательная капсула скользила в небесах Инферны. Естественно, Яшми подсуетился и успел забрать Крюгера с места приземления прямо из-под носа спасателей и полиции. В настоящее время он устроил своего нанимателя на конспиративной квартире и сейчас занят поисками контактов с потенциальными покупателями большой партии «пепла».

— От всего этого, однако, у господина Яшми не прибавилось реальных каналов выхода на верхушку этих «людей при порошке», — поуменил зазвучавший в словах собеседника энтузиазм федеральный следователь.

Но с этой подачи энтузиазм Яснова только возрос.

— Ну, во-первых, у нас теперь есть выход на область, до сих пор бывшую вне подозрений — на Службу спасения, — он загнул один палец, мизинец — как это делают русские.

«Был бы европейских корней, наоборот — выбросил бы вверх указательный», — отметил про себя Кай. Впрочем, это его наблюдение не имело никакого отношения к делу.

— А конкретно, — продолжил Яснов, — мы имеем в виду господина Раковски и других членов экипажа спасательного бота. Никуда они не денутся. Вылезут из своих щелей, как только поймут, что корабль пока не найден и подозрений относительно них нет. Во-вторых, я буду не я, если «те люди» начнут землю рыть и умудрятся проскочить мимо меня после того, как в Диаспоре распространится слух о спрятавшемся в горах кораблике и о том, что кое-кто из его пассажиров жив-здоров и гуляет на свободе. А об этом мы уж позаботимся. Мне даже не придется быть назойливым. Скорее — наоборот. Вопрос в том, кто выйдет на нас первым. Тогда будет опасно спутать варианты.

— Надо позаботиться об одной важной вещи, — Кай внимательно посмотрел в глаза агента. — Вы не догадываетесь о какой?

— Обижаете, следователь.

Яснову, кажется, и впрямь стало обидно за то, что собеседник держит его за пацана. Однако не время было тратить силы на глупые амбиции.

— Как только было принято решение приступить к выполнению операции, — Ким продолжал спокойным и выдержанным тоном инструктировать федерального следователя, — соответствующие службы сделали все, чтобы отрезать Диаспору от Фронды. Все каналы подпространственной связи были взяты под контроль. Если у здешних агентов Хубилая и осталась возможность связаться с ним, то только уж какая-нибудь особенно хитрая.

— У них нет такой возможности, — прервал его гортанный голос. — Не тратьте время на обсуждение вопросов, которые целиком и полностью находятся в компетенции контрразведки.

— Не будем, — согласился Ким. — Теперь один важный момент: все карты путает полная неопределенность в отношении того, что же все-таки приключилось на борту «Ганимеда», когда он предпринял аварийный сход с орбиты, и где сейчас находятся ваши спутники.

— Мне кажется... — Кай взял со стола электрокарандаш агента и нервно щелкнул его кнопкой — дурные примеры заразительны. — Думаю, что в начале нашей беседы я слишком оптимистически оценил ситуацию... Во всяком случае, покуда мы с вами обсуждали все остальные детали, меня не покидала мысль о том, кто из присутствовавших на борту корабля мог осуществить такой дерзкий угон. Двоих — Анатолия Смольского и Алоиза Бибера — Микиса Палладини — можно исключить сразу. Они не смогли бы не только справиться с

управлением космоклипером, но и выбраться из боксов, где были заперты.

— Третий, — уточнил агент, — Кирилл Николаев тоже был обезоружен и заперт...

— Допускаю, что он мог сладить с замком, орудуя зубочисткой... Или выкинуть что-нибудь в этом роде. Я успел навести о нем справки — парень ушлый. Прошел общую подготовку Космодесанта. Может выполнить простейшие маневры. Но навыков в вождении космических судов не имеет. Тем более провести аварийную посадку — да еще так виртуозно... Нет, это не он.

— Я — того же мнения, — пожал плечами Яснов. — Вариантов, собственно говоря нет: на борту был только один человек, способный управлять кораблем, — навигатор Рымник. Но в данном случае мотивы его совершенно непонятны. Если не допустить простую в общем-то мысль, что он работал на какую-то третью сторону. Может быть, на тех, на кого должен был вывести Крюгера Фостер... Конечно, это весьма сомнительно, но, учитывая, что, кроме тех, кого мы сейчас перебрали по косточкам, на борту было лишь три покойника в холодильнике, придется принимать даже самый невероятный вариант.

— Есть и еще одна мысль, — поморщившись, Кай бросил карандаш поверх бумаг, — которая состоит в том, что мы просто-напросто плохо обыскали этот чертов кораблик. Если уж на нем были два спрятанных пассажира, то почему бы где-нибудь не затесаться и третьему? Но это лишь гипотеза. Меня же больше волнует судьба троих моих спутников. Они не могли оказать особого сопротивления тому, кто завладел кораблем, кто бы это ни был. И маловероятно, что этот кто-то сохранил им жизнь. В лучшем случае — заживо похоронил под обвалом в корабле, запертыми по каютам. Не думаю, что Рымник или кто-то другой рискнет гнать через безжизненное горное плато караван из трех пленников...

— Он мог прихватить кого-то одного, наиболее информированного, — заметил агент. — Я бы на его месте остановил свой выбор на Палладии. Он и наименее опасен, как противник... Но вы правы — судьба ваших друзей вызывает самые серьезные опасения...

— Так или иначе, — Кай встал и подошел к окну, — я настаиваю на том, чтобы предпринять тайную экспедицию к месту, где укрыт «Ганимед», и выяснить судьбу тех, кто был на борту.

— Еще важнее, — снова несколько неожиданно подал свой гортанный голос Лирига, — убедиться, что никто не забрал с борта ту матрицу памяти, на которой зафиксированы события, происшедшие на вашем корабле. Если она попала... или если она попадет в руки противника, то вся наша операция разваливается.

— Запись на матрицу шифруется, — напомнил ему Кай. — Так что потребуется время, чтобы ее «расколоть». Кроме того, о самом ее существовании знали только я и Палладии. До того момента, как вы прочитали мою докладную. Так или иначе...

— Я принял к сведению ваши соображения, — оборвал его Лирига. — Думаю, мы сумели обрисовать наши планы в общих чертах. О деталях вы договоритесь сами и доложите мне не позже завтрашнего утра.

— И еще, — резко повернулся к нему федеральный следователь. — Надеюсь, вы понимаете, что необходимым условием нашей совместной работы для меня является возможность беспрепятственно контактировать с моим непосредственным руководством там, в Федерации. Контакттировать по вашим закрытым каналам подпространственной связи, как открытым текстом, так и посредством шифрограмм.

Некоторое время Лирига молчал. Потом сухо (насколько позволяли об этом судить возможности преобразователя частот) определил:

— Такая возможность вам будет предоставлена. Как мера, обеспечивающая взаимное доверие. Надеюсь, вы не злоупотребите этим.

* * *

Кэп был мрачен и явно не без труда сдерживал вполне справедливое желание свернуть шею сначала сгинувшему, а теперь неожиданно выплывшему из тумана Смольскому. Кирилл, не обращая внимания на гневную тираду, обрушившуюся на голову бедного литератора, думал о чем-то своем.

Впрочем, выражение недовольства не заняло у капитана слишком много времени. Видно, свою вину в приключившемся он тоже видел. Тяжело вздохнув, кэп коротко кивнул Анатолию, приглашая присесть на подходящий для этой цели валун, а сам устроился напротив — опершись спиной о менее удобный обломок гранита. Кирилл использовал ту же опору, чтобы пристроить на ней свой довольно тяжелый бластер и присматривать за окружающим пространством, временами заглядывая в инфракрасный прицел.

Анатолий, стараясь быть как можно более лаконичным, изложил причину своего почти двухчасового исчезновения. Рассказывая о странной, похожей на дурной сон встрече с незнакомкой у костра, он приглядывался к лицу кэпа — почему-то им владело ощущение, что Листер знает гораздо больше, чем кажется, о том, кто и что может им встретиться здесь, в богом забытом уголке чужой и недоброй к незванным гостям планеты.

Но кэп не проронил ни слова. Вместо него заговорил Кирилл.

— Вот что, — определил он. — Палладины мы, похоже, потеряли. У него и ракетница была, и фонарь мощный, и в пределах прямой слышимости мы с ним находились. На худой конец он мог бы и маячок врубить на своем блоке связи. Хотя это и чревато... Так что или он попал в руки каких-то бандитов, которые, видно, по горам этим бродят...

— Или какой-нибудь местной полиции, жандармерии или типа того, — предположил Смольский. — Ведь кто-то же прочесывает местность в поисках кораблика... Удивительно, что до сих пор на нас не наткнулись.

— Так или иначе, но в этом случае он довольно скоро расколется, и мы можем оказаться в окружении, — продолжил Кирилл. — Другой вариант — Палладины погиб. Нарвался на что-то такое в этом туманище. Может, элементарно загремел в расселину. Тут уж ничего не поделаешь. Но на нас будет висеть еще один труп.

— Возможно, — возразил Смольский, — он еще жив. Но — без сознания. Или просто беспомощен. Тогда...

— Что вы предлагаете делать тогда? — жестко спросил Листер. — Вы сами видели, что означают поиски человека в этом тумане. Вы, господин писатель, и на нас-то с трудом вышли, хотя мы и сигналили всем, чем могли. Дождаться тут восхода — полное безумие. Днем поиск невозможен — нас засекут раньше, чем здешнее солнышко выйдет из-за горизонта... Так что... милосердие милосердием, но не переоценивайте наших сил и возможностей. И примите во внимание, что если Палладины кем-то схвачен, то этот «кто-то» вот-вот будет здесь. Ничего хорошего это нам не сулит — поверьте!

— Значит? — уныло произнес Анатолий.

— Значит, надо уносить отсюда ноги! — не скрывая раздражения, отрезал кэп. — И поскорее!

Он резко встал и начал сверяться с картой местности на дисплейчике своего ручного компа. Посмотрел на компас, на карту, снова на компас. Потер лоб, нахмурился.

Впервые за время перехода Анатолий видел на лице кэпа какое-то подобие растерянности. Но это длилось всего лишь мгновение. Лицо капитана вновь стало непроницаемым.

— За мной! — коротко скомандовал он. — Кирилл — замыкающим. И не терять друг друга из виду!

Забросил рюкзак за спину и легко зашагал вниз по еле заметному склону.

Анатолию ничего не оставалось, как поспешить за ним.

Чувствовал он себя последним дерьмом.

* * *

Когда с головы Микиса сняли мешок, он чуть было не ослеп от обилия света. Ночные переходы и дневной сон в темноте скальных пещер и гротов превратили его в нетопыря. Теперь ему потребовалось время, чтобы прийти в себя и разобраться, где он находится и кто его окружает.

А находился он в помещении до боли знакомом — знакомом по той, до Инферны, оставленной жизни. Это был то ли тесный бункер, то ли просторный, оснащенный двумя рядами нар коридор. На нарах этих и пребывал Микис. Нары были в точности такими же, какими были, есть и будут, верно, вовеки все тюремные нары по всей Периферии, — отменно неуклюжей и прочной комбинацией сваренных друг с другом рельсов и прикрученных к ним намертво болтами досок из древесины — тяжелой и твердой. Помещение заливал мертвенный, лишаящий надежды свет флюоресцентных панелей. С обоих торцов бункер был оборудован толстенными, унылого окраса бронированными дверьми. Двери эти впечатляли.

Пара типов в камуфляже — в обычном камуфляже Легиона, только без опознавательных знаков, свалила сорванные с голов пленных мешки в дальнем углу, где виднелось еще какое-то барахлишко, после чего убыла в те самые двери. Наблюдать за бункером остались четверо их коллег с армейскими бластерами, но одетых причудливее — в смесь униформы бог весть каких войск и партикулярной одежды. Эти сразу уселись резаться в карты. Пленные, надежно примкнутые к стойкам нар, их мало волновали.

«До сих пор жизнь Диаспоры мне расписывали как рай земной, — язвительно подумал Палладини. — В гробу видел я, однако, такой вот рай! Стоило же Микису Палладини мучиться, словно грешнику в аду, на богом проклятой Фронде, а потом кантоваться, словно дамскому бюстгальтеру в стиральной машине, в этом сатанинском кораблике, что блохой скакал через подпространство, и от этого страдать как Иона во чреве китовом, для того только, чтобы в конце концов очутиться в самой обыкновенной каталажке?! Даже если это — филиал здешнего рая для безбилетников, то я не подписывался на этот чертов круиз!»

Он был не единственным «безбилетником» в этом «филиале рая». Тонкая, но очень прочная цепь делала его всего лишь крайним в цепочке из полудюжины довольно мрачных личностей, закованных, как и он, в наручники. Все они явно не по своей воле оказались в этом тайном узилище.

В остальном, однако, его товарищи по несчастью довольно сильно отличались от

Микиса. Была это публика разношерстная, но все как один лихого вида. А особо отличался его непосредственный сосед — тип, производивший на окружающих неизгладимое впечатление. Он был неопределенного возраста, размерами чуть ли не вдвое превосходил Микиса и имел буйную, густую и огненно-рыжую шевелюру. Рыжими, густыми и буйными были, естественно, и его борода и брови. Гребень цирюльника никуда не касался этой буйной поросли, в которой с трудом угадывались высокие веснушчатые скулы, конопатый нос и глубоко посаженные, неожиданного василькового окраса глаза. Одет тип был, видно, по принятой в здешних краях моде и даже не без претензии. На нем был набор предметов одежды из грубой кожи, собранных, видно, с миру по нитке, но в соответствии с какими-то признаками вкуса — туземного и вычурного, но вкуса. Запястья арестанта, кроме наручников, украшала дюжина разнообразных браслетов, в левом ухе висела впечатляющих размеров серьга, на шее и на поясе болтался целый набор страннейших амулетов, в одном из которых отчетливо угадывалось высушенное человеческое ухо...

Микис отметил про себя, что ни его самого, ни других пленников не обобрали. У него лично забрали только документы и оружие, проявив мало интереса к остальному содержимому рюкзака и карманов.

В отличие от других пленников, рыжий громила проявил к Микису интерес, перекинулся с ним парой фраз на местном наречии и потому стал как-то близок злосчастному владельцу «Риалти». Каково же было удивление Микиса, когда он узнал, что косматый тип, с которым судьба свела его здесь, на краю Обитаемого Космоса, под чужим небом, был близок с его, Микиса, неплохим знакомым. Выяснилось это почти сразу, как только тип соблаговолил представиться.

— Рога, — сообщил он, изучая Микиса довольно мрачным и каким-то сверлящим, до костей пронимающим взглядом. — Ударение на первом слоге.

Он явно ожидал, что его имя что-то говорит новому знакомому. И как само собой разумеющееся добавил:

— И если хоть раз назовешь меня Копытичем, шею сверну! Такое только троим позволено. Петрович я... Запомни: ударение — на первый слог! Петрович! Рога Петрович! А про Копытича — это все Шишела шуточки... Ну а тебя как звать, малахольный?

Славянский юмор Шишела, столь обидный для Роги, остался непонятен Микису, а вот сама кличка изобретателя странного прозвища всколыхнула в нем массу эмоций.

— Шишел? — удивленно возрился он на Рогу — Шишел-Мышел — Шаленый?! Егс что — сюда занесло?

— А что — тоже такого знаешь? — изумился Рога. — Или слышал о таком? Вот уж тесен мир! Хотя, если уж сошлись мы на Камнях, так и неудивительно: тут все мы по одной дорожке ходим... Ты не темни, однако, сам-то назовись все-таки...

— Шишел меня знал как э-э... Барсука... — ответил Микис — Дело было на Гринзее... Рога окинул собеседника критическим взглядом и согласился:

— М-да... Есть что-то...

Микис потупился Он не был уверен, что ему стоит распространяться о своем прошлом — здесь и сейчас.

— Тогда у меня кличка такая была — Барсук, — уточнил он

— А сейчас, стало быть, другая... — проявил догадливость, хорошо сдобренную ядовитой иронией, Рога.

— Можешь звать меня Бобер... — неохотно промямлил Микис.

— И этот зверек подходит, — согласился рыжий разбойник, еще раз оценивающе поглядев на собеседника. — Не скунс все-таки...

Микис нервно дернулся — именно Скунсом он числился в те далекие и прекрасные времена, когда за ним — Микисом Палладини — еще не охотились по всей Галактике люди Большого Кира с намерением спустить шкуру за принесенный этому самому Киру и ряду фигур помельче основательный материальный ущерб, за сотрудничество с федералами из управления, пропажу партийной кассы и за иные прегрешения.

— Правда, я и бобров и барсуков только по «Ти-Ви» видал, — признал недочет в своих познаниях по части зоологии Рога. — И скунсов — тоже. В фильмиках про флору Метрополии. Или про фауну.. Познавательных. А ты, видно, живность любишь... Этакую... Ну это все кликухи. А звать-то как тебя в натуре?

— Алоиз Бибер к вашим услугам, — несколько чопорно отрекомендовался Микис.

— Это там — на Гринзее, или здесь — в Диаспоре? — продолжил Рога уточнение обстоятельств. — Мне важно вспомнить, чем там тебя Шишел поминал — добром или по-другому как...

— У Шишела никаких ко мне претензий не было! — оскорбился Микис. — Я ему был, конечно, под другим именем известен, у меня тогда на фамилию Беррил ксива выправлена была! Ромуальдо Беррил, если хотите знать!

Рыжий Рога призадумался, но если и вспомнил что из рассказов Шаленого, то не поспешил уведомить об этом Микиса. Тот беспокойно завозился на нарах.

— Так Шишел теперь тоже здесь? — озабоченно осведомился он.

— Отнюдь, — коротко бросил Рога. — А не помешал бы, ей-богу... Мы с ним на пару прикидывали сюда на промысел податься... Камнями зарабатывать года два-три. На Святой Анне дело было. Там он мне «Копытича» этого и подвесил — шутник хренов. И уж все на мази было... Но тут его кто-то из старых приятелей вычислил, из тех, с которыми они с Квесты — с Малой Колонии — звездолет какой-то древний угнали. Он потом то ли отбился от них, то ли потерялся где-то и все тосковал по ним и по тем денькам вообще...

— Да, помню что-то такое... — согласился Микис. — Случалось от него слышать что-то в этом роде... Под «Смирновскую»... Сентиментален Шишел бывал временами.

— Ну, так вот нашились друзья эти его, — с некоторым недовольством в голосе поведал Рога. — С ними Дмитрий и сорвался в другие края. А я вот в Диаспору подался. На то у меня и расклад неплохой выпал, и подданство Фронды — я про него, правда, уж и забыл, а пригодилось, однако ж и Способность четко выраженная... Так что, видно, на роду мне написано по здешним горам шляться и камушки подбирать... А у Шишела как раз ни того, ни другого. Как не было, так и нет — ни гражданства этого, ни Способности... Да и к Камням у него предубеждение какое-то... Что-то там с каким-то Камнем у него вроде как боком вышло... Так что, может, оно и к лучшему, что все так сложилось. Потому что в Диаспоре жизнь, конечно, сытая — если на «чертей» не за страх, а за совесть ишачить. Но по-настоящему заработать можно только на двух вещах — на «пепле» и на Камнях... Но с «пеплом» все стремно. Все на Секту завязано, на Фалька... А с Камнями — дело четкое, прямое — кто смел, тот и съел. Хотя...

— Камни... — растерянно пробормотал Микис. — Значит, камушки... Не знал...

— Какие тебе «камушки», малахольный?! — неожиданно завелся Рога. — Это у баб в сережках — камушки. А здесь — на Аш-Ларданар — Камни! Заруби это себе на носу чучело!

— Знаешь, Рога, — переходя уже на «ты», начал прояснять суть дела бывший Барсук, — я вроде специально делами Диаспоры так это — интересовался. У меня на этот предмет свой интерес. Я, понимаешь, на Фронде свое дело содержу... Но я ни разу не слышал о том, что с Инферны вывозят ювелирное сырье...

Рога обалдело уставился на Микиса. Очевидно, тот ляпнул что-то и вовсе уж несуразное...

— Какое такое — ювелирное? — ошалело спросил он. — Ты-то сам за каким дьяволом по этим местам бродишь? Да еще в Ночи Туманов. Тоже ведь Камни для кого-то пасешь? Или кто-то для тебя Камни пасет? Но, извини, дорогой, на это не похоже...

— Конечно — не похоже! — взвился Микис. — Я... Я сюда — на Инферну вашу — влип не по делам! Вообще помимо, как говорится, собственной воли!

Он лихорадочно соображал, какую версию своего прибытия «впарить» неожиданно обозначившемуся партнеру по возможному бизнесу в Диаспоре.

— Ми... Алоиза Бибера привезли на Инферну, как барана — на свадьбу. Связанного и без малейшего понятия о том, знаете ли, что происходит! Они меня хотели использовать как заложника! Но... Но у них корабль... Они — разбились. Где-то здесь, в горах... И единственное, чего я хочу, это поскорее убраться с этой милой планетки! И еще, конечно, Алоиз Бибер хочет получить хоть какую-то компенсацию за его страдания! — торопливо добавил он.

Рога продолжал пялиться на Микиса. Теперь уже снова иронически.

— Послушай, друг... И кто это тебя и — главное — за каким дьяволом приволок сюда — на планету, которая ни-ка-ко-го отношения ни к твоей Фронде, ни к Метрополии не имеет и иметь не может?! Кому ты здесь сдался, если не секрет?

— Это — дело рук Хубилая... Кублы... — лихорадочно продолжал нести околесицу Палладины. — У него... у нас получилась нестыковочка с большой партией «порошка»... Если бы не эта авария... Не эта посадка...

— А после аварии и посадки... — Рога улыбнулся настолько ядовито, что этого не смогла скрыть даже его рыжая борода. — После такой беды эти твои похитители так огорчились, что отпустили тебя на все четыре стороны... Да еще и комбинезончик дали, фонарик привесили. Продуктов в дорогу — полный рюкзак. Мешок спальный... Да еще и пушку ты вроде при себе имел... Я же слышал, о чем эти, — Рога кивнул в сторону продолжавших резаться в карты охранников, — болтали...

Бобер скис и стал лихорадочно рыскать глазами по бункеру, ища сочувствия у остальных товарищей по несчастью. Но разношерстной четверке — двум горцам, негру и узкоглазому азиату не было до него никакого дела. Двое первых, как и охрана, предавались игре, но только какой-то странной: в нее можно было играть со скованными руками. Один бросал на своем гортанном горском наречии какие-то слова — возможно, называл число, — а второй, подумав, отзывался на это такими же короткими, явно обусловленными какими-то правилами звуками. Потом наступала очередь второго, и он выдавал свою порцию из трех-четырех слов, повергая в задумчивость партнера. Видимо, это было чем-то вроде шахмат без доски... Негр просто балдел, словно обкуренный, а азиат, похоже, просто спал с открытыми глазами.

Рога с иронией продолжал наблюдать за своим собеседником.

— Ладно... — наконец процедил он. — Твое дело: не хочешь — не колись. Только мой тебе совет: сказки свои побереги для своей бабушки. А здесь — на Аш-Ларданар — ты этих

песен не пой: не поймут, да еще и отделают так, что родная мать не узнает... Постарайся въехать в ситуацию: очень скоро эти мальчики, — Рога снова выразительно кивнул в сторону охранников, — возьмутся за нас. За каждого по очереди. И если будешь морочить им голову, то очень об этом пожалеешь. Лучше скажи... ну, например, что работаешь со мной. На подхвате. Тогда от тебя живо отвяжутся и так — со мной в спарке — и будут гонять за добычей. Но это у них надолго не получится. Не так трудно от них уйти. Суки еще пожалеют, что захомутали Рогу Петровича.

Рога помолчал, мрачно цыкнув зубом.

— И вот еще что... — он присмотрелся к уныло обвисшим щекам и скривившимся губам своего подопечного. — Когда тебя подведут к Камням — у них они с собой, из моего, кстати, улова за прошлую ночь, — ты не вздумай выдать себя. Ни-ни! Делай вид, что не чувствуешь ничего... Совсем ничего. Что даже не понимаешь, о чем идет речь... Иначе тебя вмиг возьмут в работу и вместо меня будет у тебя настоящий надсмотрщик — из этих ребят. А они круты...

Микис тяжело вздохнул — не первый раз за время своего недолгого знакомства с Рогой.

— А кто эти «мальчики»? — поинтересовался он. — Что этим типам нужно от бедного Алоиза Бибера? И потом... Я ведь и вправду ничего не понимаю... Что это за штука такая ваши Камни? Кому они сдались? Кто их покупает?

Минуту-другую Рога созерцал Микиса, очевидно, раздумывая, не плюнуть ли на этого непонятного типа. Потом все-таки решил удостоить его ответа.

— Если ты и вправду не знаешь, что такое Камни, — Рога принялся старательно, словно малому ребенку, растолковывать несчастному Палладини суть дела, — то в двух словах этого не объяснишь. А покупателей на них два — оттого и цена высокая держится. По-хорошему, так почти весь урожай скупают «черти» — ранарари. Толковые люди только с ними дело и имеют. А еще есть другие... Такие, с которыми лучше не связываться. Вот на этих-то других работают как раз эти «мальчики». «Стервятники». Стервятники и есть. Дурные они... И дела по-настоящему вовсе не знают. Свою долю или грабежом берут — у таких вот, как эти, — он кивнул на соседей по нарам, — или захватывают типов со Способностью и гоняют по плато — когда в ошейнике, когда нет. До той поры, пока тип этот не загнется. Или не смоеется к чертовой матери...

Оглушительно загремели засовы, охранники побросали карты и поспешили на свои места, а Рога осекся и всем своим видом показал Микису, что теперь стоит помалкивать. В бункер вошли четверо типов в подранном камуфляже Легиона, при бластерах и дубинках. Дубинки тут же пошли в ход — под крики «Встать! Рожей — в стенку!» Микис получил пару крепких тычков, которые заставили его принять позу, соответствующую желанию хозяев ситуации. Один из вошедших, позвякивая ключами, принялся отстегивать цепь, связывающую шестерку пленников.

— Сейчас по одному будете выходить в галльон — до ветру, — скрипучим, голосом сообщил, старший из охранников. — Под присмотром. Потом — жрать и на поверку. Потом — дрыхнуть до захода. По темноте — переход. Усвоили?

* * *

Окна кара были затемнены почти до предела, и казалось, что город погружен в глухую

ночь. Но это был всего лишь вечер — время затишья «чертей» и оживления людского населения Инферны. С этой точки зрения момент для перевозки федерального следователя на конспиративную квартиру, предназначенную для господина Крюгера, был выбран не слишком удачно: на кар пялились прохожие — проклятое затемнение лишь привлекало внимание посторонних, не мешая, при наличии достаточного любопытства, разглядеть в глубине салона силуэт господина Крюгера.

И господин Крюгер старался не высовываться без дела. Но не высовываться было невозможно: город впечатлял. Впечатлял уже тем, что ничем не был похож на города расселившихся по Обитаемому Космосу землян. Скорее его можно было назвать лесом. Но только не лесом, состоящим из живых деревьев, а лесом домов.

Кай не сразу сообразил, что это — именно дома, когда увидел первые из них. Они более походили на огромные, во множество обхватов, иногда неправильной формы колонны. Башни. Но башни ветвящиеся, соединяющиеся порой своими «кронами» и образующие невероятные, противоречащие, казалось бы, законам тяготения пространственные узоры. Башни эти, прорезанные узкими, приплюснутыми щелями окон, были прихотливо, на разных расстояниях друг от друга расставлены на никак не обработанной, не одетой в асфальт и бетон почве. И только несколько покрытых светло-серым подобием асфальта узких дорог (по одной из них и катил кар) протекало через эту каменную, на много десятков квадратных километров раскинувшуюся рощу. Теперь Кай понял, почему их кар был явно автомобилем повышенной проходимости — о шести широких колесах с шинами низкого давления. Кар, кстати, был сработан явно не в Федерации. Может быть, на Фронде. Марка машины была незнакома Каю. Он кивнул на эмблему, украшающую рулевое колесо:

— Чье производство?

— Местное — Диаспора, говорят, уже три года производит эту модель. Лицензия «Фольксвагена», — отозвался Яснов. — С техникой ранарари — хотя она качеством и получше — мучиться приходится: всю систему управления и салоны под людей переделывать. Получается ни богу свеча, ни черту кочерга...

Тротуары, робко жмущиеся к стенам башен и несмело одолевающие открытые пространства между ними, были здесь явной новацией, завезенной землянами. И только земляне, похоже, по ним и ходили. Хозяева же планеты для пешего хождения были не слишком приспособлены и перемещались, как правило, короткими перелетами от стены к стене, для чего стены эти были в изобилии снабжены стальными и каменными «жердочками». Несколько попавшихся Каю на глаза «чертей» именно таким манером спешили куда-то по своим делам. Другие неподвижно восседали на этих насестах, должно быть, наслаждаясь предзакатной прохладой.

Неожиданно объявившийся среди путаницы каменных стволов многоэтажный, да к тому же еще и кирпичный дом, окруженный парком — да-да, самым настоящим земным парком, вызвал у Кая желание стряхнуть наваждение и оказаться все-таки в каком-нибудь одном из двух столь различных миров — на Инферне или на Земле.

— Это резиденция нашего Чрезвычайного и Полномочного, — пояснил Ким. — Там же — за парком — целый городок для дипломатов и их семей. Кстати, и консульство там же. Но ведь вам теперь туда уже не надо?

— Теперь — не надо, — вздохнул Кай. — Уже не надо, как вы совершенно правильно выразились. С момента подключения к операции у меня единственный канал связи со своими теперь — это сеансы подпространственной связи с «Эмбасси-2». Кстати, когда,

наконец, такой сеанс состоится?

— Думаю, что уже сегодня, — ответил агент. — Так что подготовьте свою шифровку. Ваш комп и ваш блок связи ждут вас на квартире. И ваше оружие — тоже. Это большое отступление от правил. Но я настоял на полном доверии.

Ким развернул кар и стал осторожно лавировать между густо настроенными башнями, расположенными на склоне, спускающемся к довольно широкой на вид реке.

— Здесь кварталы землян, — пояснил он. — Всех людей Диаспоры здесь называют землянами. Хотя почти никто из них сроду не был в Метрополии и матушку-Землю в глаза не видел. И всех остальных людей вообще. «Земляне», и все тут.

Вскоре беспорядочная колоннада города «чертей» сменилась вереницей особняков, утопающих в зелени садилов — причудливой смеси земных и местных представителей флоры. Тут уже действительно можно было говорить о настоящих кварталах. Особняки, по меркам Федерации, были «крутыми» — с навороченными многоярусными верандами, башенками и соляриями на крышах. Почти в каждом на отдельно вынесенных в сторонку от плоских крыш висячих площадках дремал флаер или геликоптер. Верхушка Диаспоры явно не бедствовала.

— Да здесь народ живет прямо-таки по последней моде, — заметил Кай, впрочем, не уточняя, что собой представляет последняя мода Периферии.

— Это только за последние годы те, кто побогаче, стали себе позволять такое прямо в черте города, — отозвался Яснов. — Так, по крайней мере, говорят старожилы. За городом — в горах — можно встретить усадьбы старой постройки — еще иммиграции первой волны. Но вот так — прямо под носом у хозяев — тогда не разворачивались. Побаивались, надо полагать. Да и сейчас в Диаспоре нравы в основном — пуританские. Вы это имейте в виду...

— Постараюсь, — вздохнул Кай. — Скажите лучше, как вам видится мое участие в оперативной работе вашей группы. Пока складывается впечатление, что от меня хотят лишь того, чтобы я отсиживался в вашей «норе» и при встрече с представителями покупателя надувал щеки со значением...

— Честно говоря, — вздохнул агент на контракте, — я многое бы отдал за то, чтобы так оно и было. Вы не представляете, насколько трудно вжиться в здешнюю обстановку и не наломать дров в первые же часы работы. Так что, не извольте беспокоиться, «загорать» вам не придется — в деле предвидится уйма подводных камней. Взять хотя бы проблему с «вычислением» ваших спутников. Мне кажется, что все наши предположения на этот счет далеки от истины.

— Именно поэтому я и хотел принять участие в походе к месту предполагаемой посадки «Ганимеда», — Кай отбил пальцами по рукоятке кресла короткую дробь.

Наступила длительная пауза. Ким почувствовал, что надо сменить тему разговора.

— В-о-о-н то шато видите? — указал он. — Это домик «Большого Джонни» — Джона Гросса, председателя «Землячества Фронды в эмиграции». Это — второй человек в Диаспоре. И по влиянию, и по размерам банковских счетов.

— А кто же тогда первый? — осведомился Кай.

— Его жена. Матильда Гросс, — усмехнулся Яснов, — Но это скорее шутка. На самом деле Большой Джонни чуть ли не через день отмечается в одном из Серых монастырей. Отчитывается, надо полагать. И получает инструкции.

— Серых монастырей? — переспросил федеральный следователь.

— Дома Последнего Изменения, так их здесь называют, — уточнил Ким. — Вы наверное, знаете о них...

Кай действительно знал о таком институте Инферны, но не придавал большого значения этой местной разновидности хосписов. Оказывается, он недооценивал роль этой социальной структуры в жизни Диаспоры. Ким объяснил:

— Со стороны землян Серые монастыри опекает Община... Думаю, что главный человек в этих краях кто-то из Отцов Общины Заблудших Но кто именно — трудно сказать. Они не стремятся афишировать свое влияние и свои капиталы...

* * *

У Кирилла кошки скребли на душе. Не так ожесточенно, как у Смольского, — сказывалась привычка к потерям в Космодесанте, — но все-таки скребли... Он осознавал, что решение, принятое Листером, наиболее разумное в сложившейся ситуации. Более того — единственно возможное. С самого начала затеянной авантюры было ясно, что добраться до одного только кэпу Листеру известного конечного пункта их маршрута без потерь — при таком составе и уровне подготовки отряда — задача практически невыполнимая. Однако успокоения ему эта мысль не приносила — он продолжал на чем свет стоит проклинать и себя, и растяпу Микиса, и общее — всего отряда — совершенно непрофессиональное поведение в условиях аварийной высадки. А кроме того, его снедало откуда-то из подсознания идущее беспокойство, причиной которого было полное отсутствие какой-либо активности ранарари.

— Послушайте, кэп, — окликнул он Листера после нескольких часов молчаливого спуска по еле различимому в мерцающей мгле склону. — Вам не кажется странным, что никому из хозяев, — кивком в сторону невидимого горизонта он дал понять, что имеет в виду ранарари, — не приходит в голову высадить в район приземления — никем не санкционированного — чужого космического корабля десант и хорошенько прочесать местность? Частым гребешком... Да случись такой эпизод где-нибудь в Метрополии — на Тибете, скажем, так через считанные часы половина планетарных войск утюжила бы там каждое ущелье и каждую расселинку. А тут — полная апатия. Нам позволяют гулять здесь самим по себе. И, похоже, не только нам...

— Не примеряйте на ранарари униформу планетарной армии, — посоветовал кэп. — И не воображайте, что они на самом деле про нас забыли — Хозяева этого Мира. Просто у них свои методы и своя логика. Мы с вами влезли в очень сложную игру спецслужб и мафий. Так что остается только молиться богам — земным и небесным — о том, чтобы проскочить мимо тех жерновов, что мелют муку из черепов неудачников. Я знаю, о чем говорю.

Кирилл бросил косой взгляд на темный силуэт кэпа — похоже, кэп действительно знал, что говорил...

— Если вас волнует то, что по наши души еще не принесло поисковиков, — вошел в разговор Смольский, — то меня тревожит кое-что из совсем другой оперы.. По моим прикидкам, вот уже сорок минут, как должен был бы э-э... обозначиться рассвет. А что-то — никаких признаков... И потом... Мы идем все время вниз и вниз по склону.. И никуда не сворачиваем. Но вот это... — Он кивнул на еле различимые в тумане очертания громадного сооружения, а может, и случайного нагромождения каменных плит и скал-башен. — Мы уже

третий раз проходим мимо вот этого...

— Я тоже это заметил, — сухо согласился с ним Листер. — Это оттого, что мы, похоже, забрели в Ловушку...

* * *

— Ну, не знал я, что ты до такой степени идиот, — сообщил Рога своему незадачливому спутнику, плетущемуся следом за ним в унылом, утопающем в тумане мраке. — Я же говорил тебе — ни за что не выдавай себя! А ты сразу, как тебя к столу подвели, так на настоящий Камень и уставился, словно на гадюку! Теперь тебе — одна дорога: хомут на шею и носом в землю — Камни вынюхивать! Я же тебе...

— Разговорчики!.. — окрикнул его вынырнувший из тумана «стервятник».

Окрик сопровождался основательным пинком. Рога ответил конвойному злобным, многообещающим взглядом.

— Так ведь же... — зашептал Микис, когда стражник, судя по производимым им звукам, удалился куда-то к голове медленно ковыляющей сквозь мглу цепочки пленников. — Так ведь он же меня окликнул... Он меня окликнул, этот Камень...

— А ты чего хотел? — вполголоса раздраженно отозвался рыжий авантюрист. — Ты что — не знал, что у тебя Способность?

— Какая такая Способность? — с точно таким же раздражением зашипел Палладины. — Я только третьи или четвертые сутки здесь — на вашей милой планеточке. И если вы думаете, что я хоть что-нибудь понимаю в ваших тут делах, господа, то не надо так думать! Алоиз Бибер знает только одно: когда он тащится по этим проклятым каменюкам, его все время кто-то зовет. Не вслух и не словами, а... Ну, тут какая-то телепатия или что-то в этом роде. Но только я... Только я готов поклясться, что то тут, то там кто-то... или что-то просит меня о помощи. Хочет, чтобы я забрал его с собой. Отнес кому-то... И когда меня подвели к столу, на котором были разложены эти... ну — камни, просто камни — как их еще назвать? Так вот: когда меня к ним подвели, я снова это почувствовал. И очень сильно почувствовал...

Из тумана вынырнула фигура «стервятника» и на этот раз без особых происшествий снова канула во мглу. Микис выждал, пока сопение разбойника стихнет в отдалении, и хотел возобновить свой монолог, но Рога, прижав палец к губам, призвал его хранить молчание. Он прислушивался к чему-то. К какому-то едва слышному звуку, доносившемуся из тьмы. Улыбнулся кривоватой, злорадной улыбкой и кивнул Микису, чтобы тот продолжал.

— И я... Я понял... — торопливо зашептал Палладины. — Я понял, что это он — один из этих Камней — зовет меня... Я был настолько поражен, что...

— Что отвесил варешку и уставился на него, выпучив зенки! — зло закончил за него Рога. — Ты, видно-таки, с Луны слез. Хотя и не верю я твоим байкам, но — не здешний ты, точно. Так вот, пойми, малахольный, что Камни — это что-то вроде мозгов. Живые, одним словом, существа. Они всякое могут: советы давать, задачи решать, говорят — даже будущее предсказывать. Но это только тем, кто умеет с ними разговаривать. Вот так вот — без звука. Только это не настоящая телепатия. Там что-то типа подпороговых сигналов... В общем, ничего я в этом не понимаю. И не надо. По-настоящему с ними «разговаривать» могут только ранарари и те — другие... Люди — очень редко. А вот чувствовать Камни — как

ты — некоторые могут. Процентом пятнадцать. Из них многие идут к нам, к Продавцам. Или к господину Фальку на поклон. Но это значит — все равно к нам. Дело, как видишь, рискованное, но года за два можно сколотить хорошие деньги и мотать отсюда. Или в Диаспоре очень хорошо жить. Открыть свое дело...

— А они — откуда? — Микис облизал пересохшие губы и хрипло повторил: — Откуда они берутся, эти Камни?

— Всем стоять! — раздалось из тумана.

Команда была отдана пониженным голосом, словно рядом появилось что-то, от чего надо было срочно укрыться. И оно действительно было рядом — это нечто. Низкий, быстро приближающийся гул невидимых моторов.

— Авиация ранарари... — с каким-то злым удовольствием констатировал Рога. — Каратели. Нам крышка. И им — тоже! Но нам — не совсем, а им совсем!

— Всем — носом в землю! — раздалась из тумана очередная команда. — Рассредоточиться! Нас засекли!

— Вот что, — уже не обращая на эти команды никакого внимания, распорядился Рога. — Ползи ко мне и давай — зубами вытаскивай кольцо из браслета — у меня на левом запястье. Большой, толстый... Быстрее! Быстрее!!

Гул двигателей нарастал. Прокатился над головами. Удалился и вернулся вновь...

Ухватить зубами проклятое кольцо, торчащее из массивного браслета, украшавшего одно из сведенных за спиной запястий Роги, было для Микиса занятием нелегким, но с третьего захода он это кольцо выдрал. Браслет тут же распался на две половинки, и на скалистый грунт посыпались какие-то желтоватые комки. Рога резко перевернулся с одного бока на другой и принялся хватать эти комки губами.

— Жри! — просипел он, одновременно пытаясь как можно быстрее прожевать непонятную дрянь. — Жри! Иначе нас сейчас...

Краем глаза Микис увидел, что четверо остальных пленников устремились к рассыпавшейся по камню субстанции, и, преодолев страх и отвращение, принялся хватать ртом и, давясь, разжевывать и глотать преотвратное на вкус зелье. Четверо товарищей по несчастью навалились на них с Рогой сверху, отталкивали и их и друг друга от остатков отравы. Микису свело скулы, и содержимое черепа почти моментально «поплыло». Кто-то из подоспевших «стервятников» огрел его по спине прикладом и, кажется, тоже включился в борьбу за содержимое браслета Роги, но тут на всех сверху обрушилась упругая и стремительная ударная волна.

Последующее Микис воспринимал какими-то мало связанными между собой эпизодами: то он сам никак не мог выползти из-под кучи одеревеневших почему-то тел, то Рога совершенно невероятным прыжком пробрасывал скованные руки из-за спины вперед, под поджатыми ногами. Потом — это он уже припоминал лучше — Рога из бластера перебивал цепи наручников Микиса и шатающегося из стороны в сторону негра.

А совершенно отдельно — словно что-то случившееся не с ним, не здесь и не сейчас, может быть, вообще во сне, — он вспоминал потом, как, звеня остатками кандалов, на четвереньках карабкался куда-то вперед, к голове колонны. Туда, где среди одеревенелых тел «стервятников» должен был валяться кожаный мешок, из которого во время проверки доставали и раскладывали перед ним на оцинкованной поверхности стола камни. Один из них был тот самый — настоящий Камень.

А потом Рога гнал их обоих куда-то вверх по уходящему из-под ног склону, а он —

Микис — судорожно прижимал к животу руки, на запястьях которых все еще болтались покалеченные наручники, твердый и округлый красноватый Камень. Позади снова и снова гудели, шарили по туманному морю огнем прожекторов и долбили этот туман тупыми молотами газовых снарядов невидимые воздушные машины карателей. И при каждом ударе такого молота сердце и вообще все нутро Микиса сжималось с мучительной болью. А Камень благодарно и ласково говорил, шептал и шептал ему что-то свое...

* * *

Конспиративная квартира, предназначенная для «дорогого гостя» из Метрополии, располагалась на окраине города — поближе к кромке леса. Леса совсем не такого, в котором был укрыт «внутренний изолятор Службы безопасности Диаспоры», — не пронизанный лучами ниспадающего с небес света, просторный, простирающийся бесконечно на все четыре стороны колонный зал, а хмурая, сочащаяся сырой мглой, большим туманом громада. Тьма, которая только намекала о себе там — в царстве света, — властвовала здесь. И хотя между неприметным, из красного кирпича, под старину сложенным коттеджем и кромкой черного леса простиралось еще несколько жилых кварталов — с домами поскромнее, чем вдоль берега реки, — и довольно обширные заболоченные пространства лугов, присутствие тьмы давало себя знать постоянно, неприятной, знобящей моросью — не той, от которой может избавить хорошо настроенный кондиционер, а той, которая темной плесенью оседает на душу.

Дом — просторный, двухэтажный — почти не просматривался за стеной разросшихся со времен его постройки деревьев, и подъезжать к нему Ким предпочел по-хитрому: сначала вырулил на набережную и проверился на предмет слежки. Тут Кай убедился, что река представляла собой не просто водный путь, а еще один квартал столицы. Тут и там прямо из воды поднимались башни домов ранарари, а вдоль набережных в несколько рядов покачивались на волнах многочисленные катера и яхты, между которыми были перекинута мостики. Не все эти «плавсредства» были земной конструкции. Многие из них явно не вписывались ни в одну категорию судов, известных земным мореходам. Зато все они были обитаемы — на некоторых уже зажглись огоньки иллюминаторов и окон кают, на палубах и мостках виднелись человеческие фигуры — в движении или созерцательно замершие.

— Это — здешняя Венеция, — чуть иронически объяснил Ким, кивая в сторону загроможденной суденышками водной глади. — Так живут, как правило, новички. Потом, устроившись и подзаработав, съезжают в собственные особняки или покупают квартиры в муниципальных домах Диаспоры. Но некоторые застревают на всю жизнь. Кое-кому даже нравится такое житье. В сезон отпусков многие из них снимаются с якоря и путешествуют к пойме. Или даже до океанского побережья добираются. Для этого достаточно за месяц предъявить маршрут хозяевам и потом отмечаться в пути. Сейчас такой катерок среднего пошиба, подержанный, можно купить в кредит и за год расплатиться без проблем. Было бы рабочее место. А слегка аварийные — под ремонт — так и вообще за гроши идут... Так что, как видите, живет Диаспора по-разному.

Агент свернул в узкий проезд и подрулил к особняку, снимаемому Службой безопасности, со стороны хозяйственного подворья — с черного хода. Он взял с сиденья свой блок связи. Но их уже заметили: одетый в комбинезон садовника негр отворил дверцу

низкой ограды и, подойдя к кару, наклонился к окну водителя.

— Знакомьтесь, господин следователь, — Ким повернулся вполборота к обоим своим собеседникам. — Мустафа Дрейк — сержант Службы безопасности... Входит в особую группу.

Негр кивнул Каю.

— А это — господин Кай Санди, следователь федерального управления расследований. Далее именуйте его Джоном Крюгером. Джоном Кинли Крюгером...

Теперь Кай кивнул негру.

— Проводите следователя в дом, — распорядился Ким. — А я сейчас с понтом подъеду к парадному входу. Дурацкая, конечно, конспирация, но — так предписано...

— Полиция здесь имеет привычку приглядывать за жителями таких вот незаметных домиков, — отозвался Мустафа, открывая дверь салона перед федеральным следователем. — Но, к счастью, занимается этим формально... Так что достаточно просто соблюдать правила игры. Пойдемте.

— А полиция не поставлена в известность о нашей операции? — поинтересовался Кай, шагая впереди своего темнокожего сопровождающего по направлению к дому.

— Нет, не поставлена, разумеется, — слегка удивленно отозвался тот. — Ни наша, ни ранарари. Они — полицейские — здесь, конечно, не такая продажная шваль, как, скажем, на Мелетте, но все равно — достаточно одной-единственной паршивой овцы...

— А вы, оказывается, в курсе дел Федерации, — удивленно заметил Кай. — Знаете, например, что собой представляет мелетская полиция...

— Еще четыре года назад, — Мустафа открыл перед федеральным следователем заднюю дверь дома, — я работал во внутренней инспекции федеральной полиции. Но понял, что еще пара лет такой работы — и у меня начнутся крупные неприятности с мафией. Уволился, принял гражданство Фронды и купил визу сюда...

Они прошли через пустую кухню и вошли в просторную комнату — раньше, видно, служившую гостиной. Мустафа представил Кая двум типам в штатском. Один из них, Нильс, — светловолосый скандинав с шевелюрой, перехваченной на затылке резинкой, — нацепив наушники, колдовал перед типичным универсальным терминалом связи. Второй — Артур, плотно сбитый и плоховато выбритый шатен неопределенно-европейской наружности — поглощал пухлый покетбук «Мечь Хромого». Попутно он прихлебывал из розового стаканчика самый настоящий «мокко» — Кай почувствовал это по наполнявшему комнату аромату — и заедал его весьма аппетитного вида пончиком. Ни на кого из присутствующих появление федерального следователя впечатления не произвело.

«Кажется, здесь все-таки можно раздобыть нормальную человеческую пищу, — с удовлетворением отметил Кай. — Да и было бы удивительно, если бы десять с лишним миллионов „граждан Диаспоры“ не обеспечили бы себе хоть минимум комфорта».

Хлопнула дверь парадного, и в комнату энергично вошел Ким Яснов.

Артур мгновенно захлопнул книжку и стал с удвоенной энергией дожевывать свой пончик, шумно захлебывая его остатками кофе.

«Кажется, у этих ребят существует все-таки субординация», — заключил Кай. И тут же получил подтверждение своей правоты.

— Если вы уж решили прикончить кофе, Арти, — ядовитым голосом заметил Ким, — то взяли бы в компанию господина следователя. Так вы быстрее управились бы...

— Черт возьми! — очнулся к жизни Нильс. — Право же, мы — свиньи!

— Вы это поймете еще лучше, — усмехнулся Ким, — когда усвоите, что в мое отсутствие распоряжения господина Санди вы должны выполнять как мои собственные.

Нильс, видимо, достаточно быстро проникся этой задачей. Он торопливо сдернул с головы наушники и водрузил на стол объемистый термос. Арти озабочен тем, чтобы на пластиковом подносике возникло нечто, чем содержимое термоса можно было закусить.

— А куда делся Манич? — осведомился Ким, наливая кофе в пластиковые стаканчики.

— В городе, — объяснил Арти. — У него встреча с Барышником. Вроде наметились кое-какие зацепки... будет через пару часов. Вот сахар — в этой банке...

— Вот что, — Ким пригубил кофе и поставил стаканчик на стол. — Санкция на начало операции дана. Беремся за дело с места в карьер: завтра к утру здесь у нас должна быть не резиденция, а образцовое гнездо преступности. Роли наши расписаны и отрепетированы. Позаботьтесь о внешности, ребята. Сейчас я провожу следователя в его гм... апартаменты. Человек приведет себя в порядок, и через часок мы с вами прокрутим планы на ближайшие сутки.

Кай молча, мелкими глотками пил кофе и старался хотя бы несколько минут не думать ни о чем — упражнение, которое раньше давалось ему гораздо легче.

Ким свой кофе допил залпом и принялся разбирать лежащие на столе распечатки. Нильс снова взялся за наушники, а Арти, которому, судя по всему, на данный момент делать было нечего, принялся торопливо пояснять агенту суть сообщений, поступивших за время его отсутствия. Тот терпеливо дождался, когда Кай покончит с кофе и пиццей, и, попридержав ретивого Арти, кивнул федеральному следователю: «Пойдемте...»

Они спустились в относительно чистую и заставленную полупустыми стеллажами комнату. Ким, достав из кармана брелок-пультик, надавил на его кнопки, и одна из каменных плит замусоренного пола ушла вниз и в сторону, освобождая проход в подполье. Лестница, уходящая вглубь, кончалась довольно тяжелой дверью, а за ней следовала еще пара лесенок и тамбур. В тамбуре выходило сразу четыре двери. За одной из них находились апартаменты, предназначенные для господина Крюгера: пара комнат, обставленных с несколько нелепой претензией на роскошь. Впрочем, Ким не стал распространяться насчет качества предоставляемых гостю удобств, а поспешил продемонстрировать систему связи и сигнализации, которая должна была вовремя предупредить обитателя этой подземной квартиры о любой приближающейся опасности, а также лаз в потайной туннель и пару надежных тайников, скрытых за спинкой дивана. Пока — пустых.

— Подземный ход разветвляется, — пояснил он, — примерно через полкилометра отсюда. Направо — в подземные гаражи Службы. Формально — это прокатная фирма «Каледония». Там в боксе тридцать три стоит наготове наш флаер. Ключ в замке. Код бокса — CENDER-триста тридцать три. Легко запомнить. Всюду одни тройки и «пепел». Там ветка, что ведет влево, — снова разветвляется. Направо — к речному порту, налево — к заброшенному дому в лесу. А это, — агент извлек из стенного шкафа довольно объемистый пакет, — ваши личные вещи. Изъяты при аресте.

— Ну что ж, — федеральный следователь вскрыл пакет и принялся раскладывать на столе его содержимое, — вы неплохо подготовили базу для операции. К сожалению, я не имел еще возможности хорошенько познакомиться с вашими людьми. Ну, Дрейк — здешний, а кто — на контракте?

— По контракту с Диаспорой работают Константин Манич и Артур Ланг. Нильс Лундгрэн, также, как и Мустафа Дрейк, — из здешних. Жители Диаспоры во втором уже.

если не в третьем, поколении. Не стоит обижаться на них — сейчас мы все еще не притерлись друг к другу. До сих пор совместные с федералами операции не проводились в Диаспоре ни разу. А так — народ надежный. У всех — дипломы юристов. Хорошая спортивная форма. Не пьют и не курят. Хотя временами и чудят — работа такая, что требует разрядки...

Кай задумчиво рассматривал свой пистолет. Проверил предохранитель, обойму и определил оружие в наплечную кобуру. Принялся прилаживать эту сбрую на себя. Разложил по карманам мелкое барахлишко. На мозаичной крышке стола остались лишь темного цвета орешек на шнурке — Шептун, бес худых тайн, да небольшая металлическая фляжка с коньяком.

Шептуна Кай сунул в карман, а остатки коньяка разлил в пару мини-фужеров, взятых из встроенного в стенку бара, предварительно выдув из них пыль. Пыли той, видно, пошел не первый уж год...

— Извините, что не предлагаю вашим... нашим сотрудникам поднять бокал за знакомство, — он в смущении пожал плечами. — Но раз уж вы говорите, что они у вас чужды такому греху, то... То — за тех, кто остался там — на борту «Ганимеда». За то, чтобы встретились нам живыми.

— За них, — согласился Ким.

Глава 8

ЛОВУШКА

— Все как в страшной сказке. Кажется, Синдбад в одном из своих странствий никак не мог уйти от какой-то скалы. Все время его путь заворачивал к ней... У нас — та же притча, — констатировал Кирилл.

— Не хочу сказать ничего дурного в ваш адрес, капитан, — подобрал наконец нужные слова Смольский, — но не могли бы вы объяснить поточнее относительно того места, куда завели нас? Что это за Ловушка такая? И как из нее выбраться? Если, разумеется, вы вообще собираетесь из нее выбраться...

— Присаживайтесь, — махнул рукой Листер. — Благо, камней вокруг хватает... — И, подавая пример, устроился на плоской слоистой глыбе.

— Я сам только недавно почувствовал, что нас «водит», — устало объяснил он. — Должно быть, меня как-то притягивают подобные вещи... Точно так же было и в прошлый раз.

— Это вдохновляет, — без особого энтузиазма в голосе заметил Смольский. — Я уже заметил, что вы в этих краях не впервой. И раз вышли живым из этого капкана прошлый раз...

Тут он осекся.

И Листер и Кирилл глядели на него какими-то остекленевшими глазами, словно он сморозил нечто невероятное. Оскорбительное...

— Эти... — кэп почувствовал странность возникшей паузы и попробовал заполнить ее, — эти... шгуки смастерили давно... Может быть, даже и не сами ранарари, а те, кто их самих — ранарари — завез на Инферну.

— Э-э... гм, — заметил на это Смольский.

С этой гипотезой он был знаком — раз уж берешься писать о Фронде, воленс-ноленс приходится поднабраться знаний и об Инферне и ее обитателях. У теории инопланетного происхождения «чертей»-ранарари были неплохие основания для того, чтобы числиться в ряду вполне научных теорий — уж слишком мало напоминали ранарари любых других известных земной науке обитателей Инферны. С той, впрочем, важной оговоркой, что известно земной науке о фауне Инферны было не так уж и много. А о ее палеофауне — вообще ничего.

— Ловушки эти были предусмотрены для каких-то естественных врагов ранарари, — продолжил Листер. — Может быть, для неких разумных обитателей планеты, которых ранарари вытеснили и от которых даже следа не осталось. Кроме самих этих Ловушек. Они и простаивают здесь веками... А теперь в них хорошо стали ловиться люди, может быть, потому, что они сильно напоминали тех, для кого этот огород городили...

— А что люди вообще делают на этом Аш-Ларданаре? — поинтересовался Анатолий. — Зачем их сюда заносит?

— За Камнями, — словно имея в виду нечто очевидное, пожал плечами кэп.

И видя, что собеседники явно не в курсе дела, уточнил:

— Продавцы Камней. Камни и «пепел» — это две вещи, на которых на Инферне можно делать большие деньги. Ладно, попытаемся все-таки выбраться отсюда. Еще раз...

Негра — его звали Доминго, как потом пояснил Микису Рога, — они таки потеряли. Непонятно — когда и где. Случилось это во время очередного приступа беспамьтства, навалившегося на Палладины. Скорее всего негр недобрал желтого противоядия, и газ или аэрозоль, обрушенные на «стервятников» и их пленников, сделали свое дело. Сам Микис чувствовал себя ходячим покойником. Дважды его почти в буквальном смысле слова вывернуло наизнанку. Так что, когда, затащив его в узкую расщелину, края которой чуть ли не сходились над их головами, Рога объявил наконец привал, владелец «Риалти» без слов рухнул в сырой мох, уподобившись груде тряпья. На некоторое время он утратил способность издавать хоть какие-то звуки, кроме сдавленных всхлипов и придушенного стога. Больше всего ему хотелось провалиться в бездну беспамьтства, но капризный бог сна не был милостив к нему — тошнота после двойного — газом карателей и противоядием Роги — отравления волнами накатывала на него, да время от времени его начинало неудержимо колотить малярной дрожью и сводить болезненной судорогой.

Рога тоже выглядел неважно — насколько можно было разглядеть в проклятой темноте. Во всяком случае, двигался он с трудом, а говорил перхая и запинаясь.

— В принципе, — констатировал он, — мы легко отделались. Ранарари могли нас и проморгать в этом месиве... Или наоборот — могли из огнеметов шарахнуть. Но они обычно пускают эту свою парализующую дрянь. Чтобы, значит, не угробить кого не надо...

— А они — ранарари — что, — с трудом выдавил из себя Палладины, — воют со «стервятниками»? Или с вами — с Продавцами? Что это вообще за налет такой был? Ведь ты сказал, что они... Что они Камни эти у вас покупают...

— Одни — воют, — меланхолично ответил Рога. — Другие — покупают... Ранарари — они ведь разные...

Очередная попытка уйти прочь от странного нагромождения каменных столбов и плит, погруженных в вечную ночь, закончилась, как и предшествующие: из мглы перед ними снова вынырнул то ли храм, то ли капище. Тот же самый или точно такой же, как тот, к которому они выходили тогда — до наступления рассвета.

— Так что же нам остается? — с досадой спросил Смольский. — Ждать, пока кончится запас воды, и спокойненько отдать богу душу? Или сначала попробовать взорвать эти красивые столбики? Может, тогда эта идиотская магия поломается? Надо же ведь что-то делать, черт возьми?!

— Ни то и ни другое... — Кэп устало опустил на угольно-черный песок. — Вы уже поняли, что уходить прочь от Ловушки — бессмысленно... Мне кажется, что в этот раз... Что нам стоило бы попробовать поступить наоборот: не уходить от этих скал, а войти внутрь этого лабиринта. У меня ощущение, что где-то там — в самом его сердце — лежит выход. Или — ключ к выходу... Правда, вряд ли выход этот ведет на свободу...

— Так на кой же черт он нам тогда сдался?! — окончательно утрачивая последние остатки решекта, вспылал Смольский.

Он усталился на самозваного руководителя их непонятного похода воспаленным, злым взглядом. Листер этот взгляд выдержал.

Смольский откашлялся:

— У меня такое впечатление, что вы уже начинаете заговариваться, капитан. Какой это, извините за выражение, выход, если он не ведет на свободу?

Листер набрал черный песок в пригоршню и пропустил его сквозь раздвинутые пальцы. Усталое посмотрел на Анатолия:

— Это — выход в то место, где ожидали хозяева Ловушек. Подстерегали...

— Очень милое, надо полагать, место, — пожал плечами Смольский.

— По-своему — да, — кривовато усмехнулся кэп. — Хотя бы тем милое, что их там уже нет — этих хозяев... Предтеч.

— Вы всерьез думаете, что они здесь побывали? — изумился литератор.

— Всерьез.

Капитан поднялся на ноги, отряхнул ладони.

— От них здесь много всякого осталось. Но не думаю, чтобы все это было слишком опасно... Главное, чтобы он не был закрыт, этот выход...

В голосе его не хватало уверенности.

— А он может быть еще и закрыт... — не столько спросил, сколько уныло констатировал Смольский. — Почему же вы до очумения водили нас вокруг этой мышеловки, если знали, что...

— Я ничего не знаю до конца, — нервно оборвал его Листер. — Спрашиваете, почему я сразу не повел вас к черту в зубы? Охотно отвечу вам, господин писатель: мне было страшно.

* * *

— Как вам спалось на новом месте? — поинтересовался Ким у федерального следователя, входя в дверь бункера, распахнувшуюся по приказу инфракрасного пульта, зажатого в его руке. — Первые два-три месяца ужасно трудно привыкнуть к этой разнице между двадцатичетырехчасовой системой, принятой по всей Федерации, и здешними сутками...

— Ну, мне не приходится привыкать к таким вещам надолго, — вздохнул Кай. — Единственное неудобство — не забывать поставить будильник на нужное время. Но оставим сантименты на более подходящее время. Как я понимаю, у вас есть для меня новости...

— Вы правы, — согласился Ким. — Целых две — хорошая и плохая.

— Садитесь, — Кай освободил место на диване от распечаток и топографических снимков, — и начинайте с плохой. А я пока приготовлю вам что-то вроде чая. Из того, что нашел здесь на кухне.

— Итак — плохая, — начал Ким, опускаясь на расчищенную для него посадочную площадку. — Ранарари напрочь отказываются от вашего участия в экспедиции к месту захоронения «Ганимеда». По всей видимости, боятся какой-нибудь... неадекватной реакции. В общем, они туда направляют комплексный отряд из «чертей» и сукку...

— Сукку? — удивился Кай.

— Сукку, — повторил Ким. — Бродячая Цивилизация. Их «караваны» проходят через систему Инферны примерно один раз в двадцать лет...

— А эти сукку — что? Во всей документации, которую я успел прочесть, они упоминаются как цивилизация, установившая регулярный обмен информацией с Инферной. И только. — Недоумение все еще жило в голосе следователя.

— Очень существенно то, — кисло улыбнулся Ким, — что с Земной Цивилизацией цивилизация сукку так и не нашла общего языка... Вопрос этот сложный. Тут мне приходится говорить с чужих слов. Ходят слухи, что некоторое время назад «черти» пытались создать на планете своего рода «противовес» Диаспоре землян. Да-да — они уже тогда почувствовали, что там — на Фронде — они проглотили слишком большой кусок. Гораздо больше, чем им удалось бы переварить... Тогда-то и был открыт почти свободный доступ для сукку на планету. И они не замедлили появиться в здешних краях. Знаете ли, этакие деловитые гномы с бульдожьими физиономиями. Но, в общем, ничего из этого не получилось. Нас — Homo sapiens — здесь уже несколько миллионов, а сукку — от силы полмиллиона. И никакой тенденции к росту численности. К тому же у них — совершенно иная психика... Ментальность... Если земляне прилетают сюда затем, чтобы получить непыльную и хорошо оплачиваемую работу, имея в перспективе такой вот красивый домик, как те, на которые вы уже нагляделись, пока мы колесили по городу, и солидный счет в солидном банке, то... то у сукку все наоборот. Даже не наоборот, а вверх тормашками! А мы, равно как и ранарари, наивно полагали вначале, что сукку также свойствен здоровый эгоизм, стремление к обогащению и, вообще, «ничто человеческое им не чуждо» — как бы смешно это ни звучало в данных обстоятельствах. Но все пошло прахом, когда «чертям» пришлось иметь дело с реальными сукку, а не с их образом, созданным коллективным воображением. Для них работа на Инферне оказалась чем-то вроде обряда искупления, отрешения от совершенных грехов через труд и покаяние. Производительность труда у них оказалась довольно высокой, но только в некоторых, весьма специфичных областях. Так что союз Инферны с Бродячей Цивилизацией угас, не успев разгореться как следует. Но отношение к Человеческой Цивилизации у сукку почти полностью задано ранарари... И нам не скоро удастся разрушить тот стереотип, что им вбили в голову здесь, на Инферне... Так что не удивляйтесь их — сукку — несколько враждебному к нам отношению. А они здесь подворачиваются часто. Вне спецлагерей, там — на континенте. Этот Мир тесен...

— Стало быть, от той экспедиции — к «Ганимеду», мы не можем ждать особой благожелательности в выводах? — скорее констатировал, чем спросил Кай.

— Нет, не можем, — вздохнул Ким.

— Надеюсь, что они хотя бы найдут «пепел» в целостности и сохранности, — Кай свел кончики пальцев «домиком» и некоторое время рассматривал получившееся сооружение.

— Не смею приставать к небу с лишними просьбами, — с горьковатой иронией произнес он, — но было бы неплохо, если бы им вдруг удалось взять след той тройки.

— Палладини — Кириллов — Смольский? — уточнил Ким. — Скорее всего их будет больше. Я имею в виду конвойных или проводников. Смотря по обстоятельствам. Но спутниковая съемка и съемка с гелиопланеров наблюдения сейчас неэффективна — на Аш-Ларданаре туман. Те из Диаспоры, кто постарше, придают этому туману какие-то особые, чуть ли не мистические свойства. Но там и без мистики опасностей и бед хватает. Если ваши приятели живы, то они непременно нарвались либо на Продавцов, либо на «стервятников». В обоих случаях в самом скором времени с нас — точнее с Большого Джонни — начнут трясти выкуп...

— Если бы речь шла о привычных мне бандах, орудующих на Харуре или на Мелетте, я

бы поддержал такое предположение, — пожал плечами Кай. — Но в здешних делах я — совершеннейший «чайник». «Стервятники»... Продавцы камней... Что это за группировки? На кого они ориентированы? Какое отношение имеют к «пеплу»?

— Временами — самое непосредственное, — заверил его Ким.

— Тогда просветите меня хоть немного на этот счет. — Кай всем своим видом изобразил внимание к собеседнику.

— Собственно, это — здешние бродяги, — Ким хрустнул суставами пальцев. — Маргиналы. Но довольно хорошо зарабатывающие маргиналы. Там — на Ларданаре — при каких-то непонятных процессах возникают специфические образования. Их здесь принято называть Камни — с большой «К». Им приписывают массу разных магических свойств, но все это — не для простых смертных. Чтобы с Камнем таким говорить, надо обладать какими-то сверхъестественными способностями...

— Это действительно так? — поднял левую бровь федеральный следователь.

— Не знаю, — пожал плечами Ким. — Здесь много всяких заморочек... Невозможно за одну человеческую жизнь разобраться даже с самыми докучными из них. Камни активно покупают на черном рынке. Но Продавцы и «стервятники» работают на разных хозяев. Продавцы ориентированы на внутренний рынок — на самих ранарари. А «стервятники» сбывают свою добычу на сторону. Мне не удалось вычислить — кому. Но с планеты они уходят.

— А почему вы этим вообще интересовались? — осведомился Кай.

— Мне известно несколько случаев, так сказать, бартерного обмена: «пепел» на Камни, — Ким изобразил в воздухе сложную фигуру. — И есть доказательства, что такая торговля осуществляется и по другим схемам. В общем, все это — вещи взаимосвязанные. Ну да ладно — это все теории.

— Это теории, — согласился Кай. — А теперь выкладывайте вашу вторую новость — ту, что получше.

— Мне приказано доставить вас, господин следователь, в студию подпространственной связи, — Ким сверился с часами, — через полчаса. И еще: Манич из своего «ночного полета» принес на хвосте любопытную новость — объявился ваш друг Раковски. Живым и здоровым. Говорят, он кого-то ищет. Как вы думаете, следователь, кого бы это?

* * *

Гвидо приложил все старания, чтобы второй сеанс подпространственной связи с Инферной привлек меньше внимания, чем первый, который породил среди персонала станции лавину слухов и домыслов. Из «стакана» — бокса связи Гвидо вышел с дурными предчувствиями. В нагрудном кармане у него находилась карточка с только что считанной с терминала шифровкой. Ее он не доверил даже внутренней сети связи станции. На несколько минут Гвидо присел у особо защищенного терминала для чтения таких вот — сверхсекретных — документов, после чего буквально остолбенел.

Не всегда ему приходилось решать проблемы, которые требовали такой мгновенной реакции, чтобы ни у кого из подчиненных, а тем более у руководства не возникло и тени подозрения, что он, подполковник Дель Рей, в чем-то колеблется. Гвидо задумался: докладывать ли о содержании шифровки «наверх». Пока только он один знал то, неприятнее

чего мало что могло быть, — что среди посвященных в секреты «Тропы» есть по крайней мере кто-то один, кто «стучит» Хубилаю, мафии. Только лишь он один — подполковник Гвидо Дель Рей? Да черта с два!

Система секретного делопроизводства не могла оставить его один на один с шифровкой, «запертой» его личным паролем. Кто-то из тех, кто контролирует его работу, непременно заинтересуется, почему такого рода документ вдруг исчез или просто остался без последствий? И тогда... а ведь это могло быть и просто проверкой. Управление следит за разведкой, разведка — за управлением... Их с Каем связывало многое, но не настолько, чтобы, имея соответствующее распоряжение, федеральный следователь не исполнил его — точно и в срок. Скрепя сердце и помолившись за друга Гвидо.

Нет, колебания свыше десяти секунд были тут неуместны!

Выйдя из транса, Гвидо тут же распорядился дежурному на пульте соединить его с генералом Ковальски по «горячему» каналу. В ожидании подключения он энергичными шагами мерил пространство тесноватой и наглухо забитой приборами студии связи и, когда дежурный сообщил, что генерал ждет его, рванулся в «стакан» так стремительно, словно за ним гналась рота «чертей».

Разговор с генералом оказался суровым. Ожидаемые неприятности начались сразу и по полной программе. Из бокса Гвидо вышел с решительным видом и сразу направился в кабинет главного связиста «Эмбасси-2». То, что по локальному времени станции шел уже второй час ночи, не имело в сложившейся ситуации никакого значения. И хотя на свое рабочее место связист прибыл менее чем за четыре минуты, это не уменьшило количества яда в голосе Гвидо:

— Великодушно прошу прощения за то, что прервал ваш сон, — обратился он подчеркнуто вежливо к выглядевшему спросонья недовольным капитану Эннеману. — Сложилось так, что действовать надо немедленно. Необходимо временно отрезать «Эмбасси» от окружающего мира. Отключите все каналы связи, кроме технических. Оставьте только «посольский» канал и мою линию связи.

— Б-боже мой! — пробормотал капитан Эннеман, поправляя криво застегнутый впопыхах воротник мундира и приглаживая всклокоченную шевелюру. — Что происходит, в конце концов? Мне необходима санкция посла...

— Не беспокойтесь, капитан, санкция будет, — заверил его Гвидо.

И тон его был весьма убедителен.

Стремительно шагая к своему кабинету через туннели и переходы, заполненные ночным мутным светом приглашенных софитов, он на ходу вытащил из притороченного к поясу чехла блок связи и набрал на клавиатуре номер, которым не любил пользоваться. Очень не любил...

Старший инспектор Ференц Блант — директор сектора внутренних расследований «Эмбасси» — видно, обладал даром, столь необходимым для своей весьма специфической работы, — он то ли предвидел этот совершенно неожиданный вызов, то ли вообще не спал по ночам. Во всяком случае, ни малейших признаков сонливости или раздражения в его голосе не звучало.

— Слушаю вас, подполковник, — с тенью тревоги в голосе осведомился главный контршпион Второго Посольства.

— Жду вас в моем кабинете, — сухо бросил в микрофон Гвидо. — И активируйте программу «Крот». Немедленно.

В собственном кабинете — кабинете планетарного шефа военной разведки Федерации — Гвидо очутился лишь на несколько секунд раньше Бланта. Самый опасный и непредсказуемый человек на станции имел вид этакого бонвивана, который случайно заглянул в кабинет своего коллеги — так просто, поинтересоваться, не слишком ли тот соскучился. Пока Гвидо одну за другой врубал системы и подсистемы защиты и сигнализации, его гость невозмутимо рассматривал развешанные по стенам профессиональные снимки пейзажей и достопримечательностей далеких планет, на которых довелось служить хозяину кабинета.

— Садитесь, — коротко бросил ему Дель Рей, — и ознакомьтесь с рапортом господина Санди. Надеюсь, вас не надо вводить в детали операции «Тропа»?

— Только о двух последних ваших разговорах — с шефом сектора и с господином Санди... — совершенно невозмутимо ответил контрразведчик. — Если это не затруднит вас...

Дель Рей оценил это уточнение. Недаром хитроумный Ференц встретил его звонок без тени сна в глазу: как только на пункт связи поступила заявка на разговор через подпространство, у сектора внутренних расследований ушки уже были на макушке. Особенно если принять во внимание, что речь шла о судьбе полупроваленной операции. Гвидо не сомневался, что содержание его разговоров с генералом Ковальски и с федеральным следователем Каем Санди уже известно руководителю контрразведки, и поэтому его просьбу о даче справки по этим разговорам воспринял как дань вежливости или желание потянуть время.

— Суть дела, — Гвидо подавил тяжелый вздох, — в том, что разведка Инферны в общих чертах приняла наш план совместной операции по уточнению маршрута «пепла».

— Аварийный вариант? — с кротостью змия уточнил Блант.

— Именно, — скрепя сердце признал подполковник. — И выказала нашему резиденту — господину Санди — определенные знаки доверия. В частности, разрешила вступить в неконтролируемую зашифрованную переписку, определила ему в напарники гражданина Федерации...

— Подумать только! — вежливо удивился его собеседник. — Вы, конечно, займетесь его проверкой... Подробной и тщательнейшей...

— В некотором смысле... — покрутил пальцами в воздухе Дель Рей. — В некотором смысле этот человек уже попадал в сферу нашего внимания. Не так уж много людей вербуются на работу на Инферне помимо Фронды... Но мы не сочли нужным разрабатывать его...

— Не та репутация? — с пониманием в голосе подсказал Блант. — Теперь, однако, как говорится, воленс-ноленс... Вы и мне подкиньте свое досье на этот счет...

— Это — не совсем та тема, которую я хотел бы обсудить с вами... — досадливо прервал его Гвидо. — Прочтите распечатку. Второй рапорт. Содержание первого я вам практически пересказал... Враг среди нас. Предатель. «Крот»... Дело настолько сволочное, что генерал Ковальски расконсервирует и передает нам под него свою резервную сеть на Фронде — группу Рейнолдса. Шесть человек. Сначала расщедрился на двадцать четыре часа, но теперь — продлил срок.

Блант опустил глаза на бумаги.

— Я догадываюсь, что под Кротом вы имеете в виду не господина э-э... Яснова, — вздохнул он, пробегая глазами по строчкам. — Но... — тут его рассеянный, казалось бы,

взгляд вдруг стал кинжально-острым. — Но предполагать, что кто-то из сотрудников «Эмбасси» мог пометить вашего резидента, с подачи мафии... Вы понимаете всю ответственность такого заявления? — уставившись прямо в зрачки Гвидо, спросил главный контршпион.

— Не волнуйтесь так, Ференц, — теперь дьявольски спокоен оказался Дель Рей. — Поверьте, я понимаю, какая каша заваривается. Я и сам испытал шок. Но... Но я уже могу довольно существенно ограничить круг подозреваемых.

— Догадываюсь, — пожал плечами Блант. — Во-первых, это конечно же те, кто был допущен к информации по операции «Тропа»...

— Или мог узнать о ней, — расширил область догадок Гвидо и продолжал: — Во-вторых, это те, кто по делам бывает на Фронде и передвигается там бесконтрольно. И в-третьих, это те, кто не посещал Фронду с момента появления следователя Санди на борту «Эмбасси».

— Это еще почему? — с недоумением спросил Блант.

— А вот это — элементарно, — Гвидо позволил себе легкую улыбку. — Дочитайте рапорт до конца. С меткой на руках бандиты сцапали постороннего, которому Санди всучил ее. Бог его знает зачем... А если бы Крот мог передать мафии информацию на Фронде, то он бы прямо назвал им имя и приметы. И уж такого конфуза не вышло бы. Но Крот не смог. Значит, там не был.

* * *

Сон все-таки пришел к нему с рассветом. Может быть, это Камень, по-прежнему крепко прижатый к телу у солнечного сплетения, уговорил капризного Бога Дурных Снов дать покой страннику поневоле. И, может быть, он — этот странный Камень — нашептал Микису то, что ему привиделось во сне. А привиделся ему странный мир. Во всяком случае, не такой, в котором приходилось жить на самом деле. Может быть, такой, каким казался он в детстве — незатейливый и не злой.

В этом мире, как и здесь — в ущелье, под небом Инферны, — наступало утро, и кто-то, доверчивый и мудрый, вел его по скалистой тропке мимо нагромождений залитых светом восходящего солнца и оттого воздушно-легких скал. И мир вокруг был гулок и светел.

Он хотел познакомиться с ним — этот доверчивый и мудрый спутник, и это очень льстило Микису. Но и приносило ему боль. Стыд пронизывал его душу. Стыд и раскаяние за так бездарно прожитую жизнь. Он знал, что не достоин такого к себе отношения, что не о чем с ним, грешным — и еще как грешным, — разговаривать такому исполненному веры в силу добра и разума праведнику. И поэтому он боялся спугнуть его. Даже не поворачивался в его сторону, чтобы ненароком не выдать своим взглядом какого-нибудь низкого помысла.

Он никак не мог понять, о чем толкует ему этот таинственный спутник и куда он ведет его. Они говорили на разных языках — Микис не мог бы точно сказать, на каком языке говорит он сам, и уж точно не имел ни малейшего представления о том, на каком языке обращается к нему удивительный гость его сна. Может быть, в нем не было ни слов, ни даже звуков, в этом языке Мирового Добра. Он и не пытался задуматься над этим, потому что понимал, что живет сейчас во сне, в лучшем из снов, что приходили к нему когда-либо. Что стоит ему впустить в этот сон грубую земную логику, как чудо прервется и он снова

окажется в унылом, грязном и жестоком мире чужой и недоброй планеты, в кольце преследователей, в петле не имеющих решения проблем...

И поэтому он плыл и плыл в потоке этой необычной беседы, избегая лишнего движения и лишнего звука. И, как ни странно, это помогало. Постепенно они начинали понимать друг друга. Или Микису казалось, что он начинает понимать и себя и того, другого... Что-то очень важное предстояло тому. Что-то, что должно было изменить его, превратить в какую-то иную сущность. И он хотел с кем-нибудь поделиться своим сокровенным, прежде чем это надвигающееся Изменение, которое наполняло его душу восторгом и тоской, наступит и сделает его иным... Наверное, и его странный спутник почувствовал, что между ними протянулась эта тонкая нить взаимного понимания, поэтому стал внушать Микису новое, что-то, что считал очень важным не вообще, а именно сейчас и здесь.

То, что незримый спутник стремился втолковать Микису, как-то относилось к местам, по которым они шли. И он стал присматриваться к простирившемуся вокруг пейзажу. Он скоро понял, что идут они по местам, ему уже знакомым — по неуклонно снижающемуся пустынному и безжизненному плато Аш-Ларданар. Теперь тревога стала медленно, но верно заполнять его душу. Нет — не пропасти, разверзающиеся почти у самых ног, пугали его и не опасно нависающие над тропой скальные козырьки — нет... Тревога его была связана с чем-то, что ждало там — дальше, куда вела их тропа, свернуть с которой почему-то было уже нельзя.

Кто-то там ждал помощи, находился в беде, и туда подталкивал, звал его неведомый спутник. Там — во сне — Микис перешел на осторожный, крадущийся шаг и через какой-то промежуток времени вышел из тесной расселины в просвет, открывавшийся на небольшую равнину. Странно — хотя весь мир этого сна был светел и чист, долину эту заливала какая-то призрачная тьма. И средоточием этой тьмы было похожее на творение человеческих рук нагромождение каменных блоков и плит, образующих арки и некое подобие амфитеатра. Странная пародия на тусовку каменных столпов Стоунхенджа...

* * *

— Черт меня возьми... — Ким поднялся с дивана, на котором уже было вздремнул, да вот — не получилось. — Все это глупость — то, что мы сейчас придумали с вами, следовательно... Забудьте эту ерунду, как страшный сон...

На пару секунд он задумался над сном, который и впрямь ему только что приснился. И бог его знает, что может сниться агенту на контракте после нескольких часов предельно плотной работы по раскрутке легенды для своего подопечного. Что-то такое, что выдавливает бисеринки холодного пота на лоб и щеки молодого, отрешенного, окунувшегося в беспмятный усталый сон лица. Но Яснов не стал распространяться на этот счет. Помассировал глаза и поплелся в ванную — умыться ледяной водой.

Кай тоже воспользовался этим коротким тайм-аутом, чтобы встряхнуться и влить себе пару средней силы пощечин. Это вернуло его к реальности. Он заглянул в термос — кофе исыкал. Следовательно энергично заходил из угла в угол, готовясь к продолжению разговора со своим напарником

— Послушайте, — повернулся он к появившемуся в дверях с полотенцем в руках Киму. — Вот если мы упустим ту единственную нить, которая есть у нас, то все это

действительно станет глупостью, — тут вы правы... Ну сообразите...

— Вас надо готовить к вашей роли не меньше двух месяцев, — махнул рукой Ким. — Ровно столько ушло у меня для того, чтобы «въехать» хоть во что-то... Вы ничего не знаете о Диаспоре.. Вы ничего не знаете о том, что делает с ранарари «пепел»... И вы ничего не знаете о Домах Последнего Изменения... Вы ничего обо всем этом не знаете! И самое главное — теперь, после того как я попытался вам все это растолковать, я понял, что и сам ничего в этом не соображаю... Да и группа наша ослаблена — я как дурак согласился включить Арти в экспедицию к «Ганимеду». Когда его черти принесут назад...

— Вы просто заработались, агент... — Кай пошарил по комнате взглядом и наконец нашел то, что искал — графин с остатками ледяной воды.

И час назад она была вот такой — ледяной и удивительно утоляющей жажду. И три часа назад... Нет, умеют-таки ранарари изготавливать непонятные, но удивительно удобные вещи. Вроде таких, похожих на самую простую поделку графинов...

— Поймите... — Кай присел на угол стола и плеснул агенту пару глотков прохладного питья.

Остальное просто влил себе в рот — за неимением чистого стакана.

— Поймите, по роли мне и не надо ничего этого знать! Это просто подозрительно будет, если я окажусь эрудированным во всех этих материях... Вы слишком долго проторчали в этих краях и не чувствуете специфики моей роли. А ведь по сценарию я — довольно примитивный тип, взявшийся сторговать громадную партию ширева покупателям, которым на какое-то время федералы перекрыли весь кислород... Я должен неплохо соображать в делах фрондийской мафии и мафии Обитаемого Космоса. В этом я кое-что смыслю... в отличие от вас, молодой человек... Вот и все для начала. Я не отрицаю доли риска — и немалой доли. Но я давал присягу. Кстати, точно так же, как и вы, — если вы не преувеличиваете относительно вашего диплома юриста...

Ким потер виски.

— Вообще-то вас уже раз пять должны были прикончить за время этой операции... Ну почему вам так не терпится подставиться в шестой раз? Постарайтесь воспринять... Здесь с вами не будут играть по правилам той — «земной» мафии. Здесь с вами вообще не будут играть хоть сколь-нибудь честно. Слишком сильны стимулы... Поймите: наркотики — бич Обитаемого Мира, но с ним справляются. Кривая зарегистрированного числа жертв тс растет, то падает, но не угрожает демографической катастрофой. По крайней мере, в большинстве Миров. А здесь, на Инферне, «пепел» — враг номер один. Ранарари на самом деле могут исчезнуть как биологический вид. И они готовы поставить это в вину нам — землянам...

— Скорее — фрондийцам, — заметил Кай.

— Здесь все мы — земляне, — махнул рукой Ким.

— Разрешите мне проявить наивность и спросить, — продолжил тему Кай, — что мешает ранарари просто организовать блокаду своего сектора и ни одного грамма товара не принимать от землян? Жили без нас, и дальше будут жить...

— Уже не могут, — Ким пожал плечами, дивясь неосведомленности собеседника. — Земляне с Фронды — это Диаспора с ее экономикой. Земляне с Фронды — это уже почти вся сфера обслуживания и весь черный труд на Инферне. Люди — это две трети урожая всех Камней. Это — вся сфера обмена Камней на «пепел»... А «пепел» — это такие доходы, которые ломают любую блокаду...

Ким присел на подоконник, тут же встал и заходил по комнате.

— Вся беда этой планеты в том, что они страшно долго живут — ранарари... И очень медленно множатся. Так что у них прогресс науки и техники совершенно ненормально обогнал рост численности населения... Они вышли в Космос, так и не успев заселить девять десятых суши Инферны. Может, они никогда из Космоса и не уходили, а наоборот — оттуда пришли. На чужую, в общем, для них планету... Этакие галактические Мельмоты-скитальцы... Оттого и дружны с сукку — одного поля ягоды. Или кто-то их сюда забросил... В общем — бог его знает... Они информацией на сей счет не делятся. Да они и не особенно стремились эту свою Инферну заселять — не было демографических проблем. Расселились в основном по побережьям, хорошо себя обеспечили пищей, ископаемыми, энергией. Космос их интересовал больше, чем девственные континенты и глубины океанов. Может быть, они искали в нем местечко поудобнее...

Кай не перебивал собеседника, которого явно понесло. Он уже составил довольно ясное представление о характере Кима и понимал, что тому надо дать возможность выговориться, уйти от чего-то неприятного, что посетило его сознание на грани сна и яви, — может быть, слишком яркого воспоминания о какой-то своей ошибке, неудаче. Яснов был явно не из тех, кто своими речами заводит себя, все больше и больше убеждаясь в своей правоте. Наоборот — вычитывая собеседнику урок по истории чужого Мира, он все больше удалялся от той напомнившей вдруг о себе и пробудившей его боли, которая когда-то настигла его в другом, далеком от этого Мира месте...

— А может, — прикинул Ким, — они искали в небесах свою покинутую родину... И тут вдруг наткнулись на землян — расу с совершенно иным темпом истории, с огромным потенциалом экспансии, с кучей внутренних противоречий. Попытались решить вопрос своими методами. В результате — эксперимент с отторжением Фронды кончается катастрофой. И там и здесь... Сейчас перед ранарари в буквальном смысле слова стоит вопрос — быть или не быть. И Диаспора решает этот вопрос. Потому что никто не знает, что с нею — с Диаспорой — будет, если здешняя цивилизация покатится по наклонной... Как всегда, одни играют на повышение, другие — на понижение... И те и другие готовы рвать друг другу плотку за деньги, что вертятся вокруг «пепла» и Камней... И вы, следовательно, торопитесь сунуть голову в эту петлю?

Ким поморщился, отгоняя душевный морок:

— Ладно, простите меня. Я, кажется, просто испугался ответственности... Из игры мы уже не можем выйти. Как говорят французы: «Вино налито. Остается только его выпить».

Кай согласно кивнул. Прием удался. Выговорившись, Ким немного остыл, вернул себе рабочее состояние.

— Сами говорите, — примирительно сказал федеральный следователь, — ситуация близка к критической. Давайте прокрутим конкретные варианты наших действий при встрече с Раковски...

Он посмотрел на часы:

— У вас с ним разговор через сорок минут...

* * *

Его разбудил свист — еле слышный и явно условный, для кого-то одного

предназначенный. Впрочем, ясно для кого: Рога сделал встрепенувшемуся Микису успокаивающий знак рукой и, перейдя из скрюченной позы, в которой он кемарил у еле заметного, тлеющего костерка, в положение «сидя», ответил на пришедший откуда-то поблизости сигнал своим — тоже тихим и условным свистом.

Укрытие, которое Рога выбрал для привала, было местом явно не случайным. Микис осторожно выбрался из-под пласта терпко пахнувшей, непривычно плотной листвы и принялся крутить головой, силясь высмотреть партнеров своего спутника, подающих ему сигналы. И вскоре увидел. Их было двое.

Первый, кого он заметил, был среднего роста, худ, темен лицом и облачен в вывернутый мехом наружу тулуп. Голову его украшала потертая кожаная косынка. Он ловкими, обезьяньими движениями спускался с ближайшего склона. Глаза его — быстрые, черные и пронзительные — сразу засекли Палладини, притулившегося у еле теплящегося костерка, и он снова тихо свистнул — но на этот раз просто в знак удивления.

Микис тоже чуть было не присвистнул — вторым гостем была девчушка лет семнадцати, не больше — чумазая и угловатая.

— У нас, на Ларданаре, просто какое-то нашествие гостей, — повернулась она к своему рыжему приятелю. — Где ты выловил этого чудака, Рога? На меня прошлой ночью еще один такой наперся...

— У «стервятников» в гостях встретились, — мрачновато пояснил тот. — Кликуха — Бобер. Кстати — Камни сечет.

Девушка в тулупе оценивающе приподняла бровь и представилась:

— Дурная Трава. Это здесь мое имя — Дурная Трава.

— А ты своего чудика где видела? — живо поинтересовался у нее Рога. — В каком месте?

— В плохом, — поморщилась Дурная Трава. — Прямо на границе Путаной земли он на меня из тумана и выпер... Отослала его в лес — там, ниже, у речки, но он, видно, не послушался. Сгинул. Сдается мне, что его напрямик туда и понесло... На самую Ловушку.

— Похоже, у них тут слет какой-то, — хрипловатым голосом сказал тип, подошедший первым.

— И ранарари с катушек слетели — каждую ночь плато авиацией утюжат, — продолжил он. — Что, Впрочем, неудивительно, если принять во внимание эту историю со сбесившимся корабликом...

— Это какую такую историю? — насторожился Рога. — Да вы знакомьтесь. Это — Картежник. А это Бобер. Считайте — наш новый наводчик. В ранге ученика пока что. Проверку прошел, считай, у меня на глазах. Прошу любить и жаловать.

— В миру я — Штучка, — мрачно отрекомендовался Картежник. — Йозеф Штучка. Здесь вовсе не обязательно называть друг друга по кличкам... Так что, если у вас нет на то особых причин, мистер...

— Алоиз Бибер к вашим услугам, — отрекомендовался Микис. — И у меня нет оснований скрывать свое имя... И я еще не давал своего согласия на участие в вашем бизнесе, господи...

Слова его, Впрочем, не возымели особого действия. Похоже, что на них никто просто не обратил ни малейшего внимания.

— Последнее, что я о тебе слышал, — повернулся Штучка к Роге, — так это то, что тебя позапрошлой ночью сцапали «стервятники»... Получается, что мои сведения устарели?

— Получается, — с ухмылкой подтвердил Рога. — Позапрошлой ночью господ «стервятники» и вправду меня сцапали, а прошлой — сами попались. Под воздушный патруль. Как раз на переходе — от Зброшенных карьеров к нижним речкам. Ну и патруль, как водится, сразу жажнул по нам «голубой дурью»... Но, как ты знаешь, Рога Петрович никогда не расстаётся с «желтым порохом»...

— Так вы оба наглотались этой дрянью? — с пониманием покачал головой Штучка. — То-то вид у вас — краше в гроб кладут...

— Я думаю, что у господ «стервятников» сейчас вид ещё хуже, — мрачно заметил Рога. — Кстати, там были ещё четверо наших — Желтый Чан и двое каких-то... Не знаю я их. Но, — тут Рога с преувеличенным разочарованием развел руками, на которых все ещё болтались браслеты наручников, — «пороху» им не досталось. Четвертым был Доминго — тот, что работал с Греком... Ему перепало немного, но в дороге — отстал. Сейчас где-нибудь бродит дурной... Если его снова не сцапали.

— Или если не загнулся... — вставила Дурная Трава. — Ладно, здесь всяк сам за себя..

— Вот что, — Рога отмахнулся от малоприятного разговора. — Инструмент у вас, ребята, с собой? Помогите-ка от этих украшений избавиться, — он тряхнул обрывками цепей. — А потом отступим к лесу и перекемарим до ночи. Сдаётся мне, что если не в эту ночь, так в следующую урожай будет неплохой...

И тут — именно после этих слов Роги — странное чувство охватило Микиса, чувство, пришедшее из того, так им и не понятого сна, который все ещё владел им и вел его какими-то своими зыбкими тропами.

— Послушайте! — заговорил он торопливо и как мог убедительно. — Послушайте меня, господин Петрович! И вы, вы тоже послушайте! У меня... У меня такое чувство, что... что я знаю... Что я могу указать, где... Где находятся те, кто меня сюда... Кто прилетел со мной...

Какая-то странная пауза последовала за этими его словами.

— Слушай, — Дурная Трава пристально смотрела на Микиса. — Да ты ведь не пустой.. Ты, братец, при грузе... Ну-ка... Рога, ты раскрутить типа не пробовал?

Чумаза и угловатая девчонка шагнула к Микису, а тот в свою очередь отпрянул назад.

— Да я же все ещё под «порохом»... — раздражённо огрызнулся Рога. — Кого я раскрутить могу? Мне сейчас хоть мешок Камней под нос суй — хрен учую...

— Пойдите! — остановил обоих Штучка. — Это... Как вас там... Господин Алоиз... Вы что, при грузе будете? Позвольте-ка...

Он решительно сделал шаг вперёд и вполне профессиональным движением подхватил Микиса под порядком исхудавшее за последнюю неделю странствий, но все ещё внушительное брюшко.

— Угу... Так я и предполагал. Маленький, так сказать, собственный «трезор»...

Палладини отступил ещё на шаг и, опередив Картежника, вытянул из-за пояса кожаный кисет и резким движением спрятал его за спину.

— В конце концов... — выкрикнул он. — В конце концов, я же не интересуюсь тем, что вы, мистер — как вас там... Штучка — подобрали в этой чертовой пустыне...

— Да ты, братец... — Штучка, он же Картежник, как-то даже недоуменно переглянулся с Рогой. — Ты, братец, вроде даже не в курсе...

— Он — не «не», а как раз очень даже в курсе, — вдруг резко прервал его Рога. — Ну-ка, выкладывай, что это там у тебя в мешке, Бобер...

С пару минут все трое — Рога, Штучка и Дурная Трава — как-то тупо рассматривали

коричневатый, довольно бесформенный и чем-то неприятный Камень, с большой неохотой извлеченный из кисета Микисом:

— Не моя добыча... — разочарованно и с каким-то облегчением выдавил из себя Рога. — Моя бы была — шею б набок свернул стервецу... Ты когда это — до или после?.. — осведомился он у Микиса. — Или — во время?..

— Вместо, — определил Палладини момент обретения им странной добычи. — Я вместо того, чтобы деру дать тогда, когда по нам с вертолетов этих... или не знаю с чего там лупанули... Я как... как зов тогда почувствовал. Призыв...

— Ну что ж... — промолвил Рога, осторожно вкладывая Камень обратно в кисет. — Должно, кого-то еще господа «стервятники» грабанули. Повторяю: была бы моя — уделал бы... — примирительно добавил он. — Ну да еще пообвыкнешь. Поймешь потом: всякую добычу старшему объявлять надо. Старший тут я буду — к твоему сведению. Если еще не просек. Добыча эта, считай, ничья. А раз тебя позвала — не противься. Теперь будет твоя. Первая. Ты к ней присмотрись. И загнать не спеши. Это — твоя судьба. На время хотя бы... Держи. Теперь ты — наш.

— А этот... «желтый порошок» ваш... — попытался хоть как-то собраться с мыслями Микис... — У этих... У «стервятников» его почему не оказалось? Они что, не понимают, что ли?

— Это ты, гляжу, ни хрена не понимаешь в здешних делах, — с досадой вздохнул Рога. — Кто, по-твоему, этот «желтый порошок» лепит? Да те же, кто и «синюю дурь»!.. Ранарари! А за каким хреном они станут «порох» толкать тем, кто Камни налево сплавляет? Да и действует он — «порох» этот — только на таких вот, как мы с тобой, дурень. Поясняю: на Слышащих. На тех, кто Камни слышит... А «стервятники» сроду богом на этот счет обиженные — только грабежом и рабством живут...

— И вот что еще, — Дурная Трава присела на корточки напротив Микиса. — Ты про зов поминал... Про то, что Камень говорит тебе чего-то... Про тех, кто был с тобой...

— Он что, снова нам голову дурить собрался? — нахмурился Рога.

— Постой, постой... — попридержал его за плечо Штучка. — Тут есть о чем поговорить всерьез. Этот типчик, кажется, действительно не один сюда с неба свалился... Вы тут, друзья, вконец одичали... Радио и телевизор, как я посмотрю, уж и напрочь позабыли... Вы хоть в курсе того, что вокруг-то творится?

— Да здесь, на Аш-Ларданаре, век вечный х...рня творится, — флегматично пожал плечами Рога. — Ты этим меня удивить хочешь?

— Только не такая, как в этот раз... — Штучка с какой-то садистской медлительностью извлек из наколенного кармана коротенькую, в кулак уместяющуюся трубку и принялся выбивать ее об основательно стесанный каблук своего полусапога. — Тут, брат Копытич...

— Петрович! — зло прервал его Рога.

— Тут, брат Петрович, — неохотно поправил себя Штучка, — межцивилизационным конфликтом запахло, а разные тут торговцы Камнями в такие дела и вникать не хотят....

— Ты про корабль этот дурацкий, что ли? — повернулась к нему Дурная Трава.

— Какой, к хренам, корабль? — возрился на нее Рога. — Тут, пока я со «стервятниками» хороводился, что-то крутое приключилось?

— Круче не бывает.

Штучка принялся набивать свою трубочку какой-то довольно сложной смесью травок из сумки-кисета, болтавшейся у него на поясе. Даже еще не раскуренная, смесь эта уже

«забрала» дух издалека вдохнувшего ее аромат Микиса.

— С самой Фронды сюда контрабандный кораблик прорвался, — объяснил Штучка. — Имитировал аварию. Потом — после стыковки со спасателями, у самого геостационара — включил на полную движок, аварийную расстыковку учинил, кучу народу угробил и пикером пошел сюда — на Ларданар. Где-то здесь и сел. Или воткнулся. Ищут четвертые сутки...

Для Роги это было большой новостью. Дурная Трава, нервно дернув плечом, достала из кармана зажигалку и помогла Картежнику раскурить его носогрейку. Потом выразительно повернулась к Микису.

Теперь взгляды всех троих охотников за Камнями были устремлены на злосчастного владельца «Риалти».

— Так получается, ты и впрямь у нас не простой чувачок... — Рога прищурился, впервые, кажется, осознав серьезность своего нового знакомства. — Так ты что — с того самого кораблика?

— «Ганимед»... Корабль назывался «Ганимед»... — выдавил из себя Палладини. — Я... Я помимо своей воли там оказался... Это... Это очень сложная история...

— Да уж вижу, что не простая, — скривился Рога.

— Верно, корабль так и назывался — «Ганимед», — подтвердила Трава. — И есть сведения, что на борту у него — «пепла» до хранища...

Наступила довольно тяжелая пауза.

— Вот что... — прервал наконец молчание Рога. — Чем мы тебя, друг, скорее с рук сбудем, тем нам всем лучше будет. Сам понимаешь — мы тут не Армия спасения и не благотворительное общество... Да и с «порошком» связываться не хотим... Это — твоя, дорогой, проблема. Поэтому вот что: ты свою свободу нам Камнями отработаешь. Раз такой расклад вышел, что Способность у тебя... Сейчас как раз сезон начинается... Что за две ночи соберешь — отдаешь нам. Мы же тебя сдаем людям из Дома, и — привет! Ты нас не видел, мы тебя. Но только без фокусов, дорогой... Ты хорошо меня понял?

— Я... — Микис, словно за открывшуюся рану, ухватился за прижатый к животу кисет. — Я...

— Нет, — успокоил его рыжий разбойник. — Первый Камень — твой. Но ни один больше! А с этим, — он как-то по-отечески похлопал по плечу несчастного Палладини, — расстаться не спеши. Я сказал уже — это судьба...

— И все-таки, «пепел»... — задумчиво произнесла Трава.

— Нет! — резко оборвал ее Картежник. — Рога прав. Не наш репертуар. За «порошок» голову снимают. Без вопросов... Так что эта колода не играет... А вот то, что он говорит про зов... Людишек спасти надо. На Аше это — закон. Если, конечно, людишки эти — не из «стервятников»... Может, и от них помощь будет. Этой ночью.

Рога угрюмо глянул на своих спутников — на каждого по очереди. Остановил взгляд на осунувшемся и начавшем зарастать иссиня-черной щетиной лице Микиса и махнул рукой:

— Ладно, покуда время есть — веди нас. На зов свой...

* * *

— Мне очень не понравилось... — сообщил Ким, включая движок кара. — Очень, повторяю... То, что Раковски затягивает встречу... Боюсь, что он чует неладное. Боюсь, что

Служба безопасности перестаралась со Службой спасения. Спасателей сейчас втихую перетряхивают через мелкое сито — у каждого выясняют связи, финансовое положение, склонности... Конечно, при этом стараются не привлекать внимания — обходятся без вызовов на допросы, прямых проверок и тому подобного. Но у тех, у кого рыльце в пушку, — нюх особый. Могли и засуетиться...

Кар мчался вдоль набережной, и за его окнами в начинавшихся сумерках скользил странноватый мир реки, наполненный населенными пестрым народцем корабликами. Мир отрешенно высящихся башен — жилищ «чертей». Мир словно перенесенных сюда с какого-нибудь Джея кварталов землян... Все эти миры и далекая декорация мрачного леса сливались в каком-то странном, но по-своему гармоничном единении... Кай знал, что расслабляться не стоит, но все-таки позволил себе отвлечься на созерцание пейзажа.

— На месте нашего м-м... я бы тоже не торопился, — признал он, повернувшись наконец к Киму. — Что там вам сообщили по кодовому каналу? У вас после разговора озабоченный вид...

— Ну, для беспечности у меня причин нет...

Ким поправил экранчик заднего обзора.

— Арти с компанией завяз на Ларданаре. Корабль они нашли без особого труда. Но замучились с конспирацией. Там сейчас, мягко выражаясь, людно. И народец не такой, который задумывается перед тем, как стрелять. Так что раскапывать этот гроб они не стали, а, изображая группу Продавцов Камней, постарались взять след тех людей, которые, похоже, действительно ушли с корабля. Представляю, как это убедительно выглядит: шесть ранарари, два сукку и Арти в роли Продавцов... Тьфу!

Кай не мог прокомментировать эти слова. Он только осведомился:

— Но вы говорили как-то, что ранарари берутся их искать — эти Камни... Иногда.

— Иногда, — согласился Ким. — Но только члены определенной касты, подделаться под которых обычному «черту» не под силу. Правда, говорят, бывают отступники, которые за долю в прибыли ходят на промысел вместе с землянами. В качестве живых индикаторов. Почти каждый ранарари может «слушать» Камни. А люди — один из сотни или из тысячи... Но как раз таких наемников их соплеменники и карают особо жестоко. Потому что они сотрудничают не с Продавцами, а со «стервятниками». А «стервятники» продают Камни не «чертям», а сопернику. Ранарари от этого прямо-таки свирепеют...

— А покупать Камни — можно... — задумчиво констатировал Кай.

— Нельзя! — возразил Ким. — Законопослушный «черт» может получить Камень только по определенному обряду. Из лапок члена касты собирателей. Собственно — не получить даже, а удостоиться... И потом — жить в соответствии с теми советами, которые будет слышать от Камня. И жалок, и презираем бывает тот, кто от рождения не слышит голоса Камней... А тот, кто слышал и вдруг перестает слышать, — становится Отверженным и уходит в Дома Последнего Изменения. Знаете почему?

— Знаю, — вздохнул федеральный следователь. — Вот про это я уже прочитал — симптом приема «пепла»... Точнее — начало последней стадии заболевания, вызываемого им... Знаете, эти сведения в Федерации неизвестны даже специалистам. Доктору Кульбаху с «Эмбасси» стоило бы полистать файлы здешних «органов». Так значит, весь рынок Камней здесь — «черный»?

— Почти весь. При определенных условиях правоверный, хорошо зарекомендовавший себя «черт» может приобрести себе Камень из числа конфискованных... Хороший способ

отмывки этого сорта капитала...

— А кто в таком случае этот соперник? Ну — которому носят товар «стервятники»? — осведомился Кай.

— Хотел бы я это знать, — пожал плечами Ким. — Ранарари, сдается мне, знают, но ничего с этим конкурентом поделаться не могут. Только жестоко карают тех, кто работает на него. Раз не «черт», то дьявол... Не знаю — не говорят они... Но платит этот конкурент много больше того, что получают Продавцы от «чертей».

— Кто-то из Космоса? — поинтересовался Кай. — Кто-то из тех, кому тоже необходимы советы Камней?

— Я думаю, что это тот, кто эти камушки выращивает — здесь, на плоскогорьях Инферны, — вдруг вмешался сидевший до этого молча на заднем сиденье Мустафа. — Самое мое первое дело здесь было с этим связано. Хозяева его так называют: соперник — это когда земляне рядом, а когда думают, что их не слышат, — Бог Камней... Вот так. И ему, этому Богу, не советы от Камней нужны, он их использует как что-то вроде чипов. Элементов каких-то систем переработки информации... Но сам он прийти и забрать их не может.

— А сейчас — как раз сезон их сбора, — уточнил Ким. — Это — нехорошее время. Оно связано со всякими аномальными явлениями... Так что экспедиция, найдя корабль, ничего с ним делать не стала. Они лишь попытались определить, нет ли в нем кого живого. С помощью интроскопов с высоким разрешением. Получилось, что нет. Дальнейшее расследование и опрос встреченных Продавцов — из тех, кто склонен был к разговорам, — показали мало хорошего. Действительно, по Аш-Ларданару продвигалась группа чужаков. Кого-то из них захватил отряд «стервятников», затем расстрелянный ВВС Инферны, — они такое практикуют... Неясно, остался ли там кто-нибудь в живых. Еще одна группа напоролась, предположительно, на Ловушку. Есть на Ларданаре и других плато такие места, из которых обычно не возвращаются...

Наступило мрачное молчание.

Кар уже выехал из города и в наступившей темноте катил по шоссе, тянущемуся вдоль темной громады леса. В его глубине мелькнули тусклые огни — характерные узкие щели окон жилища ранарари. Но уже не ветвящейся башни, а чего-то массивного и приземистого.

— Дом Последнего Изменения, — кивнул на странное здание Ким. — Один из многих. Видишь, на воротах выжжено такое дерево. «Запретное дерево». Это их знак — Общины Отверженных...

А на открывшейся опушке, вжавшись в темноту отступившей чащи, слабо светился колеблющимся светом вход небольшой каменной башенки совершенно земной архитектуры.

— Вот она — часовня, — сообщил Мустафа. — Место встречи.

— Еще раз определимся, — Ким покосился на свой регистратор и перевел его в режим защиты от подслушивания.

Подстраховался и Кай.

— Мы вдвоем выходим и ждем в часовне Пестрой Веры появления Раковски или его представителя, — определил Яснов. — Кого-то, кто скажет: «Какому богу вы принесли огонек, господа?» Мустафа отгоняет кар в сторонку и сидит в нем на стреме. Нильс из засады в районе Серого монастыря отслеживает ход нашей встречи и фиксирует его дистанционно. Константин болтается где-то здесь — в свободном полете — фиксирует наблюдателей мафии. Таких здесь не может не быть... Ну, с богом...

— Так я и знал, что он нас сюда затащит!

Рога даже сплюнул с досады.

Маленький отряд из четырех человек залег в небольшом ущелье, словно натолкнувшись на невидимую преграду. Эта преграда — незримая демаркационная линия — отсекала лежащий перед ними кусок Аш-Ларданарского плато от остального мира. И кусты там росли не такие, и мох, растекшийся по скалам, был каким-то другим. Да и сами скалы имели иной цвет, по-иному складывался узор бегущих по ним трещин...

— Путаная земля, — Рога выразительно посмотрел на Микиса, который, видно, не до конца понимал значение этих слов.

Да что там — не понимал ничего вообще!

— Вот что, — Штучка вынул изо рта веточку, которую жевал полдороги, и отшвырнул ее подальше. — Придется жребий кидать, кому с чудачком дальше идти. Одного его пускать — крышка. Однозначно. Всем туда переть...

— Не нужно никакого жребия, — уверенно и хрипловато оборвала его Дурная Трава. — Я пойду. Меня Путаная любит...

— Ну так и флаг тебе в руки, — с облегчением вздохнул Рога. — Только не застревайте... Ждем до заката. Потом — отходим на ту плешь, что Доминго присмотрел...

— Это недалеко... Это теперь должно быть уже совсем близко, — поспешил успокоить его Микис.

— Не каркай! — сурово осадил его Дурная Трава. — На Путаной земле таких вещей нет: «близко» — «далеко»... И ничего вперед не загадывай...

Она помолчала, нервно облизывая губы. Потом скомандовала:

— Вставай и веди. Наотдыхался уже... Нечего резину тянуть...

Кай посмотрел на часы. Наклонив голову, прислушался к шуму ветерка в невидимой листве — совсем непохожему на шелест земного леса. Ему показалось, что сквозь этот чуть назойливый звук доносится низкое, почти в неуловимом диапазоне пение. Пение множества нечеловеческих голосов. Нечеловеческих голосов, взывающих к нечеловеческому богу.

Он с недоумением посмотрел на Кима.

Тот понимающе кивнул:

— Это не галлюцинации, следовательно, это ранарари поют в Сером монастыре. Обряд Последнего Изменения... Это на всю ночь.

Наступило молчание. Федеральный следователь снова скосил глаза на циферблат.

«Или Яснов прав и здешние пинкертоны спугнули-таки „дичь“, — подумал он, — или идут смотрины. Проверяют нашу реакцию. Не брякнем ли что-нибудь характерно-сыскное, не станем ли связываться с кем-нибудь по радио... В общем, не выйдем ли из роли...»

Он снова окинул взглядом внутренность часовенки, построенной в честь Пестрой Веры. В трепетном свете множества догорающих свечей и лампадок интерьер небольшого помещения каждый раз выглядел по-новому. Одни огоньки гасли, что было совершенно

естественно, а вот другие — федеральный следователь готов был поклясться, что это ему не померещилось — вспыхивали и разгорались... Впрочем, чего только не приключается в таких вот неприметных часовенках, которые можно встретить всюду, куда скорлупки космических кораблей заносят представителей рода людского, — и вот так, на опушке неведомых чащоб, и на перекрестках дорог, и в пустынных скальных лабиринтах Станных Миров...

— Надо же, — повернулся Кай к своему спутнику, — у вас тут довольно популярна Пестрая Вера... Не меньше сотни человек побывали здесь.

— Знаете, все остальные верования чего-то требуют от своих почитателей... — пожал плечами Яснов. — А Пестрая Вера зависит от вашего выбора. Если вы, конечно, не идете к ее монастырь. Тот, у которого есть устав...

— И потом — кто же принимает Пеструю Веру всерьез? — спросил у них за спиной голос с нечеловеческим акцентом.

Оба сыщика резко повернулись к сказавшему традиционное присловье. Кай поймал себя на том, что рука его привычно лежит на рукоятке пистолета. Он быстро убрал ее и поправил скрывающий оружие пиджак. Почти точно такие же движения совершил и Ким.

Что-то смешное и жуткое было в облике того, кто стоял перед ними.

Длинный, стелющийся по земле плащ покрывал невысокую, детскую фигурку. Но из-под капюшона этого одеяния выглядывала карикатурно злобная бульдожья морда. И в глазах — посаженных шире, чем у нормального пса — злобно горела отраженным пламенем вся неполная сотня жертвенных огоньков, тлеющих в каменных нишах за спинами двоих землян. Кай впервые видел живого сукку. Тем более сукку, знающего галактический пиджин и посещающего часовни Пестрой Веры.

— Наше присутствие не мешает вам? — осведомился он.

— Нет, это даже хорошо, что я застал здесь пару состоятельных людей, — заверил его представитель Бродячей Цивилизации.

«Надеюсь, он не имеет в виду, что ему не помешает содержимое наших кошельков», — подумал федеральный следователь. Но вслух спросил:

— А менее состоятельные вас не устроили бы?

— Конечно же нет... — коверкая слова, отозвался сукку. — Бедным я не смогу продать одну вещь...

— А почему ты думаешь, что мы такие уж богатенькие типы? — неприязненно спросил Ким.

У него, видно, были основания не слишком миндальничать с таким вот собеседником.

— Бедные сюда не приходят по ночам, — объяснил тот. — Не носят одежды из Метрополии. Их не ждут телохранители в дорогих карах...

Все это выглядело довольно странно. У Кая мелькнула мысль, что их принимают за каких-то других людей, которых они, возможно, спугнули своим появлением.

— Так вы покупаете, господа? — проявил нетерпение необычный посетитель часовни.

— А ты о каком товаре толкуешь? — все так же неприязненно спросил Яснов. — Сначала с этим разберись.

— А вы разве не чувствуете? — искренне удивился карлик.

— Нет, — отрезал Ким. — Ты, видно, нас с кем-то спутал...

Кай внимательно рассматривал разумную и вполне способную морочить голову людям тварь. Ничего собачьего в обвислой, покрытой складками физиономии, пожалуй, не было.

Так же, как и человеческого. Просто восприятие навязывало тому, что он перед собой видел, облик чего-то хорошо знакомого. Сукку достал из складок своего одеяния нечто, завернутое в расшитую странным узором тряпицу, и стал аккуратно разворачивать. Глазам «состоятельных людей» предстал довольно гладкий красноватый булыжник. Оба представителя рода людского при виде этого феномена сохранили полнейшее спокойствие.

— Настоящий Камень! — заявил карлик. — С плато Аррика! И по смешной цене! Ранарари дадут вам за него...

— Так отнеси его прямо кому-нибудь из них, — посоветовал Ким. — В городе много ранарари...

— Разве человек не знает, что ранарари никогда ничего не покупают у сукку? — возмутился карлик. — Только через людей. Иначе кто-нибудь убьет сукку...

— У тебя, конечно, нет ни малейшего желания нас надуть? — язвительно поинтересовался агент на контракте.

Он и не думал протянуть руку к услужливо протянутому товару.

— Разве можно обмануть такого умного человека, как вы? — притворно возмутился хитрый торговец.

— Можно, — отрезал Ким. — Но я не за этим сюда пришел. А вот тебя кто-то уже обманул. Заверни камушек и попробуй сбыть кому-нибудь другому. Может, он и камень с Аррики, но я могу найти тебе мешок таких где-нибудь поближе... А еще посоветую — не пытайся больше торговать в храме. Хоть самом захудалом. Тебя могут не понять.

— Ах, человек совсем не разбирается в Камнях! — воскликнул сукку и повернулся к Каю, словно ища у него понимания.

Понимания у федерального следователя он не нашел. Что, впрочем, его особо не расстроило.

— Тогда, пожалуй, я оставлю вас, господа, — сообщил сукку, заботливо заворачивая камень в причудливую скатерку. — Вам скоро позвонят.

Он заспешил к двери.

— Кто? — не выдержал Кай. — Кто позвонит?

— Тот, кто хотел узнать, какому богу вы принесли огонек... Но это не я...

Каю показалось, что коварная тварь лукаво улыбнулась. Но скорее всего его снова обманул неверный свет гаснущих огарков. Не могло быть человеческой мимики у нечеловека. В полнейшей тишине — только огарки потрескивали да начинающийся дождичек накапывал за дверьми — сукку убыл во тьму. Потом из этой тьмы тренькнул звоночек и прошуршали шины велосипеда. Подросткового, надо полагать.

«Сукку прекрасно ориентируются в темноте и хорошо ездят на велосипедах», — вспомнил Кай из того немногого, что успел узнать об этой расе. А вслух спросил у Кима:

— Интересно, мы выдержали проверку? И почему проверка эта такая идиотская?

— Кто его знает, — пожал плечами агент. — Может быть, этот проныра просто должен был нас поставить в известность о звонке. И отменить встречу. А булыжник пытался нам впихнуть в порядке самостоятельности. Просто чтобы навредить еще одному-двум Homo sapiens...

Они вышли из часовни и пошли к шоссе.

— А Камень — точно был ненастоящий? — осведомился федеральный следователь. — Есть особые признаки?

— Камни никогда не предлагают людям. Таких, которые могут заплатить за

настоящий, — нет. Или — почти нет. Хитрюг, которые, сбивая цены, пробуют сплавить Камни случайным перекупщикам, быстро вычисляют или сами Продавцы, или «стервятники». И это плохо кончается. Из людей владеют Камнями только сами Продавцы. Точнее, те из них, которые могут слушать Камни. Слышащие. Каждый Слышащий оставляет себе свой первый Камень. И живет по его советам. Такая традиция. А что до особых признаков, то их нет. По крайней мере, те, кто их знает, об этом молчат. Так что узнать, каков Камень, можно, только его послушав. Я умею немного.

— Ого! — воскликнул федеральный следователь. — Да вы могли бы заработать себе капитал. На Аш-Ларданаре или на Аррике...

Издали им посигналил задними огнями кара Мустафа. Ким шагнул, медля с ответом — Собственно, первоначально я за этим сюда и прилетел, — наконец сообщил он. — Меня вычислил один знаток из Диаспоры. И помог с видом на жительство. Но подвернулся контракт.

* * *

Как и тогда — во сне — Микис перешел на осторожный, крадущийся шаг и, так же, как и во сне, нашептанном ему странным Камнем, через какой-то томительно-долгий промежуток времени вышел из тесной расселины в просвет, открывавшийся на небольшую равнину. Так же, как и в мире этого сна, мир Путаной земли был светел и чист, но середину этой долины застилала какая-то странная, призрачная тьма. И средоточием этой тьмы было похожее на творение человеческих рук нагромождение каменных блоков и плит, образующих арки и некое подобие амфитеатра.

— Ну что остановился? — недовольным шепотом осведомилась его спутница-телохранитель. — Забыл, что во сне нагадал?

Постоянные тычки и команды Дурной Травы сидели у Микиса в печенках. Он ответил ей шипением — тихим, но преисполненным возмущения. Потом ткнул пальцем в направлении островка тьмы перед ними.

Измазанная маскировочной краской скуластая девчонка на всякий случай вжалась в грунт и одновременно впиалась взглядом в остров мрака, раскинувшийся перед ними.

— Господи! — выдохнула она. — Да это же Ловушка. Типичная. Впервые вижу такое, чтобы Ловушка явилась днем... И никогда так близко к ней не была... Ну и завел ты нас...

— Ловушка? — сдавленно прохрипел Микис. — Не знаю я, про что ты... Я — про другое... Огонек вон там видишь? Он... За ним надо идти... Это Камень мне говорит...

— Не вижу я никаких огоньков... — Дурная Трава махнула рукой. — Эх! Пропадешь ты ни за грош!.. И не думай туда соваться! — Но реалистичнейшим из реалистов, двойным агентом и владельцем липового «Риалти» уже владели силы иррациональные. Не склонные считаться с каким-то там инстинктом самосохранения...

Он приподнялся, опираясь сначала на «четыре кости», затем на полусогнутые, ставшие словно ватными ноги, и короткими перебежками стал приближаться к мерцающему во мраке острову. Дурная Трава с досады забарабанила кулаками по камням. Метнулась туда-сюда и, шепча проклятия, последовала за своим подопечным.

Теперь и она видела путеводный огонь во тьме.

— Сейчас вам лучше поменьше задавать вопросов, а сосредоточиться, — посоветовал Листер неугомонному Смольскому. — Постарайтесь не упустить огни...

Сам он всматривался в окружившую их бесконечную ночь. Теперь они близко — почти вплотную — подошли к каменному лабиринту, и его громада физически давила на сознание.

— Какие еще огни? — подал голос молчавший до сих пор Кирилл. — Мне тут всякое мерещится — во мраке этом... И огоньки в том числе... Пару раз видел. Только не знаю — те ли это штуки, которые вам нужны?

Он прислонился к выроставшему из черного песка подобию сталактита и отрешенно уставился во мглу перед собой.

— Огоньки — это хорошо... — Листер кисло улыбнулся чему-то своему. — Это знак того, что выход открыт... А то, какие они — эти огни, — это у каждого по-своему. Они точно так же, как и все фокусы с пространством, не вовне, а внутри нас... Их каждый видит по-своему... Когда будешь уверен, что действительно видишь их — не медли...

— А ранарари? — Кирилл потер ладонями лицо, словно стараясь стряхнуть наваждение. — Ранарари — на них тоже действует эта магия? Они тоже попадают в эти мышеловки? И тоже видят огни?

— Об этом, — Листер пожал плечами, — спросите у самих ранарари. Во всяком случае, сами они в эти места не стремятся. Ларданарские хребты и плато вообще объявлены чем-то вроде заповедной территории... Но на присутствие людей из Диаспоры хозяева смотрят, как говорится, сквозь пальцы. В известных пределах... Тут много странного... Одни люди таскают для них отсюда Камни — и им за это хорошо платят. Другие... Другие — нашли других покупателей. Ранарари их за это бомбят и сажают в тюрьмы.

— Очень интересное разделение труда, — констатировал Смольский.

Кирилл молчал. Он уже слишком много услышал от кэпа Листера в самом начале их похода, чтобы задавать лишние вопросы.

— А я, собственно, затем и прибыл сюда, чтобы встретиться с этими «другими покупателями», — добавил Листер.

— О каких камнях вы говорите, капитан? — спросил Смольский. — И на кой черт вам какие-то «другие покупатели»?

— Камни, разумеется, не простые, — Листер сделал рукой неопределенный жест. — Они умеют разговаривать. С ранарари. И с некоторыми из людей — с теми, кто умеет их слушать. Они могут ответить на любой вопрос — надо только уметь спрашивать. Так, по крайней мере, утверждают те, кто с ними имел дело.

— Ого! — Смольский подобрал из-под ног камень с ладонь размером. — И они все здесь такие или — через один? Я бы, пожалуй, тоже неплохо заплатил бы за возможность иметь в хозяйстве такую штуку...

— Не обольщайтесь... — кэп снова улыбнулся кисло и иронически. — Не обольщайтесь: всего вашего состояния не хватило бы, чтобы выкупить самый заваливающий из Камней... Они редки, и обнаружить их могут только те из людей, кто наделен особыми способностями. Да и использовать свой Камень по назначению вы не сможете. Контакт с Камнями могут установить лишь немногие из людей. А вообще, торговля и Камнями, и «пеплом» людям на Инферне запрещена. Но что поделаешь, и на то и на другое — огромный спрос...

— Но вы говорите, что на планете есть и еще кто-то, кто скупает Камни. Кто-то, кроме Диаспоры и ранарари? Кто же это? — озадаченно спросил Смольский.

— Да, — кивнул кэп. — Если не на самой Инферне, то где-то совсем рядом. И у меня, похоже, свой счет к этим «кто-то»...

Он помолчал секунду-другую. Кирилл поразило страшное напряжение, отразившееся вдруг на бесстрастном лице Листера. Казалось, он говорит теперь против собственной воли — слетев с прекрасно работавших до того тормозов...

— Нет, не так... — кэп потряс головой. — Инферна... Инферна — это врата... Щель через которую они приходят в этот мир. Они являются сюда на Ларданар. За Камнями, может быть. И отсюда возвращаются к себе... Есть еще несколько таких мест в Обитаемом Космосе, где можно встретиться с ними...

— Так вы для того и рвались сюда — на Инферну?! — уяснил наконец для себя Смольский. — И нас всех втянули в эту историю?! Так вы, господин капитан, может, специально в Ловушку эту и поперлись?! И нас с собой прихватили...

Капитан устало покачал головой:

— Это только вначале я думал, что Ловушки эти и есть те самые щели между Мирами... И здорово на том обжегся... Так что нам просто повезло нарваться на эту чертовщину всем вместе. Но я честно собирался, да и сейчас от своего намерения не отказался, передать вас с рук на руки тем людям в Диаспоре, которые э-э... помогут вам решить ваши проблемы... Тебя, Кирилл — пристроить на работу и отоварить визой — как мы и договаривались, вас, Анатолий, вернуть живым и здоровым в Метрополию...

— Меня вполне бы устроило, если бы я с самого начала попал в руки властей, — огрызнулся литератор.

— А у вас нет такого ощущения... — Листер по-птичьи наклонил голову, чтобы заглянуть Анатолию в глаза. — Такого ощущения, что эти самые власти не слишком торопятся заполучить вас в свои руки? Ни вас, ни меня, ни вообще кого-либо из экипажа «Ганимеда». И сам «Ганимед» с его начинкой они тоже не слишком торопятся заполучить в эти самые «свои руки»... Вот господина Николаева, — кэп кивнул на Кирилла, — это давно уже начало волновать. Но я тогда еще не до конца просчитал ситуацию. Теперь она представляется мне достаточно ясной...

— Огоньки! — прервал его Кирилл, стремительно выпрямляясь. — Если для того, чтобы выбраться отсюда, надо идти за огоньками, то — вот они, пожалуйста... Смотрите...

Его спутники тоже вскочили на ноги — Смольский быстро, Листер — не так торопливо. Анатолий честно пытался высмотреть — напряженным и растерянным взглядом — то, на что указывал Кирилл. Листер каким-то безразлично-безнадежным движением провел ладонью по глазам — словно снимая невидимую паутину.

— Каждый из вас, — устало произнес он, — я уже говорил об этом, видит что-то свое... Пока что лучше всего это получается у тебя.

Он подхватил с черной щебенки свой бластер и кивнул Кириллу:

— Веди...

Кирилл все так же, не отводя взгляда от той светоносной странности, что, похоже, явилась только ему одному, подхватил свою поклажу и оружие и легко, не оборачиваясь и не останавливаясь, зашагал к нависавшим над ними скальным глыбам Ловушки. Точно так же — легко и почти бесшумно — за ним двинулся Смольский. И, неожиданно для себя сделавшись невероятно легким и бесшумным, пошел след в след за этими двумя капитан

Листер. Теперь и он видел это. Нет, не огонек, а, скорее, разряжение тьмы. Ее отсутствие. И этот странный — и существующий и несуществующий одновременно — свет вел их.

Он вел их прочь от обложившего каменный лабиринт замкнутого мрака. Туда — в его глубь, в еле различимые в колышущихся волнах тьмы руины. А руины эти настолько слились с тьмою, что Кирилл сразу и не понял, когда они очутились внутри лабиринта, ступив вслед за летящим огнем на ступени нисходящей в недра древнего сооружения лестницы.

Кириллу путеводный огонь представлялся трепещущим пламенем факела. Но сам факел был неразличим во мраке. И, уж конечно, невидим был тот призрачный факельщик, что манил их за собой. Разве что вздрагивание пламени и короткие его рывки, случавшиеся время от времени, намекали на существование этого факельщика, на его неровную, на ступенях оступающуюся походку.

А Смольскому путеводное пламя представлялось иным.

— Это похоже на шаровую молнию, — высказал он свои впечатления. — То ли вращается она неравномерно, то ли полосы какие-то по ней ползут...

Листер жестом велел ему умолкнуть.

Они спускались по гигантским ступеням, складывавшимся в подобие винтовой лестницы, уходящей в глубь черного массива плоскогорья Аш-Ларданар. А может — в глубь какой-то совсем другой земли, не этому Миру принадлежащей. Иногда она — эта лестница — так неожиданно сворачивала или проваливалась вниз, что Кирилл терял из виду путеводный огонь, но тот словно задерживался, поджидая всех троих.

А потом они слышали звук. Дыхание кого-то четвертого. Того, кого с ними не было.

Анатолий и Кирилл почти одновременно скинули с плеч и взяли наизготовку свои стволы. И снова, как уже много раз было на этом маршруте, кэп Листер отмахнул им запрещающий знак. Они остановились, прислушиваясь. И летящий огонь остановился, повис посреди просторной, дышащей ледяным холодом пещеры, в которую привела их неожиданно закончившаяся лестница. И не сразу различили они в свете своих ручных прожекторов, причудливо дробящемся на антрацитной фактуре стен, две человеческие фигуры. Одну — худощавую и угловатую. Она замерла, изговываясь к худшему. Вторая фигура была мешковатой, уместной разве что в недрах офиса или казино, но невообразимо нелепой здесь — в мире угрюмо поблескивающего камня, сумеречных миражей и летящего огня...

— Алоиз!.. Или — тьфу! — Микис!.. — пораженно охнул Кирилл.

А Смольский удивленно заломил бровь:

— Дурная Трава? Ты?

— Я же велела тебе ждать меня у костра. — Девушка шагнула навстречу ему из темноты. — Напрасно не послушался...

— Ну вот: их шестеро, — сообщил Блант, разглаживая разложенную перед ним распечатку. — Из тех, что не бывали на планете после прибытия господина Санди в наши пенаты и до убытия его с Фронды при обстоятельствах, вызывающих гм... сомнения в исходе операции... Но с того момента по вашему приказу была прервана аренда каналов подпространственной связи, и по сию пору Фронда обходится без нее. Причина вполне логичная — длительная неуплата долгов по этой самой аренде. Так что если кто со станции и выложил Хубилаю приметы федерального следователя, то теперь с сообщниками связаться не сможет ни за какие тугрики... Это вы сделали четко, подполковник. Но это может навести партнеров Хубилая — там, на Инферне, — на определенные мысли...

— Так или иначе, мы работаем только с этой шестеркой, — вздохнул Гвидо и подтянул листок к себе. — И работаем быстро. Кстати, почему вы вычеркнули из списка подозреваемых дока Кульбаха? Я, конечно, далек от того, чтобы подозревать старину Эберхардта, но все-таки?

— Да потому, что в файл о его командировках в «музей ранарари» и в Медакадемию Фронды внесен в качестве «лица, обеспечивающего режим командировки», капитан Санчес. Орландо Санчес... Запись внесена вами. А за Орландо Санчеса можете поручиться не только вы. Я его неплохо знал задолго до перевода в ваш департамент. Ненавидит мафию — у него сын погиб на дежурстве — еще не успев доучиться в академии управления расследований... Кроме того — безупречно честен. Так что «старина Эберхардт» не подпадает под критерий «бесконтрольно перемещавшихся». Никак не подпадает...

— Что ж, вы лучше ориентируетесь в моих кадровых проблемах, чем я — в ваших, — усмехнулся подполковник. — Принимаю «отставку» дока Кульбаха. Итак... С кого из оставшихся шести начнем?

* * *

Первым из «оставшихся шести» оказался Поль Камингс, специальный агент в звании лейтенанта. Молчаливый ассистент ввел его в кабинет, что располагался за дверью без таблички и, не говоря ни слова, отоварил комплектом датчиков — необходимым атрибутом для дачи показаний «Особой межведомственной следственной комиссии Директората Федерации». Сделав свое дело, ассистент так же молча удалился. Происходящее за безымянной дверью не терпело свидетелей.

Допрашивать Камингса было сплошным удовольствием для Бланта. Профессионалам вообще приятно работать с профессионалами.

— Ваше мнение? — осведомился Блант, когда дверь кабинета закрылась за аккуратно подстриженным худощавым блондином.

— Имеет значение только ваше... — отозвался Гвидо, несколько рассеянно поигрывая карандашом. — Я слишком долго работал с этим человеком и почти всегда оставался о нем самого лучшего мнения. Ни малейших подозрений. Было бы обидно обмануться в нем...

— Как вы обманулись в человеке по фамилии Фальк? — невинно поинтересовался

Блант.

Уж он-то знал, насколько это было обидно Гвидо, так и оставшемуся в результате проявленной доверчивости трубить подполковником на полковничьей должности в дыре, которая, по идее, должна была стать всего лишь краткосрочной промежуточной инстанцией на стремительном пути к уже готовому для него креслу в одном из министерств Метрополии.

Гвидо вздохнул.

— Не стоило мне делать ставку на человека с философским складом ума. От них — жди подвоха... Но Камингс — не из того теста...

— Да. Пожалуй — да, — честно признал главный контршпион. — Ответы он дал четкие и конкретные. Хорошо проверяемые. За те несколько часов, за которые он не смог полностью отчитаться, не отчитался бы ни один нормальный индивидуум. Учитывая бардак, который творится на нашей с вами подотчетной планетке... Да его и не могли бы обработать за эти часы. Его не на чем подцепить — в смысле шантажа...

— Да и по роду своих заданий Поль на мафию не выходил и выходить не мог, — как-то хмуро подтвердил Гвидо. — Работал исключительно в среде высшего офицерства. Правда, и среди этого народа встречаются экземпляры... Склонные приторговывать оружием, к примеру. Но этим у меня занимался другой человек... Он и сейчас там — на поверхности.

— Психохимическое и гипнотестирование Камингс, как и все спецагенты, проходит регулярно и с блеском, — констатировал Блант, небрежно вороша бумаги. — Наводящие вопросы о талисманах — никакой реакции. Лобовые фальш-вопросы — чисто профессиональное понимание... Ему и самому приходится провоцировать партнеров. Система детекции психофизиологического состояния — мимо. Система чтения латентной речи — мимо. Все мимо. Вызывайте следующего.

Несмотря на относительно бодрый тон обсуждения, оба они — и Блант и Дель Рей — ощущали себя неважно. С чисто теоретической точки зрения «Кротом» мог оказаться любой из подозреваемых — и первый и шестой. Но психологически выбывание одного — как на грех, самого первого — из круга подозреваемых всегда напрягает, как потеря еще одного запасного выхода.

Всегда лучше, если за очередным «кандидатом» тянется мохнатый хвост неуточненного и непроверяемого. Это оставляет надежду. Если все шестеро, попавших под подозрение, убедительно докажут свою чистоту, то последует кошмар: работа с каждым из них на все новом и новом уровне накала, допросы ночные и перекрестные, шантаж и «шитье» дела... Потому что отступать нельзя.

Крот — это самое плохое, что может приключиться с таким вот отдаленным филиалом разведслужб Федерации. Мало того, даже при успешном его — Крота — выявлении, задержании и потрошении на доверие Центра рассчитывать надолго не приходится. Но мерзкое подземное создание может и не попасться. Или попасться, скажем так, — с натяжкой. Уйти из-под носа следствия в бега. Пустить себе пулю в лоб, а то и хуже — доказать свою невиновность. Тогда филиальчику конец! Расформирование с последующим произрастанием всех без исключения сотрудников — вплоть до последнего программиста — в дырах вроде Нью-Ориноко. Это в том случае, если Крот не завязан на кого повыше там, в Метрополии. Вот тогда могут произойти страшные вещи.

Такие, как на «Океании-200» — станции, подобной «Эмбасси-2». Разгерметизация (и надо же — ни одна из защитных систем не сработала вовремя). Кто был тамошним Кротом,

так и кануло в небытие вместе со всем персоналом «Океании». Как и то, кто и на каком уровне предопределил его судьбу...

Такие, как на Харуре, когда вот в такое же тихое шпионское гнездо, мимикрировавшее под невинный лингвистический институтик, ворвались неизвестные и в капусту покрошили из скорострельной техники всех, кроме одного, сотрудников. За этого одного, отлучившегося за какой-то мелочевкой в магазинчик напротив, под раздачу попал техник, зашедший ремонтировать ксерокс.

Дело списали на жестокосердие контрразведки Одноглазого Императора и глупее сделать не могли: контрразведка Харура, докопайся она до природы языковедческого заведения, без особого шума и треска умучила бы его кадры в своих подвалах и уж никогда не допустила бы такого прокола, какой вышел с тем техником. Притом политическая ситуация была такова, что Директорат Федерации обошелся бы в ответ на арест и казнь дюжины «лингвистов» каким-нибудь ерундовым политическим демаршем, а то и просто проглотил бы эту пилюлю.

Тогда, правда, небытию пришлось подавиться. Из-за осечки с ускользнувшим раздолбаем вышло какое-то очень закрытое расследование и подковерный скандал в верхах, в результате которого перепало по шее всем — и разведке, и управлению, и контрразведке, и тому педанту, который столь успешно довел дело до конца... Как бишь его звали?..

Блант задумчиво потер лоб.

«А звали его Санди. Кай Санди!» — он поздравил себя с таким совпадением. Ничего хорошего оно не предвещало.

* * *

— Почему тебя так зовут? — спросил Кирилл.

Он сидел, прижимаясь спиной ко все еще теплой после довольно жаркого дня скале Аш-Ларданара. Точнее — остаток жаркого дня, который достался на их долю после того, как знобящая темнота Ловушки отпустила их — троих невольню и двоих по своей воле вступивших в ее сумеречный круг...

— Ты о чем? — нехотя отозвалась придремывающая по другую сторону от громоздкого рюкзака, угловатая, на хулиганистого парня смахивающая и до конца еще не ставшая девушкой девчонка-переросток.

— Я про твою кличку.

Кирилл постарался стряхнуть с себя сумрак зыбкого вечернего сна — самого дурного из даров, посылаемых незаметным богом наваждений. Небо, видневшееся между почти смыкавшимися над их головами сводами обрушившейся пещерки, как-то особенно грозно темнело, и звезды, которые — он уже привык к этому — всегда рано приходили в опрокинутую над Аш-Ларданаром бездну, теперь не торопились с этим, и лишь немногие из них смотрели хмурыми глазами обитателей нездешних глубин. Озноб начинал пронизывать пятерых, расставшихся с Ловушкой, да и до прогретшегося за полный день Роги стал добираться потихоньку. Он поднялся от крохотного, бездымного костерка и принялся высматривать в сгущающейся мгле подавшегося в дозор Штучку. Но и его собственная фигура становилась плохо различимой в набиравшем силу тумане.

— То не совсем кличка...

Дурная Трава качнулась вперед и раскладываясь, словно складной аршин, поднялась на ноги. Шагнула к костерку и изломанной птицей нависла над ним.

— В том смысле, что «травкой» балуешься? — с некоторым, отеческим почти сочувствием спросил Микис, плотной тушкой обрисовывавшийся в тени скал.

— Не в том, — угрюмо уведомила его, да и Кирилла тоже, неразговорчивая Трава. — Вставайте, раскачивайтесь... Будите своих... Сейчас темнота ударит...

— Еще рано... — возразил Кирилл, с неохотой отрываясь от сохранившейся остатке дневного тепла скалы. Он с неуверенностью поднес часы к глазам.

— Сегодня ночь непростая... — бросила Трава и, не добавив ничего, шагнула в туман.

В том же тумане, словно на смену ей, обрисовался Картежник, за плечом которого маячил Рога.

— Карин права, — сообщил Штучка. — Поднимайте ваших друзей. Пойдете с нами — одна тройка и одна четверка. Я, Рога и Микис — с вашим кэпом. Все остальные — с ней...

— Так ее зовут Карин?

— Карин Малерба, — уточнил Рога. — Итальянский знаете? Или французский хотя бы? Малерба — «дурная трава», сорняк. Фамилия древняя. Дворянская. У нее — родня довольно высокая. Из первой иммиграции. И в Метрополии Малерба — целый клан. Только Карин — это для близких друзей. Для нас с вами — Трава. Так что, — он с упреком глянул на Микиса, — напрасно это вы о «травке»... Слышащим такие вещи противопоказаны. Категорически.

— А она хорошо слышит Камни? — поинтересовался Кирилл.

— Увидишь, — буркнул Рога. — Буди капитана своего...

* * *

В кабинет — снова в сопровождении молчаливого ассистента — вошел следующий кандидат в Кроты. Пресс-секретарь Культурного представительства Федерации на Фронде, спецгент в звании лейтенанта Мария Нуньес.

Результат следующих двух часов интенсивной работы следственной комиссии был прямо противоположен первым: прекрасная телом и душой Мария была одним из самых бестолковых сотрудников подполковника Дель Рея и специализировалась по графе «сбор общей политической информации». Область, что и говорить, туманная.

Агент Мария Нуньес реализовала свою деятельность путем приобретения круга знакомств — достаточно пестрых и совершенно неожиданных по составу, часто сомнительных. Совершалось это во время почти непрерывной циркуляции по изрядно потраченному молью экономического кризиса, но все еще блестящему фрондийскому бомонду.

Еще транслировались по обморочным, спорадически работающим каналам «Ти-Ви» планеты пышные презентации, еще давали приемы посольства и представительства галактических фирм. Все еще пыжились и старались хоть кому-то подороже продать себя артисты, писатели, художники. Хорохорилась местная знать. Мирок неутраченного банкета на пожарище.

Каждая чума знает свой пир. И на этом пиру почти постоянной и довольно желанной гостьей была пресс-секретарь Нуньес. Дама приятной наружности, от которой зависело,

кому перепадут кое-какие крошки со стола, столь ненавидимой «свободнейшим из свободных» народом Фронды Федерации Тридцати Трех Миров. Часто — довольно весомые крошки... Почти даром.

Собственно «политической информации» Мария приносила — кот наплакал. Но зато, тут надо отдать ей должное, благодаря ее бурной деятельности ведомство подполковника Дель Рея могло запросто утопить в компромате половину творческой интеллигенции и две трети дипломатического корпуса Фронды. Что позволяло подполковнику медленной и кропотливой вербовкой восстанавливать агентурную сеть военной разведки. Сеть, изрядно пощипанную в свое время контрразведчиками Самостоятельной Цивилизации. Контрразведка была, пожалуй, единственной системой Фронды, не скатившейся в полный маразм и только еще начинавшей сдавать свои позиции. Должно быть, потому, что создавали ее советники ранарари и ориентировали именно на борьбу со спецслужбами Федерации.

Конечно, не на одной Марии держалась работа по вербовке и «склонению в пользу», но именно ей прощалось многое. В том числе — практически полная безотчетность в вопросах совершенно беспорядочной жизни на планете. Что греха таить, при первом знакомстве с этой своей сотрудницей Гвидо собрался было за ней приударить, но, прочитав в личном файле милейшей Марии ее рабочую кличку — «Росзянка», — передумал.

И правильно сделал. В противном случае ему пришлось бы неприятно себя чувствовать эти два часа. Хотя куда уж хуже.

И знакомств подозрительных у Марии хватало. И с денежными суммами, вверенными ей «на представительские расходы», явно не все было в ажуре. И даже коллекцию оберегов и амулетов она собирала... А лапку «подземного духа» давно собиралась приобрести.

На Марию можно было повесить всех собак. Кроме одной — она была, наверное, единственным человеком на «Эмбасси», который не имел понятия о существовании операции «Тропа». Нет, она могла узнать о ней многое — и допуск к части файлов по этой теме у Марии был, и задействовать ее при дальнейшем разворачивании дела, в случае его успеха, Гвидо собирался... Потому и оказалась она в числе подозреваемых. Но только вот все интересы шикарной дамы лежали в области сплетен, амурных и финансовых афер полусвета Фронды, а не в сфере скучнейшей и занудной рутины внутренней жизни Второго Посольства. Это, конечно, не снимало с нее подозрений, но — на данном этапе — сводило всю работу комиссии с ней к нулю.

Так и не поняв, чего от нее добиваются два весьма серьезных и начавших уставать начальника, Мария была отпущена — с богом и под расписку, — прощбетала что-то очень милое и выпорхнула в дверь. Притворив ее, она с недоумением спросила у кемарившего в «предбаннике» молчаливого ассистента:

— Что за птица этот, как его, Санди? Ну, о котором что-то хотели от меня услышать там — в кабинетике?

Удостоившись в ответ бессловесного пожатия плечами, Мария с досадой сплюнула в случившуюся под рукой пепельницу и убыла окончательно.

По другую сторону двери снова состоялся довольно короткий обмен мнениями:

— Или стерва безумно хитра, — задумчиво произнес Блант, — или так же бестолкова...

— Примем как резервный вариант, — без всякого энтузиазма определил Гвидо.

Уж он-то знал, что, поработав с любым из смертных, следственная комиссия смогла бы убедить этого последнего в том, что именно он совершил все преступления и служебные

проступки, зафиксированные в письменной истории человечества. Если не все, то большинство. Да только в том и состоит лихо следственных комиссий, что следом за ними в дело вступают комиссии проверочные и уточняющие, которые столь же живо убеждают «клиента» в чем-нибудь обратном. Мария Нуньес была идеальным материалом для разработки. Но только не для разработки результативной.

Блант не стал спорить с принятым решением и распорядился в селектор подать кофе и сэндвичи. А через полчаса пригласить для собеседования мисс Кальвини. Номер третий.

* * *

— Ей-богу же, я так не умею, — пробормотал Смольский, кивнув на еле различимую впереди фигуру Дурной Травы. — Экие звуки издает...

— Неудивительно, — пожал плечами Кирилл. — Это здешние птицы так кричат. А может, растения здесь поют ночами. В общем — что-то здешнее, неземное. А ты — в свисток дуди почаще. А то снова потеряемся. Девочка вроде не слишком часто оборачивается...

Словно услышав его, Дурная Трава резко остановилась и угрюмо уставилась в каменистую землю. Оба спутника чуть было на нее не налетели.

— Вот что, — сказала она глухо и зло. — Постарайтесь понять хорошенько, для чего каждый из нас тут находится... Не ваше дело — к Камням принохиваться. Из всех ваших — только тюфяку этому и повезло... Большое, между прочим, счастье. А вы в это дело не суйтесь. Раз уж свалились на наши головы при оружии — держите дозор, чтоб на «стервятников» ненароком не напороться. Хоть такая от вас польза. Ночь сегодня странная будет. И ваше дело кругом смотреть, но и меня из виду ни-ни... У меня свое дело — место почувствовать и на Камни потом выйти. А за вами, словно за малыми детьми, я присматривать не буду.. И, главное, когда начнется — не пугайтесь! То есть сами со страху хоть обмараться можете, но чтоб не спугнули — ни за какие коврижки! Головы снесу!..

В другой раз и в другом месте эти слова, вычитываемые слегка очумелой девчонкой двум взрослым мужчинам, звучали бы смешно, но здесь и сейчас Смольский поверил — и вправду снесет!

— А кого, собственно, не спугнуть-то? — поинтересовался Кирилл, чем, видно, крупно прогневил потомка древнего рода Малерба.

— О таких вещах в таких местах не спрашивают! — зло отрезала она. И добавила, смерив рослого десантника взглядом: — Я была о тебе лучшего мнения... Черт тебя такого сюда занес... Кровью от тебя пахнет. Кровью и одиночеством... Должен, вроде, такие вещи понимать...

Сказала и повернулась лицом к туману. Шагнула в него.

Это была действительно странная ночь. И туман этой ночью был странен. Кириллу казалось, что за последние ночи он уже свыкся со странностями этих встающих у него на пути призрачных туннелей и ущелий, этих ленивых растений, почти касающихся твоего лица, этих изваянных из мглы колоссов, чужащихся в зыбкой, неверной дали... Но в эту ночь все было не так.

Он не сразу понял, что именно было «не так». Ветер... Там, высоко над их головами, словно хлопали гигантские и невидимые паруса — порывы ветра, совершенно не ощутимого

здесь, внизу, в море зыбкого мрака. Порывы, сотрясающие горные выси... И какой-то странный гул стоял над Аш-Ларданаром: словно души миллионов мертвецов исторгали в огромное пространство над каменной чашей плато чудовищной мощи реквием по чему-то несбывшемуся, горькому и великому...

Кирилла пронял озноб. Он покосился на маячившего слева Смольского. Тот, рухнув на колени и уткнувшись лбом в землю, словно ему свело живот, стал быстро-быстро нашептывать самому себе что-то.

«Инфразвук, что ли?» — подумал Кирилл. Но уже понимал, что не один только инфразвук. Гул нависал над Ларданаром. Гул нездешних крыл.

* * *

Франческа спокойно и не выдавая своих эмоций выдержала процедуру крепления датчиков, необходимую, как она знала, для допроса теоретически попавших под подозрение сотрудников разведки. Так же спокойно она отказалась от предложенной ей инспектором Блантом сигареты. Учитывая то обстоятельство, что мисс Кальвини была в иерархии «Эмбасси-2» не только не последним человеком, но и человеком, находящимся в прямом подчинении его коллеги, он решил немного изменить тактику, а именно — предоставить ей возможность первой задавать вопросы вместо того, чтобы отвечать на них. Однако инициативу ведения допроса, любезно предоставленную ему подполковником Дель Реем, инспектору упускать не хотелось.

— Итак, насколько я знаю, — приступил он к сути дела после короткой словесной разминки, — вам ведь пришлось поработать с господином Санди, то есть проконсультировать его... Подготовить его, так сказать, к жизни в условиях Самостоятельной Цивилизации. По сути дела, кроме господина подполковника, присутствующего здесь, вы — наиболее компетентный в отношении операции «Тропа» человек... Вам, наверное, безразличны результаты вашей работы?

— Скорее, мне безразлична судьба самого следователя, — довольно спокойно отозвалась Франческа.

— Гм... Вот как?

Ее спокойный ответ несколько смутил Бланта, которому хотелось как можно быстрее загнать мисс Кальвини в угол.

— Это ведь, в конце концов, и есть конечный результат такой, как вы говорите, работы. Разве не так? — перешла она в наступление.

Блант оторопел. Он никак не ожидал, что уже с первых минут допроса она воспользуется предоставленным ей послаблением. Но Франческа, так и не дав ему опомниться, продолжала атаковать:

— Если у вас есть что сказать мне на этот счет, то что же... Я готова удовлетворить ваше любопытство. Только, судя по всему, вы намереваетесь сказать мне что-то не очень приятное... А жаль. Следователь — не самый плохой человек из тех, кого мне посчастливилось узнать...

Она, мельком глянув на гору изувеченных зубочисток, украшавшую стол, и не удостоив чести их хозяина, быстро перевела равнодушный взгляд на расположенную позади него голограмму с видом соснового леса.

— Следователь Санди жив и здоров, — поспешил успокоить ее Блант. — Но... — он сделал многозначительную паузу, — спокойной его жизнь теперь, правда, не назовешь. Он чудом избежал довольно крупной опасности. Опасности, которая исходила, как ни странно, отсюда, с борта «Эмбасси-2»...

— Вот как? — осведомилась мисс Кальвини. Стараясь скрыть нервное напряжение, она принялась хлопать себя по карманам в поисках пачки сигарет. Но, вспомнив, что курить отказалась сама — всего несколько минут назад, — не стала ее доставать.

— Так вы говорите, он ее избежал — этой опасности? — она горьковато усмехнулась. — Значит, обереги все-таки помогают...

— Обереги? — встряхнув головой, переспросил инспектор.

— Ну да — обереги... Амулеты... — сдерживая раздражение, подтвердила она.

На секунду в кабинете повисла тишина.

— И кто же тот э-э... благодетель, что так удачно снабдил господина следователя таким э-э... приспособлением? — тщательно подбирая слова и одновременно сiallyсь придать голосу шутливую интонацию, осведомился инспектор.

Ему не верилось, что следствие так молниеносно вышло на финишную прямую, и он просто боялся спугнуть удачу.

— Да знаете... — Франческа неопределенно взмахнула тонкой рукой. — Я себе позволила выступить в роли такого благодетеля...

Подполковник Дель Рей выронил изо рта так и нераскуренную — из уважения к воздержанности в том же вопросе мисс Кальвини — сигару и воззрился на нее как на привидение.

— Я что — очень нехорошо поступила? — удивилась Франческа.

— К-кто надоумил вас? — вдруг став косноязычным, спросил он. — И кто дал вам эту штуку?

— «Эта штука» валялась у меня в ящике стола уже больше года, — пожала плечами Франческа, недоумевая, с чего бы это разговор устремился в столь третьестепенное русло. — Ее еще Херби привез с Шарады. Его ведь оттуда перевели к нам...

Лицо ее погрузнело — видимо, от каких-то воспоминаний. Но она тут же поморщилась, сообразив, что сказала лишнее.

— Вы говорите о Герберте Фальке? — уточнил Блант, зачарованно глядя Франческе в рот и теряясь в догадках, что еще сенсационного может из него явиться на свет божий.

— Ну да... — чуть нервозно ответила она, приглядываясь к собеседникам: с теми явно происходило что-то непонятное...

«Господи, теперь и этот перебежчик к делу прилип», — пронеслось в голове у Гвидо.

— Я знаю, что он теперь на плохом счету... — Франческа дернула плечом. — Но я до сих пор не верю в то, что его просто перекупили... Или шантажировали... Скорее что-то заставило его. Что-то, чего мы не знаем или не можем понять... А что до того, кто надоумил меня, — она вдруг резко повернулась к Дель Рею, — так вы, подполковник, как раз сами и надоумили...

Сигара второй раз брякнулась с отвисшей челюсти Гвидо на бумаги, разложенные на столе. Он нервно подхватил ее и, вновь зажав в зубах, стал шарить рукой среди разбросанных на столе измочаленных зубочисток в поисках зажигалки.

— Простите... — вмешался в разговор инспектор. Слова он старался выговаривать медленно, но решительно. — Простите, мисс Кальвини, вы со всей ответственностью

утверждаете, что повесить лапку «подземного духа» на ручку двери кабины следователя Санди вам посоветовал э-э... присутствующий здесь ваш непосредственный руководитель подполковник Гвидо Дель Рей?

На этот раз остолбенела Франческа. Ей пришла в голову мысль, что шефы явно обкурились чего-то сильнодействующего.

— О чем это вы? Я что, по-вашему, влюбленная гимназистка, чтобы вот так — тайком — вешать чьи-то лапки на двери мужчинам?

— Тогда я ничего не понимаю, мисс, — откинулся на спинку кресла инспектор.

Гвидо продолжал сидеть с таким видом, словно проглотил порядочных размеров кол. На Франческу он смотрел как кролик на удава. Довольно высокопоставленный кролик на довольно симпатичного удава. Зажигалку он все-таки столкнул со стола. Франческа достала из кармана куртки свою и протянула ему огонек. Потом — снова нервно похлопав себя по карманам — достала-таки сигареты и закурила сама.

— Я говорю про тот орех... Погремушка... Шептун... Бес худых тайн... Ну, который Херби носил на шее — на счастье... Он его мне подарил на Рождество. И я его потом тоже таскала... — она коснулась шеи, словно пытаясь поправить отправленную за миллионы километров отсюда цепочку. — А вы, подполковник, вспомнили — потом, уже после того, как Херби растворился там, на Инферне, — чей он был, и посоветовали мне отдарить его кому-нибудь, кому он не будет ни о чем дурном напоминать. Вы вообще любите давать мне ценные советы...

Тут Франческа поперхнулась табачным дымом, закашлялась и стала разгонять образовавшееся облако энергичными взмахами руки.

— Например — бросить курить, — закончила она прерванную кашлем фразу. — Я орешек этот сначала просто в стол переложила, чтобы не раздражать вас... Но он все время попадался мне под руки... Мешал. Напоминал о Херби. А потом подвернулся случай, и я передала шуковину следователю. Из рук в руки — без всяких фокусов с дверными ручками... Может, она его приведет к прежнему хозяину — там, на Инферне. Они, говорят, помнят старых хозяев, эти орешки... Вот и все...

Теперь закашлялся Гвидо. Точнее, зашелся чем-то вроде короткого нервного смеха. Сообразив, что сигару свою, с подачи мисс Кальвини, он разжег не с того конца, подполковник сосредоточенно занялся решением этой проблемы.

— Итак, как я понял, — начал подытоживать Блант, бросив выразительный взгляд на демонстративно самоустранившегося от ведения следствия коллегу, — вы никогда не видели амулета, талисмана или оберега, представляющего собой оправленную в металл темного цвета лапку так называемого «подземного духа» с планеты Джей? И тем более никогда — ни прямо, ни косвенно — не передавали ее федеральному следователю Каю Санди?

— Такие лапки обычно торчат в витринах антикварных лавочек в центре столицы, — пожал плечами, уточнила Франческа. — Там, — она машинально ткнула пальцем в пол, — на Фронде... Так что не могу поклясться, что никогда такую штуку в руках не держала. Это, — традиционный сувенир. За все остальное из того, что вы только что сказали, — могу расписаться.

— Спасибо... — сказал Блант и перевел разговор в запланированное русло. — Поскольку все ваши командировки на Фронду носили, так сказать, академический характер, у вас не было, надо полагать, незапланированных контактов... Работа в архивах, анализ компьютерных сетей, беседы со специалистами... В общем, почти все легко

проверяемо, да и шла ваша работа, как вам известно, «под регистратор»... Но иногда вас просили выполнять и э-э... некоторые действия по поддержке агентурной работы... Не так ли?

— Верно, — признала Франческа. — Если выразаться яснее, то я поддерживала связь с некоторыми лицами, которые были внедрены в экономические и в м-м... ну, назовем вещи своими именами, в криминальные структуры. В том числе и в обеспечение операции «Тропа»... Почти всегда — через третьих лиц. Втемную...

— Вот об этом — поточнее, пожалуйста. — Блант нетерпеливо заерзал в своем кресле. — С кем вы поддерживали связь в ходе оперативных мероприятий по этой м-м... теме?

Франческа потерла лоб. Уже не нервным, а привычным движением. Разговор вернулся на круги своя. Шла нормальная работа.

— Я систематически передавала инструкции и м-м... материалы резиденту Биберу Не лично, конечно, а в два этапа: сначала или сама размещала «зомби» в тайниках, или привозила с собой их координаты, а потом эти координаты сбрасывала одной чудачке, числившейся в секретарях у господина Алоиза Бибера — все под видом чисто криминальных контактов...

— Если можно, уточните, — надавил голосом инспектор. — «Зомби» — это в вашем департаменте что обозначает?

Франческа задумалась и при этом, как-то по-детски смешавшись, шмыгнула носом.

— Так это — по-разному, господин инспектор... Если говорить о передачах через тайники...

Она была искренне удивлена некомпетентностью столь высокопоставленного лица.

— Есть просто «посылки», есть «куклы», а есть «зомби»... Ну — «посылка», это то, чем она и является. Допустим, определенная сумма денег или ампула с ядом. В случае обнаружения — неопровержимая улика. А вот «кукла» уже должна ввести противника в заблуждение. Заставить его себя выдать. Как правило, ее передают по тому каналу, который подозревают на «засветку». И представляет она собой что-то невинное. То, к чему нельзя придраться. Контрразведка противника проделывает огромную работу, чтобы застукать вас именно тогда, когда вы помещаете «куклу» в нишу за мусорным контейнером, и — бац! — обнаруживает в этой нише гнилую морковь. «А что еще, господа, по-вашему, я могла принести на помойку?» И господам приходится умыться. А их внедренный агент или система подслушивания превращаются в отработанный материал...

— А «зомби»?

Инспектор поймал на себе иронический взгляд Гвидо. Так смотрит профессионал на любителя. Подполковник тут же отвел глаза в сторону и принялся с величайшим тщанием стряхивать с мундира сигарный пепел.

— «Зомби», господин инспектор, это способ выдать один грех за другой. Шифровку — за поддельную купюру, проявитель для тайнописи — за понюшку наркотика, видеозапись тайных переговоров — за порнокассету... И так далее. Способ сбить невидимых преследователей со следа. Или даже спровоцировать их на немалые расходы — совершенно впустую. Правда, и сама такая обработка посылок обходится недешево. Да к тому же еще приходится, как говорится, временами «жертвовать пешкой» — для полной убедительности картины. Собственно, вся операция «Тропа» это по-своему одно очень большое «зомби»... С Бибером работали исключительно через «зомби».

— Гм... — Блант, морщась, потер переносицу.

— Так что Мардж... Это я про секретаршу Бибера. Она должна была принимать вещи именно так — как шалости своего шефа с наркоподпольем.. Она или кто-то с ее подачи собирали урожай с наших тайников. А я только сообщала ей, куда и что положено для ее шефа... За милой беседой в кафе при библиотеке университета. Пока кофе не стало роскошью, привлекающей излишнее внимание. Потом мы просто кормили с ней голубей на площади Трех Птиц. Пока голубей не сожрали местные бомжи. Потом мы просто курили там. Знаете, до того я не любила курить. Но у Мардж это получалось очень заразительно... У этой смешной тетки вообще масса заразных привычек...

Она принялась хлопать себя по карманам в поисках новой сигареты. Предыдущая поломалась у нее в пальцах.

— Вы сказали — «должна была»... — осторожно схватил Блант вынырнувший из потока слов Франчески хвостик противоречия. — «Должна была принимать вещи именно так...»

— Не думаю, что в том есть моя вина, но... Просто Мардж оказалась немного умнее, чем те, с кем можно запросто играть в такие игры. Боюсь, что она о многом догадывается. А если говорить точно — видит своего шефа насквозь. Да, думаю, оно и к лучшему: у меня сложилось впечатление, что за госпожой Каллахен наш резидент как за каменной стеной. Не знаю, как закону и справедливости, а вот ему лично Мардж предана всецело.

— Да, резиденту Биберу не стоило далеко отходить от своей секретарши, — с досадливой иронией заметил инспектор. — Тогда бы его не занесло туда, куда занесло, если судить по рапорту господина следователя...

Франческа недоуменно воззрилась на него:

— С нашим резидентом — не все в порядке?..

— Ладно, мисс Кальвини... — Блант тяжело вздохнул. — Ладно... Мы уже достаточно хорошо ознакомились с вашим мнением о Марджори Каллахен... Теперь...

Он встал из-за стола и стал расхаживать по кабинету, заложив руки за спину.

— Вы уже достаточно заморочили нам голову.. Позвольте уж теперь только мне задавать вам вопросы. Вернемся, так сказать, к нормальному способу работы: я буду спрашивать, а вы — отвечать. Ясно, однозначно и без особых размышлений. Впрочем, думаю, вам особо объяснять тут нечего...

Гвидо выразительным жестом пододвинул Франческе пепельницу, и та погасила в ней сигарету, сумев этим жестом выразить свое полнейшее согласие с предложенным ей образом действий.

* * *

Гул нездешних крыл... Листер осторожно повел стволом бластера вверх, но Штучка остановил его неторопливым жестом знающего человека. Их четверка недалеко оторвалась от тройки с Дурной Травой во главе. Не более чем на километр. Рога дал знак остановиться на привал и опустился на подходящую глыбу, торчащую из рыжей щебенки.

Микис тоже слышал этот гул. Но мысленно он пребывал в другой Вселенной. В той, в которой у него теперь был друг. Внешне этот его друг не выглядел никак. Точнее, Микис не мог связать тот его образ, что медленно и мучительно складывался в его душе, с неказистым красноватым булыжником, прижатым надежной повязкой к животу. Камень стал для него

предметом уважаемым — чем-то вроде персонального телефона, связывающего его с теми сферами, ступить в которые иным не дано. Ключом к обиталищу кого-то богоподобного. Нет, не богоподобного! Друга. Именно — друга.

Ключом, но не самим же другом!

Они теперь понимали друг друга. Почти говорили. Хотя Микис, от рождения способный к языкам и свободно болтающий на дюжине принятых в Обитаемом Космосе диалектов, не мог сказать с уверенностью, на каком из известных ему языков происходил этот их разговор — сбивчивый и непрерывный одновременно. Не та цепь смутных чувств, что позвала его на помощь попавшим в Ловушку спутникам, а затем вывела их всех из капкана, нет — это был уже обмен более-менее ясно сформулированными мыслями.

Этот странный диалог и был смыслом его, Микиса Палладини, существования в последние сутки. Разговор продолжался даже во время их дневного нервного, беспокойного сна. Его перестало удивлять все это. Словно так и должно было быть всегда. У Микиса успела выработаться привычка — машинально прижимать повязку с камнем к животу, как только его контакт с невидимым собеседником начинал ослабевать.

Поэтому он оказался последним из всех, услышавших этот пришедший с небес звук. Да, собственно, не он, а как раз этот его незримый друг услышал его и... притих. И на Микиса словно бы шикнул.

Что-то важное затевалось там — в закрытом занавесом тумана небе.

Все семеро путников замерли.

К надвигающемуся с высоты трепещущему гулу добавились сначала едва слышные, а потом уже легко различимые голоса — совсем не птичьи, скорее какие-то потусторонние, переполненные сжимающей душу тоской, высоким, клокочущим гневом и в то же время такой же высокой, прозрачной и отрешенной радостью. Они то вскрикивали, то окликали друг друга, то заводили сбивчивый, перерастающий в гомон разговор, эти невидимые и странные существа...

А туман становился все плотнее, все реальнее — словно был соткан не из мельчайших капель влаги, а из камня или из тусклого, матового металла. И словно каменные или кованые своды наполнились гулким, перекатывающимся эхом, которое бесконечно повторяло и перебрасывало с одного конца плато на другой раздававшиеся в нем голоса таинственных крылатых созданий.

А потом к этим слышимым голосам добавились другие — сродни тем, что изредка окликали Микиса во время его пути через Аш-Ларданар. Сродни голосу его незримого друга. Только были эти неслышимые голоса тревожны и беспомощны. Не обращенные ни к кому, они словно вторили той тоске и тому гневу, которые принесли сюда, на каменное ложе горного плато, невидимые крылья... Душа Микиса сжалась, засуежилась в тесноватой клетке его порядком утомленной плоти. А его друг словно очнулся и вновь заговорил.

Но заговорил не с ним. Незримый приятель Микиса обратился к тем — смятенным и испуганным соплеменникам, неожиданно снизошедшим на Аш-Ларданар. Теперь Микис понял, что то были именно соплеменники его друга, такие же невидимые, преисполненные неземной мудрости и так же, как и его незримый собеседник, — обреченные. Обреченные на нечто такое, чего ни вместить, ни постигнуть человеческий разум не мог. Только вот были они растеряны, и мудрость их была еще только мудростью новорожденных, явившихся в новый и чуждый для них мир.

Палладини испуганно оглянулся на Рогу. Тот замер, словно врос в камни, между

которыми укрылся. Картежника и вовсе не было видно. И даже сигналы — криком неизвестной твари — перестали доноситься из тумана.

* * *

Час с небольшим словесного пинг-понга с мисс Кальвини порядком умотал Ференца Бланта. А вот подполковнику Дель Рею удалось сберечь свои силы, лишь изредка вмешиваясь в словесную дуэль двух своих коллег.

Оставшись наконец одни, члены комиссии некоторое время сердито перебирали разложенные перед ними бумаги, демонстративно не глядя друг на друга.

— Странные птички, однако, живут в вашей голубятне, — прервал паузу Блант. — Майор Кальвини могла бы пройти проверку без сучка и задоринки, но сделала все, чтобы навлечь на себя как можно больше подозрений... Был момент, когда я даже подумал, что она специально их на себя навлекает, чтобы покрыть кого-то другого. Или скрыть что-то большее, чем просто работа на мафию. И еще... Я не могу отделаться от впечатления, что мисс специально намудрила с этим вторым талисманом, чтобы нам и в голову не приходило больше, что этой чертовой лапкой отоварила следователя тоже она...

— Самое неприятное состоит в том, — роясь в бумагах, процедил Гвидо, — что решительно никаких зацепок нам показания мисс Франчески не дают. Все то, что вы мне высказали сейчас, свидетельствует в основном о вашей с мисс Кальвини психологической несовместимости, — не более того. Должен сознаться, что мне тоже не всегда легко приходится с ней как с подчиненной. Вы, впрочем, наблюдали это собственными глазами. Однако анализ допроса и документов личного дела не дает никаких поводов реально подозревать ее... Все ее контакты с лицами, имеющими отношение к мафии, предпринимались по моим указаниям, и ход их регистрировался. В том числе и болтовня со старой идиоткой Каллахен... Контакты с университетскими светилами и народом из различных министерств — тем более... Теоретически, когда Франческа открывала в банках Фронды тайные счета — вы хорошо осведомлены, что такие у нашего филиала есть, — у нее была возможность открыть такой счет и на себя и пуститься в финансовые авантюры. Но как раз подобные вещи нами хорошо контролируются...

— Понимаю ваше стремление оградить своего высококвалифицированного сотрудника от необоснованных подозрений, — в голосе Бланта просквозила ирония, — но не откладывайте далеко файл с информацией о майоре Кальвини... И немедленно направьте Санди зашифрованный запрос относительно этого, второго, оберега. Надо в деталях знать, как выглядит эта история с его точки зрения. У него может быть свое мнение о поведении мисс... Позаботьтесь об этом. Просто из осторожности... Вы меня слушаете? Что вы там ищете в своих листингах?

Гвидо потряс головой — он и сам не мог еще толком сформулировать суть одолевших его сомнений, ту мысль, что мышшиной тенью проскользнула в каком-то сумеречном уголке его сознания.

Он снова полистал распечатки, поморщился и устало вздохнул:

— Так, инспектор... Как говорится — издержки работы. Не обращайтесь на это внимания. И давайте тянуть нашу с вами четвертую карту...

Теперь они уходили с Аш-Ларданара назад — в небеса — эти гул и гомон. И тишина опускалась с этих небес. Только лишь неслышные голоса продолжали окликать тех, кто способен был их услышать. Но и они затихали, прятались — один за другим... Микис тревожно поглядывал на спутников, но все молчали, не спуская глаз с Роги. А тот, в свою очередь, всматривался в туман, который начал изменяться. Становился чем-то новым, неожиданным. Громадой дымчатого хрусталя, подсвеченной странным, таинственным светом. Хрусталя, становящегося все более ясным и глубоким. Истаивающим в холодной ночи Ларданара.

Все. Не стало его.

Только звонкая холодная ночь висела над плато. Здесь — на каменистом склоне, залитом светом двух лун, забирающихся в высь бездонных небес Инферны, — было светло, как днем. Оказалось, что тройка с Дурной Травой во главе находится совсем недалеко от них — метрах в двухстах, не больше.

— Теперь — твой выход...

Рога осторожно поднялся и махнул Микису, а оказавшийся за спиной Палладины Штучка тихонько подтолкнул его:

— Если слышишь голоса — иди к ним. Не давай себя сбить. И — не спугни... Сейчас — не думай о деньгах... Настраивайся... Надо... ну как тебе это сказать... В резонансе надо быть с... этим...

Палладины только зло зашипел в ответ. Странно, но сейчас он не нуждался ни в каких советах и ни в каких советчиках. Кроме того, единственного, который вот уже вторые сутки не оставлял его своим вниманием. Но вот именно теперь — смолк. Правда, молчание его не было глухой тишиной, которую умудряются испускать притаившиеся человеческие существа. Не было оно и гулкой тишиной мертвой пустоты. Оно было преисполнено скорби. Скорби и какой-то странной решимости. «Будь что будет... Поступай, как сам решишь...» говорило Микису это молчание. Он закрыл глаза и прислушался к затихающим зовам, несущимся к нему со всех концов каменистого ложа Аш-Ларданара. Вздохнул и направился к тому, что «звучал» ближе...

«Четвертой картой», выпавшей на долю «Особой межведомственной следственной комиссии Директората Федерации», был старший лаборант Свен Мальстрем — один из двух лаборантов отдела доктора Кульбаха, удостоившийся разрешения систематически посещать Фронду официально в целях закупки препаратов для исследовательских работ. Такой вид деятельности не мог не навлечь на него уйму подозрений.

Не вызывало сомнения, что таковыми закупками Свен — невысокий, рыжий флегматик — и впрямь занимался, пока в промышленности органического синтеза и фармакологии Самостоятельной Цивилизации еще теплилась жизнь. Точно так же не вызывало сомнения, что попутно с этим Свен исправно выполнял свои непосредственные обязанности — активно скупал и отправлял в отдел биомедицинских исследований

«Эмбасси» любые материалы и сведения, касающиеся биологии и образа жизни довольно многочисленных на Фронде ранарари. Никто не говорил об этом вслух, но вожаделенной целью целого ряда солидных исследовательских центров Федерации было получение в свое распоряжение целого и неповрежденного (нет, никто не говорил вслух «еще живого») «черта». За это поставщику заплатили бы много, очень много и лишних вопросов не задавали бы. Но в реальности приходилось обходиться гораздо меньшим — вплоть до исследования случайно добытых экскрементов этих малосимпатичных созданий. Иногда — после нескольких имевших место дорожно-транспортных происшествий — «на рынок» поступали образцы органов и тканей, невезучих выходцев с Инферны.

Сам характер такого промысла делал образ жизни прилежного Свена на Фронде слабоконтролируемым и балансирующим на грани между законом и беззаконием. Это не прошло для него даром.

Перекрестный и довольно умело построенный допрос, правда, не дал следствию ничего, что имело бы отношение к истории с лапкой «подземного духа». Зато допрос этот вылил на голову Гвидо основательный ушат помоев: хитроватый лаборант прокололся на том, на чем и должен был проколоться — на выплатах довольно крупных сумм несуществующим поставщикам за образцы медицинских препаратов, используемых для лечения захворавших ранарари в специализированных госпиталях их посольства и представительства на Фронде. Свен — довольно квалифицированный химик-органик, — закупив сотню миллиграммов какой-нибудь из этих субстанций (часто ничего особенного собой не представляющих), успешно и без особых хлопот изготавливал, не отходя от своего рабочего места в лаборатории, с десятков граммов соответствующего препарата, за покупку которого по ценам черного рынка и отчитывался.

Сделав на обороте какого-то документа соответствующие расчеты, Гвидо понял, что уголовного дела не избежать — приблизительные итоги шести лет работы Свена на «Эмбасси» не шли ни в какое сравнение с предполагаемыми шалостями госпожи Нуньес с ее представительскими расходами... Утешало только то, что в непосредственном подчинении у военной разведки чертов химик не состоял. Шишки должны были посыпаться на биомедицинский отдел дока Кульбаха, официально проходящий по линии Академии военной медицины. Надо было топить жертву быстро и решительно, пока блохи с ее шкуры не перескочили на его — подполковника Гвидо Дель Рея — мундир.

Как только стало ясно, что жертва надежно запуталась в расставленных силках, оба члена комиссии взяли ее в оборот, и в оборот нешуточный. Допрос затянулся далеко за полночь. Дважды в кабинет вызывали сервисный робот с кофе и бутербродами и один раз врача — не для флегматичного Свена, а к испытывшему легкий приступ стенокардии инспектору. Узнав много нового относительно того, во что можно превратить «черный нал» — тут же, не покидая борта «Эмбасси-2», и по каким каналам соответствующий эквивалент может с этого борта перетечь в пределы Федерации, Гвидо не добился от подследственного только одного — хоть малейшего свидетельства о вербовке Свена мафией и его участия в передаче Каю пресловутого оберега. Хотя это и облегчало судьбу лаборанта Мальстрема, кабинет комиссии он покинул в наручниках.

— Осел этот ваш профессор Кульбах! — констатировал посеревший от трудов праведных Блант. — Теперь лишится должности из-за того, что не приглядывал за персоналом... Кульбах — осел, а Мальстрем — жулик! Но не предатель — вот что обидно!

— Вы тоже в этом уверены? — с некоторым удивлением осведомился Гвидо. — Мне

показалось, что...

— И совершенно напрасно показалось, — сухо прервал его Блант. — Если вы думаете, что главная моя цель — хоть как-нибудь закруглить дело, сдать первого попавшегося придурка вместо настоящего преступника и подпортить вашу карьеру, то вы ошибаетесь!

Он бросил на Гвидо пристальный взгляд, чтобы убедиться, что тот достаточно серьезно относится к его словам..

— То есть так бы оно и было, работой мы где-нибудь на Террамото, с милыми аборигенами, самый страшный замысел которых — это прикупить грамм-другой оружейного плутония для перепродажи повстанцам. Повторяю: точно так бы и было — там. Потому что я — именно тот, за кого вы меня принимаете: провинциальный карьерист, приставленный присматривать за работой профессионалов, в делах которых не смыслю ни уха ни рыла, но подноготную каждого из которых знаю, как свои пять пальцев!

Тут его голос дрогнул.

— Но в нашем случае дело не может окончиться сдачей гладкой отчетности! Мы с вами — в зоне междоцивилизационного противостояния. А это сумеречная зона... Здесь каждый неверный шаг — это шаг на тот свет! Здесь ворочают тоннами «пепла» и гигатонными зарядами. И трансгалактические крейсера присматривают друг за другом...

Он нервно потер руки:

— Нас просто ликвидируют, если не будут уверены в нас хоть на один процент! Пришлют сюда «чистильщика» или активируют уже внедренного и выкосят под корень! И вас, и меня, и всех здесь, включая лабораторных кроликов доктора Кульбаха! Ради того, чтобы уклониться от такого финала, стоит позабыть о кабинетных играх...

Вид тертого бюрократа, перепуганного до готовности расстаться со своей сутью, порядком позабавил Гвидо. «Поздно же ты хватился, дружок, — подумал он. — Тебе не приходилось хлебать дерьмо на Фронтире или сигать с парашютом в чащу джунглей Гринзеи. Там ставки были не меньше...» Слегка садистское желание посыпать соль на раны заклятого товарища по несчастью заставило его меланхолически заметить.

— К сожалению, у нас в распоряжении только две возможности решить наши проблемы. Вы не хотите сделать перерыв или, может, выпьете психоэлеватор?

— Пейте элеваторы сами! — отмахнулся Блант. — Мои дед и прадед — австрийцы из Вены — выпили за свой век больше крепкого кофе, чем воды. Я в Вене не был, но пошел в них — в моих предков — я кофе жив...

Он помассировал грудь и снова махнул рукой:

— Закажите еще пару чашек, и — за дело!

* * *

К рассвету они закончили собирать свой странный урожай. Дурная Трава оказалась абсолютным рекордсменом — в ее сумке лежали двенадцать Камней. Микис и Рога набрали по четыре. Картежник немного приотстал — его вклад в добычу группы составили всего два Камня. Однако, как понял Кирилл по общему настроению, ночь эта была удачной. Глаза всех членов пестрой компании горели азартом. У одних — чистым и трепетным, у других — тревожным и темным.

— Вот что, — определила Трава, когда они, все семеро, спустились в полумрак

глубокой пещеры. — Ты и ты, — она указала на Листера и Смольского. — Пока давайте-ка ваши стволы сюда...

Она похлопала по каменной глыбе, на которой устроилась в позе усталой, но настороженной птицы. Смольский нервно закашлялся. Листер пожал плечами, поставил бластер на предохранитель и аккуратно положил его куда было велено.

— Так вы что? — с досадой в голосе осведомился литератор, следуя его примеру. — Считаете нас за... Пока требовалось вас охранять, вы нам доверяли...

— Ничего личного, — бросила Трава. — У нас договор. Мы вас сводим с людьми, которые вам помогут здесь... устроиться. Вы нам уже помогли малость... Только вот... Камни, они всегда располагают... к разным фокусам. В общем... соблазн есть. Он вас подвести может...

Кирилл сбросил с плеча свое оружие и протянул его Траве. Та коротко отмахнулась.

— Тебя не касается. Ты — другой породы...

Рога кинул взгляд на застывшую в гримасе обиды физиономию Анатолия и на отрешенно-безразличную мину Листера. Перевел взгляд на Микиса, которого Трава вообще как будто не брала в расчет. Тот, похоже, скис окончательно.

— Ладно, господа, не кисните, — примиряюще прогудел он. — Просто лучше и вправду не подставляться под соблазн... На Траву зла не держите — у нее свое чутье... А ты, — он ткнул пальцем в обмякшее подбрюшье Микиса, — молодец! Ты подумай еще... Может, тебе здесь с нами лучше по Ларданару побродить годок-другой, чем назад, на Фронду, лыжи вострить... А? Потом денжат добудешь и в Диаспоре запросто пристроишься. Нюх у тебя — что надо...

Взглянув на Палладины еще раз, он безнадежно махнул рукой и кивнул всей компании, привлекая внимание:

— Ладно, а теперь...

Он осторожно стал раскладывать собранные Камни в небольшой кружок. Похоже, дело это было весьма ответственное. Сакральное.

Все остальные присели вокруг, наблюдая. Одни — с любопытством неопитов, другие — с пониманием знатоков.

— Сейчас чуть расслабимся, — ухмыльнулся Штучка. — Ночью — трудный переход. А надо успеть... Товар — он к сроку хорош...

Рога закончил свои манипуляции с Камнями и принялся устраивать в центре выложенного из них круга небольшой костерок. Не глядя, протянул руку в пространство, и Трава вложила в нее старинную кремневую зажигалку, неведомо откуда извлеченную. Штучка предвкушающе хмыкнул, вытянул из-под полы и пустил по кругу объемистую флягу.

Зажигалка щелкнула раз, другой, и тонкий, странного аромата дымок потянулся к сумеречному своду пещеры. Рассвет там, в ставшей вдруг ужасно далекой глубине Аш-Ларданара, словно замер, решив повременить с выходом в мир. Кирилл тряхнул головой. Тонкий запах костра вдруг «повел» его. Мир словно поплыл вокруг.. Трава легонько толкнула его в плечо и передала флягу со Штучкиной отравой. Кирилл сделал основательный глоток обжигающе-крепкой смеси. Передал флягу Смольскому. Снова тряхнул головой — нет, ему не послышалось: над костерком звучала странная мелодия.

Ее тихонько наигрывал на подобии губной гармоники Рога, ее отбивал ладонями по гладкому валуну Штучка, ее выводила голосом — пока еще невнятно — Дурная Трава. И, странно наклонив голову, словно прислушиваясь к подсказке незримого дирижера, стал

прихлопывать ладонями в такт Микис. К тому моменту, когда посудина с дурманным настоем завершила круг, все они, даже вечно замкнутый в себе Листер, каждый по-своему подтягивали, подпевали эту мелодию.

А потом Трава начала колдовать над кругом Камней — то ли выполняя какой-то неведомый ритуал, то ли выплескивая в мир какую-то обрушившуюся к ней в душу магию. А может — она просто плясала, радуясь заработанному богатству. Но делала это так, как не сумел бы никто другой. Лицо ее, измененное камуфляжной или ритуальной раскраской, оставалось жестким, неподвижным и в то же время каким-то детским, а движения были резкими, угловатыми, но гармоничными. Кирилл впервые видел такой, словно в омут затягивающий, гипнотизирующий танец. Он так и не понял, когда поднялся с каменюки, на которой пристроился, наблюдая за манипуляциями Продавцов, и стал неожиданно для себя вписываться в этот дикий, нелепый и чем-то жутковатый танец. Трава кивком головы показала ему — правильно.

И они вдвоем, подчиняясь завораживающей мелодии, стали не то чтобы танцевать — скорее шаманить под звуки призрачных заклинаний, эти заклинания выплясывать. Кирилл уже не мог отвести взгляда от подсвеченного тусклым светом костерка и изуродованного идиотской раскраской лица Дурной Травы. Он чувствовал, что ему трудно будет расстаться с этой девчонкой, дичком, выросшим на камнях заколдованного плато. И даже не знал и знать не хотел — почему.

А через минуту плясала уже вся компания. Нечто сложное вытанцовывал ушедший в себя и странно помолодевший Картежник. Это был обряд его личной веры. И Рога выплясывал свое... Ярмарочным шестом вскинув над головой костлявые ладони и отбивая ими такт своего танца, медленно вращался вокруг собственной оси кэп Листер.

А потом шабаш кончился. Оборвался так же самопроизвольно, как и начался. Все его участники повалились на пол пещеры. Только Дурная Трава как ни в чем не бывало опустилась на корточки возле умирающего костерка, да кэп Листер подпер собой низкий каменный свод пещеры. Каждый из них был погружен в себя и даже не пытался потревожить остальных.

* * *

С пятым из подозреваемых приключился конфуз — правда, не того рода, что приключился с лаборантом Мальстромом: начальник внутренней охраны «Эмбасси-2» запинаясь доложил по селектору, что специальный агент лейтенант Смит на борту «Эмбасси» отсутствует уже вторые сутки.

— Вы не могли об этом доложить сразу, как только это стало вам известно? — заорал в селектор Гвидо.

На что главный охранник, вполне в традициях воинской дисциплины, напомнил ему, что имеет распоряжение не беспокоить членов «Особой комиссии» без особой же на то причины.

Гвидо помянул дьявола и осведомился — куда же он унес лейтенанта Смита? Кроме поверхности Фронды, в отсутствие рейсового «дальнобойщика» или хотя бы каботажного орбитера убывать простому смертному с «Эмбасси» было некуда.

Начальник охраны, опасаясь навлечь на себя гнев подполковника, осторожно напомнил

ему, что упомянутый лейтенант Смит был лично командирован на поверхность — рейсовым «челноком» — самим Дель Реем...

Гвидо коротко поблагодарил его и вырубил коммутатор, чуть не сломав переключатель.

— Ваши действия... — хмуро протянул Блант, прикладываясь к чашечке с дымящимся «мокко». — Ваши действия, подполковник, вот уже второй раз здорово облегчают ход следствия...

— Я совершенно упустил из виду...

Дель Рею уже надоело оправдываться за упущения, которые до получения злополучной шифровки федерального следователя никакими упущениями вовсе и не были. И отряхивать пепел с мундира.

— Я упустил из виду, что действительно командировал Харви на планету — разобраться с обстоятельствами досрочного старта «Ганимеда» и исчезновения Алоиза Бибера. Практически всего за несколько часов до того, как Санди вышел на связь...

Он пресек собственную попытку поворошить так беспокоящую его пачку распечаток и добавил:

— Кстати, отправил я его на это задание как одного из самых надежных моих людей. Смит ориентируется в местной обстановке почти как абориген...

— По-вашему, в данном случае это работает в его пользу? — мрачно прервал его Блант. — Когда он должен вернуться на станцию?

— Я определил ему срок от двух до четырех суток...

— Вы бы его еще на месяц туда отправили!

Некоторое время инспектор кипел с трудом сдерживаемым гневом.

— Надо немедленно... Хотя нет — не надо... Спугнете. Лучше давайте сюда хотя бы файлы на этого вашего «аборигена». Рассмотрим этот вариант на худой конец заочно...

* * *

Кирилл не мог сказать ни другим, ни себе, сколько минут или часов продолжался этот странный, плывущий полусон-полуявь, сначала унесший его куда-то далеко от себя самого, но потом аккуратно положивший снова на жесткие камни плато Аш-Ларданар. В маленькую пещеру-нишу, в которой только что умер маленький костер.

— Отоспались? — поинтересовался Рога. — Собираем шмотки и трогаемся. Сумерки уже.

— А ведь еще и поесть не помешало бы... — недовольно прогундел, не открывая глаз, Микис. — Поужинать перед дорогой...

Он покоился на суровых камнях, словно на пуховой перине, что было совершенно не характерно для человека его склада характера и образа жизни. Красноватый Камень он подложил под голову вместо подушки.

— Никакой еды и никаких ужинов! — отрубил Дурная Трава. — Этой ночью в брюхо осколок схлопотать или пулю — проще простого. Через плохое место пойдём.

— А нельзя ли плохие места обходить? Чтоб не искушать, так сказать, судьбу? — осведомился Смольский, поднимаясь с земли и с хрустом разминая затекшие суставы. — Пока что нам это вроде удавалось...

— По Ларданару ты броди, как хочешь, — вразумил его Рога. — Тут воля твоя —

можешь, как сумеешь, разойтись и с лихими людьми, и... со всяким-разным. А вот пройти на Ларданар и с Ларданара уйти можно только по четырем ущельям. Два — на севере и на западе — контролируются ранарари с Диаспорой. Туда сейчас ходить — не след. Там таких, как мы, сейчас ждут. На юге — тоже ждут. «Стервятники». А на востоке проход контролирует Далекий Серый монастырь. Дом Последнего Изменения. Это — Община Отверженных. С этими мы дружим... Но и там — по дороге — можно нарваться. Тогда придется держать бой.

— Со «стервятниками»? — уточнил Анатолий.

— Скорее всего с ними, — вошел в разговор Штучка. — Но, по большому счету, всякое бывает...

— Тогда было бы логично вернуть нам наше оружие, — холодно произнес Листер. — Иначе от нас не будет ни малейшего толку. Разве что сгодимся в качестве живого щита. Но меня лично роль пассивной мишени не устраивает...

— Капитан прав, — поддержал его Анатолий. — Вы, господа камнеторговцы, ведете себя нелогично. Будь у нас разбойные намерения, мы бы напали на вас еще в прошлую ночь. Но вместо этого мы честно прикрывали вас. А теперь...

— Тогда Камни еще не были собраны, — перебил его Рога.

— Послушайте... — убедительной скороговоркой начал Микис.

Он умудрялся заглядывать в глаза сразу всем своим собеседникам и каждому — по-своему.

— Послушайте... Ведь вы не имеете нас за идиотов — да? Тогда вы должны понимать, что мы сюда прилетели не для того, чтобы нас здесь убили и даже не похоронили как надо! Мы сюда прилетели, чтобы как-нибудь отсюда выбраться...

— От тебя у меня «крыша» едет, толстяк! — схватился за голову Штучка. — Вроде все понятно говоришь, а уразуметь о чем — ну никак! Черт вас сюда вообще принес, если...

— Послушайте сюда! — требовательно прервал его Микис. — Если мы ради Камней этих ваших на вас нападём, то будем последними идиотами по эту сторону неба, честное слово! Ведь нас же здесь просто съедят! Ведь мы же здесь — чужаки без связей! Мы и про Камни-то только от вас узнали. А..

— Оставь эти фокусы! — оборвал его Рога. — Вы четверо — самые стремные пентюхи, которых я встречал на Ларданаре! Может, вы только из себя разыгрываете дурней незнających, а сами как раз за Камнями и охотитесь. Может, и не случайно, что ты Камни слышишь... Очень уж ловко получается — один Слышащий, а при нем трое амбалов в прикрытие...

— Брейк! — оборвала его Дурная Трава. — Вот ему, — она резко выбросила руку в сторону Кирилла, — я ствол оставила. Ему я верю. И вон тому, — она, не глядя, ткнула растопыренными пальцами в сторону Смольского, — тоже отдай. Все меньше на себе тащить... Толстяку, — она косо глянула на Микиса, — ствол ни к чему — изрешетят раньше, чем он кочан свой повернет в нужную сторону. Или с перепугу в кого из своих впилит... А тот, — она кивнула в сторону Листера, — и впрямь стремный. У меня на это глаз. Будто есть он и словно нет его...

Кирилл поймал удивленный взгляд Травы.

Рога молча расстегнул тяжеленный рюкзак и кивнул Анатолию:

— Выбирай свое...

Снег падал на камень, выстилавший угрюмый двор «Кречета». Первый снег предстоящей зимы — долгой и злой в этом полушарии Фронды. Небо было пасмурным, чернело облаками, подчеркивая яркую белизну бесшумно падающих на горы и ущелья крупных, но редких пока что хлопьев.

«Короткая была в этот раз осень», — сказал себе Мюрид.

От снега этого, а еще от вида направленного на него бешеного взгляда Кублы Мюрида в этот день пробирал озноб. Доклад, с которым он предстал перед шефом, вполне мог оказаться последним в его жизни.

— Служба навигации, — говорил он как можно убедительнее, — не считает досрочный старт «Ганимеда» чем-то экстраординарным. В лицензии на полет не оговаривают такие детали. Иногда не проставляют даже условные сроки...

— Не рассказывай мне эти сказки! — тихим, но невероятно напряженным голосом оборвал его объяснения Кубла. — Служба навигации может считать или не считать что-то там экстраординарным, а вот у нас все было расписано по минутам. И если кораблик стартовал, не подав условного сигнала, да еще на целых восемь часов раньше срока... Это — срыв операции. Кто-то из них пошел со своего козыря. И тебя, Мюрид, перехитрил...

Он поиграл желваками и снова тихо и зло заговорил:

— А то, что Федерация именно сейчас, как черт к грешной душе, пристала к Верховному насчет уплаты планетарной задолженности за подпространственную связь — это тоже не экстраординарно?

— Федералы явно хотят перекрыть все каналы связи с Инферной, — вздохнул Мюрид. — И с этим ничего не поделаешь...

— Так просто они это сделать не могут! — оборвал его Кубла. — Фронда слишком велика. Официальные каналы они прихлопнули. Но есть еще уйма неофициальных. И где-нибудь да найдется человек, который за неважно какую сумму организует нам сеанс связи с нашими друзьями на Инферне. Не думаю, что это так уж дорого обойдется. Хотя в средствах я тебя ограничивать не буду...

Мюрид почтительно склонил голову, выражая совершеннейшее согласие с каждым словом шефа. Но все-таки осмелился доложить о своих действиях.

— Я поработал уже со всеми, кто имеет хоть малейший доступ к системе подпространственных трансляторов... Но в этот раз — какой-то особый случай, какая-то особая ситуация. Перекрыто буквально все! Хуже всего то, что заработали «глушилки»... Те несколько каналов, которые не контролируются федералами, — вне игры. Такого еще не бывало. Со времен Империи не бывало! Знающие люди считают, что это штучки Второго Посольства...

— Не надо иметь семь пядей во лбу, чтобы догадаться! — оборвал его Кубла. — Нас обставили, как сопляков!

— Да, нас обложили... — горестно признал Мюрид. — Если им удалось-таки захватить «Ганимед»... Тогда наши друзья в Диаспоре могут оказаться в сложной ситуации... И мы не в силах предупредить их.

Кубла резким жестом приказал ему замолчать. Энергично прошелся взад-вперед по свежему снегу. Снова остановился перед Мюридом и вперил в него ненавидящий взгляд:

— Федералы пошли на такое, несмотря на то, что у них будут крупнейшие дипломатические неприятности. Наплевали и пошли!

— Акт информационной войны, — подтвердил Мюрид умным словом мнение шефа.

Лицо Кублы дернулось.

— Только Фронда еще не до такой степени сдохла, чтобы вытирать об нее ноги. Я сегодня же нажму на кого следует в канцелярии Верховного... Но политики слишком медленно разворачиваются... На них не стоит делать главную ставку. У меня придумано кое-что получше... Но об этом потом. Ведь у тебя есть еще что сообщить мне?

— Есть, есть, Абдулла! — торопливо заверил его Мюрид. — Наш человек... Тот, кто работает на нас во Втором Посольстве... Он сейчас на Фронде.

— С этого и надо было начинать! Он вышел на тебя? У него есть для нас какие-нибудь новости?

— С этим еще придется подождать... — все так же торопливо признался Мюрид. — Дело в том, что он... Этот наш человек, похоже, сильно испуган. Собственной тени боится... Кажется, он засветился — там, у своих. Но и нас он тоже боится. Во всяком случае, он не торопится выходить с нами на связь. Его засекли мои люди из иммиграционной службы. И сейчас Том и Адам пасут его. Прилетел с одним паспортом, в «Альгаире» остановился под другим. Оба — липовые.

— Вот как? — в голосе Кублы прибавилось яду.

— Он никуда не денется от нас! — все с той же неотделимой от его естества суетой в голосе заверил хозяина Мюрид. — Если надо будет, мы перевернем вверх дном всю Самостоятельную Цивилизацию...

— Короче говоря, и здесь мы на грани провала... Кубла безнадежно махнул рукой и, отвернувшись от своего преданнейшего, но потерявшего доверие слуги, медленно пошел по белой глади снежного ковра, выстилающего двор. Это был плохой признак. Очень плохой.

— До этого далеко, шеф!

Мюрид постарался придать своему голосу как можно большую уверенность:

— Мы постараемся...

Кубла резко повернулся и снова, почти вплотную подошел к начальнику своей разведки.

— Постарайся сделать только одно! Постарайся работать головой! Если ты этого не умеешь, то я могу подсказать тебе, как это делается. Как обойтись без того, чтобы переворачивать Фронду вверх дном.

Голос Хубилая стал ласково-доверительным. И это тоже было плохим признаком. Хуже некуда.

— Подумай, — продолжил он. — Подумай, куда здесь, на Фронде, деваться «засвеченному» типу из Второго Посольства? Такому типу, который к тому же еще и боится идти на контакт с тобой? И не зря боится. Потому что понимает, что теперь он — отработанный материал. Куда? Сдаться госбезопасности и остаться беженцем на нищей планетенке? Нищим беженцем. Потому что за все секреты, которые он притацит с собой, не так уж много и дадут. Подумай, какие у него еще есть варианты? Подумай также, какие карты у него на руках?

Мюрид сглотнул слюну. Лицо его изобразило величайшее напряжение мысли — намного превосходящее реально необходимое для решения нехитрой задачи, поставленной перед ним обозленным шефом. Один из секретов преданнейшего порученца Кублы, позволивший ему удивительно долго для его должности сохранять голову на плечах, состоял

в том, чтобы изображать из себя идиота. Но при том идиота сообразительного. Тонкий баланс ума и глупости, угодный Хубилаю, он умудрялся выдерживать почти идеально.

— У него на руках четыреста восемьдесят килограммов «пепла», — выдавил из себя он. — На борту «Ганимеда». Он лучше всех нас осведомлен об этой операции. С этим он может пойти к кому-то, кто даст ему «крышу». К кому-то из конкурентов. К такому, который имеет партнеров там, в Диаспоре. Чтобы перехватить кораблик. К такому, кто пообещает ему выправить ксиву и оплатит билет куда-нибудь к черту на кулички...

— Неплохое предположение, — оценил его умственные труды Кубла. — Только вот для того, чтобы выйти на такого авторитета, у которого есть партнер на Инферне, в Диаспоре, надо в нашей жизни разбираться очень хорошо. Или знать такого доку, который тебя сведет с кем надо. А у Второго Посольства только один такой дока в запасе — проклятый иуда Бибер, которого ты не слишком активно ищешь...

— Он найдется. Деться ему некуда. А вот наш человек из Второго Посольства вряд ли его отыщет. А если и отыщет, то тот его, пожалуй, заложит...

— Ты все-таки плохо просчитываешь ситуацию, — с грустью в голосе заметил Кубла. — Бибер сейчас — проваленный резидент. У Второго Посольства он под подозрением. Так что шантажировать его — проще простого. А вот о той норе, в которой он сейчас сидит, человек Второго Посольства может знать гораздо больше нас. Может, он нас как раз и выведет на проклятого Бобра... Не спускай с него глаз. И не спускай глаз с этой, как ее... рыжей сучки, которая у Бобра секретарила.

Мюрид снова сглотнул ставшую горькой слюну. Чудовищный прокол с подменой Мардж Каллахана на ее сестрицу попортил ему немало крови.

— Может быть, снова поработать с ней? Плотнее? — осведомился он.

— Плотнее надо взяться не за эту заразу, а за тех, кто будет крутиться вокруг нее и этой их конторы... Как ее... «Риалти»... Кто-то теперь туда наверняка наведается. И думаю, что этот «кто-то» будет как раз нашим человечком из Второго Посольства... Но это не главное!

Молчание повисло в воздухе. Змеиные зрачки Кублы гипнотизировали Мюрида.

— Но это не главное...

Кубла поморщился так, словно речь шла не о «засвеченном» агенте и его секретах, а о некоем докучливом насекомом, недостойном даже упоминания в приличном обществе. Но зрачки его оставались неподвижны.

— Главное — это «пепел»! Главное — знать, что с «Ганимедом»... Если мы не имеем возможности докричаться до нашего партнера в Диаспоре, то придется поработать ножками, дойти до них и похлопать по плечу... Знаешь, если гора не идет к Магомету... Мне нужен бот, Мюрид. Бот Орбитальной стражи. Настоящий. С действующей системой радиоопознавания. И к нему — команда. В полном камуфляже и при оружии. Только состоящая из наших людей, естественно.

Мюрид задумался.

— Это будет очень дорого стоить, — с некоторой робостью в голосе произнес он. — Я имею в виду корабль, бот... Набрать команду не составит труда. Безработных специалистов — как собак нерезанных...

— Мне не нужны случайные шавки! — Кубла резко взмахнул рукой. — Это должны быть люди дисциплинированные. И на все готовые в то же время!

— Все равно это не проблема, шеф, — пожал плечами Мюрид. — Наберем из бывших в Космодесанте. Но вот за корабль военные запросят много. Они у нас — люди обеспеченные.

Я — про генералитет. А иметь дело придется именно с...

— С расходами считаться не приходится! — оборвал его Кубла. — Когда Большой Кир «включит счетчик», о деньгах придется забыть вообще! Но мы вернем все сторицей, когда я доберусь до «Ганимеда»...

— Как? — искренне поразился Мюрид. — На ботике Орбитальной стражи?

Кублу перекосило от глупости подручного. Он повернулся к нему спиной и решительно зашагал к ближней стене, ограждающей двор «Кречета». Похоже было, что он собирается пробить ее лбом. Однако, дойдя до стены, он резко повернулся и двинулся на Мюрида, глядя куда-то сквозь него, в затянутую сеткой реденького снегопада даль. Он уже готов был, показалось, пройти сквозь массивную тушу своего бестолкового вассала, как сквозь туман, но вдруг остановился перед ним и, уставившись снизу вверх в его преданные зрачки, заговорил тихо и зло:

— Очень жаль, что мне приходится оставлять все дела на такого ишака, как ты, Мюрид! Надеюсь, что я не застряну на Инферне надолго... Постарайся выслушать меня внимательно: операцию надо подготовить и провести быстро. Очень быстро. Молниеносно!.. Слушай и запоминай...

* * *

Выйдя за ворота «Кречета», Мюрид подошел к ожидавшему его бронированному «Опель-Даймонда», молча забрался на заднее сиденье и, бросив шоферу-телохранителю короткое: «В город!», резким движением открыл вмонтированный в стенку салона бар. Вытащив из держателя хрустальный графин с бренди, он не стал чикаться со стаканами, а просто сделал несколько основательных глотков прямо из горлышка. Сунул посудину на место, закрыл глаза и провел растопыренными пальцами по лицу.

Пальцы у него дрожали.

* * *

Восточное ущелье сначала не показалось Кириллу чем-то особенным. И только когда они зашли в него достаточно далеко, он начал понимать, насколько громаден этот каменный коридор, стиснутый с обеих сторон уходящими все круче и круче ввысь стенами скал. А по дну этой пропасти, набирая силу от сочащихся отовсюду родников, журчали сначала разрозненные ручейки, а затем шумела образовавшаяся от их слияния небольшая, но довольно бурная речка. Вдоль ее берега пролегала тропа.

Однако Рога тропой пренебрег и повел отряд по сплошным буеракам, протискиваясь сквозь нагромождения обрушившихся с отвесных стен скальных обломков и продираясь сквозь заросли.

Кирилл осторожно придерживал снятый с предохранителя бластер стволом вверх. Больше всего он боялся сейчас, что он сам или идущий вслед за ним Смольский грохнется оземь, запнувшись о какую-нибудь неразличимую во мраке преграду, и выпалит в кого-то рядом идущего.

Рога вел отряд маршрутом, обозначенным ему одному известными знаками и

указателями. Разговоры — любые — он запретил, и двигались они в тишине, наполненной звуками ущелья и озабоченным сопением Микиса

Поэтому взрыв, который прозвучал далеко впереди, показался им оглушительным, а вспышка, пробившаяся к ним через переплетения ветвей, ослепила, заставила вздрогнуть. А за взрывом последовала еле слышная издали трескотня разрядов бластеров, хрипение войсковых разрядников и снова — один за другим — взрывы. Пять или шесть взрывов десантных гранат.

— Всем — носом в землю! — прошипел Рога. — За укрытия отползайте!..

«Какие в этой темнотище укрытия найдешь?» — зло подумал Кирилл, отползая, однако, за оказавшийся рядом валун.

Тут он нос к носу столкнулся с выбравшей то же укрытие Карин. Даже в темноте ему удалось разглядеть ее глаза, ставшие широкими и наполненными холодным бешенством.

— Кто-то напоролся, — прошептала она. — И это могли быть мы...

Кирилл молча проверил предохранитель бластера. Осторожно выглянул из-за валуна.

Ни черта не было видно. Только вдалеке поблескивала река — сквозь ночные порохи иногда доносился ее журчащий голос. Стрельба не возобновлялась.

Потом снизу, с открытой тропы, стали доноситься шаги и голоса.

О чем говорили, разобрать было невозможно: голоса были глухи и язык, на котором переговаривались неизвестные, был неправилен. «Акцент какой-то», — подумал Кирилл.

Должно быть, одна из здешних лун, а может, обе сразу успели выбраться в небо над Ларданаром: все окрест начал заливать желтоватый, но в то же время холодный, металлический свет. Словно в окружающем пейзаже прибавилось золотой фольги. И в этом недобром свете стали видны те, кто шел оттуда, от места стычки, вверх по ущелью.

Сначала Кириллу показалось, что это и не люди вовсе, а какие-то чудища из кошмара подростка, насмотревшегося триллеров. Потом он сообразил, что пропорции тела шестерых людей, бредущих по тропе, искажены надетыми на них скафандрами высшей защиты, а чудовищные горбы за спиной у каждого — всего лишь откиннутые шлемы этих скафандров...

Но это была не единственная странность, поразившая его.

— Гос-с-споди! — прошептал он. — С ними дети! М-ма-льчики-монахи... Трое...

— Замолчи, дурак! — цыкнула на него Дурная Трава. И с кипящей в горле ненавистью добавила: — Тоже мне — мальчики в балахонах... Сукку! Это — сукку!..

Напрягая память, Кирилл вспомнил то немного, что знал об этих существах. Всего несколько строк было отведено им в той горе бумажного хлама, которую ему пришлось перечитать, прежде чем он принял решение, приведшее его (о, господи, как это давно было!) к дверям Посольства Инферны...

Вторая из цивилизаций (после Самостоятельной Цивилизации Фронды), вступившая в союзные отношения с Миром ранарари. Недружественно настроенная в отношении Федерации Тридцати Трех Миров...

— Эти твари ненавидят нас!.. — прошептала Карин. — И у них на нас — нюх! Молчи, бога ради — молчи!!!

Кирилл вжался в сырую твердь валуна. Прикусил язык. Но, похоже, было уже поздно.

Корявая, низкорослая фигура чутко застыла и, тревожно втягивая в себя воздух, протянутой ручонкой вдруг дернула за локоть шествовавшего впереди короткой колонны верзилу. Что-то непонятное прошептала, указывая в сторону чащобы короткими, нетерпеливыми жестами...

— Крышка... — прошептала Трава. — Вычислил, сволочь...

Кирилл сообразил, что произойдет сейчас — через долю секунды. Бесшумно захлопнутся колпаки скафандров. Поднимутся и потянутся к засеченной цели короткие стволы бластеров...

После этого они больше ничего не увидят — ни он сам, ни Карин, ни Рога, ни Микис — никто. И понимание этой — такой простой — сущности пружиной распрямилось в нем.

Рука его автоматически бросила регулятор бластера на максимум, ноги напряглись, а сам он, рывком выпрямившись в полный рост, вскинул оружие перед собой и надавил спуск. Особенно целиться было незачем — заряженный на полную мощность армейский бластер обладал довольно широким углом поражения.

Ослепительная вспышка выстрела залила тропу нестерпимо ярким пламенем.

* * *

Заочное рассмотрение дела лейтенанта Смита дало куда меньше оснований подозревать его в сотрудничестве с уголовными кругами злополучной планеты, чем предыдущую тройку претендентов на роль Крота.

— Оставим окончательное принятие решения до... — Блант отбарабанил пальцами по столу короткую дробь. — Как вы прогнозируете его действия в случае, если?..

— В том случае, если... — довольно кисло отозвался Гвидо, — если Смит у нас удался Кротом, то первое, что он узнает от сообщников, это то, что они схапали по его наводке совершенно постороннего человека. И что объявился второй кандидат на роль хозяина «груза». Скорее всего, с ним немедленно начнут разбираться, и тогда нам не видать его, как собственных ушей...

На минуту он задумался.

— Но на его месте я поступил бы иначе... Если уж имел место досрочный старт, то как дважды два ясно, что случился какой-то сбой, и сбой, в конечном счете, не в пользу людей Хубилая... В таком случае ему надо за версту обходить их. Так же, как и нас. Вот тогда все для нас потеряно.

— Значит, по-вашему, он не посмеет вернуться на станцию?

— Это возможно только в том случае, если ему некуда скрыться на Фронде. Но, как я уже сказал, он прекрасно знает тамошнюю обстановку.

— Не имеет ли смысла отправить за ним э-э...

— Экспедицию? — Гвидо безнадежным движением смахнул с рукава остаток пепла. — Фронда — не планета Федерации, где можно действовать напролом.

— Он может использовать кого-то из нашей агентуры. Надо известить...

— И ставить на уши всех наших людей? Не стоит... — поморщился Гвидо. — Уж не думаете ли вы, что у меня один агент может самостоятельно выйти на другого? Такие агентурные сети не живут слишком долго. Когда я говорю, что Смит прекрасно знаком с обстановкой, это значит, что он может действовать в условиях Фронды совершенно спокойно, без всякой связи с нашей системой... За такой дичью и в таких условиях надо отправлять индивидуальных охотников... Но это будет очень опасная охота...

— Вы, помнится, говорили про резервную сеть генерала, — задумчиво напомнил Блант. Гвидо с сомнительным видом забарабанил пальцами по столу:

— Пожалуй что...

И закончил более твердо:

— Посылаем к ним своего связного и ждем.

— Ждем, — согласился Блант.

* * *

— Ты сильно рисковал, парень...

Рога потерял воротник куртки и наконец расстегнул его.

— Так что же, я должен был ждать, пока они нас перестреляют как цыплят? — зло парировал Кирилл.

— Продавцы Камней никогда не стреляют первыми, — задумчиво бросил Штучка, нагибаясь над тем, что осталось от одного из сукку.

Он и Рога, вооружившись палками, что-то искали в еще дымящихся останках людей и сукку, заваливших тропу. Да, впрочем, ясно, что. Дурная Трава отрешенно присела на камень поодаль, словно послушать шум реки. Смольский стоял на стреме, стараясь не смотреть на громоздящиеся у самой воды обгоревшие, похожие на панцири чудовищных древних ракообразных, все еще закованные в скафандры трупы шестерых «стервятников». Микис отошел подалее и был занят в основном борьбой с приступами подступающей рвоты.

— Я — не Продавец, — глухим голосом парировал Кирилл замечание Картежника. — Я — посторонний. У нас уговор: вы нас выводите на Диаспору и на нужных людей в ней. Мы... Я, в частности, не даю вас убить... Нам чудовищно повезло, что эти пентюхи поленились закрыть свои шлемы. Иначе они стали бы неуязвимы...

— Им и в голову не могло прийти, что, услышав звуки боя, кто-то не уберется восвояси, а устроит на них засаду, — усмехнулся Картежник. — Ведь у нас фактически засада получилась...

— Это была банда Лонга, — бросила в пространство Дурная Трава. — Только один он снюхался с этими беглыми сукку. Они ушли из резервации — пятеро или шестеро — и пристали к «стервятникам». Но из «стервятников» никто, кроме Лонга, с ними не поладил...

Она запнулась.

— Камни... Мне кажется, я слышу... Чертова вонь...

Смрад сожженной плоти мешал ей сосредоточиться.

— Какого черта вы копошитесь в... в этом? — неожиданно окликнул Рогу и Штучку Микис. — Там... Смотрите там... Я тоже слышу. Я очень ясно слышу...

Те послушно двинулись в указанном направлении.

— Нашел! — выкрикнул Штучка, вытаскивая из-под почерневшего скафандра погромыхивающий контейнер.

Он подался в сторонку и, присев, углубился в изучение его содержимого.

— Кажется — порядок, — радостно сообщил он. — Это чудо, но Камни не пострадали!

Микис присел с ним рядом и как-то по-детски потянулся к заполнявшим контейнер сокровищам. Картежник было отвел его руку ревнивым движением, но, подумав, не стал мешать новоявленному Слышащему. Карин легко, словно во сне, поднялась на ноги и подошла к ним. За ней потянулись и другие.

— Десять. Ровно десять... — зачарованно прошептал Штучка.

— Вы здорово обогатились, ребятам — похлопал его по плечу Микис.

Штучка скривился:

— Мы не мародеры, толстяк! Такие трофеи — а они бывают редко — пускают на поддержку родных... Я имею в виду родных тех, кого поубивали и ограбили. Ну... отстегнув себе процент за труды, конечно. И когда они есть — эти родные...

— Интересно, у кого они это отняли? — сказал Листер, заглядывая ему через плечо.

— Может быть, мы это узнаем, — пожал плечами Рога, — если двинемся дальше, а не будем дожидаться, пока сюда принесет еще одну банду... А в Монастыре нас уже заждались — в Доме Последнего Изменения... Вперед, ребята!

Отряд не стал дожидаться повторной команды и вслед за своим командиром потянулся во тьму. Шли молча. Только раз Трава тихим голосом спросила Кирилла:

— Тебе тяжело?

Он не ответил. Смерть привязалась к нему в попутчики в этом его путешествии. Смерть по имени «Стреляй первым»...

— Не комплексуй, — тихо бросила Трава. — Это были сволочи из сволочей. Много крови на них. И клятв ты никому никаких не давал. Или боишься, что будут мстить? Не бойся, «стервятники» нашего брата и без всякой мести при первой встрече в расход пускают. И это — плюс. Живым им лучше не сдаваться.

Кирилл молчал. Он вглядывался в то возникающий из тьмы, то исчезающий силуэт кэпа Листера. Ему не нравилось, очень не нравилось то выражение, какое он заметил на лице капитана несколько минут назад. Он и раньше замечал его — это напряженное и задумчивое выражение, появлявшееся на узком, бесстрастном лице воскресшего мертвеца. Похоже, что Листер хотел принять какое-то решение, был даже к этому решению близок, но в то же время боялся принять его. Кирилл решил не спускать с него глаз.

* * *

— Вот.

Мюрид положил перед шефом магнитную карточку.

— Здесь все — пароли корабельных компьютеров, схема внутренних помещений, сведения об экипаже... Получено, как говорится, из первых рук — от помощника капитана. Солидный «дальнобойщик». С броском до Инферны справится запросто. И, кстати, тип недорого взял. Не в курсе здешних расценок.

— А это, часом, не ловушка? — с напускным безразличием поинтересовался Хубилай. — Что-то Второе Посольство стало склонно к таким вещам в последнее время...

— Я очень хорошо знаю этого типа, — пожал плечами Мюрид. — Он у меня давно на крючке. Из тех, кто любит пожить не по средствам. Вечно по уши в долгах. Начинал с мелочей и постепенно доехал до переброски партий «пепла». Каждый раз, когда их посудина заваливает на Фронду, является ко мне — за деньгами на карманные расходы. Его расписками можно обклеить весь мой кабинет. И еще столько же останется...

— Вот для того, чтобы аннулировать свои долги, такие типы и закладывают своих друзей! — раздраженно бросил Кубла.

Разговор их происходил как раз в том кабинете, стены которого могли быть покрыты двойным слоем долговых расписок. Но пока что эту экзотику заменяли панели из

натурального, с Земли завезенного дуба.

— Что ж, — немного помолчав, бросил Кубла, — ответственность за выбор кораблика — на тебе.

— Я, разумеется, дал ему все гарантии его личной безопасности, — Мюрид косо улыбнулся. — Он ведь не идиот и понимает, для чего нужны все эти сведения...

— Под гарантиями ты понимаешь свое честное слово? — усмехнулся Хубилай.

Мюрид промолчал.

— Учти... — Кубла подхватил со стола старинную вещицу — нож для разрезания бумаги, сделанный под средневековый кинжал, покрутил перед носом и закончил: — Твое слово — это твое слово. Я лично никому ничего не обещал...

— Разумеется, я это учитываю. Теперь еще кое-что...

Еще одна карточка легла на стол.

— Это — разработка по маршруту до Инферны. Обошлась подороже, чем информация по кораблю. Естественно: наши люди из Навигационной службы страхуются. Если выяснится, что они выполняют подобную «левую» работку, то по головке их не погладят...

Хубилай нервно дернул щекой.

— Можешь не объяснять мне азбучных истин. Лучше скажи, тебе удалось найти общий язык с людьми из Орбитальной стражи?

— Да, — с чувством произнес Мюрид. — Они отдают бот нам в аренду на пару суток. И прикрывают нас на это время. То есть обеспечивают радиопознание, подтверждение Навигационной службы и все такое... Но мне пришлось выписать вот этот чек...

Некоторое время Хубилай рассматривал пластиковый прямоугольничек. Потом поднял глаза на Мюрида:

— И это всего лишь за двухдневную аренду паршивого космобота? Да ты оставил нас без штанов, Мюрид!

— Я предупреждал, что военные возьмут очень дорого, — с чуть заметным упреком напомнил Хубилаю его верный помощник. — И ты разрешил мне не стесняться в средствах...

Некоторое время в кабинете царила тишина.

— Ладно... Теперь о команде... — так, словно не было предыдущей заминки, спросил Кубла.

— Тут все в порядке. Набрал лучших специалистов. Из тех, с которыми мы уже работали... Сам знаешь — дальние перевозки за два года сильно сократились. Почти весь летный состав здешних компаний вылетел на улицу. И никто не думает платить им ни выходных пособий, ни пособий по безработице...

— Среди них нет слабонервных?

— Нет и быть не может. Все прошли через Легион или Космодесант...

— И почему же не задержались там?

— За каждым в Федерации числится слишком длинный хвост. Даже Легион сдает таких. А наш Космодесант — тем более...

— Ну что ж. Подвези через час всю команду к «Кречету». Мне надо познакомиться с людьми лично. А сейчас — принимай дела.

Доктор Лариса Юрьевна Леонтьева походила на грустную, отягощенную мыслями о своем многочисленном выводке птицу и тем располагала к себе. Ей было сорок восемь лет, и именно на этот возраст она и выглядела. Ничего другого, кроме строгого служения науке, ее внешний вид не предполагал. Среди всей довольно разношерстной компании, прошедшей перед глазами «Объединенной комиссии», она выглядела наиболее спокойным, уравновешенным и предельно далеким от дел разведки человеком. В хозяйстве дока Кульбаха Леонтьева занималась наименее скрытой от людских глаз деятельностью: отбирала материал для открытых публикаций и занималась вопросами совместных с исследовательскими учреждениями Фронды научных программ, посвященных биологии и медицине ранарари.

Занятие это было неблагодарное — «черти» не желали делиться ни с фрондийцами, ни тем более с людьми Федерации никакими сведениями, которые даже в отдаленном будущем могли быть использованы против них, будь то военные или экономические меры воздействия, к которым земляне часто прибегали даже в отношении своих собственных колоний. Опыт, накопленный за годы научной работы представлялся Ларисе Юрьевне ничтожным, и с течением времени, по мере того как выветривался былой оптимизм, безрезультатность лет, проведенных в стенах подвешенной на орбите лаборатории, все более и более угнетала ее. Изредка она делилась своей кручиной с шефом и коллегами, и кручина эта была соответствующим образом зафиксирована в материалах личного дела.

Впрочем, причина расстроенного вида доктора Леонтьевой в данный момент крылась в ином. Это выяснилось минут через сорок допроса, который применительно к ситуации принял форму неспешной и горестно-обстоятельной беседы. Ларисе Юрьевне даже не приходило в голову, что какие-то подозрения могут коснуться лично ее, отнюдь: по станции уже успела прокатиться волна слухов о «неприятностях» Свена Мальстрема, и доктор Леонтьева — некогда научный руководитель стажера Мальстрема — искренне переживала по этому поводу. Она была убеждена, что вся процедура допроса, как и все вопросы, адресованные к ней, касаются только тех «некрасивых гешефтов», в которые, по ее глубокому убеждению, лишь по своей неопытности оказался втянут Свен.

Подобная наивность была на руку следствию, но только в известных пределах. К глубокому сожалению обоих членов комиссии, доктор Леонтьева была вторым по неосведомленности о содержании операции «Тропа» человеком на «Эмбасси-2»... Правда, в отличие от вечно занятой светской жизнью Марии Нуньес, Лариса Юрьевна имела-таки случай переброситься парой слов с федеральным следователем. Однако встреча эта слабо отложилась в ее памяти. Да ей было и неинтересно, зачем околачивается тут этот чиновник. Впрочем, по ее словам, он был «по-своему мил». Доктор Леонтьева вообще обо всех, кого знала, была самого лучшего мнения. Кай тут не составлял исключения.

Относительно талисманов, оберегов и другой «тому подобной чуши» доктор была и вовсе не осведомлена и вполне искренне, как убежденная атеистка, считала, что подобной ерунде не место на станции.

Все случаи пребывания госпожи Леонтьевой на поверхности планеты и все ее контакты там были до отвращения хорошо задокументированы, и хотя проверка и могла теоретически обнаружить брешь в этой непреодолимой стене, надежды на это было мало.

«Еще один человек, которого не за что зацепить, — подумал Гвидо, перебрасываясь довольно мрачным взглядом с инспектором Блантом. — Ладно, чего я ожидал в конце концов? Того, что Крот сам выползет из своей норы у меня под ногами? Нет, нет и нет! Бой

предстоит беспощадный. Кажется, за время работы в этой дырище я вконец расслабился и утратил форму. А ведь все просто: кто-то из этих шести — хочу я того или нет — человек мафии. Сволочь, которая не моргнув глазом отправила Санди на верную смерть. Продажная сука, а вовсе не какой-то бесплотный призрак... Кто-то из этих шести. Или...»

Тут его буквально подбросило на месте, и холодный пот бисеринками заискрился на лбу. С этого момента он напрочь утратил интерес к показаниям последней из подозреваемых.

— Вот что, — уверенно сказал он Бланту, когда, тяжело вздыхая и промокая раскисший от сострадания к несчастному Свену нос, Лариса Юрьевна покинула скорбную юдоль допросов и дознаний, — если вас не клонит в сон, то займитесь сейчас самой тщательной проверкой всего того, что вам показалось подозрительным и что можно проверить вот так — не покидая станцию. А я займусь подготовкой человека, которого мы закинем вслед Смити. Думаю, необходимость в этом все-таки есть. Через час-полтора я присоединюсь к вам.

Блант мрачно промолчал в ответ.

* * *

Серый монастырь вырос перед ними неожиданно. Обозначился из стены утреннего тумана нелепым каменным сундуком, нависшим над пропастью. Но чем ближе к нему продвигался маленький отряд, тем больше понимал Кирилл, насколько же он громаден. Это было первое здание, которое он сподобился увидеть на Инферне. И оно ничем не напоминало ему то, что он видел в буклетах и фильмах агентств, вербующих рабочие руки для этой планеты.

Узкие щели окон Дома Последнего Изменения прорезали слоистый камень стен и в лучах восходящего солнца сверкнули злым блеском глаз притаившегося дракона. Потребовалось пройти примерно половину пути от тропы до Дома, чтобы Кириллу стало ясно, что странные клочья тьмы, прилепившиеся к стенам здания и застывшие на кромке высокой стены, опоясывающей его, это — ранарари.

«Совсем забыл, что „черти“ летают, — подумал он. — Худо-бедно, а летают. А стена... Значит, от нашего брата — от людей построена...»

К монастырю пришлось подходить по петляющей между тяжелыми валунами тропинке, норовящей исчезнуть в серых россыпях каменной кручи.

А позади монастыря, в залитой еще ночной мглой долине, еле видимыми контурами обозначился город. Типичный небольшой город ранарари, раскинувшийся по берегам утопавшей в жемчужном утреннем тумане реки. Вот он показался Кириллу знакомым. Такой же утренний элегический пейзаж со знаменитыми домами-деревьями ранарари можно было увидеть в каждом втором из тех самых буклетов и фильмов, о которых он перед этим вспомнил.

Он перевел взгляд на своих спутников — коротенькую цепочку фигурок, над которыми уже высились угрюмые стены ограждения Дома. Внутрь, к самому зданию, вели только одни ворота из просмоленной древесины с выжженным на них огромным, в три человеческих роста, знаком.

— Это герб? — спросил Кирилл шагавшую впереди него Дурную Траву. — Деревья, сросшиеся корнями, так, что ли?

— Это одно дерево, — глухо ответила Карин, даже не обернувшись. — Запретное дерево. Из Запретных рощ.. Каждая роща — одно дерево там, под землей. Только стволов — много. Ты не вздумай про эти вещи кого-нибудь расспрашивать — там, в Доме... Это, знаешь, похуже будет, чем воздух прилюдно испортить...

— Табу? — уточнил Кирилл.

— Хуже, наверное, чем табу, — Трава пожала плечами. — Никто ничего про это не знает точно. Раньше, говорят, из этого дерева что-то вроде теперешнего «пепла» получали. Из листьев или из корней... Бог его знает.

Некоторое время они молча перебирались через очередное нагромождение скальных обломков, ставших у них на пути.

— А еще... — Карин косо глянула на Кирилла. — Их всех в конце концов отсюда свозят вон в те рощи... На последней стадии... В жертву Запретным деревьям.

— Это как на удобрение, что ли? — спросил Кирилл и тут же почувствовал, что в вопросе его прозвучала совсем неуместная ирония.

— Не знаю как, — чуть раздраженно отозвалась девушка. — Может, они что-то вроде росянки — эти деревья... Не знаю... Знаю только, что ранарари, если он на «пепел» сядет, сначала перестает слышать свой Камень. А потом — их свозят сюда. Когда у них скелет начинает меняться и они теряют способность зарабатывать на очередную дозу. Чтоб бед не наделали. Они же ради «пепла» становятся на все готовы...

— И их удастся вылечить?

— Не знаю... Леченых — не видела. Ведь Дома — это такое дело... Их сначала Каста содержала. Посвященные из ранарари. Говорят, что колдуны они. А потом, когда привезли «пепел», когда счет Изменяющихся на миллионы пошел, тогда стали нанимать людей и сукку — строить новые Дома. И в них работать. Особо доверенных — тоже Посвященными делают... Они... Официально они как бы и не существуют. Власть Дома не трогает, Дома — власть. Им для лечения якобы немного «пепла» государство сбывает. Самый мизер. Для неизлечимых. Только... На самом деле почти весь порошок, что из Метрополии идет, в конечном счете в Серые монастыри приходит...

Кирилл словно пыльным мешком по голове огрели.

«Не мне здесь надо было быть, — обалдело подумал он, — а федеральному следователю... Это же надо... Здесь же все на поверхности лежит. Бродяжка с Ларданара первому встречному — просто со скуки — этакое выбалтывает, а они там — резидентуру внедряют да явки с паролями изобретают...»

— Ну, не весь, так половина, — уточнила Карин.

— У них — у Посвященных этих — должно быть, неплохие доходы, если так... — предположил Кирилл.

— А то бы...

Трава, задрав голову, окинула взглядом стену, окружавшую Дом. Теперь отряд брел к воротам уже вдоль этой каменной громады.

— Ведь они нам и покупателей на Камни сватают...

— И от того имеют какой-то процент, — понимающе сказал Кирилл.

Дурная Трава чуть не рассмеялась.

— Дурень... Это мы — мы имеем процент. А они — весь доход хапают. Но Торговцы не в обиде. На хлеб с маслом нам хватает. Мы все — богатенькие... Любой из нас может отвалить и купить себе пару особнячков почище, чем у самого Большого Джона. Только мало

кто от этого дела отходит... При жизни. А иногда — и потом...

Она косо усмехнулась чему-то.

— И потом... Дома — нам защита. И от закона, и от «стервятников»... Нам с ними ссориться не с руки. Так и живем: Камни — деньги — «пепел»...

«Все сошлось», — подумал Кирилл.

Шедший впереди Рога наконец достиг ворот и принялся условным стуком колотить дверным молотком (тоже кованым в виде Запретного дерева) в небольшую калитку, устроенную в одной из створок ворот.

Калитка тотчас открылась, чего ни Рога, ни его спутники не ожидали. На пороге стояли двое. На монахов они походили мало — скорее уж на шоферов или садовников. Оба в грубоватых комбинезонах и клетчатых грубошерстных рубашках. Оружия Кирилл у них не заметил.

— Ух!.. Ну, ты испугал меня, Готфрид... — вымолвил Рога, обращаясь к тому из встречавших, что выглядел постарше. — То не достучишься до вас, то, как черт из бутылки, навстречу выскакиваете...

— Тут у нас были основания за вас беспокоиться, — ответил тот, кого назвали Готфридом. — Ночью в ущелье стрельба была... Обидно было бы вас потерять. Вы ведь гостей с собой ведете — так?

Он кинул взгляд в сторону сбившихся в кучку пассажиров «Ганимеда».

— Так их здесь ждут. И, похоже, неспроста... Сам Верховный Посвященный по их души прибыл. Настоятель Герберт Фальк. Он ждет их в трапезной.

* * *

По локальному времени «Эмбасси-2» уже близилось утро. Гвидо только на минуту заглянул в свой кабинет — чтобы звонком по селектору поднять на ноги Петро Криницу — того человека, которого он наметил пустить по следу ранее командированного им же самим «на поверхность» лейтенанта Смита. Приказав тому через час быть в его приемной, Гвидо набрал на клавиатуре номер дока Кульбаха, однако сигнал вызова остался без ответа. Подождав немного, он торопливо вышел из кабинета.

Беспокойство, донимавшее его с какого-то момента ночной допросной эпопеи, наконец оформилось в некую законченную мысль. Она — эта мысль — чуть не заставила его подпрыгнуть на своем месте в конце «беседы» с Ларисой Юрьевной, удрученной бедами злосчастного Мальстрема. Поминая всех чертей — как обитающих на Инферне, так и прочих, — Гвидо стремительно следовал коридорами станции, на ходу перебрасываясь короткими фразами с ночным дежурным по госпиталю.

Тот встретил его на своем рабочем месте далеко не дружелюбно.

— Я, конечно, не смею возражать вам, господин подполковник, — с досадой заметил уставший к концу дежурства майор медицинской службы. — Я понимаю — дело не терпит отлагательств... Да... И пациент далеко не в критическом состоянии. Перелом был, можно сказать, пустячный... Собственно, мы готовим его к выписке в ближайшие день-два... Но неужели нельзя дать выздоравливающему человеку возможность добрать свои два-три часа сна? Насколько я знаком с природой разных дел, которые не терпят отлагательств, после беседы с вами пациент уж во всяком случае не заснет сном невинного младенца...

— Скорее всего, это я уже не засну таким сном... А вот что касается капитана Орландо Санчеса, то, в любом случае, я пришел сюда не для того, чтобы отоварить его бессонницей...

Майор молча пожал плечами и кивнул медсестре. Та, точно так же — молча и не скрывая недовольства столь ранним визитом руководства, — проводила Гвидо в пустынную палату, в которой на единственной занятой койке чутким утренним сном спал капитан Санчес.

Сестра пододвинула к кровати вертящийся стул и предложила его подполковнику. Затем, включив и чуть подрегулировав ночник, осторожным движением коснулась плеча больного. Тот моментально проснулся. Узнав в склонившемся над ним госте своего непосредственного начальника, капитан сделал некоторую попытку принять на кровати менее расслабленную позу, но Гвидо удержал его от резких движений.

— Оставьте нас наедине, сестра, — попросил он. — И, если не затруднит, свяжите меня с Эберхардтом Кульбахом. Вы знаете, о ком я говорю. Если он спит — пусть профессора разбудят... И как только он будет на связи — немедленно дайте мне знать...

Капитан Санчес с тревогой посмотрел на шефа и, морщась, все-таки перешел в положение «сидя».

— Что-то не так, шеф? — профессионально понизив голос, спросил он.

— Не беспокойся...

Гвидо проводил медсестру цепким взглядом и прислушался к тому, как тихо щелкнул дверной замок.

— Сам знаешь, — успокаивающим тоном проговорил он. — Бывают в нашем деле такие закавыки... Маленькие, но не терпящие промедлений.

— Берите быка за рога, шеф... Не стоит мне долго объяснять такие вещи...

— Вот и хорошо, — улыбнулся Гвидо. — Мне всего-то и надо, что уточнить хронометраж одной истории... Скажи, сколько примерно времени прошло с того момента, как там — на поверхности — вышла неприятность с твоей ногой, и до того, как док Кульбах забрался в шаттл и убыл на станцию?

Орландо задумался.

— Да, строго говоря, вся эта командировка, — пожал плечами Санчес. — Я и часу не был с доком. Мы ведь влетели в аварию прямо на выезде с Космотерминала. И меня сразу завернули назад — в медпункт там же, на терминале... Я немедленно направил вам свой рапорт...

«Которому я не придавал тогда никакого значения, — с досадой подумал Гвидо. — Точнее, я озаботился только здоровьем покалеченного Орландо. Мне и в голову не пришло тогда, что Эберхардт отправился в город без присмотра. Это вообще было такой чушью — присматривать за невиннейшим доком Кульбахом... Настолько большой чушью, что у меня просто стерлось из памяти это простое обстоятельство. Все — по Фрейду...»

— ...а потом я там и дождался дока, — продолжал Орландо. — Мы вернулись на одном шаттле. Вместе... А...

«Правильно, они вернулись вместе, — устало припомнил Гвидо. — И это закрепило у меня в памяти иллюзию того, что все в общем-то в порядке. Я даже не стал вносить никаких поправок в файл по командировкам дока. А это уже... Сдаю я, маразматиком делаюсь. Пора меня списывать в расход, на мыло старого дурака...»

— Не беспокойся, — он похлопал капитана по плечу. — С твоим рапортом — все в порядке... Скажи-ка еще вот что: хотя ты и был за рулем, виновным за ДТП признали того

водителя, который...

— Виновным признали фирму грузоперевозок, — остановил его Санчес. — Это был «Додж-автомат». Кстати — порожний. Черт его принес... А за рулем был как раз не я, а док. Тоже — черт нагадал... Впрочем, если бы вел как всегда я, то на этой койке лежал бы он. Удар пришелся как раз в правую часть кабины. А у стариков хуже заживают переломы... Хотя...

— Док плохо водил? — сочувственно осведомился Гвидо.

— Да нет, — покачал головой Санчес, с тревогой присматриваясь к лицу шефа. — За рулем док прямо орел. Только вот здесь, на борту, ему развернуться негде. Вот я ему и позволяю иногда... В тот раз — напрасно...

— Так ведь виноват-то был не он, — успокоительно проворковал Гвидо. — Будь ты за рулем, только переломом бы поменялись... Или...

— Или, — нехотя глядя в сторону, выдавил из себя увечный капитан. — Я бы все-таки притормозил — там, на выезде... И потом — у дока в правах не было вкладыша — он не проходил на Фронде никакой регистрации на этот счет... И сами права просрочены были. Да их у него с собой и не было — по сети вычисляли... В общем — потрепали нервы профессору...

Гвидо не стал уточнять, как обстояло дело с отчетностью на этот счет. Вряд ли эта небольшая нервотрепка нашла отражение в лаконичном рапорте капитана. Он только натужно улыбнулся и еще раз похлопал по руке Орландо.

— Ну, поправляйся... — произнес он, вставая со стула. — Не бери в голову всю эту чертовщину. За головную боль платят мне...

За его спиной вежливо откашлялась медсестра.

— Профессора Кульбаха не могут найти, господин подполковник, — сообщила она. — Его нет ни в его боксе, ни в лаборатории... Вашу просьбу передали дежурному по охране станции...

— Спасибо, сестра, — поблагодарил Гвидо и зашагал к выходу.

Сестра переглянулась с Орландо.

— Кажется... — начала она.

— Да, — согласился капитан. — Кажется, мы здорово подвели дока Кульбаха.

* * *

Хрипловатым спросонья голосом начальник охраны «Эмбасси-2» извинялся перед Гвидо, хотя никакой вины за собой не чувствовал.

— Кажется, я не могу сыскать для вас уже второго человека за последние сутки, подполковник... Но доктор не покидал станцию... Так что его найдут в течение часа-двух...

— Вы уверены, что он действительно не мог покинуть, «Эмбасси» ни при каких обстоятельствах? — сверлящим голосом уточнил Гвидо.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Он впился в изображение главного охранника на экране довольно неприязненным взором.

— Уверен, — заверил его тот. И тут же смазал весь произведенный эффект:

— Если, конечно, все в порядке с бортовым компьютером...

— Немедленно, — зашипел Гвидо. — Я повторяю: немедленно проверьте, все ли с ним в порядке. И пеняйте на себя, если...

Но тут коммутатор голосом только что разбуженной секретарши сообщил ему, что в его приемной вот уже четверть часа находится вызванный по срочному делу лейтенант Петро Криница.

* * *

— Вам, господа, стоит подождать здесь...

Человек, проводивший их в прохладную глубину Дома и затворивший за Рогой дверь в помещение, которое здесь называли трапезной (наверное, так же условно, как сам Дом — монастырем), указал четверем чужакам — уже умывшимся, сдавшим оружие и проглотившим по чашке чая с непонятного вида закуской — на каменную скамью, тянущуюся вдоль просторного коридора.

— Скорее всего, Верховный Посвященный захочет поговорить и с вами, господа.

— А вы, — он повернулся к Штучке и Карин, — наверное, можете сразу отправиться приводить себя в порядок и отдыхать. Туда же, где и всегда... Ваши комнаты в левом крыле мы не трогали. Только прибрали, как всегда.

Картежник облегченно вздохнул и, сделав ручкой своим новым знакомым, подмигнул Микису и затопал по коридору. Карин, кивнув, последовала за ним. По дороге она несколько раз обернулась, встретилась глазами с Кириллом и неуверенно махнула смуглой ладонью. Потом уже больше не оборачивалась.

— Это я называю — номер, чтоб я помер! — определил ситуацию Микис.

Вид у него был вымотанный. Да и всем участникам перехода через Аш-Ларданар словно прибавилось лет по десять. Один лишь капитан Листер держался так, словно только что вернулся с прогулки по грибы в пригородном лесочке.

— Вы представляете? — продолжал развивать свою мысль Палладини. — Мы прячемся, конспирируемся, ломаем ноги — идем только ночами и в проклятом тумане... А нас тут, видите ли, давным-давно ждут!.. С нами, оказывается, просто играют как кошка с мышкой!

— Плевать! — устало вздохнул Смольский.

Он осторожно оперся спиной о шершавый камень монастырской стены и блаженно прикрыл глаза.

— Наконец-то мы попали хоть в чьи-то руки... Господи! Быть высланным с этой планеты, хоть на грузовом транспорте, на мешках с рудой — какое это будет счастье!

Листер иронически покосился на него:

— Не обольщайтесь, господин писатель. Община Отверженных — это далеко не государственное учреждение. И даже не то, что принято называть «общественной организацией». Это нечто очень близкое к криминалу... нечто на грани подполья. Ни расследовать инцидент с «Ганимедом», ни решать вопрос о вашей высылке «нах фатерлянд» Община не компетентна. Но вот начать с нами какую-то игру — это с них вполне станется. Так что, как говорится, «пристегните ремни»... Вы рано расслабились, господин писатель. Стоило вам увидеть электрическое освещение и краны с горячей и холодной водой, как вы уж и решили, что достигли земли обетованной... Рано, рано, господин Смольский!

Смольский и сам понимал, что его просто-напросто развезло от того элементарного

факта, что над головой у него находится крыша, оттого, что не надо ежесекундно озираться, ожидая нападения неведомо кого, неведомо откуда, оттого, что не надо больше таиться под навесами скал. И оттого, что теперь можно будет ночью спать, а не карабкаться по чертовым камням Аш-Ларданара...

«Надо будет не заваливаться сейчас дрыхнуть, а дотерпеть до вечера, чтобы вернуться к нормальному ритму», — подумал он, выпрямившись на скамье и повернувшись к Кириллу. Но переброситься с ним парой слов не получилось — Кирилл напряженно всматривался в глубь коридора, весь собравшись, словно приготовившись к рукопашному сражению. Анатолий перевел взгляд туда, куда пристально смотрел его товарищ.

По коридору шли сукку.

Просто и обыденно. Неторопливо приближаясь к ним. Вот подошли вплотную. Но не произошло ровным счетом ничего. Просто двое сукку, не обращая на чужаков особого внимания, пронесли мимо них носилки. И хотя то, что на этих носилках лежало, и было покрыто серым грубошерстным одеялом, высунувшаяся поверх него когтистая лапа не оставляла сомнений в том, что на носилках покоится один из хозяев этого Мира...

Смольский снова покосился на Кирилла — конечно, карлики с бульдожьими рылами и горящими злобой глазами являли собой зрелище, напоминающее дурной сон, но не до такой же степени... «Комплексует из-за тех сукку, что он положил там, на тропе? Что ж, пожалуй, и я сам, — Анатолий нервно поморщился, — на его месте комплексовал бы».

— А вы не знали, что в Домах Последнего Изменения ранарари используют в качестве рабочей силы не только людей? — осведомился Листер. — Мне показалось, что вы достаточно подробно расспрашивали нашу спутницу о таких вещах... Пожалуй, Серые монастыри — единственное место, где люди и сукку успешно уживаются бок о бок...

Кирилл промолчал.

За то время, что четверо с «Ганимеда» провели в ожидании, мимо них пронесли с полдюжины таких носилок.

А потом из дверей трапезной быстрым шагом вышел Рога. Вид у него был озадаченный. Он остановился перед своими бывшими спутниками и почесал в затылке:

— Ну, вы даете... Только вам и скажу: вы даете, ребята! Заходите к Фальку. И помните: называть его надо «господин Посвященный». Не вздумайте по имени...

* * *

Человек, который ждал их в просторном и светлом помещении, смахивающем не столько на трапезную, сколько на студию древнего живописца или скульптора, был суховат, коротко стрижен и смугл. Он принадлежал к тому типу людей, чей возраст трудно определить на глаз. Как и у тех, кто встретил путников, одежда его ничем не напоминала монашеское одеяние. Скорее уж это был рабочий комбинезон, дополненный шерстяной клетчатой рубахой. Только все это было почище, чем у настоящего работяги.

Коротким жестом Верховный Посвященный пригласил гостей занять места на отменно неудобных, тяжелого дерева табуретах, расставленных вдоль одного из столов, составлявших внутреннее убранство помещения. Сам присел на краешек стола — наискосок от них — и несколько секунд, наклонив голову по-птичьи, разглядывал всю компанию.

— Мы с вами уже некоторым образом представлены друг другу, господа, — начал он

так, словно продолжал недавно прерванную беседу. — Так что не будем терять время на пустые формальности.

Он поискал в устремленных на него взглядах согласие. И, найдя таковое, продолжил:

— Надеюсь, вы не столь наивны, чтобы думать, что ваше прибытие на Инферну, столь м-м... драматически обставленное, осталось незамеченным для какой-нибудь из компетентных служб планеты?

— Таким иллюзиям мы не подвержены, — сухо заверил его Листер.

— Вас не удивляет, однако, то, что разговариваю сейчас с вами я — настоятель Общины Отверженных, а не кто-нибудь из чинов Службы безопасности или просто полиции?

— У меня, — Листер пожал плечами, — есть на этот счет свои предположения, но, наверное, все будет проще и много быстрее, если вы сами...

— Ваши предположения, я полагаю, совершенно верны. Вам сам бог велел быть догадливым, капитан, — хмуро улыбнулся Фальк. — Ведь вы не первый раз приземляетесь на Инферну?

— У вас точная информация, — согласился Листер.

— Ну что ж... — Фальк снова окинул гостей внимательным взглядом. — Давайте, как говорится, уточним наши позиции. Вам, господа, разрешили погулять. Никто там, — он ткнул пальцем куда-то неопределенно вверх, — не заинтересован в том, чтобы всей Инферне и особенно земной Диаспоре стало известно, что вы — прилетевшие на том самом корабле, что совершил несанкционированную посадку, — находитесь в руках властей. Это автоматически будет означать, что местонахождение вашего корабля раскритиковано. По ряду причин это крайне нежелательно для властей Инферны и Диаспоры. Это одна сторона вопроса... Есть еще и другая. Если ваша компания — пусть даже и снабженная вполне приличными документами, появится в Диаспоре, то она непременно станет мишенью... Дичью, за которой начнется охота.

— Отчего же? — подал голос Смольский. — Кому и как мы успели не угодить на планете?

Фальк то ли хмуро улыбнулся, то ли просто поморщился.

— Вы сами — никому не насолили здесь. Пока что. Если не считать того маленького эпизода в ущелье... Но это — отдельный вопрос. Я о другом... Давайте договоримся с самого начала — не морочить друг другу голову. Да-да... Немногим более двух суток назад я имел беседу — и довольно сложную беседу, заметьте, — с парой высоких чинов из Службы безопасности Диаспоры. Притом — в присутствии нескольких «господ хозяев» этого Мира. Тоже довольно высокого ранга по понятиям ранарари. Я сподобился быть посвященным в некоторые секреты, связанные с вашим, мягко говоря, экстравагантным прибытием на эту планету. Так что не стоит вам пребывать и дальше в заблуждении и думать, что никто не догадывается о том, что и для кого вез ваш кораблик.

В трапезной воцарилась напряженная тишина. Только сдавленное дыхание Палладины, которому вдруг стал мал его воротник, нарушало тишину.

— В этой связи, — продолжил Фальк, — и господа хозяева и руководство Диаспоры обратились ко мне как к одному из глав Общины с просьбой — очень настоятельной просьбой — взять на себя заботу о вашем приеме на Инферне. Сами понимаете, в такой просьбе я отказать им никак не мог. Пришлось поспешить сюда, как говорится, «теряя колеса»... К тому же едва я успел переступить порог этой обители, как мне доложили, что в ущелье... Ну, вы сами знаете, что там произошло... Мне пришлось срочно направить туда

своих людей — вас выручать. Но они, к несчастью, с вами разминулись.

Он нервно дернул щекой, выражая досаду, оторвался от стола и, коротко пройдясь взад-вперед, остановился перед притихшей четверкой гостей.

— После того, что я узнал об их... находках — там, в лесу, мы, посоветовавшись, решили, что самое разумное для вас сейчас — погостить здесь недельку-другую, пока вам не выправят документы на неких других лиц, разумеется. А уж потом — без особого шума и пыли — спровадят на Фронду, куда, как я думаю, вы все четверо всей душой и стремитесь. Не так ли?

При этом Верховный Посвященный почему-то выразительно поглядел на бедного владельца «Риалти», который все это время ожесточенно вертел шей, пытаясь ослабить объятия своего воротника.

— Да, — хрипло выдавил из себя Микис, словно вопрос был адресован только ему. И тут же осекся, вспомнив вдруг про бассейн с пираньями, ожидающий его там, на «родной» Фронде...

Фальк, не ожидавший ответа на свой риторический вопрос, слегка смутился.

— Не спешите с ответом, господа, — успокоил он всех. — Время еще терпит. Здесь и крыша над головой для вас найдется, и с голоду умереть вам не дадут... Территория Дома Последнего Изменения по неписаному закону закрыта для властей любого рода, а от лихих людей тут найдут, чем отбиться. К тому же никто не собирается афишировать место вашего пребывания. Так что здесь вы будете в полной безопасности.

Кириллу такое проявление человеческого участия здесь, в чужом нечеловеческом мире, казалось подарком судьбы — неожиданным и подозрительным одновременно. Он переглянулся с Листером, но лицо капитана было невозмутимым.

— Простите, господин Фальк, — заговорил Листер. — Но прежде чем меня депортируют с Инферны, мне надо будет довести до конца кое-какие дела здесь, на Аш-Ларданаре...

— Бог мой! — Фальк выразительно развел руками. — Быть может, мне необходимо довести до конца кое-какие дела в Метрополии. Это, однако, не означает, что меня там ждут с распростертыми объятиями... К сожалению, мало что зависит от наших с вами намерений. Неужели вы всерьез полагаете, что ранарари предоставят возможность беспрепятственно передвигаться по своей планете любому из тех, кому взбредет в голову совершить несанкционированную да еще и аварийную посадку на ее поверхность?

— Но это не главное из того, что мне довелось совершить в качестве капитана космоклипера «Ганимед», — возразил Листер. — Может быть, в вопросе о предоставлении мне — и не только мне, — тут он косо глянул на хранящего молчание Кирилла, — временного вида на жительство сыграет роль тот факт, что...

— Послушайте, капитан, — остановил его резким жестом Высший Посвященный, — у вас будет возможность высказать все ваши аргументы тем, кто имеет право принимать такие решения. Община — не иммиграционная служба. Община — это убежище. Временное и довольно надежное. И я не могу ничего другого вам предложить, кроме как им воспользоваться. Ни арестовывать, ни удерживать вас здесь силой я не уполномочен. Просто тем из вас, кто не воспользуется э-э... гостеприимством Общины, не долго придется гулять на свободе. Будет счастьем, если первыми, кто встретится на вашем пути, окажутся представители властей...

— Однако, — продолжал настаивать Листер, — ведь и ответственности Община не

несет — за тех, кто не пожелает прибегнуть к ее защите и покровительству?

— Нет, не несет, — согласился господин Фальк. — Но вот тот, кто отвергает такие, как вы выразились, защиту и покровительство, тот берет на себя ответственность за тех своих друзей, которые не пошли по одной с ним дорожке... в том случае, если он станет причиной их смерти или неволи...

— Ну, что же... — Листер смотрел прямо перед собой, избегая взглядов своих спутников в странствиях по Аш-Ларданару. — Я готов поручиться за то, что в любых обстоятельствах ни словом, ни делом не причиню вреда ни своим товарищам, ни их м-м... репутации.

Смольский резко выпрямился на дьявольски неудобном сиденье.

— У меня лично нет никаких оснований скрывать свое имя, — выпалил он нервной скороговоркой. — И все, чего я хочу, а это чтобы со мной поступили именно по закону. Чтобы меня сдали с рук на руки властям Федерации Тридцати Трех Миров. Все. Точка. Конец абзаца...

— Именно так с вами и поступят... Дайте только срок.

В голосе Верховного Посвященного звучала усталость.

— Я повторяю: Община никого и никогда не заставляет делать что-то вопреки его желанию. Я просто рассчитываю на то, что каждый из вас в том случае, если он захочет покинуть этот Дом, поставит меня в известность. Заблаговременно.

В воздухе снова тишина.

— Это мы можем вам обещать, — один за всех ответил капитан Листер. — Пожалуй, это единственное, что мы можем обещать твердо.

* * *

Разговор с Верховным Посвященным — полный намеков и недомолвок — оставил в душе Кирилла странный осадок. Вообще, все, что произошло с ним с того момента, когда странный незнакомец окликнул его, в отчаянии опустившегося на поребрик тротуара в сотне-другой метров от посольства Инферны, теперь представилось ему каким-то маршем по топкому болоту к неведомой и ненужной цели. Желание смыть с себя липкую жижу этого невидимого болота заставило его подняться с лежанки и, сняв с крючка одноразовое полотенце, направиться в душевую. Собственно, этот крючок и лежанка и составляли всю меблировку небольшой кельи. И эта келья должна была служить его жилищем в течение довольно долгого времени. Тех двух или трех недель, что понадобятся господину настоятелю для «выправки документов» гостям с Фронды.

Келья располагалась в том же самом «левом крыле» огромного здания Серого монастыря, куда ранее отправились на постой его бывшие спутники и проводники по Аш-Ларданару. Этот унылый, согнутый буквой L коридор, надежно изолированный от остальных помещений Дома, судя по всему, специально предназначался для содержания гостей. Он был оснащен всего лишь одной душевой на дюжину выходивших в него комнат. И одними на всех «удобствами».

Ладно. Тот, кто годика четыре провел в орбитальных казармах Космодесанта, обычно не задумывается о комфорте. Это, помнится, всегда бесило Ганку... Но о Ганке тоже лучше не задумываться.

Ледяная вода и впрямь помогла Кириллу избавиться от одолевшей его вконец душевной

маеты. Топая по гулкому коридору обратно к своей келье, он уже чуть меньше прислушивался к брюзжанию своего «внутреннего голоса» и чуть больше — к гулкой тишине вокруг. Тишина эта, впрочем, оказалась не абсолютной.

За одной из дверей кто-то скулил. Тихо и безнадежно, иногда захлебываясь и замолкая. Так скулят раненые зверьки. Или просто брошенные кем-то. С некоторой растерянностью Кирилл определил, откуда, из-за какой двери льется этот странный плач. Подошел к ней, прислушался и затем осторожно ее приоткрыл. В Доме, видно, не признавали замков и даже защелок. И хорошо смазывали дверные петли. Дверь открылась без звука, впустив его в полутемную комнату.

Судя по всему, Торговцев в Доме жаловали больше, чем непрошенных гостей с небес. Во всяком случае, комнату, которая досталась Дурной Траве, трудно было назвать кельей. В ней присутствовали некоторые элементы комфорта — жалюзи на окне-амбразуре, пара табуретов и даже нечто вроде прикроватной тумбочки. Между этим «нечто» и стеной, скорчившись, словно от страшной боли, сидела и размазывала кулаками слезы по лицу Карин Малерба.

— Что с тобой? — испуганно спросил Кирилл, подходя к ней.

Он машинально присел перед Карин, взял за плечо:

— Ты... Тебя кто-то обидел?

Он вспомнил, что Торговцы только что вернулись из города — в долине. С торгов.

«Надули их там, что ли? — подумал он. — Или между собой чего-то не поделили?»

— Нет! — вдруг выкрикнула Дурная Трава. — Никто не может меня обидеть, дурак!

Она запнулась, уставившись на Кирилла злым взглядом заплаканных глаз.

— Просто у меня всегда так, когда я возвращаюсь с Аша... Реакция у меня такая. Н-на то... На то, что осталась жива. Вообще — на все. Я... Я все время боюсь, что меня... Что придется платить. За то, что я слышу Камни. За то, что я продаю их. За удачу... За жизнь вообще...

Она неожиданно вцепилась в Кирилла и ткнулась заплаканным лицом ему в грудь.

— Не-на-ви-жу! — сдавленно выдохнула она. — Не-на-ви-жу, когда ко мне лезут с утешениями... Это пройдет все...

Она оттолкнула его так, что тот едва не полетел на пол. Выпрямилась и отвернулась к окну.

Кирилл тоже поднялся с корточек, шагнул к выходу.

— Считай, что меня здесь не было, — сказал он, берясь за ручку двери.

Карин порывисто обернулась и выкрикнула чуть хрипловато:

— Останься! Не смей уходить...

Кай спустился в «секретную часть» штаб-квартиры операции «Тропа», отряхивая дождевые капли со шляпы и рукавов плаща.

— Судя по выражению вашего лица, — устало вздохнул Ким, — господин Раковски вновь не почтили нас своим визитом?

Федеральный следователь молча бросил на стол плотный, желтоватого цвета конверт без адреса и марки.

— Вот что я нашел на месте встречи. В том тайнике, куда Манич поместил наше послание. Адресовано это, собственно, вам, Ким — то бишь Рею Яшми. Проверьте эту штуку на вшивость. Этот Лешек уже так доконал меня, что я не верю ничему, что от него исходит.

Ким подхватил конверт — только для того, чтобы тут же передать его Нильсу, который без лишних слов убыл в размещенный в соседней комнате мини-кабинет криминалистической экспертизы.

— Зато у меня есть для вас довольно приятное известие, следователь.

Ким развернул экран дисплея так, чтобы присевшему на подоконник Каю было лучше видно изображение.

— Ваши спутники относительно благополучно добрались до мест обетованных. Те Торговцы Камнями, что подцепили их по дороге, довели всех до Серого монастыря в Восточном ущелье. Это, между прочим, один из главнейших Домов Последнего Изменения. Не по масштабам, а по значению. Одна из резиденций Верховного Посвященного. Как только стало ясно, что они двигаются именно туда, наш с вами куратор — это я про Лиригу — немедленно отбыл в том же направлении. И Верховного Посвященного срочно вызвал — он как-никак в том Доме что-то вроде настоятеля.

— Господи! — вдруг прервал его федеральный следователь.

Он замороженно смотрел в глубину «окна» голографического экрана, где в тот момент один за другим проходили в просвет устроенной в массивной створке ворот калитки усталые, осунувшиеся путники.

— Когда сделана эта съемка? — голосом, ставшим сразу глухим и невыразительным, осведомился Кай.

— Этим утром, — отозвался агент на контракте, бросив взгляд на один из индикаторов панели терминала. — Их там придержат до того момента, как...

— Открутите-ка изображение назад... Секунд на тридцать — сорок, — попросил Кай. — Вот так... Теперь остановите...

— Что-то не так? — спросил из другого угла кабинета Артур, коротающий время в изучении базы данных по контрабандной торговле.

— Не так, — сухо подтвердил федеральный следователь. — Выведите, пожалуйста, на экран резюме вот по этому человеку...

Ким пробежался пальцами по клавиатуре терминала, не отрывая взгляда от изображения на дисплее.

— «Джордж Листер — капитан космоклипера „Ганимед“», — прочитал он выплывшую поверх изображения справку. — Удостоверение личности номер... Лицензия номер...

— Или на белом свете существуют два капитана Джорджа Листера, — сухо

прокомментировал эту информацию федеральный следователь, — или кто-то из тех двоих, кого я теперь знаю, — самозванец. Мертвые не воскресают...

Ким продолжал озадаченно смотреть на экран. Потом, не отводя от него взгляда, заметил:

— Это — аксиома, следователь. Конечно, это аксиома... Но только не для таких мест, как Аш-Ларданар...

* * *

Специальный агент (а на время проведения операции «Землеройка» еще и чрезвычайный инспектор) лейтенант Петро Криница был бы полным идиотом, если бы вздумал выдавать себя за коренного обитателя Фронды. Если бы такая дурацкая мысль и взбрела ему в голову, то он ее оттуда выкинул бы напрочь, с часок потолкавшись в реденькой толпе, снующей по центру столицы Самостоятельной Цивилизации. Среди осунувшихся, серых от повседневных забот о хлебе насущном и от постоянной нехватки такового лиц его загорелая и упитанная физиономия выдавала себя с головой. Не способствовал мимикрии под фрондийского гражданина и немалый — под два метра — рост лейтенанта, дополненный вполне соответствующей атлетической комплекцией. Так что единственной «крышей», под которой он мог более-менее естественно смотреться в ходе выполнения порученного ему задания, был облик преуспевающего бизнесмена от спорта, прибывшего на планету, чтобы прицениться к местным рекордсменам на предмет вербовки их в одну из баскетбольных команд, делающих свой бизнес в Тридцати Трех Мирах. Тем более что баскетбол был тем немногим, в чем Криница хорошо разбирался вне рамок оперативной работы в федеральной контрразведке. Боевые искусства как «крыша» не проходили — такой выбор слишком ясно намекал на истинную специальность Петро.

Ну а выбрав такой облик, ничего другого не оставалось, как назначить местом встречи с коллегами бар прославленного скандальными историями своих клиентов ресторана «Активная органика».

Петро не знал даже, каких демонов подозрения пробудил он в душе Харви Смита — единственного фигуранта, оставшегося недопрошенным по делу «Крот», когда послал ему по стандартному каналу секретной связи вызов именно в это место отдыха и развлечений околоспортивной богемы Фронды.

Он не учел того, что времена здесь порядком изменились. Спорт давно перестал приносить фрондийским дилерам и импрессарио серьезные доходы — разве что от гастрольных выступлений в Федерации. Зато теперь в спортзалах и на тренировочных площадках активно пестовалась поросль боевиков на потребу самым различным заказчикам — от обычного криминалитета до «оптовиков» из Легиона. За последнее время замелькали на Фронде даже залетные вербовщики от разных подставных фирмочек, за которыми явственно читались такие экзотические в здешних краях заказчики, как Стража Харура и Ополчение дальних баз.

А выбранный Петро бар стал не только своего рода филиалом биржи наемников, но еще и постоянным местом сведения счетов между партнерами, не поладившими на этом поприще. Впрочем, ни одного убийства или несчастного случая в стенах этого преславного заведения полиция не зафиксировала. Она давно уже не совала туда носа — фрондийская

«криминалка». Просто из Обводного канала временами вылавливали трупы людей из спортивной мафии. Или находили таковые на помойке. Почти обязательно с порядочной долей зеленого шартреза в желудке. Проклятая приторная дрянь была фирменным напитком «Органики», а ее потребление — обязательным ритуалом тамошних завсегдатаев.

Криницу можно было извинить — в столице он не бывал давно. Его спецификой была периферия Самостоятельной Цивилизации.

* * *

Некоторое время Смит задумчиво изучал строчки коротенькой расшифровки, высвеченные на дисплее его компа. Задуматься ему было над чем: Петро приглашал его в такое место, куда легко пойти и не вернуться, при этом не оставлял ему никакого времени на размышления. Как и всякий работник со стажем, Харви Смит знал, что иногда Центр решает того или иного из своих «не оправдавших доверия» агентов устранить. Бывает, что и по ошибке... Прокрутив в голове с десятков вариантов возможного развития событий, он тяжело вздохнул и тронул свой кар (а размышлениям он предавался, сидя за рулем арендованного «Скайберд-турбо», поставленного в безлюдном тупичке за каменными громадами Мемориал-Лейн) по направлению к центру столицы. Оно и пора было: с полдюжины криминального вида тинэйджеров, кучковавшихся на противоположной стороне улицы, уже бросали весьма характерные взгляды на относительно приличную «тачку» с одиноким водителем, торчавшим за рулем. Ничего хорошего эти взгляды не предвещали.

Для того, чтобы не привлекать в «Органике» слишком много внимания, менее всего следовало выглядеть так, как Харви Смит выглядел сейчас: серо и незаметно. Чтобы быть незаметным в «Органике», надо было быть «крутым». Поэтому пришлось задержаться в «костюмерной» — под таким названием проходил в жаргоне нелегалов с «Эмбасси» шоп Марка Уолпола, в подсобке которого с агентами федеральной разведки и контрразведки происходили временами такие метаморфозы, которые и в бреду не могли бы привидеться самым отпетым из трансвеститов.

В этом была доля риска: если кому-то наверху взбрело в голову устранить Харви, то такая команда могла быть спущена сразу по всем каналам, не исключая и агента Тряпишника, то бишь того самого «старину Уолли», к которому катил «Скайберд-турбо». Но обычно так не делали.

Старина Уолли, видимо, был не в курсе дела и вел себя так же, как всегда: прикинул в уме смысл заказанного маскарада и сыскал в своих запасах подходящий для случая «прикид» — нечто кожаное, спортивного вида, с претензией на происхождение «от Сарански». Сверхмодный кутюрье с Террановы мог, конечно, считаться разве что вдохновителем истинных создателей того уродства, что пришлось напялить на себя Смицу, но вкус Марку явно не изменил — стиль «Органики» он выдержал точно.

— Ваш костюмчик побудет у меня? — осведомился он у хмуро созерцавшего свое отражение в зеркале Смита.

— Пожалуй, я прихвачу его с собой, — отозвался тот. — Возможно, придется менять шкурку в срочном порядке.

— Вам виднее, — пожал плечами старина Уолли.

Макияж Харви делать не стал, чем Марка огорчил. Риск быть узнанным среди той

публики, что потягивала зеленую отраву за ядовито-желтой стойкой «Органики», был равен нулю — среди знакомых Смита по Фронде сроду не было такого, кто переносил здешний шартрез. Еще раз осмотрев себя в зеркале, он признал, что на предполагаемом месте действия вполне потянет на «человека-невидимку». Смочил фиксирующим гелем волосы, чуть подровнял бритвой виски, переложил микроинъектор с кураре в карман нового «прикида» и на том остановился.

Таким он и прибыл в «Органику».

* * *

— Вот, — Нильс положил распечатанный конверт на стол. — Никаких сюрпризов, слава богу.

Ким благодарно кивнул ему, пододвинул конверт к себе и вытряхнул на стол его содержимое. Оно представляло собой всего-навсего небольшой прямоугольник плотной белой бумаги. Ким покрутил его перед носом и протянул Каю:

— Это, собственно, вам, следовательно...

— Пригласительный билет, — без особого энтузиазма пояснил Кай. — Номерной, на имя Джона К. Крюгера... На ужин в клубе «Изгнанник», в эту субботу. На обороте — записка. Господин Раковски напоминает, что ни «техники», ни свидетелей, ни наблюдателей предстоящий разговор не потерпит.

— Это условие, к сожалению, слишком легко выполнить, — вздохнул Ким. — «Изгнанник» — это прогулочное судно. Сравнительно небольшое. Берет на борт с полсотни пассажиров — точно по числу мест за столиками в ресторане на палубе — и убывает вниз по течению здешней Биг Ривер. Там часов шесть болтается в заводях, а потом возвращается на стоянку — менять «контингент». Затея модная, а оттого дорогая. Кроме того, хозяева за рекой присматривают, и испросить у них лицензию на такие по ней прогулки — дело не простое. Ну и места там — в пойме — впечатляющие. Воздух необыкновенный... В общем, ваш билетик, следовательно, стоит кругленькую сумму. Билеты эти расходятся по рукам за месяц вперед...

Кай с некоторым уважением посмотрел на белый с золотом прямоугольничек.

— Но не в деньгах дело, — Ким поскреб в затылке. — И не в очереди. При необходимости мы все-таки воткнем пару наших людей — если не в публику, то где-нибудь среди obsługi... Там нет сервисных автоматов — только настоящие официанты, повара и тому подобное... Но...

— Но при этом мы «засветимся», — понимающе кивнул Кай. — На «технике» тоже можно проколотся.

— Думаю, что «Изгнанник» выбрали неспроста, — подал свой голос до того безмолвствовавший за своим столом Мустафа. — Кораблик под полным контролем у здешних «людей при порошке». Так что номера с внедрением туда «запасных игроков» не пройдут...

— Тогда придется ограничиться дистанционным наблюдением, — пожал плечами Кай. — И... надо хорошо прикинуть, каким образом я смогу сигнализировать вам, если дело примет дурной оборот. Что-нибудь простое, что не подходило бы под их понимание «техники»...

— Это мы сообразим, — заверил его Мустафа. — И операцию захвата на такой случай проработаем до мелочей...

— В конце концов... — Кай продолжал задумчиво рассматривать пригласительный билет. — В конце концов, они же не полные идиоты, чтобы не понимать, что их партнеры просто не могут не подстраховаться, отпуская Крюгера на такие переговоры. Жаль только, что потеряно столько времени на нелепые маневры...

Маневры, которые осуществляли обе «высокие переговоривающиеся стороны», действительно, выглядели достаточно нелепыми. Люди Раковски назначали встречу то Яшми, то — Крюгеру, а то и им обоим вместе. Результаты их появления в назначенных местах и в назначенное время были примерно такими же, что и в самый первый раз — в часовне у загородного Дома Последнего Изменения: на месте действия, после долгого ожидания, появлялась какая-нибудь «шестерка» и безапелляционно сообщала, что разговор с шефом состоится в несколько иное время и в несколько ином месте. На третий раз Ким, руководствуясь, видно, своеобразным чувством юмора, ответил тем же — послал на встречу вместо себя Артура с распоряжением о переносе встречи на завтрашнее утро. После чего последовала пауза в отношениях с партнерами — то ли оскорбленными, то ли призадумавшимися над тем, не возник ли на горизонте некий конкурент. И вот теперь она — эта пауза — прервалась приглашением на ужин в плавучий клуб.

— Допустим, не все это время потеряно, — заметил Ким. — Если покупатели «пепла» мудрят и прячутся, то некоторые другие... люди из тени — назовем их так — прямо-таки обложили нас своими предложениями...

Федеральный следователь некоторое время смотрел на него молча, в размышлении.

— Считаете, что нам следует присмотреться к этим типам? Ну, хотя бы потому, что это может привести нас на источник контрабандных «иллюзий» в этой части Обитаемой Космоса?..

* * *

Бурная деятельность, развитая Реем Яшми в мире подпольного бизнеса Диаспоры, влекла за собой целый «хвост» побочных эффектов. Одним из них — довольно неожиданным — было появление на сцене тихих, совершенно незаметных, незапоминающихся людей, которые готовы были рассмотреть возможность некоего бартера — небольших порций «пепла» в обмен на подлинные панно «иллюзий Предтеч». Панно тоже, естественно, предлагали небольшие, но (в этом и состояла фантастичность ситуации) по столь низким ценам, что впору было заподозрить неладное.

Хотя «низкая цена» — это понятие, которое было и оставалось весьма относительным, когда речь шла об этих появившихся в Тридцати Трех Мирах сразу после краха Империи странных, тонких и полупрозрачных пластинах.

На первый взгляд каждый принимал их за плитки какого-то нездешнего минерала. И только в тишине и полумраке, приглядевшись к открывавшейся в них сумеречной глубине, люди замирали и начинали видеть там что-то свое... И не только людям виделось и чувствовалось что-то таинственное и значительное в этой мнящейся бездне. И чуткие, непредсказуемые корри, и на дух не переносящие ничего земного сукку, и ранарари — все без исключения известные в Обитаемом Космосе разумные существа от этих каменных

панно впадали в какое-то подобие каталепсии. И каждому там виделось свое.

В литературе Тридцати Трех Миров описания привидевшегося тому или иному автору в янтарной бездне, и романы, повести и рассказы, сюжеты которых навеяли эти видения, составили уже самостоятельный и довольно широко распространенный жанр. Единственное, что могла сказать по этому поводу наука, так это то, что в основе воздействия «иллюзий» на сознание разумных существ лежало образование в нем каких-то очень сложных образов, порождаемых голограммами, из которых состояли эти странные панно. Голограммы же представляли собой многочисленные слои сложного полимера. Воспроизвести «иллюзии» не удалось пока никому. Никому не удалось достоверно установить и их происхождение — «иллюзии» попадали в частные собрания, музеи и лаборатории всегда из десятых рук и всегда из неопределенного далека. Вполне естественно, что их творцами были признаны легендарные Предтечи, на которых в Обитаемом Космосе от века списывали все магическое и таинственное.

Так или иначе, находилось немало покупателей, готовых платить бешеные деньги даже за небольшие — с ладонь — плитки «иллюзий». Тем более что сама природа этих творений практически исключала возможность подделки. Как всякий дефицит, «иллюзии» со временем породили свой черный рынок, который, разумеется, вскоре пересекся с такими же рынками антиквариата, валюты, драгоценностей, предметов магии и, разумеется, наркотиков. Однако если со всеми этими материями существовала полная ясность в отношениях их с законом, то по части «иллюзий» законы всех Тридцати Трех Миров, а тем более — законы и традиции Диаспоры, хромали на обе ноги и довольно часто позволяли объезжать себя по кривой.

Так что ничего удивительного не было в том, что к объявившемуся в Диаспоре агенту полумифического держателя громадной партии «пепла» очень скоро стали подкатываться представители анонимных владельцев больших и малых янтарных панно, порождающих у зрителей странные видения и мысли.

Сначала и агент на контракте и федеральный следователь решительно обрубали эти «веточки» операции «Тропа» — в их планы не входило размениваться на мелочи. Однако по мере накопления неудач в продвижении по ее основному направлению и тот и другой стали все чаще сомневаться в этом своем решении. В конце концов, пролив какой-то свет на происхождение таинственных панно и на пути их перемещений в этой части Обитаемого Космоса, «Тропа» могла хоть как-то оправдать вложенные в нее средства и время.

С паршивой овцы хоть шерсти клок.

Принимая во внимание скользкий характер такого партнера, как Лешек Раковски, похоже, пришла пора за этот клок хвататься обеими руками.

— У вас не разболелась еще голова от всех этих дел? — Ким неопределенно повел рукой в воздухе. — Пойдемте выпьем по чашке кофе...

* * *

Петро Кринице за рулем прокатного «Рондо-стимула» тоже не было покоя. Ему, правда, не приходилось проявлять столь большую заботу о своей внешности: «залетный» он и есть «залетный», чтобы слегка выламываться из окружающего пейзажа. Его волновало другое. На операцию «Землеройка», которую ему было поручено возглавить, начальство отпустило

ничтожное время. То, что оно расщедрилось и подключило к делу еще и некую ранее законсервированную «группу Рейнолдса» да еще и договорилось о содействии с какими-то еще «консервами» от федерального управления, могло, на его — лейтенанта Криницы — взгляд, только порядком усложнить дело. Точь-в-точь, как с попыткой сократить срок появления на свет младенца, собрав вместе девять беременных дам.

Рейнолдс оказался задумчивым тяжеловесом, настолько привыкшим к своей роли содержателя частного таксопарка, что и в оперативной работе по линии «Эмбасси» мыслил, похоже, только категориями дохода с пассажиро-километров и льгот за соблюдение экологических норм. Его люди, хотя и подобранные из профессионалов, явно дорабатывали в составе законсервированной группы до пенсии и были несколько покороблены столь бестактным пробуждением их к жизни.

С людьми управления дело обстояло и того чище — Кринице было заявлено, что те «сами выйдут на него». Петро устал пялиться одновременно на дорогу и на экранчик заднего вида, на котором снова и снова выскакивала из-за корпусов обгоняемых «Рондо» машин юркая, пожарного цвета «Прерия», за рулем которой сидела довольно симпатичная, надо признать, девица, вцепившаяся пристальным взором в задний номерной знак «Рондо». Место рядом с водителем занимала зверского вида псина. Пытаясь уяснить себе, дает ли тем самым контрразведка Фронды знать, что вычислила Петро с первых же его шагов по планете, или это люди управления столь оригинальным способом проявляют свое уважение к чрезвычайному инспектору, Криница чуть не свихнул себе мозги.

А они — какие-никакие — сильно нужны были ему сейчас: начисто сгинувший со станции доктор Кульбах ни малейшей зацепки, по которой его можно было бы вычислить, не оставил. Удалось установить только, что среди пассажиров одного из челноков, убывших на поверхность, числился Мацумото Охира — лингвист, никогда на самом деле на Фронду не убывавший. Это позволяло сделать некоторые предположения. Правда, Криница с трудом мог представить себе почтенного, хотя и слегка эксцентричного доктора Кульбаха в роли выходца из Страны восходящего солнца, но факт оставался фактом. На Фронде, однако, следы Мацумото уже не читались, и факт повисал в разряженной атмосфере, в которой приходилось ползти вперед злосчастной «Землеройке». Что до Смита, на свидание с которым направлялся Петро, то номер этот, по его мнению, был заведомодохлым — Смит был человеком занудным и на роль двойного агента, на взгляд Криницы, не тянул. Если же дело обстояло так, то в поисках Кульбаха от него было не больше проку, чем и от всей остальной, прикомандированной к чрезвычайному инспектору братии.

Криница тяжело вздохнул. Следовавшая за ним по пятам «Прерия» наконец утомилась своим занятием, рванув вперед, обошла «Рондо» и скрылась за движущимся впереди «Принц-Консортом». Петро снова вздохнул — на этот раз облегченно.

* * *

— Дадим ему передышку, Тино, — бросила, сидевшая за рулем «Прерии» молодая женщина с тонкими, даже изящными чертами лица своему спутнику, устроившемуся на заднем сиденье. — Человек нервничает. И потом сворачивать ему здесь некуда. Постоим в тени — под навесом у «Органики», пока он не проедет мимо. А то Бастинда страдает от жары.

Она с любовью посмотрела на вывалившуюся язык псину.

— А кондиционер включить — слабо? — вяло поинтересовался Тино.

— Простудим собачку, — строгим голосом отвергла кощунственное предложение красotka за рулем и прибавила скорость еще на пяток километров в час.

— Притормози! — с тревогой в голосе остановил ее Тино. — Он свернул к обочине — к киоскам с сувенирами. Вылез. Покупает чего-то. Не видно ни шута... Идет к машине. Теперь — вперед. Трогай!

* * *

Для того чтобы выпить чашечку кофе, вовсе не стоило покидать теплого и накуренного подвальчика «секретной части» и подниматься в гостиную, наполненную запахом дождя, рушившегося за окнами на сады и коттеджи Диаспоры, на мрачную громаду леса, на гладь реки, на пустоши, тянущиеся к далеким, скрытым завесой падающей воды горным хребтам Аррики.

И ежу было понятно, что агент и следователь хотят поговорить без свидетелей. Мустафа переглянулся с Нильсом, Нильс — с Артуром. Манич откинулся в кресле, выпустив в потолок тонкую струйку сигаретного дыма. Все четверо проводили шефов, взбравшихся по винтовой лестнице, чуть ироничными взглядами.

— Вот что, — начал Кай, включая электрокофейник и начиная колдовать над ручной кофемолкой, сработанной под старину. — Мне кажется, что у вас возникли свои соображения относительно этих не в меру упорных торговцев «иллюзиями». Признаюсь, у меня тоже возникли определенные мысли на этот счет. Пора ими поделиться. Вам так не кажется, агент?

— Видите ли... — Ким почесал в затылке и, чтобы не стоять без дела, принялся расставлять на столе сахарницу и пару кофейных чашек, тщательно выдувая из каждой накопившуюся пыль. — Видите ли, Санди, мне с самого начала не давала покоя одна мысль: до того, как Хубилай — там, на Фронде, — перехватил инициативу у своего конкурента... у Фостера...

Он закончил с чашками и сахарницей и принялся разыскивать в выдвижном ящике чайные ложки.

— ...так вот, — продолжил он, — до этого у Фостера существовал какой-то свой контрагент в Диаспоре... Свой покупатель — не тот, что стоит за Раковски... Мне эта мысль не давала покоя. И в конце концов я вспомнил. Ведь «Фостер» — это кличка? Настоящее имя — Рудольф Фрост?

— Да, — подтвердил Кай.

— Так вот. Я с этим именем сталкивался еще до проблемы с «пеплом». Фостер, или Фрост — одно из самых заметных лиц в обороте предметов искусства... сбывал «иллюзии» на Мелетту...

— Ч-черт...

Теперь в затылке поскреб Кай.

— Вы хотите сказать...

— Так в том-то и дело, что сказать мне нечего, — пожал плечами Ким. — Ну да, Фостер приторговывал «иллюзиями» и «пеплом». На Фронде. Ну да, торговцы «иллюзиями»

рвутся найти торговца «пеплом». На Инферне. Можно только предполагать... предполагать, что Фостер обещал кому-то здесь огромную партию «пепла» в обмен на не менее огромную партию «иллюзий». Но, сами понимаете — такое предположение повисает в воздухе...

Некоторое время Ким сосредоточенно наблюдал, как федеральный следователь добросовестно вращает ручку антикварной кофемолки.

— Зря вы ее вертите, — опомнившись, произнес он, — вы уже промолотили все до зернышка...

Кай прекратил бесцельное верчение бронзовой ручки, выдвинул ящичек с намолотым порошком и засыпал его в готовый кипяток.

— Напрасно вы держали это в себе, Ким... Это, конечно, гипотеза, но — интересно смотрится. Ведь ваши провокации — я имею в виду поведение Рея Яшми — можно было воспринимать как попытки восстановить тот первоначальный контакт. Так, наверное, вас и понял кто-то...

Ким смущенно потер переносицу, приюхиваясь к распространяющемуся по комнате запаху свежесваренного кофе.

— Знаете, я позволил себе... Короче, я напряг Нильса и Мустафу посторонним заданием: дал им немного походить по следам тех типов — а их было четверо, — что подкатывались ко мне с предложениями об «иллюзиях»... Ну и... В общем-то это не заняло много времени — все четверо представляли одно лицо... Можно было даже не тратить время на слежку. Свен Севелла — единственный, по сути дела, коллекционер «иллюзий» в Диаспоре. Я уже скачал в наш комп те файлы, что на него заведены у Службы безопасности, у полиции ранарари и то, что есть в федеральной сети. Всю дорогу меня мучило подозрение, что я зря трачу время, но...

Он смолк, наблюдая, как Кай разливает кофе по чашкам.

— У вас все? — осведомился тот.

— По существу — все, — вздохнул Ким. — Но ведь, кажется, и у вас были какие-то свои соображения на этот счет?

— Были, — согласился Кай. — Но совершенно другого плана.

Он помолчал, рассматривая безупречно ровную поверхность налитого в чашку крепкого «мокко».

— Я, понимаете ли, заинтересовался проблемой с другого, так сказать, конца. Мне не давала покоя связь между торговлей Камнями, о которой вы мне кое-что рассказали, и траффиком «пепла». Тем более что именно с Торговцами Камнями связались наши подопечные с «Ганимеда»... Как видите, я тоже пошел по довольно шаткому мостику, — он машинально покрутил ложкой в кофе. — Но выяснил довольно удивительные вещи... Торговцы Камнями не меняют их на «пепел». Они берут только деньги. Причем желательны купюры Федерации... Тут у меня вышел облом. А вот их конкуренты — те, которых называют «стервятниками», с ними все как раз наоборот. Они — крупнейшие перекупщики «пепла». Но они никогда и никому не предлагают купить у них Камни. Они предлагают в обмен на «порошок» совсем другой товар. Угадайте, агент, с трех раз — какой?

— Неужели «иллюзии»? — Ким даже не донес чашку с кофе до рта.

— Именно, — кивнул Кай. — Интересная вырисовывается схема?

— Осталось узнать, кому «стервятники» сбывают Камни в обмен на панно Предтеч, и... — Ким не стал оканчивать фразу.

— Ну что же... — федеральный следователь оторвал взгляд от дымящегося напитка и

перевел его на собеседника. — Всякая инициатива наказуема, агент. Ее же исполнением. Вам необходимо немедленно выйти на Севеллу. Что до его агентов — всех четверых, — которых вы отпасовали, то сошлитесь на элементарную осторожность. Я же отправляюсь на встречу с милейшим Лешиком. И еще... Мне необходимо связаться с этим Домом... А лучше всего — добраться до него самому...

Ким пожал плечами.

— Сие зависит от того, с какой лапки соскочит по утру со своего насеста господин Лирига... Однако кофе остывает...

Оба проглотили содержимое своих чашек залпом — словно пили за удачу. И оба мученически скривились.

— Да, — заметил федеральный следователь, — сахар придает кофе неприятный вкус... когда забываешь его туда положить...

* * *

«Ох, боже мой, какие тут тачки стоят! — удивился Криница, припарковываясь на единственный свободный клочок стоянки перед ужасающе ярким фасадом „Активной органики“. — И это — посреди буднего дня! Похоже, контингент посетителей тут порядком изменился. А еще говорят — планета катится в экономическую пропасть... Ну да ладно, среди „крутой“ публики разговор круто и повернем. Оно и быстрее будет, и повеселей».

Мысль эта была не совсем удачной.

* * *

— Зараза! — воскликнула владелица «Прерии», увидев, что Петро решительным шагом направился от своего «Рондо» к гостеприимным дверям, ведущим в сумеречное нутро «Органики». — У него здесь с кем-то рандеву. Внимание, Тино! Я пойду поработаю на прикрытии...

— Нет, Алена, — остановил ее Тино, выбираясь из кара. — Ты там не смотришься. На прикрытие пойду я.

Тино — кося сажень в плечах, медальный профиль потомственного мафиози, богемный «прикид» — действительно смотрелся в интерьере «Органики» куда лучше своей утонченной спутницы. Алена с этим согласилась без возражений.

— На вот, возьми «пушку», — пробормотала она, роясь в отделении для перчаток, которое в данном случае более соответствовало своему русскому прозвищу «бардачок». — Тьфу, черт! Опять забыли «ствол» дома!

— От «ствола» одни приключения! — отмахнулся Тино. — На хрена мне «ствол» — возьму Бастинду.

* * *

Народу в баре, несмотря на обилие дорогой автотехники на стоянке, было не так уж

много, и найти друг друга Смиту и Кринице не составило труда.

Им не потребовалось обмениваться паролями и кодовыми фразами для того, чтобы узнать друг друга. За длинным столом в кабинете подполковника Дель Рея, на оперативках и «разборах полетов» они всегда сидели почти напротив друг друга. Поэтому, устроившись по левую руку от Смита у стойки, Петро позволил себе начать разговор не с положенного по сегодняшнему протоколу: «Мы не виделись с вами на гонках в Рио-Маре?», а с более привычного и естественного: «Что будем пить?»

— Здесь пьют шартрез, — уведомил его Харви совершенно нейтральным тоном.

— Ну, что же — я пригласил, я и угощаю...

Петро щелкнул в воздухе пальцами.

— «Шартрез», будь добр, — скомандовал он обратившему на него наконец внимание бармену.

До того момента тот с интересом наблюдал за бурным диспутом между охранником и южного типа субъектом, настаивающим на праве быть допущенным в зал вместе со своей псиной. Вид пса внушал трепет.

— Графин? — лениво осведомился служитель Бахуса.

Даже сроду не числившийся в завсегдатаях «Органики» Смит понял, что бармен обнаглел сверх всякой меры: традиционную для «Органики» отраву обычно подавали в рюмочках-наперстках и заказывали завсегдатаи обычно не больше двух таких наперстков за раз. Другое дело, что разов этих набегало за вечер основательно... Но перспектива насолить чрезвычайно инспектору, заставив его вылакать неполный литр липкой и приторной дряни, показалась ему достаточно привлекательной.

— Разумеется! — перехватил он инициативу. — Каждому! Ну и закусить — что там у вас?..

Петро с подозрением посмотрел на мгновенно появившуюся перед ним сложной формы емкость, заполненную ядовито-зеленой жидкостью, кивком поблагодарил бармена и нацедил себе ее ровно столько, сколько и его партнер — полный наперсток.

— Прозит! — чуть иронически провозгласил Смит.

— Прозит! — отвечивал Петро и опрокинул шартрез в не узкий проем рта. После чего понял, что пора переходить к делу.

— Дуже гадко, однако... — прокомментировал он результат дегустации. — Но ты пей, пей, Харви... Бог весть когда еще придется...

Подозрений в отношении Смита он не питал. Но работа есть работа. Действуя по выбранному им «крутому» варианту, Петро был обязан напугать подследственного до поноса. На худой конец — удивить до той же степени. Глядишь, что и обнаружится. Хотя бы косвенно. А коли нет — так нет. Удастся ли потом свести дело к шутке или Харви останется на всю жизнь обижен на своего коллегу — дело в конце концов житейское. Должен понять, если не дурак.

— О чем это ты? — Смит воззрился на Криницу с удивлением, но без малейших признаков паники.

— Об этом! — Петро швырнул на стол нечто пушистое, оправленное в темный металл.

Лапку «подземного духа» с планеты Джей.

— Федеральный следователь просил вернуть тебе это. С соответствующей благодарностью...

Идея этого несложного психологического трюка пришла к нему спонтанно при виде

пыльных рядов сувенирных лавок, уныло сгрудившихся на перекрестке людных когда-то Цезарь-штрассе и проспекта Демократии. Он с необыкновенной ясностью вспомнил, что целые связки тех самых «приносящих счастье» лапок, про одну из которых ему прожужжал уши на инструктаже перед отправкой на задание подполковник Дель Рей, он видел в один из давних своих наездов в столицу Самостоятельной Цивилизации именно здесь.

Воспоминания не подвели его: дурацкий оберег — в полудюжине экземпляров — украшал витрину казавшейся заброшенной лавки. Посвистев немного, ему удалось вызвать к жизни и ее хозяина — сморщенного, как сушеный гриб, африканца, который запросил было за товар втридорога, но быстро сбавил цену и даже прошелся по товару метелочкой, подняв в воздух уйму пыли. Конечно, в другой раз Криница и даром бы не взял эту подделку под инопланетный оберег, но в этот раз игра, как ему показалось, стоила свеч.

И он не ошибся.

Лицо Смита изменилось.

Неуловимо — но изменилось.

— Не понял, — сказал он, равнодушно поднося фальшивый оберег к глазам.

И снова выдал себя еле заметным движением мышц щек. Оберег был не тот. На лицо Харви легла тень облегчения.

Тени о многом говорят. Иногда они говорят больше, чем самые веские улики. Тени чувств, эхо эмоций...

«Неужели все-таки...» — подумал Петро. И понял, что тоже выдал себя.

— Не понял, — повторил Харви, неловко кладя оберег на край стойки.

Тот соскользнул на пол.

— Ты нервничаешь, — усмехнулся Петро, машинально наклоняясь, чтобы подхватить вещицу в воздухе.

Это была еще одна его ошибка.

Дальнейшие события уложились в десяток секунд.

Графин шартреза раскололся о макушку Криницы. И хоть крепка была макушка, не зря пропал сосуд — перед глазами Петро провернулись огненные жернова, и он выбыл из игры на ближайшие полчаса.

В руке Смита сверкнул микроинъектор.

От двери прозвучало громовое: «Фас, Бастинда!!!»

Публика, сказав «Вау!!!», шарахнулась по сторонам.

Бармен с изменившимся лицом потянул из-за пояса «смит-и-вессон». Но вытянуть не успел: Харви Смит, узрев несущуюся на него со скоростью курьерского поезда псину-киллера, не теряя времени перемахнул через стойку, смахнув бармена на пол, и так — в полете — и был ухвачен собачьими клыками за мягкие части своего тела. Впрочем, не слишком удачно: оставив в этих клыках часть своей благоприобретенной у старины Уолли амуниции, он невероятным телодвижением вырвался и, сиганув через стойку в обратном направлении, ринулся к выходу.

Препятствовать ему никто не стал. Каждый был занят своим делом: Бастинда разбиралась с оказавшимся под ней барменом, Петро с залитой кровью физиономией, блаженно улыбаясь, созерцал что-то одному ему известное, любопытные лезли к месту действия, мешая пробиться туда же полудюжине охранников, благоразумные в беспорядке отступали. Обломки отлетевшего в зал и так и не успевшего сделать свое дело микроинъектора хрустели у них под ногами.

— К ноге, Бастинда! — приказал Тино, и сына, продолжая злобно рычать, подчинилась ему, прекратив тем самым начинавшуюся панику.

На улице взревел движок «Скайберда», и звук его исчез вдали.

Тино присел над Криницей, пытаясь определить тяжесть травмы.

— Ваша с-собака на людей б-бросается! — пожаловался бармен, появляясь из-за стойки и выплевывая застрявшую в зубах шерсть.

— Да... — убедительно глядя ему в глаза, согласился Тино.

Бармен как-то сразу притих. Тино мог быть убедительным, даже без «смит-и-вессона».

— Да ты и сам в долгу не остался, Али! — с иронией заметил бармену один из охранников.

— Это — за выпивку и битую посуду, — Тино достал бумажник. — Других претензий нет?

— Это ваш приятель? — спросил второй охранник, не столь склонный к иронии, как его коллега, кивая на распростертого на полу Петро.

— Да, мой, — сказал Тино. — Все видели, что не он начал драку. Он — пострадавший. Обойдемся без полиции?

Он добавил пару бумажек к той пачке купюр, что уже выложил на стойку.

— Ладно, — согласился подоспевший метрдотель, сгребая деньги со стойки и окидывая собравшихся строгим взглядом. — Ваш приятель перебрал, упал и расшибся. Ваша собака не пугала бармена. Наш бармен не кусал вашу собаку... Все извинились друг перед другом. Все так?

— Так, — согласился Тино.

Он поднял с пола и сунул бармену в желтый карман лапку «подземного духа».

— Оставь эту штучку себе на память. По-моему, джентльмены не поладили из-за нее.

Он стал осторожно поднимать Петро, перекинув его плетью повисшую руку себе через плечо.

— Если это ваш приятель, то заберите его скорее отсюда, — одобрил его действия хмурый охранник. — Надеюсь, он не будет поднимать шума, когда оклемается. У вас в машине есть аптечка? Хотя я сейчас дам вам нашу... Ему надо срочно остановить кровь — он уделает нам весь пол, пока вы его донесете...

— Господи, Бастинда! — между столпившимися над Криницей ротозеями протиснулась субтильная, но энергичная фигурка Алены.

Она склонилась над зверюгой, стараясь заглянуть ей в глаза.

— Васенька моя... Тебе не сделали больно?

Сидевшая с опущенной головой Бастинда искоса глянула на хозяйку и обиженно зарычала.

Дичь ушла от нее.

* * *

Дурная Трава сидела рядом с Кириллом и в то же время была бесконечно далеко от него. Сейчас без боевой раскраски и без одежды вообще, она, как ни странно, смахивала на эльфа. Немного дистрофичного, стриженного кровельными ножницами эльфа. Лесного духа отрешенности. Эльфа со шрамом под левой лопаткой. Курящего сигарету за сигаретой эльфа.

Эльф не обязан быть нежным.

Кирилл, боясь потревожить эту ее отрешенность, поднялся и стал собирать с пола свою одежду, валявшуюся там с вечера... Подошел к начинавшему светлеть окну. Осторожно оглянулся на Траву.

«Господи, — подумал он. — Кажется, я переспал с несовершеннолетней. Одно извинение — не принято спрашивать у женщин их возраст... Хотя, бог весть, кто был ее первым мужчиной и когда... Это — не тот мир, чтобы гадать...»

Он вновь перевел взгляд на окно.

Там, в долине, тьма все еще стояла над чернеющим в тени горных хребтов городом. Таким странным, из домов-деревьев сплетенным городом. Из домов-деревьев, среди которых, словно гости дурного сна, притаились особнячки землян — а-ля девятнадцатый век... Но пока еще не город это был — его ночная тень. Но в небо над ним, в глубокую утреннюю высь, уже взлетали жемчужные облака.

Кирилл присмотрелся: облака эти составлены были светлыми зернами. Да нет, не зерна то были — птицы... Невероятно красивые и странно знакомые ему... Жемчужно-белые, стремительные, они образовали над долиной светлый смерч. Смерч, состоящий из кажущихся отсюда, издалека, такими миниатюрными, остро выписанными пером Создателя и безнадежно далекими от этого мира творений. Светлых теней в рассветном небе.

И смерч этот ширился, захватывал все больше и больше пространства. От него начинало рябить в глазах. Теперь они были уже здесь — над самой крышей монастыря. Стало видно, что они совсем не малы, эти неземные творения. Размах крыльев их далеко превосходил размах рук человека.

Теперь Кирилл вспомнил. Что-то очень давнее. Уже переставшее быть реальностью. Площадь Трех Птиц. Каменные фигуры над бассейном фонтанчика, в который он школяром бросал на счастье монетки перед экзаменами. Ангелы Инферны. Маррон их привез на Фронду отсюда. Давным-давно.

Они были уже здесь... И на землю обрушились их голоса. Тоскливые и радостные одновременно.

Кирилл остолбенел. Повернулся к Карин:

— Это... Это они кричали там, на Ларданаре?!

Трава рассмеялась.

— А ты и этого не знаешь? Это же они приносят Камни...

— Откуда? С неба, что ли?

— Ну, ты даешь... Они же в них созревают, эти Камни. А на Аше они их из себя... ну исторгают. Мучаются ужасно. Кричат. И вслух и... так. Только такие, как я, могут это слышать. А потом улетают назад — на Острова. Может быть, умирают там. А может, живут бог весть сколько. Никто не видел мертвого Ангела.

— Это что — их... яйца? — Кирилл чуть было не поперхнулся от своей столь прозаичной догадки.

— Чудак! — снова рассмеялась Карин. — Совсем ничего не знаешь про здешние дела... Это ранарари в них вкладывают зародыши... Личинки. И отпускают на волю. Как вот сегодня. Сегодня — Обряд Освобождения... А затем они улетают на Острова. Там Камни в них созревают. Как в живых инкубаторах. Много лет. А потом они летят на Ларданар... В Странные ночи. И там оставляют уже созревшие Камни.

— А ранарари... Откуда они их берут — зародыши эти... И Ангелов... На Островах ловят

что ли? — все не унимался Кирилл, пытаясь понять сложные взаимоотношения между Камнями, ранарари и невесть откуда взявшимися здесь Ангелами...

— Да нет, — терпеливо продолжала просвещать его девушка. — Они сами к ним прилетают. Из роц забвения. Они туда, наверное, с Островов привозят их коконы... Это дело такое — окруженное тайной. Из роц они летят туда, где ранарари живут... Тянет их туда. И ранарари их привечают. Каждая семья держит Ангела. А богатые — помногу. Только сейчас их развелось до черта. Так что аж курятники какие-то для них Диаспора подрядилась строить. «Черти» их уважают очень — Ангелов... А зародыши... личинки... Это стремно все, говорю тебе.

Докурив сигарету, она подошла к кровати, резким движением стянула с нее покрывало и, по-детски пошмыгивая носом, закуталась в него. За окном шум и гвалт все нарастали. Чуть повысив голос, чтобы быть услышанной, Карин добавила:

— Они, наверное, из старых Камней и образуются. Они ведь не очень вечные — Камни эти. А то б переходили из поколения в поколение Почти каждая семья раз в четыре года непременно приобретает новый Камень. И денег на то не жалеет...

Она на мгновение задумалась о чем-то о своем, затем, зябко поеживаясь, поплотнее укуталась в покрывало, взяла с прикроватной тумбочки очередную сигарету.

— Наверно, они распадаются. Камни. И от них остается что-то вроде личинок... Но это только Посвященные знают. Такие, как Фальк..

— А твой Камень? — озабоченно спросил Кирилл, протягивая ей огонек зажигалки. — Он цел?

Карин дернула плечом.

— Это долгая история. Ты не поймешь. Мне пришлось его отдать...

Кирилл, многозначительно глянув на нее, понял, что ему действительно никогда не понять этого сумеречного, замороженного секретами мышления народа, шатающегося по Аш-Ларданару. И самих этих секретов — тоже. И вообще, все, что с Ангелами связано, и впрямь оказалось стремно. Никто не знает даже того, что случилось с теми тремя птицами, что Эдвард Маррон привез на Фронду.. Может, до сих пор порхают где-то под ее неудачливыми небесами... Или стоят каменными изваяниями на площади Трех Птиц...

А подумав про эту площадь, он вспомнил и о той, кого встретил на ней однажды. Это — столь далекое здесь и сейчас — его воспоминание о первой любви, о Ганке, остро кольнуло его, заставило вздрогнуть.

— Тебе холодно, — окликнула его Трава. — На, держи! Вчера в городе купила. Сразу после торгов. Для тебя.

С легким удивлением Кирилл на лету поймал люксовый, с затейливым рисунком пакет и вытряхнул из него пижаму, расписанную драконами.

— Это мой тебе подарок, — улыбнулась Трава. Так, как будто улыбалась первый раз в жизни — неумело и неуверенно.

— Это слишком дорогая вещь, — растерянно промолвил Кирилл, стараясь придать как можно больше тепла своему голосу. — Шелк из Метрополии. Даже, кажется, прямо из Китая. Только я — не из той оперы. Не аристократ. И даже не рыцарь. Простой наемник. А ты мне делаешь такие царские подарки... Смущаешь.

— А я и заработала по-царски, — пожалала острыми плечами Дурная Трава. — За те годы, пока ошивалась по Ашу. Могу себе позволить. Я теперь очень богатый человек. Хоть меня и обирали по-черному, насиловали, даже пыряли ножиком. Теперь могу купить дом в

Метрополии. Даже много домов. В Париже, например. Или в Риме — мой род оттуда. А лучше — в Киеве. Это самый красивый город, который я видела...

— Ты бывала в Метрополии? — Кирилл уже перестал удивляться тому богатому жизненному опыту, который перепал этой на вид девочке-подростку.

Трава, проигнорировав его вопрос, продолжала:

— Там у меня будет свой дом. И еще дом... Много домов. И много машин. И яхты. И еще — что там еще можно купить за деньги?

Она поискала в пепельнице «бычок». Нашла и зло запустила его в угол.

— Ты полетишь со мной? — вдруг резко спросила она Кирилла

— Чтобы жить там на твои деньги? Ты знаешь, ты самая... Ты лучшая баба, с которой мне приходилось просто даже разговаривать. И мне от тебя никуда не деться. Но так не получится...

— Хорошо, я просто не дам тебе ни гроша! И даже пижаму эту дурацкую заберу назад! Такой, как ты, сам сумеет заработать на жизнь. И на проезд... Но ты будешь со мной?

— Тогда полечу.

Кирилл взял цветастый пакет и перебросил его на кровать. Улыбнулся.

Но личико Травы вновь стало каким-то отрешенным. Стало маской.

— Только я вру. Никуда я не полечу. И не стану покупать дома на Земле. Не получится. Я слишком хорошо знаю свой род. Точнее — женщин Малерба... Только на Ларданаре нам хорошо... Только на Аше... Только там мы, Малерба, бываем сами собой. И Камни с нами разговаривают...

Она посмотрела сквозь Кирилла безумными глазами. И это не было безумием психованной девчонки. Это не Карин говорила с ним. Это было что-то другое. Не имеющее отношения ни к чему человеческому.

— Никто не знает свою судьбу. А я знаю. Уже которое поколение как...

Теперь она смотрела не сквозь него. Нет — зрачки в зрачки.

— Я никуда не уйду с Ларданара... Буду говорить с Камнями. Стану старой. Очень старой и очень богатой. Сойду с ума. Научусь колдовать. Превращусь в безумную ведьму. В страшную, всем ненавистную ведьму. Злая смерть придет за мной, и я буду с ней резаться в карты ночами. Проиграю. И умру...

— Ты останешься со мной?..

* * *

Небесный водоворот светлых теней стал выпрямляться, развернулся в еле различимую в светлеющем небе струю. И струя эта потянулась вдаль — за оскаленные хребты Аш-Ларданара. Стала невидимой. Истаяла. В небесах вновь стало тихо.

Микис смотрел в них и шептал странные, неведомо откуда к нему пришедшие слова. Он снова был один.

В эту ночь его незримый друг простился с ним. Да уже и раньше — после ущелья — он ощущал это... близость прощания... «Ты слишком поздно забрал меня с этих камней» — нашептывал ему неслышимый голос. И говорил о прощании. Говорил с тоской, которая, переполнив душу владельца «Риалти», заставила его проснуться. Вынырнуть в это жемчужное, вдруг онемевшее утро.

И теперь, стоя у забранного редкой решеткой окна, он с тоской смотрел в опустевшую высь. Она была сейчас отражением его души — ни к чему не пригодным пространством, раскинувшимся во все измерения Вселенной. Вселенной, в которой он ровным счетом ничего не потерял.

То, что он потерял, было здесь, совсем недавно было. Камень, который он, ложась спать, оставил на широком подоконнике, исчез. Нет, он не был украден. Прожженный жулик и циничнейший из дельцов Фронды (да еще и полудюжины Обитаемых Миров) шестым чувством ощущал это. Лишь на зеленоватой мраморной плите подоконника остался след — темное пепельное кольцо, оконтурившее истаявший, в ничто ушедший красноватый булыжник.

И еще там было несколько жемчужных перышек. Прекрасных и почти невесомых. Одиночество снова было с ним.

* * *

И Анатолий Смольский тоже не спал в это раннее утро. Собственно, он не спал и всю эту ночь. Очередной раз бес вдохновения овладел им. С терминалом, который по его просьбе принесли к нему в келью, он попросту не сладил. Техника ранарари, даже адаптированная умельцами Диаспоры, была ему не по зубам. Пришлось работать так, как это было привычно древним — электрокарандашом по бумаге.

В этом Анатолий обнаружил неожиданную прелесть. До сих пор он, как и все нормальные люди, имел удовольствие зреть выходящие из-под пера рукописные буквы, лишь расписываясь в чеке или ином документе. Сейчас же он ощутил наслаждение, ведомое лишь древним мастерам, — наслаждение самому вырисовывать письменный текст. Совсем иные структуры моторной психики оказались вовлечены теперь в процесс его творчества. Совсем иные, нежели те, что возбуждались от ударов кончиками пальцев по клавиатуре... И совсем иные ассоциации рождались в его сознании. Прочитав первые, написанные в эту ночь строки, он понял, что написаны они не Анатолием Смольским. Совсем другим человеком. И это ему понравилось. Он давно уже устал от себя.

С бумагой, конечно, тоже были проблемы — откуда в Доме Последнего Изменения взяться писчей бумаге? Но полсотни разношерстных листков — главным образом случайно сохранившихся счетов, квитанций и других непонятных документов, заполненных только с одной стороны, для него нашлось. Почти весь этот скудный запас писчего материала он извел. Пережитое — неожиданное и нелепое — двигало его пером. Сюжеты, эпизоды, красочные портреты персонажей выливались из него с непреодолимой силой. Он не слышал рушащегося с небес гомона ангельских стай. Только наступившая тишина заставила его остановиться.

* * *

И в тишине этой он услышал еле слышный стук в дверь. Даже не стук, а так — поскребывание...

Смольский сурово откашлялся.

Поскребывание смолкло. Но уже через минуту возобновилось. Стало чуть настойчивей. «Мыши у них тут завелись, что ли? — подумал литератор. — Да нет. Мыши все больше по полу шастают. По щелям...»

Щелей в Доме не водилось. Серый монастырь был построен на совесть.

Смольский откашлялся снова.

События повторились в той же последовательности. Только на этот раз период затишья заметно сократился, а степень настойчивости производителя шумов так же заметно возросла.

В конце концов это мешало работать.

— Да войдите вы! — с раздражением крикнул Анатолий невидимому озорнику.

Дверь бесшумно отворилась, и на пороге обозначилась невысокая фигурка в униформе, напоминающей одеяния сестер милосердия времен Первой мировой войны. Личико посетительницы, почти скрытое крахмальным чепцом, вполне гармонировало с ее одеянием — молоденькое, чистое и розовое, с ямочками на щеках и губками бантиком.

— Простите меня, — изрекли эти губки.

— Не прощу, — строго ответил Анатолий. — Вы мне помешали работать.

— Ах, боже мой! Я не знала... Я думала, что вы, как все, наблюдаете Обряд...

Посетительница выразительно указала глазами за окно и тут же вновь потупила взгляд.

— Кто вы такая и что вам от меня нужно в такую рань? — не изменяя взятому с самого начала разговора суровому тону, осведомился Анатолий. — Опять какие-нибудь прививки? И не стойте на пороге, пожалуйста. Здесь ужасный сквозняк.

— О, вы меня узнали! — радостно встрепенулась ранняя гостья. — Это я делала вам укол вчера утром... Меня зовут Аннабель. Аннабель Коллинз... Я очень люблю ваши книги. Я их собираю — у меня все есть. Все двадцать четыре. Вся серия о Хромом.

Вообще-то в творческом багаже Смольского насчитывалось уже пятьдесят шесть различных вариантов походов Хромого, а узнать кроткую Аннабель он не мог, так как при получении одной из восемнадцати обязательных для гостей Инферны прививок был обращен к медсестре отнюдь не лицом.

Однако дело было не в этом. Ранний визит юной дамы, оказывается, ничем не грозил автору всемирно известного сериала. Задача, как говорится, сводилась к тривиальной — предстояло удовлетворить жажду очередной поклонницы творчества Анатолия Смольского в лицезрении самого творца.

— Не знал, что и на Инферне читают мои вещи, — уже менее строго произнес отец-создатель культового героя. — Что ж, будем знакомы...

— Не могли бы вы... — униженно пискнула Аннабель и извлекла из-под кипенно-белого фартука экземпляр «Сюиты для Хромого» — относительно недавнего опуса, написанного Анатолием по материалам дела о контрабанде «иллюзий Предтеч» — одного из самых странных видов произведений искусства, имеющих хождение в Обитаемом Космосе. — Не могли бы вы украсить эту книжку вашим автографом? — выпалила девушка заготовленную, видно, заранее фразу и симпатично зарделась. — Я никому не выдам, что вы... что вас у нас... Господин настоятель нас, конечно, строжайше...

— Не беспокойтесь, девочка, — великодушно успокоил ее мэтр. — Я не сомневаюсь, что вы нас тут не подведете.

Он привычным, хорошо отработанным движением раскрыл перед собой титульный лист неплохо изданного бестселлера и размашисто начертил на нем свои наилучшие пожелания

юной читательнице. В заключение, в порыве щедрости, он протянул девице Коллинз массивный электрокарандаш, которым совершил этот свой акт общения с аудиторией. Как-никак она была его первым поклонником в этом невероятно далеком Море, в который он и не думал попасть когда-либо в обозримом будущем.

— Держите на память, девочка! Это не просто приспособление для бумагомарания. Этим, так сказать, пером, я сегодня начал свой новый роман. Хотите, я посвящу его вам?

— О нет! — испуганно возразила девица.

И, словно героиня романа восемнадцатого века, смущенно добавила:

— Это была бы слишком большая честь для меня... А как будет называться книжка?

— «Хорал для Хромого»! — уверенно ответил Анатолий и подумал: «Назову героиню Аннабель. Чем не имя?»

Мэтр был совершенно доволен собой. Он еще не осознал, какую оплошность совершил: Аннабель благодарно пискнула и исчезла за дверью. Через пару часов она вернулась со своей лучшей подругой, которая тоже держала под фартуком очередной томик, украшенный псевдонимом и хорошо отретушированным портретом Анатолия.

К вечеру от постоянного писания авторских пожеланий и посвящений у Смольского стало сводить кисть правой руки. На следующий день, когда число розданных автографов пошло на вторую сотню, он с тревогой заметил, что кое-кто из жаждущих приобщиться к неожиданно объявившейся в его лице благодати, вовсе не напоминает послушников Серого монастыря. И верно — на площадке перед Домом можно было заметить несколько каров, прибывших скорей всего из города. К вечеру второго «дня открытых дверей», как назвал это событие по себя Анатолий, Аннабель привела к нему первых сукку.

— А им-то это зачем? — поразился Смольский. — Они же ни черта не соображают в людских делах... И что я буду им писать в пожеланиях?

— Вы знаете, — зашебетала Аннабель, — обычно сукку очень враждебны к людям... Но те из них, которые... которым удалось преодолеть этот свой недостаток... Они так чувствительны к любому их ущемлению.. И теперь, когда они видят, что все, кто хочет, получают автографы.. Не стоит их обижать... Напишите им что-нибудь хорошее... Доброе..

Смольский взглянул на горящие злобными угольками глаза двух низкорослых представителей Бродячей Цивилизации, протягивавших ему «Букет для Хромого» и «Рекорд Хромого», вздохнул и взялся за электрокарандаш. Ничего хорошего от заварившейся каши он не ожидал.

* * *

Предчувствия не обманули мастера пера. На третий день автографического бума в дверях его — теперь уже далеко не уединенного — убежища появился слегка запыхавшийся Микис.

— Господин писатель! — горячо и торопливо начал он пониженным голосом. — Нам с вами и с господином настоятелем, с господином Фальком, надо срочно поговорить друг с другом! — прямо с порога начал он. — А то господин настоятель — извините меня — так он по глупости продаст вас с потрохами и безо всякого для вас профита... Вам сейчас очень надо послушать Микиса.

— О чем вы, Палладини? — недоуменно воззрился на него Смольский.

Обычно Микис выдавал всего лишь в два раза больше слов, чем требовалось для того, чтобы донести свою мысль до собеседника. Сейчас — в волнении — он перебирал норму раза в четыре, и понять смысл сказанного им можно было только ценой перенапряжения мозговых извилин.

— Кому собрался нас продавать господин настоятель? И зачем?

— Не нас, а только вас одного, Смольский! Только одного вас, господин писатель! Если вы хотите знать, у нас с ним сейчас состоялась, так сказать, сцена у фонтана! При чем фонтаном был совсем не Микис Палладини! Заметьте это!

Привычка предпринимателя говорить о себе в третьем лице доводила Анатолия до сильнейшей мигрени. Ему начинало казаться, что вокруг него бродят и прячутся по углам одни только бесчисленные Микисы.

— Если речь шла обо мне, — резонно возразил он, — то почему же разговор с настоятелем вели вы?

— Да потому, что вам бы в вашу голову никогда не пришло, что надо явиться к нему первым! Вы бы, господин писатель, сидели бы тут и ждали, пока и господина Фалька, и его ранарари не разорвет, как паровые котлы! Вот так — бам!!! И все! Крышка!!!

— У меня от вас скоро экзема начнется, Микис, — неприязненным голосом процедил Смольский. — Отчего их разорвет-то? От кишечных газов, что ли?

— Да от злости их разорвет очень скоро! От злости на вот это вот все, что вы устроили со своими автографами, господин писатель! Теперь вот уже из столицы какие-то фанаты приехали, чтобы вы им в книжечке свою подпись черкнули! Можно подумать, что вы банковские чеки тут подписываете... Теперь уже вся Диаспора знает, что Инферна имеет честь принимать в гостях великого писателя! И только у таких идиотов, которые ничего, кроме детективов, читать не способны, не возникнет такого вот вопроса: откуда это великий писатель неожиданно взялся на такой дружественной всей Федерации Инферне? Когда он прилетел и на чем?

«Ведьму я назову Аннабель! — решил про себя Смольский. — Сволочь какую-нибудь. Особо подлую. Это же надо — так подставить человека!»

— И Палладини смотрит, — продолжал Микис, ухватившись за пуговицу на животе Анатолия, — на то, как господин настоятель пухнет от злости, и конечно же, это Палладини не нравится. И что делает Палладини тогда? Что, я вас спрашиваю?

Смольский молча уселся на стул, выпрямившись и скрестив на груди руки. На Микиса он воззрился, словно удав на кролика. Это немного подействовало.

— Тогда Палладини просит, — радостно сообщил ему Микис, — господина настоятеля принять его! И когда господин настоятель его принял, то он сначала выложил Палладини, что он обо всем этом думает. Как будто Палладини может отвечать за то, что его люди не могут хранить даже такой маленький секрет...

— Мои вам соболезнования, — несколько меланхолично признал Смольский. — Действительно, на вашем месте должен был быть я...

— Если бы на месте Палладини были вы, господин писатель, то из этого не вышло бы ничего хорошего! — довольно резонно ответил Микис. — Но вас там не было! Там был Палладини, и Палладини сказал господину Фальку так: «Теперь, господин настоятель, все равно уже все горшки побиты, и вы не сможете спрятать господина Смольского от его читателей, даже если посадите его в мешок. Так тогда зачем вам мучиться с ним как с ежом за пазухой? Что делают порядочные люди, если им случится, допустим, чего-нибудь

случайно своровать, а их при этом кто-нибудь увидит и начнет ловить? Порядочные люди тогда будут бежать впереди и кричать всем остальным, чтобы они ловили вора как следует! Если порядочный человек хочет спрятать одну золотую монетку, он ее спрячет в куче медных, если...»

— А короче — можно? — сухо осведомился Смольский.

— Вы знаете, господин писатель, то же самое сказал мне и настоятель! Это просто удивительно, как вы с ним одинаково мыслите! Он сразу понял, что ему хотел сказать Палладини! Палладини хотел сказать, что надо договориться с ранарари о том, чтобы организовать все так, чтобы великий писатель ездил по всей Диаспоре и встречался с читателями, давал им автографы, читал лекции... И пусть все смотрят на господина великого писателя и, бога ради, не обращают никакого внимания на всех остальных, что прилетели на «Ганимеде»! А когда вокруг вас, Толик, будет вертеться уйма народу, вас просто побоятся тронуть!

Смольский скептически покосился на порхающую вокруг него тушку Палладини (тот быстро набирал вес, потерянный за время перехода через Аш-Ларданар) и вдруг улыбнулся. Ему понравилась эта мысль — превратить отвратительно начавшееся приключение в турне. Причем в такое, которое прибавит ему популярности в том Мире, куда еще не ступала нога ни одного из его коллег! Игра явно стоила свеч. Риск, конечно, витал в воздухе, но ведь не он же — литератор Смольский — сдался здешним мафиози, а без вести пропавший федеральный следователь Кай Санди.

— И что же вам сказал на это господин настоятель? — осведомился он уже более бодрым голосом.

— Господин настоятель долго думал, — гордо отвечивал ему Микис. — Сначала он долго думал и взвешивал, а потом вызвал меня к себе как раз сегодня утром и сказал: «Слушайте, Палладини...» — он так и сказал: «Слушайте, Палладини, не вы один такой умный...»

— Наверное, настоятель выражался немного более э-э... по-другому? — предположил Смольский.

— Конечно, по-другому! — пожал плечами Микис. — Со всеми этими экивоками и выкрутасами, но не в этом дело! В сущности, он мне сказал: «Не один ты такой умный, Палладини, есть еще люди и поумнее тебя. И среди ранарари тоже такие случаются, хотя они вовсе и не люди... И поэтому мы устроим господину Смольскому турне по трем самым крупным центрам Диаспоры. И даже не мы сами устроим, а господа издатели! Потому что в Диаспоре живет сейчас десять миллионов человек, каждый из которых умеет читать. И их обслуживают аж три или четыре собственных — Диаспоры — издательства. И если хотя бы каждый десятый житель захочет иметь у себя дома новую книжку господина Смольского, то тот, кто эти книжки наштампует вовремя и в нужном количестве, сильно поправит свои дела! Главное, чтобы сам Смольский не подкачал! И поэтому двое господ от каких-то двух самых больших здешних издательских домов уже прибыли в Дом этой ночью и хотят изложить господину Смольскому свои деловые предложения... Они со своей стороны берут на себя организацию турне и рекламу тех книжек, что здесь уже были изданы, и новых, на которые только еще хотят подписать договора». Так что господин настоятель послал меня к вам, чтобы, так сказать, подготовить почву...

Столь молниеносное развитие событий — от появления на пороге его кельи застенчиво попискивающей Аннабель (нет, пожалуй, не стоит ее именем называть отрицательных

персонажей) до визита китов регионального бизнеса к высшему руководству Секты Отверженных — было все-таки слишком непривычным для Анатолия. Однако, судя по всему, упускать такой шанс было бы глупо. По крайней мере, соблазняла перспектива, не унижаясь — за собственный счет и первым классом, — покинуть здешние края.

— Ну что ж... — пожал он плечами. — Считайте, Микис, что почву вы удобрили. Если уж вы взяли на себя роль гонца, то мухой летите к настоятелю и договаривайтесь о том, фрак мне надевать для переговоров или, за неимением оного, так и оставаться в свитере... Право не знаю, как отблагодарить вас за взятые на себя труды. Не ожидал от вас такого бескорыстия...

— Ну, Палладини, конечно, все сделает для своих друзей... — Микис замялся. — Однако и о себе Палладини немного думает. Совсем немного, Толик...

«Черт возьми! Когда это он с „господина писателя“ съехал на „Толика“? — диву дался Смольский.

— Тем более, — уверенно продолжил Микис, — что без Палладини вы просто погибнете! Вас обдерут, как липку!!!

Анатолий задумался над этими словами. Его первоначальная эйфория начала таять. Проблема действительно была куда сложнее, чем казалась сначала.

— Подумайте, — развивал наступление странствующий предприниматель, — вам самому случалось составлять договор хоть с одним издательством? Бьюсь об заклад, что этим занимался ваш литагент!

Это было так. Смольский вздохнул.

— И это в Метрополии, где царят закон и порядок! А вам случалось сталкиваться с законами, по которым живет Диаспора? — подбоченился Микис. — Разумеется, нет! А вот мне приходилось! Потому что я вел бизнес на Фронде, которая находится с Инферной в союзных, как говорится, отношениях. И хотя моя контора занималась вроде как недвижимостью, в основном мы перебрасывали гм... разные товары между Фрондой и Диаспорой Инферны. А для того, чтобы не погореть на этом деле, — а ваш покорный слуга не погорел! — надо все зубы проесть, изучая здешние законы и традиции!

Микис взволнованно прошелся взад-вперед по тесной келье.

— А настоятель, вы скажете? Так он настоятель и есть! Они здесь не торговый дом содержат, а что-то вроде хосписа... Если вы хотите ему довериться, а меня отставить, то пожалуйста! Я умываю руки. После всего того, что я сделал для вас...

Смольский задумчиво глядел на центральную пуговицу жилета, обтягивавшего начавшее округляться брюшко Микиса, и лихорадочно просчитывал варианты возможной сделки.

Палладини напомнил ему о себе обиженным посапыванием.

— Вы уверены, что справитесь с ролью моего литературного агента? — наконец решил на свой ход Смольский.

— И импрессарио! — торопливо ввернул Микис.

— И импрессарио, — обреченно согласился Анатолий. — Несите сюда бумагу и перо...

* * *

То, что в ежедневный монастырский паек, выдававшийся гостям Дома за ужином,

входила еще и пара пересушенных сигарет, было для Кирилла определенным сюрпризом. Он даже изменил зарок, данному самому себе еще во времена службы в Космодесанте, — не трогать курева и пальцем. Сигареты он приберегал до утра — как средство борьбы с одолевшими его в этих краях приступами тоски.

Тоска эта являлась сразу вслед за пробуждением, а оно для Кирилла всегда наступало еще до рассвета, и пронзала его до самых глубин сумеречного еще сознания. Она возвращала его в далекое и совсем чужое теперь детство. Она не имела причины. Точнее, он никакими усилиями не мог сформулировать причину этой тоски. Может, это была тоска по тому миру, с которым он разминулся. Миру простоты и ясности. По тому миру, в котором живут дети и мудрые старики. Она не исчезала с приходом дня. Просто отступала в тень, забывалась. Как ни странно, этому забвению помогал табачный дым, который, кашляя с непривычки, ежась от утреннего ветерка, Кирилл глотал, стоя перед медленно светлеющим окном.

Сегодня это его занятие прервал стук в дверь.

По самому этому стуку — короткой и нервной мелодии, отбитой костяшками пальцев по тяжелой полированной древесине, — было легко догадаться, кто стоит там, за дверью.

— Входи, — негромко позвал он.

Карин была сосредоточена и старалась не смотреть Кириллу в глаза.

Несмотря на ранний час, она была одета по-походному, и сна у нее не было ни в одном глазу. Она быстро подошла к окну и так же, как и он, стала раскуривать сигарету — свою, из пачки в нарукавном кармане.

— Мы уходим на Аррику, — коротко сообщила она. — Нас туда позвали. Там требуются Слышашие... предвидится большой урожай. На Аррику Ангелы всегда прилетают позже... дождешься меня?

— Надолго вы туда? — хмуро осведомился Кирилл.

— Это имеет значение?

— Имеет.

Кирилл с досадой поглядел на быстро укорачивающийся окурок, зажатый в его пальцах. Потом объяснил:

— Я должен знать, когда вернуться сюда. Мне надо в город. В столицу, точнее. Там... Я должен поговорить с одним человеком.

— Из Диаспоры?

Карин искоса глянула на него. Теперь — с любопытством.

— Нет. Этот человек прилетел со мной вместе. Я как-то раз спрашивал тебя — как здесь можно раздобыть блок связи или хотя бы обычный радиотелефон, «земной» модификации?..

— Он тот человек, что пошел от корабля другой дорогой?

— Нет, его забрали спасатели. На свой корабль.

— А ты уверен, что он жив? По «Ти-Ви» ничего не говорили о том, что еще кто-то с твоего корабля уцелел. Они уверены, что вы упали в океан. По крайней мере, стараются всех в этом уверить...

Кирилл пожал плечами.

Карин нервно затянулась сигаретой. Потом заговорила решительно и быстро:

— Зайдешь в мою комнату потом, когда мы уйдем, я тебе разрешаю. Прямо на столе возьмешь машинку. Только не звони прямо из Дома... Накличешь беду.

— Фальк уже объяснил это мне.

— Фальк? Он так вот запросто говорил с тобой?

Теперь Карин повернулась к нему вполоборота.

— Я попросил его принять меня. И объяснил, что у меня есть дела в столице. Послезавтра он сам возвращается туда. Мне разрешено, так сказать, поприсутствовать в свите... Похоже, он хочет показать меня кому-то. Может, и мне удастся увидеть что-то интересное или кого-то. Ну и немного погулять на свободе — в случае хорошего поведения.

Он кисло улыбнулся. С минуту они помолчали.

— Ты играешь здесь в странные игры, — с горечью в голосе сказала Карин. — И Фальк тоже играет в них с тобой. Он ради вашей компании уже который день торчит здесь. Или только из-за тебя? Ты — шпион, Кирилл?

— Не знаю, — ответил он. — Правда, не знаю...

* * *

Оставшись один, Кирилл присел на краешек лежанки и некоторое время решал для себя тот вопрос, наедине с которым его оставила Карин. Когда он оторвал взгляд от кончика догоравшей сигареты — второй за это утро, то увидел напротив, у окна, капитана Джорджа Листера.

Тот вошел без стука, в чем для Кирилла ничего удивительного не было, и довольно долго уже стоял у окна, разглядывая причудливое небо Инферны. Заметив обращенный на него взгляд, он повернулся к Кириллу и слабо улыбнулся.

— Вот что... Я пришел с тобой попрощаться, Кирилл. Господин Верховный Посвященный благословил меня на «свободное плавание»... Тем более что мне не приходится заботиться о такой вещи, как виза для пребывания на Инферне. Она у меня уже есть — все еще действительная... с прошлого раза. Да и попасть в руки здешних лихих людей мне не страшно — ты знаешь, почему.

Он помолчал.

— Впрочем, я думаю, что настоятелю не удастся удержать вашу братию под своим крылом надолго. Ведь и ты собираешься отчалить в столицу... Я не ошибаюсь?

— Почему вы так думаете, кэп?

— Мне кажется, что у тебя есть какие-то свои обязательства перед господином следователем... Я имею в виду того, кто изображал из себя господина Крюгера...

— Ну что ж — это так. — Кирилл пожал плечами. — Мне ни к чему долги перед этой их конторой. И перед всеми другими... Мне нужна постоянная виза в Диаспоре, а для этого надо отряхнуть свои перышки от всего, что на них успело налипнуть.

— Аш-Ларданар не отбил у тебя желания оставаться в этих краях? — чуть приподнял левую бровь капитан.

— Как раз на Аше я и останусь, — Кирилл посмотрел на Листера снизу вверх. — Пожалуй, мне никуда отсюда не деться. Но до этого я должен найти господина Санди и, как говорится, «сдать ему дела».

— Возможно, нам придется встретиться там... — капитан задумчиво провел рукой по коротко стриженным волосам. — Будь осторожен. Даже со мной. Скажу больше: со мной — особенно. Я не знаю, на какую приманку придется мне клюнуть, чтобы достичь своей цели. И я не знаю, кем будет тот Джордж Листер, которого ты встретишь в столице.

Если встретишь, конечно. Имей это в виду.

— Я не буду забывать об этом, — обещал Кирилл. И после короткого молчания добавил: — Прощайте.

* * *

Мюрид приказал остановиться, не доезжая пары кварталов до «Риалти». Сидевший за рулем Рыжий припарковал неприметный, слегка побитый, как почти вся автотехника на Фронде, «Тайфун» на давно уже никем не охраняемой стоянке. Зафар вылез из салона, окинул взглядом погруженные в ночной мрак окрестности и дал сигнал фонариком: шеф мог беспрепятственно выходить на дело.

Остаток пути — до «черного входа» биберовой конторы — они прошли угрюмыми колодцами дворов, под мертвыми взглядами темных, часто напрочь выбитых окон заброшенных квартир и офисов. Преодолевая время от времени баррикады всяческого хлама и решетки, сооруженные в узких проходах между дворами в те времена, когда грабителям было еще чем поживиться в этих местах, они не старались даже особенно маскироваться. Впрочем, если кому-то и заблагорассудилось пялиться из темных окон на превращенные в гигантскую свалку мусора дворы, то пробирающиеся во тьме крошечной безликие фигуры в самую последнюю очередь заинтересовали бы этого «кого-то».

Запасной выход «Риалти» располагался на уровне полуподземного этажа в помещении, служившем ранее то ли складом, то ли кабачком местной богемы, а сейчас — просто пустовавшем и запертом на патриархальный амбарный замок, сладить с которым для профессионалов не составляло никакого труда. Мюрид распорядился относительно постов наблюдения: Зафар отправлялся присматривать за парадным входом в офис, а Рыжий, маскируясь «во-о-о-о-н в той подворотне», контролировал запасной выход. Убедившись, что распоряжение его понято и принято к исполнению, Мюрид нырнул в благоухающую сырой плесенью и кошачьей мочой утробу полуподвала.

На ведущей в тылы офиса лестнице он чуть не сломал к чертям собачьим ногу — одна из ступенек находилась в прискорбнейшем состоянии. Помятая шайтана, Мюрид последовал дальше, стараясь соблюдать большую осторожность. Подобными делами он не занимался уже много лет — с тех самых пор, как сподобился стать личным порученцем по особым делам у Козыря, а затем, когда Козыря «приголубил» Чага, то и у Чаги. Чагу, благополучно загнувшегося от нелеченого рака, сменил Пластилин, а того... Мюрид не слишком хорошо помнил уже, кто перерезал глотку Пластину. Целая вереница довольно колоритных фигур сменилась у кормила группировки «горцев», контролирующей почти четверть планетарного оборота «пепла». Предпоследним был почтенный Мулла, с которым неожиданно для всех разобрался — прямо в мечети, в час утренней молитвы — Хубилай, бывший тогда совсем еще новичком на Фронде. Вошел в дом аллаха рядовым погонялой группки «толкачей», а вышел Большим Шефом. Он повторил древний трюк приснопамятного Аль Капоне с бейсбольной битой и тем поверг всю верхушку «горцев» в шок, из которого многие так и не успели выйти. Грех он, конечно, на душу взял немалый, но, видно, на то была воля аллаха, коли вот уже девятый год он так и не нашел возможным как-либо покарать поганца Кублу. Многие стали рассматривать его оставшееся безнаказанным святотатство как своего рода сертификат святости, выданный свыше. Мюриду же, по большому счету, было глубоко

перпендикулярно, кому служит его новый шеф — аллаху, шайтану или одному лишь собственному бзюку. Он был горд, что и на этом крутом повороте криминальной истории преславной Фронды удержал за стремя бешеного коня событий и продолжал быть тайным порученцем — верным и молчаливым — которого уж по счету шефа.

И вот теперь он — уважаемый человек, «Ходжа» — должен был вспоминать былое, напяливать на себя уже не застегивающуюся на брюхе неприметную куртку из суперкевлара, засовывать за пояс старый и надежный «роланд» и переться на задание, выполнять которое под стать только вконец уж сопливому новичку из тех, кто только один годик отмотал в исправилровке за какой-нибудь взлом игральные автоматов. Но уж коли Кубла приказал заняться делом «лично», то заниматься им — делом этим — и следовало именно ему, не сваливая на молокососов даже такую вот черную работу, как «вентилирование» Биберовой норы.

Да если разобраться — не для молокососов та информация, на которую можно наткнуться в этой норе. Совсем не для молокососов. И не для постороннего взгляда вообще..

Дверь во внутренние помещения «Риалти» запиралась, конечно, похитрее, чем решетка полуподвала, но тоже не представляла реального препятствия для сработанного в Метрополии наборчика инструментов, притороченного к поясу Мюрида. Не подумала выполнять свой долг и слегка устаревшая система сигнализации офиса. Впрочем, с системой этой не все выходило просто. Кто-то уже поработал с ней — отключил топорно (простым отсоединением нужного проводочка), но профессионально (знал, собака, какой проводочек отключить). Это напрягало.

«Роланд» сам собою прыгнул в руку Мюрида. Протиснувшись в приоткрытую дверь, он замер, пытаясь сориентироваться на возможном поле боя, заполненном густым, слегка пахнущим ароматами дезинфекции сумраком.

Не так уж и велики были хоромы «Риалти»: коротенький коридорчик, в который выходили двери черного хода, кладовки, кухоньки-спальной (Биберу доводилось коротать ночь «при деле») и задняя дверь, собственно, офиса. Из-под двери этой сочился свет.

Мюрид сделал три-четыре шага в глубь коридора и снял «роланд» с предохранителя. Но тут в спину ему ткнулся ствол пистолета.

— Без фокусов! — приказал хриловатый шепот сзади. — Пистолет — без стука — на пол! И четыре шага вперед, пожалуйста...

Мюрид проделал предписанное ему упражнение, лишь на миг задумавшись о том, не стоит ли применить, скажем, один из тех приемчиков старого Киша, которые так удавались ему в молодости. Но молодость давно прошла, а спуск у вражьего «ствола» мог оказаться чересчур легким. Рисковать не стоило. Стоило подчиниться и потянуть время.

— Входи! — приказали сзади злым шепотом. — И быстро! Сразу!

Что ж, это не шло вразрез с планом, созревшим в голове преданнейшего из преданных слуг Хубилая в последние доли секунды.

Глубоко вдохнув воздух, Мюрид резко открыл дверь кабинета и тут же резко рванул вниз и влево. Покатился по полу, стараясь укрыться за массивной из каменного дуба тумбой стола. И понял, что выиграл пару секунд: тот, кто был застигнут врасплох за терминалом компьютера, резко развернулся во вращающемся кресле и, отскочив в сторону, вскинул пистолет навстречу неожиданным гостям. Пока эти самые две секунды лейтенант Харви Смит и злая, как четыреста чертей, Мардж Каллахан держали друг друга на прицеле, Мюрид отчаянным усилием отбросил себя к стене, оказавшись в тылу лейтенанта, и тут же

воспользовался этим преимуществом. Ухватив того за локти, Мюрид попробовал заслониться им, как щитом, от «беретты», нацеленной в него преданной секретаршей господина Бибера.

Далее события развивались менее благоприятно для Мюрида. Мардж выпалила в лейтенанта. Тот — в потолок. Его пуля рикошетом угодила прямо в плечо заместителя великого Хубилая. После этого каждый из действующих лиц повел себя в полном соответствии со сценарием такого рода происшествий — Мюрид грохнулся оземь, Мардж заорала на Смита: «Брось оружие, зараза!», а Смит этот приказ выполнил.

— Руки в стенку! — распорядилась Мардж, осторожно огибая гигантский стол и продолжая держать на прицеле сразу обоих непрошенных гостей. Она отбросила ногой в сторону «вальтер» Смита и присмотрелась ко второму противнику. Тот постарался вжаться в пыльный ковер, мысленно призывая шайтана забрать отсюда свое отродье, каковым, безусловно, являлась Мардж Каллахан.

— Не прикидывайся покойником, чучело! — в затылок Мюриду уперся ствол его собственного «роланда». — Поднимайся! — распорядилась она. — Медленно и без фокусов!

Мардж сделала шаг назад, сунула один из пистолетов в карман и, пошарив по столу, взяла с него пульт управления сервисной машинерии. Щелкнула клавишей, врубила освещение на полную мощность, бросила пульт на стол, а вместо него подхватила трубку блока связи.

— Вы напрасно так горячитесь, миссис, — подал голос Смит, морщась от яркого света и чуть ли не сворачивая себе шею, чтобы наблюдать за ее действиями. — Не стоит вызывать полицию. Мы все можем закончить миром.

— Мисс! Не миссис, а мисс! — невозмутимо парировала его предложение лихая секретарша «Риалти». — И кто тебе сказал, что я собираюсь вызывать именно полицию?

— На вашем месте я крепко подумал бы, прежде чем кого-то впутывать в дело, мисс, — продолжал настаивать Смит. — И проявите же, бога ради, человечность — господин Шарипов может истечь кровью. В моей набедренной сумке есть репарирующий гель. С вашего позволения, я окажу раненому первую помощь...

— Так вы друг друга ко всему еще и знаете?..

Мардж подошла к Смиту, ощупала его, отыскала сбоку портативную сумку, расстегнула молнию, заглянула внутрь и, убедившись, что предмет сей не содержит в себе никаких видов оружия, кивнула лейтенанту.

Медленно и отдельно осуществляя каждое движение, чтобы у лихой Мардж не было причины с дуру всадить в него очередной заряд, Смит извлек на свет божий пару разовых шприц-капсул и пакет с белоснежной ватой. Прислонившийся к стене Мюрид хмуро наблюдал за ним, придерживая правой рукой пострадавшее предплечье.

— Повернитесь, Азамат, — попросил Смит, подхватывая его за здоровое плечо. — Сейчас... Сначала — анестетик, потом распорем рукав и...

И тут парализованный, казалось бы, болью и унижением Мюрид неожиданно ловко и резко вывернул руку лейтенанта, уже приготовившегося всадить ему в предплечье иглу шприца, и игла эта вошла самому Смиту в бок. Тот хорошо отработанным движением каратэ приложился к шее Мюрида и отправил его в глубокий нокаут. А может, и на тот свет. Сразу определить — куда — было трудно. Но и сам Смит выглядел не лучше — его лицо мгновенно залила бледность, и незаметные раньше веснушки россыпью вспыхнули на нем. Харви упал на колени и, рванув воротник, захрипел:

— Вы, мисс Каллахан... Скорее. Там же, в сумке, «фиксатор»... Вколите мне... — Его голос перешел в глухой шепот: — Это... Это не анестетик... Это...

— Этак они здесь все поубивают друг друга, да меня угробят в придачу, — констатировала Мардж, торопливо вытряхивая содержимое сумки на ковер.

За то время, пока она управилась с оказанием первой помощи одному из пострадавших, другой из них — Мюрид — начал подавать признаки жизни. Кашляя и мыча, он попытался встать на четвереньки — лишь только для того, чтобы нос его вновь встретился с тем же «роландом».

— У-уберите «пушку», м-мэм... — просипел он, приваливаясь спиной к стене. — Если вы м-мне с-снесете ненароком черепушку, у вас будут к-крупные неприятности... Очень крупные...

— Ты еще угрожать мне собрался? — раздраженно вскинулась Мардж. — На — держи! Залепи свою дырку. Ту, которую сочтешь лишней, — она кинула ему подобранную с пола ампулу репарирующего геля. На этот раз действительно геля и действительно репарирующего.

Мюрид выдернул из бока уже не подававшего видимых признаков жизни Смита опустошенную ампулу, предназначавшуюся ему самому. Прочитав ее маркировку, он забыл о полученных увечьях и чуть было не поднялся в полный рост.

— Посмотри только, что эта сука собиралась вкатить мне в кишки! — возмутился он и швырнул ампулу на стол.

Мардж подхватила мини-шприц профессионально, так, чтобы не «залапать» орудие преступления, а затем отправила его в ящик стола, который тут же прихлопнула.

— Ну, теперь все сойдется! — с некоторым облегчением воскликнула она. — На предмете твои отпечатки. Если парень загнется, то решать проблемы тебе придется с его хозяевами, а не с местной полицейской шелупонью! Думаешь, я не знаю, что этот парень из Второго Посольства? Откуда ты его знаешь? Зачем он хотел отправить тебя к праотцам? Хочешь — скажу?

Она милостиво перекинула через стол бинт и шприц с универсальным антибиотиком.

— Потому что парень пахал на ваших. И понял, что если ты влип, то можешь расколоться и заложить его...

— Да с чего это вы взяли, мэм, что я куда-то влип? — уже более спокойно осведомился Мюрид, искоса поглядывая на все еще наведенный на него ствол. — Через десять минут после того, как полиция будет здесь, я окажусь на свободе, и мне еще принесут извинения. Копы, пожалуй, даже подвезут меня домой на своей лучшей тачке. А вот то, как они обойдутся с вами, мэм...

— Мис-с-с-с! — зло прошипела Мардж, набирая на блоке связи номер кодового канала — тот самый, который набросал на смятой пачке сигарет федеральный следователь. — Никаких «мэм», «миссис» и других мамзелек! И никакой дурацкой полиции! С вами обоими будут разбираться господа федералы.

Она вытащила из кармана своей куртки странной формы стеклянный флакон с чем-то очень знакомым Мюриду. Настолько знакомым, что лицо его — и без того позеленевшее — стало и вовсе напоминать рожу вурдалака. Он прекрасно знал, что содержится вот в таких ритуальных флакончиках. В трубке блока связи неторопливо, один за другим раздавались гудки вызова.

— Ты черт знает что затеяла, старая дура!!! — заорал Мюрид. — Если ты думаешь, что

твоим дружкам из Второго Посольства такое сойдет с рук... Ты что же, думаешь, что можно вот так, среди бела дня похитить такого человека, как я? Ты хоть представляешь» с кем связалась? Я что — похож на идиота?

— За «старую дуру» — ответишь, — посулила ему Мардж. — Нашел кого пугать своей мордой! Вас, господин Мюрид, только ленивые в лицо не знают. А на идиота вы и впрямь похожи, если сами голову в петлю сунули.

На том конце канала связи упорно не брали трубку. Мюрид не менее внимательно, чем яростно сжимавшая эту трубку крутая Мардж, прислушивался к доносившимся до него гудкам.

— Если ты воображаешь, что вокруг дома нет моих людей... — угрожающе начал Мюрид.

— Вот сейчас, когда я скажу, — наставительно прервала его Мардж, — ты заткнешься, достанешь свою мобилу и распорядишься своим шестеркам убираться по домам и ждать указаний. И если они тебя не так поймут, пеняй на себя. А потом примешь полглоточка этой настоечки и часа на четыре ляжешь бай-бай... Не пробовал «эльфийского мухомора», дядя?

Мюриду приходилось иметь дело со знаменитым «вырубателем», завезенным на Фронду с Гринзеи. И пробовать его снова у него не было ни малейшего желания. Но получить от дурной бабы заряд из плохо отрегулированного парализатора, а может, и просто рукояткой «беретты» в лоб было куда более худшим вариантом.

Трубка блока связи в ее руке осведомила заспанным женским голосом, кому, собственно, не спится в ночь глухую?

— У меня к вам срочное дело от фирмы «Синальта»! — со вздохом облегчения бойко отозвалась Мардж.

* * *

На другом конце канала, в студии, служившей одновременно офисом и спальней, Алена Тарквини тоже испустила вздох, но то был отнюдь не вздох облегчения.

Недоброе она почуяла сразу после того, как от резидента федерального управления расследований, болтающегося на орбитальном эсминце наблюдения где-то на границе сектора, поступило совершенно удивительное распоряжение. Узнав о переводе группы «Рембрандт» в режим проведения срочной совместной операции с военной разведкой, вся группа призадумалась. Прозрачное название «Землеройка» о многом позволяло догадываться. Вместе со спешно присланным на поверхность Фронды для проведения активной оперативной работы чрезвычайным инспектором военной разведки на беспечные головы «рембрандтовцев» сваливались немалые хлопоты и опасности. Такое неожиданное расконсервирование и включение в работу «военщиков» — вечных конкурентов управления — на роли то ли подчиненных мальчиков на побегушках, то ли тайных соглядатаев их вовсе не устраивало.

Когда же предполагаемого инспектора, оказавшегося уже знакомым по его прежним сеансам разведработы на Фронде лейтенантом Криницей, пришлось срочно эвакуировать с места конспиративной встречи на основную явку с признаками сотрясения мозга, Алена окончательно поняла, что для нее с Тино наступили жаркие деньки.

Завербованная где-то на Синдерелле федеральным управлением по случаю крайнего

безденежья супружеская пара Тарквини жила на Фронде по сию пору спокойной и достаточно обеспеченной жизнью. Видимость активной деятельности по перекупке чужих и продаже Алениных шедевров живописи вкупе с поддержанием крохотной картинной галереи позволяла благополучно маскировать не слишком щедрые, но регулярные выплаты орбитальной резидентуры. Центр не особенно загружал группу «Рембрандт» работой, придерживая ее в резерве. Деятельность группы сводилась к чисто подсобной работе: опросу и «вентилированию» представителей здешней — быстро затягиваемой в болото голодной нищеты — богемы и творческой интеллигенции, подготовке контактов для других, более компетентных сотрудников «наземных» резидентур, оборудованию сети (резервной, надо полагать) тайников, «почтовых ящиков», каналов связи и тому подобных хитростей, пользоваться которыми предстояло уже другим, заведомо «Рембрандту» неизвестным, специалистам.

Со вчерашнего утра этот уютный, как теперь представлялось Алене, мирок стал прекрасным прошлым. На сцену явились агенты-перебежчики, пропавшие профессора, чрезвычайные инспектора с пробитыми головами, словом, милые будни непосредственно оперативной работы.

Так, по крайней мере, следовало из распоряжений, которые Петро Криница выдал, будучи наконец приведен в чувства. Правда, до лейтенанта довольно долго доходило, что находится он не в допросном департаменте контрразведки Фронды, а на явочной квартире федерального управления расследований, и принимает его группа «Рембрандт», уполномоченная оказать военной разведке полнейшую поддержку по линии срочной операции «Землеройка».

Последующий день был заполнен сплошными кошмарами: станция «Эмбасси-2» никак не могла понять из шифровок, поступающих с поверхности планеты, что именно приключилось там, внизу, и почему чрезвычайный инспектор пребывает на явочной квартире управления. В небольшой квартирке Тарквини толклись четверо громил из какой-то «группы Рейнолдса» — тоже пробужденные к бурной деятельности неожиданным приказом сверху. Они натоптали в чистенькой приемной, словно стадо слонов, отдавили хвост Бастинде, одолели Криницу своей бестолковостью и, наконец, убыли на поиски некоего профессора Кульбаха и подозреваемого в измене лейтенанта Харви Смита.

Слава богу, к вечеру разбушевавшиеся силы зла унялись. Тарквини, пристроив Криницу в своей «галерее» — в полуподвале громадного доходного дома, нашли отдых и успокоение в своих «апартаментах» — на чердачном этаже того же здания. Тьма снизошла на усталый город и, казалось, до утра боевые действия спецслужб и криминальных шаяк, ввязавшихся в охоту за беглецами со станции, не потревожат двух мирных торговцев живописью.

Но — черта с два! Все, бывшие днем мирными персиками, ночью обратились воинственными урюками и принялись за дело с новой силой. Теперь, собственно, и принялись по-настоящему!

Пропустив без малого дюжину сигналов вызова, доносившихся от секретера, Алена все же взяла себя в руки и добралась до проклятого устройства. Глянув на определитель номера канала связи, она обомлела — канал был чрезвычайный, из резерва Центра. Пришлось обругать себя последними словами за нерасторопность и за бесплодные надежды выпататься в период проведения экстренной операции. Перед тем как сказать «Алло», машинально включила блок шифрозаписи и блок защиты разговора. Выслушала пароль «Синальта» и тяжело вздохнула.

Минут пять она старалась вникнуть в то, что хриплой скороговоркой, полной иносказаний и нездешнего жаргона, втолковывала ей с того конца линии женщина. Поняв наконец, что от нее требуется, она бросила в трубку:

— Вы можете продержаться минут тридцать? Постарайтесь. Не открывайте никому другому. Нас узнаете по паролю. Да... «Синальта». Этот канал не прослушивается.

Она выскочила в тесную приемную, где заработавший себе за день бессонницу Тино скармливал разделявшей его страдания Бастинде остатки оставленных на утро бутербродов.

— Срочно гони вниз! — приказала она. — Будь того типа с пробитой башкой. Это по его линии. Вот, пусть прослушает это, — она протянула ему блок связи с записью разговора.

— Я тебя догоню сейчас. «Пушку» возьми с собой. И ключи от машины!

— От «Прерии»? — только и спросил ошарашенный супруг.

— Лучше от «Кометы», — подумав, сказала она. — В ней удобнее перевозить покойников.

— Покойников? — совсем уж кисло осведомился Тино.

Бастинда сурово взглянула на своего хозяина, явно давая понять, что устыдилась за его малодушие.

— Покойников, — подтвердила Алена. — Или что-то вроде того...

* * *

Мюрид начал приходить в себя где-то на середине дороги. Чтобы он не наделал беды внутри довольно просторного салона «Кометы», Мардж уже приготовилась влить ему в пасть вторую дозу «эльфийского мухомора», но тот, преодолевая все еще сковывавший его сон, с усилием промычал:

— М-мне... Мне надо сказать... Срочно!..

— Что? Поплохело, что ли? — повернулся от руля мрачный Петро.

Несмотря на то, что «Комета» была фургоном не тесным, из-за своих габаритов он не без труда помещался между рулевой колонкой и до предела отодвинутым назад шоферским сиденьем. Остальным в салоне было более комфортно: Мардж и Тино на заднем сиденье, не выпуская из рук своих «стволов», присматривали за Мюридом, нервная и миниатюрная Алена с переднего сиденья осуществляла функции лоцмана, а погруженный «фиксатором» в анабиоз Харви Смит имел в своем распоряжении все свободное пространство довольно объемистого багажного отделения фургона.

«Кажется, мы неважно закрепили его там», — подумала Алена, прислушиваясь к доносившимся оттуда звукам.

«Комета» уже перестала петлять по городу и теперь, на ручном управлении, в непролазной тьме скакала по ухабам проселка — лет десять не отремонтированного, но гарантировавшего от встречи с патрулем. Свой изношенный автопарк полиция Фронды берегла от таких дорог пуще, чем от огня.

— Ты меня слышишь? — повторил Петро, обращаясь к готовому снова впасть в протрацию Мюриду. — Тебе плохо?

— Н-нет... Мне хорошо, сука! — наконец отозвался тот. — Сам бы покатался этак вот с дыркой в руке... Да еще под этой дурью...

Петро не стал пререкаться с пленником о том, что лучше дырка в руке или десять швов

на голове. Он продолжал доносить Мюрида вопросами:

— Ты что-то важное хотел сказать... Или мозги нам припудриваешь?

— Хотел... Важное...

Похоже было, что Мюрид никак не может решиться на что-то, что сожжет за ним все мосты, сделает невозможной дорогу назад, к своим.

— Вот что, — наконец выдавил он из себя. — Я не хочу, чтобы на мне большая мокруха повисла... Учтите, что сообщаю вам добровольно... Вы должны мне обещать...

— Мы должны тебе почки отшибить, сволочь, — тихо, но убедительно ответил Петро. — И ничего больше. И так и сделаем, если будешь тянуть кота за...

— Так вот... — теперь, когда решение было принято окончательно и бесповоротно, Мюрид заговорил связно и разборчиво. — Учтите, я сдаю вам Кублу — ни больше, ни меньше!

— Спасибо за подарочек, — раздраженно отозвался Криница. — Но ближе к делу, дядя!

Мардж подтвердила это приглашение тычком «ствола» в бок снова начавшего впадать в прострацию начальника контрразведки Хубилая (который этого Хубилая решил сдать, да что-то опять замешкался, глядя перед собой мутным взглядом).

Криница не без труда заставил свой мозг, еще не оправившийся от потрясения после встречи его головы с проклятой емкостью с шартрезом, работать на полных оборотах. Надо было понять, что задумал Мюрид — действительную капитуляцию или какую-то провокацию, ловушку, влетать в которую сейчас было бы не ко времени.

С одной стороны, после такого провала и пленения старый лис уже не мог рассчитывать ни на доверие, ни на благосклонность своего шефа. Тем более других тузов фрондийского криминалитета. Кому из них, спрашивается, нужно осложнять отношения с самым агрессивным и непредсказуемым негодяем на всей планете? Так что сдать Хубилая — и не местной продажной полиции, а именно точившим на наркомафию зуб федералам — было просто логично, не говоря о том, что это давало Мюриду дополнительные очки при последующих расчетах с законом.

С другой — не так-то прост был Мюрид. Именно сейчас, чтобы «опрокинуть» ситуацию, повернуть ее в свою пользу, он мог, прикидываясь одурманенным чертовым «мухомором», измыслить такую хитрозакрученную комбинацию, что попавшиеся на удочку противники вынуждены были бы сами предоставить ему какую-то свободу действий: ну, например, разрешить срочно выйти на некую встречу, передать какую-то информацию своим людям. А такими ситуациями Мюрид пользоваться умел. Петро Криница как-никак не первый год «работал по Фронде» и имел неплохое представление об этом персонаже.

«Если скотина запросится на волю, хоть под самым строгим наблюдением, или потребует, чтобы его подпустили к блоку связи, значит, это игра, — твердо решил лейтенант. — Тогда беру ответственность на себя — пусть Каллахан скормит ему лошадиную дозу зелья... Так, „упакованным“, его и безопаснее будет доставить на „Эмбасси“...»

Мюрид тем временем снова взял себя в руки и обрел способность говорить.

— Х-хубилай окончательно съехал с ума, — сообщил он. — И вы сами в этом виноваты!

— Его мама с папой в том виной, — язвительно вставила свою реплику Мардж. — И гашиш. Больше никто.

— Кубла наркотой не балуется, — Мюрид бросил злой взгляд на Мардж. — Если бы «Эмбасси» не перекрыла связь по подпространству... По всем каналам... Тогда другое дело.

А так — ему ничего другого и не осталось, как... Как самому туда, к Инферне, податься...

— «У Джонни глаза вылезли на лоб», — процитировал Петро древнего классика. — У господина Кадыра завелся собственный лайнер? Он конкуренцию «Космотреку» составить хочет?

— Не зубоскаль, дубина! — оборвал его Мюрид. — Посмотрим, как ты позубоскалишь, когда ваш «дальнобойщик» угонят к чертям собачьим! Вот тогда у тебя головка по-настоящему заболит!

— Угонят? «Дальнобойщик»?

Петро наконец удалось по-человечески обернуться к Мюриду. Сиденье под ним отчаянно заскрипело.

— Какого же черта?! Ты этим собирался торговаться? Они что — окончательно спятили? Кто?! Когда?! Какой корабль?!

— Лайнер первого класса, бестолочь! Компании «Старстрим»... Как можно скорее предупредите своих... Лайнер «Микадо»... На борту есть человек Кублы... Сэконд... Он это... В общем, отстегнули ему немало... Они могут всех там перебить — всех до единого... И если доберутся до Инферны... Это, как говорится, «чревато последствиями»...

Похоже, что Мюрид только теперь, высказавшись, понял, во что влип. И испугался по-настоящему.

— Я многого не знаю, — торопливо добавил он. — Я н-не... не участвовал в подготовке этой затеи... Только случайно услышал кое-что... Краем уха...

— Стоп! — Петро лихорадочно принялся отстегивать с пояса свой блок связи. — Говори подробно. Когда, на какое время намечен захват? Как группа захвата окажется на борту? Кто из экипажа является вашим сообщником?

— Я уже сказал — второй помощник... Группа захвата будет косить под пограничников. А когда — не знаю точно. Такие вещи Кубла никому не доверяет. Но скоро, очень скоро. Может быть, уже...

Петро кучеряво выругался, торопливо набирая код секретного канала и не попадая пальцами по клавишам блока.

* * *

Принимая во внимание время, потерянное на контрольные рысканья и изменения направления движения, на бесконечные проверки и объезды излишне бдительных патрульных служб, потрепанная «Комета» добралась до места назначения — заброшенного ангара на окраине опустевшего «города-спутника» фрондийской столицы, достаточно быстро. Восход еще не был заметен — мешали набежавшие в полночь тучи. Впрочем, они и не торопили его — этот восход — усталые и задержанные пассажиры неприметного в темноте автофургончика. Ни к чему им было дневное светило.

Подсвечивая себе карманным фонариком, Тино нашел раздолбанный выключатель, повозился с ним, и ангар наполнился тусклым светом пыльного софита, прикрученного под потолком. Петро вытолкнул на более-менее освещенное место изрядно помятого Мюрида и критически осмотрел его, пристегнул пленника наручниками к проходящей вдоль стены ангара трубе, потом помог обеим женщинам вытащить из багажного отделения и уложить на случившимся под рукой куске брезента почти бездыханного бывшего коллегу. Нервно

посмотрел на часы.

— Сейчас за вами, голуби, — кивнул он Мюриду, — явится наша группа транспортировки. Поедете прямехонько на небеса, в нашу контору. Дипломатическим багажом. Так что тебе еще раз придется приложиться к «мухоморной» настоечке. Чтоб в пути не шумел. Но сначала, пара вопросов.

Нарисованная лейтенантом перспектива не вызвала у Мюрида ни малейшего энтузиазма. Но и возражать он не стал. Просто грузно опустился на корточки и привалился спиной к стене.

— Когда вам удалось подцепить этого типа? — Петро кивнул на Смита. — И на чем он купился?

— Да на «порошке», — устало вздохнул Мюрид. — Сначала в игры с нами играть надумал — в наши «цепочки» хотел своих людей посадить, да обломился. В элементарную ловушечку влип. Но — умен малый — вовремя, как говорится, «перевел стрелки» на своих коллег. И воображал, что все шито-крыто. А потом, когда местные «контрики» погром всем вашим устроили, Кубла ему ясно и доходчиво объяснил, что так, мол, и так: за провал своих товарищей тебе перед Вторым Посольством придется ответ держать. Но мы люди добрые. Можем и отмазать от этого грешка. Только ты уж и на нас поработай маленько. Ну и все. Коготочек у этой птички в дерьме сильно увяз... А Кубла, надо сказать, слово свое сдержал. Ведь ваши так и не узнали, почему на самом деле «засветилась» вся столичная агентурная сеть. А то, что это некий Харви Смит ее в обмен на свою репутацию на корню сдал, никому и в голову прийти не могло.

Лицо Криницы нехорошо потяжелело.

— Так... Значит, все три года мы перед вами «голенькими» торчали...

Он замолчал, переваривая только, что услышанное. Потом резко сменил тему.

— А за каким дьяволом вы оба приперлись в «Риалти», в ночную-то пору? И куда дока Кульбаха дели?!

— Оба? Ну ты даешь, командир! — Мюрида даже перекосило от раздражения. — Да случайно свело нас, в конторе той дурацкой! Харви, мыслю, не от хорошей жизни в это место влез! Он, видимо, понял, что вконец погорел! Не знаю, на чем вы там, во Втором Посольстве, его ущучили, но, думаю, на «метке» своей он и погорел — на той, что вашему человеку, которого Бибер под «Ганимед» сватал, приклеил... И теперь хотел у Бибера в компе хоть какие-то концы найти, чтобы ноги унести. И от наших и от ваших... А мне он даже и не показался. На «липе» в гостинице прописался, на «липе» в таможне отметился... И воображал, что за ним нет нашего «хвоста»... А потом, похоже, действительно из-под носа у наших ушел. Из «Альтаира». Он там остановился — в номере восемьсот четвертом. На шестом этаже.

— Все у вас не как у людей, — с досадой заметил Петро. — Во всех Тридцати Трех Мирах восьмисотые номера на восьмом этаже, а у вас... — он безнадежно махнул рукой. — И вы его оттуда вели до «Риалти»?

Мюрид поморщился.

— Да нет... Мои прошляпили, когда он успел оттуда смотаться. Сообщали, р-раздолбаи, что не выходит из номера своего. А он уже до «Риалти» добрался. Так что для меня сюрприз вышел...

— Кульбах был с ним? — спросил лейтенант Криница.

— Я вам все сказал, как на духу! — устало отмахнулся Мюрид. — И не знаю я никаких

Кульбахов-Мульмахов! Своих проблем мне не шей, командир!

Тино тем временем бросал на брезент — предмет за предметом — содержимое карманов бесчувственного Харви Смита: какую-то квитанцию, пачку «клинекса», универсальный ножик, пару магнитных карточек-ключей от гостиничных дверей (один, фирменный, «Альтаира» от номера 804, второй — типичная самоделка, неизвестно от какой двери), пару стереотипных паспортов-идентификаторов с новенькими визами на временное пребывание на территориях, находящихся в сфере юрисдикции Самостоятельной Цивилизации.

Мюрид презрительно улыбнулся и кивнул на документы:

— Много у этого парня ксивы. У вас, похоже, это дело неплохо поставлено...

— Вот что... — оборвал его Криница, с любопытством рассматривая продукцию спецлаборатории Второго Посольства, подделаны фрондийские документы были действительно безупречно. Он спрятал их в карман.

— Вот что, — повторил он и повернулся к Мюриду. — Твои люди, как я понял, так и торчат в «Альтаире»? И сторожат пустой номер? Нечего им прохлаждаться без дела. Если хочешь, чтобы в рапорте я отметил, что ты оказал содействие следствию, то свяжись с этими мальчиками и отправь их по городу искать этого пентюха. — Он кивнул на Смита. — Отчехвость их по первое число и предупреди, чтобы ни один не вздумал застревать в гостинице. Держи трубку.

Петро протянул пленнику реквизированный у него блок связи.

— Скажи, что там сейчас будет опасно. Очень опасно. Можешь не сомневаться. Я тебе правду говорю. Там сейчас буду я и кое-кто из моих людей.

— Мне второй раз за ночь приходится снимать своих людей с постов, — недовольно возразил Мюрид. — И каждый раз по мобильнику... Это может вызвать подозрение...

— Что поделаешь, — с деланным сожалением вздохнул Петро. — Придется пожертвовать твоей репутацией. Тем более что через пару часов подозрения у твоих людей станут уже полной уверенностью...

Мюрид пожал здоровым плечом и принялся исполнять приказанное. Петро наблюдал за ним. Убедившись, что подвоха не последовало, он молча протянул руку в направлении Мардж, и та, поняв, что от нее требуется, сунула ему в ладонь флакон с гринзейским настоем. Помощник Кублы с неудовольствием глянул на протянутое ему снадобье, но не стал дожидаться более весомых подтверждений сделанного ему предложения и послушно проглотил остаток жидкости.

Брошенный на сиденье «Кометы» блок связи Петро залился тихой трелью. Он быстро подошел к фургону, выслушал сообщение, бросил в трубку несколько коротких слов и повернулся к Тино и Алене:

— Группа эвакуации отправилась к нам. Это будет грузовичок «Фастфуда». Это наша «крыша» на случай экстренной связи с Первым Посольством. Они каждое утро ввозят на егс территорию продуктовый заказ на сутки. Дело доходное, особенно теперь, в кризис, весь народ, с ним связанный, лишних глаз не любит. Груз обычно не досматривается: и соглашение есть, и куплен кто надо... Вы, вдвоем, так сказать, сопроводите груз до центра. Там сойдете, где вам будет удобнее... А вашей машиной воспользуюсь, с вашего позволения, я. Потом заберете ее со стоянки у «Греческих дворики»...

— Я думаю, — вмешалась в разговор Алена, — что после того, что произошло, мисс Каллахан просто опасно оставаться здесь — на Фронде...

— Не беспокойтесь на этот счет, — остановил ее Петро. — Хотя она и не наш прямой агент, определенную ответственность за нее «Эмбасси» несет... Да и информации у нее в черепушке побольше, чем кое у кого из тех, кого мы содержим в штате. Я забираю мисс с собой. Группа эвакуации не потянет троих «клиентов» сразу. Да, может статься, и на Кульбаха она выйти подсобит.

— Удачи вам, — вздохнул Тино. — Будьте осторожны там, в «Альтаире»...

* * *

— Садитесь в машину, мисс Каллахан, — кивнул Петро. — Вам придется немного потосковать на нашей конспиративной квартире. Как я понимаю, вам не улыбается отправиться на «Эмбасси» в компании ваших непрошенных гостей?

Мардж окинула неприязненным взглядом обоих пленников: Мюрида, начавшего уходить в отключку под действием второй порции «эльфийского мухомора», и по-прежнему пребывающего на грани жизни и смерти лейтенанта Смита.

— Нет, — отрезала она. — Я вообще не собираюсь покидать Фронду, до тех пор пока не выковырну Микиса из той щели, куда его загнали... И не буду я торчать на вашей квартире! У меня есть где спрятаться до того времени, пока муж Марты не разыщет этого растяпу!

— Микис — это?.. — попробовал уточнить Петро, настойчиво прихлопывая дверцу «Кометы», которую Мардж не торопилась закрыть за собой.

— Это — Алоиз... Мне так привычнее его называть. А если хотите, то Ромуальдо... Собственно, вы сами его крестили и перекрещивали, когда перебрасывали из Мира в Мир, словно мячик...

— А Марта — это ваша сестра?.. — скорее утвердительно, чем вопросительно продолжал дознаваться Криница, включая двигатель. — А муж ее, гм... Сотрудник здешних «органов», мисс?

— Да, сестра! — раздраженно подтвердила мисс. — Да, «органов»! Только не тех, что вроде ваших, а криминальной полиции! На него можно положиться, как на каменную стену! Как на утес, господин шпион...

«Комета» благополучно покинула ангар и теперь торопливой утренней тенью скользила мимо унылых придорожных складов и заброшенных домишек предместья.

— Это они организовали вам укрытие, пока и мафия и наши люди днем с огнем искали вас? — догадался Петро.

— Они! — не без гордости признала Мардж. — И могли меня там прятать еще не одни сутки. Но я решила взять инициативу в свои руки...

— Это как, мисс? — покосился на нее Петро.

— Знаете, — дернула плечом Мардж, — я, лично, всегда считала, что лучшая защита — это нападение. И что прятаться нужно там, где тебя никому и в голову не придет искать. Как вы понимаете, это как раз «Риалти». Там, этажом выше, наша фирмочка пару комнат арендовала, гостевых, где в случае чего и переночевать можно... Я заранее чувствовала — и как в воду глядела, — что кого-нибудь в офис да занесет. Может — самого Микиса. Но того, что сразу дуплетом получится, я не ожидала...

— Номер и пароль нашей явки вы у своего шефа узнали?

— Нет. Я лишний раз в его дела нос не совала. Ровно настолько, чтобы не дать ему

вляпаться в какое-нибудь дерьмо. Да вот, видно, не уберегла...

— Вот что... — осторожно начал Криница. — Вы, мисс, я вижу, весьма обеспокоены судьбой вашего шефа. Я могу вас успокоить в этом отношении... Ну не на все сто, конечно, но... Только при одном условии, мисс...

— Этот мерзавец смотался на «Эмбасси» и даже не дал мне знать об этом?! — с глубочайшим возмущением спросила Мардж.

— Вы плохого мнения о своем шефе, — нахмурился Петре. — И об «Эмбасси-2» тоже. Я же сказал: «не на все сто», значит, не на «Эмбасси». Так вы готовы выполнить мое небольшое условие?

Мардж скрестила руки на груди.

— Валяйте, мистер! Читайте, что я дала вам слово.

— Условие простое, мисс: вы не тревожите больше ни вашу сестру, ни зятя, ни кого другого из ваших родных, друзей и знакомых... Если надо, мы им передадим ваши письма. Вы спокойно отсидитесь в нашем подполье и отбудете на «Эмбасси» под нашей охраной. Там, даст бог, вам удастся по подпространственной связи побеседовать с господином Бибером.

— Палладини. Не Бибер он, а Палладини! — зло поправила его Мардж. — Надоели мне эти игры... Ладно... Читайте, что договорились... Ваша взяла. Но только... Какая такая подпространственная связь? Его что — назад, на Гринзею, занесло?

— Не совсем, мисс, — несколько смущенно ответил Криница. — Господин Би... Палладини сейчас находится на Инферне. В руках у надежных... относительно надежных людей из Диаспоры...

Некоторое время Мардж ошеломленно молчала. Потом треснула кулаком по колену.

— Только с ним могло такое случиться! Гос-с-споди!

Ее лицо вдруг снова омрачилось.

— А вы уверены, что Хубилай туда не прорвется?

— Я надеюсь, мисс, — стараясь глядеть прямо на дорогу, ответил Петро, — что наши люди все-таки успеют...

Они не успели.

Мальчишка на фотографии улыбался почти незаметной улыбкой. Такой, которую различить мог только его отец — капитан «супердальнобойщика» первого класса «Микадо» Сигурд Маальгрём. Впрочем, для того чтобы рассматривать укрепленную над его рабочим столом фотографию сына, у капитана выпадало всего-то две-три минуты в сутки.

Предполетной подготовке «Микадо» кэп Сигурд уделял куда большее значение, чем самому полету. Сам полет представлялся ему чем-то вроде отдыха, отягощенного всякими символическими обязанностями, имеющими конечной целью не дать экипажу сойти с ума от скуки и распития тайно занесенного на борт спиртного. Отдыхать было от чего. От праведных трудов по заправке энергоносителя, от ломания головы в связи с загрузкой обновленного софтвера в устаревшую бортовую сеть, от решения нерешаемых задач по размещению и креплению экзотических и, как правило, утомительно-многочисленных «предметов доставки», от бесконечного согласования маршрута следования с региональной навигационной службой, от ремонта и замены корабельных установок, от тестирования бортовых систем, а попутно — от ежеминутной, непрерывной муштры неисправимо бестолкового экипажа... И много от чего другого, чему и имени-то нет...

На стремительно деградирующей Фронде усилия по воплощению в жизнь всего этого возрастали десятикратно. Если бы не необходимость оплачивать довольно дорогое удовольствие — учебу сына в одном из лучших колледжей Метрополии — Сигурд Маальгрём давно вышел бы в отставку и добирал оставшиеся до пенсии годы службы в одной из фирм космокаботажа.

Теперь, созерцая на экране превращение проклятой планетки из гигантского шара, опутанного лихо закрученными вихрями облаков, в скромный голубоватый диск, капитан «Микадо» с усталым удовлетворением думал, что диску этому суждено через несколько часов стать украшающей ночной бархат небес жемчужиной, потом светлой далекой точкой. А потом она совсем исчезнет, эта точка. И будет забыта, как страшный сон...

— Капитан, — раздался в динамике голос корабельного связиста, — принят вызов с космобота орбитальной стражи. У стражи к нам претензии. Требуют стыковки и досмотра.

Кэп тяжело вздохнул: так он и знал, что бестолковая Фронда так просто не отпустит его корабль. Если стражники окажутся капризны, то вполне возможно, что точка подпространственного перехода, к которой сейчас держал путь «Микадо», «уйдет», и тогда придется заново начинать канитель с навигационной службой. А уж она не упустит шанса выставить владельцам «Микадо» кругленький счет за повторное исчисление координат этой самой точки. Но оспаривать распоряжения стражи означало только усугубить неприятности и получить шанс застрять в этих милых местах до второго пришествия. Еще раз вздохнув, капитан взялся за микрофон.

— Всем на борту! — скомандовал он. — Изменение маневра. Штурману — обеспечить маневр. Связисту — провести радиоопознание. А то у Фронды в ближнем космосе можно напороться и на каких-нибудь вымогателей, которые будут из себя корчить стражников...

— Опознание уже проведено, капитан, — доложил связист. — Код опознания подтвержден навигационной службой. Это — космобот «Страж-13».

Кэп еще раз тяжело вздохнул — последняя возможность послать докучливых визитеров

к черту рассеялась как дым.

— Соедини меня напрямую с их капитаном, — распорядился он.

Последовала пара минут шуршания в динамике, и затем несколько смущенный связист сообщил о том, что капитан «Стража-13» желает встретиться с капитаном Маальгремом непосредственно на борту «Микадо».

Капитан Сигурд, отключив микрофон, коротко высказал в окружающее пространство все, что он думает о капитане «Стража-13».

* * *

Похожий на приплюснутый гроб, неизвестно для чего окрашенный в защитные цвета космобот «Страж-13» уверенно ткнулся в причальную мачту «Микадо», и уже через три-четыре минуты в стыковочном отсеке залязгали магнитные подковы ботинок бойцов орбитальной стражи. Капитан «Микадо», неприязненно улыбаясь, ожидал их в просторной приемной камере. Это ожидание с ним разделяли сэконд и штурман.

Появившиеся в проеме гермодвери гости были все как на подбор — косая сажень в плечах, зверское выражение физиономий и пятнистый камуфляж, такой же нелепый в небесах, как и защитная окраска челнока. (Все это было традицией, живущей еще со времен царя Гороха, когда границы проходили по лесам, полям и горам далекой Земли.) Отличался ото всех только сам капитан «Стража» — его весовая категория была явно пожиже, чем у подчиненных.

— Капитан Джабраилов, — представился он, протягивая руку.

— Капитан Сигурд Маальгрем, — свои слова капитан «Микадо» подтвердил рукопожатием, правда, коротким и сдержанным. — Мой корабль к вашим услугам. Но должен поставить вас в известность, что судно прошло уже полный таможенный и пограничный контроль непосредственно перед стартом с планеты.

Говорил капитан голосом умеренно-неприязненным, выдерживая направленный ему прямо в зрачки, исполненный необъяснимой ненависти взгляд командира стражников. Капитан Джабраилов был невысок, темен лицом и явно староват для своего звания и должности.

«Должно быть, характер у этого типа не сахар, — подумал кэп Сигурд, рассматривая его. — Вот чины и не идут. Так на пенсию и выйдешь с поста капитана патрульного космобиота...»

— Таможня занимается одним, наземные пограничники — другим, а орбитальная стража — совсем другим!!! — тихо и очень напряженно объяснил командир стражей непонятливому собеседнику. — У нас есть информация о том, что среди членов вашего экипажа присутствует опасный преступник. У стражи с ним свои счета. Он прикончил нескольких наших... С нами человек, который может его опознать. Это не займет много времени. Вызовите сюда всю вашу команду. Всех.

— Это полнейший бред! — возразил капитан. — Я отвечаю за своих людей!

Он запнулся — странная вещь померещилась ему: будто его сэконд подмигивает Джабраилову, стараясь незаметно привлечь его внимание. «Дождались, у парня, кажется, тик...» — подумал он и немного «сбавил обороты»:

— Впрочем, быстрее будет выполнить вашу просьбу, чем попусту препираться об

очевидных вещах. Вот только... Дежурный по рубке управления не имеет права ее покидать. Ни при каких обстоятельствах.

— Соберите сюда всех остальных, — все с той же тихой яростью в голосе приказал Джабраилов. — А в рубку я пошлю своего человека. Попец! — крикнул он мордвороту, подпиравшему косяк гермодвери у него за спиной. — Дойдешь до рубки и посмотришь, что за тип там сидит. Сделаешь... снимок.

Названный Попцом тип рявкнул что-то, отдаленно напоминающее «Есть!», и захохотал по трапу, ведущему на верхние палубы.

«Заблудится, дурень, — подумал кэп Сигурд. — Откуда ему знать внутреннюю планировку корабля?..»

* * *

Дурень, однако, планировку «Микадо» знал. И до рубки управления добрался быстро, только пару раз налетев на недоуменно спешащих в приемную камеру членов экипажа, которых по селектору созывал голос капитана.

— Посторонним... — начал было сидевший перед главным дисплеем оператор, поворачиваясь в сторону неожиданно отворившейся двери.

Больше он сказать ничего не успел — разряд из десантного бластера заставил его замолчать навеки. Отрегулирован бластер был для боя внутри помещения и отрегулирован точно — взорвав череп невезучего парня, он не нанес ни малейшего вреда сложной системе управления кораблем. Оставалось лишь вытереть с панелей и экранов брызги мозга и крови. Ну и заодно избавиться от неприятного соседства с прежним их владельцем. Чем чистоплотный Попец и занялся.

Эта работа отняла у него немало времени, и к развязке событий, происходивших в приемной камере, он припозднился. Крови и вышибленных мозгов тут было побольше, чем в рубке. Отсек напоминал бойню. Весь экипаж «Микадо» — все двенадцать человек — уже отправились вдогонку за дежурным по рубке. Не составил исключения и второй помощник кэпа Сигурда, так старательно подмигивавший капитану Джабраилову. Капитан Джабраилов — существуй он на свете — может, в благодарность за оказанные услуги и сохранил бы ему жизнь. Но Хубилай благодарности не знал. И жалости тоже.

* * *

Новый экипаж в поте лица своего занимался проводами прежнего экипажа корабля в долгое странствие в космическом вакууме. Но Кубла вместе с Попцом поднялся в рубку.

— Порядок? — осведомился Хубилай, окидывая взглядом многочисленные пульта и дисплеи. — Куда дел жмурика?

— Вытолкнул через резервный тамбур, — доложил Попец. И добавил: — Когда стартуем, шеф?

Кубла поморщился: он терпеть не мог, когда всяческие шестерки докучают ему вопросами. Однако снизошел-таки до ответа. У него было неплохое настроение после быстро и четко проведенного захвата «дальнобойщика».

— Как только ребята там, внизу, закончат вышвыривать за борт этот... балласт. Здесь не слишком удобные тамбуры, а покойники — народ непонятливый...

— Неплохо было бы там пройти из брандспойта, — предложил чистюля Попец. — А то прямо как в Мясницкой...

— Вот и займись этим, — распорядился Кубла, устраиваясь в капитанском кресле. — Отправляйся-ка искать шланг. И с уборкой в этой покойнице управься поскорее. Нам надо в срок добраться до точки. И не до той, из которой собирався прыгать покойный капитан этой посуды, а до нашей точки, из которой мы отправимся к «чертям» в зубы — на Инферну! А она, точка эта, далеко. Почти на пределе полетного радиуса для корабля такого вот класса.

— Так это уже не секрет — наша цель? Но это же... Это совсем другой Мир...

— Теперь не секрет. У меня возникла надобность поболтать с одним человечком из Диаспоры. И разобраться с парочкой других... Чтоб через пять минут ты был там со шлангом, если ребята не додумались взяться за него сами. И отправь пилотов сюда. Они должны были быть в своих креслах уже минут десять назад. У меня нет никакого желания переть до точки на шести «g».

Через двадцать минут «Микадо» отстыковался от ставшего бесполезным «Стража-13», включил движки и начал свой путь к Инферне.

* * *

Сдав Мардж с рук на руки невозмутимому Рейнолдсу и убедившись, что его инструкции восприняты с должным вниманием и приняты к исполнению, Криница отогнал «Комету» на одну из немногих уцелевших охраняемых стоянок — у места, известного в столице как «Греческие дворики» — и, взяв оттуда же свой прокатный «Рондо», не торопясь двинулся к одной из крупнейших гостиниц центра — «Альтаиру». Следовало дать время ребятам из вспомогательной группы «подготовить место».

С подготовкой этой вышла заминка. Судя по всему, Мюрид не схитрил и не подал своим людям предупредительного сигнала. Все было честно — наблюдатели от мафии в гостинице начисто отсутствовали, кроме, разумеется, тех, что присматривали за казино. Но те — само собой — не в счет. Дело было в другом.

— Тут фигня наличествует, — известил Криницу поджидавший его на подъезде к гостиничной стоянке порученец Рейнолдса. — Во-первых, какой-то человек за номером все-таки присматривал. Как только наши к номеру восемьсот четыре сунулись — якобы подвыпившая парочка, по ошибке, как он тут же им в хвост пристроился... Похоже, что тип, от кого-то, кто присматривает за всеми новоприбывшими. Но его нейтрализовали на ближайших час-полтора. Если надо — еще часок потянем.

— Посмотрим по обстановке, — мрачно определил Петро. — Что еще?

— В номере действительно никого нет. Мы туда позвонили, потом один из наших разыграл из себя администратора и в дверь зашел — для беглого осмотра. Никого. Но... Я не понимаю, как люди Мюрида могли прошляпить этого Смита. Там очень простая планировка и все хорошо просматривается без всякой спецтехники...

— Что же вы хотите сказать? — с той же мрачной интонацией осведомился Петро. — Прошу поконкретнее. Мы не на научном семинаре...

— Если есть такая возможность, то... я бы предпочел разобраться в этом поточнее, господин лейтенант. Прежде, чем предпринимать активные действия...

— Только что вы сами дали мне на все про все что-то около двух — двух с половиной часов, агент... — веселья в голосе Криницы не прибавилось. — Давайте называть вещи шершавым языком рапорта. Без всякой лирики. Если вы хотите сказать, что недостаточно хорошо провели предварительную разведку обстановки и не можете гарантировать...

— Нет! — твердо возразил человек Рейнолдса. — Я хотел сказать только то, что если у вас есть какие-то дополнительные возможности, кроме...

— Ни дополнительного времени, ни дополнительных возможностей нет, агент, — прервал его Петро. — Ни у меня, ни у вас. Поэтому я принимаю такое решение: я произвожу осмотр и обыск номера восемьсот четвертого — в течение сорока — сорока пяти минут. Вы и ваши люди меня страхуете по обычной схеме, сохраняя постоянную бдительность. Начинаем немедленно. Вы поняли задачу?

Задачу человек Рейнолдса понял, помрачнел и услужливо распахнул перед Криницей дверцу «Рондо».

* * *

Петро, не торопясь, вошел в вестибюль «Альтаира». Оглядевшись, он с удовлетворением отметил, что жизнь в огромном корпусе гостиницы — несмотря на худые времена — все-таки теплится и из бара доносятся голоса посетителей. В этот бар он и свернул с таким видом, что, собственно, за тем и пришел в этот приют немногочисленных гостей Фронды. Изображать собой местного здесь было не нужно и даже вредно. Местный в баре «Альтаира» — белая ворона. Либо сутенер, либо валютчик. А гости — хоть и ненавистные федералы — свой мир. Мир твердой валюты, благополучия и непонятных для граждан Самостоятельной Цивилизации проблем. На них глаз не останавливается — не больше, чем на плывущих по небу облачках, по крайней мере.

Пригубив местного белого и закусив его солеными орешками, Криница невозмутимо попросил бармена «повторить, но теперь со льдом, пожалуйста», осведомился у него же, «где туту вас можно отлить, милейший?», опорожнил второй стаканчик и вышел в указанном ему направлении. «Где тут можно отлить», он прекрасно знал и без бармена. Планировка «Альтаира» и вообще все, что ему необходимо было знать для проведения операции, он уже успел скачать на свой комп.

Кроме всего прочего, он знал теперь также и то, что в непосредственном соседстве с этими благословенными, отделанными белым кафелем палатами расположена неприметная дверь, выходящая на лестничную клетку, предназначенную для персонала гостиницы. Открыть и незаметно закрыть ее за собой не составляло труда. Особой опасности встреча с кем-то из служащих гостиницы для него не представляла — ни сама по себе, ни как сколько-нибудь вероятное событие. «Альтаир» был не так богат, чтобы содержать такой штат персонала, который бы путался под ногами у всех встречных-поперечных. О телекамерах наблюдения позаботились уже люди Рейнолдса. Забота эта в общем-то свелась к тому, чтобы лишний раз убедиться, что камеры эти по причине дряхлости и отсутствия ремонта в большинстве своем годятся только для устрашения начинающих взломщиков.

В общем, путь до восемьсот четвертого номера был для Петро скорее скучен, чем

опасен. Ключ, изъятый у Смита, тоже поставленной задачи не осложнил. Ничего опасного не ждало лейтенанта разведслужбы и в самом восьмьсот четвертом. Так, по крайней мере, ему показалось после того, как он затворил за собой дверь.

Впечатление номер производил такое, какое производит нормальный, не слишком притязательный гостиничный номер, жилец которого пробыл в нем ровно столько, сколько требовалось для того, чтобы бросить на кровать нераспакованный чемодан, оценить вид из окна, сплюнуть с досады и выскочить в коридор, захлопнув за собою дверь, без особого намерения сюда вернуться.

У одной стены номера располагалась кровать с прикроватной тумбочкой, украшенной сделанной под старину лампой-ночником с каменной подставкой в виде ливанского кедра. Противоположную стену занимали встроенные шкафы, секретер, порядком устаревший узел информации и развлечений и просто масса полок. В третьей находились двери в ванную и санузел. Четвертая стена, в центре которой располагалось окно, была украшена образцами туземного искусства, в том числе копией одного из натюрмортов Алены Тарквини (что, впрочем, осталось неизвестным для участников событий).

Петро, стараясь не «высвечиваться» в окна, прошел вдоль стенки номера, для порядка заглянул в шкафы, ванную и санузел (защитные пленки на всей сантехнике — от умывальника до биде — с надписями, заверяющими, что предметы эти стерилизованы УФ и гамма-излучением, были не тронуты), вернулся в жилую комнату, опустил — от греха подальше — шторы и принялся осторожно распаковывать чемодан, украшающий нетронутую, покрытую цветастой накидкой полуторную кровать. Под саму кровать он, разумеется, тоже удосужился заглянуть. Ничего особенного там не было. Даже пыли маловато. Все-таки в «Альгаире» не забывали поддерживать чистоту в номерах. Содержимое чемодана порядком удивило его. Меньше всего он ожидал, что багаж профессионального разведчика может состоять из набора предметов, что предстали перед его взглядом.

Прежде всего это были книги — настоящие, бумажные книги! Некоторые из них были изданы давно — несколько веков назад. Затем исписанные мелким почерком тетради. А к ним еще куча всякой всячины. Словно в прабабушкином сундуке, в который как-то в детстве случилось забраться юному Кринице — далеко отсюда, в другом Мире.

Были тут очки в самой настоящей роговой оправе — целое состояние по расценкам местных антикваров, старенький ридер, в который файлы теперешних форматов можно было запихивать только через специальный переходник, целая коллекция непонятных, смахивающих на хирургические, инструментов и самая что ни на есть картотека, состоящая из все тем же бисерным почерком исписанных картонных карточек размером примерно с игральную карту.. Пока Криница рассматривал эту древность, до него начало постепенно доходить, что этот чемодан не принадлежит, просто не может принадлежать лейтенанту Харви Смигу.

И он уже начал догадываться, кто его хозяин, когда услышал за спиной осторожные шаги...

* * *

«Ну вот, — подумал Петро. — Доигрались! Шуруем всюду на чужой планете, как у себя дома. Совсем осторожность потеряли. Работаем на грани фолла. И вот он — тот самый фол!

Теперь расхлебывай... Один за всех. Хорошо, если так...»

Как на штатной тренировке, он начал сразу два движения — медленное и быстрое. Медленным, не внушающим предполагаемому противнику ни малейших опасений, слегка растопырив руки, чтоб видно было, что в них нет никакого оружия, он с проникновенной улыбкой на устах стал к этому противнику оборачиваться. Другим — стремительным и неожиданным — он швырнул себя в угол, за спину тому, кто так неумело подкрадывался к нему.

Этот «кто-то» ошарашенно замер, словно вовсе не собирался пару секунд назад огреть неожиданного гостя массивной настольной лампой, которую неловко ухватил за мраморную подставку.

При виде этого предмета голова Криницы отозвалась тупой болью — воспоминанием о встрече с графином шартреза. Но было не до болей в башке.

— Здравствуйте, профессор, — совершенно спокойно произнес лейтенант, поднимаясь на ноги и стараясь спрятать замаскированный под электрокарандаш дистанционный парализатор. Он и сам не заметил, когда тот оказался у него в руке. Чтобы управиться с противником, которого он обнаружил перед собой, оружие вообще не требовалось.

— Черт возьми! — искренне удивился доктор Кульбах, неуклюже поворачиваясь к столь неожиданно изменившему свое местоположение собеседнику. — По-моему, мы знакомы... Я случайно не мог вас видеть э-э... на «Эмбасси-2»?

— Могли, профессор, — заверил его Петро. — И не случайно. В составе комиссии по контролю за...

— Ах да!

Лицо Эберхардта Кульбаха просветлело. Очки (нос его украшал дубликат того предмета роскоши, что минуту назад удивил Петро) радостно блеснули.

Он поискал вокруг себя глазами и со смущенным видом пристроил лампу за спинкой кровати.

— Право же, вам следовало э-э... предупредить меня о вашем э-э... визите, господин э-э... кажется, Крицман?

— Криница, профессор. Лейтенант Криница к вашим услугам...

— Простите мою забывчивость... Однако же, лейтенант, что вы делаете в номере вашего, гм... коллеги? И что вы ищете в моем чемодане?

Теперь в голосе Кульбаха зазвучала нотка подозрительности.

— О, Господи, — вздохнул Петро, тяжело сядя на кровать. — А у вас-то самого, профессор, простите, нет никакого желания объяснить мне, откуда здесь взялись вы? И на Фронде, и в этой вот комнате?

Последний вопрос был далеко не праздным: дверь номера оставалась закрытой изнутри (да и люди Рейнолдса присматривали за коридором), все укромные места в номере лейтенант достаточно тщательно осмотрел две минуты назад. В ситуации ясно обрисовывался элемент мистики.

— Я не совсем понял вас...

Профессор поправил очки.

— Вы, должно быть, не знаете, доктор, что никто — ни одна живая душа на «Эмбасси» — не знает, что вы находитесь на поверхности планеты... Ваше здесь пребывание — чистой воды сюрприз для всех нас, и для службы внутренней безопасности в особенности.

Лицо Криницы оставалось добродушным, только глаза неприятно сощурились и смотрели профессору прямо в душу.

— Скажите, вы собрались просить здесь политическое убежище, доктор Кульбах?

Петро явно переусердствовал, и для того, чтобы подхватить ослабшего в коленках доктора, ему пришлось проявить уже чисто профессиональную сноровку.

— Что вы, что вы, профессор! — торопливо начал он успокаивать Кульбаха. — Я спросил вас для проформы, э-э... не совсем всерьез... Дать вам лекарство?

— Zum Teufel! — вяло, но достаточно категорично отмахнулся доктор. — У вас, господа, левая рука не ведает, что делает правая... Мое пребывание на планете курирует ваш коллега Харви Смит. Он счел необходимым в этот раз оформить наш въезд сюда э-э... инкогнито. Видимо, у вас в очередной раз произошла путаница с файлами...

— А в чем состоит м-м... цель вашей миссии? Почему господин Смит окружил ее такой густой атмосферой секретности, что не счел нужным поставить в известность даже своих непосредственных руководителей?

Последнее обстоятельство заметно смутило законопослушного немца.

— Вы уверены, что это так? — с беспокойством спросил он. — Что это господин Смит не поставил в известность о нашей миссии ваше руководство, а не ваше руководство не сочло нужным поставить в известность вас, лейтенант?

— Это самое руководство развернуло экстренную операцию по вашему с лейтенантом поиску и доставке обратно на «Эмбасси». Вы понимаете, что такое решение могло быть принято только на самом высоком уровне?

Профессор, осознав смысл сказанного, выпрямился, затем энергично поднялся с помятой кровати и принялся мерить номер шагами.

— Из вас двоих я должен поверить кому-то одному.. Как я понял, вы намерены предложить мне немедленно, как говорится, собрать шмотки и последовать за вами. Откуда я знаю, что вы действительно намерены доставить меня на станцию?

— Вас устроит разговор с подполковником Дель Реем на эту тему? — устало осведомился Криница. — У меня с собой блок связи с кодированными каналами...

Он вытащил из потайного кармана плоскую коробочку радиотелефона и про себя вознес богу молитву, чтобы тот и в этот раз уберег разговор от перехвата. «Землеройка» и так гуляла по лезвию бритвы.

Некоторое время Кульбах пристально смотрел на него, затем решительно отстранил протянутый ему аппарат.

— Разговор с «Эмбасси» можно и имитировать, а вот выражение вашей физиономии, молодой человек, никогда не обманет старого лиса Кульбаха... Не стоит лишний раз выходить в эфир.

Еще несколько секунд он выразительно молчал.

— Я с самого начала подозревал, что Смит мудрит. Но... Тогда мне казалось, что все это связано со спецификой того дела, в которое он меня посвятил...

— Что это было за дело, профессор? — мягко подтолкнул его к разговору Петро.

— Смит обещал мне организовать встречу с Сильвани. Слышали о таком?

— Простите? — не стал скрывать своей неосведомленности Криница.

— Альберто Сильвани — крупнейший специалист в области медицины ранарари, — снисходительно пояснил доктор. — Именно он курирует все несчастные случаи и заболевания, которые происходят с находящимися на Фронде «чертями», а их здесь свыше

двух миллионов. И при этом, заметьте, основная специальность Сильвани вовсе не терапия или анатомия. Он — нарколог. Это вам о чем-то говорит?

Секунд пять Петро переваривал этот факт.

— Так вот, — продолжил Кульбах, — Харви, то есть, извините, лейтенант Смит утверждал, что нам удалось за огромный гонорар, конечно, «расколоть», как у вас выражаются, господина Сильвани на, так сказать, интервью со специалистами от «Эмбасси-2». И в качестве первого такого специалиста выбрал вашего покорного слугу...

Профессор несколько театральнo откланялся Кринице и продолжил вышагивание из угла в угол по номеру гостиницы.

— Смит обставил все это с величайшей секретностью — даже мои ближайшие помощники не должны были знать об истинной цели моего полета сюда...

— Они о нем не знали вообще, доктор... — с ядом в голосе уведомил его Криница.

— То есть Смит не передал сотрудникам отдела моих инструкций? — возмущенно спросил Кульбах.

Впрочем, возмущение его было адресовано уже не проходе Смицу, а самому себе, наивному дураку, на старости лет презревшему элементарные правила работы в режимном заведении.

— Профессор! — взорвался Петро. — Какие там, к черту, инструкции! Он, верно, выбросил их в мусоропровод, как только вы отошли подальше! Благодарите бога за то, что вы еще живы! Этот тип конспиративно вывез вас со станции с единственной целью — свалить на вас все подозрения, которые у нас возникли. Больше вы ему ни для чего не нужны! Не пойму, почему он не избавился от вас сразу, как только вы с ним покинули борт «Эмбасси»! Готов поспорить, что никакой Сильвани и слыхом не слыхивал о том, что ему собираются платить за секретные переговоры с федералами!

Криница замолчал, играя желваками. Потом снова возрился на угнетенного мыслью о совершенной глупости профессора.

— Сейчас мы тронемся отсюда, господин Кульбах. Скажите мне только одно... — он еще раз пристальным взглядом окинул номер, — откуда вы взялись тут. Я не мог не услышать, что срабатывает замок двери. Да и мои люди расставлены вокруг. Должны были дать мне знать, как только в коридоре появился бы хоть кто-то посторонний. Вы же возникли у меня за спиной, как бог из машины. И приголубили бы меня осветительным прибором в темечко, если бы двигались тише...

— Да... — вздохнул Кульбах, покосившись на лампу. — Хруст в суставах. Пора заняться моим артритом... Что до того, как я проник в эту комнату... — он пожал плечами. — Элементарно... Следуйте за мною. Тем более что мне необходимо переодеться «на выход»...

Он двинулся в направлении ванной и поманил Петро за собой. Тот незаметным движением вынул парализатор, сжал в ладони и осторожно вышел вслед за старым профессором в ванную комнату. Штора, загораживающая душевую кабинку, была теперь отдернута, а часть стены этой кабинки была сдвинута в сторону и открывала проход в точно такую же — только другой отделки душевую. В соседний с восьмьсот четвертым — восьмьсот третий номер.

Кульбах шагнул в проход и еще раз жестом пригласил Криницу следовать за собой.

— Харви утверждал, что здесь раньше были трехкомнатные номера, — пояснил он. — Но потом номера э-э... разукрупнили, а двери заперли, и остались номера двухкомнатные. Потом — однокомнатные. Но, главное, осталось по две двери, которые их соединяют. Харви

очень гордился, что обнаружил это не так давно. Он оставил мне свой э-э ключ...

— Это вообще-то называется отмычка, — вздохнул Петро, покрутив предмет у себя перед носом.

— Так или иначе, эта штука открывает сей замок, — пожал плечами Кульбах, — и это меня вполне устраивает. Харви просил меня в случае, если кто-то начнет беспокоить меня в этом номере, перебраться в соседний... В его или, наоборот, в тот, что справа по коридору, — он пустует. И его этот ключ тоже открывает... Гм... похоже, что действительно, лучше называть его отмычкой...

— Так вы все это время находились здесь? — спросил Криница, проходя из ванной в строго симметричный восьмьсот четвертому соседний номер — почти столь же стереотипный и необжитый. — И за двое с лишним суток даже не нашли времени распаковать багаж? Кстати, почему вы свой чемодан оставили там — в номере господина Смита?

— Знаете... — Кульбах развел руками. — Мы вселялись в «Альтаир» по-отдельности, чтобы не привлекать к себе внимания... Харви оказался столь любезен, что взял на себя хлопоты о моем багаже. Тем более что своего у него фактически не было. А я прогулялся по Центру... В страшном, надо сказать, запустении столица пребывает, что же тогда у них творится по окраинам?

Профессор пожал плечами и, не дожидаясь ответа на свой риторический вопрос, продолжил:

— Так вот, я прошелся по городу, купил себе этот кейс, — он кивнул на стоящий в углу старомодный чемоданчик, — немного еды — так, к чаю. Я, знаете ли, не прожорлив, и кое-что для чтения на ночь...

Его слова подтверждали весомые вещественные доказательства — на прикроватной тумбочке стояли два опустошенных разовых термоса и горка пластиковых стаканчиков, а у изголовья кровати валялись рассроченные упаковки из-под сэндвичей и напечатанные на дешевом заменителе — не чета мелованной бумаге фолиантов, заполнявших нутро чемодана из соседнего номера, — «одноразовые» томики какого-то местного издательства.

«Хитрость Хромого» — прочитал Петро на обложке одного из них. Взял вторую и выяснил, что видит перед собой еще одно творение плодовитого литератора Анатолия Смольского — «Отставка Хромого».

— Вы читаете подобную муру, профессор? — искренне удивился он.

Для себя он считал возможным потратить пару часиков на сон грядущий, когда обстоятельства это ему позволяли, на чтение сочинений Смольского или Дженнифер Флокс — эта литераторствующая дама (или созданный «ПРЕ-ЧМО» ее виртуальный образ) тоже активно эксплуатировала фрондийский антураж для своих политических детективов. Они, детективы эти, всегда были приятны ему тем, что не имели ни малейшего отношения к реальной Фронде, о тротуары которой приходилось сбивать свои подметки специальному агенту Кринице. Такое времяпрепровождение для себя он считал простительной слабостью, так как корифеем мысли себя никогда не числил. Но то, что на подобное чтение тратит свое драгоценное время одна из самых крупных научных шишек в секторе, было для него потрясением.

— Знаете... — Кульбах несколько смутился. — Смит предупредил, что нам, возможно, придется провести некоторое, может быть, довольно длительное, время в ожидании нашего м-м... партнера. Так что я прихватил с собой несколько э-э... работ, с которыми давно хотел

ознакомиться на досуге... Вы их видели, когда, гм... досматривали мой багаж. Но... понимаете, когда я вселился в свой номер и, как условлено было, прошел к Харви — через ту дверь, через которую... Ну — вы поняли... Так вот. Харви был необыкновенно нервозен и торопился куда-то... Для меня у него оказались свободными лишь пять-шесть минут... Он сказал нечто в том духе, что возникли непредвиденные обстоятельства... Что опасность резко возросла и я не должен показывать носа из номера... Это так повлияло на меня, что я... Видите ли, я человек, привыкший к, так сказать, кабинетной работе... К труду в спокойной обстановке... Так что ни на что, кроме чтения сочинений господина Смольского, я просто не был способен. К тому же мною овладела бессонница...

Петро взглянул на обложки четвертого и пятого томиков. То были «Смерть Хромого» и, соответственно, его же, Хромого, «Воскрешение».

«Контрафаксные, между прочим, издания, — подумал он. — „ДУСТ“ вправде Фронде иск впаять. А впрочем, я сюда не издательские права защищать прилетел. Да и не довести эту макулатуру даже до геостационара. Рассыплются в прах — и хана вещдокам...»

В этом он был прав: в состав той дряни, на которой местные «пираты» распечатывали нетленные творения Анатолия и других доходных «генераторов текстов», был, разумеется, введен фотосенсибилизатор, превращающий в сероватый прах каждую из страниц «книжки-мотылька» через пару суток после того, как на нее падал свет.

Петро потряс гудящей головой, чтобы избавиться от посторонних мыслей, и снова взял быка за рога.

— Когда это было? Я имею в виду ваш последний разговор со Смитом. Как давно вы здесь кукуете?

— Н-ну... Кончаются уже вторые сутки... Я уже начал затрудняться в определении своего нынешнего состояния, когда вы...

— Смит покинул свой номер, пройдя через ваш?

— И дальше, через соседний...

— Господи, наконец-то я понял... — возблагодарил бога Криница.

— Вы ничего не поняли. Мы принимали еще и дополнительные меры безопасности...

Кульбах полез во внутренний карман куртки, висевшей на спинке стула, и извлек оттуда небольшой футляр.

— Вот — смотрите...

Он начал доставать из футляра и прилаживать себе на щеки, лоб, подбородок почти незаметные, под цвет кожи лица наклепки — каждая размером с квадратный сантиметр, не больше.

— Ого! Так вы и этот макияж использовали?... — воскликнул Петро не без уважения к основательности, с которой его бывший коллега подготовил эту операцию.

— Отвернитесь на минутку, — попросил его Кульбах. — Будет сюрприз. Заодно мне надо еще и гм... переодеться...

— С удовольствием, — согласился Криница. — При условии, что сюрприз ваш не будет состоять в ударе тяжелым предметом по темени. У меня там четыре шва, знаете ли... относительно свежих...

Получив заверения профессора Эберхардта Кульбаха, что никакое причинение вреда своему собеседнику им не замышлено, Криница некоторое время, стоя спиной к доктору, изучал висевшие перед ним на стене картины. Через пять-шесть минут такого созерцания деловитое шуршание, производимое почтенным профессором за его спиной, сменилось

возгласом, приглашавшим его лицезреть результат перевоплощения доктора Кульбах в нечто совсем иное.

— Как я вам нравлюсь в таком виде, Кириниса-сан? — осведомился у него завернутый в кимоно японец, вежливо улыбавшийся и сгибавшийся в поклоне.

Мини-электроды, подававшие согласно программе своих микрочипов импульсы на мышцы лица уважаемого доктора экзобиологии, превратили его в типичного жителя, Страны восходящего солнца. Тренировки, которые, очевидно, провел с ним хитроумный Харви, позволяли доку вполне естественно принимать осанку, соответствующую его новому облику. Мимикрия была полной — даже рост профессора, казалось, уменьшился.

— Здорово! — признал Криница. — До Космотерминала вы в таком виде дотянете?

— Как говоритиця — «нет проблема»! — с японским акцентом заверил его доктор. — Только мисица лица болеть будет потом...

— Тогда делаем глубокий вдох и — ходу, профессор! Ваш чемодан заберут мои люди. Нам не надо привлекать к себе внимание. Кстати, насчет вашего внешнего вида. Кимоно в здешней обстановке смотрится почище, чем знамя в руках. К тому же, насколько я знаю, даже на Земле японцы носят его только дома...

— Кимоно я, с вашего позволения, поменяю на дорожную одежду, — несколько смущенно согласился с ним Кульбах. — Я, знаете ли, переусердствовал по части внешних эффектов. Еще пару минут, пожалуйста... К тому же мне надо принять таблетку этой ерунды...

— Это зачем еще? — нахмурился Петро. — Какой такой ерунды?

— Харви прописал мне вот это...

Кульбах протянул лейтенанту упаковку таблеток.

— Антиаллерген или что-то в этом роде... Чтобы не свалиться неожиданно от какой-нибудь местной хвори. Одна таблетка каждые двенадцать часов...

— Разве вы не прошли стандартный курс прививок? — озадаченно спросил Петро. — Вы же много раз бывали на Фронде. И каждый раз глотали таблетки?

— Боже мой, конечно нет! — замахал руками Кульбах. — То есть нет, конечно, да! Я имею в виду, что да, конечно, я регулярно делаю все эти прививки. И никаких таблеток в связи с командировками никогда не принимал... Но все то было, как правило, ненадолго — день, два... А сейчас предвиделось гораздо более долгое пребывание на...

— Как видите, оно оказалось коротким, доктор, — сурово оборвал его лейтенант. — Не вздумайте глотать эту дрянь.

— Харви сам принимал эти таблетки... Если вы думаете, что...

— Из одной с вами упаковки?

— Разумеется, нет, но...

— Никаких «но», профессор! Это снадобье я оставлю при себе. Для последующего анализа. Смит давал вам еще какие-нибудь лекарства?

— Нет...

— Тогда поскорее натягивайте штаны и ходу отсюда, профессор! Ходу!!!

* * *

Подзастрявший в туалете верзила-клиент без особого шума вернулся в бар, подцепив

где-то по дороге, в качестве собутыльника, пожилого, но жизнерадостного японца. Японца верзила угостил имевшейся в репертуаре бара горилкой (и основательно угостился ею сам), а тот в ответ пожелал угостить верзилу sake. Но sake в баре «Альтаира» отродясь не видали, и оба клиента отчалили — искать сей напиток в «Сакуре», где ему сам господь быть велел.

Ничем больше они ни бармену, ни кому-либо из посетителей не запомнились.

* * *

В каюте, совсем недавно служившей кабинетом капитану Сигурду, толклась неполная дюжина вооруженных людей. Шестеро присматривали за тем, чтобы ничего худого не вышло с великим Кублой, четверо пеклись о личной безопасности своего шефа — капитана спасательного бота, десять минут назад причалившего к стыковочному узлу «Микадо». Оба «больших человека», сидя в креслах, без всякой приязни созерцали друг друга. Наконец после непродолжительной паузы тот тип, что сидел напротив Хубилая, не отрывая своего угрюмого взгляда от его физиономии, изрек:

— Вы просто сошли с ума!

Кубла и не подумал хоть как-то реагировать на эмоциональное состояние собеседника. В капитанской каюте «Микадо» воцарилась напряженная тишина. Тогда тип продолжил:

— Вы осознаете, на что нарвались бы, если бы я и мои люди не успели перехватить вас раньше, чем патрульные эсминцы? И это — через пару суток после того, как земной корабль со скандалом, с громом и шумом шлепнулся на планету!

— Не земной. Фрондийский, — поправил его Кубла. — Да и вообще, то был объявленный рейс в рамках «Договора о космонавигации». Не знаю уж, что у них там вышло на сближении с планетой...

— Поразительная осведомленность! — к возмущению в голосе командира космобота Службы спасения добавилась злая ирония. — Зато ваш корабль вылез из подпространства поперек всех договоров и без всякого оповещения! По логике вещей вас могли просто спалить коллапс-зарядом.

— Не могли, — спокойно заверил его Хубилай. — Мы вынырнули в нейтральном Космосе. Ну, может быть, чуть зацепили договорную зону... Но не настолько, чтобы всполошить военно-космический флот ранарари. А вам мы дали сигнал, по которому вы и пригнали сюда. Как и было условлено.

— Когда и с кем условлено?! — собеседник Кублы треснул кулаком по столу. — Моим шефом и вашим агентом? Никому и в голову не приходило, что вы сами сюда заявитесь, да еще этак вот — на корабле, который вот-вот будет заявлен в розыск!

— Кстати, о вашем шефе... — раздраженно прервал его Хубилай. — Почему пан Раковски не соизволили лично?..

— Да по той простой причине, что ваши молодцы, что пригнали тот — первый — корабль, сделали ему и его экипажу такое паблисити... Одним словом, пану Раковски просто сейчас не до вас. Я, — он выразительно ткнул себя в грудь, — Алонсо Керуак — буду здесь представлять его интересы, хотя и не совсем понимаю, чем я могу вам оказаться полезен в такой ситуации... Да вы, я вижу, не в курсе здешних событий?

— В первую очередь, — еле сдерживая нарастающее раздражение, начал Хубилай, — меня интересует, в чьих руках сейчас находится «Ганимед» и его груз. Во вторую — что там

приключилось с парнями, что были на борту посудыны? К вашему сведению: по крайней мере один из них — легавый. Причем легавый с очень большими полномочиями... И еще вам не мешает знать, что Фронду отрубили от всех каналов подпространственной связи! — тут злость Кублы наконец-то вырвалась наружу. — И никак иначе, чем так, как я сделал, уведомить вас, о слов, об этой ловушке я не мог!

Алонсо презрительно хмыкнул.

— Все это немного неактуально сейчас, — примирительным тоном начал он. — Один только черт знает, где сейчас находится ваш кораблик. Если верить официальным сообщениям, он сгинул вместе со спасательным ботом где-то у самого побережья Второго материка. На его поиски брошены флот и авиация ранарари...

Кубла вцепился в подлокотники кресла так, словно хотел вывернуть их напроочь.

Алонсо, не обращая внимания на реакцию Хубилая, вызванную этим его сообщением, с садистским спокойствием продолжал:

— Экипажи бота и арматор «Ганимеда», поговаривают, благополучно катапультировались. Нашли же только один труп нашего человека, из спасателей. И немного погодя из пустыни прибрел полуконтуженный Раковски. Сейчас он отсиживается в отпуске по болезни. Остальные — сгинули бесследно. Но это — официальная версия, — заметил капитан Керуак. — На самом деле все обстоит немножко по-другому, как вы, наверное, догадываетесь... Но как — сказать трудно. Наши не все побились. Кое-кто залег на дно. Похоже, что уцелел арматор «Ганимеда». Его как-то успели запихнуть в спасательную капсулу... Сейчас они с паном Лешекком в столице — ходят вокруг друг друга кругами...

— Как его зовут?! — выкрикнул Кубла. — Как зовут этого арматора?!

— Если вы хотите сказать, что господин Крюгер работает на какую-то из спецслужб федералов, то вы никого здесь не удивите... Здесь игра идет уже по нашим правилам. И в правила игры маленькие хитрости господина Крюгера — входят...

— Это что, у вас тут правила такие — самим голову в петлю совать?! — против его воли голос Хубилая сорвался чуть ли не до визга.

— Послушайте, — Алонсо подался вперед, к самому лицу собеседника, — собственно говоря, в вашем присутствии здесь нет никакой необходимости! Более того, вся эта каша, которую заварили ваши люди на этом чертовом «Ганимеде»...

Затянувшийся разговор с незванным и оказавшимся к тому же еще бестолковым «гостем» начинал Керуаку действовать на нервы.

— Вы ведь и о том, наверное, не знаете, — ядовито продолжал он, — что кораблик-то прибыл сюда, груженный покойничками... Весь экипаж был начисто перебит. Что за свара у них в полете вышла, теперь уже невозможно дознаться. Зато, кроме Крюгера, на борту оказались еще трое пассажиров. Вы можете мне на это что-нибудь путное сказать?

Теперь пришла очередь Хубилая по-рачьи пялить глаза и возмущенно раздувать ноздри.

— Ты хочешь сказать, что в игру влез кто-то еще?.. — он запнулся, пытаясь подобрать слова для выражения той мешанины, в которую превратились все его представления о незадавшемся рейсе «Ганимеда». — Кто-то, кто хотел нас всех объехать по кривой?

— Разбирайтесь сами... — махнул рукой Керуак. — Там, у себя, на Фронде... А тут вам и вовсе делать нечего. По уму, от вас следовало бы избавиться. С концами. Единственное, что нас останавливает, так это расчет на дальнейшие поставки «порошка»... А вот что до ваших претензий на долю в доходах, то ее придется изрядно поуменьшить — по теперешнему раскладу.

С минуту Кубла, покрывшись от ярости багровыми пятнами, сверлил Алонсо диким взглядом, лишенным всего человеческого.

— А это уже зависит от того, как я и мои люди сыграем сейчас — на поиск и захват «груза», — прошипел он. — Вернем товар, тогда и поторгуюсь...

Алонсо был просто парализован наглостью такой заявки. Он чуть растерянно обернулся на четверку своих телохранителей. Кто-то из них потянулся к рукоятке бластера. Стоявшая позади Хубилая команда ответила характерным шевелением. И обе шайки замерли в напряженном ожидании.

— Как вы себе представляете ваши действия, — спросил Алонсо Кублу таким голосом, которым разговаривают психиатры со своими особо опасными клиентами, — на совершенно чужой планете, среди людей, о нравах и повадках которых вы и понятия не имеете? Без визы, без толковой легенды, под носом у властей, которые и так уже на ушах стоят в результате последних событий?

— Но вы-то сами не боитесь таскать каштаны из огня под этим самым носом, у этих самых властей! — не слишком логично парировал его Кубла.

— Нашли с чем сравнивать! — пожал плечами Алонсо. — У нас неплохой тыл в Диаспоре. Годами наработанный. И неплохие ходы, о которых не догадываются ни здешние легавые, ни господа федералы, ни Хозяева... Так что самое лучшее для вас — коли вы уж здесь — это поболтаться в нейтральном Космосе под видом самостоятельного ремонта двигателей, скажем, до тех пор, пока мы не доиграем партию до конца...

— Нет уж! — Кубла надменно откинулся в кресле. — Если хотите, то болтайте в вакууме сами. А меня не принимайте за идиота. Если вы воображаете, что у меня в этом деле нет своих зацепок и планов, то сильно ошибаетесь! Единственное, что мне нужно от вас, так это чтобы вы без особого шума и треска доставили на планету меня и моих людей. И, конечно, обеспечили бы нам хотя бы минимум необходимых бумажек для того, чтобы власти не цеплялись на каждом шагу. Уж среди десятка миллионов землян мы найдем, где и как приткнуться незаметно... Десять миллионов — это вам не селение колонистов. Это — величина уже неконтролируемая...

— Боже мой! — Алонсо завел глаза под лоб. — Он действительно воображает, что что-то понимает в здешних делах! Послушай, Хубилай! Единственное, чего ты и твои люди смогут добиться, так это напрочь сорвать всю затею! Поэтому...

— Поэтому никаких разговоров на эту тему больше не будет! — отрезал Кубла. — Мы на равных участвуем в поиске и возвращении «груза». А когда найдем и вернем, тогда уж и поторгуюсь! Все! Я сказал!

Это был блеф. Но блеф, с которым приходилось считаться. Пределов безумия Хубилая не мог предвидеть никто. Об этом кэп Керуак знал. Поэтому оставлять «Микадо» в его сальных руках было делом рискованным. Имея в своем распоряжении «супердальнобойщик» с невыработанным и до половины ходовым резервом, непредсказуемый авантюрист мог натворить в окрестностях Инферны все, что угодно. Даже начать очередной межцивилизационный конфликт. С другой стороны, с часу на час к «Микадо» должны были проявить интерес Патрульная служба и военно-космические силы Инферны. Не говоря уже о том, что вот-вот о «Микадо» мог поступить запрос федералов — Кубла явно получил в свои руки корабль угоном, а то и путем вооруженного захвата... Нужно было идти на компромисс.

— Теперь выслушай меня...

Алонсо поманил Хубилая пальцем, и тот нехотя подался вперед.

— Если тебе так уж нейдет участвовать в игре, то... — Алонсо окинул взглядом стражу свою и Хубилая. — То единственное, что я могу сделать, это взять тебя на борт своего бота. Переодетым. Взамен одного из своих. Пойми — мы люди подневольные. За каждый свой шаг отчитываемся перед Хозяевами. И корабль твой я не имею права допустить в контролируемый Космос Инферны. А если допущу, нас сразу атакуют патрульные эсминцы. А это крышка. С ними не поспоришь. Так что... Пусть твои люди дожидаются тебя в Нейтральном Космосе и делают вид, что копошатся в движке. А ты — раз уж так тебе в задку чешется — погуляешь по планете. Но только учти — отвечать за тебя я ни перед кем не собираюсь. Умываю руки!

Напряжение, висевшее в воздухе, начало ослабевать. Обе замершие друг напротив друга группы боевиков с оцетинившимися стволами бластеров почувствовали это и чуть расслабились.

— Ладно. Твоя взяла... — Кубла вновь, теперь уже лениво и расслабленно, откинулся на спинку кресла. — Принимаю такой вариант. Ксива у меня на руках будет?

— Будет...

Алонсо тоже откинулся в кресле с облегчением.

— На первые дни получишь удостоверение Службы спасения — поколдуем с нашими файлами и с карточкой... Потом, если потребуется, сварганим кое-что посолиднее.

Он обернулся на своих людей, подыскивая по внешности близкого к Хубилаю.

— Роберто, подойди сюда...

* * *

Попец, оставленный дежурным по рубке управления, чуть сдуру не всадил заряд бластера в лоб неожиданно появившемуся в проеме двери Хубилаю. И немудрено. Тот был наряжен в униформу Службы спасения и до синевы выбрит. Зрелище для его подручных дикое. Но, узнав наконец шефа, Попец вытянулся перед ним во фронт.

— Вот что, Никита... — рассеянно бросил Хубилай, не обращая внимания на имевшее место недоразумение и оглядываясь в поисках свободного сиденья. — Я убываю на Инферну. Один.

— А?.. — недоуменно начал было Попец, но тут же и осекся.

— За старшего формально оставляю Гусмана, — продолжил шеф, не обращая внимания на подавленную в зародыше реплику пилота. — А для тебя у меня есть задача поважнее...

Он опустил в кресло штурмана и закинул ногу на ногу. Достал из кармана и поднял на уровень глаз оптомагнитную карточку — обычную на вид. Поверх карточки он пристально уставился на сподобившегося неслыханной чести подручного.

— После того, как я убуду на боте, — стал объяснять он, наблюдая за тем, достаточно ли ясно тот его понимает, — ты введешь программу с этой карты в главный бортовой... Сделаешь это так, чтобы никто не знал. Ты понимаешь меня? Это очень важно.

Попцу просто поперек горла стояла эта манера Кублы разговаривать со своими подчиненными как с полными идиотами. Но он уважительнейшим тоном заверил шефа, что понимает его, как никто другой.

— После этого будь все время начеку. До тех пор, пока я не вернусь... Не вздумай

ужраться спиртным или проспавать события. Я приказал, чтобы дежурный, в случае чего, поднял тебя на ноги в первую очередь...

Кубла снова осведомился, хорошо ли его понимает Попец, а Попец заверил его, что хорошо.

— Так вот, если возникнет опасность потерять корабль, — успокоенно продолжил Хубилай, — либо «черти» пригонят эсминец, либо федералы доберутся до нас... До вас то бишь... Тогда ты вот этим ключом, — на свет божий явилась вторая карточка, на этот раз простая магнитка — ключ от капитанской каюты, — отопрешь мою каюту и заберешь кейс. Он будет закреплен на полке над лежанкой. Сам понимаешь, есть кое-какие вещи, которые я не могу тащить с собою туда... Потом с кейсом лезешь в капсулу экстренной эвакуации и оттуда по общей сети загрузишь в комп вот эту команду...

Кубла вытянул из непривычного ему кармана фломастер и тут же, на карточке, написал несколько букв и цифр.

— Легко запомнить, правда?

— Легко, — согласился Попец.

— Вот и я так думаю, что легко... — Хубилай заглянул в глаза своего особо доверенного лица. — Но только запомни: после этого у тебя в распоряжении останется только сорок минут. Ты должен будешь врубить движок капсулы на полную мощность и уходить от корабля на всех шести «г» как можно дальше. Потому что ровно через сорок минут главный движок «хлопнет». Рванет!

— А-а?.. — подавился недоумением Попец.

— Тебя волнует судьба твоих товарищей? — ухмыльнулся Кубла.

— Ни хрена она меня не интересует — их судьба! — торопливо зашептал Попец. — Я-то... Я-то куда денусь на этой капсуле дурацкой? Ведь это же не ближний Космос... Отсюда до планеты...

— В Службе спасения здесь — как видишь — сплошь наши люди, — растолковал ему шеф. — А в случае чего ты ничего не слышал, ничего не знаешь и ничего не помнишь. А кейс... Там из него петля торчит, такая характерная. В случае риска — выдернешь. Сработает пиропатрон. Только отбрось от себя подальше... Ну... в таком случае иди в отрицаловку. Никаких показаний — никому. Ни «чертям», ни своим. Об адвокатах для тебя уважаемое общество позаботится. Даже если Кубла (удивительное дело, Хубилай помянул себя в третьем лице) на этой затее и свернет голову...

В рубке наступило молчание.

Попец, конечно, понимал, что надо было бы воспротивиться столь пессимистическому предположению, но осознание того, что шеф бросает их всех — а его самого в особенности — на произвол судьбы, причём судьбы, контуры которой в ближайшем будущем прочитывались слишком ясно, парализовало его на секунду-другую. Это не осталось незамеченным.

— Да ты, я вижу, и вовсе раскис, — сказал Хубилай в пространство перед собой. — Пожалуй, я напрасно...

— Вы можете положиться на меня! — торопливо начал исправлять свою оплошность похолодевший от ужаса Никита. — Но я... Что это вы так настроились, шеф?.. У вас не бывает неудач!

Некоторое время Хубилай тяжелым взглядом рассматривал его снизу вверх, поскольку Попец не решался опуститься в пилотское кресло и продолжал стоять перед хозяином на

полусогнутых, чтобы не слишком возвышаться над его священной персоной. Выдержав впечатляющую паузу, Кубла швырнул ключ-карту на пульт и поднялся на ноги.

— Ну что ж... Я рассчитываю на тебя. Ты не пожалеешь о том, что я оказал тебе доверие. Если, конечно, оправдаешь его...

Попец поглядел вслед шефу, за которым отрезала проход в осевой коридор стальная гильотина гермодвери, и тяжело опустился на сиденье кресла пилота.

* * *

— Да, да... Ждите меня через пару минут, — пообещал Хубилай в трубку ручного селектора и, повернув рукоятку, вошел в оставленный предусмотрительно открытым капитанский бокс. Вынул из полки-фиксатора плоский кейс и открыл его. В кейсе действительно лежал пиропатрон, и петля, продетая через его чеку, была выведена наружу через пропилен в окантовке одной из створок. Осмотревшись вокруг, он прихватил с капитанского стола несколько папок с бумагами и дискет и, не интересуясь их содержимым, бросил в кейс. Взвесил его в руке. Главное, чтобы он не казался пустым. Человек, которому при плохом раскладе карт судьбы предстояло вместе с «Микадо» исчезнуть в пламени аннигиляционной вспышки, должен был до конца питать иллюзию, что по крайней мере несколько часов он еще будет ему — Хубилаю — необходим...

* * *

Свен Севелла назначил Рею Яшми встречу на время, крайне неудобное для Кима Яснова — ровно за час до предстоящего randevу Джона К. Крюгера с господином Раковски, которое следовало держать под неусыпным контролем. Поэтому, поднимаясь по ступеням выстроенного «под барокко» особняка известного на всю Диаспору мецената, агент на контракте был настроен решительно: брать быка за рога с первых же слов предстоящего разговора.

Но человек предполагает, а бог — располагает. В обширном вестибюле, куда попал господин Яшми, преодолев ступени крыльца и массивную дубовую дверь, отпертую перед ним самым настоящим лакеем, его ждало основательное испытание нервной системы. Облаченный в изысканный вечерний костюм сухонький и проворный господин Севелла извинился перед своим гостем за то, что не сможет уделить ему достаточно много времени, так как имеет свои планы на этот вечер. Однако вместо того, чтобы сразу перейти к деловому разговору, он неожиданно предложил гостю пройти в картинную галерею, которая располагалась в крыле его жилища, полюбоваться коллекцией «иллюзий». То, что этой чести удостоился гость, не сообщивший в своем письме конкретной цели своего визита, насторожило Кима. Кого попало Свен Севелла в свою галерею не водил. Видимо, меценат своевременно навел о господине Яшми справки, а теперь зачем-то тянул время.

Панно Предтечей поразили Кима. До этого он видел всего два или три небольших фрагмента этих гипнотизирующих творений, выставленных в городском музее Коппертауна на Синдерелле. На Инферне он их не встречал никогда. Поймав себя на том, что «разменял» уже второй десяток минут, он перешел в наступление.

— Неужели вам никогда не предлагали расстаться хотя, бы с некоторыми из этих панно? — деланно удивился он. — За соответствующую цену, разумеется?

На узком личике господина Севеллы обозначилась утонченно презрительная улыбка.

— В Диаспоре обитает народ не бедный, хотя и прижимистый, — сообщил он наивному гостю. — Тем не менее здесь не найдется такого богача, который бы позволил себе заплатить хотя бы за самое маленькое из моих панно...

«За какие же шиши приобрел их ты, старый сквалыга?» — машинально подумал Ким, а вслух спросил (все с тем же подчеркнuto деланным любопытством):

— Ну а из других Миров вам не поступало таких предложений? Например, с Фронды?

Они дошли уже до середины галереи, когда агент, почувствовав неладное, попытался приостановить их мерное, но неуклонное движение к расположенной в торце комнаты-коридора низенькой дубовой дверце. Не нравилась она ему чем-то, эта дверца.

— Ну что вы...

Севелла невозмутимо двигался в выбранном им направлении, и Киму пришлось следовать за ним.

— Откуда, — продолжал меценат, — на этой нищей планетке сыщется покупатель на подобные предметы? Или вы имеете в виду кого-то определенного?

— Я имею в виду того, от чьего имени к вам обращались не так давно с подобными предложениями...

Севелла по-прежнему медленно шел вдоль вереницы янтарных панно, вставленных в рамы из черного дерева.

— Вам, конечно, известно, что господин Фрост в дальнейшем не сможет осуществлять свое посредничество в той сделке, которую предлагал вам, — продолжил Ким, отчаянно блефуя. — Но я могу вас заверить, что сделанное вам предложение остается в силе...

Они достигли конца галереи и стояли теперь у той самой дверцы.

Меценат наконец повернулся лицом к агенту.

— Послушайте, молодой человек, — резко произнес он, с неожиданной фамильярностью беря Кима за пуговицу, — я понимаю людей, которые ведут двойную игру... Но те, кто пытается вести игру тройную, мне, мягко говоря, неприятны...

— Что вы имеете в виду? — с искренним удивлением спросил Ким.

— Сейчас вы это поймете, — кривовато улыбнувшись, сказал его хозяин и отворил дубовую дверцу. — Проходите.

Ким, слегка согнувшись, прошел вперед.

За дверцей открывалось продолжение галереи — точное подобие того коридора, который они только что прошли. Недалеко от открывшегося прохода стоял и рассматривал висевшее перед ним панно высокий, чуть сутуловатый человек. Он обернулся на звук слегка скрипнувших петель. Ким узнал его: совсем недавно он видел это жестковатое лицо на экране монитора. Перед ним стоял капитан Джордж Листер.

— Здравствуйте, — сказал Ким.

Капитан ответил ему довольно сухим намеком на поклон.

Севелла, стоя в проеме двери, внимательно следил за ними обоими. Похоже, он ожидал какого-то иного результата, нежели умеренное взаимное недоумение двух сведенных им вместе людей. Но он решил не терять инициативы и, деликатно откашлявшись, прервал наступившее молчание.

— Ну что же, господа. Вы оба и почти в один и тот же день и час вознамерились

сделать вашему покорному слуге некое предложение... При этом каждый из вас не подозревал о намерениях своего э-э... конкурента. Мне кажется, что вам потребуется некоторое время, чтобы урегулировать возникшее м-м... недоразумение. Мне, к сожалению, в ближайшие полчаса надо быть в ином месте. Поэтому прошу вас заняться решением ваших проблем вне стен моего дома. Впоследствии я рассмотрю возможность возобновления переговоров — но не более, чем с одним партнером. Вы поняли меня, господа? Думаю, вы хорошо запомнили путь, которым сюда пришли, и мне нет необходимости провожать вас до дверей...

* * *

На улице Ким молча кивнул капитану на свой кар, и они оба, сохраняя молчание, заняли места на его сиденьях. Первым это молчание нарушил Листер:

— Кажется, я изрядно подпортил вам игру, господин э-э...

— Яшми. Рей Яшми, агент на контракте. Если говорить точнее, то — частный детектив — к вашим услугам. — Ким решил не открывать сразу все карты. — А вы, если я не ошибаюсь, — капитан Джордж Листер? И как насчет вашей игры? Я в ней, кажется, не был предусмотрен...

— Что ж... — капитан откинулся на спинку сиденья. — Мы оба поставили друг друга в пиковое положение. Кстати, не помню, чтобы мы с вами где-то встречались. Откуда вы знаете меня, господин частный детектив? У нас с вами есть общие знакомые?

— Вы не ошиблись, — кивнул Ким, вырубивая к набережной. — Мне есть от кого передать вам привет, капитан.

— Начинаю догадываться.

Листер сцепил пальцы в замок и хрустнул суставами.

— Догадаться легко, капитан. Господин Крюгер был немало удивлен, узнав о том, что вы пребываете в полном здравии на этом, а не на том свете... Простите, если я затронул слишком деликатную тему...

— Это не тема вообще, господин детектив.

Несколько секунд капитан сосредоточенно молчал. Потом резко, словно на что-то решившись, спросил:

— Так вы представляете здесь интересы господина Крюгера? Или вам он известен и под другими именами?

— Известен, — признался Ким. — И под другими — тоже. Вы не против встречи с ним?

— Остановите машину, — прервал его Листер. — Мне лучше сойти здесь. И оставьте мне код вашего канала связи. Я сам свяжусь с вами и с господином следователем, когда в этом возникнет необходимость.

— Пожалуйста...

Ким припарковал кар у входа в небольшой сквер.

— Только один вопрос на прощание, капитан...

Листер, уже покинувший салон, нагнулся к окну машины.

— Зачем вам понадобились «иллюзии Предтеч», господин Листер? Если это не секрет.

Капитан усмехнулся.

— От Севеллы мне нужны были вовсе не «иллюзии». Мне нужны были люди, у которых

он их скупает. И даже не сами эти люди. Мне нужно было то, на что они эти «иллюзии» выменивают у сатаны. Мне нужны были Камни. Много Камней!

* * *

Вид пригласительного билета, который Кай поднял на уровень глаз наряженного во флотскую униформу служащего, охранявшего вход на трап «Изгнанника», произвел на того впечатление.

— Проходите, — любезнейшим тоном пригласил он федерального следователя, подобострастно наклоняясь и поворачивая перед ним вертушку сверкающего начищенной медью турникета. — Вас ждут за восьмым столиком. Мы отплываем через шесть минут.

Накануне у Кая было время понаблюдать с дебаркадера за той публикой, что заполнила палубу «Изгнанника»; и теперь, приодетый в общем стиле этого плавучего клуба, он мог надеяться на то, что не будет выглядеть белой вороной среди публики, одетой по моде прошлых веков: фосфоресцирующие костюмы джентльменов, пастельные, светлые тона вечерних платьев очаровательных (и не очень) дам... Медь и хром металлической арматуры судна, легкая мелодия, «вживую» наигрываемая настоящими музыкантами, хлопанье пробок откупориваемого шампанского да тихая гладь реки — все это уже когда-то было... далеко-далеко... не под этими небесами...

А здесь над ним было чужое небо... Недоброе небо Инферны.

Господина Раковски Кай узнал не сразу: тот был облачен в смокинг и на глазу у него красовался антикварного вида монокль, сквозь который на федерального следователя этот глаз смотрел выжидательно и холодно.

— Рад вас видеть в полном здравии, господин арматор, — приветствовал он Кая, жестом указывая на кресло напротив себя.

— Взаимно, — сухо ватно ответил тот. — Надеюсь, что и вам здоровье позволит довести до конца те наши переговоры, что были так неудачно прерваны...

Машинально Кай поправил массивный платиновый браслет своих часов. В сей нехитрый, но ужасно дорогой на вид механизм был вмонтирован отключенный сейчас передатчик аварийного сигнала — на случай попытки захвата Крюгера его довольно сомнительными партнерами по переговорам. Это был единственный вид страховки, на который он решился, чтобы не спугнуть «птичку».

— Ну, если уж идти до конца, — сверкнув позолоченным моноклем, начал господин Раковски, — то стоит, как говорится, начать с начала...

Весь карнавальный антураж «Изгнанника» и в особенности этот оптический инструмент, что красовался на глазу господина Раковски, не давали Каю сосредоточиться на предстоящей беседе. Похоже, что и его собеседник чувствовал некоторую неловкость от надетой на себя маски эдакого светского льва.

С минуту они молча наблюдали за тем, как официант расставляет на столе апперитивы и легкую закуску.

— Я, с вашего позволения, уже сделал заказ на свой вкус, — сообщил Раковски Каю. — Но подавать здесь начинают поздно. Пока, для аппетита...

Он поднял рюмку, призывая собеседника означить тостом начало переговоров.

— Ваше здоровье, — по-прежнему сухо отозвался Кай и пригубил терпкое спиртное.

— Надеюсь, вы не станете угощать меня версией о том, что «Ганимед» со своим грузом покоится на шельфе в сотне километров от берега? — осведомился Раковски.

— Не стану, — заверил его Кай.

— И совершенно правильно сделаете, — похвалил его Лешек. — Иначе мне было бы трудно понять, как господину Смольскому удалось выбраться из него на поверхность и объявиться на встрече с читателями в библиотеке Университета Диаспоры...

Кай был в курсе дела и теперь мысленно клял хозяев Серого монастыря, допустивших такое. Он откашлялся и спокойным голосом стал излагать Раковски тщательно взвешенную и отработанную в деталях версию событий, родившуюся в результате долгих прикидок и обсуждений в штабе «Тропы». Версия эта не слишком отличалась от реальных событий. Исключение составляла только ни в какие рамки не укладывавшаяся роль, сыгранная в случившейся истории капитаном Листером. Посадку «Ганимеда», по версии Кая, совершил сумевший освободиться из запертой каюты Кирилл Николаев.

Раковски не перебивал собеседника, потягивая аперитив и время от времени вставляя в разговор ничего не значащие междометия. Это насторожило Кая. Настороженность эта переросла во вполне определенную тревогу, когда после того, как «господин Крюгер» закончил свой рассказ и изложил деловые предложения, его собеседник и не подумал всерьез обсудить сказанное, а пустился в довольно бестолковые расспросы, переходя с пятого на десятое.

— Послушайте, — наконец прервал эту игру федеральный следователь, — мне кажется, что вы пригласили меня сюда вовсе не для того, чтобы говорить о деле...

— Вы только сейчас это поняли? — раздался голос за его спиной.

Кай обернулся и увидел перед собой элегантно, точно в стиле «Изгнанника» одетого джентльмена. Джентльмен был немолод, худощав и ироничен.

Лешек закашлялся.

— Видит бог, Свен, — начал он, — не моя вина, что эти типы — там, на Фронде, — перебежали тебе дорожку. Теперь это моя игра. Не стоит тебе отыгрывать назад партию, которую ты уже продул...

— А тебе не стоит делать того, что ты затеял! — оборвал его тощий старик. — Забирай своих шестерок и сматывайся с борта. Твоих людей здесь только шесть, а моих — вдвое больше. Поторапливайся. Ради такого случая тебе подадут катер...

— Ты еще пожалеешь об этом, Севелла! — Раковски резко поднялся и зло бросил на стол салфетку.

Кай ощутил себя совершенно лишним на борту «Изгнанника».

— Легко Лешек сдался... — заметил Севелла, глядя в спину удаляющемуся без всякого прощания конкуренту. — На вашем месте я над этим задумался бы, господин Крюгер...

— Как я понимаю, вы хотите возобновить те переговоры, которые с вами начал покойный господин Фрост? — спросил Кай, также поднимаясь из-за стола.

Теперь настала его очередь блефовать.

— Сидите, сидите, — Севелла приостановил его легким похлопыванием по плечу. — Вы еще не попробовали чудесной осетрины, которую заказал для вас любезный господин Раковски... Впрочем, оставь я вас в его компании, до осетрины очередь могла бы и не дойти. Вы бы уже отчаливали от борта «Изгнанника» на том прелестном катере, на котором Лешек проделывает это сейчас в одиночку. Точнее, в сопровождении своих боевиков...

— Мне остается поблагодарить вас... — несколько натянуто произнес Кай, опускаясь в

кресло и потому поневоле глядя на собеседника снизу вверх. — Итак, вы хотели...

— Упаси бог! Я ничего не хотел, господин Крюгер. Я действительно продул эту партию и не собираюсь к ней возвращаться. Я просто вернул Лешеку своего рода долг...

— Вы так легко отказываетесь от таких возможностей... — начал было Кай.

— Вы обратили внимание на мой почтенный возраст? — мило улыбаясь, перебил его Севелла. — Как вы думаете, почему я его достиг? Да потому, мой друг, что я никогда не заглывал такую наживку, которую у меня могли вырвать вместе с желудком! Простите мне мою откровенность, но тот товар, который вы предлагаете, очень похож на такую приманку.

Он еще раз улыбнулся.

— Приятно вам провести вечер. Я тоже покину вас — дела требуют... Мой вертолет снимет меня с верхней палубы...

Оставшись в одиночестве, Кай молча созерцал белоснежную скатерть и пытался хоть как-то уложить в голове все происшедшее. Официант бесшумно убрал со стола прибор Лешека и с полупоклоном осведомился:

— Прикажете подавать осетрину, мистер?..

* * *

Вверенный ему кар федеральный следователь перевел на автопилот, поднял затененные стекла кабины и, став теперь невидимым для взглядов прохожих, еще раз занялся тем, что его приятель Пьер Годфруа из научного сектора управления любил называть «анализом неопределенностей и синтезом подозрений». А проще говоря — гаданием на кофейной гуще. Ничего другого, впрочем, не оставалось. Прекрасное занятие для меланхоличной вечерней поездки по «кварталам землян» без определенной цели и без видимых провожатых.

Кай понимал, что после провального эпизода на «Изгнаннике» его самостоятельные выходы в «кварталы землян» не могут приветствоваться Службой безопасности Диаспоры, да и контрразведкой ранарари — тоже. Но у проблемы была еще и вторая — неформальная — сторона.

Агент на контракте, о многом догадывавшийся, предпочитал вида не подавать и в дела федерального следователя не вмешиваться. И не только солидарность граждан Федерации стояла за этой его непричастностью. Весьма возможно, что в рукаве у федерального следователя припрятана пара козырных тузов — другой вопрос, крапленых или нет. Так зачем же в сложившейся ситуации, смахивающей на позорное фиаско, мешать партнеру пойти с какой-то из этих карт? Можно было также предположить, что работодатели агента догадывались о его точке зрения и давали свое молчаливое «добро» на этот эксперимент.

Собственно, для них — будь они тузами Диаспоры или «чертями» из планетарной контрразведки ранарари, тоже было приемлемо отпустить офицера управления с короткого поводка и проследить за его действиями, даже если они и не принесут никаких результатов в рамках операции «Тропа». Может, конечно, нарваться на дальнейшие неприятности со здешним криминалом — не велика беда теперь, когда он фактически выбыл из игры. А может и вывести на какого-нибудь замороженного резидента федералов в Диаспоре, а то и на целую сеть их... Будет же человек стараться выбраться из тупика, в котором очутился? Будет. Ну что же — ему и карты в руки...

Пожалуй, других объяснений предоставленной ему свободы Кай найти не мог. А

обещание гарантировать безопасность при выходе «в люди» прекрасно оправдывало ведение за ним ненавязчивой, но постоянной слежки.

И это ставило его перед нешуточным выбором: либо не рисковать дальше понапрасну и, признав окончательное поражение, отдать всю операцию на откуп ранарари и Диаспоре, либо привести в действие весьма слабенький резерв — еще только наметившуюся сеть управления.

Да и то сказать — «сеть»: пара ничего еще в здешней жизни не смыслящих новичков, года не проживших в Диаспоре. Неудивительно, что управление не стало вводить контрразведку в курс своих разработок по Инферне. Это было сделано не столько ради сохранения каких-то особых секретов, а скорее из опасения, что над достигнутыми за последние несколько лет успехами по проникновению в Диаспору заклятые друзья из других «компетентных служб» Федерации могут просто посмеяться. По некоторым особенностям полученных им инструкций Кай понял, что и ему-то, «своему», карты эти приоткрыли с большой неохотой.

Тем не менее в отношении этих двух агентов у Кая был выработан определенный план, в соответствии с которым он мог бы действовать, если бы выбор пал на продолжение игры. Но что-то мешало ему сделать этот выбор самостоятельно. Впрочем, он уже привык к этому «что-то», легко узнавал его голос.

А голос этот, как уже не раз бывало, спрашивал федерального следователя, действительно ли он считает, что дело стоит того, чтобы подставить под провал не себя — а кого-то другого? А может, это была всего лишь забота о том, чтобы не стать козлом отпущения? О том, чтобы просто не «пролететь» мимо очередного звания, не оказаться засунутым в периферийный филиал управления...

Впрочем, привычным для Кая стал и способ решения этой неразрешимой дилеммы. Он доверил право принимать решение старому как мир судье — порядком уже стершейся монетке с гербом давно несуществующего государства. Герб содержал изображение орла, и этим орлом вверх легла на ладонь федерального следователя монета, когда он, не глядя, машинальным движением подбросил и поймал ее в воздухе.

Вздыхнув, Кай проверил, нет ли орла и на обратной стороне монетки — такая у него была манера шутить с самим собой, — и взялся за руль кара. Потом набрал на своем блоке связи номер, который соединил его со скрытым в одном из неприметных тайников «одноразовым» сигнализатором. Тот в ответ выстрелил заложенный в него сигнал и потихоньку самоуничтожился. Расставить такие сравнительно примитивные, но хорошо показавшие себя в работе устройства да соорудить систему тайников и «почтовых ящиков» было пока практически единственным серьезным поручением, которое управление доверило своей здешней сети.

Сигнал высветился на индикаторе блока в виде недлинной цепочки цифр. И цифры эти неожиданно придали совершенно иное направление течению мыслей федерального следователя. Они означали, что в одном из «почтовых ящиков» города для него оставлено сообщение.

Это путало все карты.

Адресованное ему сообщение Кай считал из тайника дистанционно, не появляясь на заброшенной станции монорельса (так и не привившегося на Инферне новшества землян), где этот тайник-ретранслятор был смонтирован в древнем приборном щите. Нацепив наушники и включив блокировку постороннего прослушивания, он врубил свой комп на «прокрутку» кодированного сообщения. Первые же услышанные звуки повергли его в изумление.

Это был голос Микиса Палладины.

— Я вас совсем не понимаю, следовательно! — зазвучал в наушниках его сбивчивый, перескакивающий с пятого на десятое голос. — Мы не договаривались о личных контактах... Только через третьих лиц... Зачем вы мне послали вызов напрямую? Я ничего не понимаю на этой дурацкой планете... Если мы разминемся, то не посылайте вызов снова по тому же адресу — меня там уже нет! Я вместе с Толиком нахожусь в гостевом комплексе здешнего универа. Там легко найти... В общем, постарайтесь подтвердить ваш вызов, господин Санди...

Кай уставился на открывавшийся со стоянки, на которую он приткнул свой кар, вид — город ранарари, смахивающий на дурной сон какого-нибудь поклонника абстрактной живописи.

Кажется, все встало на свои места. Разумеется, никакого вызова Микису федеральный следователь не посылал. Но тем не менее Микис его получил. Точнее, получил, по всей видимости, запись, содержащую несколько фраз, сказанных голосом Кая. Ради того, чтобы смоделировать эти несколько фраз, и была затеяна его встреча с господином Раковски на борту «Изгнанника». Лешек и не думал торговаться с Крюгером всерьез. Ему был нужен только его голос... Оставалось узнать — не сваял ли Микис дурака, отправившись на назначенную ему встречу.

Кай вытащил из притороченного к поясу планшета блок связи и, набрав на клавиатуре код канала связи, бросил в трубку:

— Ким, всей компанией — в кампус. Кажется, у наших друзей с «Ганимеда» неприятности...

— Если вы про Смольского, то ни в какой кампус за ним ездить не надо — он здесь, — сообщил ему Ким. — С остальными двумя — дело сложнее. Возвращайтесь быстрее.

* * *

— Мы давно не виделись...

Голос федерального следователя звучал довольно хмуро.

— Мне кажется, что целую вечность, — с чувством отозвался Смольский, поднимаясь ему навстречу.

— Боюсь, что встретиться нам пришлось не от хорошей жизни.

Кай повернулся к агенту на контракте:

— Выкладывайте, что привело господина писателя в нашу обитель?

— Не привело, а привезло, — отозвался устроившийся на подоконнике Ким. — И не что, а кто. Собственно, это я доставил господина Смольского сюда — от греха подальше. После того, как он связался с нами по вашему кодовому каналу.

— А откуда вы узнали этот номер, Анатолий? — осведомился Кай, присаживаясь на

краешек стола.

— Мне его дал Кирилл Николаев. Он просил связаться с вами, если он не позвонит мне через полчаса после того...

— Стоп! — решительно остановил его Кай. — Давайте по порядку. Где находится Палладини?

— Он отправился на встречу с вами, следовательно. В часовню Пестрой Веры.

— Я не назначал ему никаких встреч, — уныло заметил Кай. — Но, кажется, могу догадаться, кто постарался за меня. Это та самая часовня, в которой мы однажды ждали господина Раковски?

Этот вопрос Кай адресовал агенту на контракте. Ким кивнул в ответ.

— Ему это тоже показалось подозрительным, — продолжил Анатолий. — Мы связались с Кириллом — его привез сюда с собой настоятель, а Кирилл попытался выйти на вас. Но безрезультатно.

— Вчерашним вечером? — уточнил Кай.

— Да, — подтвердил Смольский.

Все стало понятно — Кай в то время все еще пребывал на борту «Изгнанника», Ким практически со всем составом группы «Тропа» подстраховывал его на катере, болтавшемся в минуте хода от плавучего клуба, а оставленный дежурным Артур не был уполномочен связываться с кем-то по личному каналу федерального следователя.

— И тогда Палладини все-таки отправился по этому вызову... А Кирилл взялся его страховать. Мне же поручил названивать вам по тому номеру, что вы ему дали. Особенно если он сам слишком долго не будет подавать признаков жизни.

Кай повернулся к агенту:

— Что вы предприняли, Ким?

— Прежде всего поставил в известность Лиригу, — довольно бодро отозвался Яснов. — И предпринял поиск по радиоэху. Палладини обнаружить не удалось. А Николаев обнаружился довольно быстро. В центральном госпитале Диаспоры. Его туда доставила здешняя служба порядка, то бишь полиция. Он преследовал кого-то по шоссе и при въезде в город влип в аварию. Думаю, что гнался за похитителями этого самого Палладини.

— Жив?

— Жив и почти здоров. Отделался ушибами и парой часов полной отключки. Я предупредил, чтобы за ним присматривали. Мустафа отправился забирать его оттуда. Так что остается только дожидаться их, чтобы хоть что-то узнать о судьбе Палладини.

Кай нервно подкинул на ладони орех-шептун, который машинально вытащил из кармана, словно и впрямь хотел спросить у него совета.

— В сложившейся ситуации надо исходить из того, что теперь наш противник знает местоположение «Ганимеда». Скорее всего он знает также о существовании операции «Тропа». Плюс — имеет на руках заложника. Вывод?

Ким невесело усмехнулся.

— Думаю, что следует ждать возобновления переговоров. Здешний криминалитет не настолько отчаянный, чтобы продолжать игру, зная, что играет сразу против трех служб безопасности. И то, что «Ганимед» охраняется и им не видать его груза, как собственных ушей, этим людям теперь ясно. Будут менять Палладини на килограмм-другой «пепла» — они там не идиоты, чтобы надеяться получить за одного заложника нечто большее. По большому счету мы имеем ничью.

— Значит, остается ждать, — констатировал Кай.

— По крайней мере до возвращения Мустафы с Николаевым, — согласился агент на контракте и принялся выкладывать на стол содержимое своей сумки — купленные в городе чипсы и пиво. — Возможно, Николаев расскажет что-либо существенное.

— Я могу возвращаться к себе? — несколько неожиданно осведомился Смольский.

Он явно недооценивал масштаб приключившегося.

Кай молча поставил перед ним банку пива и вручил пакет жареного картофеля.

— Если вы не слишком торопитесь, то я хотел бы поговорить с вами немного. Необходимо уточнить кое-что... Ну, например, каким образом вы, Николаев и Палладини очутились в столице, вместо того чтобы отсиживаться в Доме Последнего Изменения в Восточном ущелье Аш-Ларданара?

Рассказ Смольского об обстоятельствах, заставивших его покинуть стены Дома, немного поднял упавшее было в область отрицательных величин настроение его небольшой аудитории.

— Бьюсь об заклад, — подал голос Артур, — что следующую свою книгу вы напишете про Ларданар и Торговцев Камнями.

— И не одну! — заверил его Смольский. — Я на этих Камнях, можно сказать, открыл для себя целый новый пласт... Знаете, следовательно, — он повернулся к Каю, — чем я занимался все эти дни с того момента, как попал в столицу? Собирал материал по Камням! Перерыл все файлы университетской библиотеки и замучил расспросами с десятков здешних профессоров.

— Ну так просветили бы на этот счет нас, грешных, — предложил Ким. — А то за делами руки не доходят до таких вещей. А между тем камушки эти, сдается мне, играют в здешних делах немалую роль...

— Камни... — Смольский пожал плечами. — Ну, вы знаете, наверно, что Камни — это своеобразные яйца ранарари, их эмбрионы, но эмбрионы с гипертрофированным, невероятно развитым мозгом. С мозгом, построенным и действующим по совершенно иным, чем известные нам нейронные, системам. И в то же время взаимодействующий с ними. Способный воспринимать то облако слабейших полей, которым окутаны живые существа, и читать ту информацию, которую эти поля несут. И вносить в сознание этих существ свою, несущую иной смысл информацию. Вносить через возмущения этого полупрозрачного облачка, через его направленные изменения... Собственно, именно Камни — высшая ступень жизненного цикла этого вида.

Он искоса глянул на слушателей, но если для кого-то из них сказанное не было новостью, то вида никто не подал.

— Сами «черти» далеко не так разумны, как это кажется нам, столкнувшись с их высокоразвитой техникой и рационально построенным, почти лишенным противоречий обществом, — продолжал Смольский уже тоном заправского лектора. — Разум ранарари — это разум Камней, их вечных советчиков и поводырей. Разумных, но лишенных возможности активно вмешиваться в происходящее вокруг них. Советчиков и поводырей, наделенных довольно трагической судьбой...

Камни не просто существуют. Они зреют — медленно, но верно. В одних условиях это созревание затягивается, в других — происходит стремительно. В генетической программе Камней заложены различные варианты развития. Мы можем только догадываться, чем они становятся там — в Мире Истинного Хозяина. Но в том исходе их развития, который

свершается здесь — на Инферне, Камни порождают «чертей». Супермозг, заключенный в их оболочке, деградирует, разрушается. Только какие-то корневые его структуры сохраняются в мозгу ранарари. И этот новый мозг действует уже иначе — по законам обычной биологии. Он более понятен нам, познаваем... Но необходим только для того, чтобы поддерживать жизнь «черта» — той прожорливой личинки, которая должна накопить запас вещества и энергии, чтобы произвести на свет не способную ни питаться, ни даже шевелиться «бабочку» — Камень. Один или несколько.

Они общались и друг с другом — Камни, раскиданные по плато Аш-Ларданар, Камни плато Аррика, Камни Дальних плоскогорий, Камни Инферны вообще. Цепь новых и новых поколений этого странного Разума не прерывалась никогда. Где-то среди серого пепла и щебня таились так и не найденные, но все еще живые Камни, помнившие очень далекие времена. Они были наделены своеобразным инстинктом самосохранения, который спорил в них с инстинктом продолжения рода. Они умели таиться, не выдавать себя и, медленно истощая запас энергии, заложенной в них, жить и мыслить веками. В этом и была причина столь медленного роста населения Инферны. Огромное количество Камней так и «гасли», не поддавшись соблазну возродиться к новой — чудовищно убогой, по их меркам и критериям, — жизни. Но довольно часто, как правило, на грани истощения своего жизненного ресурса, Камень сдавался и «окликал» проходящего поблизости искателя. И попадал в руки Продавцов или «стервятников» — это уж как повезет.

Изначально поиск Камней и их «воспитание» было делом Секты и немногих, строго контролируемых «вольных охотников». С приходом людей промысел этот как-то незаметно перешел в руки этого пронырливого и предприимчивого племени. Особых возражений со стороны Хозяев планеты это не вызывало. Курс на космическую экспансию, взятый цивилизацией «чертей», требовал демографической революции, а трудный и связанный с риском образ жизни искателей Камней не слишком устраивал этих Хозяев. Это, в сущности, была черная работа, какой бы сакральный смысл ни вкладывали в нее адепты религиозных культов Инферны. А для черной работы боги послали ранарари людей.

— Теперь мне понятно, почему они не нужны никому, кроме ранарари, эти Камни... — вздохнул Ким. — Не считая Истинного Хозяина. Но насчет того, что стремление к космической экспансии усилило спрос на Камни, вы немного заблуждаетесь. Сейчас ранарари — не до экспансии. Четверть населения Инферны марширует напрямик в Дома Последнего Изменения. Планета — на грани демографической катастрофы...

— Зато другим покупателям они нужны очень сильно, — констатировал Кай. — Это и делает этот промысел рискованным и трудным, но прибыльным. А что «черти» делают для того, чтобы Камень тронулся в рост? Чтобы он стал превращаться в детеныша ранарари?

— Это как раз и интересно... Условия, в которых Камни начинают превращаться в маленьких «чертенят», состоят в том, что они начинают общаться с ранарари, обмениваться информацией с их разумом и эмоциями. Как только Камень берет в семью, делают его своим наставником и советчиком, в нем запускается механизм метаморфозы. Он довольно длителен по земным меркам, занимает десятки лет, однако заканчивается появлением на свет маленького любимца, наследника семьи... Одного из наследников. Но после этого и семья, и новорожденные наследники самым настоящим образом будут нуждаться в Наставнике и приложат все усилия, чтобы приобрести новые Камни, советы которых поведут их дальше по жизненной стезе... Любопытно, правда?

— А общение с людьми? Со Слышащими? — спросил Ким. — Оно не запускает

развитие эмбриона ранарари?

— Не знаю... — пожал плечами Смольский. — Может быть, то поле, что образует организм человека, не способно активизировать эмбрион ранарари. Может быть, оно, наоборот, угнетает или даже убивает его... Все может быть. Для этого я должен как следует поработать с людьми Аш-Ларданара...

— Только будьте осторожны.

Кай бросил на литератора довольно суровый взгляд. Не похоже было, чтобы тот внимал предостережениям типа, которому не довелось, как ему — Анатолию Смольскому — побродить по студеному и туманному плато. Да к тому же еще и не сумевшему за несколько недель работы в оранжерейных условиях узнать так много о загадочных Камнях.

— Это не пустое предупреждение, — с легкой досадой продолжил федеральный следователь. — Вы находитесь в той зоне, где крутятся громадные деньги. Собственно, в зоне наиболее важных жизненных интересов Инферны. И кроме того, являетесь носителем нешуточной информации.

— Это вы о «Ганимеде»? — усмехнулся Анатолий.

— Я — о «пепле», — уточнил федеральный следователь. — Это очень серьезная тема.

— По сообщениям здешних СМИ, я прибыл сюда обычным рейсовым «дальнобойщиком», — пожал плечами Смольский. — Но даже если и станет достоянием гласности то, что я был пассажиром «Ганимеда», это ничего не значит. О том, что на борту корабля было до черта «пепла», не знает никто...

— Кроме получателя «груза», Анатолий, — оборвал его Кай. — К тому же ваше присутствие на борту «Ганимеда» не секрет для целой кучи народа, с которого никто не брал подписки о неразглашении. Вы проделали путь по Аш-Ларданару в компании как минимум троих Продавцов Камней, теперешнее местонахождение которых мне неизвестно. Неизвестно, где сейчас пребывает Микис Палладины. Да и в системе Службы безопасности Диаспоры возможна утечка информации...

— Так что вы мне предлагаете? — возмутился Смольский. — Перейти в подполье и не высовывать носа на свет божий?

Он потряс над пластиковой тарелочкой опустошенным пакетиком чипсов, отбросил его в сторону и попробовал унять раздражение глотком пива. Но банка тоже была пуста. С досадливым кряхтеньем великий писатель откинулся в кресле.

— Если вам нужен мой совет, — как можно более спокойно ответил Кай, — то вот он: обратитесь к нашим любезным Хозяевам с просьбой как можно быстрее отправить вас домой, в Метрополию. Я думаю, они пойдут вам навстречу — хотя бы в рамках нашей совместной операции. Спокойно убывайте отсюда. По возможности — инкогнито. И в первую пару месяцев жизни там постарайтесь быть предельно осмотрительным. Только и всего. Не воспринимайте это как обиду. Здесь — слишком горячее место.

— Ну уж нет, — решительно выпрямился в кресле Смольский, — Никогда, знаете, не путешествовал на халяву. И не подумаю уехать отсюда до тех пор, пока не соберу достаточную сумму на билет на порядочный корабль до Метрополии. Вы просто не представляете, какие сборы дают здесь мои выступления. Одно «Ти-Ви» отвалило... — он выразительно махнул рукой. — И главное — я не уберусь отсюда до тех пор, пока не наберу материала на следующий сиквел. Ведь Камни и Диаспора — это такая колоссальная тема... Совершенно новая для читателей Метрополии... Да и для всего Обитаемого Космоса... Я буду последним ослом, если упущу такую возможность. Не ослом даже, а просто ослиной

задницей!

— На белом свете есть много новых и колоссальных тем для ваших сиквелов, господин литератор, — оборвал его федеральный следователь. — А жизнь у вас — только одна. И я не прощу себе, если вы ее лишитесь раньше времени.

— Пусть ваша совесть спит спокойно, — Смольский поднялся с кресла и стал — немного нервно — искать вокруг себя куда-то запропастившуюся шляпу. — Я, слава богу, совершеннолетняя и дееспособная особь мужского пола, и только я — и никто больше — отвечаю за последствия своих поступков.

Он наконец нашел злосчастную шляпу, гордо напялил ее и двинулся к двери. Уже взявшись за ручку, повернулся и язвительно бросил:

— Что касается вашей роли в этой истории с моим попаданием в здешние благословенные края, то я не испытываю к вам ничего, кроме благодарности... Если бы вы так своевременно не подсунули мне ту безделушку...

— То вы бы благополучно собирали материал по барам и богемным тусовкам Фронды, — вздохнул Кай. — Тоже небезопасное занятие, но не настолько, как общение с кем попало в здешних краях... С вашей историей за плечами.

— У каждого — свой метод... — примиряюще произнес отец «Хромого» и исчез за дверью.

— В конце концов, малый собрал неплохой материалчик по Камням, — утешил федерального следователя Ким. — И, смею вас заверить, что и Служба и контрразведка ранарари держат господина Смольского на прицеле. Можете не переживать за его безопасность.

— Вы недооцениваете писателя... — Кай наконец слез с края стола и стал, морщась, допивать выдохшееся пиво. — Господин Смольский способен выкинуть такой номер, что... Я попросил бы вас как можно скорее устроить мне аудиенцию с господином Лиригой. Я буду настаивать на немедленной высылке Анатолия Смольского из сектора Инферны во избежание...

Зазвучал сигнал, и Ким нажал кнопку, открывающую электрозамок.

Вошедший в комнату Мустафа был явно чем-то раздосадован.

— Парня забрали у меня из-под носа, — сообщил он. — Господин Верховный Посвященный — лично. Два часа назад оба они убыли в Серый монастырь — тот, что на Ларданаре. А вам, сэр, оставили это.

Он протянул Каю слегка помявшийся за время пребывания во внутреннем кармане пиджака конверт. Тот вскрыл его и пробежал глазами по ровным, не без изящества написанным от руки строчкам.

Настоятель Дома Последнего Изменения, Верховный Посвященный Герберт Фалы покорнейше просил следователя Кая Санди почтить его и принятого в Доме Кирилла Николаева визитом. Для согласования дальнейших действий.

* * *

На Ларданар Кая провожал сам Лирига. В чем состоял сокровенный смысл того, что все три с небольшим часа полета в отменно неудобном для перевозки людей подобии вертолета куратор «Тропы» от Инферны делился с ним своими философскими

соображениями, федеральный следователь так и не понял. Последний час полета он только вставлял в разговор вежливые междометия, сосредоточившись на созерцании проплывающих внизу громад горной цепи.

Геликоптер опустился непосредственно на широком дворе Дома. Лирига, как ни странно, не стал покидать кабину, а, попрощавшись с Каем, убыл восвояси вместе с проклятым летательным аппаратом. Федеральный следователь с трудом разминал конечности, одеревеневшие за время полета, и как можно вежливее улыбался двум людям и одному сукку, шедшим к нему навстречу. Одного из встречающих он знал — это был Кирилл.

— Здравствуйте, — он протянул Каю руку.

Отвечая на приветствие, Кай отметил про себя, что за исключением пары клякс репарирующего геля авария не оставила на лице Кирилла особых следов.

— Настоятель извиняется, что не может принять вас немедленно, — сообщил второй из встречающих. — Будем знакомы — Готфрид Грабер. Я здесь вроде домохозяина. У вас нет с собой багажа?

— Только это, — Кай похлопал ладонью по наплечной сумке.

— Тогда я пошел, — проскрипел сукку и довольно бодро заковылял прочь. По всей видимости, ему отводилась роль носильщика, оказавшаяся ненужной.

— Я думаю, — сгладил возникшую неловкость ситуации Грабер, — что у вас есть о чем поговорить с Кириллом. А я распоряжусь, чтобы вам приготовили комнату.

В трапезной — той самой трапезной, в которой не так давно Верховный Посвященный принимал свалившихся с неба на Ларданар гостей, Кирилл коротко и без особых лирических отступлений изложил федеральному следователю нехитрую историю пленения Микиса.

— Самое интересное, — рассказывал он, — так это то, что я произвел, так сказать, рекогносцировку — даже в оконца часовенки этой заглянул. И знаете, кого я там увидел?

— Меня, — вздохнул Кай. — Голографическая съемка. И снимали меня в той самой часовенке. Только за неделю до вчерашней истории.

— Да, там я увидел вас. И еще какого-то типа...

— Типа зовут Ким Яснор, — еще раз вздохнул Кай.

— Ну и когда Микис туда нырнул, а потом вышел вместе с двумя другими, я и не сообразил. А его сунули в «Найтфлай» — и готово. Я уж потом сообразил следом рвануть, ну и... Честно говоря, мне уже потом рассказали, как я контейнеровоз какой-то протаранил...

Кай помолчал.

— Это не единственная странная история, которая случилась с вами, Кирилл, с тех пор как мы расстались...

Тишина повисла в воздухе.

— Вы про... — начал Кирилл.

— Я про капитана Джорджа Листера.

— Он сюда вернется... — глухо, глядя в сторону, сообщил Кирилл. — Фальк — настоятель — предупредил меня. Нам с ним придется эту игру доигрывать. Так что вам, следовательно, надо знать, что с ним было. Это не со мной странная история была — с ним. Странная и похожая на бред...

Кирилла словно и не было здесь, в просторной комнате с окнами на закат. Он шел по скованной ночным холодом каменистой тверди Аш-Ларданара, поспевая за размеренным шагом ожившего мертвеца, и слушал, слушал, слушал его глухие, скомканные, к самому себе обращенные слова... Рассказ неумирающего.

— Понимаете, — начал Кирилл с трудом подбирая слова, — это связано с экспериментами, которые лет десять — пятнадцать назад ставила Спецакадемия в секторе «Прерия-Чур». Там находится какая-то особенная область пространства... Я помню, даже на Фронде ходили какие-то слухи на этот счет... Проект «Лабиринт» или что-то в этом духе... Ходили разные легенды. Ну, например, о том, что в то время — если это называется временем, — когда корабли находятся в подпространстве, их собственное время не останавливается...

* * *

— Время не остановится на «Коронадо», — объяснял (когда-то давно) капитану Джорджу Листеру генерал-лейтенант, он же вице-президент Академии специальных исследований, Хайме Геррод. — Оно, если хотите, будет течь в ином направлении... — он улыбнулся чему-то своему. — Слово река, наткнувшаяся на плотину... Это, конечно, образное выражение... Однако вы как образованный человек должны понять, что если уж мы будем употреблять такие выражения, как «движение времени», то придется выдумывать и какое-то свое «надвремя», в котором можно измерить это движение... И так — до бесконечности.

Генерал-академик снова улыбнулся. На этот раз — привычной улыбкой лектора, читающего давно отработанную и на многих поколениях студентов обкатанную лекцию.

— Просто каждый предмет — и мы с вами в том числе — существует во многих измерениях сразу. И одно из них — время. Почему мы воспринимаем его вот так — момент за моментом, — такая же загадка, как и загадка нашего «я» вообще. Тайна не моего масштаба, капитан. Моя гипотеза касается только проблем частных... Видите ли, подпространственный скачок с точки зрения теории состоит в том, что корабль с его пассажирами перемещается в вырожденную систему координат, в систему, обедненную измерениями. В частности, «Коронадо» будет не хватать такой оси координат, как время. По моим предположениям, в этом случае происходит довольно любопытная вещь — роль времени начинает выполнять какая-то другая, скрытая координата... Вот что я и

подразумевал, когда сказал, что время будет течь в новом направлении. Оно есть — обязательно должно быть — это «перпендикулярное время». В нем корабли движутся от точки «погружения» в подпространство к той точке, где они «всплывают». Если бы не было такой оси, корабли просто оставались бы там — под поверхностью реальности — на веки вечные. Большинство людей, видимо, не способны «переключиться» на эту новую ось. И для них во время подпространственного перехода времени действительно нет. Однако ряду лиц, испытавшим на себе такой переход, удалось каким-то странным образом «проснуться» в этом перпендикулярном времени и даже пожить в нем.

Капитан, внимательно слушавший монолог академика Геррода, поставленного научным руководителем секретной экспедиции, предпочитал не прерывать его. Хотя ему и казалось, что вот еще немного и высокоученый генерал начнет травить ему байки про «пыльных карликов» и «непрощенных гостей». Он был не слишком далек от истины.

— Ваш покорный слуга, — Геррод жестом дал понять, что имеет в виду самого себя, — собрал и обобщил огромную коллекцию фактов, связанных с перемещениями людей и других живых существ в подпространстве. Таких фактов, которые не укладываются в традиционные рамки законов, описывающих подобные перемещения, но и не противоречащих им. Поверьте — эта коллекция впечатляет! Даже если мы отбросим значительную часть собранного мною материала как недостоверную, не поддающуюся проверке — все равно! Наука не имеет права игнорировать те возможности, которые раскрывает перед ней использование скрытых координат. Если мы с вами убедительно докажем, что оно есть — «перпендикулярное время», — то это раскроет перед Человечеством огромные возможности. Одно использование этого открытия в сфере оборонных разработок... Представьте себе военные базы, целые плацдармы, упрятанные в таких «скрытых измерениях», абсолютно недоступные для наблюдения противника, неуязвимые для любого его оружия...

Академик поднялся с кресла и сделал несколько шагов взад-вперед по тесноватому кабинету капитана. Остановился, наклонив голову набок.

— А обитатели этой смежной системы координат! Целый ряд фактов показывает, что этот, скрытый для нас и в то же время меньше чем в нанометре лежащий от нас мир — населен! Кто-то посещал наши корабли за время их пребывания там. Оставлял нам непонятные знаки и послания. Манипулировал с безжизненными телами экипажей и пассажиров. Зафиксировано достаточно много достоверных случаев странного перемещения людей и предметов за время «скачка». Есть даже случаи их исчезновения.

— Ну, про это писали, — показал свою эрудированность в обсуждаемом вопросе Листер. — И в открытой печати, и в циркулярах командования...

— Ну, что до циркуляров, то именно мой сектор курирует их составление и хождение по инстанциям, — усмехнулся Геррод. — А вот что касается прочей «открытой печати», то, поверьте, девяносто процентов того, что пишут, говорят и показывают наши обожаемые СМИ, — жутчайший бред. И это хорошо: чистая, дистиллированная истина обо всех этих вещах — монополия людей ответственных, способных поставить новые знания на службу Человечеству, а не той или иной своре дельцов и авантюристов от политики... Впрочем... — Геррод посмотрел на Листера, ожидая встретить понимание в его взгляде. — Впрочем, я думаю, что излишне распространяться на эту тему перед вами, капитан. Вас мне рекомендовали, как человека, проявившего себя в целом ряде критических ситуаций с самой наилучшей стороны. Поэтому давайте ознаменуем наше знакомство... — он взял со стола

бокал давно уже выдохшегося шампанского и поднял его. — А затем сразу приступим к обсуждению программы наших работ.

Листер поднял свой бокал.

— За удачу, господин генерал.

В голосе его легкой тенью скользнуло сомнение.

* * *

— В общем, задачи у того спецрейса были довольно простые, — припоминал Кирилл слова Листера. — Обычным броском достичь сектора «Прерия-Чур», а затем в пределах этого сектора проделать серию бросков уже экспериментальных. Броски должны были проводиться в самых разных — часто довольно рискованных — режимах. Режимы эти были подобраны, исходя из каких-то теоретических соображений генерала-академика и опыта предыдущих случаев «аномального перехода». Кроме экипажа — четверых специалистов экстра-класса, включая самого Листера, — на борту «Коронадо» находились еще десяток добровольных участников эксперимента. Они должны были переносить переход в специально оборудованных капсулах, под воздействием различных силовых полей, химических препаратов и других — часто весьма экзотических — факторов. Пятнадцатым, пожалуй, самым главным лицом, внесенным в стартовую ведомость спецрейса, был генерал-академик Хайме Геррод. Ассистировали ему пара лаборантов из этих его добровольцев, имеющих соответствующую подготовку, да несколько специализированных сервис-роботов. Первым и единственным помощником капитана был штурман корабля.

— Вообще-то информация об экспериментах на «Коронадо» просачивалась по каналам управления, — заметил Кай. — У нас уж так заведено: управление присматривает за Спецакадемией, Спецакадемия — за разведкой, разведка — за управлением... «Коронадо»... Вот уж не знал, что бог сведет меня с самим его капитаном... Да еще в таком вот контексте. У «Коронадо» — странная история. Тот еще был кораблик...

— Экспериментальный, — дал справку Ким. — Средний тоннаж, индивидуальный проект, мобильная архитектура... Один из самых дорогих кораблей в Обитаемом Космосе — если считать на килограмм веса.

Он двинул по столу по направлению к Каю распечатку. И, помолчав, добавил:

— Удивительно, что Листера никто не ищет. После таких странных событий...

— Во-первых, покойников в розыск не объявляют, — вздохнул федеральный следователь. — А во-вторых, это еще не факт — что не ищут. Но это другой разговор. А теперь давайте-ка вернемся к «Коронадо». И к тому, что произошло в том рейсе — с кораблем, с экипажем, с командой добровольцев и, главное, с его капитаном.

— Ну что ж...

Кирилл медлил. Он не был уверен, что правильно поступает, разоткровенничавшись с федеральным следователем. И сейчас он не мог решить, о чем стоило бы умолчать дальше, а поэтому стал рассказывать все.

— В общем, Листер не совсем случайно оказался невольным участником этих опытов. Когда командуешь таким летучим институтом, как «Коронадо», поневоле перестаешь быть простой пешкой в игре сильных мира сего. Получаешь некоторое право выбора. А к различной паранормальщине, связанной с подпространственными переходами, у него давно

уже был свой интерес. Его отец — тоже космонавт и тоже, в свое время, капитан «дальнобойщика» — исчез при довольно странных обстоятельствах, как раз при осуществлении подпространственного скачка... Понимаете, не то чтобы он надеялся найти отца или хоть какие-то концы той истории — нет... Просто у него сохранился стойкий интерес ко всему, связанному с этим... Подсознательный интерес, можно сказать...

— Наследственный, — подсказал Ким.

— Может быть, — пожал плечами Кирилл. — Ничто не случайно на этом свете. Не исключено, что и это тоже брали в расчет, когда подбирали капитана для экспериментального рейса. Они довольно долго и издалека шли друг другу навстречу — генерал Геррод, кэп Листер и «Коронадо»...

— «Коронадо» — тоже действующее лицо в этой истории... — не спросил, а просто обозначил, как установленное обстоятельство, федеральный следователь.

* * *

«Коронадо» действительно казался Листеру живым существом. По крайней мере он, этот необычный корабль, был столь же изменчив, как бывают изменчивы живые создания.

Основную его часть составлял невероятной сложности генератор «пространственного прокола» — не чета тем типовым установкам, которыми оснащены были экспедиционные и транспортные корабли и даже крейсера Объединенных космических флотов Федерации. Практически после каждой серии экспериментальных «бросков» громада генератора обрастала все новыми конструктивными деталями или теряла старые. В результате в теперешнем «Коронадо», наверное, и винтика не осталось от того корабля, что сошел со стапелей астероидных верфей пятнадцать лет назад.

Помещения экипажа, пассажирские боксы и модули всяческих лабораторий, навешенные на массивную тушу генератора, тоже были сменными и совершенствовались из года в год. Так что и в этом отношении «Коронадо» уходил в каждый новый рейс новым кораблем. Это имело свои преимущества, но и неудобств доставляло массу. Каждый космонавигатор, накопивший хотя бы минимальный опыт эксплуатации космических судов, знает, что с кораблем надо сжиться и сработаться, и никакие усовершенствования не заменят того подсознательного чувства уверенности, которое дается лишь с годами совместного сосуществования корабля, его команды и его капитана.

В случае с «Коронадо» о такой уверенности говорить можно было только условно: временами корабль становился до крайней степени капризен, а иногда, наоборот, превращался в непонятливую скотину, тупо исполняющую любую поданную с пульта управления команду, будь она сколь угодно губительна. Учитывая наличие на борту изрядного количества «экспериментальных кроликов» и неизвестной капитану высокомощной аппаратуры, в предстоящем рейсе следовало ожидать всяческой чертовщины.

И чертовщина не заставила себя долго ждать.

За время совместных полетов с различными по составу командами теоретиков, считавших «Коронадо» своей вотчиной, Листер привык к тому, что за столом в кают-компании вверенного ему судна собирается группа чудаков — в общем безобидных, но нередко склонных к смертельно опасным выдумкам, если им в руки попадало что-нибудь посложнее электролитического конденсатора. Однако в этот раз...

Нет, свой экипаж — энергетика, связиста и штурмана — кэп знал как свои пять пальцев и никаких подвохов с их стороны не ждал. Немного странный Агасси мог сплутовать, играя в «канасту», но все три реактора корабля работали под его контролем безупречно. Н'Домо донимал всех, кому не лень было его слушать, историей, как он — прапраправнук какого-то африканского царька — из портового попрошайки, каким он был в детстве, сделался лучшим связистом пятого ОКФ. Но претензий к нему как к бортрадисту у кэпа не было. А Черныг вообще редко проявлял какие-либо личностные качества, будучи погружен в навигационные расчеты или в постижение премудростей софтвера бортовых компьютеров, которые под его неустанным наблюдением вели «Коронадо» верным и всегда лучшим из всех возможных курсом.

Нет — за этих троих кэп не тревожился.

Зато люди генерала Геррода были компанией довольно разношерстной и беспокойной. Набраны они были из тех, кто периодически веселит публику рассказами о том, как их похищали инопланетяне или что поведали в дебрях зазеркалья «пыльные карлики». Пятеро из них, по данным картотеки генерала Геррода, побывали там, а остальные пятеро ни на минуту не сомневались в существовании Тартара, телепатии, «тонких сущностей» и астральных тел. Поскольку природа распределяет такого рода наклонности, не беря в расчет социальное происхождение, род занятий и даже умственные способности человеческих особей, то за завтраком, обедом и ужином за столом кают-компания непрерывно кипела страсти.

Собравшиеся не ограничивались только рассказами о разного рода удивительных происшествиях, в которых они, как правило, бывали замешаны самым непосредственным образом. Нет, почти каждый из них норовил тут же — не отходя от стола — продемонстрировать свои удивительные способности (как правило, весьма двусмысленные, если речь не шла о чисто технических манипуляциях в области ловкости рук и способности к гипнотическому внушению), после чего разыгрывалась острая, с тенденцией перейти в рукоприкладство, дискуссия. Кэпу пришлось принять самые энергичные меры, чтобы предотвратить превращение трапез экипажа и пассажиров в спиритические сеансы. Генерал Геррод, к счастью, поддержал Листера в этом его начинании, после чего прослыл среди своих подопечных ультраконсерватором.

Сам же генерал-академик ни в какие бредни, кроме собственной теории «перпендикулярного времени», не верил и к разговорам своих подопечных относился просто как к неизбежному злу, которому старался не попустительствовать.

Тем более что все это оказалось злом относительно малым. «Цветочками».

* * *

— «Ягодки» у них пошли после первой полудюжины экспериментальных переходов, — пояснил Кирилл. — То есть поначалу все было впустую — как и положено в таких случаях. Ну, кое-кто из команды Геррода мутил воду рассказами о видениях, посещавших их при «скачках», о том, какие бездны премудрости открывались перед ними за считанные мгновения, о воображаемых встречах с покойными друзьями и родственниками и о тому подобных материях... Но, сами понимаете, огромные деньги вколочены были в программу испытаний не ради подобных гм... результатов. Так что генерал начал потихоньку

нервничать. Тем более что подпространственные переходы не сахар сами по себе, с точки зрения последующего самочувствия и общего состояния здоровья...

— По крайней мере, это не из тех удовольствий, которые мне хотелось бы переживать ежедневно, — согласился Кай.

Ему вспомнился не так давно пережитый скачок Фронда — Инферна, это заставило его поежиться.

— Но потом, — спросил он, — академику, видно, воздалось сторицей?

— В каком-то смысле — да, — согласился Кирилл. — Но как бывает во всем, что касается подпространственной переброски, никогда не знаешь, выиграл ты или проиграл...

— С испытаниями, в которых участвовал «Коронадо», почти всегда связаны слухи о человеческих жертвах, — припомнил Ким.

— Были и жертвы, — кивнул Кирилл. — Были и жертвы... Но началось не с этого... Началось с мелких фокусов. Таких, которые вполне могли бы сойти за не слишком остроумные розыгрыши... То в колоде карт у Агасси оказывается — неведомо откуда — лишний джокер, родной брат другого такого же, только сильнее потертый, то кто-то поменяет местами пароли доступа к файлам бортового компьютера, то предметы — иногда довольно интимного свойства — из багажа одного пассажира обнаруживаются в багаже другого... В общем — козни мелких бесов. Так продолжалось до тех пор, пока Геррод не узнал в никем всерьез не принятых узорах, написанных в пыли пустовавшей, неубранной кабины, руны Предтеч...

* * *

— Обратите внимание... — Геррод пододвинул к капитану Листеру свой ноутбук. На экран были выведены сделанные час назад в пустующей каюте снимки, а рядом — страница из академического «Вестника экзоархеологии».

— Предтечами интересуются все, — пояснил он. — И чуть ли не каждый может узнать те их руны, которые приводятся во всех популярных статьях и книжках на подобные темы, и даже нарисовать по памяти кое-какие из них, но...

— Я вижу, — согласился капитан. — Это — уже для знатоков. Публикация в специальной литературе... Любители так глубоко не копают...

— Так глубоко копают и не все специалисты, — несколько нервно оборвал его генерал. — Я знаю наизусть все личные данные каждого из моей команды... Среди них нет специалистов в области экзоархеологии и экзопалеографии... Надеюсь, таковых нет и среди вашего экипажа, капитан?

— Нет, разумеется.

Кэп побарабанил пальцами по столу, разглядывая картинки на экране.

— Но вы оказываетесь в сложном положении, генерал. Никто не поверит каракулям, пальцем по пыли писанным, даже если они как две капли воды похожи на древние руны Предтеч... Вы можете сколько угодно быть уверенным в том, что никто на борту не знаком с такого рода текстами, но доказать этого не сможете никогда. Любое «не» очень трудно доказывать, генерал.

— Это и бесит меня! — генерал поднялся с кресла. — Над всей этой проблемой тяготеет какое-то проклятье! Это мне напоминает ситуацию с НЛО. Была такая проблема вс

второй половине двадцатого века. Или с марсианскими каналами... Это — на сто лет раньше... Уйма свидетелей, куча фактов... И потом — полное забвение... За неимением каких-либо доказательств. Мы давным-давно ходим по Марсу, но так и не знаем, что кроется за теми «каналами», что привиделись Скиапарелли. Мы встретили инопланетян, но никто из них не имеет ни малейшего отношения к «летающим тарелкам»...

— Да, обидно будет оказаться в этой кунсткамере несостоявшихся чудес, — довольно бестактно заметил капитан. — Но у нас с вами еще уйма попыток в запасе...

— Вот что, кэп, — генерал решительно захлопнул ноутбук и поднялся, — со следующей попытки мы будем реализовывать резервный вариант программы. Экстремальный. Под мою ответственность, кэп.

Поклонившись чуть церемонно хранящему молчание Листеру, генерал-академик оставил его в одиночестве. Капитан, подумав минуту-другую, щелкнул клавишей коммутатора и вызвал к себе главного (и единственного) энергетика «Коронадо».

Явившийся пред светлы очи начальства Гарри Агасси был поставлен в известность о том, что с завтрашнего дня нагрузка на бортовые реакторы возрастает процентов на двенадцать. После этого кэп вывел на экран большого демонстрационного дисплея график резервной программы полетных экспериментов и предоставил энергетика возможность поломать над ним голову. Тот потратил на это занятие минут десять и заметно скис.

— Понимаете, капитан, — начал он каким-то странным голосом, — «Коронадо» — корабль надежный, и в другое время я эти дополнительные двенадцать процентов на генератор подал бы не задумываясь. А вот сейчас...

— Что значат эти ваши «сейчас» и «в другое время»? — раздраженно осведомился кэп.

Старший энергетик, человек с двойным высшим образованием, мыслящий категориями физики, замялся и совершенно неожиданно выдал:

— Да чертовщина всякая творится на борту, капитан... Я бы взялся обеспечить энергоресурсом и не такие головоломные маневры, как те, что вы мне задаете... Но только... Но только сейчас, когда завелось тут... разное... Гоблины и греблины какие-то...

— Гремлины, — машинально поправил его кэп. И удивленно потряс головой.

— Гремлины... — с полной безнадежностью в голосе согласился Агасси.

— Вы — про что? — с удивлением возрился на него Листер. — Вы... или кто-то из экипажа наблюдали на борту что-то необычное? Почему, в таком случае, не поступили согласно инструкции?..

— Да потому, капитан, что лишний раз на собеседование с психиатрами никого не тянет... Нет, я — серьезно... Черных сам меня подозвал, когда шум услышал в ремонтном блоке... А Виталий, сами знаете, не из тех, кому что-то мерещится... И дурацкие розыгрыши он тоже не уважает...

— Ну и что вам там привиделось — в ремонтном блоке? — подтолкнул зависший было маховик рассказа капитан Листер.

— Дети... Понимаете, у меня сложилось полное впечатление, что там — между стендами, в путанице проводов и шлангов — резвятся дети. Перекрикиваются друг с другом озорными голосами на непонятном языке, шумят — совершенно отчетливо, господин капитан, — шумят: звякают металлом, щелкают переключателями, скрипят чем-то...

— Вы там долго стояли? — оборвал его капитан.

— Нет... — Агасси облизнул пересохшие губы. — Мы в первый раз сразу бросились туда, в бокс. И — никого... Только беспорядок... Там действительно кто-то повозился

основательно. Азот из баллона сравнил...

— Хорошо, что не водород... — капитан смотрел на своего энергетика взглядом, в котором читалась основательная доля сомнения. — Вы сказали «в тот, первый раз», Гарри... Значит, были еще подобные случаи?

— Д-да, капитан... — Агасси было явно не по себе. — Это продолжается уже трое или четверо суток... Но — они не попадают... Только пакостят...

— И всегда — в ремонтном блоке?

— Н-нет... — признал Агасси. — В медблоке — тоже... И в спортзале...

— Сказали бы уж — по всему судну! — махнул рукой кэп.

— Нет... Там, где люди, их вроде нет... И еще... Они... Они — словно дразнятся... Один раз я своими ушами слышал, как они передразнивали...

— Кого передразнивали?

— В-вас, капитан... Детский такой голосок ругался... Точно так, когда вы Н'Домо за дежурство по камбузу распекаете...

— То есть вы своими ушами слышали членораздельную речь в помещении, в котором никто не мог присутствовать?

— В пустом спортзале, капитан! — почти выкрикнул отчаявшийся от выказанного ему очевидного недоверия Агасси. — Никого там не могло быть!

В любом другом рейсе и с другим экипажем Листер неизбежно пришел бы к умозаключению, что часть экипажа поражена белой горячкой, если не чем похуже. Но сейчас этот спасительный довод приходилось отбросить.

— Вы хоть раз зарегистрировали эти... эти события? — продолжал допытываться кэп. — Ведь вам же розданы эти... регистраторы...

— Пробовали, капитан... У Н'Домо вроде получилось кое-что... И у Черных... А у меня — так, шумы одни...

— Вот что...

Капитан решительно пододвинул к столу скользящее на магнитных присосках кресло, бросил на стол стопку бумаги и сверху положил электрокарандаш.

— Сейчас вы внятно и разборчиво напишете все, что вам известно об э-э... аномальных явлениях, наблюдавшихся вами в течение этого рейса на борту экспериментального космического судна «Коронадо»... Подпишетесь, и я заверю ваши показания своей подписью и печатью... Потом пригласите ко мне — без лишнего шума — Черных и Н'Домо... И если есть еще свидетели таких происшествий, то и их. И не надо лишних разговоров на эти темы. Вам понятно?

— П-понятно, — кивнул Агасси и послушно опустился в кресло.

* * *

Ловля «озорников», как окрестил эту разновидность полтергейста капитан, продолжалась — тайком и при соблюдении режима секретности — еще трое суток. Затем у экипажа «Коронадо» возникли более серьезные проблемы.

Странно, но Листер так и не мог вспомнить, когда ему привиделся этот сон. Он вспомнил о нем позже, как о чем-то свершившемся и на этом основании прочно прописавшемся в его памяти. А кроме того, он не мог поклясться самому себе в том, что это

был именно сон...

Смех. Смех за дверью каюты будит его, и при свете ночника он — осторожно, стараясь не произвести ни звука, садится на кровати, набрасывает на плечи куртку и тихо вытягивает из-под подушки с вечера положенный туда пистолет — табельное оружие капитана. Снова детский и какой-то издевающийся, дразнящий смех прокатывается по коридору... Звук маленьких ног, семенящих по шершавому пластику пола... Листер снимает пистолет с предохранителя и, тихо ступая, крадется к двери

Она не заперта, эта дверь. Это очень странно. Похоже на заранее подстроенную ловушку...

Но Джорджа Листера уже не волнует это. Он сам хочет в эту ловушку попасть. Потому что эта суэта за дверью, какие-то интонации дразнящего смеха будят в нем воспоминания о чем-то очень далеком, напрочь забытом. О том, к чему ему хотелось бы вернуться хоть на миг. И он выходит в коридор.

Там никого нет.

Только потоки воздуха от работающей вентиляции гонят по полу обрывки цветной ленты и еще какие-то пестрые бумажки... Господи — фантики... Фантики от конфет, которых на борту «Коронадо» сроду не было. И еще — мячик выкатывается из-за поворота коридора. Обыкновенный детский мячик.

Листер подходит к нему, поднимает. Он потерт, этот мячик. И вообще, имеет такой вид, словно много лет пылился где-то на дачном чердаке. Похоже, что он помнит эту игрушку... Листер некоторое время вертит мяч в руках. Бросает вдоль коридора — к следующему его повороту.

И тут — словно странная материя сна только и ждала от него этого сигнала — оттуда, из-за поворота, молниеносным движением высовывается почти неразличимая тень, и крохотная гибкая ручонка хватает и забирает с собой старую игрушку.

Язвительное хихиканье и суетливый шорох...

Но капитан не дает поймать себя на эту удочку. Он не бросается ловить ускользящую тень. Вместо этого он спокойно идет к повороту и останавливается на пересечении внутренних переходов экипажного отсека. Возвращает пистолет на предохранитель, прячет его в карман куртки и, скрестив руки на груди, ждет.

И ждет не напрасно.

Из-за угла, с виноватым видом загребая ногами, выходит призрак — мальчишка лет двенадцати, неухоженный и кое-как наряженный в нелепую смесь взрослых и детских обносков. Мальчишка подходит к нему и протягивает свою исцарапанную ладошку — то ли просит милостыню, то ли предлагает отвести капитана куда-то с собой.

Капитан принимает эту ладошку — горячую и нервную — и идет туда, куда тянет его странный гость «Коронадо». За поворотом — ей-богу, Листер не помнит, чтобы на плане отсека экипажа значился этот поворот, — их поджидают друзья чумазого привидения — довольно пестрая компания, так же, как и он, причудливо наряженных и неопрятных на вид малолеток. Их не больше десяти.

* * *

С этого момента воспоминания капитана об этом странном сне теряют четкость,

становятся отрывочными и противоречивыми. Конечно, она не должна была продлиться дольше утра, эта игра, которую он затеял с выходцами оттуда. Но Листер вспоминал о ней, как о чем-то долгом, занявшем заметный отрезок его жизни. По крайней мере ему основательно запали в память образы этих его странных знакомцев, характер и привычки каждого из них, его привязанность или неприязнь к кому-то из них.

Он довольно быстро понял, что они вовсе не были детьми — эти его гости. Они и людьми-то не были. Так — некими сущностями, принявшими — наскоро и небрежно — вид созданий, симпатичных и дорогих людям. Но сами они были глубоко чужды всему человеческому. Нет, они вовсе не были монстрами или дьяволятами, принявшими человеческий облик. Просто чужими. И это делало особо жутким этот сон. Или это воспоминание.

Они не старались замаскировать свою нечеловеческую природу. По крайней мере прилагали к тому минимум усилий. Временами Листера передергивало от того, насколько движения их начинали напоминать движения ватных кукол, а выражения лиц — маски, не снятые вовремя. Они щебетали на своем птичьем языке — общались между собой и с теми странными созданиями, которые гнездились по углам того странного места, куда они привели Листера.

Странное место... Капитан готов был поклясться, что на вверенном его заботам судне нет и быть не может этого заваленного самым невероятным хламом и скудно освещенного отсека. Но он был невероятный и в то же время вполне типовой, хорошо ему знакомый по конструкции и габаритам универсальный сменный модуль-отсек УМ-1440. Он, без сомнения, был подсоединен к системам жизнеобеспечения «Коронадо», и в этом отношении ничего странного не представлял. Странны были только населившие его твари.

В странном месте они вели странную игру. словно перед решающей схваткой, они кружили по незримому рингу, проверяли задумки и намерения друг друга. Они совсем плохо говорили на языках землян, эти обитатели сна. Даже не говорили, а словно передразнивали когда-то услышанное — иногда к месту, иногда нет. Они чего-то добивались от капитана. Он, пожалуй, так и не понял — чего. Они были по-сорочьи любопытны и привязчивы — постоянно пытались втянуть Листера в очередную свою затею, а когда это наконец удавалось им и Листер проделывал то, чего от него ждали — ну, допустим, разбирали и собирали какую-то безделицу вроде редуктора газовой магистрали, — восторгам гостей не было конца. Они толпились вокруг, отталкивая друг друга, и непрерывно заставляли кэпа повторять этот фокус.

И они вовсе не ощущали себя гостями «Коронадо». Наоборот — вели себя по-хозяйски, совали нос повсюду и, похоже, очень досадовали на постоянное и назойливое присутствие землян. Хотя капитану и казалось, что чуть ли не вечность прошла у него в общении со странным народцем, он не мог припомнить, что ел и пил там, в мире зыбкого сна. Зато запомнился первым явившийся ему мальчишка, размазывающий по щекам джем из тубы, явно спертой из комплекта НЗ. И еще — странный футбол, в который играла бутылками «Пепси» странная компания на покрытом потертым пластиком полу странного места.

А потом наступило время прощания.

Листер не помнил, когда к нему пришло понимание того, что надо уходить. В памяти осталось только последнее пожатие нервной ладошки чумазого мальчика, так и сохранившего до самого момента расставания свое шефство над кэпом. А в ладони самого капитана после этого остался плоский кусочек металла — ключ от гермодвери. Одной из многих

Наверное, он не вспомнил бы об этом сне наутро. Но почему-то ничуть не удивился, обнаружив свою «пушку» не в привычном месте — под смятой подушкой, а в кармане своей домашней куртки. Так же, как не удивил его и обнаружившийся в том же кармане ключ. Он сунул его в ящик стола и вспомнил о нем уже совсем при других обстоятельствах. Естественно, он не запомнил, в какой день это было.

Скорее всего этот сон пришел к нему уже после того, как события на борту «Коронадо» приняли крутой оборот. До этого у него не было привычки держать оружие при себе.

А крупные неприятности на «Коронадо» начались почти сразу после того, как Гарри Агасси поведал кэпу о корабельном полтергейсте. Несмотря на дурные предчувствия, владевшие старшим энергетиком, серия бросков через подпространство по экстремальной программе была начата уже через сутки после разговора Листера с Герродом. И первый же бросок дал результат. Долгожданный и жуткий.

Дежурным по кораблю в тот раз был его связист.

Н'Домо вызвал капитана в шестой экспериментальный бокс уже через несколько минут после выхода «Коронадо» в заданную точку финиша. Автоматы еще только начинали раскручивать громаду корабля вокруг оси, и искусственная тяжесть только еще набирала силу. От этого все вокруг казалось не совсем реальным. И вовсе уж нереальным было то, что увидел Листер в боксе, где в экспериментальной капсуле номер шесть переживал бросок доброволец Анри Дюпон. Переживал, но не пережил.

— Я сначала подумал: «Господи, кто же это?» — объяснял Н'Домо. — А потом...

— А потом вы догадались взглянуть на его жетон... — закончил за него кэп.

Не отводя взгляда от того, что лежало перед ним в глубине экспериментальной капсулы, Листер поднес к уху блок связи и попросил генерала Геррода подойти к шестому боксу.

— Остальные? — мрачно спросил он Н'Домо.

— У остальных девяти все показатели в норме... — дрогнувшим голосом доложил тот.

— Вот что... Выводите их на норму и по одному разведите по каютам. Пока им не стоит... Потом подойдете ко мне — надо будет оформить протокол.

— Похоже, что для покойного Дюпона время действительно двинулось... — сухо комментировал представшее перед ним генерал Геррод. — Точнее, он двинулся по времени — по тому, перпендикулярному... И захал по нему довольно далеко.

— Но... — Листер потер лоб. — Но если для него часы затикали, то почему же он... Почему же он не проснулся? Не попытался покинуть капсулу? Так и лежал в ней — лет двадцать, не меньше...

— Спросите меня о чем-нибудь полегче, капитан, — вздохнул Геррод. — Надо сделать тщательный анализ... останков. Как-то помягче донести это... до остальных участников эксперимента. Не травмировать их. И надо принять решение. О том, продолжим

ли мы нашу работу.

— Думаю, что надо запросить руководство спецакадемии, — осторожно предложил Листер.

— Надо информировать Академию специальных исследований, — поправил его Геррод. — Что до руководства, то его здесь представляю я. И я уполномочен принимать ответственные решения. В рамках нашей программы исследований. Помогите мне перенести... это в лабораторию.

Оставшись наконец один в своем кабинете, Листер составил рапорт — краткий и как можно менее выразительный — и отправил его по шифрованному каналу. Распорядился о проведении собрания. Потом связался с лабораторией и осведомился, не пожелает ли господин генерал присоединиться к нему на общем собрании экипажа и участников эксперимента.

Выдержав основательную паузу, Геррод мрачно буркнул:

— Да, это, по всей видимости, необходимо...

Листер вполне понимал его: формально все десять добровольцев полностью взяли на себя ответственность за собственную жизнь. Но одно дело — подмахнуть красиво написанную бумажку, сидя в удобном кабинете и мило беседуя со светилом науки, и совсем другое — оказавшись уже во чреве звездолета, бог весть как далеко от родного дома, узнать, что вот только что твой товарищ, с которым ты еще сегодня за завтраком обсуждал последние новости из Метрополии, — молодой и жизнерадостный парень — за несколько мгновений превратился в древнего старика. Понятно, что генералу не улыбалось выходить к доверившимся ему людям с такой новостью.

Что ж — реакцию Геррода он угадал. А вот реакцию чуть поредевшего корпуса добровольцев он совершенно не предусмотрел.

Собравшиеся в кают-компани в большинстве своем вовсе не были угнетены. Скорее — наоборот. Этими людьми овладел азарт. Азарт, чем-то схожий с азартом игрока в «русскую рулетку». Только еще вчера они были участниками рутинной процедуры, довольно скучной и — как становилось все более и более ясным — безрезультатной, и вот... И вот крыло тайны коснулось их. Тайны, которая может изменить всю их жизнь, наполнить ее смыслом, поставить в ряды тех, чьи имена с волнением повторяют миллиарды людей по всему Обитаемому Космосу... Мало того, один из них — пусть даже ценой собственной жизни — сам стал частью этой тайны, пережил что-то такое, что не дано пережить никому... Нет, для этих загоревшихся страстью большой игры людей и речи быть не могло о том, чтобы остановиться на полпути.

Генерал явно воспрял духом. Вместо того чтобы оправдываться, ему приходилось сдерживать наиболее ретивых из своих подопечных. То, что могло бы быть его поражением, стало приобретать черты первого успеха.

У экипажа «Коронадо» этот «успех» большого восторга не вызвал. Покойник на борту — неважная примета. Тем более если, судя по всему, он может оказаться не последним... Агасси молча переглядывался с Н'Домо. Н'Домо — с капитаном. Черны мрачно смотрел перед собой, сцепив побелевшие в костяшках пальцы.

Хотя ни о каком голосовании не было и речи, решение о продолжении эксперимента можно было считать принятым. Листера одолевали предчувствия.

Второй бросок из экстремальной серии состоялся через двое суток после первого. И не дал никаких результатов. Так же, как третий и четвертый.

Пятый обернулся катастрофой.

По законам всемирного ехидства беда снова припала на дежурство Н'Домо. В этот раз голос его в динамике коммутатора уже не дрожал. У связиста просто зуб на зуб не попадал.

— Кэп! — в нарушение всякой субординации зашептал он в микрофон. — Кэп, у нас проблемы... С самим... С самим этим генералом, черт его побери! Ох!.. Я не то хотел сказать...

— Но... Но ведь он... — Листер почувствовал, что мозги у него закручиваются этаким водоворотиком. — Геррод же находился в простой капсуле! В обычной! Он ведь в число подопытных не входил! Ч-черт! Да что там с ним? Та же история, что и с?..

— Да нет... Спускайтесь сюда — в шестой бокс — и сами все увидите...

Странно, но Листер почти угадал, что предстанет перед ним в проклятом боксе. Точнее — чего перед ним не предстанет. В боксе — да и на борту «Коронадо» вообще — не было генерала Геррода.

— Понимаете, в этот раз никакого аварийного сигнала с капсул не поступало, — рассказывал злосчастный потомок африканских царей. — Те, что подключены — в норме, а две — выключены по штатной процедуре. Ну, я как-то не понял, почему не работает капсула генерала, и... и вскрыл каюту. Нет — сначала вызывал его по коммутатору, звонил в двери и стучал... Потом воспользовался универсальным ключом. А там в его каюте я нашел вот это...

Он протянул капитану незапечатанный конверт.

«Капитан! — писал генерал-академик. — Подвергнув тщательному рассмотрению результаты наших экспериментов, я пришел к выводу, что конструктивные особенности именно шестой экспериментальной капсулы дают возможность помещенному в нее субъекту воспринять ту «скрытую координату», существование которой постулируется в моей теории в качестве измененного времени. Мои теоретические соображения позволяют предположить, что при несколько измененных условиях перехода этот субъект избежит трагической участи добровольца Дюпона.

Мне, кажется, удалось пролить некоторый свет на загадку его гибели. По уточненным мною расчетам, в выбранном нами в тот раз режиме «Коронадо» двигался в подпространстве довольно ускоренно и — по его субъективному, «перпендикулярному» времени — довольно долго. Годы. Именно постоянное, почти в десяток "g" ускорение и убило несчастного Анри. Теперь режим перехода более мягок с этой точки зрения.

Однако известное чувство ответственности, которого я все-таки не лишен, хотя вы, кажется, придерживаетесь на этот счет другого мнения, заставляет меня отклонить все кандидатуры на роль такого субъекта, кроме собственной.

Думаю, что все обойдется, и вам просто не придется читать это письмо. Однако если вы все-таки держите его в руках, значит, я опять ошибся в своих расчетах.

В том случае, если мне суждено было разделить судьбу Анри Дюпона, прошу

надежным образом законсервировать мои (и его) останки и вместе со всеми документами экспедиции передать в распоряжение президиума Академии специальных исследований. Особо позаботьтесь о моем компьютере — его я прошу передать лично в руки моего заместителя Арнольда Гусева. Разумеется, в случае такого исхода эксперимента дальнейшие работы по нашей программе должны быть приостановлены.

Однако я допускаю и иную возможность. Для того, чтобы вы лучше поняли, о чем идет речь, я должен пролить некоторый свет на те действия, которые я намерен предпринять в мире «перпендикулярного» времени — если я в нем все-таки окажусь. Я полагаю, что времени этого в моем распоряжении окажется от нескольких часов до нескольких десятков суток. Прежде всего я намерен покинуть капсулу и изучить состояние основных систем корабля и то, что принято называть «навигационной обстановкой». То есть я хочу взглянуть на то, как выглядит Вселенная в «перпендикулярном мире». «Коронадо» неплохо оснащен для такого рода наблюдений. Если у меня найдется время, то я предприму осмотр корабля. У меня есть основания полагать, что в «перпендикулярном мире» «Коронадо», как и многие другие творения человеческих рук, — совсем не то, чем он нам кажется.

Боюсь, что это будет непростая прогулка. Возможно, во время этого странствия мне предстоит встретить что-то или кого-то, о чем я еще не имею никакого представления. Так что, быть может, вы просто не найдете меня на борту «Коронадо».

Я не решаюсь рекомендовать вам какой-то определенный рецепт действий при таком развитии событий. Возможно, лучшим вариантом будет приостановка работ и вообще полное воспроизведение действий, предусмотренных на случай моей очевидной гибели. Однако, случись со мной нечто, что заперло бы меня в том мире, на прогулку по которому я собираюсь, мне не хотелось бы терять надежду на возвращение, и я заранее благодарен тому, кто осмелится последовать за мной и попытается хоть чем-то помочь старику, заблудившемуся в лабиринте времен.

С надеждой на скорую встречу, ваш Хайме.

P.S. Надеюсь, вы не будете в претензии на то, что я не поставил вас в известность о своем решении. В случае неудачного исхода моей затеи вам лучше не делить со мной ответственность за жизнь моей скромной особы.

Ваш Х.Г.».

— Так... — озадаченно пробормотал Листер. — Это вы нашли в каюте...

— В фиксаторе, на столе...

Листер сложил письмо Геррода, сунул его в конверт, а конверт — в карман комбинезона.

— А в шестом боксе? — спросил он. — Что вы нашли в шестом боксе?

— Пустую капсулу, господин капитан. Закрытую, законсервированную и абсолютно пустую.

Лицо Листера нервно дернулось.

— Озаботьтесь тем, чтобы привести в норму и собрать в кают-компании всех добровольцев. И весь экипаж. Через двадцать минут — не более.

Ругая все и вся на чем свет стоит, капитан прошел в свой кабинет и еще раз перечитал письмо Геррода. Постарался сосредоточиться и унять подступившее к горлу бешенство. Чуть поостыв, он с некоторым удивлением понял, что одной из причин охватившей его паники было то нелепое обстоятельство, что на борту «Коронадо» теперь осталось членов экипажа и добровольцев — ровно тринадцать душ.

* * *

«Коронадо» обыскали сверху донизу. Как и предчувствовал Листер — безрезультатно. Генерал-академик не оставил после себя ни малейших следов. Только Черных и Агасси отыскали в приснопамятном ремонтном блоке несколько, как выразился Гарри, «странностей» — выцветшие листки с непонятными записями, сделанными, судя по всему, рукой Геррода, да цепочку от жетона — такого, который по старой традиции носили на шее все участники космических экспедиций. Самого жетона на цепочке не было. Не было и никаких оснований полагать, что цепочка и жетон имеют хоть какое-то отношение к исчезнувшему генералу.

— И вот еще... — Агасси вытащил из кармана плоский ключ от гермодвери. — Вы просили, капитан, найти дверь, к которой подходит этот ключ. Покуда мы искали генерала, я попробовал все подходящие замки. На «Коронадо» нет такой двери.

Он положил ключ на стол и с сочувствием посмотрел на отвернувшегося к имитации иллюминатора капитана. Зрелище звездного неба всегда успокаивало Листера. Но сейчас и оно не возвращало ему душевного равновесия. Что и говорить — положение его было хуже некуда. Хотя «заблудившийся в лабиринте времен старик» великодушно брал на себя ответственность за приключившуюся беду, капитан достаточно ясно представлял себе последствия происшедшей в рейсе потери столь высокопоставленного пассажира.

«Кэпу лучше не возвращаться из рейса вообще, чем возвращаться без этого чертова генерала, — иронически сказал себе Агасси. — Да и нам, грешным, теперь долго от этой подлянки не отмазаться».

Капитан Листер тоже считал, что возвращаться в Метрополию без генерала-академика на борту не имеет смысла. Но иронии в его мыслях не было. У него не было настроения иронизировать. Он повертел в руках ключ от гермодвери, вытянул из-за ворота цепочку своего жетона, развинул ее разъем и повесил ключ рядом с жетоном.

Агасси, так и не дождавшийся разрешения «быть свободным», недоуменно наблюдал за его манипуляциями. Наконец кэп поднял глаза на своего первого помощника и заместителя.

— Вот что, — устало и с какой-то обреченностью в голосе сказал Листер. — Даю вам шесть часов на проверку и настройку основных систем корабля. В двадцать ноль-ноль — бросок. Полное повторение предыдущего режима. Вам понятен приказ?

— Но... Вы уверены, что это — своевременное решение, капитан?

— Вы временами перечитываете Устав? — холодно поинтересовался Листер. — Рекомендую этим заниматься время от времени. Полезное занятие.

— Я не собирался выражать вам недоверие, капитан, — с тревогой в голосе заверил его

Агасси. — Просто я должен ясно понимать цель того или иного маневра. Обычно это не вызывало у меня затруднений — мы всегда хорошо понимали друг друга, капитан... Но в этот раз...

— Вы все поймете, Гарри. И очень скоро.

Листер обогнул свой стол, присел на край кресла перед терминалом и положил руки на клавиатуру.

— Я оставляю вам письменные распоряжения. Вас не должна волновать проблема ответственности, Гарри. Ознакомьте с моим приказом остальных членов экипажа. Черных пусть зайдет ко мне немедленно.

Он отбил по краю клавиатуры короткую дробь.

— Можете быть свободны.

Агасси отдал капитану честь, повернулся на каблуках и вышел из кабинета кэпа с выражением недоумения на лице.

Оставшись один, Листер двинул кресло поближе к терминалу и вызвал на экран текст из своего личного файла.

В дверь кабинета осторожно позвонили. Листер нажал на кнопку автоматического замка и повернулся навстречу посетителю.

— Вы вызывали меня? — осведомился возникший в проеме двери штурман.

— Заходите, Виталий, садитесь...

Капитан указал на свободное кресло, а сам поднялся и несколько нервно прошелся по кабинету.

— Ведь вы у нас числитесь еще и корабельным юристом? — осведомился он.

Собственно, вопрос был задан больше для порядка. Штатное расписание, в котором значилась «резервная» должность каждого из членов экипажа, капитан знал как свои пять пальцев. Вторым высшим образованием штурмана Черных было юридическое, и он обладал правом заключать правовые акты точно так же, как Бруно Н'Домо, помимо своих обязанностей связиста, мог отправлять обязанности корабельного капеллана, а Гарри Агасси — администратора.

— Возникли проблемы, капитан? — вопросом на вопрос ответил Черных.

— Собственно, у меня будет к вам личная просьба, Виталий.

Капитан кивнул в сторону выведенного на дисплей текста.

— Мне надо уточнить кое-какие вопросы, связанные со страховкой, и еще... И еще я хотел бы уточнить кое-какие пункты в моем завещании...

* * *

— Подумайте еще раз, капитан... — голос Агасси был мягок, словно он говорил с тяжелобольным. — Стоит ли совать голову в петлю? Если генералу захотелось быть подопытным кроликом, то это вовсе не означает...

— Я уже подумал, — оборвал его Листер. — Очень хорошо подумал. И не стоит вам оспаривать уже принятое решение. У вас есть инструкции насчет того, что предпринимать в случае моего... невозвращения. Им и следуйте в случае чего.

— Ну что же. Удачи вам, капитан.

Агасси задвинул в пазы крышку капсулы, махнул на прощание капитану — в прозрачное

окошко подозрительно напоминающего гроб устройства, вышел и запер за собой люк экспериментального бокса номер шесть.

Если судить по первым ощущениям, этот бросок ничем не отличался от любого из того великого множества бросков через подпространство, которые составляли полетный стаж Джорджа Листера. Но это были только первые ощущения.

Странность ситуации капитан начал осознавать после того, как к нему вернулась ясность восприятия окружающего. Прежде всего — не было сигнала отбоя. Не ощущал он и характерной угасающей вибрации корпуса «Коронадо», которая сотрясала корабль после каждого броска.

Многое было не так.

* * *

— Так все-таки эта... экспедиция капитана Листера туда, за предел... Она удалась? — спросил Кай. — По крайней мере в справке нашей сети не упоминается об исчезновении Джорджа Листера с борта «Коронадо». Там есть, правда, записи о его гибели — целых две. Мы могли бы добавить третью. Но из того рейса «Коронадо» вернулся без потерь. Иначе это было бы как-то отражено в сводках управления. А исчезновение такой шишки, как академик в ранге генерала... Я просто не смог бы пропустить такую информацию.

— Да... Они оба вернулись «оттуда», — кивнул Кирилл. — Кэп нашел такую дверь, которую открывал тот ключ. И Хайме Геррода он тоже нашел. Только... — он потер лоб. — Только про все это... Про те дела, что творились с ним в «перпендикулярной Вселенной», капитан рассказывал и вовсе уж... стремно. Словно и не мне рассказывал, а сам себе что-то пытался объяснить, что там с ним было. И не первый раз пытался, наверное...

Кирилл задумался на минуту, поморщился и добавил:

— Самое неприятное, так это то, что я вовсе не уверен, что мне стоило узнавать все это. И пытаться разобраться во всем этом...

* * *

— Наверное, тебе не надо много знать об этом, — сказал ему тогда, на студеной тверди плато Аш-Ларданар, тот, кого он, за неимением других имен, продолжал называть кэпом Листером. — Понимаешь, не надо человеку слишком много знать о том, что существует не для людей, не имеет к ним никакого отношения...

— Я просто хочу понять, — устало отозвался Кирилл и поставил рюкзак на подернутый инеем щебень. Сам опустился рядом. Спутники далеко отстали от них, и стоило передохнуть немного, поджидая их. Он посмотрел на капитана снизу вверх.

— Хочу понять, с чем имею дело. Я только и спросил тебя: «Кто ты?» Все-таки человек или...

— Я тоже хотел бы знать ответ на этот вопрос... Или нет...

Листер бросил свой рюкзак рядом с рюкзаком Кирилла и опустился на землю, прислонясь к нему спиной.

— Я не так сказал. Я хочу не знать ответ на этот твой вопрос... Я хочу выбрать. Выбрать

этот ответ. Пока у меня еще есть возможность выбирать...

Кирилл молчал, боясь спугнуть ту атмосферу взаимного доверия, которая словно из ничего возникла и пронизала ткань их сбивчивого разговора.

— Трудно объяснить, что произошло там с нами...

Листер прикрыл глаза и сосредоточился на каком-то мучительном воспоминании.

— Это была своего рода ловушка... Капкан, поставленный у двери между мирами. Знаешь, много пишут и говорят о том, что подпространство — это гораздо более сложный мир, чем представляется нам. Мир такой же странный, как и наш мир — для его обитателей. Я думаю, что это был Тартар — то, с чем мы столкнулись в «перпендикулярной Вселенной»... Наверное, слышал о такой штуке...

— Да, — криво усмехнулся Кирилл. — Я временами заглядываю на просветительские каналы «Ти-Ви». И в сайты научного обозрения в сетевых новостях. Это такая изолированная область пространства-времени, которая временами все-таки может приходиться в соприкосновение с нашим миром... Еще предполагают, что она может быть населена, эта «изолированная область»... Но не все считают, что он и на самом деле существует, этот Тартар. Может, есть, а может, и не нет...

Листер бросил на собеседника слегка высокомерный взгляд. Как-то машинально, словно забывшись. Поняв это, извиняюще улыбнулся.

— Скорее всего — есть, — сказал он. — По крайней мере то, с чем мы столкнулись — я и Геррод — очень напоминало то, о чем так любят поболтать теоретики и их популяризаторы... Наверное, «Мир скрытой координаты» — это какое-то междумирье... Тамбур, из которого открываются проходы, туннели в такие вот закоулки Мироздания. И какие-то из них обитаемы, населены носителями разума. Очень странного, чуждого, но не лишнего интереса к нам — призракам, приходящим из иного мира. Проносимся через междумирье какими-то своими путями. Затеваем эксперименты, которые оборачиваются чудовищными бедами и катастрофами в их, неведомом нам мире... Мы не могли не вызывать у него интереса. Для этого мы слишком опасны. Опасны своей постоянной экспансией в иные миры, своей нарастающей технологической мощью... Своим неразумным любопытством, наконец...

— Вы встретили его? Этот чужой разум?

— Лучше сказать — он встретил нас. Он нас ждал, готовился исследовать, изучить нас. И в конце концов — изменить. Сделать своими инструментами... Заключить с нами договор.

— И вы этот договор подписали? — с интересом осведомился Кирилл.

— Дело обошлось без пергаментных свитков и вскрытия вен. Договор с дьяволом подписывают не на бумаге. Его подписывают в душе. Самое трудное для нас, конечно, было найти общий язык... Понять, что надо от нас тому безликому и невидимому, который общался с нами с помощью... — капитан щелкнул пальцами, подыскивая нужное сравнение, — с помощью какого-то подобия театра. Гротескной пародии на театральное действие, которое разыгрывали перед нами его марионетки — неумелые подобия людей. Смешные и жутковатые. Но тогда я понял главное... То, что я считал главным тогда... Мне было обещано бессмертие. Традиционная приманка...

— Да, от таких предложений не отказываются... — бросил Кирилл с заметной иронией.

Но кэп не обращал внимания на реплики собеседника. Сейчас он слушал только себя.

— Бессмертие... — продолжил он. — Бессмертие в обмен на верность. Даже не так — не в верности дело — бессмертие в обмен на изменение сущности... Вот правильная

формула... Я ее принял. И теперь это изменение происходит во мне. Но я еще способен выбрать... Надеюсь, что способен. Выбрать — пройти ли мне этот путь до конца, или отказаться от подарка дьявола...

— Как это?.. — спросил скорее самого себя, чем своего странного спутника Кирилл.

На этот раз Листер услышал его вопрос.

— Дело в том, что тот Джордж Листер, которого ты видишь перед собой, это только кусочек, проекция того существа, которым я стал в результате изменения... Верхушка айсберга. Сам айсберг там — в Тартаре... И проекция эта довольно зыбкая, неустойчивая. Иногда со мной происходят всякие незапланированные... эффекты. Тогда, бывает, я здорово пугаю окружающих. Тартар тратит сумасшедшее количество энергии для того, чтобы сохранить связь этой брэнной оболочки, существующей в обычном пространстве-времени, и той ее основой, которая таится там — в невидимой простым смертным Вселенной. Когда что-то происходит со мною здесь, мое «я» ныряет в те темные воды... И живет по их законам... Все больше и больше становясь чем-то другим. Тем, чем становиться очень не хочется... А за это время происходит восстановление, регенерация моей проекции в этом мире. Или она строится заново. И этот мир возвращается ко мне. К уже другому мне. И я вновь отправляюсь исполнять в нем то, зачем послал меня в него Тартар.

Теперь Листер открыл глаза и смотрел в пространство перед собой пустым, лишенным хоть какого-либо выражения взглядом.

— Это — большое удобство: быть «на поводке» иного мира. Я, к примеру, вовсе не нуждаюсь ни в пище, ни в воде. И даже в воздухе, хотя в вакууме у меня будут наблюдаться все последствия вскипания азота в крови... Не хочется думать о том, как это будет смотреться в комбинации с последующей регенерацией... Это вовсе не значит, что мне не нравится дышать или хорошо поесть. Просто я могу обходиться без этого... Но за все надо платить: такое мое бытие возможно только в довольно небольшой области Обитаемого Космоса. Я уже никогда не смогу вернуться в Метрополию. Есть только несколько обитаемых планет, на которых Тартар может дотянуться до меня, поддерживать мое существование. Шарара, Харур, Прерия, Чур... И благословенная Инферна.

— Во всех этих Мирах находили порталы Предтеч. Или их руины.. — припомнил Кирилл. — Кроме Инферны, конечно. Здесь нашим археологам не развернуться... Какой-то участок измененного пространства-времени... Поэтому здесь вечные проблемы с навигацией...

— «Червивое яблоко» Галактики — так его называют физики из тех, что заняты космологией, — напомнил Листер. — И Геррод так его называл...

— А он... — Кирилл с интересом глянул на капитана. — Генерал-академик тоже подписал договор?

Лицо Листера дернулось.

— Пожалуй, Хайме поступил более мудро, чем я. Куда более мудро... Он не принял этот чертов подарок. И Тартар отпустил его с миром. Самую малость лишь изменив его — даровал ему забвение. Он ничего не помнил о том, что происходило с нами... Словно проспал все эти недели сном праведника... И он даже не знает, насколько он счастлив: он родился человеком, человеком и умрет. И никогда не будет жалеть о том выборе, который совершил и о котором забыл навеки...

— И вы не стали напоминать ему?..

— Не стал.

Капитан поднялся и стал присматриваться к приближающимся фигуркам Смольского и Палладины.

— Но мне пришлось рассказать ему свою историю — так, как будто это случилось только со мной...

— Зачем?

Кирилл тоже нехотя поднялся и стад ручным прожектором сигналить отставшим.

— Я сделал это, когда решил... расторгнуть договор, — глухо бросил Листер. — Выйти из игры. Но только не так-то это оказалось и легко. Второй раз встретиться с дьяволом... Снова навестить Тартар...

— Так ведь вы говорите, что вы там — в Тартаре — и находитесь на самом деле? — с удивлением повернулся к нему Кирилл.

— Правильно, — криво улыбнулся Листер. — И хотел бы я знать, на что похоже — хотя бы отдаленно, то, чем я там стал. Но этой моей «матке» не дано ни чувств, ни ощущений. Ни права действовать. Все это дано только моему воплощению здесь, в нашей Вселенной. Там я могу только лишь мыслить. Если это можно назвать мышлением.

— Но почему... Почему — расторгнуть? — запинаясь, словно о чем-то неприличном, спросил Кирилл. — Зачем вам расторгать этот ваш договор? Какая-никакая, а вечная жизнь...

Листер молчал. Он глядел в льдистую даль, на хребты Ларданара, мимо приближающихся спутников.

— Ты не знаешь... — медленно начал он. — Ведь ты не сразу понимаешь, чем приходится тебе платить... Ты думаешь, это так просто и естественно, что капитан экспериментального судна, гордость спецакадемии, вдруг, после самых незначительных неприятностей с руководством, уходит в наемники к Одноглазому Императору, а потом, после своей официально зарегистрированной гибели, объявляется в другом конце Обитаемого Космоса? Об этом можно написать роман. О том, как некто, живущий среди людей, начинает догадываться, что он — не человек. Постепенно, по чайной ложке. Что ни у кого из них нет того, кто внутри, что они не слышат голоса, к которому ты так привык, больше, чем к отцу и матери. Вообще не знают, что это такое... Что никто, кроме тебя, не видит таких... снов. Назовем их так. Что ни у кого в душе не живут запреты — постыдные и невероятно странные. Непонятные, ни одной живой душе, кроме тебя самого. И еще — это был бы роман о том, как эта нечеловеческая сущность, по мере того как ты ее постигаешь, все больше овладевает тобой, как ей мало становится того, что она программирует твои симпатии и антипатии, как она начинает уже напрямую вести тебя к своей цели, превращает в робота, марионетку...

Листер вновь замолчал.

Кирилл тоже хранил молчание. То, что он услышал, не так-то просто было переварить,

— Некоторое время ты думаешь, что просто сошел с ума, — продолжил капитан. — Но потом получаешь веские доказательства. Только вот беда — читателей для такого романа не найдется... Ну зачем читать романы из жизни нелюдей? Элитарная забава... И не спрашивай почему. Для меня их намерения так же темны, как и для всех простых... смертных.

— И все же — почему же вы... Неужели другого выбора нет?

— В том-то и дело, что это и есть — выбор. А ты-то как бы решил на моем месте? Кем остаться — человеком, у которого есть душа, а в ней — память об отце и матери, о детских страхах и радостях, любви и ненависти... Или стать до конца куклой, поспешающей служить

чужой воле — неведомо — доброй или злой? А?

— Но ведь вы выбрали, капитан...

— Верную смерть? А ты что — из тех, кто собирается жить вечно? Это не страшно — умереть, прожив такую жизнь. Они ошиблись, изготовив свое орудие в виде человека. Среди человеческих качеств есть и способность к бунту... Я больше всего боялся, что они в критический момент окончательно лишат меня воли. Возьмут управление на себя. Но это оказалось непредусмотрено... Или они просто меня отпустили... Или решили таким образом уничтожить... Вряд ли... Это было бы куда как просто устроить менее сложным способом...

Кэп набросил на плечи свой рюкзак и, кивнув подоспевшим спутникам, зашагал дальше по звонко похрустывающему грунту охваченного ночным холодом плато.

— Значит, для этого вы и рвались сюда — на Инферну?

— Именно для этого, — кивнул ему кэп. — Здесь — решение моей тайны. Здесь, на Аш-Ларданаре...

* * *

— Вот примерно и все, что рассказал мне капитан Листер... За то время, пока...

Кирилл сделал неопределенный, нервный жест рукой, словно снимая с лица невидимую паутину. Повернулся к Каю, ожидая от него каких-то вопросов.

— Потом в монастыре и уже здесь, в городе, он не возвращался к этой теме? — спросил Кай, больше для того, чтобы как-то прервать наступившую паузу, чем внести ясность в вопрос, который ясным просто не мог быть.

Кирилл пожал плечами.

— «Пепел»... — словно вспомнил он. — Он делает какую-то ставку на груз «пепла», оставшийся на борту «Ганимеда». Не знаю, какую... Это не просто деньги. Он ищет какого-то особого покупателя на этот «груз». И в то же время он сознает, что «Ганимед» — это ловушка. Ведь это ловушка, верно?

— Боюсь, не он один об этом догадывается, — поморщился федеральный следователь.

— Он понял это с самого начала. Когда не стали нас искать, не выслали погоню, не стали прочесывать плато... И еще тогда решил сделать на это ставку. Но я не знаю — какую.

— Так или иначе, — попробовал определить ситуацию Кай, — он, как и мы, ищет покупателя... Хотя и какого-то особого. Похоже, нам стоило бы с ним поконтактировать. Тем более что наши цели он более-менее ясно представляет. Нехорошо получится, если мы перехитрим друг друга.

— Я постараюсь... — Кирилл нервно хрустнул пальцами. — Я постараюсь свести вас вместе. Но... Надо, чтобы вы не использовали это для того, чтобы как-то его обезвредить. Арестовать или подставить каким-то образом. Я должен быть уверен, что вы играете чисто.

— И какие же гарантии мы можем вам дать на этот счет? — устало бросил Кай.

— Собственно, тут может быть только одна гарантия... — Кирилл посмотрел в глаза федерального следователя. — Ваше слово, только и всего. Пока что у меня не было оснований не верить вашему слову, господин Санди.

— Ну что же...

Кай поднялся с кресла и теперь стоял напротив бывшего бойца Космодесанта.

— Считайте, что такую гарантию вы уже получили. Вы знаете теперь, как связаться с

нами. Я попрошу вас об одном. Если вы поймете, что Листер затевает что-либо опасное, дайте нам знать немедленно. Постарайтесь в этой ситуации обойтись без самодеятельности...

— Это уж как получится, — ответил Кирилл.

За спиной Кая скрипнула дверь и раздалось деликатное покашливание.

Он обернулся навстречу вошедшему Граберу.

— Вы пришли сказать, что моя комната?..

— Ваша комната готова. Но... Господин Верховный Посвященный может принять вас немедленно.

Глава 13

В ЛАБИРИНТЕ

— Ну вот мы и встретились... Я ведь давно хотел встретиться с вами.

Кай с подавленным вздохом перешагнул порог тесноватой, но высокой и светлой комнаты. Фальк легко поднялся ему навстречу, не спеша, однако, протягивать руку для пожатия.

— Вы уверены, следовательно, что хотели встретиться именно со мной? — довольно прохладным тоном осведомился он.

— Если вы — тот Герберт Фальк, судьбой которого обеспокоен подполковник Дель Рей...

Кай тоже замялся с рукопожатием. Чтобы как-то закруглить начатый было жест, он перехватил правой рукой шнурок оберега, который неведомо как очутился в левой. В последнее время у него выработалась раздражающая его самую привычку перебирать этот затейливыми узелками усеянный шнурок, наподобие четок.

— Впрочем, не один только подполковник, — уточнил он.

— Ну что ж. Боюсь, что я — именно тот Фальк, который так небезразличен господину подполковнику... И какие же указания вы получили от него касательно моей скромной персоны?

— Поверьте, я не получал в отношении вас никаких особых указаний. Подполковник Дель Рей лишь просил меня установить ваш теперешний статус. И, по возможности, получить от вас некоторые объяснения...

Кай довольно неловко чувствовал себя, продолжая стоять напротив собеседника, который тоже не спешил изменить свою позу, несколько напоминающую стойку «смирно».

— Ну что ж... — Фальк наконец протянул руку федеральному следователю. — Думаю, что с другими гм... указаниями официально аккредитованных лиц ко мне послать и не могли. С другими указаниями посылают других людей...

Он указал Каю на грубо сработанный табурет у стола и сам опустился на точно такое же произведение столярного ремесла. Другой, более удобной, мебели в Серых монастырях, видно, не водилось.

— Я представляю, сколько недоуменных вопросов ко мне накопилось у старины Гвидо... Вот только ответить мне на них будет затруднительно. Весьма и весьма затруднительно...

— Вы испытываете затруднения э-э... этического порядка? — осторожно спросил Кай.

— В некотором роде — да, — несколько неопределенно отозвался Фальк. — Но это совсем не то, что вы предполагаете... Это вовсе не угрызения совести. Во всяком случае, не за мое лично поведение в этой истории... Видите ли, я не уверен, что людям — Человечеству вообще — на теперешней нашей стадии отношений с ранарари надо знать то, что узнал я...

— Тогда нам остается только обсудить сегодняшнюю погоду, — вежливо улыбнулся Кай. — И виды на урожай. Но мне казалось, что вы согласились поговорить со мной не ради этого. Жаль, что я ошибся, — он улыбнулся еще раз довольно хмуро. И приготовился встать и вежливо откланяться. Но что-то остановило его. Взгляд Фалька, прикованный к пробежавшему через пальцы федерального следователя шнурку оберега.

— Не торопитесь...

Фальк встал, подошел к окну и принялся что-то рассматривать в высоком куполе небес. Там — в его глубине — первые звезды этой ночи уже нарисовали несмелый, едва заметный пока что контур странных созвездий этого Мира.

— Вы не совсем точно выразились, следовательно, — наконец произнес он. — Я не просто согласился на встречу с вами. Я пригласил вас к себе, чтобы... Чтобы предложить своего рода помощь. Взаимопомощь, точнее говоря...

Он не обернулся, чтобы оценить реакцию собеседника. Кай предпочел промолчать. Поднес к уху орех-шептун. Прислушался к нему.

Фальк заговорил снова, немного изменив тему разговора.

— Что касается того, что вы назвали... Как это вы выразились?.. Ах, да — уточнением моего статуса... Так вот: простым я свое задание не считан с самого начала. Но оно оказалось сложнее, гораздо сложнее, чем все то, к чему меня готовили...

Он оторвался наконец от созерцания первых звезд и повернулся к федеральному следователю.

— Понимаете ли, этой моей задачей было понять... Понять смысл происходящего на этой бессмысленной планете. Все очень просто — понять, внятно изложить, передать по инстанции тем, кому в этом мире надлежит принимать решения. И забыть. Быть готовым к выполнению следующего задания.

Он поморщился.

— Только вот черта с два удается укладываться в такую простоту... Видите ли, следовательно... Если вы уж дослужились до своей категории и если уж вы сподобились такого сложного задания, тогда вы, наверное, должны были испытать на собственной шкуре, что это значит — понять что-нибудь. Это, пожалуй, будет чуть посложнее, чем понять, что все-таки было орудием убийства да по каким каналам сплавляли жулики краденое... Понимание сущности — это такая штука, которая тебя изменяет. Когда ты что-то начинаешь понимать по-настоящему, ты сам немного становишься этим «чем-то». Вот в чем дело... Я сделал многое. Я прошел по довольно крутой лесенке — от иммигранта, ничего не смыслящего в делах Диаспоры, до настоятеля Серого монастыря. Можно было бы написать неплохой роман на тему этого... восхождения. И пока я по ней — по лесенке этой — карабкался, срывая ногти и раздирая в кровь руки-ноги, ко мне пришло понимание того, что мы — люди — натворили здесь. Какова наша действительная роль... И я стал уже не тем, кем был. Мне пришлось стать частью этого странного Мира, чтобы понять его. А наш Мир — мир «Эмбасси-2», мир ходов и контрходов спецслужб — перестал быть мне понятен. Так уж устроен этот мир и наши мозги в нем, следовательно: за понимание одного приходится платить непониманием чего-то другого.

Как ни странно, федеральному следователю эти слова вовсе не показались бессмыслицей. Ему было знакомо это чувство — чувство неизбежности расплаты за успех. Внутренней, не объяснимой никому из посторонних расплаты.

— Ну что же, — сказал он, — судя по всему, этот Мир дал вам гораздо больше, чем то, на что вы могли рассчитывать, оставаясь на службе Федерации... Я имею в виду не материальные блага. Я — про ваш общественный статус... Сам Большой Джон испрашивает у вас аудиенции. И не всякий раз таковой достаивается... — Кай позволил себе чуть улыбнуться. — Насколько я помню, только милейшему Вилли удался подобный взлет...

История Уильяма Коэна, умудрившегося помимо своей воли стать Священным Безумцем Древних Земель на Шараде, была притчей во языцех разведслужб Федерации

Фальк тоже улыбнулся. И тоже — чуть-чуть.

— Как он там? Все мучается?

— Насколько я знаю, это — пожизненно, — вздохнул Кай.

— Мой случай полегче, — пожал плечами Фальк. — В мои обязанности входит воспитать себе наследника. Точно так же, как Гарри Нерсесьянц — он был Первым настоятелем — воспитал меня. После чего я смогу удалиться на покой. На вполне заслуженный, замечу, покой. Если, конечно, господа с «Эмбасси» захотят меня в таком покое оставить.

— Я не думаю, что вам будут мстить... — без особой уверенности предположил Кай. — Другое дело, это то, что никто — и я в том числе — не оставят намерения уточнить смысл тех познаний, которые вы считаете для нас ненужными...

Фальк безнадежно махнул рукой.

— Не стоит... Все это — бессмысленно... Да... Несколько лет я надеялся, точнее — пребывал в заблуждении. Я думал, что нам удастся уберечься друг от друга... Людям и ранарари. Но теперь, когда в Тридцати Трех Мирах «пепел» стали синтезировать тоннами...

Он подошел к столу и сел напротив федерального следователя.

— В общем, на Святой Анне говорят так: «В мешке невозможно спрятать шило...» Так или иначе Тридцать Три Мира узнают все те страшные тайны, которые я, чудак, собирался похоронить в себе... Сейчас это выглядит смешно. Но, поверьте...

Он запнулся.

— Если ваша тайна состоит в том, что, производя «пепел», Федерация ненамеренно разрушает цивилизацию ранарари... — начал Кай.

— Это было бы просто констатацией очевидного, — хмуро усмехнулся Фальк. — Никакой не тайной... Тайна состоит в другом. Ее уже бесполезно хранить, эту тайну. И она станет ясна вам, хочу я этого или нет... Да и всем людям — рано или поздно она станет ясна. Это вопрос времени. Но... Важно ведь не только то, что вы узнаете, следователь, но и то, как и когда к вам придет это знание... Ни вы и ни я не готовы еще к откровениям.

— Не знаю, какой готовности вы ждете от меня, а вот что касается вас... У меня создалось впечатление, что вы м-м... ожидаете некоего разрешения на большую откровенность с бывшими коллегами? Или...

— И это тоже... Но не все так просто. Оставим эту тему в покое. Тем более что я вас пригласил вовсе не для того разговора, что у нас получился...

Кай озадаченно почесал нос и воззрился на настоятеля.

Тот задумчиво созерцал шнурок, неторопливо проскальзывающий между пальцами федерального следователя. Потом, подняв глаза, взглянул собеседнику в лицо.

— Я хочу предотвратить провал той операции, которую вы затеяли... Но для этого нам с вами, следователь, надо полностью доверять друг другу.. Я понимаю, что требую от вас слишком многого, принимая во внимание мою несанкционированную, скажем так, отставку из рядов федеральной контрразведки, но... Но ничего не поделать — принимайте меня таким, каков я есть... Вот что...

Фальк наклонился поближе к лицу федерального следователя.

— Не буду испытывать вашу верность присяге и «Расписке о неразглашении»... Я буду только рассуждать. Строить предположения о ваших — контрразведки и управления — планах... А ваше дело просто выслушать меня. И — если вам заблагорассудится — высказать в свою очередь какие-то предположения или какие-то комментарии... Идет?

— Идет, — согласился Кай.

Он теперь не слишком держался за тайны операции «Тропа», превращающиеся на глазах в секрет полишинеля.

— Прежде всего, — начал раскручивать маховик нелегкой беседы настоятель, — позволю себе предположить, что корабль, на котором вы столь неблагоприятно прибыли на Инферну, был гружен отнюдь не манной крупой... В противном случае, я полагаю, его не стали бы разыскивать люди, занятые не только в Службе спасения. Я имею в виду такие фигуры, как господин Раковски и господин Севелла. У меня создалось такое впечатление, что ваш «Ганимед» предназначен служить приманкой для этой публики... Точнее, не столько он сам, сколько его «груз». Изначально замысел был неплох, но где-то на стадии реализации у вас вышел какой-то сбой. Нечто непредвиденное, не так ли?

— Ну... об этом легко догадаться... — тяжело вздохнул Кай.

— Каким-то образом в деле оказались замешаны еще двое лиц, — продолжал рассуждать вслух господин настоятель. — Похоже, что капитан Джордж Листер затеял с вами и с вашими противниками свою игру. И втянул в нее еще и бывшего космодесантника Кирилла Николаева. Вы бы немного по-другому отнеслись к капитану, если бы знали хоть что-то о его предыдущем пребывании на Инферне...

— С ним вообще связано нечто очень странное, — отозвался федеральный следователь. — Странное, запредельное...

— Да, ваши люди, которые зафрахтовали его корабль, напрасно посчитали, что имеют дело со случайным наемником, — усмехнулся Фальк. — Скорее это он нанял их, а не они его... Впрочем, может быть, нам и не надо вникать в дела этого человека. Если считать, что мы имеем дело с человеком... У вас есть более реальные заботы.

Он наконец отвел взгляд от лица Кая и сосредоточился на чем-то, одному ему различимом в сгущающемся сумраке за спиной федерального следователя.

— Вы рассчитываете на то, что кто-то из крупных покупателей «пепла» пойдет на переговоры с вами, засветится и засветит ту цепочку, которая тянется от него? Что этот «кто-то» по вашей наводке организует что-то вроде экспедиции к тому месту, где упрятан «Ганимед»...

— Я уже не рассчитываю на это. Мой человек попал в руки Раковски. Притом такой человек, который знает практически все о намеченной операции.

— Вы думаете, что Раковски не догадывался о том, с кем имеет дело в вашем лице? — улыбнулся Фальк.

— Если так, то зачем же он совал голову в петлю?

— Да просто потому, что он имеет в своем распоряжении такой козырь, который бьет все ваши карты — с какой бы масти вы ни пошли. Только про существование этого козыря знает не более четырех человек на Инферне. И еще двадцать, не больше, ранарари. Верхушка Общины Отверженных.

— И вы так легко хотите поделиться этим секретом со мной?

— Я не делюсь этим секретом, — рассмеялся Фальк. — Я продаю его вам. Системе. Моя цена — это мой покой. Я демонстрирую свою добрую волю помочь вам. Вы — забываете обо мне.

— На первый раз вам достаточно будет моего слова?

— На первый раз — да. Я бы потребовал большего, если бы нас не поджимало время. И если бы ваш человек влип не по моей вине. Да-да — я прекрасно сознаю, что запри я эту

братию, которая свалилась мне на голову вместе с вами, на замок — и не было бы больше никаких проблем. Но я уже никого не запираю и никому ничего не могу запретить. На то я и Высший Посвященный. Я могу лишь убеждать, подавать пример... Впрочем, это уже не относится к делу.

Фальк поднялся и сложил руки за спиной.

— Вы можете расставлять вокруг вашего корабля сколько угодно ловушек и капканов... Раковски и его люди окажутся на «Ганимеде», не потревожив вас. А потом просто поднимут корабль и уйдут на нем за пределы сектора. Вместе с «грузом», естественно. Учтите, что Раковски — не только командир космобота. Он — пилот экстра-класса.

— Корабль, насколько мне известно, захоронен под каменной осыпью, — возразил Кай. — Да и собьют его к чертям на самом старте...

— Всю эту осыпь сдует как пыль выхлопом планетарного движка... А насчет того, чтобы сбить «Ганимед»... С тем-то «грузом», что вы на нем разместили, и с заложником на борту... Да принимая во внимание наличие сообщников в Службе спасения... Риск, конечно, есть, но он не так велик. Ранарари не любят лишней крови.

— Так как же команда Раковского окажется на борту «Ганимеда»? — спросил наконец Кай. — Ей-богу, вы заинтриговали меня.

— А через подпространство. Не делайте больших глаз, следовательно. Это древняя магия еще от Предтеч. Микропереходы через подпространство. Не на сотни световых лет — на километры. Такое возможно только здесь, в особой области пространства. Нужна только Ловушка, маг и человек, который знает, в какое место надо перенестись. Ловушка сама читает это в его сознании. И еще нужны Камни. Ими платят Ловушке. Те, кого перебрасывают, становятся внутри Ловушки туда, куда укажет им маг. Маг приносит Камни в жертву Ловушке, делает серию определенных движений — и готово! В это никто не верит. Кроме тех, кто видел. Я — видел, следовательно. Я это видел!

— Значит, Раковски к тому же еще и маг?

— Нет, но он купил мага. Нанял. Магами, кстати, могут быть не только ранарари. Есть маги и среди «стервятников». Когда я узнал — по своим каналам, что Лешек нанимает мага, я понял его план.

Фальк смотрел на Кая, по-птичьему наклонив голову набок.

— Вы, конечно, понимаете, что слово «магия» я употребляю условно. Никакая это не магия. Просто набор эмпирически найденных способов управлять машинерией Предтеч....

— Ну что же... Спасибо за предупреждение, — вздохнул Кай. — Я думаю, мы успеем вывести корабль из строя...

— Не успеете. Раковски и его люди, скорее всего, уже идут к ближайшей Ловушке. И гонят с собой вашего человека — того, у которого в памяти сохранилось местоположение корабля. Да и не нужно это вам — ломать «Ганимед». Спугнете добычу. Вам ведь важно захватить преступников с поличным?

— Так что же вы предлагаете?

— Бить магию магией. У нас может появиться свой маг. Если вы его уговорите. И я готов пожертвовать четырьмя Камнями. Из фонда Общины. Это для того, чтобы забросить на «Ганимед» одного человека. Но такого, который справится с тремя. С двумя, точнее. Раковски не сможет взять с собой больше двух человек. Один из них — ваш. Тот, что угодил в плен.

— Это рискованно... Я могу предложить только одну кандидатуру на такой десант —

себя самого.

— Не валяйте дурака, следовательно. Вы только теоретически знаете, где лежит корабль. Вы не были на его борту во время приземления. С таким знанием легко можно «промазать» и вместо внутренних помещений «Ганимеда» очутиться в какой-нибудь карстовой пещере... Вы знаете, кто на самом деле годится в десант на «Ганимед». Это и есть десантник — Кирилл.

— А он согласится на это?

— Уже согласился. Парню надо отрабатывать вид на жительство... Это, конечно, цинизм с моей стороны — рассуждать так, но нам с вами не привыкать к цинизму...

— Обработку мага вы вроде поручаете мне... Я, выходит, знаю этого человека?

— Более-менее. Это кэп Листер. У него есть одно слабое место — ему необходимы Камни. И я выделю ему их — еще четыре.

— Когда он успел набраться этой магической премудрости?

— Это отдельная история. В прошлое свое пребывание здесь Листер оставил о себе довольно противоречивую память... По крайней мере он не останавливался перед тем, чтобы вышибать информацию о Ловушках из всех, кто хоть что-то знал о них, любой ценой. Включая шантаж и, говорят, пытки. Он и сейчас попытался выйти на «стервятников», чтобы вытрясти из них Камни. Но Севелла, как говорится, не пошел ему навстречу. А в делах со «стервятниками» мимо Свена не проскочишь. Он — монополист. Так что капитану некуда деться, кроме Дома. Наш заказ будет ему весьма кстати... Я жду его этим утром. Надеюсь, мы успеем.

Листер пришел в Дом раньше. Сразу после полуночи.

* * *

Кэп присел на краешек стола и повертел в руках странную раковину, долженствовавшую служить то ли пепельницей, то ли пресс-папье.

— Вы правы — цели у нас с вами разные. И каждый из нас вел на этой милой планетке свое следствие... Это и хорошо — мы не очень мешали друг другу...

В ответ Кай только задумчиво склонил голову набок: воистину трудно было вот так запросто решить, мешали друг другу или помогали их «команды»...

— Но теперь мы, — Листер положил раковину на место и повернулся лицом к федеральному следователю, — можем вместе выйти на финишную прямую. И пройти ее до конца, пожалуй, не сможем без взаимной помощи. Правда... Правда, финиши у нас будут разные... Вы готовы к такому сотрудничеству?

Кай озадаченно потер лоб.

— Послушайте, капитан... Поставьте себя на мое место. Вы сами стали бы принимать решения в условиях полной неопределенности?

— Ну, полной неопределенностью ваше... гм, состояние ума я бы не назвал, — возразил Листер. — Николаев основательно просветил вас относительно того, чем я успел м-м... поделиться с ним за время наших странствий по Аш-Ларданару. Да и вы сами не дремали — наскребли довольно объемистое досье на вашего покорного слугу...

— Но и полной ясностью мое, как вы выразились, состояние ума не назовешь, — парировал Кай.

— Полной ясности в той истории, что приключилась со мной, не наступит никогда, — с горьковатой иронией уведомил его Листер. — По крайней мере — для меня.

— Так или иначе, мне надо достаточно ясно представить, с чем я... с чем люди вообще столкнулись здесь, — настаивал на своем Кай.

— Не только здесь, — заметил Листер. — И здесь, и на Чуре, и в системе Шарады, и еще в ряде мест Обитаемого Космоса... Просто подпространство оказалось не совсем тем, чем его представляют пассажиры «дальнобойщиков»: средством объехать по кривой «световой порог», средой для ускоренной доставки грузов, пассажиров, сообщений... очень, конечно, капризной и своенравной средой. Средой, которая, как колдун из сказки, ставит свои нелепые, на взгляд профанов, вздорные условия. Но мало ли вздорного и нелепого в нашей жизни?

— Признаюсь, я часто сам воспринимаю эту часть нашего бытия именно так, — пожал плечами Кай. — Хотя сдал в свое время экзамен по факультативному курсу теоретической физики и почитываю популярную литературу. Но, я думаю, пассажиры древних пароходов не вспоминали про теорию тепловых машин, толпясь в очередях на трап, мучаясь морской болезнью или, наоборот, созерцая морскую гладь...

— Хорошее сравнение... — Листер снова принялся разглядывать причудливую раковину. — Пассажиры, созерцающие морскую гладь... а под гладью этой — целый мир, наполненный скрытыми от их наивных взглядов течениями, водоворотами и, главное, жизнью — такой странной, совсем не похожей на нашу, часто ей — этой нашей человеческой жизни — враждебной. Немногим приходится соприкоснуться с этой стороной нашего существования. Я из тех, кому «повезло».

— Я не знаю, насколько точен был Кирилл в своем пересказе вашей истории... — осторожно заметил Кай.

— А я и не собираюсь проверять ваши знания в этой области, — несколько нервно прервал его капитан. — Именно эта часть вопроса менее всего важна для дела. Все, что надо знать обо мне, вы узнали. Вам надо теперь уяснить всего лишь несколько основных фактов о том, что такое на самом деле Аш-Ларданар. И вся Инферна в целом.

Кай, которому хотелось поскорее добраться до сути деда во всей этой истории, нетерпеливо заерзал на своем месте. Появившийся из кухоньки с чипсами и пивом Кирилл, боясь пропустить что-либо интересное в исповеди легендарного капитана, быстро расставил банки и подносики на столе и со своей частью провианта потихоньку пристроился в сторонке.

— Это инкубатор... — несколько неожиданно определил Листер. — Инферна — это инкубатор для выращивания Камней. Только и всего.

Кай поперхнулся только что поднесенным ко рту пивом.

— Это образное выражение? — удивленно предположил он.

— Если хотите, то считайте, что это так, — иронически дернул плечом капитан. — Как говорится, все зависит от точки зрения... Но только одни точки зрения принять легче, чем другие. Если бы вы никогда не ели яичницы, то, попав на птицефабрику, обязательно бы решили, что там производят в основном цыплят. Ну и вырастающих из них кур с небольшой примесью редких почему-то петушков. И только потом заметили бы, что куда больше птицефабрика производит яиц, которые только лишь небольшой частью идут на воспроизводство поколения пернатых, а в основном быстренько убывают куда-то на сторону. Та же история и с Инферной. Это только нам — тем, кто про Камни и узнал-то недавно,

кажется, что Инферна — это птицефабрика, на которой ранарари разводят друг друга с помощью живых инкубаторов — Ангелов...

Листер задумался на минуту.

— А на самом деле? — подтолкнул его замершую было речь Кай.

— А на самом деле на эту планету и «чертей» и Ангелов высеяли, чтобы затем, когда они приживутся на ней, собирать урожай Камней. Урожай наиболее организованной стадии их жизненного цикла — мыслящих, способных неизвестными нам путями принимать, перерабатывать, транслировать в разумный мозг огромные объемы информации. Их высеяли сюда из своих лабораторных пробирок те, кто просачивается в этот каменистый, плохо для жизни приспособленный мир из щелей, соединяющих его с каким-то другим, так же на него не похожим, как не похожи глубины океанов на ту самую их сияющую гладь, про которую вы только что помянули. Мы ничего не знаем о том мире. Кроме того, что Камни в нем не рождаются и изготовить их в нем нельзя, но зато они остро необходимы там кому-то и для чего-то...

— Это довольно оригинальная точка зрения.

Кай потряс головой, пытаясь осмыслить только что услышанное.

— Меня извиняет, — вяло улыбнулся Листер, — разве только то, что она — не моя. Точнее — не только моя. Это, так сказать, «тайная доктрина» тех, кто служит сопернику. Истинному Хозяину Камней. Высшей касты «стервятников». Мне дорого стоило приобщиться к ней — к этой тайне. Но кое-кому из этих приспешников здешнего Хозяина пришлось заплатить цену и подороже...

— Вам не стоит быть со мной особенно откровенным относительно методов, которыми вы пользовались, — отведя взгляд в сторону, заметил Кай.

— Не волнуйтесь, я не дам вам повода сдавать меня властям, — снова усмехнулся Листер. — И вообще, не слишком беспокойтесь о моей дальнейшей судьбе.

Он помолчал несколько секунд, собираясь с мыслями.

— Так или иначе, господин следователь, те знания, которыми я с вами поделился, заслуживают большего доверия, чем разнообразные бредни специалистов из Метрополии.

— Простите, но ранарари — разумные существа, вполне сравнимые в интеллектуальном отношении с людьми, — возразил Кай. — Для чего же они создали столь высокоорганизованное устройство? Лишь для того, чтобы производить биологические компьютеры... Но это несколько неэкономно...

— Кто вам сказал, что Камни — это всего лишь биокомпьютеры? — возразил ему Листер. — Это прежде всего очень сложные эмбрионы. С различными, альтернативными программами развития для разных вариантов их судьбы. Здесь, на Инферне, они развиваются в средство самовоспроизведения — в организмы таких же ранарари, которые их породили. Мы, по привычке к нашим, земным меркам, думаем, что только так и может быть. А ведь это — всего лишь мерки заурядного млекопитающего... Уже насекомые — наши, земные и тоже вполне заурядные — показывают нам пример смены совсем не похожих друг на друга поколений существ одного и того же биологического вида... И бог его знает, что вылупляется из Камней там за воротами этого Мира, в условиях другой среды, других законов... Драконы? Целые живые планеты?

Он безразлично махнул рукой.

— Я, впрочем, и не интересовался академическими аспектами всей этой машинерии. Пусть биологи решают вопрос о том, как там ранарари откладывают свои личинки в тела

Ангелов, да как там эти личинки развиваются в Камни... Я не собираюсь заниматься разведением ни тех, ни других, ни третьих... Я хочу поговорить с самим Хозяином Камней!

— Но...

Федеральный следователь поднялся с жестковатого кресла и задумчиво прошелся по комнате.

— Вы уже знаете, Санди, — продолжал Листер, — почему я этого хочу. И вы знаете те аргументы, благодаря которым я считаю, что Хозяин Камней — это и мой Хозяин. И я хочу расторгнуть свою сделку с ним!

— Но это означает для вас только одно, — Кай резко повернулся к нему. — Это означает, что вы хотите лишиться своего пусть странного, но все же таки бессмертия! А скорее всего — и своей теперешней жизни!

Наступила тишина.

— Не стоит вам, следователь, судить о том, что означает мой договор — тот, что я считал своим навязчивым кошмаром... Для этого вам пришлось бы самому этот кошмар прожить. Если это можно называть жизнью... Жизнью марионетки в руках темной силы. Силы, чуждой всему, что было мне когда-то дорого, что составляло мою душу, что связывало меня с этим миром вообще...

Он смолк, темной птицей сгорбившись над столом.

— Ладно. Это слишком сложный вопрос... Речь идет о выборе между небытием и существованием уже не здесь, а там, за пределами наших, человеческих законов и критериев... Не стоит мне этого объяснять — ни вам, ни кому другому...

Кай снова опустился в свое кресло.

— Но скажите мне на милость — как вы собираетесь войти в контакт с Хозяином Камней? Ведь это, как я понимаю, — не первая попытка, предпринятая вами на Инферне? Первая закончилась... гм, неудачей...

— Вы довольно мягко называете то, что произошло. Вам не приходилось много часов мучительно умирать в плену этого острова тьмы, внутри этой чертовой мышеловки. Впрочем, незачем обсуждать это...

С несколько неожиданным для восставшего из мертвых проворством он закинул в рот порядочную щепотку чипсов и запил ее таким же порядочным глотком пива. Косо улыбнулся.

— Все проблемы решаются там — на Ларданаре, следователь... И мои проблемы, господин Санди, и ваши... Это «стервятники» открыли мне — не по своей воле — тайны своего контакта с Хозяином Камней. Уж они-то находят к нему путь. И находят способ получить в обмен на Камни многое, очень многое...

— Я ждал, что вы скажете именно это, — остановил его Кай. — Примерно это... Значит, они — «стервятники» — имеют доступ к «вратам»? Вхожи в тот, иной Мир? В таком случае, однако...

— Вовсе они туда не вхожи, — поморщился Листер. — Все не так просто. Ловушки это... Это меновые площадки. Помните — из истории — песчаные отмели, на которых моряки с каравелл первооткрывателей оставляли лоскуты пестрых тканей и россыпи дешевеньких бус? А потом, когда страшные рыжебородые исчадия иного мира отплывали на своих шлюпках подальше в океан, из джунглей выбирались туземцы, забирали эти несметные сокровища и оставляли взамен заморских чудес что-нибудь попроще — шкуры лесного зверья, жемчуг, самородки золота...

— Насчет самородков — не помню, — признал Кай, — но идея понятна. И что же получают взамен Камней служители соперника?

— Могли бы и не задавать столь наивных вопросов, следовательно. Вы ведь уже наводили справки о «стервятниках». Искали, кому они сбывают Камни в Диаспоре. И обнаружили, что торгует эта свора вовсе не Камнями. Тут мы с вами немного пересеклись, господин Санди, и испортили друг другу игру. Вы уж извините...

— Да чего уж там...

Кай с досадой сунул в карман неведомо как оказавшийся у него в руках орех-шептун.

— Только в отличие от вас... — Листер сочувственно улыбнулся, перехватив взглядом это движение. — В отличие от вас я уже хорошо понимал, что в Диаспоре надо искать не Камни, а нечто совсем другое... То, что «стервятники» в обмен на Камни получают от Истинного Хозяина. Но и мне не приходило в голову, что это будут произведения искусства. Знаете, я грешил на все что угодно: на всякую сырьевую экзотику, на какие-либо небывалые лекарства или наркотики. Заподозрил даже существование сети тайных подпространственных переходов, за пользование которой «стервятники» дерут немыслимые деньги с мафии и других возможных клиентов. Логично было предположить, что Истинный Хозяин может предоставить им такую сеть от щедрот своих — раз уж он может осуществлять и микропереходы — тоже в обмен на Камни.

— Вы глубоко копали... — задумчиво произнес Кай.

— И все равно попал пальцем в небо! — с досадой вздохнул Листер. — Если бы не тот коллекционер... Севелла... Ведь большая часть «иллюзий» почти молниеносно покидала Инферну и расползлась по Обитаемому Космосу... Но когда я увидел их — там, в подземном зале... Это было именно то, что я увидел тогда, когда проснулся внутри странного сна на борту «Коронадо»... Не сразу, конечно, а после того, как основательно поплутал в лабиринтах этого сна. Я сразу узнал потом это — странную роспись, предназначенную сводить с ума, завораживающую рябь, рождающуюся где-то в себе самой — застывшую и бегущую одновременно... «иллюзии Предтечей»...

— Удивительно, что в них каждый находил свое, — заметил Кай, — «иллюзии» скупали представители практически всех нам известных разумов... И ранарари, и корри... и представители всех цивилизаций земного типа.

— И только один разум считал их бросовым товаром, — усмехнулся Листер. — Тот, что притаился там, за ширмой Аш-Ларданара... Ну, не бросовым, так чем-то вроде дешевых бус для туземцев... Однако он — этот жутковато странный разум — все-таки успел достаточно хорошо понять наш, «поэтусторонний» разум. Может, это и не так уж хорошо...

— Что вы имеете в виду? — спросил Кай.

— Я имею в виду то, господин следовательно, что если уж нам придется схлестнуться с этим разумом, то мы окажемся в проигрышном положении. Он хоть что-то знает о нас, а мы о нем — ровным счетом ни-че-го! Но выбирать не приходится.

— Вы сказали, что я напрасно искал Камни в Диаспоре? Но почему? — спросил Кай, пытаясь для себя расставить все точки над «і». — И вообще, как можно понять из ваших слов, с Аш-Ларданара или с Аррики Камни не уходят вообще. Значит, эти, как вы их окрестили, «меновые площадки» там же и находятся? На горных плато, в глубине континентов...

— Я вычислил места соприкосновения нашего и «того» Миров еще в свое прошлое «пришествие»... Правильно, кстати, вычислил. И обжегся на своей правоте!..

В голосе капитана слышались одновременно и нотки разочарования, и обиды, и огорчения. И еще в голосе этом звучали тоска и усталость.

Кай сочувственно поглядел на этого мужественного человека, на чью долю выпало такое испытание, и осторожно произнес:

— Кажется, я начинаю понимать вас... И, кажется, я начинаю догадываться, какой вариант вы собираетесь мне предложить...

— Мы с вами уже столько крутимся вокруг двух-трех сильно взаимосвязанных вещей, что пора бы уж нам читать друг у друга мысли, — почти что без тени иронии ответил капитан. — Все верно — это то, что называют Ловушками... Прошлый раз я не учел только одного: я пришел к дверям без ключа. Тогда я еще ничего не знал про Камни. Я слишком торопился, чтобы тратить время на изучение проблем аборигенов. И пришлось поплатиться — еще раз умереть у самых дверей тайны, до самого последнего вздоха гадая о том, чем бы мог быть ключ к этим дверям.

«Должно быть, это было дьявольски обидно...», — подумал федеральный следователь, но решил не отвлекать кэпа от сути дела этой огорчительной банальностью.

— Надеюсь, в этот раз вы учли все обстоятельства, — сказал он.

— Помолитесь об этом какому-нибудь богу, что понадежнее, — отозвался Листер. — Вам мой просчет может обойтись дороже, чем мне. Вы сделку с той стороной не заключали... Мне еще может выпасть шанс снова переиграть эту партию, а вам, скорее всего — нет.

Наступило минутное молчание.

— Ну что ж, — наконец прервал его Кай. — Давайте ваш план. Теперь я готов его выслушать.

— Собственно, вы почти уже выслушали его.

Листер наконец вернул раковину на место и устало сложил руки на коленях.

— Вы поняли, что для того, чтобы я смог встретиться с Хозяином Камней, а вы — получить в свои руки «боеголовку» наркомафии, крутящей здесь дела с «пеплом», нам надо объединить усилия. Я должен получить в свои руки Камни. Вы получите то, что вам необходимо для завершения вашей операции.

— Вы забросите Кирилла на «Ганимед». С оружием и невредимого. За это настоятели дает вам четыре Камня — на выбор.

— Хорошо. Я заброшу парня на «Ганимед». А вы, вдобавок к Камням, даете мне еще два плазменных заряда. Стандартных, общевойсковых.

— Господи, зачем это вам? И откуда мы их достанем? Ранарари просто не доверят никому в Диаспоре такого оружия...

— Диаспоре придется раскошелиться и купить их. У все того же Севеллы. Или — реквизировать. Смотря по вкусу. Вы недооцениваете возможности Диаспоры.

* * *

Легкий вертолетик, доставивший агента на контракте на самую границу Путаной земли, смотрелся здесь, среди древних гор и фантастических нагромождений ломаного камня, какой-то детской игрушкой. Благополучно прибывший сюда из столицы со «специальным грузом» Ким жадно впитывал в себя сам воздух Аш-Ларданара. Он был здесь впервые. И

могло стать, что больше и не случится ему побывать в этих пропитанных древней магией местах. Впрочем, пора был» браться за дело.

— Все как было оговорено, — обратился он к Листеру, указывая на тяжеленный рюкзак. — Два стандартных общевойсковых заряда...

— И восемь Камней, — добавил Кай, кивая на разложенные на брезенте ничем не примечательные с виду булыжники.

Листер присел над ними и деловито, руководствуясь каким-то своим критерием, отобрал четыре из них и рассовал по карманам комбинезона. Остальные загрузил в рюкзак.

Тихо запищал блок связи в кармане у Фалька. Он поднес аппарат к уху.

— Ну вот и все, — сообщил он — Раковски и его люди объявились у второй северной Ловушки.

Листер молча кивнул в ответ.

— Ты готов? — спросил он у Кирилла.

— Так точно, — отозвался тот, привычным движением проверяя крепление кобуры бластера и подгонку ремней своей «сбруи».

— Учти, — хмуро предупредил его кэп, — я, как говорится, не волшебник. Поэтому работаю не так чисто, как те, кто всю жизнь упражняется в таких вещах. Так что через пару часов после переброски у тебя пойдет что-то вроде ломки. И потом придется долго отлеживаться — недели полторы-две. Так что постарайся уложиться в первые два часа... Пошли.

— Слушай, а Путаная нас не завертит, как в прошлый раз? — спросил Кирилл.

— В этот раз у нас Камни с собой, — словно неразумному ребенку объяснил ему Листер. — Принесших Камни Ловушка не трогает.

Они подошли к приткнутому у подножия скалы флаеру и, забравшись в его кабину, махнули на прощание оставшимся на зыбкой меже товарищам. Флаер рванул с места и, отчаянно пыля, помчался в затянутую мерцающим маревом даль.

— Теперь — молитесь богу, — угрюмо бросил спутникам Фальк.

Никто не последовал его совету, по крайней мере — буквально. Все трое устроились на нагретых лучами здешнего солнца камнях и погрузились в ожидание, лишь изредка обмениваясь ничего не значащими фразами и передавая друг другу фляжку с водой или бинокль.

— Смотрите!.. Кажется, началось!.. — первым воскликнул Ким.

Над еле различимой в полуденном мареве каменной громадой Ловушки словно сгустилась тьма. Призрачной колонной поднялась над ней. Стала вдруг чем-то прозрачным и льдистым. Дрогнула, словно вода от брошенного камня. И не стало ничего. Прежнее мглистое марево и тонушие в нем контуры нагромождения каменных плит и столбов.

Кай поднял к уху трубку своего «мобильника» и отдал команду «приготовиться». Наблюдатель от второй Ловушки пока тянул с сообщением о том, как обстоят дела у людей Раковски.

Фальк продолжал смотреть в полуденную мглу над Аш-Ларданаром.

— Тезей отправился в лабиринт, — сказал он всем и никому.

Первым на пыльный стальной пол грохнулся Микис. Сам переход и неожиданно сменившая знойный жар полудня затхлая, сумеречная прохлада нутра «Ганимеда» выбили его из колеи. Он даже не попытался использовать момент послепереходного ошаления своих спутников для того, чтобы попытаться ускользнуть от них.

— Однако здесь все еще работает аварийное освещение, — отметил за его спиной голос Раковски. — Это лучше, чем я ожидал. Думал, что здесь будет темно, как...

— А тут действительно никого живого не оставалось? — Кубла ткнул Микиса под ребра стволом короткого обреза.

— Нет, говорю я вам! — взвизгнул странствующий (и сильно побитый) предприниматель. — Одни только трупы в холодильнике и ни одного живого человека снаружи холодильника. Даже собаки тут нет живой. Даже кошки. Разве только одни очень мелкие инфузории...

— Нечего толочь воду в ступе! — оборвал его Хубилай. — Надо проверить товар и потом движок. Иди впереди, чертов тюфяк!

Микис, подбадриваемый тычками то одного ствола, то другого, довольно резко двинулся к межпалубному переходу. Но тот был наглухо задраен.

Вкатив Микису с досады подзатыльник, Кубла ткнул в кнопку вызова лифта. Тот как ни странно работал. Дверцы его услужливо растворились, и в объятия Хубилая рухнул рыжий Карл. Мертвый, холодный, с залитой давно свернувшейся кровью физиономией. Микис даже не вскрикнул, а испустил что-то вроде воя пожарной сирены и рванулся назад по коридору. В чем, однако, не преуспел.

Кубла, избавившись от объятий покойника, с криком «Убью билат такую!!!» одним прыжком настиг его и принялся душить. И задушил бы, не помешай ему менее экспансивный Лешек.

— Ты нас без заложника оставишь, дубина! — заорал он, с трудом отрывая своего подельника от его жертвы.

— Ты говорил, что трупы у вас только в холодильнике! — задыхаясь от злобы, прошипел Хубилай, сверля Микиса пылающим взглядом. — А это что за жмурик?

— То, однако, Рымник, — внес ясность в вопрос Раковски. — Мой пилот.

— Кто-то прикончил парня прямо в лифте, — констатировал Кубла.

— Черта с два! — возразил Раковски. — Парень холодный как сосулька. Его вытащили из холодильника не больше, чем час назад. Здесь кто-то есть на борту.

— Откуда здесь кому-то взяться?! — вскипел Хубилай.

— После выхода из подпространства на борту было два неучтенных пассажира, — напомнил ему Лешек. — Где два, там и третий. Еды здесь, должно быть, хватает, все системы жизнеобеспечения работают. Вот и кукует здесь какой-то Робинзон. Будь осторожен. Спускаемся в грузовой отсек...

— Не полезу я в этот лифт! — заартачился Кубла.

Лешек молча втолкнул в кабинку отплевывающегося и хрипящего Микиса и вошел следом сам.

— Если ты желаешь оставаться тут один, то воля твоя, — уведомил он Кублу.

Тот зло сплюнул и влез в кабинку третьим.

Коридор, оцепляющий грузовой отсек, был пуст и гулок.

— Стоп! Ты слышишь?! — снова зашипел Хубилай. — Теперь ты слышишь?!

За поворотом что-то постукивало. Причем постукивало с назойливой равномерностью.

Кубла толчком послал полупридушенного Микиса впереди себя, а сам броском выкинул себя в открытое пространство и двумя выстрелами — картечью из обреза и очертенным калибром из «питона» — «перекрестил» предполагаемого противника.

Противник сидел, расставив ноги и прислонившись спиной к главным дверям грузового отсека. Ни пули, ни картечь ему были не страшны — Рональд Капанегра был мертв давно, всерьез и надолго. Вдали, за следующим поворотом коридора, затихало мерное постукивание.

— Потише с «пушкой», — посоветовал Хубилаю Раковски. — Ты нам весь корабль разворишь...

Тон его был спокоен, но под глазом начинала предательски дергаться синеватая жилочка.

— Опять эта сволочь колотит! — Хубилай указал в глубь коридора.

Осторожно подталкивая Микиса впереди себя, оба лихих человека двинулись к источнику докучного шума. Тот на этот раз и не думал удаляться. Да и некуда было — стальное полотно аварийной двери перекрывало проход, и коридор образовывал тупик.

И в тупике этом капризно подвывая, билась в стену то радиатором, то багажником старинная игрушка — радиоуправляемый автомобильчик на батарейках.

— Откуда здесь эта дрянь? — зло спросил Раковски, делая шаг вперед и наклоняясь над антикварной штуковиной.

«Дрянь» была вообще-то из багажа господина Крюгера, но объяснять это Лешеку Кирилл — единственный, кто сейчас на «Ганимеде» был в курсе дела, — не собирался.

Лешек же тем временем сделал очередную и последнюю в этой игре глупость — схватил проклятый автомобильчик и поднял с явным намерением запустить им о стену. Притороченная в мини-кузове парализующая аэрозоль тут же выдала ему в физиономию половину своего содержимого, и потенциальный покупатель полутонны «пепла» грохнулся затылком об пол.

Расслабившийся было при виде детской игрушки Хубилай отпрянул назад, но остановился при виде округлившихся от ужаса глаз Микиса.

— Г-господин К-кадыр... — выдавил из себя Палладини. — Я о-очень п-прошу вас... Я вас у-умоляю — п-положите, пожалуйста, ваши с-стволы на пол и п-поднимите р-руки в-верх...

— Ты спятил, сука?! — ошарашенно спросил Хубилай.

А в макушку ему из потолочного люка уперся ствол бластера.

* * *

— Так... — уныло начал Микис. — Господ разбойников грузят на вертолет и грузом первой категории увозят в каталажку. Солдатики грузятся на свои платформы и убывают в казармы трескать пиво. А нас оставляют здесь мерзнуть и дожидаться глайдеров, которые еще неведомо когда придут...

— Есть еще двухместный флаер, — пожал плечами Ким. — Но, по-моему, торопиться нам некуда. Мне лично теперь вообще нечего делать на Инферне. Пора домой.

«Только где он — мой дом?» — подумал он про себя, но не стал говорить этого вслух. Он с детства не любил сентиментальных фраз.

— А вы теперь куда, капитан? — глухо спросил Кирилл.

Он сидел, пристроившись спиной к скале, еще хранившей тепло ушедшего дня, и машинально прижимал правой рукой покалеченный бок, а левой — правую. Вопрос свой он задал больше для того, чтобы, прислушиваясь к ответу и что-нибудь говоря сам, зацепиться за тихо уплывающую от него — куда-то вверх и вбок — реальность окружающего мира.

— Я прощаюсь с вами, — Листер отвесил в пространство чуть заметный, но исполненный какого-то внутреннего артистизма полупоклон. — Я добился своего в этом Мире. Теперь у меня есть все необходимое для встречи с его Истинным Хозяином.

— Вы уверены, что она вам нужна — эта встреча? — поинтересовался Ким. — Она... Она может очень плохо закончиться...

— Моя судьба уже не сможет измениться, — косо улыбнулся Листер. — Как, впрочем, и любого из живущих. Постараться не быть... не остаться игрушкой в руках сил, не имеющих к нам — людям — никакого отношения, вот и все, чего я могу добиться. Большого мне не дано. Только задать Хозяину свои вопросы. И если он не соизволит ответить, то дать на них свой ответ.

— Бог вам судья, — глядя в сторону, бросил Фальк.

Листер нагнулся над Кириллом и заглянул ему в глаза:

— Я втравил тебя в скверную игру, парень. Прости.

Кирилл пошевелил рукой в том смысле, что «чего уж там...», и глазами постарался показать кэпу, что зла на него не держит.

Листер, должно быть, счел прощание оконченным. Он подхватил тяжеленный рюкзак, окинул взглядом унылый пейзаж Ларданара и, не оборачиваясь, зашагал к флаеру. Забросил в кабину рюкзак и скрылся в ней сам. Тронул машину с места, резко набирая скорость. Некоторое время все напряженными взглядами провожали ее, все уменьшающийся, тающий вдали силуэт.

— Он идет к Путаной земле, к Ловушке... — упавшим голосом констатировал Микис. — Он и в самом деле...

— И в рюкзаке у него — порядочный заряд антиплазмы, — с некоторой тревогой напомнил Ким. — По-моему, этот человек принял вполне определенное решение.

— Можете не сомневаться, — подтвердил Кирилл.

— Нам остается задуматься теперь о своей судьбе, — сухо оборвал завязывающийся тревожный разговор Фальк. — Сейчас это очень своевременно. Я думаю, что в общем-то для всех нас наступила пора прощания. Нам с вами все-таки лучше будет отойти под прикрытие. Вот те камни подходят. Разговор господина Листера с Истинным Хозяином Камней может закончиться слишком большим фейерверком.

— Что до меня — так это точно «пора прощания», — вздохнул Ким, поднимая с грунта свой заплечный мешок.

Он помог Кириллу подняться, закинул его руку — ту, что не слишком пострадала — себе на плечо и поспешил следом за настоятелем.

— Мои обязательства по контракту выполнены. Застрывать в Диаспоре мне теперь как-то не с руки. Сдаю дела и... Встретимся с вами где-нибудь на Квесте. По крайней мере я собрался туда. Не позже, чем через неделю...

Он смущенно посмотрел на Кая.

— Новый контракт? — осведомился федеральный следователь.

— Скорее — личное... Мне надо кое-что утрясти. В своем прошлом и будущем...

Он машинально коснулся шрама-отметины на левой щеке.

— Конечно, мне будет чертовски жаль, что я так и не узнаю до конца всех тайн этого Мира. Особенно тех, что завязаны на «пепле»... Но что-то подсказывает мне, что скоро кое-какие из этих тайн перестанут быть тайнами.

— По крайней мере для вас, господин агент, — заверил его настоятель, устраиваясь в ложбинке за похожими на гнилые зубы дракона обломками скал. — Да не высовывайтесь вы так.

Он за плечо притянул в укрытие несколько зазевавшегося Палладини. Помолчал немного и добавил:

— Если кэп надумает ставить в своих реинкарнациях точку и если его заряды рванут не в параллельном мире, а в этом... В общем, никому мало не покажется. Так вот — о секретах Инферны и «пепла». Я думаю, что господин следователь кое-что расскажет вам о них, коли уж вы встретитесь на Квесте... Или где-нибудь рядом.

Кай с легким удивлением воззрился на Фалька.

— Уж не собираетесь ли вы наконец приобщить меня — федерального следователя пятой категории — к сообществу Посвященных, господин настоятель?

— Не торопитесь, следователь, — вяло улыбнулся Верховный Посвященный и добавил: — Но и надежды не теряйте... Нам с вами суждено дозреть до того момента, когда мне дозволено будет сказать правду, а вам — ее понять...

— Ну что же... — пожал плечами Кай. — Главное — не презреть...

— Что касается ваших спутников... — Фальк устало потер лицо. — Собственно, речь пойдет только о господине... право, не знаю, какое из своих имен предпочитает господин э-э...

— Пал-ла-ди-ни! От рождения я наречен Микисом Палладини! — неожиданно взорвался носитель этого славного имени. — И пусть мне на том свете будет так же хорошо, как на этом, если я еще раз дам себя втравить в такую историю, в которой надо все время помнить, как тебя зовут сегодня, и всякий раз, садясь на горшок, под него заглядывать на предмет найти бомбу или чего похуже!..

— Ну, еще разок вам потерпеть придется... — остановил поток его красноречия Верховный Посвященный. — Если не с горшком, то с именем. Выездные документы на вас, для вашей же э-э... целостности и безопасности, оформляют на не помню кого... Только не на Микиса Палладини.

— И не на треклятую Фронду, разумеется? — голос владельца «Риалти» дрогнул.

— А куда же еще? — недоуменно пожал плечами Фальк. — С прочими Мирами у Инферны, как говорится, все горшки побиты давно и надолго.

— Не стоит так волноваться, Микис, — успокоил своего экс-резидента Кай. — Главное для вас очутиться на борту любой посуды, приписанной к Мирам Федерации. Там вас без всяких проблем возьмут под арест наши люди. И вы благополучно встретитесь с мисс Каллахан в более безопасном месте, чем гостеприимная Фронда. Скорее всего — на «Эмбасси»...

— О, Мардж!.. — прочувствованно вздохнул Микис. — Как я мог забыть про нее...

— Зато она очень хорошо помнит о вас и э-э... печется о ваших интересах, — заверил его Кай. — Вам будет о чем поговорить, когда вы встретитесь...

Микис молча поежился.

На некоторое время в разреженном воздухе Аш-Ларданара повисло молчание. «Где же

эти чертовы глайдеры?», — подумал Кирилл, мучительно ощущая, что снова мир ускользает от него, гаснет в черной дыре пульсирующей боли. Чтобы выкарабкаться на поверхность этих темных вод подсознания, он заговорил:

— А я никуда не собираюсь возвращаться. Останусь здесь — на Аше... Буду ходить в охране Торговцев. Есть с кем...

В отрогах сумеречного хребта еле слышно зазвучало характерное рокочущее эхо. Движки далеких еще глайдеров работали на полных оборотах.

Микис предостерегающе поднял вверх руку с вытянутым в направлении звука пальцем. И тут все на мгновение ослепли.

Вся долина будто превратилась в море бесконечно яркого, белого пламени. Только мигом позже различимы стали острые, словно из закопченной жести вырезанные тени скал. Они судорожно поползли по плоскогорью, вытянулись, затрепетали... Исчезли. Мрак опустился на Аш-Ларданар.

А потом — грохнуло. И земля рванулась из-под ног. Ушла в сторону.

Кирилл с удивлением понял, что лежит ничком, подобравшись и приняв классическую позу десантника, подвернувшегося под артобстрел. На эти пару мгновений он даже «выключил» боль — совсем так, как научился делать это на второй год службы в Космодесанте. Но теперь она — боль — вернулась и взяла свое, заставив его раздавленным червяком корчиться на камнях. Собравшись с силами, он поднялся на ноги и, опершись о скалу, уставился туда же, куда смотрели — полуослепшими еще глазами — его спутники: на с грохотом уходящий в ставшее вдруг низким и грозным небо Аш-Ларданара огненный столб, встающий там — на Пуганой земле...

— Конец Ловушке... — глухо бросил Фальк. — Наверное, теперь и с промыслом Камней будут проблемы... Он повернулся к Кириллу и озабоченно спросил:

— Так вы все еще хотите остаться на Ларданаре?

— Да, — выдавил из себя тот и снова опустился к подножию каменного обломка. — Мне просто некуда больше идти...

— Пожалуй, ты прав, парень.

Господин Верховный Посвященный, как простой смертный, устало опустился на землю рядом с Кириллом и сочувственно посмотрел на него.

— Я поговорю, где надо, о виде на пребывание для тебя. А пока — побудешь при ДOME. Поправишься немного. Заодно и дождешься, когда Торговцы вернутся с Аррики. Но сначала повалешься в нашем лазарете — тебе здорово досталось...

Он отвернулся и стал смотреть на далекие отроги Ларданара. Оттуда шли глайдеры — сразу четыре. И рев их двигателей уже перекрывал стихающее эхо взрыва, бродившее вдалеке.

* * *

Кириллу действительно досталось: только он это понял не сразу. Сначала он отнес навалившиеся на него слабость и апатию к обычной нервной реакции на выполненное опасное задание и на ранения — хоть и не совсем уж пустяковые, но не самые страшные из тех, что пришлось ему повидать в своей — относительно короткой еще — жизни.

Казалось, такое ощущение у него бывало всегда — после боя или после возвращения с

задания. Не радость выжившего в сражении и не упоение победой, а какое-то тяжкое ощущение потери чего-то в себе.

Теперь все обернулось куда как хуже.

На редкость медленно и болезненно сходили на нет его «царапины». На редкость долго не отпускала его странная, «нездешняя» слабость — точнее, неумение найти в себе силы, мобилизоваться, собраться для выполнения даже какого-то совсем простенького дела. На редкость сильно по ночам душила странная тоска о чем-то, так в жизни и не случившемся.

То, что Фальк, временами наведывавшийся в Дом и всякий раз приглашавший Кирилла на чашку чая, объяснял теперешнее его состояние последствием примитивно организованной телепортации, мало его утешало, как мало утешает наркомана сознание того, что происходящее с ним — всего лишь результат действия сравнительно простого по составу препарата. Фальк это понимал и серьезной работой Кирилла нагружать не спешил. Молча и снисходительно улыбался благоглупостям, которые тот временами, кажется, говорил — вроде вопроса о том, почему в Домах не прерывают страдания безнадежных пациентов («Ну, не ядом, так просто „Калашниковым“, — сорвалось у него как-то. — Тысяча второй модификации... Ведь мучаются же...») — «Ну, как ты скоро поймешь, — уклончиво ответил Фальк, — „Калашников“ здесь излишен»).

За три с лишним недели, проведенные в стенах Серого монастыря, Кирилл успел дослужиться от помощника садовника (сукку, кстати сказать) до ассистента старшего медбрата.

Старшим медбратом — командиром всех двух десятков людей и дюжины сукку, составлявших здешний парамедицинский персонал, — оказался мрачноватый и вечно озабоченный хозяйственными делами Готфрид Грабер. Этот персонаж пребывал в уверенности, что сам он всегда лучше выполнит то, что поручает своим подчиненным, что и стремился всякий раз продемонстрировать на практике. Понятно, что на нормальную, человеческую жизнь времени у него не оставалось, и пребывал он в состоянии постоянного недовольства и раздражения. В отношении Кирилла, впрочем, он проявлял некоторые признаки сдержанности. Николаев вроде ходил в любимчиках настоятеля, и дело явно шло к тому, что быть Кириллу рано или поздно Посвященным.

На то указывало многое. Например, если для всех остальных ассистентов неким профессиональным минимумом предполагалось всего лишь хорошее знание их прямых обязанностей, то для Кирилла Фальк устроил несколько своего рода экзаменов по основам биологии и медицинского обслуживания ранарари. Экзамены эти, принимавшиеся в присутствии медицинского корпуса Дома — четверых специалистов-землян из Посвященных, и полудюжины Хозяев, чинно и молчаливо восседавших на своих насестах, — порядком встряхнули Кирилла. У него проснулся некоторый интерес к происходящему вокруг. Правда, странный, замешанный на жалости и сострадании.

Здесь — в Доме Последнего Изменения — было кого жалеть и кому сострадать. На глазах Кирилла протекал мучительный процесс расставания Хозяев планеты с их обликом и разумом. Он мог видеть его словно в ускоренном показе — переходя из одной огромной палаты в другую. От неофитов Дома к покидающим его навеки «кулям».

В первые дни ранарари, прибывавшие сюда, ничем не напоминали больных. Единственное их отличие от вполне нормальных особей — от тех же «профессоров», как окрестил Кирилл про себя командующих жизнью Дома и ходом лечения пациентов «чертей», — состояло в том, что периодически сначала раз в два-три дня, а затем все чаще и

чаще, вместе с их ежедневным рационом — чем-то желеобразным и высококалорийным в сочетании с прорвой разнообразных семян и орешков — подавали прозрачный как слеза раствор «пепла». Приготовление этого раствора было прерогативой «профессоров» и лишь временами к этому простому таинству допускались Посвященные.

Концентрация раствора плавно повышалась, а порции съестного так же плавно убывали. И орешков становилось все меньше, и еда подавалась уже не шесть раз в сутки, а четыре, три, два...

Пациенты становились все менее активны. В палатах неофитов царил постоянный шорох от взмахов крыльев ранарари, перелетающих с насеста на насест, непрерывно слышалось их гортанное, каркающее чириканье. Неофиты кучковались в салонах отдыха перед окнами здешнего голографического «Ти-Ви», задумчиво бдели над какими-то своими играми-головоломками, даже, похоже, как-то по-птичьи ссорились между собой. Но становились все тише и тише.

В палатах, куда переводили пациентов второго-третьего месяца пребывания в Доме, уже почти не требовалось присутствия «профессоров», разнимавших шумные конфликты неофитов. Здесь царили покой и полумрак, прерываемые редким, апатичным обменом какими-то меланхоличными, судя по всему, репликами, и изредка шелестели листы писем. На этой стадии пациенты предпочитали писать письма.

Впрочем, вряд ли их правильно было называть пациентами. Кирилл уже давно понял, что здесь — в Доме Последнего Изменения — никого не лечат. Здесь провожают. Прощаются. «Сюда их свозят, чтобы, наверное, не натворили чего...» — вспомнил он слова Карин.

В палатах поздних стадий Изменения уже появлялись лежанки. Ранарари — ветераны «пепла» — сторбленные и начинавшие уже линять, менять свой кожный покров, плохо удерживались на стальных жердочках-насестах, все чаще и чаще занимали место на странного вида, смахивающих на тюремные нары в три этажа ложах. У них начинали атрофироваться крылья.

Те из «чертей», кто провел в Доме с полгода, уже и вовсе не напоминали ранарари. С каким-то подобием лап, заменяющими им крылья, лишившиеся той пары конечностей, что заменяли им руки — кривые, истонченные в кости их рудименты втягивались в нутро этой новой преобразенной твари, — они были уже почти неподвижны. Совершенно лишались речи.

А затем — в начале второго полугодия своего Изменения — превращались в «кули». Плотная, кожистая оболочка погребала в себе все, что оставалось от усохшего и деградировавшего Хозяина. Исчезали остаточные признаки каких-либо внешних органов, затихали все жизненные процессы. Только странная, чем-то напоминающая дыхание пульсация сотрясала эти серые кожаные мешки. Все реже и реже. Потом и она затихала.

Тогда очередной «куль» сносили в прохладный подземный этаж Дома. Там их должно было накопиться много. Но когда Кирилл заглянул в это сумеречное помещение, то увидел, что оно почти пусто. Лишь десятка два «кулей» было разложено по вытянувшимся вдоль стен лавкам. Ну да... Он опять вспомнил слова Карин: «Их увозят. В Запретные рощи...»

Скоро он узнал, что этих предстоит увозить ему...

Воспоминание о Карин стало, пожалуй, первым признаком выздоровления, приходящего к нему. Впервые за много дней он ощутил не ту — запредельную, «нездешнюю» — а вполне человеческую, но оттого не менее острую тоску. Сосчитал дни до

встречи. И увидел Карин во сне.

* * *

Этой ночью он проснулся от пения. Он долго не мог сообразить, что происходит и откуда несется этот странный, низкий, почти неслышный, но исполненный внутренней гармонии и силы звук, что исторгал из себя невидимый хор, и только спустя вечность, как ему показалось, узнал его.

Кирилл лихорадочно накинул на плечи форменную куртку и, поначалу бестолково пометавшись по лабиринту коридоров, определил наконец, откуда идет звук. Пели в часовне. Точнее, в том подвальном зале, который, неизвестно почему здесь именовали часовней. Ему это место больше напоминало морг.

До этого Кирилл ни разу не замечал, чтобы кто-нибудь из пациентов или персонала «хосписа» проявлял особое желание спускаться туда — в сероватый сумрак, где вечно тусклом свете, падающем из узких, под самым потолком окон-бойниц, на длинных голых столах лежали, словно камня, жутковатые «кули» коконов. Но сегодня все обитатели этого странного монастыря-клиники были здесь. Люди и сукку молча теснились у черного хода, а Хозяева планеты застыли там — внутри, вдоль стен. Здесь были все пациенты. Принесли и положили — прямо на пол даже тех, что уже не могли ходить сами. И все они пели. Точнее — рождали где-то внутри себя этот вибрирующий, до мозга костей пронимающий звук, что поднял его с койки.

«Прощаются... — сообразил Кирилл, остолбенело уставившись в тусклую мглу часовни. — Гос-с-споди, да это же они прощаются так... Мне же их утром увозить — „кульки“. Меня ж Грабер предупреждал, чтоб вставал пораньше... Груз в рощу...»

Грабер был легок на помине. Появившись неожиданно за спиной Кирилла, он схватил его за локоть, оттащил в сторону от прохода и энергично зашипел в ухо:

— Хватит на панихиду зевать! Они кончают скоро. Быстро приводи себя в порядок и подводи кар к центральному выходу... Они сами будут укладывать эти... эти... Учти — там, в роще, тебя сам настоятель будет контролировать. Стремянку не забудь!

* * *

«Они», действительно, сами заботливо уложили угловатые коконы в разбитый на ячейки кузов. Но вот там — в роще — доставать их из кара и доводить обряд до конца Кириллу пришлось уже самому — точнее, на пару с Фальком. Двое «чертяк» — один сопровождавший жутковатый груз, другой — встречавший его вместе с Фальком на месте действия, отошли в сторонку и то ли торжественно, то ли скорбно созерцали финал церемонии, начатой в часовне.

Кириллу почему-то казалось, что «роща» — это всего лишь иносказание, за которым стоит что-то вроде крематория или обычного погоста. Но то, что он увидел, оказалось настоящей рощей, правда, одного-единственного дерева. Оно, это дерево, прорастало сотнями стволов из огромной сети корней, воздевая руки голых ветвей к начинавшему наливаться хмурым утренним светом небу, и там снова сливалось само с собой в

непроходимой чашобе единой, гигантской и голой кроны. И роща эта жила. Зыбкое, едва заметное содрогание-шорох гуляло по ней.

«Как осина, — подумал Кирилл, — дрожит без ветра... „Иудино дерево“... А здесь — „Запретное“.»

— Узнаешь? — кивнул Фальк на четко обрисовавшиеся перед ними причудливые и жуткие силуэты.

— «Запретное дерево»?.. — устало вымолвил Кирилл. — Это из него получают «пепел»? У него совсем нет листьев?

— Нет, не из него, — нервно дернул щекой Фальк. — А листва у них просто опадает в этот сезон. У него, точнее, — это ведь одно дерево... Все как на эмблеме. Пошли — буду учить обряду. Заключительному.

* * *

Заключительный обряд оказался достаточно трудоемким и прозаичным. Временами, несмотря на торжественность момента, Кирилл ощущал какое-то, близкое к омерзению, внутреннее содрогание.

Фальк по каким-то приметам, понятным только ему одному, выбирал нужный ствол, и они вместе устанавливали близ него стремянку. Затем возвращались к кару, чтобы взять очередные два-три «куля», относили их к стволам, и Кирилл забирался наверх, по пояс уходя в сплетение голых сухих ветвей кроны. Фальк подавал ему снизу «куль», а Кирилл крепил его в обозначенной желтым флюоресцирующим пятном (он так и не понял — специально поставленным или естественным) развилке.

В этих развилках, аккуратным венчиком вокруг желтого пятна, дерево загодя своеобразной розеткой выбросило из себя тонкие, робкие на вид побеги — то ли лианы, то ли щупальца, вяло обвисавшие к земле. Но оказались они прочными, словно внутри них пролегли стальные тросики. Именно этими зеленовато-серыми канатиками и надо было укреплять коконы в кроне.

Сначала Кирилл никак не мог приспособить их на поверхности коконов, но потом сообразил, для чего на «щупальцах» растут изощренной, садистской какой-то выделки крючочки, и стал смело вонзать их в серый, шероховатый пергамент «кулей». При этом, однако, его не покидало чувство совершаемого святотатства, причинения боли... Бросив взгляд на один из уже подвешенных коконов, он с ужасом понял: побеги-щупальца, не мешкая, начинали свою похоронную работу. На глазах наливаясь тугим соком, они сжимали, стискивали в своих сладострастных объятиях, вращались в воплотившие в себе самую смерть коконы... Те из них, что висели еще в бездействии, теперь тоже — медленно, с хищной неторопливостью минутной стрелки часов — начали напрягаться, образуя неподвижно-стремительный изгиб, направляющий их к этим новым, жутким плодам, появившимся по соседству с ними. И когда, влезая очередной раз по ступеням стремянки, Кирилл ощутил неожиданное прикосновение холодного, упругого «щупальца» к лицу, он невольно отшатнулся, едва не потеряв равновесие...

Фальк никак не реагировал на все это, наблюдая за новичком с горьковатой усмешкой.

— Ну вот... — облегченно вздохнул он, когда последний «куль» занял свое место в простирающейся над ними кроне. — Пройдемся немного. Сейчас они, — он кивнул в

сторону неподвижно застывшей на опушке пары наблюдателей, — поднесут нам по чарке и все: «комм нах хаузе»... Лесенку не забудь погрузить — идиотский порядок: ее бы здесь и хранить — у меня тут домишко просторный... Осторожно...

Он удержал Кирилла — тот чуть не ступил в странноватое — черное, словно выгоревшее — неправильной формы кольцо, сотканное из непонятного тлена, на палой листве под ногами. Еще несколько таких колец можно было заметить тут и там — если присмотреться. Фальк и сам отступил на шаг. Потом машинально поднял взгляд на крону над головой. Следуя за этим взглядом, Кирилл тоже запрокинул голову — посмотреть, что там — вверху. Дерево, под которым они стояли, было, судя по сделанной на стволе отметине, из тех, которые приняли свой страшноватый груз где-то с месяц назад. Теперь там — в развилках ветвей-сучьев этой части рощи — не было ни одного «куля». Вместо них из бывших «розеток», окаймленных иссохшими остатками лиан-щупалец, стремились к небу новые, молодые ветви.

— Это... — Кирилл кивнул под ноги. — Это — все, что от них остается?

Фальк бросил на него косой взгляд.

— М-да... В некотором смысле это то, что остается от них... Здесь работал еще твой предшественник... Смышленный малый. Очень.

«Господи... — подумал Кирилл. — Вот, значит, как... Вот что суждено каждому из них... Стать деревом. Его плотью... Как там — у кого-то из старых авторов — про человека, которого заживо поедает крокодил: „...живую плотью в живую же могилу уходя“...» Его замутило.

Где-то высоко — за кроной рощи — в небе перекликались Ангелы — бестолково и красиво.

— Ну и как тебе нравится здесь работать? — спросил Кирилла Фальк как-то в их третий или четвертый приезд в рощу.

Особого желания говорить об этой работе у Кирилла не было. Особенно в этом зыбком, тревожном месте. Он хмуро продолжал прилаживать тяжеленные «кули» к развилкам-розеткам, уже привычно забрасывая их через плечо, когда приходилось перетаскивать стремянку с места на место, и не обращая внимания на неподвижных и безмолвных наблюдателей. Трепетный шорох, пронизывающий рощу, неприятной дрожью проникал в него самого, не давал сосредоточиться... «Иудино дерево», — вспомнил он еще раз.

— Да так — жалко их... — пожал он плечами, разглядывая крону над головой.

Он заметил, что черешки «розеток», к которым он приторачивал привезенные в прошлые заезды «кули», уже тоже — как и лианы-щупальца — проросли в них, набухли, наполнились соками. Его передернуло.

— «Жалко»... — Фальк усмехнулся. — Ты — созреваешь... Я вижу, тебе уже не очень нужен «Калашников»?..

— Зачем на них «Калашников»? — Кирилл пожал плечами. — Им и так — конец. Уже, наверное, скоро... Я раньше все думал, почему их мало так, почти нигде нет? А теперь — все ясно... Да ведь вся эта Инферна — один сплошной хоспис... Вся их структура только на нас — наемниках и держится... На Диаспоре. На людях и сукку... Только что...

— Только — что? — чуть вопрошающим, ироничным эхом отозвался Фальк.

— Только что же это получается?.. — Кирилл, стоя на стремянке, взглянул на Фалька сверху вниз, словно удивленная птица. — Мы... Мы поддерживаем структуру Инферны. Уже мы, а не они сами! Мы — люди! Те самые люди, чью планету они превратили в колонию! В

сырьевой придаток!.. Их самих скоро вообще не станет, а машина эта будет продолжать крутиться... Работать против Земли, против людей, что остались там... Против наших же отцов, матерей, детей...

Фальк косо улыбнулся.

— Не торопись заглядывать вперед... У нас и самих не все в порядке... с совестью... Конечно, они нам — «компьюспид», так ведь и мы им...

Кирилл стиснул зубы — болезненная, давно выталкиваемая им из мозга догадка вернулась к нему.

— Ты хочешь сказать...

— Я хочу сказать — вспомни, что вез кораблик, на котором ты прибыл в этот рай? И еще — где ты видел или слышал, чтобы «пепел» производили в пределах Инферны?

— Это... — Кирилл словно поперхнулся. — Об этом здесь не говорят ничего — совсем ничего...

— Об этом ничего не говорят среди людей, мой мальчик, — почти ласково улыбнулся ему снизу — от подножия ствола — Фальк. — А вот если бы ты побольше говорил со своими пациентами... Они, знаешь, становятся весьма разговорчивы на одной из стадий... Для них это вовсе не секрет. А для Фронды — в ее нынешнем положении — считай, великое благо... Уже второе поколение людей там живет на доходы от контрабанды «пепла»... Вот так-то. Они разрушили нас, мы — их. Вот такой межцивилизационный контакт вышел...

— Подло все это... — глухо сказал Кирилл и, как-то неловко горбясь, стал спускаться с лестницы. — Но почему они не сопротивляются? Они же ведь понимают... Должны понимать...

— Понимают. Они и вправду все понимают... — Фальк горьковато усмехнулся. — И ты скоро поймешь... Теперь ты узнал почти все необходимое, чтобы понять... Точнее — увидел. Но, знаешь, говорят так: «Когда в голове нет мыслей, глаза не видят фактов»... Твой предшественник был сообразительнее... Ну, впрочем, и ты созреваешь... У тебя сейчас будет время заехать сюда не по службе, а так просто — недели через три... В сезон Ангелов. Когда точно — я тебе звякну. Только приезжай до рассвета — как на рыбалку...

Он помолчал немного.

— Вот что... Пора мне поговорить с господином федеральным следователем серьезно. На прощание. Пригласи его в рощу — вместе с собой. Устроим небольшой э-э... пикник. В честь, так сказать, вашего посвящения. Пусть захватит что-нибудь в этом смысле... И еще пусть обязательно не забудет корм для Ангелов! Большую пачку. Пусть приедет — и увидит. И ты увидишь...

Кай не забыл ни про печенье для странных птиц, ни про бутылку хорошего виски. Кирилл очень кстати вызвал его — в день отгула. Удалось предусмотреть даже барбекью и корнишоны. Они втроем (наблюдателей от Хозяев в этот раз окрест видно не было, должно быть, так и было надо) устроили костерок в расщелине между валунами у опушки рощи. Поставили на тлеющие уголья мангал, выпили по первой.

— Ну, вы, я вижу, дозрели, господин кандидат в кладбищенские зрители, — Кай кивнул Кириллу и положил себе на пластиковую тарелку пару кусков аппетитного на вид филе, — и вы, господин Посвященный, для того, чтобы просветить непосвященного.

— Дозрели. С вашей помощью, господин следователь, — с каким-то мрачным удовлетворением согласился Фальк и, проглотив содержимое второй стопки, хрустнул огурчиком. — Хотя и сами могли б умом дойти... Кладбище, говорите... Погост. Последнее воплощение... Х-хе... Куда, спрашиваете, они потом деваются? Да никуда... — Он повел рукой в сторону таинственно шепчущей рощи. — Вот этак и висят. Не иссыхают и не гниют. И птички их не трогают. Так вот и висят...

Он налил по третьей.

— Дозревают... Превращаются. Трансформируются...

Кирилл встал. Провел рукой по глазам.

— Как?! Это?.. Эти...

Фальк рассыпался беззвучным смехом.

— Это! Это самое, друг мой! Эх вы все — новенькие... Кладбище.. Посмертно перерождение... Да эти коконы — никакие не трупы! Роща и не думает ими питаться — наоборот, это она их питает... Обменивается с ними гормонами, метаболитами... Такой у них цикл... Она сезон — зеленая, запасает сахара, белки... А сезон — голая. Тогда ей коконы необходимы — иначе ни дерево цикл не закончит, ни кокон... Регуляторы роста и все такое... Кокон — они коконы и есть! Мешки для куколок... Были «черти», стали — куколочки... Ангельские куколочки!

— Ангельские? — Кирилл в ошарашенности уставился на Фалька.

— Ну конечно! Конечно и именно!!! Ангельские!!! Ты же сам не хуже меня знаешь, как строение и физиология «чертей» похожи на строение и физиологию земных насекомых! На строение и физиологию вида с полным метаморфозом! Ну там — плюс-минус лапоть... А если так, то и весь их жизненный цикл должен быть чем-то вроде того, что мы у какой-нибудь бабочки-капустницы видим. Ну так он действительно такой и есть! Ангелы — это их финальная стадия. Или — наоборот — исходная, первоначальная, если хочешь... Да ты и сам сейчас увидишь...

И Кирилл увидел — ждать пришлось недолго — как серый, сморщенный кулек кокона, тот, что висел на стволе, который высился поближе, у самой опушки, начал преображаться. Он стал сначала робко и медленно, а затем все быстрее и увереннее — расправляться, словно кто-то невидимый вдыхал в него воздух. Расправился, сделался каким-то странно асимметричным то ли плодом, то ли воздушным шариком, затрепетал на несуществующем ветру и вдруг начал выпускать, исторгать из себя нечто. Нечто, сверкнувшее в лучах рассвета радужным разворотом крыльев и точеными, изысканно прекрасными формами...

Что-то во всем этом было такое, что Кирилл и сам ощутил свое единение с

происходящим, свое в нем участие... Он сделал шаг вперед — к охваченному трепетом дереву — потом другой, третий... Волосы на затылке его зашевелились.

Ему показалось, что в нем самом и внутри всего великого кристалла мироздания грянула какая-то нечеловеческая музыка... Аккорд...

Белое, словно из призрачной, дыму или тени подобной плоти рожденное кольцо, морщась и скручиваясь, сошло с плеч явившегося миру творения и медленно, нехотя легло к подножию ствола — теперь вдруг застывшего, словно струной вытянувшегося в каком-то сладостном напряжении.

«Потом оно потемнеет, — подумал Кирилл. — Станет черным. Распадется. В него нельзя будет ступить до того...»

Он сделал еще один шаг...

— Не спугни... — глухо окликнул его Фальк.

Но и сам шагнул следом. На метр-полтора отстав от него, двинулся к роще и федеральный следователь.

А невероятно прекрасный Ангел взмахнул — чуть неумело еще — радужными крыльями, оторвался от ветки, с которой так долго был единым целым, перепорхнул — недалеко, на веточку повыше — и, нахохлившись, замер там.

— Просыхает... — уважительно пояснил Фальк и потянул обоих своих спутников за рукава. — А теперь пошли, пошли... Ходу отсюда!!!

Теперь уже вся роща трепетала, содрогалась под невидимым напором тысяч стремящихся к новой жизни существей. И уже не запредельные — на грани восприятия — аккорды неслышимой музыки — куда там! — урагану подобный хорал, призрачный и немислимо могучий одновременно, рушился на них, заполнил вселенную, возвещая приход в нее все новой и новой красоты и гармонии...

Все новые и новые Ангелы — каждый сверкнув в занимающемся рассвете — рассаживались в черно-белом, гротескном сплетении ветвей.

— Ходу!.. — продолжал подгонять спутников Фальк. — Ходу! Шашлык — в кулек, бутылки — в рюкзак, и — ходу! Теперь, Кирилл, у тебя, считай, суток трое отгула — пока вся эта канитель не закончится... О них теперь старшие позаботятся... Унесут их... На это у них, слава богу, ума хватает. А может — инстинкт...

— К-куда унесут? — Кирилл спотыкался о кочки и все оглядывался, оглядывался на то — остающееся позади...

— Да в птичники наши, будь они неладны — не успеваем строить их — куда же еще?! — с досадой отозвался Фальк, поджидая, пока замешкавшийся Кай отряхнет замаранную брючину и догонит его. — Раньше, понимаешь, пока их много было — «чертей» нормальных, не на «пепле» сидящих, — так у них они при семьях жили... Ангелы... По одному, по двое... А те, что побогаче — так целые выводки содержали... В основном — предков своих. Целую, так сказать, родословную и генеалогию в живом виде... Благо — есть они не просят, так только — балуются, гадить не гадят. Место разве что занимают, так зато э-э... услаждают душу... А сейчас, когда они через «пепел» этот в Ангелы все подались, так приходится фермы для них заводить, для бесхозных... А то их ведь ни одна зар-р-раза не берет! И перестрелять их всех к чертовой матери нельзя. Еще слишком много взрослых «чертей» на планете — не позволят. Да и накладное получится дело. Этически сомнительное к тому же... Но и в дикости их нельзя оставлять... Передохнуть они сами не передохнут — и не сомневайся! Но безобразничают страшно — игруны ведь! Проходу от них

не будет. И так уже: машину где попало не поставишь, вещей нигде без присмотра не оставишь — упрут. Просто так — поиграться. Поиграют и бросят, где-нибудь за тридевять земель. Это же детство у них. Вечное детство... Хотя, с другой стороны, если, конечно, вдуматься...

Они остановились уже на солидном расстоянии от стремительно порождающей все новых и новых обитателей роши.

— Так они разумны все-таки или нет? — раздраженно спросил вконец запыхавшийся Кирилл. — Они хоть прошлую жизнь помнят?

В небе над ними кружили, сбиваясь в стаи уже сотни бесхозных Ангелов. Не новорожденных — вполне взрослых. Тех, что еще в ночь тянуло сюда со всех уголков неба Инферны. Иные — из тех, что были, видно, любопытнее, ныряли вниз, приглядываясь к двум запыхавшимся чужакам. Некоторые — робко еще — пытались привлечь к себе их внимание.

— У них не в разуме дело, — с досадой отмахнулся Фальк. — И былую жизнь они вроде бы помнят, но не так совсем, как если бы «чертями» оставались... Так говорят... Все это им ни к чему... Существа вечные, без потребностей — только печенье трескать здоровы. А так — живут в свое удовольствие, движимые исключительно озорством и любопытством. Только множатся иногда. Для этого улетают на Острова. Редко-редко. Раз в сто лет, наверное. Это ты у ученых мужей спрашивай. Ну а яйца Ангелов вы видели. Они приносят их в себе — на Аш-Ларданар. И все это у них — только на свободе. В неволе — ни-ни. В курятнике в смысле... Так что это хорошо — что мы их по курятникам... А то редко, не редко, а когда их теперь кругом такая прорва... Ведь уже действительно почти все население планеты скоро в ангелочков перекачаем.

— Перекачаем... — повторил Кирилл. И сбился с мысли. — А яйца эти... — начал он. — Так их... Так в них...

— Так что и множатся они теперь много чаще, — мрачно продолжил Фальк. — Совокупляются там — на Островах... Это фаза развития у них такая, для, понимаешь, любви, возвышенных чувств... И кладки яиц. А яйца развиваются в новых Ангелов — если их не покупают Хозяева. А вот тогда, когда они попадают к ранарари, к «чертям», тогда они начинают развиваться по-другому... Несколько лет служат советниками семьи, руководят ее жизнью, а затем отдают последний приказ и... продолжают жизнь уже внутри ранарари.

— М-м... Они что — заглатывают его или как? — осведомился Кай.

— О, это довольно интересный обряд... Для того чтобы м-м... принять яйцо Ангела в себя, у ранарари есть физиологические механизмы... Они ничему, что мы имеем у людей и других тварей, не соответствуют. Вживление происходит понемногу, несколько недель подряд. В великой тайне, между прочим. Происходит прорастание нервной системы ранарари в этот белковый суперкомпьютер... Считается, что в этот период на ранарари, вынашивающего яйцо, снисходит неслыханная премудрость. Ну а еще через несколько месяцев яйцо рассасывается. Трансформируется в эмбрион. В один или в несколько... И на свет появляются маленькие ранарари — ящуренки... После чего все органы системы размножения отторгаются и очень быстро исчезают.

— Значит, ранарари — это... — почесал в затылке Кирилл.

— Это — личинки. «Черт» только тогда, когда в определенное состояние придет, созреет — закукливается — сам видел, как это у них происходит. Это — не болезнь, не смерть — переход между стадиями. А из кокона появляется имаго — Ангел... А уж тот

сотню-другую лет полетает-полетает, найдет себе друга или, соответственно, подругу, да яичко и отложит... А из яичка — снова молоденький «черт» вылезает, симпатичный такой ящуренок... То есть я понимаю, что они — насекомые, но и от динозавров у них что-то все же есть — согласись... Ну а мы его тут же — «пеплом», «пеплом»...

— Так «пепел»... — растерянно произнес Кирилл... — Это ведь...

— Господи, долго до тебя доходит... — устало вздохнул Фальк, извлек из рюкзака виски и стал разливать по слегка помятым при отступлении разовым стаканчикам.

Дикие Ангелы уже всю вились вокруг них.

— «Пепел» — это фактор превращения! — вразумил Кирилла Фальк. — Аналог какого-то гормона. Целого набора гормонов этих тварей. Его напоследок выдала земная наука. Совсем, правда, для других целей. Недаром тогда — в период первоначальных конфликтов, корабли Друзей, что якобы потерпели аварию, похищали и прятали... «Пепел» запускает программу превращения «черта» в Ангела. Вот так. Оттого он для них и наркотик — он же реализует, исполняет их самое заветное желание: завершить свой первый жизненный этап — тягостный и полный забот, неисполнимых желаний — и воплотиться в сущность вечную, беззаботную, полную радости и веселья. Фаза Ангела — это их рай, понимаешь? Ну вот за рай этот и опрокинем...

— Понимаю... — пробормотал Кирилл и отдышался после проглоченной стопки. — Но... Но зачем тогда «черти», вообще? Зачем их природа выдумала?

— Ишь ты какой... — Фальк придирчиво осмотрел корнишон и отправил его в рот целиком. — Природа, а точнее, Предтечи или кто-то им подобный, к твоему сведению, сначала так придумали, что Ангелы не раем были цивилизации «чертяк», а их адом и проклятием... Страшным будущим каждого из них — мотыльком-однодневкой без пищеварительного аппарата, с одними только гениталиями. Созданным только для того, чтобы совокупиться, отложить яйца и умереть голодной смертью. И каждый из них знал, что это — то неизбежное будущее, что ждет его. Так что распространены были различные способы замедлить процесс метаморфоза, как-то избежать его... Но со временем они нашли другие пути... Преодолели трагедию своего вида. Методами селекции, генетики, генетической инженерии сотворили Ангелов такими, каковы они есть. Из ада сделали рай. А мы — люди, Диаспора, пришли сюда как раз вовремя, чтобы подтолкнуть их на последний шаг... Роковой, может быть... Всех их в этот мотыльковый рай и отправить... Со взрослыми скоро покончено будет. Они, конечно, умом понимают, что это — конец их цивилизации, но, как видишь, каждый в отдельности не очень тому противится... Так что скоро одна только проблема и останется — яйца Ангелов вовремя находить, свозить в инкубаторы и молодняк «пеплом» прикармливать... Кое-кого, впрочем, планируем придерживать. В конце концов, должен же кто-то юридически быть нашим работодателем. Оправдывать существование Диаспоры...

Наступило короткое молчание. Потом Кай достал из кармана и протянул Фальку свой оберег.

— Это вам в обмен на ваши тайны. Эта штука, похоже, действительно, приносит удачу... Вам она теперь будет нужнее, чем мне.

— Знаю, — отозвался настоятель, подкинув странный орех на ладони. — Нам приходилось встречаться. Эти штуки любят находить своих прежних хозяев.

— Так получается... — Кирилл отвел взгляд от неба, остолбенело посмотрел на настоятеля. — Так получается, что мы — Диаспора — еще хуже чем... чем...

Кай промолчал, разглядывая кружение крыльев над головой.

— Хуже, лучше... — Фальк отвел глаза и рассеянно помахал совсем уж низко порхавшим Ангелам. — Чтобы судить да кручиниться, надо знать, что такое «хорошо» и что такое «плохо» — что есть Добро, а что Зло. А что есть Истина...

С неба к ним спорхнул Ангел, и Кай угостил его печеньем.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

notes

Qui prodest — Кому выгодно? (Лат.). Один из принципов ведения суда и следствия в Древнем Риме.